
ВЛАДИМИР БЕЛОУС

ВОЛЬФИЛА

2

Исследования по истории русской мысли

С Е Р И Я

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ МЫСЛИ

Под общей редакцией М.А. Колерова

ТОМ ОДИННАДЦАТЫЙ
[В ДВУХ КНИГАХ]

Москва 2005

ВЛАДИМИР БЕЛОУС

ВОЛЬФИЛА

[ПЕТРОГРАДСКАЯ ВОЛЬНАЯ
ФИЛОСОФСКАЯ АССОЦИАЦИЯ]

1919–1924

КНИГА ВТОРАЯ:
ХРОНИКА. ПОРТРЕТЫ

МОДЕСТ КОЛЕРОВ И «ТРИ КВАДРАТА»
Москва 2005

ББК 87.3 (2) 6
УДК 1(091)
Б 435

Под редакцией М. А. Колерова

В. Г. Белоус. ВОЛЬФИЛА [Петроградская Вольная Философская Ассоциация]: 1919–1924. — М.: МОДЕСТ КОЛЕРОВ и «ТРИ КВАДРАТА», 2005.— 800 с. (Серия: «Исследования по истории русской мысли», том 11, кн. 2)

ISBN 5-94607-023-1

© В. Г. Белоус, 2005
© М. А. Колеров, состав серии, 2005
© «Три квадрата», 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Книга вторая

ХРОНИКА

Петроград. 1919—1921	9
Москва. 1921—1922	193
Берлин. 1921—1922	233
Петроград—Ленинград. 1922—1924	350

ПОРТРЕТЫ

Андрей Белый	421
Иванов-Разумник	465
Конст. Эрберг	548
А.З.Штейнберг	581
Н.М.Меринг	648
А.Л.Векслер	661
Л.В.Пумпянский	703
Я.И.Гордин	720

Содержание

Г.П.Зотов	726
Поэтическая галерея	739
<i>Указатель имен к книге I</i>	775
<i>Указатель имен к книге II</i>	787

Хроника

Петроград.
1919–1921

Из общего обзора деятельности Вольной Философской Ассоциации за первые два года — с регулярными открытыми заседаниями, грандиозными планами по развитию в стране «сети» ее отделений, перспективами проведения под эгидой Ассоциации первого Всероссийского философского съезда и многим другим — складывается впечатляющая картина. Главенствовавшая на заседаниях тема кризиса современной европейской культуры вскоре перерастает в самые разнообразные конкретные вопросы функционирования науки, искусства, религии, философии, общественности в условиях трансформирующегося социума. В работе Вольфилы отчетливо просматриваются и характерные для отечественной культуры предреволюционной эпохи особенности философских собраний, и наметки новой «культуры духа», значение которых становится понятным лишь в исторической перспективе.

Руководители Вольной Философской Ассоциации не искали простых решений и не давали очевидных ответов. Они упорно ориентировались на инициативу «снизу», надеясь, что «органическое общение душ» приведет людей, посещавших открытые заседания, к потребности объединиться вокруг кружков, и в результате внутри Ассоциации образуется нечто вроде «интимного содружества» — своего

рода прообраз «коммуны мечтателей»¹. Начавшись в маленькой комнате (правда, при стечении относительно большого количества народа), Вольфила вскоре перешла в огромные залы, которые посещали по несколько тысяч слушателей. Уже к концу весны 1920 года определилась структура философского содружества: вокруг членов-учредителей — руководителей кружков — группировались члены-соревнователи; общую массу, насчитывавшую тысячу и более человек, составляли слушатели; из них в основном складывалась публика воскресных «публичных собраний», формально называвшихся «открытыми заседаниями»². Даже когда весной 1921-го руководители Вольфилы заговорили о необходимости ее реорганизации, такой поворот был продиктован не столько внутренним кризисом Ассоциации, сколько желанием освоить институционально новые формы применительно к изменяющейся общественно-политической и экономической ситуации в стране.

Все эти годы основным материальным источником существования Вольфилы была постоянная субсидия от государства, однако до определенного момента государственные инстанции почти не вмешивались в ее внутренние дела. Даже зафиксированная в уставных документах ВФА связь философских исканий с ориентацией на социалистические ценности не предполагала какой-либо унификации мнений и взглядов: как следует из содержания публикуемых ниже документов, «буква» этого параграфа никогда не оказывала давления ни на характер открытых заседаний, ни на содержание отдельных выступлений³.

¹ Ср.: «...только из братства рождается душа свободы в комму-не деревьев; из равенства голых стволов не родится свобода» (А. Белый. «Записки Мечтателей» // Записки мечтателей. 1919. № 1. С. 6).

² Там же. С. 57.

³ Этот факт дает нам основание не соглашаться с мнением, будто «подобная социалистическая направленность противопоставляла

Инициаторы содружества «вольных философов» воспринимали идею социализма достаточно широко и, главным образом, — как условие для максимально полного проявления гражданского самосознания личности. Поэтому они считали, что живой голос общественности может и должен свободно высказывать с трибуны Вольфила все, что за столетия безмолвия накопила народная мудрость.

Собранная по крупицам хроника повседневной деятельности Вольной Философской Ассоциации⁴ позволяет воссоздать тот реальный исторический контекст, в котором функционировала культура в послереволюционном обществе, а также представить подлинные масштабы работы Вольфила в интеллектуальном пространстве Петрограда, Москвы и «Русского Берлина» за все время ее существования. Безусловно, подобная хроника создает впечатление еще большей мозаичности, чем хор голосов, который был представлен в протоколах, однако без этих разрозненных фрагментов утратившая свои целостные очертания картина явно оказалась бы малопонятной и неполной.

Вольфилу другим религиозно-философским объединениям по идейным устремлениям, хотя организационно она строилась на тех же основаниях» (*Е. В. Иванова. Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 6*).

⁴ Нам пришлось ограничиться лишь наиболее характерными документами, оставляя в стороне большую часть материалов, имеющих отношение к хозяйственной или финансовой стороне деятельности Вольфила.

Протокол № 1 заседания Совета ВФА⁵

1-е заседание, 7-го ноября 1919 года.

Присутствовали: Р. В. Иванов, Б. А. Кушнер, А. З. Штейнберг, Эрберг, секретарь Вл. Бакрылов.

Слушали:

1. Считать В.Ф.А. существующей с 1-го ноября 1919 год<а>.
2. Заказать печать по кругу «Вольная Философская Ассоциация».
3. Иметь для В.Ф.А. два помещения: зал в квартире книгоиздательства «Колос» (Пр. Володарского, 21) и квартиру в доме Мурузи (Пр. Володарского, 24), где помещалась студия «Всемирной Литературы».
4. Установить размер членского взноса для действительных членов в 25 руб.

Члены-соревнователи размер членского взноса определяют на заседании своего совета.

5. Назначить 16-го ноября открытое заседание, где А. А. Блок прочтет доклад на тему «Гибель гуманизма».

Выработать к назначенному заседанию программу открыт<ия> В.Ф.А. и список лиц, которому надлежит разослать приглашения.

6. Обязать докладчиков — представлять доклады в совет не менее как в двух печатных экземплярах.

7. Предложить докладчикам и лекторам, выступающим от В.Ф.А., предварительно делать совету сообщения о характере предполагаемых докладов и лекций.

8. Тезисы докладов рассылать действительным членам при по-вестках.

9. Следующее заседание назначить 9-го ноября.

Заседание началось в 2 часа, кончилось в 5 час. 30 м.

Члены <Подписи>.

Секретарь <Подпись>.

Протокол № 2 заседания Совета ВФА⁶

9-го ноября 1919 г.

Присутствовали: Р. В. Иванов-Разумник, Б. А. Кушнер, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг и секретарь В. В. Бакрылов.

⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 1. Здесь и далее наименования документов (за исключением заголовков статей и рукописей) унифицированы или же озаглавлены нами для удобства восприятия.

⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 2.

Постановили:

1. Утвердить текст повестки на 1-е открытое заседание Ассоциации, предложенный Р. В. Ивановым-Разумником и А. З. Штейнбергом.
 2. Докладу Блока «Крушение гуманизма» предпослать вступительное слово: 1) Р. В. Иванова-Разумника об общих началах В.Ф.А.; 2) К. А. Эрберга о начале вольности в Ассоциации; 3) А. З. Штейнберга о сопоставлении «Философия и социализм» в № 6 положения об Ассоциации.
 3. Возложить на ученого секретаря А. З. Штейнберга сделать отчет об истории возникновения Ассоциации.
 4. Утвердить программу ближайших открытых воскресных заседаний в следующем порядке: Иванов-Разумник: «Эллин и скиф»; А. З. Штейнберг «Развитие и разложение в искусстве»; Б. А. Кушнер: «Культура в эпоху социалистической революции».
 5. Устроить в воскресенье 14-го декабря заседание памяти декабристов, на котором основной темой обсуждения о «преждевременном подвиге».
- Члены.
Секретарь.

Протокол № 3 заседания Совета ВФА⁷

Заседание 3-е, ноября 12-го 1919 г.

Присутствовали: Р. В. Иванов, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг, секретарь Вл. Бакрылов.

Постановили послать извещения о первом заседании В.Ф.А. в 1) Петроградский университет, 2) Всемирную литературу, 3) Книжную палату, 4) Дом писателей, 5) Институт живого слова, 6) Университет имени Латуги, 7) Наркомпрос, 8) Академию искусств, 9) Тео, 10) Институт истории искусств, 11) Университет Раб.-Кр. Армии и Флота.

Повестками известить об открытом заседании:

1. Ф. К. Сологуба —	В. О., 10 линия, д. 5, кв. 23.
2. С. П. Ремизова ⁸ —	В. О., 14 линия, д. 31, кв. 48.
3. Д. С. Мережковского —	Сергиевская, 83.
4. З. Н. Гиппиус ⁹ —	— « —

⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 3—4.

⁸ Имеются в виду супруги Ремизовы: Алексей Михайлович и Серафима Павловна Ремизова-Довгелло (1876–1943) — специалист по палеологии.

⁹ Зинаида Николаевна Гиппиус (в замуж. Мережковская; 1869–1945) — поэтесса, критик, прозаик.

5. В. В. Гиппиус —	Меловая, Тенишевское уч.
6. А. А. Мейера —	Публичная библиотека.
7. Д. В. Философова ¹⁰ —	Публичная библиотека.
8. А. Н. Римского-Корсакова —	Публичная библиотека.
9. Ф. Д. Батюшкова ¹¹ —	Рыночная, 4.
10. Е. П. Султанову ¹² —	Кирочная, 3.
11. Л. Я. Гуревич ¹³ —	Знаменская, 36, кв. 53.
12. С. А. Венгерова ¹⁴ —	Загородный, 21, кв. 56.
13. А. Г. Горнфельда —	Бассейная, 58, кв. 26.
14. А. Л. Волынского —	Моховая, 36, Всемирная литература.
15. П. П. Гайдебурова ¹⁵ —	Бассейная, 10.
16. Э. Л. Радлова —	Публичная библиотека.
17. Б. М. Эйхенбаума —	Институт живого слова.
18. Н. О. Лосского —	Кабинетная, 20.
19. И. И. Лапшина ¹⁶ —	Кирочная, 7.
20. Е. П. Иванова ¹⁷	
21. Свящ. Егоров ¹⁸ —	Тамбовская 8/10.
22. Проф. Жебелев ¹⁹ —	Университет.

¹⁰ Дмитрий Владимирович Философов (1872–1940) — публицист, литературный критик; близкий друг семьи Мережковских.

¹¹ Федор Дмитриевич Батюшков (1857–1920) — литературный и театральный критик, историк литературы; в 1919–1920 гг. принимал активное участие в деятельности издательства «Всемирная литература».

¹² Екатерина Павловна Леткова (в замуж. Султанова; 1856–1937) — прозаик, переводчица.

¹³ Любовь Яковлевна Гуревич (1866–1940) — литературный и театральный критик, прозаик, переводчица.

¹⁴ Семен Афанасьевич Венгеров (1855–1920) — историк русской литературы, библиограф.

¹⁵ Павел Павлович Гайдебуров (1877–1960) — режиссер, руководитель Передвижного театра в Петрограде.

¹⁶ Иван Иванович Лапшин (1870–1952) — философ, историк литературы и музыки, профессор Петербургского университета.

¹⁷ Евгений Павлович Иванов (1879–1942) — публицист, детский писатель, близкий друг А. Блока.

¹⁸ Ефим Александрович Егоров (1861–1935) — журналист, секретарь Религиозно-философских собраний (1901–1903), секретарь редакции журнала «Новый Путь» (1903–1904).

¹⁹ Сергей Александрович Жебелев (1867–1941) — историк античности, профессор Петербургского университета.

23. Л. П. Карсавина —	— « —
24. А. А. Блока	— « —
25. Брима ²⁰	— « —
26. Н. И. Кареева ²¹	— « —
27. А. И. Введенского ²²	— « —
28. М. Горького —	Моховая, 36, Всемирная литература.
29. М. П. Кристи —	Английская наб., д. 6.
30. З. Г. Гринберга ²³ —	Чернышев пер., Компрос.
31. Е. Пол<е>таев<а> ²⁴ .	
32. М. Ф. Андрееву ²⁵ —	Литейный, 46, Отд. театров и зрелищ.
33. П. А. Сорокина —	В. О., 8 линия, 31.
34. Ф. А. Браун<а> ²⁶ —	Петр. Университет.
35. С. Ф. Ольденбург<а> ²⁷ —	Академия наук.
36. А. С. Лурье —	Дворцовая наб., 6.
37. С. О. Жихарева —	Английская наб., 6.
38. С. В. Дмитриева	— « —
39. М. А. Сильвина ²⁸	— « —

В газеты: «Правда», «Красная» и «Известия» дать сообщение о дне I-го открытого заседания В.Ф.А.

Члены.

Секретарь.

²⁰ Вероятно, Эрвин Давидович Гримм (1870–1940) — историк; в 1911–1918 гг. ректор Петербургского университета; в 1918–1920 гг. участник Белого движения на юге России.

²¹ Николай Иванович Кареев (1850–1931) — историк, социолог, профессор Петербургского университета.

²² Александр Иванович Введенский (1856–1925) — философ, профессор Петербургского университета.

²³ Захарий Григорьевич Гринберг (1889–1949) — ответственный работник петроградского Наркомпроса.

²⁴ Евгений Алексеевич Полетаев — публицист.

²⁵ Мария Федоровна Андреева (1868–1953) — актриса, комиссар театров и зрелищ Петрограда.

²⁶ Федор Александрович Браун (1862–1942) — историк и филолог, профессор Петербургского университета.

²⁷ Сергей Федорович Ольденбург (1863–1934) — востоковед, в 1904–1929 гг. секретарь Академии Наук.

²⁸ Михаил Александрович Сильвин (1874–1955) — историк, ответственный работник Наркомпроса.

Повестка²⁹

Вольная Философская Ассоциация

Первое открытое заседание в воскресенье 16-го ноября 1919 г. в 1 ч. дня. Сообщение о задачах Ассоциации. Доклад Александра Блока: Крушение гуманизма. Прения по докладу.

Вход свободный.

На ближайшие заседания намечены доклады:

2. Иванов-Разумник. — Эллин и скиф.

3. А. З. Штейнберг. — Развитие и разложение.

4. Б. А. Кушнер. — Культура эпохи социалистической революции.

5. Памяти декабристов.

6. Александр Блок. — Романтизм.

7. К. А. Эрберг. — Религия и мистика.

8. Андрей Белый. — Глоссолалия.

Запись в члены-соревнователи Вольной Философской Ассоциации, а также все справки — у секретаря:

по вторникам — от 12 до 3-х ч. дня,

по четвергам — от 3 » 6-ти ч. веч.

по субботам — от 12 » 3-х ч. дня.

Вольная Философская Ассоциация временно помещается: пр. Володарского (б. Литейный), д. 21, кв. 14.

Извещения³⁰

— 23 нояб., в 1 ч. д., состоится второе открытое заседание вольной философской ассоциации. Будет прочтен доклад Иванова-Разумника «Эллин и скиф». Вход свободный. Вольная философская ассоциация временно помещается пр. Володарского, 21, кв. 14.

²⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 1.

³⁰ Известия Петроградского Совета. 1919. 20 ноября. № 264. С. 2. См. также: Красная газета. 20 ноября. № 266. С. 2. Повестку заседания см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 2.

К. Эрберг

Конспект прений на II открытом заседании ВФА³¹

Ив<анов>-Раз<умник>

Элл<ин>
романт<изм>
эволюц<ионность>
норма

Скиф
реализм
революц<ионность>
иннормизм
дух<овный> максимализм

Возр<ажения> Гидони (эллин-марксист)

- 1) нет связи между 1 и 2 частью
- 2) скифофильство
- 3) *не верю* соц<иальной?> революции
- 4) максимализм (духовный)

Гизетти (эллин)

ск<ифство> = низшее начало

Райков³² (натуралист – не социалист)

Штейнберг (фил<ософ>)

телеология

нрав<ственная> норма

Гольдано́вский <?>

Гурлянд<-Эльашева>

Письмо В. Чешихина в ВФА³³

Петроград. 20 XI 1919.

Здесь. Пр. Володарского (б. Литейный), № 21.

Правление «Вольной Философской Ассоциации»

Председателю Андрею Белому.

Имею честь предложить прочесть в Ассоциации лекцию «Христи-анский социализм о соединении государства и церкви» — повторение моей публичной лекции, прочитанной в Петрограде в 1917–18 гг. 7 раз и вызывавшей всегда живые и интересные прения. Могу представить подробную программу.

Всев. Чешихин³⁴.

³¹ ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 15.

³² Борис Евгеньевич Райков (1880–?) — биолог, профессор, член-соре-нователь ВФА.

³³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 133. На почтовой открытке помета рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 2».

Заявление³⁵**О вступлении в число членов**

1. Михаил
 2. Михайлович
 3. Зошенко
 4. 24 г.
 5. Студент ун<иверсите>та
 - 6.
 7. В. О. 4 лин. 3, кв. 17
 8. Обще философск<ие> <так!>
- 23/XI 19 г. М. Зошенко.

Извещения³⁶**Завтра**

— В 1 ч. дня состоится третье открытое заседание вольной философской ассоциации. Будет прочитан доклад А. З. Штейнберга «Развитие и разложение»³⁷. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

К. Эрберг

Конспект прений на III открытом заседании ВФА³⁸**Докл<ад> Штейнберга**

распад / разложение > = < развитие (эволюция)

революция

«распад есть истинный критерий развития»

«Коперник поглощает Птоломея, но Шекспир не уничтожает»

Эсхила»

³⁴ Рядом с подписью печать: «Всеволод Евграфович Чехихин, Петроград, Вас. Остр. 10 лин., № 29, кв. 4».

³⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 6. Л. 12.

³⁶ Известия Петроградского Совета. 1919. 29 ноября. № 272. С. 2. См. также: Красная газета. 29 ноября. № 272. С. 2. Повестку с указанием начала заседания в 2 часа дня см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 3.

³⁷ Полное название доклада — «Развитие и разложение в современном искусстве».

³⁸ ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 15.

творч<еская> личность
Смысл истории – самоуничтожение
для чего?

Письмо В. Чешихина в ВФА³⁹

Правлению Вольной Философской Ассоциации

1 дек<абря> 1919.

В ответ на письмо Ваше от 27 ноября с<его> г<ода> посылаю программу и тезисы своей лекции «Христианский социализм (о соединении государства и церкви)». Связного цельного текста у меня нет; читаю я по этой программе, в порядке которой у меня расположены цитаты (преимущественно из Влад. Соловьева).

Я согласен и на бесплатную, и платную лекции; в последнем случае прошу гонорара по соглашению: 5 бесплатных билетов 1-го ряда и 15 бесплатных печатных программ. Для небольшой бесплатной лекции, конечно, бесплатной программы не надо; достаточно у дверей аудитории <...> прило<жить?> листок (программа и тезисы). <...>

С совершеннейшим уважением В. Чешихин.

Извещения⁴⁰

Завтра

— В 1 ч. д. состоится 4-е открытое заседание вольной философской ассоциации. Будет прочитан доклад Б. А. Кушнера «Культура эпохи социалистической революции». Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

³⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 136–136об.

⁴⁰ Известия Петроградского Совета. 1919. 6 декабря. № 278. С. 2. См. также: Красная газета. 6 декабря. № 280. С. 2. Повестку с указанием начала заседания в 2 часа дня см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 4. В отчете Иванова-Разумника об «открытых заседаниях за четверть года» (с 16–XI–1919 по 8–II–1920) рядом с темой доклада Б. А. Кушнера отмечается: «Доклад по болезни автора не состоялся. Вместо него было общее собрание членов-сорев-

Извещения⁴¹**Завтра**

— В 1 ч. д. состоится 5-е открытое заседание вольной философской ассоциации, посвященное памяти декабристов. Речи произнесут Иванов-Разумник, П. Е. Щеголев и др. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

Хроника⁴²

— **Вольная философская ассоциация.** 21 дек. в 1 ч. д. состоится 6-е открытое заседание В.Ф.А. Будет прочтен доклад Андрея Белого «Кризис культуры»⁴³. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

Извещения⁴⁴**Завтра**

— В 2 ч. д. сост. 7 открытое заседание вольной философской ассоциации. Повестка дня: доклад Эрберга «Религия и мистика». Прения по докладу. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14.

нователей» (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 190. Л. 22). Черновой вариант этого отчета, где также имеется упоминание о несостоявшемся докладе Кушнера, см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 7.

⁴¹ Известия Петроградского Совета. 1919. 13 декабря. № 284. С. 2. См. также: Красная газета. 13 декабря. № 286. С. 2. Повестку с указанием начала заседания в 2 часа дня и без упоминания фамилий докладчиков см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 5.

⁴² Известия Петроградского Совета. 1919. 20 декабря. № 290. С. 2. См. также: Красная газета. 20 декабря. № 292. С. 3. Повестку с указанием начала заседания в 2 часа дня см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 6.

⁴³ Доклад был прочитан за отсутствовавшего Андрея Белого Ивановым-Разумником (См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 200).

⁴⁴ Известия Петроградского Совета. 1919. 27 декабря. № 296. С. 2.

Повестка⁴⁵

В воскресенье 4-го января 1920 г. в часа дня состоится 8-ое открытое заседание В.Ф.А.

Повестка дня:

Доклад А. З. Штейнберга: «Время и пространство в философии истории».

Прения по докладу.

Вход свободный.

До открытого заседания в час дня состоится общее собрание чл<енов>-сор<евнователей> для обсуждения текущих дел.

Доводится до сведения членов-соревнователей, что на общем собрании чл<енов>-сор<евнователей>, состоявшемся в четверг 25/XII—19 г. были произведены выборы Совета чл<енов>-сор<евнователей> в составе 3-х человек: П. П. Лошкарева, Э. З. Гурлянд-Эляшевой, А. Е. Кроль, а также одного представителя в Совет Ассоциации: — А. Е. Кроль.

Кроме еженедельных воскресных собраний в Ассоциации ведутся групповые занятия в следующие дни:

По вторникам от 4 до 6 ч.

Кружок А. З. Штейнберга: «Основные вопросы философии».

По средам от 6 до 8 ч.

Кружок Конст. Эрберга «Философия творчества».

По четвергам от 5 до 7 ч.

Кружок Иванова-Разумника «Вопросы философии культуры».

По пятницам от 5 до 7 ч.

Кружок А. А. Мейера «Философия религии».

Запись в кружки производится у секретаря (в дежурное время), а также по воскресеньям.

Пр. Володарского, 21, кв. 14.

⁴⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 8.

Письмо в редакцию⁴⁶

Товарищ редактор!

Не откажите поместить на страницах «Правды» следующее открытое письмо:

Член Совета Вольной Философской Ассоциации, состоящий одновременно и членом Совета Дома Искусств⁴⁷, сообщил, что на заседании Совета Дома Искусств 9 декабря 1919 г. один из членов, просивший, чтобы его имя не было оглашено, выступил с обвинением против лица, постоянно работающего в Вольной Философской Ассоциации, но не состоящего ее членом. Обвинение состояло в том, что лицо это явилось «в дни революции растратчиком казенных денег и дворцового имущества».

Выступить с этим заявлением открыто храбрый аноним из Совета Дома Искусств опасается потому, что обвиняемое им лицо является «коммунистом», а потому, мол, борьба с ним «опасна».

Так как единственным постоянным работником Вольной Философской Ассоциации, не состоящим при том ее членом, являюсь я — нижеподписавшийся, то в ответ на это пятнающее меня обвинение я предлагаю анониму не прятаться за спину Совета Д. И., а выступить открыто, чтобы я имел возможность привлечь его к суду за клевету.

Что касается страха перед опасностью выступления с обвинением против коммуниста, то, не говоря вообще о странности такого понимания вещей, могу успокоить его тем, что в партии коммунистов я не состоял и не состою.

В течение недельного срока со дня напечатания этого письма я буду ожидать на него ответа, оставив вместе с тем на это время мою работу в Вольной Философской Ассоциации.

Молчание трусливого анонима из Совета Д. И. будет мною сочтено за знак признания им ложности возведенного на меня тяжелого обвинения, что дает мне полное основание всем тем, для кого обвинитель анонимом не является, считать его клеветником.

Вл. Бакрылов.

⁴⁶ Петроградская правда. 1920. 10 января. № 6. С. 2.

⁴⁷ Вероятно, А. Блок, о чем свидетельствует его запись от 10 декабря 1919 г.: «Заседание Дома искусств... <...> — Большая неприятность — о Бакрылове» (А. Блок. Записные книжки. С. 482).

Повестка⁴⁸**Вольная Философская Ассоциация**

В воскресенье 11-го января 1920 г. в 2 часа дня состоится 9-ое открытое заседание В.Ф.А.

Повестка дня:

1. Доклад К. С. Петрова-Водкина: «О науке видеть»⁴⁹.
2. Прения по докладу.

Вход свободный.

Пр. Володарского, 21, кв. 14.

Письмо в редакцию⁵⁰

В ответ на письмо Вл. Бакрылова, помещенное в № 6 от 10-го января сего года в газете «Правда», Совет «Дома Искусств» просит заявить, что ни на одном из заседаний Совета «Дома Искусств» никогда не упоминалось имя Вл. Бакрылова, а следовательно не могло быть выдвинуто по отношению к нему какого-либо обвинения. При обсуждении вопроса о предоставлении помещения Вольной философской ассоциации на заседании 9-го декабря были возражения, почему вопрос был снят представителем Вольной философской ассоциации, причем никто из членов Совета никаких заявлений о сокрытии своего имени при обмене мнений по данному вопросу не возбуждал.

Что же касается частных бесед членов Совета «Дома Искусств» с членом Совета Вольной философской ассоциации, сообщившего Вл. Бакрылову материалы для его письма, то эти беседы не имеют отношения к Высшему Совету «Дома Искусств» и последний за таковые не может принимать на себя какой-либо ответственности.

Совет «Дома Искусств».

⁴⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 9.

⁴⁹ Конспект выступления Петрова-Водкина 11 января 1920 г., а также конспекты последующих его выступления на ту же тему см.: РГАЛИ. Ф. 2010. Оп. 1. № 102. Публикацию наиболее завершенных вариантов доклада и схем к нему см.: *К. С. Петров-Водкин. Наука видеть* / Публ., предисл. и комм. Р. М. Гутиной // Советское искусствознание. Вып. 27. — М., 1991. С. 449–471.

⁵⁰ Петроградская правда. 1920. 16 января. № 11. С. 4.

Протокол заседания Совета № 4 ВФА⁵¹

22-го января 1920 года.

Присутствовали: Р. В. Иванов, А. Е. Кроль, К. Алек. Эрберг, А. З. Штейнберг и секретарь В. В. Бакрылов.

Вопросы: 1) О помещении, 2) Ближайшие воскресники, 3) Члены-соревнователи и кружки, 4) Выборы действительных членов и председателя В.Ф.А., 5) Текущие дела.

Постановили:

I. Принять предложение Дома Искусств на следующих условиях: а) В.Ф.А. пользуется помещением в Д<оме> И<скусств>, не входя в него как секция; б) члены В.Ф.А. не подлежат баллотировке в члены Д<ома> И<скусств>; в) помещения, необходимые для В.Ф.А. — зал для воскресников средней величины, две комнаты для занятий кружков и право пользоваться большим залом для собраний с числом участников — 1000 человек и больше.

II. На 1-е февраля назначить доклад Иванова-Разумника: «Три искушения». На 8-е февраля — утро, посвященное памяти П. Л. Лаврова. Могут состояться доклады: Я. С. Гуревича⁵², Викт. Шкловского: «Искусство и жизнь», А. Л. Волынского, Э. Л. Радлова, В. В. Гиппиуса: «О Достоевском», Ф. К. Сологуба, А. Лурье, Б. А. Кушнера, А. А. Мейера, А. Н. Римского-Корсакова, Б. М. Эйхенбаума. Одно из воскресений посвятить памяти Л. Андреева⁵³. Предлагают прочесть доклады Браудо⁵⁴ и Каган⁵⁵.

III. Сообщить членам-соревнователям, интересующимся вопросами философии религии о I заседании кружка А. А. Мейера, которое состоится 30/I в пятницу; настоятельно просить Совет членов-соревнователей обсудить вопросы самоорганизации членов-соревнователей и как наладить работу намеченных кружков.

IV. Вопрос может быть разрешен, когда выяснится — приедет ли в Петербург Андрей Белый или нет. В случае отъезда Андрея Белого за границу⁵⁶ — председателем В.Ф.А. намечается Александр Блок.

⁵¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 4—4об.

⁵² Яков Самуилович Гуревич. См. его «Проект положения об Институте живого слова»: ИРЛИ. Ф. 474. № 463.

⁵³ Леонид Николаевич Андреев (1871—1919) — прозаик, драматург, публицист; скончался в Финляндии 12 сентября.

⁵⁴ Евгений Максимович (Моисеевич) Браудо (1882—1939) — музыковед.

⁵⁵ Матвей Исаевич Каган (1889—1937) — философ.

⁵⁶ В начале января 1920 г. Андрей Белый предпринимал энергичные усилия к отъезду в Швейцарию к жене. См., в частности, его письмо к М. Горь-

V. Вступить с товарищем Книжником⁵⁷ в переговоры об устройстве в Петербургском районе вечера, посвященного памяти А. И. Герцена, о его участии в работе В.Ф.А. Принять предложение Викт. Шкловского — вести занятия с членами организуемого им клуба.

Члены. А. З. Штейнберг; А. Кроль.

Секретарь. Вл. Бакрылов.

Петербург 22/1 — 20 года.

Извещения⁵⁸

Разные

— 25 янв. в 2 ч. д. состоится XI открытое заседание вольной философской ассоциации. Порядок дня: 1) Доклад Андрея Белого. 2) Прения по докладу. Вход свободный. В случае неприезда Андрея Белого из Москвы⁵⁹ вместо открытого заседания состоится *общее собрание членов-соревнователей В.Ф.А.* по организационным вопросам, пр. Володарского, 21, кв. 14.

Извещения⁶⁰

Завтра

— В 2 ч. д. состоится XII открытое заседание вольной философской ассоциации. Порядок дня: 1) Доклад Иванова-Разумника «Три искушения» (Христианство и социализм). 2) Прения по докладу. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14. Тел. 83–82.

кому от 4 января и ответное письмо Горького от 5 января с дополнительной запиской: «Свидетельствую, что известнейший литератор русский Андрей Белый к политике никакого отношения не имеет и членом какой-либо политической партии не состоит. Верю, что Финляндское правительство не воспрепятствует проезду Андрея Белого через Финляндию в Швейцарию. М. Горький. Петроград. 13. I. 1920» (Цит. по изд.: А. Крюкова. М. Горький и Андрей Белый. С. 296). Отъезд за рубеж не состоялся.

⁵⁷ Иван Сергеевич Книжник-Ветров (наст имя и фам. Израиль Соломонович Бланк; 1878–1965) — историк, библиограф, книговед.

⁵⁸ Известия Петроградского Совета. 1920. 24 января. № 16. С. 2.

⁵⁹ К указанному дню Андрей Белый в Петроград не приехал.

⁶⁰ Известия Петроградского Совета. 1920. 31 января. № 22. С. 2. Объявление о докладе рукой Иванова-Разумника с указанием адреса Дома Искусств

Гонорарная ведомость⁶¹

Копия

Вольная Философская Ассоциация

Ведомость на уплату гонорара за доклады

о А. И. Герцене и П. Л. Лаврове

В январе и феврале 1920 г.

Председатель *Борис Бугаев*Секретарь *Вл. Бакрылов*

№	Фамилия. Имя и отчество	Число докладов	Плата за доклад	Причитается к выдаче	Расписка
1.	Васильев Александр Васильевич	1	500	500.—	
2.	Венгеров Семен Афанасьевич	2	500	1000.—	
3.	Витязев Петр	1	500	500.—	
4.	Гизетти Александр Алексеевич	2	500	1000.—	
5.	Сорокин Питирим Александрович	1	500	500.—	

Итого Р<у>бл<ей> 3.500.—

Итого к выдаче три тысячи пятьсот рублей

Председатель

Секретарь

как места проведения заседания: «Мойка, д. 59 (угол б. Невского пр.)» см.:
ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 10.

⁶¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 16. Л. 12–13.

Извещения⁶²**Завтра**

— XIV открытое заседание вольной философской ассоциации. Повесть дня: 1. Доклад Б. Е. Райкова «Русские эволюционисты до Дарвина». 2. Прения по докладу. Начало в 2 ч. Вход свободный. Пр. Володарского, 21, кв. 14. Тел. 83–82.

Письмо В. Чехихина в ВФА⁶³

18 фев<раля> 1920.

Мног<оуважаемый> А<арон> З<ахарович>! — В письме от 12 декабря 1919 г. Вы сообщили, что В.Ф.А. принимает мое предложение прочитать лекцию «Христианский социализм и *теократия* (о соединении государства и церкви)», — дополняю заголовок подчеркнутым словом, — и что В.Ф.А. сговорится со мною о дне и условиях, когда больше сорганизуется. Ну что, теперь В.Ф.А. сорганизовалась? С почтением, В. Чехихин.

Извещения⁶⁴**Разные**

В воскресенье, 22 февраля, в 2 ч. дня состоится XV открытое заседание Вольной философской ассоциации (Дом Искусств, Мойка, 59). Порядок дня: 1) Доклад А. А. Мейера «Гуманизм или христианство». 2) Прения по докладу. Вход свободный.

⁶² Известия Петроградского Совета. 1920. 14 февраля. № 34. С. 2. Аналогичное сообщение в рубрике «Извещения. Разные» опубликовала «Петроградская правда» (1920. 15 февраля. № 35. С. 4). Повестку заседания см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 24.

⁶³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 139.

⁶⁴ Петроградская правда. 1920. 21 февраля. № 40. С. 2. Афишу заседания «Гуманизм или христианство?» см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 4.

Записка Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу⁶⁵22/II <1920⁶⁶>

У нас нет ничего на следующее Воскресенье. Не устроить ли чтение социально-философской комедии Аристофана «Богатство»? Я как раз поставил последнюю точку на своем переводе «размером подлинника»⁶⁷. Обмен мнений мог бы быть интересным.

А если не это, то тогда — проф. Васильев о Демокрите?⁶⁸

Самое бы лучшее — Эрберг «Искусство — бунт»⁶⁹.

⁶⁵ ИРЛИ. Ф. 474. № 145. Л. 32—32об.

⁶⁶ Год написания записки (позднее ошибочно атрибутированный Эрбергом как 1922-ой) устанавливается по ее содержанию.

⁶⁷ Отдельной книгой комедия была опубликована в издательстве «Колос» (Л., 1924) с указанием: «Перев. размером подлинника Вл. Холмского». Псевдонимом Вл. Холмский Иванов-Разумник впервые воспользовался в 1916—1917 гг., подписывая им свои очерки в «Русских Ведомостях». Ср. также с заметкой «„Богатство“ Аристофана»: «Р. В. Иванов-Разумник ознакомил сотрудников Гос. Передвижного Театра с комедией Аристофана „Богатство“. Пьеса переведена В. В. Холмским с наивозможным приближением к греческому оригиналу, что в своей чрезмерной точности, по мнению проф. Ф. Ф. Зелинского, составляет единственный недостаток перевода; сделан он в ямбах (с влетающимися анапестом). Пьеса представляет большой литературный интерес; в отношении же сценического ее воспроизведения возникают значительные трудности в связи с необходимостью оправдать не комические положения (каковым в пьесе нет), а лишь юмор, заложенный в словесном диалоге (а не в действии)» (Записки Передвижного Театра. 1923. 20 ноября. № 65. С. 8).

⁶⁸ Доклад не состоялся. Атомизму Демокрита посвящен один из разделов книги А. В. Васильева «Пространство, время, движение. Историческое введение в общую теорию относительности» (Берлин, 1922). Ср.: «...и атомы Демокрита являются <...> «материализацией» чисел. <...> Демокрит, как это видно из недавно открытого в Константинополе сочинения Архимеда «Эфодикон», первый открыл теоремы, относящиеся к объему конуса и пирамиды, и если мы сопоставим это известие с единственною дошедшею до нас из математических сочинений Демокрита фразою, то несомненно должны придти к заключению, что именно Демокрит должен считаться изобретателем того метода неделимых, которым после него пользовался Евдокс Книдский и Архимед и который снова был открыт уже только в XVII веке итальянскими геометрами <...>, т. е. почти через двадцать одно столетие после Демокрита» (С. 12—13); «...для выдающегося математика Демокрита атомы были несомненно ответом на те вопросы о делимости и неделимости, прерывности и непрерывности, которые были подняты в Пифагорейской школе открытием иррационального числа» (С. 131).

⁶⁹ Доклад был прочитан 6 июня 1920 г. на XXIX открытом заседании ВФА.

Хорошо бы сегодня это решить и объявить в конце заседания — о заседании ближайшем.

Повестка⁷⁰

Вольная Философская Ассоциация

В воскресенье 29-го февраля 1920 г. состоится XVI-е открытое заседание.

Порядок дня:

1. Доклад Иванова-Разумника: «Скиф в Европе»⁷¹.

2. Прения по докладу.

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

«Дом искусств», Мойка, 59 (Угол б. Невского).

Производится запись на два курса Андрея Белого:

1. Философия духовной культуры.

2. Культура духа.

Запись производится у секретаря: по вторникам и субботам от 12 до 3 и по четвергам от 3 до 6.

⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 1. Извещение о заседании было опубликовано «Петроградской правдой» (1920. 29 февраля. № 47. С. 4); накануне «Известия Петроградского Совета» (1920. 28 февраля. № 46. С. 2) в рубрике «Известия. Культурно-просветительные» дали более общую информацию: «29 февр. в 2 ч. д. состоится XVI открытое заседание вольной философской ассоциации. Вход свободный».

⁷¹ Очевидно, Иванов-Разумник выступил с изложением своей статьи «Человек и культура (Дорожные мысли и впечатления)», опубликованной в «Заветах» (1912. № 6. Отд. II. С. 46–68) под псевдонимом «Скиф». Ее текст, написанный в Берлине в июне 1912 г. и озаглавленный «Скиф в Европе», сохранился в архиве Иванова-Разумника в виде наборной машинописи с незначительной авторской правкой (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 123). Основной пафос выступления Иванова-Разумника заключался в отрицании продуктов европейской цивилизации: «...когда-нибудь в веке пятидесятом, наши далекие потомки, которые произведут раскопки в развалинах Берлина или любого такого же города и восстановят историю нашей современной культуры, когда-нибудь они с сожалением будут говорить о глубокой ненормальности такой городской жизни двадцатого века... <...> И я не знаю лучшего способа вновь и вновь убедиться в том, что строй подобной жизни неизбежно будет разрушен, как такое знакомство, хотя бы налету, с жизнью большого промышленного и «культурного» города. Будет разрушен — стало быть, есть к чему стре-

Протокол № 5 соединенного заседания Совета ВФА и Совета членов-соревнователей⁷²

7 марта 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, Иванов-Разумник, А. Е. Кроль, П. П. Лошкарев, К. С. Петров-Водкин, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и секретарь В. В. Бакрылов.

Вопросы:

1. Выбор действительных членов.

Постановления:

<1.> В число действительных членов избираются:

1. Васильев А. В. — Петроград<ский> ун<иверситет>. Химический институт.
2. А. Л. Волынский — Мойка, 59, «Дом Искусств».
3. П. П. Гайдебуров — Бассейная, 11.
4. В. В. Гиппиус — Моховая, 33, Тенишевское учил<ище>.
- <5. Н. О. Лосский — Кабинетская, 20 — зчркн.>
6. А. С. Лурье — Фонтанка, 18.
7. М. В. Матюшин⁷³ — Песочная, 10, кв. 2.
8. А. А. Мейер — Публичная библиот<ека>.
- <9. Павлов⁷⁴ — зчркн.>
10. Н. Н. Пунин — пл. Лассаля, Рус<ский> м<узей>.
11. Э. Л. Радлов — Публичная библиот<ека>.

2. Отчет о деятельности Ассоциации.

2. Проект отчета, прочитанного А. З. Штейнбергом, утверждается. Отчет поместить в органах печати:
«Наука и ее работники».

миться, за что бороться, радоваться и страдать, ибо *delenda est Carthago*, ибо, разрушая его, мы одновременно строим лучшее будущее для наших правнуков пятидесятого века» (Л. 21). ...*delenda est Carthago* — Карфаген надо разрушить (*лат.*).

⁷² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 6—6об.

⁷³ Михаил Васильевич Матюшин (1861—1934) — художник.

⁷⁴ О намерении руководства Вольфины вовлечь в ее работу академика, физиолога Ивана Петровича Павлова (1849—1936) см.: А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 92—93.

«Вестник литературы».

«Труды и дни».

«Жизнь искусства».

3. План дальнейших работ Ассоциации.

3. На ближайшие 2 недели утверждается: Курс лекций Андрея Белого: «Культура мысли».

На воскресенье 14-го марта 1920 г. доклад Андрея Белого «Лев Толстой и культура».

На воскресенье 21-го марта 19 открытое заседание, посвященное беседе о пролетарской культуре. К участию в беседе привлечь: Андрея Белого, Александра Блока, П. П. Гайдебурова, Максима Горького, Иванова-Разумника, Артура Лурье, А. А. Мейера, К. С. Петрова-Водкина, Н. Н. Пунина, А. З. Штейнберга, Конст. Эрберга и всех желающих.

4. Доклады С. С. Гарта⁷⁵ и Ф. Парчевского.

4. Предоставленные С. С. Гартом и Ф. Парчевским тезисы, передать на рассмотрение ученому секретарю.

Председатель.

Члены

Секретарь — Вл. Бакрылов.

Афиша⁷⁶

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 14 Марта 1920 года

Состоится XVIII открытое заседание:

Андрей Белый. Лев Толстой и культура.

Начало в 2 часа дня

Вход свободный.

«Дом Искусств», Мойка, 59, уг. б. Невского.

⁷⁵ Самуил Соломонович Гарт (наст. фам. Зусман; 1880 — не ранее 1937) — публицист, издатель, сотрудник Публичной библиотеки.

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 5.

Продолжается запись на курс лекций **Андрея Белого Культура мысли**.
Лекции по Вторникам, Четвергам и Субботам от 5 до 7 часов вечера
в помещении Вольной Философской Ассоциации
пр. Володарского д. 21, кв. 14.

Прием у Секретаря по Вторникам и Субботам, от 12 до 3
и по Четвергам от 3 до 6 ч.

Список действительных членов ВФА⁷⁷

№№ по пор.	Фамилия, имя, отчество.	Адрес.
учр. 1.	АВРААМОВ.	
учр. 2.	БУГАЕВ (Андрей Белый) Борис Николаевич.	Пл. Урицкого, 6.
учр. 2.	БЛОК Александр Александрович.	Офицерская, 57, кв. 21.
3.	ВАСИЛЬЕВ Александр Васильевич.	Петр<оградский> Унив<ерси- тет>, Химический Инст<итут>.
4.	ВОЛЫНСКИЙ А. Л.	Мойки, 59, Дом Искусств.
5.	ГАЙДЕБУРОВ П. П.	Бассейная, 11.
6.	ГИППИУС Владимир Васильевич.	Моховая, 33. Тениш<евское> учил<ище>.
учр. 7.	КУШНЕР Борис Анисимович.	Чернышев пр., 12, кв. 31.
учр. 8.	ИВАНОВ Разумник Васильевич.	Чернышев пр., 20, кв. 50.
9.	ЛОССКИЙ Николай Онуфриевич.	Кабинетская, 20.

⁷⁷ ИРЛИ. Ф. 474. № 567. Л. 1. Машинописный список с правкой рукой Конст. Эрберга был составлен в начале марта, а затем, в конце марта — начале апреля 1920 г., завизирован председателем Вольфилы (с конца марта Андрей Белый проживал в Петрограде по адресу, отмеченному в списке). Фамилии Авраамова и Шестова вписаны позже, как и пометы «учр<едитель>», а фамилии Блока и Лосского зачеркнуты, также, вероятно, позднее; соответственно этим исправлениям была изменена и первоначальная нумерация. Кроме того, фамилия Радлова, допечатанная на той же строке, что и фамилия Петрова-Водкина, фигурирует как в списке действительных членов, так и в списке членов-соревнователей.

- учр. 9. ЛУНДБЕРГ Евгений
Германович.
10. ЛУРЬЕ Артур Сергеевич. Фонтанка, 13.
11. МАТЮШИН Михаил Песочная, 10, кв. 12.
Васильевич.
12. МЕЙЕР Александр Публичная библиотека.
Александрович.
- учр. 13. МЕЙЕРХОЛЬД 6 рота, 3, кв. 5.
Всеволод Эмильевич.
- учр. 14. ПУНИН Николай
Николаевич.
- учр. 15. ПЕТРОВ-ВОДКИН Пл. Лассаля, Русский музей.
Козьма Сергеевич⁷⁸.
16. РАДЛОВ Эрнест В. О., 18-я линия, 9, кв. 22.
Львович.
- учр. 17. СЮННЕРБЕРГ Забайкальский, 40, кв. 26.
(ЭРБЕРГ) Константин
Александрович.
- учр. 18. ШТЕЙНБЕРГ Аарон В. О., 8-я линия, 41, кв. 44.
Захарович.
- учр. 19. ШЕСТОВ

12⁷⁹

Председатель Борис Бугаев
Секретарь Вл. Бакрылов

⁷⁸ Удостоверение, выданное К. С. Петрову-Водкину за подписью председателя ВФА Андрея Белого и секретаря Вл. Бакрылова, «о том, что он состоит членом Совета Вольной Философской Ассоциации», см.: РГАЛИ. Ф. 2010. Оп. 1. № 8. Л. 7.

⁷⁹ Приписанное позже суммарное число учредителей намеренно отражает желание руководителей Вольфилы соответствовать блоковским «Двенадцати».

Список членoв-сoрeвнoватeлeй ВФА⁸⁰

№№ по пор.	Фамилия, имя, oтчество.	Адрес.	Род занятий
1.	БЕНДЕРСКИЙ Григорий Александрович.	Литейный, 57, кв. 16.	Кооператор.
2.	ЦВИЛИН Яков Борисович.	Фонтанка, 54, кв. 164.	
3.	ГАЦКЕВИЧ Зоя Александровна.	Захарьевская, 9, кв. 9.	Студент I Петр<о- градского> Ун<иверситета>.
4.	МУДРОЛЮБОВ Петр Васильевич.	Офицерская, 5, кв. 25.	Служащий Желез- кома Сев.-Зап. ж. д.
5.	РАЙКОВ Борис Евгеньевич.	Коломенская, 13.	Профессор 3-го Ун<иверситета>.
6.	РОТТЕР Сергей Федорович.	Фурштадская, 1.	Служащий в зе- мельн<ом> отделе.
7.	СЛОВАК Эсфирь Давидовна.	Бронницкая, 7, кв. 7.	Инструктор Дошк<ольного> Восп<итания>
8.	ПОТУЛОВ Василий Николаевич	Шпалерная, 24, кв. 1.	Учащийся.

⁸⁰ ИРЛИ. Ф. 474. № 567. Л. 2—3. Сохранился еще один список членoв-сoрeвнoватeлeй ВФА из 134 человек, без указания их профессий и адресов, предположительно относящийся ко второй половине 1920 г. и подписанный за председателя ВФА — К. Эрбергом и секретарем Вл. Бакрыловым (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 15. Л. 3—4). Первоначально он повторяет более ранний список (за исключением фамилий Гизетти, Гурлянд-Эльяшевой, Радлова, Попова, Векслер, Цинберг и Цейтлин); кроме того, здесь названы следующие лица: Сквозников Семен Григорьевич, Оттенс Вера Артуровна, Гаврилов Александр Ефимович, Смирнова Ольга Евгеньевна, Кууль София Михайловна, Ярошевский Борис Григорьевич, Васильев Николай Георгиевич, Масвская Эльза Борисовна, Ярышна Александра Николаевна, Чернявский Владимир Степанович, Гребнев Владимир Владимирович, Тимонов Георгий Николаевич, Сеславинская <так!>, Иванова Татьяна Александровна, Курдиновский Борис Евгеньевич, Иванов Георгий Михайлович, Головина Мария Евгеньевна, Знаменский Александр Павлович, Макачук Иван Павлович, Змеев Георгий Яковлевич, Книпович Евгения Федоровна, Мейснер Борис

9. ГИЗЕТТИ
Александр
Алексеевич	Английский просп.,
31, кв. 19.	Литератор.
10. ТИМОФЕЕВСКИЙ
Тимофей
Павлович	Советский просп.,
63, кв. 2.	Учащийся.
11. АНДЕРСОН
Евгений
Николаевич	Екатерининская ул.,
3, кв. 46.	Врач.
12. СОРОКИН
Григорий
Эммануилович ⁸¹	Каменноостровский,
66.	Студент гуман<и-
тарного> факул<ь-
тета>.
13. ЛУПУЛ
Павел Николаевич	Конная, 19, кв. 8.	Железнодорожник.
14. МЕДЕННИКОВ
Дмитрий	Литейный, 31, кв. 55.	Служитель Артил-
<лерийской> Ака-
д<емии>.
15. Матвеевич
КАРАНДАШОВ
Петр Викторович	Пушкинская, 10,
кв. 35.	Бухгалтер.
16. ПОРОШИН
Зотек
Афанасьевич	Литейный, 31, кв. 55.	Служитель Ар-
тил<лерийской>
Акад<емии>.

Александрович, Арайс Мильда Мартыновна, Мухин Алексей Николаевич, Янковская Надежда Платоновна, Бенедиктова Александра Геннадиевна, Герарди Нина Иосифовна, Герарди Ирина Борисовна, Виссель Екатерина Юс-тусовна, Назаров Павел Васильевич, Бенедиктова Екатерина Геннадиевна, Арбенина Ольга Николаевна, Сумбулов Сергей Михайлович, Новотенова Екатерина Родионовна, Янковская Варвара Платоновна, Хординайнен Алек-сандр Матвеевич, Каплун Софья Гитмановна, Мейер Лидия Александровна, Гизе Эрнест Августович, Фрог Елизавета Михайловна, Абш Юлиана Петров-на, Горлов Василий Евдокимович, Штоль Евгений Юльевич, Коялович Ни-колай Михайлович, Финкельштейн Александр Николаевич, Штигельглаз Александр Наумович, Чеснокова Анна Тимофеевна, Шубина Вера Алексеев-на, Фрейгина Надежда Давыдовна, Егорова Наталья Федоровна, Андреева Глафира Андреевна, Тихонова Анастасия Павловна, Гурвич Исаак Михайло-вич, Лурье София Абрамовна, Гиринский Леонид Иванович, Рогаль Анаста-сия Николаевна, Росс Кари Юрьевич, Рапопорт Максис Юльевич, Йогансон Эдуард Петрович, Пушкина Мария Дмитриевна, Иванов Лев Разумникович.

⁸¹ Член-соревнователь ВФА Григорий Эммануилович Сорокин (1898—1953), впоследствии прозаик.

17. СЛИОЗБЕРГ
Сарра Генриховна		
18. СМОРОДИН
Александр
Антонович		
19. БОБРИК
Александр
Александрович	Литейный, 19, кв. 13.	Преподаватель.
20. ЖЕРЕБЦОВ
Александр
Аполлонович	М.-Московская, 2,
кв. 18.	Служитель Арт<ил-
лерийской>
Акад<емии>.
21. ЗОЩЕНКО
Михаил
Михайлович	В. О., 4-я линия, 3,
кв. 17.	Студент Ун<ивер-
сите>та.
22. ГРУЗДЕВ
Илья
Александрович	Невский, 69, кв. 6.	
23. ШАРИКОВ
Иван Киприанович	22 рота, д. 6, кв. 8.	Техник-строитель.
24. ЦВЕТКОВ
Иван Львович	Университетская
наб., 11, комн. 17.	Педагог.
25. РУСИН
Петр Иванович	Гагаринская, 26,
кв. 20.	Красноармеец.
26. ГУРЛЯНД-
ЭЛЬЯШЕВА
Эсфирь Захаровна	В. О., 8 линия, 48,
кв. 44.	Преподаватель
В.У.З.
27. ФЛЕККЕЛЬ-
ГИЗЕТТИ
Елена Осиповна	Английский пр., 31,
кв. 19.	Лектор и библио-
граф.
28. ПАВИЛЬ
Онисим
Семенович	Николаевская, 30,
кв. 10.	Мобилизован.
29. ФЛОРОВСКИЙ
Михаил
Николаевич	Лиговка, 21-а, кв. 7.	
30. ЧУДНОВСКАЯ
Фанни Яковлевна	Суворовский, 40-б,
кв. 7.	Статистик.
31. ХАРМАЯ
Анна Борисовна	Преображенская, 32,
кв. 7.	Государственная
служба.
32. КРОЛЬ
Александра
Ефимовна	Б.-Охтинский пр.,
53, кв. 8.	Студент.

33. ШКЛОВСКАЯ Бассейная, 60, кв. 15.
Наталья
Александровна
34. ЛАРОШ Лиговка, 9, кв. 13 Работник Тео.
Анастасия
Германовна
35. ЭЙЧЕР Пантелеймонов- Лектор и библиог-
Юлия Яковлевна <ская>, 7, кв. 19. раф.
36. ВАЛЬКОВ 2-я Рождественская, Врач-психиатр.
Александр 27, кв. 11.
37. ЛОШКАРЕВ В. О., Кадетская Научн<ый> со-
Петр Петрович лин<ия>, 3, кв. 25. трудник.
38. ЕРОФЕЕВ Литейный, 24, кв. 21. Литератор.
Владимир
Владимирович
39. ГРИНБЕРГ Пушкинская, 11, Зубной врач.
Моисей кв. 44.
40. КОРД Фурштадская, 64, кв. Инвалид.
Александр 10.
41. РАДЛОВ В. О., 1-я линия, 40, Профессор.
Эрнест Львович кв. 4.
42. ЛАРИОНОВ Фонтанка, 36.
Федосий
Тимофеевич
43. АЛАПИН Басков пер, 19, кв. 6. Студент.
Евгений
Яковлевич
44. ВЕРДИ Ст.-Парголово- Учитель.
Лев Георгиевич 536.
45. ОРЛОВ Каменноостровский, Студент.
Виктор Алексеевич 20, кв. 7.
46. БОСАЦКИЙ Садовая, 26. Курсант.
Алексей Никитич
47. ПОЛОНСКАЯ Загородный, 12, Врач.
Елизавета кв. 6.
Григорьевна
48. ХАБУКОВ П. С., М.-Разночин- Учитель.
Николай ная, д. 1-34, кв. 14.
Алексеевич

49. МОВШЕНСОН
Александр
Григорьевич	Загородный, 12,
кв. 6.	Библиотечка от-
дела Компроса.
50. ПОПОВ		
51. ВЕКСЛЕР
Александра
Лазаревна	Загородный, 30,
кв. 11.	Инструктор Н. У.
52. БИРКИНА
Наталья Львовна	Кирочная, 32, кв. 13.	Преподавательница.
53. ЛИСЕНКО
Евгений
Григорьевич	Английский пр., 29,
кв. 9.	Ассистент Эрми-
т ^а жа.
54. ЛЮБЛИНСКИЙ
Борис Ионович	Стремянная, 3, кв. 5.	Служит.
55. УХАНОВА
Анна Васильевна	Суворовский, 23,
кв. 4.	Художница.
56. ВТОРОВ
Сергей Иванович	Преображенская,
42/26, кв. 60.	Счетовод.
57. МОТРЕНИНСКАЯ
Вера Михайловна	Фурштадская, 12/4,
кв. 20.	Руководитель
детского сада.
58. МОТРЕНИНСКАЯ
Серафима
Дементьевна		
59. НОВИКОВА
Берта
Владимировна	Шпалерная, 50, кв. 9.	Педагог.
60. КИПИАНИ
Георгий Николаевич	Невский, 35/12,
кв. 22.	Студент.
61. ЕРМАКОВ
Клесиофий
Ефремович	В. О., 27 линия, 10а,
кв. 10.	Слесарь.
62. МАВШИН
Дмитрий
Игнатьевич	В. О., Большой пр.,
56, кв. 46.	Счетовод.
63. СЫЩИКОВ
Сергей Васильевич	Дмитров, 7, кв. 19.	Член Ветеранского
Общества.
64. КОРСАКОВ
Михаил
Михайлович	Саперный, 16, кв. 1.	Студент.
65. РЕХОВСКИЙ
Анатолий
Михайлович	Спасская, 20, кв. 17.	Артист Б. О. Т.

66. ЗНАМЕНСКИЙ
Александр
Павлович	Бассейная, 40, кв. 2.	Студент.
67. ЦИНБЕРГ
С<емен>
Л<азаревич>	Усачев пр., 6, кв. 6.	
68. ЦЕЙТЛИН
Надежда Львовна	Усачев пр., 6, кв. 9.	
69. МОСЯГИН
Сергей Павлович	Екатерининский
канал, 65, кв. 2	Статистик.
70. КОВАЛЕВСКАЯ
Екатерина
Владиславовна	Кирочная, 30, кв. 17.	Которщица.
71. ПУАЧНИКОВ
Дмитрий
Петрович	Ул. Марата, 28, кв. 6.	На военной службе.
72. ГУЛЛИВЕР
Варвара
Михайловна		Студент.
73. ВЕТРОВА-
КНИЖНИК
Вера Исаевна		Врач.
74. ЛЕЙКИНА
Вера Романовна	Лесной пр., 5/6,
кв. 29.	Сотрудник Музея
Революции.
75. ГАВРИЛИ
Георгий
Антонович	Кирочная, 48, кв. 13.	Студент.
76. ОСИПОВ
Дмитрий
Лаврентьевич		
77. УСПЕНСКИЙ
Алексей
Александрович	Коломенская, 30,
кв. 6.	Художник.
78. ДМИТРЕНКО
Нина Викторовна	М. Посадская, 10,
кв. 4.	Учащаяся.
79. ГОЛЕТЕТСКАЯ
Юдифь
Григорьевна	Невский, 34, кв. 3.	

Председатель	Борис Бугаев
Секретарь	Вл. Бакрылов

<А. З. Штейнберг>

Вольная Философская Ассоциация⁸²

Возникшее в Петербурге, в начале прошлого года, новое философское общество отличается от обычного типа философских обществ, прежде всего, тем, что философию оно не отделяет от живой, конкретной общечеловеческой общественности, и общественность эту мыслит не иначе, как в свете всепроникающего творческого начала беспредельной вольности. В этом, именно, смысле устав Ассоциации говорит об осуществлении ее задач в духе философии и социализма, которые понимаются во всем многообразии их возможных углублений, так в самом ее названии неразрывно соединены начала свободного и соборного стремлений к истинности.

Философия не есть специальная наука, одна из многих, хотя бы и первая среди равных — такова отрицательная сторона положительных определений Вольной Философской Ассоциации.

Новая Ассоциация ставит себе задачи неизмеримой важности и столь же неизмеримой широты: реформирование жизни через реформу понимания общественных прав и человеческих обязанностей философии и реформирование философии путем включения в систему ее насущнейших проблем задачи непосредственного воздействия на живую историческую жизнь. Другими словами, философия должна быть тенденциозна, т. е. напряженно стремительна и жизненно действенна.

Отсюда стремление Вольной Философской Ассоциации объединить не столько знатоков и ценителей философской словесности и буквенности, сколько людей живых и глубоких интересов, все равно, теоретики ли они, или практики, ученые или художники, ученики или учителя. Отсюда же стремление Ассоциации к наибольшей свободе от всяких обычных и внешних форм проявления корпоративного уклада: Философская Ассоциация не была бы Вольной, если бы не смотрела на все внешние организационные формы, как на неизбежное зло.

Основной темой большинства открытых заседаний, соответственно общему духу Ассоциации, является проблема переживаемого кризиса культуры. Этой именно теме были посвящены доклады Александра Блока, Р. В. Иванова-Разумника, А. А. Мейера, Андрея Белого и др.

Вместе с тем Ассоциация пользовалась юбилейными днями и памяtnыми годовщинами, чтобы связать свою работу с сохранившим свою ценность наследием былого. Таково собрание 14-го декабря,

⁸² Отчет печатается по изд.: Наука и ее работники. 1920. № 1. С. 26—27.

посвященное памяти декабристов, основной темой которого являлась проблема «ненужного подвига», и два больших собрания памяти Герцена и Лаврова.

Наряду с этим были заслушаны более специальные доклады, как, например, доклад Б. Е. Райкова: «Русские эволюционисты до Дарвина» и доклад К. А. Эрберга: «Религия и мистика».

Афиша⁸³

Вольная Философская Ассоциация

**В Воскресенье, 28 Марта 1920 г.,
Состоится XX открытое заседание:**

Н. О. Лосский. Бог в системе органического миропонимания.

Начало в 2 часа дня

Вход свободный.

«Дом Искусств», Мойка, 59, уг. б. Невского.

Н. О. Лосский

Из книги «Воспоминания. Жизнь и философский путь»⁸⁴

Приблизительно в 1919 г. Андрей Белый позвонил мне по телефону⁸⁵ и предложил прочитать публичную лекцию в основанной им Вольной Философской Академии, которая сокращенно называлась Вольфила. Условлено было, что я прочитаю лекцию на тему «Бог в системе органического миропонимания»⁸⁶. По всему Петербургу были расклеены объявления о ней. Она состоялась у «обдисков»; так назывались «обитатели дома искусства». Это был громадный дом, отнятый, кажется, у Елисева и предоставленный деятелям искусства. Большой зал был полон народа. В первых рядах сидели интеллигенты, жаждавшие услы-

⁸³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 6.

⁸⁴ Н. О. Лосский. Воспоминания. Жизнь и философский путь. — München, 1968. С. 216–217.

⁸⁵ Обращение Андрея Белого к Н. О. Лосскому могло состояться не ранее середины марта 1920 г.

⁸⁶ Основные принципы «органического миропонимания» подробно изложены Лосским в работе «Мир как органическое целое» (1915), в пятой главе которой содержатся рассуждения о природе Абсолютного. См.: Н. О. Лосский. Избранное. — М., 1991. С. 382–397.

шать лекцию против атеизма; у выхода из зала стояли матросы и красноармейцы, пришедшие поздно и не нашедшие уже свободных стульев. После лекции состоялись прения. Андрей Белый расхвалил мою лекцию, сказав, что он со мною вполне согласен и начал излагать, в чем состоит это согласие. Он преподнес свое понимание Бога, конечно, в духе пантеизма, следовательно, глубоко искажая смысл моей лекции. После него говорил доктор медицины Шапиро. «Профессор Лосский», сказал он, «излагал туманные мистические учения о Боге. К чему все это? Вопрос решается очень просто: материя есть Бог. В самом деле, подумайте только, какими удивительными свойствами она обладает. Ласточка, например, вьет свое гнездо инстинктивно, не обучаясь этому искусству; своих птенцов она вместе с самцом кормит, не жалея своих сил». Слушая это упрощенное решение вопроса о Боге, интеллигенты, сидевшие в первых рядах, не могли удержаться от смеха. Доктор Шапиро обиделся и сказал: «Я много читал лекций в народных университетах, и никто не встречал их смехом».

В заключение попросил слова матрос, один из тех, кого Троцкий называл «краса и гордость революции». Это был мужчина высокого роста и могучего сложения. Он стоял в группе таких же, как он, молодцов матросов. «Профессор Лосский говорит о Боге что-то непонятное и ненужное. Где Бог? — Бог — это я», провозгласил он, тыкая себя рукою в грудь. «Боги — это они», указал он на своих товарищей. <...>

Через несколько дней после моей лекции ко мне позвонили из правления Вольфилы и предложили стать членом этого общества. Я спросил о цели Вольфилы. Мне ответили, что задача Вольфилы — разрабатывать идеи социализма и содействовать распространению их. Я сказал, что я не социалист и поэтому не могу быть членом Вольфилы. Меня попросили придти в правление, чтобы обстоятельно обсудить вопрос. В правлении меня встретила моя бывшая слушательница Эсфирь Захарьевна Гурлянд и выразила удивление, как можно найти какие-либо возражения против социализма. «К тому же», сказала она, «вы сами писали в Вестнике партии народной свободы, что сочувствуете фабианскому социализму». — «Да», ответил я, «но в своей статье я пояснил, что сочувствую эволюционному фабианскому социализму потому, что по пути эволюции он приведет не к социализму, а к более сложному экономическому строю, сочетающему ценные стороны индивидуалистического и социалистического хозяйства»⁸⁷. Таким образом мне удалось избежать включения в Вольфилу.

⁸⁷ Ср.: «Поскольку социализм одушевлен желанием дать человечеству эти блага <речь в первую очередь шла об «устранении несправедливостей капита-

Ю. Тынянов

Бог как органическое целое⁸⁸

В Доме искусств профессор Н. О. Лосский, положив на стол часы, беспредметно улыбнулся и прочел лекцию о боге как системе органического целого.

Встал человек в поддевке, толстый и белый, и признался, что бог для него любовь. Это был толстовец. Бог улыбался небольшими простыми глазами цвета морской воды и осторожно отпил из стакана. Его безволосое мягкое темя мелко вспотело, и он со счастливой улыбкой утирал его. Бог детской и морских побережий не смотрел на другого. Другой, в поддевке, из закута, нагрешил за день и теплым кухонным голосом говорил теперь о любви. Встал маленький старик, покрытый, как власяницей, огромным башлыком. Он был в форме военного врача и дрожал как ребенок. Он крикнул, повернувшись к залу:

— Товарищи!

Дряхлым деревянным голосом семидесятих годов старик закричал о Бюхнере. Тотчас начался скандал. Осыпaeмый свистом и хлопками как листьями, квадратный как идол, старик моргал плотными веками и с мужеством, все реже и реже, кричал. Его детский башлык был обшит позументом. Тогда-то и послышался крик, тонкий и женственный. Повиснув на шпингалете, плавая одною рукою по воздуху, человек просил слова, жалобно и громко.

— Фамилию!

— Пискаревский, — кричал человек.

— Как?

— Пискаревский!

Он раскачивался в воздухе над толпой, то нырял, то опять показывался.

— Товарищи, — крикнул он певуче, — я сам был социал-демократом...

листического строя». — В. Б.> и в самом деле явным образом подталкивает человечество в направлении к осуществлению их, нельзя не питать глубокой симпатии к нему и к его сознательным вождям. Все же однако ясно, что не социалистический хозяйственный строй создает ту среду, в которой человек будет пользоваться наибольшей возможною на земле свободой и проявлять наиболее напряженное творчество» (Н. О. Лосский. социализме // Вестник партии Народной Свободы. 1917. 20 июля. № 8–10. С. 4).

⁸⁸ Звезда. 1930. № 6. С. 26–28 (третий рассказ из цикла «Исторические рассказы»).

Он нырнул. Ему тихонько свистнули, и сразу многие зашумели, требуя соблюдения тишины.

Пискаревский всплыл.

— Товарищи! — протяжно и быстро прокричал он. — Когда-то я и сам был...

— Долой, — сказал кто-то нерешительно.

Ему закричали: — Безобразие!

Быстро вращаясь вокруг своей оси — шпингалета, Пискаревский колебался.

— Я тоже был социал-демократом, — прокричал он в последний раз и поник. Он нырнул и исчез навсегда. Его более не было.

Профессор Н. О. Лосский, забытый всеми,пил воду.

У колонны стоял человек, высокий, в черном пиджаке. Под черным пиджаком был у него белый свитр. Он окружал его шею как круглый флорентийский воротник XVI столетия. Опираясь ладонями о колонну, человек стоял совершенно неподвижно. Лицо его было равно-розовое, неживое, как у актеров, кожа которых стянута от частого грима, волосы жесткие. Он был похож на портреты Лассалья. Уходя, я притронулся к колонне рукой. Она была безобразно холодна, как никогда не бывает холоден человек или зверь, или растение, или дикий шероховатый камень. Полировка спасала мрамор от разрушения и тепла. Бог полированной мебели, стряхнув посетителей, выпрямился в зале. Так я в первый раз увидел Блока.

Б. Н. Лосский

Из воспоминаний

«Наша семья в пору лихолетья 1914—1922 годов»⁸⁹

В перерыве желавшие взять слово подходили к председателю⁹⁰, заносившему их имена на список, по которому им давалось слово во второй части сеанса. Первым оппонентом выступил некий молодой, эlegantно по времени выглядевший Штейн⁹¹, и, блистая мудреными философскими терминами, пришел к заключению, что кроме недоумения у такого, как он, мыслящего человека лекция вызвать ничего

⁸⁹ Минувшее. Исторический альманах. 12. М.—СПб., 1993. С. 58—60.

⁹⁰ На заседании председательствовал Андрей Белый — «в черной ермолке вроде татарской тюбетейки, которому недоедание и <...> тоскливые личные переживания придавали аскетический вид» (Там же. С. 58).

⁹¹ А. З. Штейнберг.

не могла. Затем выразил свое недоумение и другой слушатель, кажется, инженер: как возможно, чтобы «царь философии» опустился до обскурантизма? Потом литературовед Иванов-Разумник (с которым мы еще знакомы не были), встав на позицию не то байроновского героя, не то Ивана Карамазова, высказался в направлении не отрицания Бога, а его неприятия в случае, если бы он захотел низойти на него, не спросивши на то предварительного разрешения. Не помню позабавившего Тынянова «толстого и белого» толстовца, который «признался, что Бог для него любовь». Зато позабавил нас всех, как и его, официозный идеологический агитатор, доктор Шапиро, у которого недоумение переходило в негодование: как же, ведь он пришел слушать лекцию о Боге в системе «материалистического» миропонимания и что же услышал? Но тут же услышал от слушателей поправку: «органического», конечно, не дошедшую до его явно посредственного понимания, и пошел нести ерунду, вроде «что же до пресловутой любви к ближнему, разве вы проявите ее, смотря на волка, попавшего под поезд?» Следом за этим и подобными высказываниями по залу стали пробегать волны смеха, что привело незадачливого оратора к печальному заключительному заявлению, смысл которого был: «Товарищи, я говорил во многих собраниях и еще нигде меня не держали за дурака». Знаю, что моя формулировка его сеговотания грешит карикатурностью, приближаясь к духу рассказа Тынянова о том же докторе Шапиро и о сменившем его оппоненте, о котором скажу свое слово потом... <...>

Заявлю прежде всего, что до такой бурной степени возбуждения атмосфера диспута не дошла. Она, по всей видимости, была нужна Тынянову для динамики его повествования, для лучшего контраста с его заключением, как нужны композитору *crescendo* и *diminuendo*. В более конкретном порядке замечу, что общепринятая в пору творчества Тынянова форма обращения лектора или оратора к слушателями словом «товарищи» не нашла еще в те годы употребления среди интеллигентной публики. На собрании в Доме Искусств я это слово слышал только из уст комичного доктора Шапиро и никак не от сменившего его кандидата на выступление. Свою фамилию произнес не он сам, а давший ему по списку слово Андрей Белый, причем бьюсь об заклад, что она мне в память запала вернее, чем Тынянову: не Пискаревский, а Пигулевский. Тоже хорошо помню небольшую и довольно тщедушную фигурку повисшего на шпингалете симпатичного полячка. Свое обращение к собравшимся он начал, подняв согнутую в локте левую руку и собрав ее короткие пальцы наподобие чашечки тюльпана, вопросом: «Что привело вас сюда?» и повел речь, конечно, желая дать на это ответ, предваряя его заявлением, удержанным Тыняновым, что «он

тоже был социал-демократом», но возжаждал общения с ценностями высшего порядка, как наверно и все пришедшие на лекцию. Но из их рядов стали доноситься приглашения говорить ближе к теме, к ним присоединился председатель, и одухотворенный оратор, пожав плечами, согласился замолчать. Что же до отца, то «забытым всеми» ему быть не приходилось, потому что прения продолжались. Он вспоминает сам о нескольких рослых молодцах-матросах, из которых один заявил, что Бог и боги это он и его товарищи. Может быть, кому-нибудь из них, если не из им подобных, и принадлежал появившийся вскоре на столбцах «Известий» или «Правды» глупый репортаж⁹², где говорилось о публике, аплодировавшей лекции «профессора» (в кавычках) и смеявшихся над ней авторов, хорошо сознающих, что веры заслуживают только пять внешних чувств.

Говорил, конечно, и сам Андрей Белый, дополняя свои слова (пережиток антропософского периода?) какой-то необычной жестикуляцией. Так, например, глагол «писать» у него сопровождался горизонтальным движением в воздухе воображаемого пера. Из его заумных построений помню только перпендикуляр, опускаемый с вершины пятиконечной звезды на прямую, соединяющую противоположащие ей углы...

Протокол № 8 заседания Совета ВФА⁹³

7-го апреля 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Иванов-Разумник, Штейнберг, Конст. Эрберг и секретарь Вл. Бакрылов.

Члены.

Вопросы.

1. Ближайшие заседания.

Постановления.

Назначить на 18-е апреля доклад Ф. Я. Парчевского «Мессианизм Геневронского и Мицкевича» (4 рота, 14, кв. 5). В случае отказа Ф. Я. Парчевского — доклад С. А. Венгерова «Евгений Онегин — декабрист»⁹⁴.

⁹² Указанные издания не опубликовали отчеты об этом заседании Вольфилы.

⁹³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 8.

⁹⁴ 18 апреля был прочитан доклад С.А. Венгерова

2. Доклады. 2 мая устроить беседу «Солнечный град-интернационал». Привлечь к участию в беседе: В. Н. Фигнер⁹⁵, Г. Е. Зиновьева⁹⁶, Научное общество марксистов, Зорина. Выплатить Андрею Белому за курс лекций «Культура мысли» 8000 руб. (Восемь тысяч рубл.).
3. Гонорары за лекции и доклады. Выплатить за доклады:
С. А. Венгеру — «Евгений Онегин — декабрист»: 1500.00.
Лаврову — «Философия труда в производственном процессе»: 1500.00.
Н. О. Лосскому — «Бог в системе органического миропонимания»: 1500.00.
А. А. Мейеру — «Гуманизм или христианство»: 1500.00

Секретарь

Афиша⁹⁷

Вольная Философская Ассоциация
В Воскресенье, 25-го Апреля 1920 года,
Состоится XXIII открытое заседание

I

А. А. Мейер. Философия труда

II

Н. С. Лавров. Философия труда в производственном процессе⁹⁸

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

«Дом Искусств», Мойка, 59, угол бывш. Невского пр.

⁹⁵ Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) — народоволка.

⁹⁶ Григорий Евсеевич Зиновьев (наст. фам. Радомысльский; 1883–1936) — председатель Петроградского Совета.

⁹⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 8. Доклад А. А. Мейера не состоялся и был перенесен на 9 мая.

⁹⁸ Свои взгляды по проблемам научной организации труда и производства, изложенные с трибуны Вольфины, проф. Н. С. Лавров позже обобщил в книге «Основы организации труда и производства» (Л., 1926).

Записка А. А. Бобрика председателю собрания⁹⁹<25 апреля 1920 г.¹⁰⁰>

Председателю.

Вместо личного выступления прошу прочесть прилагаемое.

Бобрик.

Доклад проф. Лаврова пришелся бы весьма кстати на собрании во время «недели производства», но в стенах Вольфила он напоминает бред спящего, не осознающего окружающей обстановки, положения во времени и т. п., потому высказывающего фразы, весьма ценные при наличии известных условий, при отсутствии же их, являющиеся по меньшей мере наивными. «Вольфила» каждый вопрос старается офилософствовать, в крайнем случае высказываемые положения всегда вытекают из определенного мирознания, что же касается проф. Лаврова — то никак не видно, чтобы его тезисы вытекали из сколько-нибудь стройного миропонимания.

Совершенно не понятно:

1) для чего человечеству нужно заботиться об интенсивности производства, не выгоднее ли ему просто оказаться от всякой машины и вести борьбу внутри себя в плоскости ограничения до *minimum*'а своих потребностей;

2) не является ли величайшим преступлением (хищничеством) по отношению к природе эта тракторная обработка земли?

3) имеет ли этическое право воля одного человека, играя на слабых сторонах других людей, навязывать им свои социальные взгляды, если вообще вопрос о целях и смысле жизни, о сущности самого человека и т. п. сколько-нибудь сносно не решены;

4) не думаете ли Вы, что неосторожность односторонне образованных людей, смело зовущих за собою других, приводила и приводит и может быть будет приводить к социальным катастрофам, к гибели культур, наций и т. д.

⁹⁹ ИРЛИ. Ф. 474. № 80.¹⁰⁰ Датируется на основании содержания.

Письмо в Совет ВФА¹⁰¹

В Совет Вольной Философской Ассоциации
Невский, 59. Дом Искусства.
27 апреля 1920 г. № 132.

Правление Объединенного Совета Научных Учреждений и Высших Учебных Заведений, заслушав в заседании 22-го апреля 1920-го года отношение Вольной Философской Ассоциации от 8-го апреля за № 58, не нашло возможным признать Ассоциацию Научным учреждением, ибо представленные материалы не дают понятия о ее научно-теоретической деятельности, а характеризуют лишь деятельность просветительную.

Член правления <Подпись>.

Заведующая канцелярией <Подпись>.

С подлинным верно <Подпись>.

Афиша¹⁰²

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 2 Мая 1920 г.,
Состоится XXIV открытое заседание:
Солнечный град
(Беседа об Интернационале).

При участии

Андрея Белого,
С. А. Венгерова,
Льва Дейча¹⁰³,
Иванова-Разумника,
В. Л. Кибальчича¹⁰⁴,
А. А. Мейера,

М. В. Орехова,
К. С. Петрова-Водкина,
Н. Н. Пунина,
П. А. Сорокина,
А. З. Штейнберга,
Конст. Эрберга

и всех желающих
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный.

Николаевский зал Дворца Искусств (б. Зимний Дворец).
(Вход с Невы с Иорданского подъезда).

¹⁰¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 148. На письме помета рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 9. Копия».

¹⁰² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 9.

¹⁰³ Лев Григорьевич Дейч (1855–1941) — деятель российского освободительного движения.

¹⁰⁴ Виктор Львович Кибальчич (псевд. Виктор Серж; 1889–1947) — французский анархист русского происхождения, литератор, публицист.

Выписка из протокола¹⁰⁵

1. Отделение IV Секции Государственного Архивного Фонда предоставляет в пользование Вольной Философской Ассоциации часть находящегося в распоряжении Отделения здания по Чернышевой площади (д. № 2), а именно Белый зал и выходящие в него комнаты (№№ 37, 38 и 39) с тем, чтобы расходы по необходимому ремонту, освещению, отоплению, за пользование телефоном и по найму младших служащих, в количестве 5 человек, с месячным окладом 1го — в 2550 р. и 4^х — в 2310 р., были возложены на Вольную Философскую Ассоциацию. Она же должна озаботиться приобретением необходимой мебели. Сверх того, Отделение оставляет за собой право, по предварительному соглашению с Ассоциацией, пользоваться двумя из предоставленных комнат, — Белым залом и комнатой № 39.

За Управляющего Отделением IV Секции Л. Полянская.
Секретарь Вольной Философской Ассоциации Вл. Бакрылов
Печать. 3/У — <19>20 года. Петербург.

Афиша¹⁰⁶

Вольная Философская Ассоциация

Открыта запись в постоянные кружки членов-соревнователей

Кружок Иванова-Разумника Философия Культуры	Кружок Константина Эрберга Философия Творчества	Кружок К. С. Петрова-Водкина Изобразительное Творчество
Понедельники от 6 до 8 ч. веч.	Вторники от 6 до 8 ч. веч.	Среды от 6 до 8 ч. веч.
Кружок А. З. Штейнберга Основные вопросы Философии	Кружок А. А. Мейера Философия Религии	Кружок Андрея Белого Антропософия как путь самопознания
Четверги от 6 до 8 ч. веч.	Пятницы от 6 до 8 ч. веч.	Субботы от 6 до 8 ч. веч.

¹⁰⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 164.

¹⁰⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 5.

Начало занятий 10-го Мая 1920 года.

Запись у секретаря ежедневно с 1–3 и по субботам с 4 до 6 час. веч.

В помещении Вольной Философской Ассоциации:

Чернышевская площ., дом 2, подъезд № 1.

А. К. [А. Крайский]

Дискуссия об интернационализме¹⁰⁷

Вчера, в воскресенье, в 2 часа дня, во дворце Искусства при значительном количестве публики состоялась дискуссия об интернационализме. Цель ее, как это подчеркнул председательствовавший на собрании т. Андрей Белый, — углубление в понимание сущности интернационализма и культурно-философское его обоснование.

Как известно, по Марксу, обоснование осуществления интернационализма, т. е. объединение деклассированного человечества на почве труда, зиждется на все растущей концентрации капитала и производства и, как неизбежной спутнице ее, концентрации труда и рабочего класса.

Экспроприация последним орудий и средств производства есть начало уничтожения классов и установления одного класса — трудящихся.

Отсюда одно — обоснование и неизбежность интернационализма как синтеза жизни человечества надо искать только в экономически-производственных отношениях, отбросив в сторону и философию, и культуру, поскольку в них не входят экономические и производственные факторы. Но для философствующих из лагеря метафизического, знакомого и нашим «дискуссантам», — отчужденные Марксом положения, в которых воплощена сама жизнь, — не могут служить доказательствами. Привычка исходить от метафизики продолжает тяготеть над ними, — оттого вспышкам реальных мыслей (у Андр. Белого) сопутствовали разные выверты и метафизическая игра слов, в которой подлинный пафос чередовался с деланностью и фальшью. В общем же получилась неразбериха, кружение вокруг одной точки без надежды выхода на реалистический путь.

Следовавшие один за другим собеседники не внесли ничего уясняющего метафизическую эквилибристику «старшего», и вместо культурно-философских обоснований интернационализма рассказали — историю интернационализма (т. Иванов-Разумник), конечно, с промахами

¹⁰⁷ Известия Петроградского Совета. 1920. 3 мая. № 94. С. 1.

и ошибками, исправленными потом т. Дейчем. Т. Штейнберг, говоривший вслед за Андр. Белым — вместе с глубокой верой в интернационализм высказал совсем неглубокие мысли о нем и в общем переложил, конечно, не совсем удачно метафизику А. Белого на реальный язык.

Удивительно, за исходную точку беседы устроители ее взяли образы и идеи города Солнца (Солнечного града в афишах) сомнительного интернационалиста — монаха Томаса Кампанеллы.

Не есть ли это показатель психологического сходства!

Блуждание в тумане метафизики главных участников дискуссии было озарено простым общедоступным рассказом маститого Л. Дейча.

Письмо в редакцию¹⁰⁸

Тов. редактор!

В петроградских «Известиях» от 3 мая с. г. появилась заметка: «Дискуссия об Интернационализме».

С величайшим недоумением прочел я эту заметку. Не касаясь выступления А. Белого, Штейнберга, Иванова-Разумника и пр. ораторов, не могу не изумляться выступлению маститого Л. Дейча, который, в отличие от всех других ораторов, вовсе не касался философского мировоззрения об Интернационале, а передавал лишь воспоминания из прошлого, о гигантском перепроизводстве в Америке, недопущении анархистов во II Интернационал и прочую белиберду. Самое главное в выступлении Л. Дейча то, что он, будучи, очевидно, обижен своей судьбой, закончил неожиданной репликой по адресу нынешних руководителей Советской власти, что он не может быть на их стороне, покуда у него сохранился здравый смысл, так как, по его убеждению, не настало время замены общественного порядка коммунистическим. Конечно, ни слова об III Интернационале. Лишь тов. Стоянов (из партии анархистов) дал отпор демагогическому выступлению Л. Дейча. Мне приходилось бывать и в ученом «о-ве марксистов», где выступления членов о-ва сопровождаются плохо скрытым недоброжелательством по отношению нынешнего положения вещей.

В виду изложенного я считаю необходимым обратить внимание кого следует, чтобы на все выступления о-ва марксистов и другие аналогичные собрания делегировался представитель от коммунистической партии, вполне опытный в полемике с профессорами «марксизма» и великолепно изучивший теорию революционного марксизма.

¹⁰⁸ Известия Петроградского Совета. 1920. 7 мая. № 98. С. 2.

Этим будет достигнуто громадное значение в деле перевоспитания той интеллигенции, которая ищет настоящую правду, интересуется переживаемым моментом, но не видит достаточно научного отпора тем заключениям, которые пропитаны насквозь пессимистическими настроениями меньшевиков.

М. Соколов.

От редакции. Неправильный отчет лежит на совести репортера.

Афиша¹⁰⁹

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 9 Мая 1920 г.,

Состоится XXV открытое заседание:

А. А. Мейер. Философия труда.

Начало в 2 часа дня

Вход свободный.

«Дом Искусств», Мойка, 59, угол бывш. Невского пр.

В Субботу, 8-го Мая 1920 года, в 7 час. вечера, Общее Собрание членов-соревнователей Вольной Философской Ассоциации и лиц, записавшихся в кружки.

Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1.

Заявление¹¹⁰

О вступлении в число членов-соревнователей В.Ф.А.

1. Имя *Яков*
2. Отчество *Семенович*
3. Фамилия *Друскин*
4. Возраст *18*
5. Образование *Студент*
6. Род занятий
7. Адрес *Пр. Либкнехта, 17, кв. 5*
8. Какие вопросы наиболее интересуют *Философия марксизма*

Подпись *Я. Друскин*

Петроград 10 мая 1920 г.

¹⁰⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 10.

¹¹⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 6. Л. 9.

К. Эрберг

**Конспект выступления на XXVI открытом заседании
16 мая 1920 г.
«Вольфила (Задачи Вольной Философской Ассоциации)»¹¹¹**

Теоретик	Идеолог
obj<ect>	subj<ect> (Личность)
имман<ентное>	транс<ендентное>
беспристр<астное> (тепл<ое>)	пристрастн<ое> (хол<одное> — горяч<ее>)
констатир<ование>	проповедь
sine ira (терпимость)	бунт (нен<ависть> — люб<овь>)
(норма)	(не против догмы, а <i>против нор-</i>
ТЕЛЕОЛОГ кон<ечная> цель —	<i>мы</i>) ради → свобода
истина	против узости спасение:
	«иннормизм»
	1) скепт<ицизм> вольная
	2) догм<атизм>
верность	измена
	скиф
Дух<овный> максим<ализм>	
Дух<овная> рев<олюция> (тв<орчест>во)	
научн<ый>	просветит<ельский>

Афиша¹¹²

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 23-го Мая 1920 г.,
Состоится XXVII открытое заседание

I

А. З. Штейнберг. Иудаизм и христианство.

¹¹¹ ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 22.

¹¹² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 12.

II

А. А. Мейер. Язычество.

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1.

Письмо Н. Н. Розенталя в ВФА¹¹³

Ник<олай> Ник<олаевич> *Розенталь*, магистрант Пет<ербургского> унив<ерситета>¹¹⁴, учитель истории в Тениш<евском> училище, предлагает для В.Ф.А. доклад на тему:

«Религиозная личность Юлиана Отступника» или «Религиозная трагедия реставрации язычества»¹¹⁵. (Рекомендует Лосский).

Афиша¹¹⁶

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 23-го Мая 1920 г.,

Состоится XXIX открытое заседание:

Конст. Эрберг. Искусство — бунт

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1, тел. 158—26.

Открыта запись на кружок **Иванова-Разумника**

Русская литература XX века.

Занятия по Четвергам от 6 до 8 ч. веч. Начало занятий 10-го Июня.

Запись ежедневно от 5 до 6 ч. вечера.

¹¹³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 142.

¹¹⁴ Примечание автора записки: «ученик Гревса».

¹¹⁵ Ср.: «Трагедия Юлиана — трагедия человека, лишенного творческой свободы. В эпоху кризиса побеждает тот, кто творит. Сочетать религиозное служение божеству с личной свободой можно лишь в чувстве богосыновства. <...> Пассивность, косность, недвижимое стояние на камне Петровом — таковы причины трагедии, извечно переживаемой и религиозной личностью, и религиозным обществом» (*Н. Н. Розенталь*. Юлиан Отступник: Трагедия религиозной личности. — Пг., 1923). Судя по датировке предисловия, работа над книгой была завершена в мае 1922 г.

¹¹⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 13.

Хроника¹¹⁷

<...> Возникшее в Петербурге новое философское общество — Вольная Философская Ассоциация, — организаторами которого явились Андрей Белый, Александр Блок, Б. Кушнер, Е. Лундберг, В. Мейерхольд, К. Петров-Водкин, А. Штейнберг и К. Эрберг, с середины минувшей зимы постепенно расширяло свою деятельность и организовало целый ряд открытых заседаний и занятий в отдельных кружках. Новая ассоциация ставит себе чрезвычайно важные и широкие задачи: «реформирование жизни через реформу понимания общественных прав и человеческих обязанностей философии путем включения в систему ее насущнейших проблем задачи непосредственного воздействия на живую историческую жизнь. Другими словами, философия должна быть тенденциозна, т. е. напряженно стремительна и жизненно действенна. Историк философии легко откроет в таких формулировках древнейшие и освященнейшие традиции философствовавших не только умом и по букве, но и сердцем и душой». Исходя из таких основных положений, Вольная Философская Ассоциация стремится «объединить не столько знатоков и ценителей философской словесности и буквальности, сколько людей живых и широких интересов, стремящихся к единству и цельности своею <так!> историческою, космическою и запредельного бытия, все равно теоретики ли они или практики, ученые или художники, ученики или учителя». Отсюда же стремление ассоциации к «наибольшей свободе от всяких обычных и внешних форм проявления корпоративного уклада: философская ассоциация не была бывольной, если бы не смотрела на все внешние организационные формы, как на неизбежное зло».

Основной темой большинства открытых заседаний Вольной Философской Ассоциации явилась проблема переживаемого кризиса культуры. Этой теме был посвящен доклад Александра Блока: «Крушение гуманизма», три доклада Р. Иванова-Разумника: «Эллин и скиф», «Скиф в Европе» и «Три искушения» (о христианстве и социализме), доклад А. Мейера: «Гуманизм или христианство?» и доклад К. Петрова-Водкина: «О науке видеть». А. Штейнберг прочел два доклада: «Развитие и разложение в современном искусстве» и «О времени и пространстве в философии истории», — эти доклады представляли из себя «попытку свести ту же проблему к ее онтологическим

¹¹⁷ Дела и дни: Исторический журнал. Пб., 1920. Кн. 1. С. 541-542 (Общая хроника культурно-просветительной работы в Петрограде первых послереволюционных лет была подготовлена под ред. Н. П. Черепнина).

основам». Андрей Белый прочел доклады на темы: «Философия культуры», «Лев Толстой и культура»; «Кризис культуры». Одно из заседаний, в котором приняли участие Андрей Белый, А. Блок, П. Гайдебуров, М. Горький, Р. Иванов-Разумник, А. Лурье, А. Мейер, К. Петров-Водкин, Н. Пунин, А. Штейнберг, К. Эрберг и др., было посвящено «Пролетарской культуре». Н. О. Лосский сделал доклад на тему: «Бог в системе органического миропонимания»; С. А. Аскольдов «Проблема чуда в философии»; К. Эрберг: «Искусство – бунт», А. Мейер: «Философия труда», С. А. Венгеров: «Евгений Онегин – декабрист» и т. д. Одно из заседаний под общим названием «Солнечный град» – было посвящено беседе об Интернационале. В заседании приняли участие: Андрей Белый, С. Венгеров, Л. Дейч, Р. Иванов-Разумник, В. Кибальчич, А. Мейер, М. Орехов, К. Петров-Водкин, Н. Пунин, П. Сорокин, А. Штейнберг, К. Эрберг. Открытые заседания Ассоциации очень многолюдны и привлекают людей самого различного духовного и материального прошлого. В обсуждении докладов принимают участие и профессиональные ученые и люди труда, не прошедшие никакой школы. Выступают и резкие критики основных задач Ассоциации, тем самым способствуя более ясному и отчетливому определению этих задач. Вокруг Ассоциации образовалось небольшое ядро членов-соревнователей, избравших свой совет, во главе которого стоит Андрей Белый; работа совета происходит совместно с Советом Ассоциации.

Вместе с тем Вольная Философская Ассоциация пользовалась юбилейными днями и памятными годовщинами, чтобы связать свою работу с сохранившим свою ценность наследием былого. Так состоялось собрание, посвященное памяти декабристов, основной темой которого явилась проблема «Ненужного подвига»; были собрания, посвященные памяти Герцена, Лаврова и др. Б. Е. Райков сделал доклад на специальную тему – «Русские эволюционисты до Дарвина». Такой же специальный характер имел и доклад К. Эрберга «Религия и мистика». Некоторые заседания были посвящены выяснению задач самой Ассоциации.

Помимо открытых заседаний при Вольной Философской Ассоциации происходит работа в отдельных более тесных кружках. Каждый кружок имеет своего постоянного руководителя и занимается разработкой того или иного вопроса. Так, кружок А. Штейнберга имеет своим предметом «Основные вопросы философии»; кружок К. Эрберга – «Философию творчества»; кружок Р. Иванова-Разумника – «Вопросы философии культуры»; кружок А. Мейера – «Философию религии». Андрей Белый провел два курса на темы: «Философия духовной культуры» и «Культура духа».

Все доклады, а также и другие работы членов Ассоциации готовятся к печати и будут появляться первое время в виде неперiodических сборников. При первой возможности, Ассоциация приступит к изданию своего постоянного органа. <...>

Протокол № 12 заседания Совета ВФА¹¹⁸

<7 июня 1920 г.¹¹⁹>

Присутствовали: Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и секретарь Вл. Бакрылов.

Вопросы.

1. Ближайшие открытые заседания.

2. Устав клуба.

3. Кружки.

Постановления.

Назначить на воскресенье 13-го июня XXX открытое заседание. Доклад А. А. Гизетти: «Общество и космос».

На воскресенье 20-го июня XXXI-е открытое заседание. Доклад Н. Н. Розенталя «Драма религиозной личности». Снести с Н. Н. Розенталем через Н. О. Лосского.

Был заслушан и утвержден устав клуба. (Устав прилагается).

С 10-го июня начать занятия кружка «Русская литература XX века». Руководитель Р. В. Иванов-Разумник.

С 7-го июня начать занятия кружка по философии Анархизма. Руководитель Б. С. Стоянов.

Сделать предложение Оранскому¹²⁰ и Федорову руководить кружками по философии Марксизма и Коммунизма; А. А. Гизетти — кружком по философии народничества.

Председатель.

Члены.

Секретарь.

¹¹⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 9.

¹¹⁹ Дата устанавливается предположительно по содержанию.

¹²⁰ Сергей Александрович Оранский — специалист в области социальной философии, один из учредителей Научного Общества Марксистов при Петроградском университете.

Устав клуба ВФА¹²¹

Цель и задачи клуба.

1. Клуб В.Ф.А. ставит своей целью сближение всех участников Ассоциации (действительных членов, членов-сотрудник^{ов}, членов-соревнователей) на почве их общего устремления к осуществлению задач В.Ф.А. Для этого, служа местом постоянного общения между его членами, клуб в согласии с задачами Ассоциации открывает библиотеку, устраивает лекции, собеседования, литературные и музыкальные вечера.

Состав клуба.

2. Членами клуба могут быть все члены Вольной Философской Ассоциации (члены-соревнователи, сотрудники и действительные члены).

Кружки.

3. Клуб должен отвечать на запросы его членов 1) путем постановки кружковых работ; путем консультации и выдачи справок.

Члены клуба, интересующиеся каким-либо предметом или видом труда, объединяются для его изучения или применения своих знаний в кружки.

Управление клубом.

Управляет и руководит клубом общее собрание членов клуба и Правление.

1. Функции общего собрания.

а) Общее собрание руководит деятельностью клуба: оно обсуждает текущую работу, утверждает смету расходов и приходов, отчеты Правления, утверждает членов Правления и Ревизионной Комиссии, вырабатывает инструкции для членов Правления, решает вопросы об изменении устава и закрытии клуба.

Примечание: Каждое изменение пункта устава общее собрание представляет на утверждение районной клубной секции и клубной секции центра.

б) Общее собрание членов клуба бывает очередное и чрезвычайное. Общее собрание считается законным при наличности не менее 1/3 членов клуба.

в) В случае неприбытия должного числа членов собрание созывается вторично и считается законным при всяком числе явившихся.

г) Обсуждению вторично созванного общего собрания подлежат только те вопросы, которые стояли в повестке дня несостоявшегося собрания.

¹²¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 12. Л. 10—10об.

д) Общее собрание очередное бывает не реже одного раза в три месяца.

е) Общее собрание чрезвычайное созывается по постановлению Правления, Ревизионной Комиссии или 5 членов клуба.

II. Функции Правления.

а) Правление ведет всю текущую работу и <несет> ответственность за всю деятельность клуба перед общим собранием.

б) Правление состоит из 5 человек: 1) председателя, 2) заведующего клубом, 3) его помощника, 4) члена художественно-просветительской комиссии, 5) члена хозяйственной комиссии.

Примечание: Председатель Правления и член художественно-просветительской комиссии избираются Советом В.Ф.А. и утверждаются Общим Собранием; прочие члены Правления избираются Общим Собранием и распределяют между собою обязанности.

в) Правление выбирается на 6 месяцев.

1) Художественно-просветительная Комиссия.

Общее руководство всей художественно-просветительской деятельностью клуба лежит на художественно-просветительской комиссии, в состав которой входят 2 члена Правления (председатель и член художественно-просветительской комиссии) и по одному представителю от каждого кружка.

2) Хозяйственная комиссия.

Хозяйственная комиссия состоит из одного члена Правле<ния> <...>¹²²

Протокол № 14 заседания Совета ВФА¹²³

20-го июня 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Р. В. Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг и секретарь В. В. Бакрылов.

Вопросы.

1. Повестка.

Постановления.

а) Общее собрание членов-соревнов<ате>лей>.

б) Воскресные заседания.

в) О кружках.

г) Издательство «Сборники».

д) Библиотека.

¹²² Окончание документа отсутствует.

¹²³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 10—10об.

- е) Постоянная стенографистка.
 - ж) Клуб.
 - з) О дровах.
 - и) Телефон.
 - к) Рояль.
- 2. Собрание членов-соревнователей.

На общем собрании членов-соревнователей> сделать доклад Совета о кружках, о клубе, о воскресных открытых заседаниях. Выяснить, как чл<ены>-сор<евнователи> смотрят на задачи Вольфины, что они, чл<ены>-сор<евнователи>, могли бы предложить в целях углубления и расширения работ Ассоциации. Как собрание чл<енов>-сор<евнователей> отнеслось бы к постановке на воскресных заседаниях таких вопросов, как «Кризис культуры и книга», «Кризис культуры и высшая школа».
- 3. Воскресные заседания.

Назначить на воскресенье 4-го июля XXXIII открытое заседание: доклад Андрея Белого: «Кризис культуры». Поставить на очередь доклады: Александра Блока: «Молнии искусства». Н. О. Лосского: «О преодолении материи духом».

И. И. Лапшина «Вечный мир».
- 4. О кружках.

Отпочковавшийся от кружка «Антропософия как путь самопознания» кружок тов. Навашина не считать самостоятельным кружком.
- 5. Издательство «Сборники».

Уполномочить Р. В. Иванова-Разумника, Андрея Белого и представителя издательства «Алконост» С. М. Алянского — переговорить с М. П. Кристи о возможности выпустить ряд сборников Вольфины. Испросить у М. П. Кристи на включенный в программу «Алконоста» сборник «Кризис культуры» кредит в размере 200.000 рублей.

Остальные вопросы повестки ввиду позднего времени не обсуждались.

Члены.
Секретарь.

Хроника¹²⁵

— Организовано Петербургское Отделение Всероссийского Союза Поэтов¹²⁶. Состав президиума: председатель — Ал. Ал. Блок; товарищи председателя — К. А. Эрберг и Н. А. Оцуп¹²⁷; секретари — Н. А. Павлович¹²⁸ и Вс. А. Рождественский¹²⁹; казначей — С. Е. Нельдихен-Ауслендер. Желаящие вступить в Союз должны представить на рассмотрение приемной комиссии (А. А. Блок, Н. С. Гумилев¹³⁰, М. А. Кузмин¹³¹, М. Л. Лозинский¹³²) книгу или 10 стихотворений в рукописи. За всеми справками и разъяснениями обращаться к секретарю Вс. Ал. Рождественскому — Симеоновская ул., 3, кв. 4 — письменно; по пятницам от 4—5 — лично. Тел. 145—73.

¹²⁵ Жизнь искусства. 1920. 30 июля. № 517. С. 1.

¹²⁶ По свидетельству Конст. Эрберга, петербургский «Союз поэтов образовался в недрах Вольфила около 1920 г.» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 89). Ср. с записями его первого председателя: «27 июня. <...> Вольфила. — Организационное заседание Союза поэтов в Вольфиле» (А. Блок. Записные книжки. 1901—1920. С. 495); «4 июля. <...> Общее собрание Союза поэтов в Вольфиле. Людей еще меньше, чем в прошлый раз» (Там же. С. 496); «27 июля. <...> Заседание Союза поэтов» (Там же. С. 497); «6 августа. <...> 8 час. — заседание президиума Союза поэтов в Вольфиле» (Там же. С. 498); «13 августа. <...> Президиум и общее собрание Союза поэтов в Вольфиле» (Там же); «22 августа. <...> Заседание Союза поэтов в Вольфиле» (Там же. С. 499). С начала сентября Союз поэтов располагался уже в собственном помещении по адресу: Литейный пр., 30, кв. 7.

¹²⁷ Николай Авдиевич Оцуп (1894—1959) — поэт.

¹²⁸ Надежда Александровна Павлович (1895—1980) — поэтесса. Ее воспоминания о петроградском Союзе поэтов см.: Н. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке // Прометей: Историко-биографический альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 11. — М., 1977. С. 222—239.

¹²⁹ Всеволод Александрович Рождественский (1895—1977) — поэт.

¹³⁰ Николай Степанович Гумилев (1886—1921) — поэт, переводчик, критик.

¹³¹ Михаил Александрович Кузмин (1875—1936) — поэт, прозаик, переводчик.

¹³² Михаил Леонидович Лозинский (1886—1955) — поэт, переводчик.

Протокол № 15 заседания Совета ВФА¹³³

27 июня 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Конст. Эрберг, Иванов-Разумник, А. Блок.

Председатель: Андрей Белый.

Вопросы:

1. О воскресных докладах.

2. О кружках.

3. О стенографистке.

4. Библиотека.

Постановления:

1. Назначены доклады:

4 июля. Андрей Белый. Кризис культуры.

11 июля. Н. Н. Розенталь. Драма религиозной личности.

2. Постановления:

а) устроить заседание всех руководителей кружков в воскресенье 4/VII в 12½ ч <аса> дня. Пригласить на это заседание членов-сореbнователей (представителей кружков).

б) предложить руководителям кружков вести протоколы заседаний и точную регистрацию присутствующих (лист подписей).

в) организовать 2 новых кружка: *Введение в философию* (предложить Н. О. Лосскому) и *Философию математики* (предл<ожить> А. В. Васильеву).

3. Найти постоянную стенографистку для воскресных заседаний и для кружков (просить заняться этим Вл. В. Бакрылова и С. Г. Каплун).

4. Просить А. З. Штейнберга осмотреть библиотеку Койгена¹³⁴ и доложить о ней к следующему заседанию Совета.

Председатель.

Секретарь.

¹³³ ИРЛИ. Ф. 291.

¹³⁴ Давид Маркович Койген (1877–1933) – публицист; в 1917 г. редактировал в Петрограде «Вестник культуры и политики»; в 1920 г. эмигрировал в Германию.

Афиша¹³⁵

Вольная Философская Ассоциация

Июль – Сентябрь

Постоянные кружки

Понедельники от 6 до 8 ч. веч.	Вторники от 6 до 8 ч. веч.	Среды от 6 до 8 ч. веч.
Иванов-Разумник Философия Культуры	Конст. Эрберг Философия Творчества	Петров-Водкин Изобразительное Творчество
от 8 до 10 ч. веч.	от 8 до 10 ч. веч.	от 7 до 9 ч. веч.
Стонов Философия Анархизма	А. А. Гизетти Философия Народничества	А. З. Штейнберг Основные вопросы метафизики

¹³⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 5.

Четверги от 6 до 8 ч. веч.	Пятницы от 6 до 8 ч. веч.	Субботы от 6 ч. веч.
Иванов-Разумник Критическая История Современной Литературы	С. А. Оранский Философия Марксизма	Междукружковые собрания с участием руководителей кружков
от 8 до 10 ч. веч.	от 8 до 10 ч. веч.	
И. А. Боричевский Философия Коммунизма	А. А. Мейер Философия Религии	

В ближайшем будущем предполагается открытие кружков:
«Введение в философию», «Философия истории»,
«Философия математики», «Философия естествознания» и др.
Запись и справки у заведующего организацией кружков ежедневно
от 5 до 6 ч. веч. Тел. 159—26. Чернышева площадь, дом 2, подъезд № 1.

Афиша¹³⁶

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 4-го Июля 1920 года,
Состоится XXXIII открытое заседание:

Андрей Белый. Кризис культуры.

Начало в 2 часа дня

Вход свободный.

Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1, тел. 159—26.

В Воскресенье, 11 Июля состоится XXXIV открытое заседание
Н. Н. Розенталя — Драма религиозной личности (Юлиан Отступник).

¹³⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 15.

Афиша¹³⁷

В помещении Вольной Философской Ассоциации

(Чернышева пл., д. № 2, подъезд № 1)

В Среду, 7-го Июля 1920 года,
состоится

Вечер Андрея Белого

по следующей программе:

Р. В. Иванов-Разумник скажет вступительное слово, **Андрей Белый** прочтет: 1) «В лопнувшем Лондоне», отрывки из «Записок чудака», 2) отрывки из «Котика Летаева» и 3) стихи.

Начало в 7½ часов вечера.

Билеты продаются: в магазине К. М. Шредера (бывш. Невский, 52) ежедневно, от 10 час. утра до 4 час. дня, и при входе на вечер от 4 час. дня.

Протокол № 16 заседания Совета ВФА¹³⁸

4 июля 1920 г.

Присутствовали: Андрей Белый, Иванов-Разумник, Конст. Эрберг, Коялович.

Вопросы:

1. Воскресенья.

2. ...их кружках

Постановления:

Назначены

а) на воскресенье 11 июля XXXIV о<ткры-
тое> засед<ание>. Доклад Ю. Н. Дан-
зас¹³⁹. Философия, религия, наука.

б) на воскресенье 18 июля назначена экс-
курсия в Шлиссельбург.

2. Руководительство кружком по введе-
нию в философию предложить или Лап-
шину, или Мейеру, или Франковскому,
или А. З. Штейнбергу. Руков<одитель-
ство> кр<ужком> по введению в филосо-
фию предложить А. В. Васильеву.

Председатель.

Секретарь.

¹³⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 16. Информацию о вечере см. также в «Хронике» «Жизни искусства» (1920. 1 июля. № 492. С. 1).

¹³⁸ ИРЛИ. Ф. 291.

¹³⁹ Юлия Николаевна Данзас (псевд. Ю. Николаев; 1879–1942) – исто-
рик, литератор, преподаватель петроградского Педагогического института.

Афиша¹⁴⁰**Вольная Философская Ассоциация**

В Воскресенье, 11-го Июля 1920 года,
Состоится XXXIV открытое заседание:

Ю. Н. Данзас. Философия, религия, наука.

Начало в 2 часа дня

Вход свободный.

Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Протокол № 17 заседания Совета ВФА¹⁴¹

11/VII — 20 г.

Председатель Иванов-Разумник.

Секретарь. Вл. Бакрылов.

Присутствовали: Иванов-Разумник, Штейнберг, Эрберг, Бакрылов и президиум старостата: Коялович, Виссель, Векслер, Фехнер.

Вопросы:

1. Запрос старостата¹⁴², сводящийся к протесту против выступления несведующих <так!> ораторов.

2. Заявление Н. М. Кояловича об изменении § 27 устава В.Ф.А. (в смысле увеличения числа членов-соревнователей в совете с решающим голосом).

3. Воскресные заседания

Постановления:

1. Усилить власть председателя воскресного заседания, который бы регулировал ход прений.

2. Совет В.Ф.А. считает изменение § 27 устава невозможным.

3. Назначены на 18/VII–20 доклад Мищенко: Философия материальной культуры; на очередное заседание памяти Вл. Соловьева с выступлением

¹⁴⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 17.

¹⁴¹ ИРЛИ. Ф. 291.

¹⁴² «Примечание: Текст запроса, написанный рукой Фехнер и Векслер: “1. Считает ли президиум В. Ф. А. своей основной задачей проведение в широкие массы популярного обоснования философии? Президиум ста-

след<ующих> ораторов: Э. Л. Радлова, Мейера, Гизетти, Блока, Бердяева¹⁴³, Штейнберга, Конст. Эрберга и др.

Предс<едатель>.
Секр<етарь>.

А. К. [А. Крайский]

«Философия, наука и религия»¹⁴⁴

(Доклад гр. Данзас в вольной философской ассоциации)

Уже давно ходили слухи, что в Вольной философской ассоциации метафизически религиозные вопросы занимают центральное место, их с удовольствием и часто докладывают члены-соревнователи и, да не будет почтенной ассоциации обидно, даже пропагандируют... Вчерашний доклад гр. Данзас, пожалуй, можно отнести к этого рода вещам. Я не знаю, насколько гр. Данзас прикосновенна к философии, но ее доклад доказал, что она бралась за трудную задачу, которую даже не могла изложить более или менее удовлетворительно, и вообще, кроме отдельных тезисов — связного у нее ничего не вышло. Такова уже судьба всех витающих в области терминологии, красивых слов без содержания, всех оторванных от реалистического мышления.

Гр. Данзас утверждала, что философия, наука и религия — неотъемлемы и по содержанию и конечной цели — равноценны. Если же они, по методу исследования, и отмежевались, то это — явление чисто произвольное, и сделано оно без достаточных оснований. Однако гр. Данзас тоже не привела достаточных оснований для доказательства своего положения, кроме утверждения о тождестве богословских споров в продолжение первых десяти веков христианства с философией. Если согласиться с мнением докладчицы, то выходит,

рост<ата> высказывает пожелание, чтобы обсуждаемые доклады находились на уровне современных философских достижений. 2. Считает ли президиум В.Ф.А. настоящий порядок выступления несведущих ораторов желательным? Президиум старостата высказыв<ает> пожелание о повышении уровня и урегулирования порядка прений средствами, кот<орые> найдет нужным президиум В.Ф.А.". Пояснение: протест вызван неудачным докладом Ю. Н. Данзас и скандальным выступлением т. Мищенко».

¹⁴³ Николай Александрович Бердяев (1874–1948) — философ.

¹⁴⁴ Известия Петроградского Совета. 1920. 13 июля. № 153. С. 2.

что она в своем докладе имела в виду, говоря о философии, только часть ее, которая, как негодный хлам, давно отброшена реалистической мыслью, а именно — метафизику и ее практически-учебную часть — схоластику. Но тогда — при чем же тут наука? Ведь под наукой мы подразумеваем совокупность наших познаний о явлениях мира, данных нам в опыте, т. е. о предметах имманентных. Между тем устранение религиозного познания, как докладчица понимает его, как раз касается предметов трансцендентных, и так как последнее недоказуемо и недоступно для опыта, то религиозные познания сводятся к вере. Следовательно, утверждения о неотделимости науки, религии, философии — это плод какой-то, быющей на оригинальность, фантазии или, если хотите, недомыслия. Не сознавая этой зияющей пропасти между наукой и религией, гр. Данзас заключила свой доклад комическим прогнозом будущего взаимоотношения науки, философии и религии — в соотношениях сторон равностороннего треугольника, отдав науке основание как прикасающейся к земным явлениям, а философии и религии — боковые, как сходящихся в основных своих чертах человеческих устремлений, причем схождение боковых в одной вершине — в выси — как она говорила, по ее толкованию, означает — возможность полного слияния философии и религии — и постижение мира и вещей через обновленное религиозное сознание.

После такой постановки, вывод напрашивался сам собой: спасенье в религии, будьте религиозны!

А. [А. Г. Мовшенсон]

Литературные вечера¹⁴⁵

(К вечеру Андрея Белого
в Вольн. Философской Ассоциации)

Большая посещаемость литературных вечеров, устраиваемых за последнее время, является прекрасным показателем начала расцвета культурной и художественной жизни. Было бы только желательно, чтобы характер этих вечеров не носил отпечатка отжитого нами времени. Как и раньше, программы литературных вечеров часто носят случайный характер, как и раньше, публике часто показывается «в на-

¹⁴⁵ Жизнь искусства. 1920. 13 июля. № 502. С. 1. Александр Григорьевич Мовшенсон (1895–1965) — член-соревнователь ВФА, театровед, переводчик.

туральную величину» «знаменитый» поэт, «талантливый» писатель, и устроителей мало беспокоит вопрос о том, что будет читать этот «знаменитый» или «талантливый», лишь бы он вышел на эстраду и что-нибудь прочел.

Нынешний посетитель лекций в лучшем случае слышал только фамилию «знаменитого», очень часто с творчеством «знаменитого» не знаком и приходит на вечер не из простого любопытства. Такому новому посетителю, не развращенному прошлым обществом, надо дать возможность уйти с вечера обогащенным художественно-ценным, а не подносить ему миниатюры, небрежно разбросанные в беспорядке. Вопрос этот не маловажен, и к нему нужно отнестись с большим вниманием.

Отчетный вечер Андрея Белого, состоявшийся в помещении Вольной Философской Ассоциации, прошел с большим успехом, именно благодаря тому, что отношение к публике оказалось очень серьезным. Тема вечера «Восток и Запад» или, вернее, «Россия и Запад», как ее Иванов-Разумник определил во вступительном слове, была строго выдержана и благодаря этому от вечера осталось цельное, глубокое впечатление.

Автором были прочитаны отрывки из «Котика Летаева», цикл стихов о России и отрывки о Лондоне из «записок Чудака».

В рамках газетной заметки трудно дать оценку прочитанных произведений, так как тема очень уж обширна, и нельзя, серьезно относясь к творчеству Андрея Белого, в нескольких строках говорить о нем. Нужно только упомянуть здесь о большом умении автора читать свои произведения. Когда слушаешь Андрея Белого, кажется, что ни один из много обучавшихся искусству художественного слова актеров никогда не прочтет художественное произведение так, как прочтет его автор...

Афиша¹⁴⁶

В помещении Вольной Философской Ассоциации

(Чернышева пл., д. № 2, подъезд № 1)

В Четверг, 15-го Июля 1920 года,

состоится

Вечер Алексея Ремизова

¹⁴⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 18.

по следующей программе:

- 1) Вступительное слово **Р. В. Иванова-Разумника**. 2) Три главы из повести «Ров львиный»¹⁴⁷ прочтет **автор**; 3) Посолонный круг: при участии Заслуженного арт<иста> Акад<емического> Госуд<арственного> т<еатра> **Ивана Васильевича Ершова**¹⁴⁸, композитора **Анатолия Канкаровича**¹⁴⁹ и **автора** (пение, музыка и чтение). 4) Сказки прочтет **автор**.

Начало в 7½ часов вечера.

Билеты продаются: в магазине К. М. Шредера (бывш. Невский, 52) ежедневно, от 10 час. утра до 4 час. дня, и при входе на вечер от 4 час. дня.

Список субботних докладов ВФА¹⁵⁰

16/VII

- I. «Религия и Мистика». Тезисы К. А. Эрберга.

24/VII

- II. «Проблема хаоса»¹⁵¹.

31/VII

- III. «Божественный Интернационал» (Современное течение в философии). Докладывал Н. М. Коялович.

7/VIII

- IV. «Религия и социализм». Вступительное слово А. А. Мейер. (Вопрос не был исчерпан, а перенесен на Пятницу 6 ч.).

14/VIII

- V. «Добро и Зло». Вступительное слово К. А. Эрберга и Н. М. Коялович<а>. (Добро и Зло с точки зрения утилитаризма).

21/VIII

- VI. «Добро и Зло» (Продолжение). Прения между А. А. Навашиным и Н. М. Кояловичем.

¹⁴⁷ Подразумевается роман, написанный Ремизовым в период с 1914–1918 гг. (другие названия: «Канава», «Плачужная канава») и опубликованный лишь отдельными частями и главами в 1923–1926 гг. Полный текст см.: А. М. Ремизов. Избранное / Сост. А. А. Данилевский. — Л., 1991. С. 389–546.

¹⁴⁸ Иван Васильевич Ершов (1867–1943) — певец.

¹⁴⁹ Анатолий Исаакович Канкарович (1885–1956) — композитор.

¹⁵⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 55. Вероятно, отчет о занятиях в одном из кружков в течение июля — августа 1920 г., предположительно написанный рукой Г. Змеева.

Афиша¹⁵²

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 18-го Июля 1920 года,
Состоится XXXV открытое заседание:

Л. Л. Мищенко. Философия материальной культуры

Начало в 2 часа дня

Вход свободный.

Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1, тел. 159—26.

Протокол заседания Совета ВФА¹⁵³

18/VII—20 года

Заседание Совета

Раз. Вас. Ив<анов>, Шт<ейнберг>, Эрб<ерг>, Мейер, Петров-Водкин, Виссел<ь>, Векслер, Змеев, Коялович, Бакрылов.

I. § 27 на кружки Предст<авители> в Совет вх<одят> с реш<аю-щим> ли голосом? Пред<ставители> кружков. Совет в 5 чел<овек>.

II. Воскресенье. 25/VII. XXVI. Доклад А. В. Луначарского. 15/VIII. Вл. Соловьев. 1/VIII. А. А. Мейер.

III. Библиот<ека>.

IV. Издательство.

V. Клуб.

VI. И. А. Боричевский. 7/VIII — 20 года. Две интеллигенции. <...>

VII. Суббота.

А. К. [А. Крайский]

«Философия материальной культуры» и Карл Маркс¹⁵⁴

Представьте себе комичное положение. Человек полтора-два часа говорит громко, с апломбом, доказывает, цитирует разных мыслителей, философов для обоснования своей мысли, и... вдруг ему деликатно указывают: вы, мол, говорите хорошо, голос тоже у вас есть, много читали..., но, увы, нового ничего нет в том, что вы говорите.

¹⁵² Объявление об этом занятии см: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 69.

¹⁵³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 19.

¹⁵⁴ ИРЛИ. Ф. 291.

Такой эпизод случился с гр. Мищенко в воскресенье, 18 июля, в «Вольной философской ассоциации». Гр. Мищенко читал доклад: «Философия материальной культуры». Неправда ли — обязующая тема? Это не то, что «история» той же культуры, а сама «философия», т. е. общие принципы, задачи и т. д., и разбирая их, гр. Мищенко, ничтоже сумляшеся, «открыл», что материальная культура, т. е. техника, производство в широком смысле — есть основа всей культуры, а так называемая духовная культура — лишь отражение первой. Прекрасно! Но причем тут Аристотель, Шопенгауэр, Кант, Гартман и пр., и пр. разнотемпераментные и противоречивые философы, на которых так часто ссылался гр. Мищенко для доказательства своей основной мысли. Ну а о Марксе, об его экономическом материализме, которого в сущности, ведь и изложил гр. Мищенко! Об этом ни слова в докладе.

А. Мовшенсон

Вечер Алексея Ремизова¹⁵⁵

В пределах газетной рецензии о вечере Алексея Ремизова, состоявшемся в помещении Вольной философской ассоциации, трудно говорить по существу о самом, быть может, блестящем, наряду с Андреем Белым, русском стилисте.

Не трогая поэтому вовсе невольно напрашивающейся темы о традициях Достоевского и Гоголя в ремизовской психологии действующих лиц и в лирическом пафосе отступлений — вся последняя глава из прочитанной повести «Ров львиный» одно сплошное отступление, обращенное к читателю — хочется отметить еще и еще раз ремизовское отношение к слову и самое качество слова в писаниях его.

Даже когда сам про себя, а не вслух — читаешь Ремизова, испытываешь ощущение какой-то крепости каждого слова, значительности и полновесности, ни одно слово не выскакивает из общего ряда, но все они спаяны, и каждое все-таки глубоко значительно само по себе, и неожиданность хорошего русского слова там, где нас приучили ждать слово иностранное, с искаженным часто к тому же смыслом, чарует и радует. — Слова плетут вязь, жемчужную вязь как мелкие жемчужины вышитых на вологодских кокошниках и шугаях узоров, хитро и ловко сплетенных, так что ни начала, ни конца не найти, и каждое слово еще крепче, чем жемчужина — ударь — не расколется.

Но особенно чувствуешь это свойство ремизовской речи, когда

¹⁵⁵ Известия Петроградского Совета. 1920. 21 июля. № 159. С. 2.

слышишь самого его читающим. Вот у кого надо учиться утерявшим уважение к слову, глотающим, выплевывающим и мычащим слова актерам. Мало их есть, у кого так ясна речь, так значительна и разнообразна, так чиста и свежа.

И наряду с этим обаяние ремизовского юмора, того самого, который брызжет и с висевших в зале его плакатов, с калечиной-малечиной, крокодилой, забавнейшим автопортретом и разными другими чудищами. Но жизнь разнообразна, и горе ее тоже знает Ремизов, всего больше горя, всего больше трудности, и молит он Бога об освобождении нас из Рва львиного, из канавы плачущей — жизни нашей; но вдруг, остановившись, вспомнит, что не только есть горе у человека, а что и солнце для него светит, и весна с цветиками идет, и расскажет он вдруг про костромушку, как она брюшком переливчатым на солнце нежится.

Прекрасно пел «Посолонный круг» Ершов. Редко приходится слышать такое тонкое исполнение столь трудных и словесного и музыкального текстов. И даже такой опасный прием, как актерская игра на эстраде, игра, иллюстрирующая исполняемый вокальный текст, не шокировал, как это часто бывает.

И игра, и вокальное исполнение, и выразительность фразировки, все сливалось с полновесностью и ритмичностью ремизовской прозы, такой гибкой и такой русской.

Афиша¹⁵⁶

В помещении Вольной Философской Ассоциации

(Чернышева пл., д. № 2, подъезд № 1)

В Четверг, 29-го Июля 1920 года,

¹⁵⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 20. Извещение о вечере было опубликовано в разделе «Хроника» газеты «Жизнь искусства» (1920. 27 июля. № 514. С. 1): «В четверг, 29-го июля, в помещении Вольной Философской Ассоциации состоится 3-ий литературный вечер, посвященный творчеству Александру Блока, который прочтет только что законченную и не появившуюся еще в печати поэму «Возмездие» и ряд своих стихов. Вступительное слово скажет Р. В. Иванов-Разумник». Ср.: «Мой вечер в Вольфиле (вступительное слово Иванова-Разумника). Были мама и Люба. Хорошо» (А. Блок. Записные книжки. С. 497). См. также: Н. В. Скворцова. Р. В. Иванов-Разумник: опыт реконструкции и продолжения II-ой главы поэмы Александра Блока «Возмездие» // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Вып. 2. — СПб., 1998. С. 7–18.

состоится
Вечер Александра Блока
по следующей программе:
Р. В. Иванов-Разумник скажет вступительное слово,
Александр Блок прочтет:

1) Поэму «Возмездие» и 2) Стихи.

Начало в 7½ часов вечера.

Билеты продаются: в магазине К. М. Шредера (бывш. Невский, 52)
ежедневно, от 10 час. утра до 4 час. дня, и при входе на вечер
от 4 час. дня.

Анна Радлова

Вечер Александра Блока¹⁵⁷

Когда вчера вечером в переполненном белом зале на Чернышевой площади, 2 я слушала Блока, я вспоминала строки другого великого поэта, Баратынского:

И поэтического мира
Огромный очерк я узрел
И жизни даровать, о лира,
Твое согласие захотел¹⁵⁸.

Не олимпийски прекрасная ясность Пушкина, а мучительная, объемлющая огромный очерк мира мысль Баратынского таинственно и пышно расцвела через сто лет в Блоке, ибо Баратынский был одним из тех мучеников искусства, которым дано *все видеть и все знать*, а Блоку дано не только знание тайного, но и власть претворять тайное в явное.

И этим поэзия Блока всегда откровеннее для тех, кто имеет уши, чтобы слышать.

На вечере, устроенном «Алконост<ом>», Блок читал фрагменты поэмы «Возмездие», первая песня которой была напечатана в «Русской Мысли»¹⁵⁹. Написана поэма четырехстопными ямбами и содер-

¹⁵⁷ Жизнь искусства. 1920. 3 августа. № 520. С. 1. Анна Дмитриевна Радлова (1891–1949) – поэтесса, переводчица.

¹⁵⁸ Из стихотворения Е. А. Баратынского «В дни безграничных увлечений...» (1831; опубликовано в 1832 г. под названием «Элегия»).

¹⁵⁹ В журнале «Русская мысль» (1917. № 1. С. 1–26) были опубликованы пролог и первая глава поэмы «Возмездие».

жание ее — история трех поколений одной русской семьи, начиная с семидесятых годов.

Со времени Евгения Онегина в русской поэзии не было такого мастерского изображения эпохи, изображения времени и места действия, которое неразрывно связано и определяет самое действие.

Война, 1-е марта, потом времена Александра III, страшные отсутствием страшных событий, Россия, замороженная стеклянным взором колдуна Победоносцева:

В те годы дальние, глухие
В сердцах царила сон и мгла,
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла.

— все сулит «невиданные перемены, неслыханные мятежи».

Вся поэма напоена тяжелой и душевной предгрозовой тишиной, пророческим предчувствием революции.

И если бы знали мы «Возмездие», то поняли бы, что «Двенадцать» лишь разрешение аккорда, ужас и радость наконец грянувшей бури.

И так же, как блестящие и победно успокоенные 20-ые годы прошлого столетия мы называем Пушкинским временем, так наши потомки с правом, ибо они будут знать «Возмездие», «Скифы» и «Двенадцать», назовут наши бушующие годы временем Блоковским.

1 августа 1920 г.

Научная жизнь¹⁶⁰

— «Вольная философская ассоциация» (сокращенно — «Вольфила»), задуманная еще в 1918 году, начала свое существование в ноябре 1919 года. Члены-учредители Андрей Белый, Александр Блок, Иванов-Разумник, В. Э. Мейерхольд, К. С. Петров-Водкин, Лев Шестов, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и др.) положили в основу «Вольфилы» мысль о синтезе философии и социализма при отклике на все волнующие современность вопросы. Отклики эти даются — во-первых, в еженедельных воскресных «открытых заседаниях» с докладами на разные темы и с свободным обменом мнений после них, и во-вторых — в работе различных ежедневных кружков «членов-соревнователей» под руководством основателей «Вольфилы» и приглашаемых ими лиц.

¹⁶⁰ Книга и революция. 1920. № 2. С. 91–92. Предположительно заметка написана Ивановым-Разумником в начале августа 1920 г.

Воскресные «открытые заседания» начались 16 ноября 1919 года докладом Александра Блока «Крушение гуманизма», и тема эта, тема *кризиса современной европейской культуры*, стала основной в ряде последующих докладов и чтений: Андрей Белый — «Кризис культуры» (21–XII), «Философия культуры» (7–Ш–1920 г.) и «Лев Толстой и культура» (14–III); Иванов-Разумник — «Эллин и Скиф» (23–XI), «Три искушения» (1–II) и «Скиф в Европе» (29–II); А. Штейнберг — «Развитие и разложение» (30–XI); в связи с этой же общей темой были устроены два больших публичных собрания в Николаевском зале бывшего Зимнего дворца: «Беседа о пролетарской культуре» (21–III) и «Солнечный Град — беседа об Интернационале» (2–V). В этой же связи стояли и доклады Н. С. Лаврова «Философия труда в производственном отношении» и А. А. Мейера «Философия труда» (последний, по болезни докладчика, не состоялся). Несколько особняком по своей теме стояли научные и историко-литературные доклады проф. Б. Е. Райкова — «Русские эволюционисты до Дарвина» (15–II) и проф. С. А. Венгерова — «Евгений Онегин — декабрист» (18–IV), но тесно были связаны с постоянной темой «кризиса культуры» доклады, посвященные вопросу об искусстве и его задачах: К. С. Петрова-Водкина — «Наука видеть» (11–I) и Конст. Эрберга — «Искусство — бунт» (6–VI). Кризис культуры, рассматриваемый и как кризис религии, вызвал ряд докладов на родственные между собою темы: А. А. Мейер — «Гуманизм или христианство?» (22–II) и «Язычество» (23–V), А. З. Штейнберг — «Иудаизм и христианство» (23–V), Андрей Белый — «Ветхий и Новый Завет» (30–V), Н. Н. Розенталь — «Драма религиозной личности — Юлиан-Отступник» (4–VII); призывали к этим темам и доклады более теоретически-философского содержания: проф. Н. О. Лосский — «Бог в системе органической философии» (28–III), проф. С. А. Аскольдов — «Проблема чуда в философии» (27–VI), Конст. Эрберг — «Религия и мистика» (28–XII), А. А. Гизетти — «Общество и Космос» (13–VI), А. З. Штейнберг — «Время и пространство в философии истории» (4–I), Ю. Н. Данзас — «Философия, религия, наука» (11–VII). Кроме всех этих отдельных докладов, ряд заседаний был посвящен социально-философскому освещению деятельности исторических лиц и чествованию памяти Герцена (пятидесятилетие со дня его смерти, заседание 18–I), Лаврова (двадцатилетие со дня смерти, заседание 8–II), декабристов (заседание 14–XII). В начале августа предположено такое же заседание памяти В. С. Соловьева (31 июля ст. стиля исполняется со дня его смерти двадцать лет). Наконец, еще одно заседание (16–V) было посвящено беседе «О задачах Вольной Философской Ассоциации».

Таков сухой перечень одних воскресных, заседаний Вольфила за первые восемь месяцев ее существования; но главная работа ежедневно происходит в кружках, доступ в которые так же открыт, как и на воскресные собрания. С июля действуют или предполагаются к ближайшему открытию следующие кружки: «Философия культуры», «Философия творчества», «Изобразительное творчество», «Философия марксизма», «Философия коммунизма», «Философия анархизма», «Философия народничества», «Введение в философию», «Основные вопросы метафизики», «Философия религии», «Философия математики», «Введение в философию истории» «Критическая история современной литературы» «Антропософия как путь самопознания». Руководителями в занятиях этих кружков являются: Андрей Белый, проф. А. В. Васильев, А. А. Гизетти, Иванов Разумник, А. А. Мейер, проф. Оранский, К. С. Петров Водкин, Стоянов, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и др. Кроме того, в марте и апреле Андрей Белый вел кружок «Культура мысли». Предполагается к открытию в ближайшее время ряд новых кружков по вопросам теории, истории и философии искусства и науки («Основы звукописи» — Артура Лурье, «Теория относительности» и др.). Наконец, в помещении Вольной Философской Ассоциации (Чернышева площ., д. 2, подъезд № 1) изд-вом «Алконост» устраиваются литературно-художественные вечера современных поэтов, близко стоящих к «Вольфиле»; первыми были — «Вечер Андрея Белого» (7—VII), «Вечер Алексея Ремизова» (15—VII), «Вечер Александра Блока» (29—VII), со вступительными словами Иванова-Разумника.

Предполагавшееся издание «Сборников Вольфила» с наиболее интересными из воскресных докладов, соединенных в серии по темам, до сих пор не могло быть осуществлено в виду общих типографских условий. «Вольфила» соединяет в своих стенах лишь 350 членов-соревнователей (по воскресеньям — иногда до тысячи посетителей) — самых разнообразных возрастов, званий, состояний, но объединенных теми стремлениями и идеалами, которые легли в основание Вольфила.

Афиша¹⁶¹

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 8-го августа 1920 года,

Состоится XXXVII открытое заседание:

Доклад И. А. Боричевского. Две интеллигенции

¹⁶¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 21.

Начало в 2 часа дня

Вход свободный.

Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Протокол заседания Совета ВФА¹⁶²

в воскресенье 8-го Августа

в составе Р. В. Иванова-Разумника, К. А. Эрберга и представителей кружков Е. И. Виссель, А. Л. Векслер, Е. Ю. Фехнер, Н. М. Кояловича и П. Я. Данилевского.

Председательствует К. А. Эрберг.

1) Первым стоит вопрос о Московском Отделении Вольфила, открытие которого признается очень желательным. Вносится предложение поручить устройство его Андрею Белому и <о> делегировании каждую неделю одного члена из Петербурга для возможного соотвествия в работах и установлении более тесной связи обеими Вольфила<ми>.

2) Вторым рассматривается вопрос о подготовительных курсах и предполагается устройство именно курсовых занятий, а не кружковых. Для разработки программы выбирается комиссия, в которую входят: К. А. Эрберг, А. З. Штейнберг, А. Л. Векслер и Н. М. Коялович.

3) Вопрос о философии точных наук. Иванов-Разумник, ведший переговоры с проф. Васильевым говорит, что этот последний думает пригласить для ведения занятий в кружках по филос<офии> точных наук Хвольсона¹⁶³, Фредерикса¹⁶⁴ и еще 2 профессоров, при чем после 15 Авг<уста>, переселяясь в Петербург, решил приняться за выполнение своих планов. Признается желательным получение программы организуемых кружков и вносится предложение об устройстве доклада, могущего познакомить публику с теорией относительности.

4) Вопрос о клубе. В виду невозможности получения разрешения о<б> открытии клуба и денег на него, предполагается организовать его своими силами, при чем в первую очередь необходимо позаботиться о самоваре и посуде.

5) В связи с предполагающимся 22<VIII> доклада проф. Лапшина просят Е. И. Виссель известить его об этом.

¹⁶² ИРЛИ. Ф. 291.

¹⁶³ Орест Данилович Хвольсон (1852–1934) – физик.

¹⁶⁴ Всеволод Данилович Фредерикс (1885–1944) – физик.

6) П. Я. Данилевский вносит предложение об обращении в Институт Мозга и, в частности, к Бехтереву¹⁶⁵ с предложением устроить у нас доклад.

7) Иванов-Разумник читает записки Л. Мищенко. Высказывается пожелание получения тезисов доклада «Механизм и Организм» для того, чтоб<ы> решить, приемлем ли он.

Письмо Л. Л. Мищенко в ВФА¹⁶⁶

<От> Леонида Леонидовича Мищенко,
Пгр., Невский пр., 156, кв. 12.
Т. 4—23—12.

Заявление

В дополнение к уже заявленному докладу «Механизм и организм» предлагаю следующие, вполне самостоятельные доклады из того же цикла в порядке желательной постепенности:

- 1) Философия культуры и философия войны;
- 2) Культура и цивилизация на переломе;
- 3) Творчество техническое и художественное.

Об одобрении и назначении докладов прошу заблаговременно уведомить меня.

Леонид Мищенко.

8 августа 1920 г.

№ 379.

Петроград.

Протокол заседание Совета ВФА¹⁶⁷

15/VIII—20 года

Присутствуют: Андерсон, А. Векслер, Эрберг — председатель, П. Осокин, Ал. Блок, Н. Меринг, Н. Коялович, Е. Виссель, Штейнберг, Е. Фехнер, А. Гизетти.

¹⁶⁵ Владимир Михайлович Бехтерев (1857—1927) — невролог, психиатр, организатор и руководитель Психоневрологического института и Института по изучению мозга и психической деятельности.

¹⁶⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 158. На письме помета рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 19. 10/VIII 20 г.».

¹⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 291.

Вопросы:

I. Вопрос. Письмо Р. Иванова.

II. Суббота.

III. Доклад старостата.

22/VIII. И. И. Лапшин. Творческая воля. XXXIX. 2 ч.

29/VIII. Конст. Эрберг. Эстетика В. С. Соловьева. 3 ч.

5/IX. Иванов-Разумник. Проблема зла.

12/IX. А. З. Штейнберг. Веселая наука. <...>

Хроника¹⁶⁸

В Вольной философской ассоциации

В воскресенье, 22 августа 1920 года, состоится 39-ое открытое заседание вольной философской ассоциации. Доклад И. И. Лапшина «Интуиция в научном и философском творчестве». Начало в 2 ч. дня. Вход свободный.

Протокол XXXIX открытого заседания ВФА¹⁶⁹

Лапшин «Интуиция в научном и философском творчестве»

Присутств<овали>: Лапшин, Ив<анов>-Раз<умник> (председатель), Штейнберг, Векслер, Меринг, Коялович и др.

Доклад¹⁷⁰

(краткое содержание)

Докладчик говорит только об интуиции в научном и философском творчестве (а не в художественном), и поэтому ни о каком «вдохнове-

¹⁶⁸ Известия Петроградского Совета. 1920. 21 августа. № 185. С. 2. Аналогичное сообщение опубликовано в «Жизни искусства» (1920. 21–22 августа. № 536–537. С. 3).

¹⁶⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 103. Позже Иванов-Разумник поместил протокол в обложку, в левом верхнем углу которой отметил: «Протокол. Запись Н. М. Меринг»; в правом верхнем углу: «Вольфила. XXXIX заседание»; в центре: «И. И. Лапшин. Интуиция в научном и философском творчестве. Прения: Штейнберг, Векслер, Иванов-Разумник».

¹⁷⁰ Помета на полях: «Доклад есть часть печатающейся книги Лапшина. Тезисы он обещал сам представить, но забыл, поэтому приходится мне восстан<авливать> по черновой записи (Прим. Н. М. Меринг)». Речь идет о гла-

нии», «озарении», «свете» и ни о какой мистической интуиции говорить не собирается.

Научное творчество есть живой организм и *интуиция* всегда появляется в естественном росте этого организма¹⁷¹. Свое понимание интуиции докладчик основывает на конкретных данных — автобиографичес<ких> показаниях различных ученых.

Поэтому большая часть доклада состоит из примеров научных догадок или построений, появляющихся внезапно, но после упорной кабинетной работы.

Примеры: Остроградского, писавшего мелом на спине парты внезапно пришедшие ему в голову готовые формулы; Пуанкаре (известн<ый> пример с подножкой кареты); Менделеева, во сне увидевшего в существ<енных> чертах свою систему; Эдисона, Гельмгольца, Кропоткина, Репина, Сореля, Шамполлиона, Раймунда Луллия, Руссо и множ<ество> других — все примеры, показывающие, что все существенное, как гипотеза, открытие, формула появляется в тех или иных условиях в сознании целиком и частью после упорной работы, но внезапно, как, действит<ельно>, некое озарение свыше.

Из этого следует, что научное творчество несомненно идет от целого к частям (т. е. обработка частных приводит к какому-то скрытому ранее целому). К интересным примерам интуиции следует отнести предвосхищение научных открытий за множество лет, иногда за века (пример Платон, Тимей 56 — почти что дана формула воды¹⁷²) и др.

ве IV — «Творческая интуиция» второго тома книги И. И. Лапшина «Философия изобретения и изобретение в философии (Введение в историю философии)» (<Пб.,> 1922).

¹⁷¹ Помета на полях: «Хотя определить творчество нельзя “просто как бонжур” (Прим. Н. М. Меринг)». Ср. также: «Я поставил это заглавие <“Творческая интуиция”> в кавычки, так как полагаю, что *не существует никакой творческой интуиции* как особого творческого акта, который не разлагался бы без остатка на описанные мною переживания *чуткости* (т. е. памяти на чувства ценности или значимости известных образов, мыслей или движений), *проницательности* (т. е. умения пользоваться теми же чувствами ценности в комбинационной работе воображения, мышления и двигательных процессах) и *чувства целостной концепции* (т. е. опять же способностью учуять по эмоциональным подголоскам *сродство* между собою образов, мыслей или движений, организуемых нами в направлении известной конечной цели)» (И. И. Лапшин. Философия изобретения и изобретение в философии. Т. 2. С. 74).

¹⁷² Ср.: «...когда воздух претерпевает насилие и разрушение, из двух его тел с половиной оказывается составлен один цельный вид воды» (Платон. Соч.: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. — М., 1971. С. 499).

Выводы докладчик делает следующие:

1. Нельзя разделять рассудочное мышление от интуитивного, как качественно различное.
2. Интуиция результат рассудочной работы многих лет (копится годами, выражается в одно мгновение). Поэтому для интуиции так характерно то, что докладчик называет *чувство целостности концепции* и острота проникновения в самую суть научной проблемы. Ибо это есть мгновенный результат многолетней систематической работы.

Прения.

Штейнберг говорит, что если стать на точку зрения докладчика и согласиться с тем, что каждая психика есть нечто в себе замкнутое, то все приведенные примеры будут только любопытными фактами, но подлинного интереса не представят. Между тем мы стоим перед очень значительными фактами сознания. Самая проблема сокровенности (того, что в скрытом виде есть то, что ищется) показывает на то, что факты больше, чем мы сами, и все, что говорит Ив<ан> Ив<анович> интересно и понятно только тогда, когда мы признаем факт Единства Сознания.

Векслер спрашивает, как представляет себе Иван Иванович творческий процесс — психологически или философски, когда говорит о философском творчестве.

Лапшин по-видимому удивлен резким отделением психологического процесса от философского и говорит, что ему непонятны разделения на обособленные департаменты, когда дело касается творчества. В том смысле, в каком нынче модно бояться «психологизма» — он сам антипсихологист, но в докладе, выбирая примеры, он мало думал о психологии: «Великие открытия — разве это психология?» В выборе примеров, разумеется, преобладал момент оценочный, а не психологический.

Векслер опять возражает. Она не согласна, потому что для нее ясно, что, описывая процесс научного творчества, Ив<ан> Ив<анович> брал моменты психологические. (Другими словами: обо всем, что относится к моментам творчества с философской точки зрения не стоит говорить).

Лапшин повторяет, что оценка некоторых моментов творчества не есть психология творчества.

Затем говорили дядя с бородой (кажется, Скоромолотов) и еще неск<олько> неизвестных о том, что всякое мышление рассудочно.

Резюме дал председатель, выделивший наиболее ценные моменты доклада И<вана> И<вановича> (радость творчества и всех творческих<их> переживаний, в которых момент «мыслей без речи и чувств без названия» играет большую роль; тем не менее моменты созна-

тельн<ые> и бессознат<ельные> перемежаются, оттого так трудно уловить моменты интуиции).

Скриба просит прощения, что скверно написала протокол<ол> этого засед<ания>.

Н. Мер<инг>.

Письмо В. Е. Чешихина в Совет ВФА¹⁷³

<19 сентября 1920 г.>

Мил<остивые> граждане!

15 авг<уста> с<его> г<ода> я выступил в Вольфиле с речью о Владимире Соловьеве и понятие обо мне, как лекторе Вы имеете. — Повторяю свое предложение прочесть лекцию на тему: «Христианский социализм и вселенская теократия (о соединении государства и церкви)». Программа лекции — у Вас. С совершеннейшим уважением —

Всеv. Чешихин.

Афиша¹⁷⁴

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 29-го Августа,

Состоится XL-е открытое заседание.

Доклад А. З. Штейнберга **Веселая наука**

Начало в 2 часа дня

Вход свободный.

Чернышева пл., дом 2, телефон 159—26.

Афиша¹⁷⁵

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 5-го Сентября 1920 г.

Состоится XLI-е открытое заседание.

¹⁷³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 254. На почтовой открытке пометы рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 24»; «А. З. Штейнбергу». С докладом на заявленную тему В. Е. Чешихин в Вольфиле не выступал.

¹⁷⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 22.

¹⁷⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 23.

Иванов-Разумник. Социализм в учении Вл. Соловьева¹⁷⁶

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Протокол заседания Совета ВФА № 23¹⁷⁷

5/IX–20 года.

Меринг, Коялович, Змеев, Векслер, Ив<анов>-Раз<умник>, Эрберг, Мейер, Бакрылов.

Вопросы:

I. Воскресенье 12/IX–20. XLII. А. А. Мейер и Иванов-Разумник. Проблема личности.

Бехтерев. Ф. Ф. Зелинский.

Музыкальный вечер — Браудо.

II. Кружки. Э. З. Гурлянд-Эльяшевой. Курс введения в философию. Лосский.

III. Субботы.

Протокол прений на XLI открытом заседании ВФА¹⁷⁸

Иванов-Разумник «Социализм в учении Вл. Соловьева»

Доклад у Раз<умника> Вас<ильевича>¹⁷⁹.

¹⁷⁶ Информация о предстоящем докладе была опубликована «Известиями Петроградского Совета» в рубрике «Просвещение и культура» под заголовком «В Вольной философской ассоциации»: «В воскресенье, 5 сентября, состоится 41-ое открытое заседание вольной философской ассоциации. Доклад Иванова-Разумника „Социализм в учении Владимира Соловьева“. Начало в 2 часа дня, вход свободный (Чернышева площадь, дом 2, подъезд № 1)» (1920. 3 сентября. № 195. С. 2).

¹⁷⁷ ИРЛИ. Ф. 291.

¹⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 159. Запись Н. М. Меринг.

¹⁷⁹ Текст доклада не сохранился. В 1922 г. издательство «Колос» анонсировало книгу Иванова-Разумника «Владимир Соловьев и социализм», однако издание так и не состоялось. 12 ноября 1923 г. Иванов-Разумник выступал на заседании ВФА с докладом «Вл. Соловьев о Софии», где впервые обнародовал работу мыслителя «Sophie» (1876). Сохранились четыре схемы к докладу Иванова-Разумника, воспроизводящие рисунки и схемы самого В. С. Соловьева из «Sophie» и «Философских начал цельного знания» (ИРЛИ. Ф. 79).

Прения.

Мейер (А. А.) Много и подробно говорил о том, что в социализме есть больше правды, но, что при выборе между христианством и социализмом, если только встает задача этого выбора, — он, конечно, не выберет социализма. Неправда социализма в том, что он думает, что путем осуществления человеческой воли можно сделать какое-то добро, тогда как его можно сделать только тогда, когда исполняешь волю Бога.

Губер говорит о том, что его очень неудовлетворило освещение социализма у Р<азумника> В<асильевича>. Вопросы поставлены не дост<аточно> конкретно. Ему непонятен разговор об истинном социализме. Мы можем иметь дело только с историческим. Еще менее понятен ему разговор об истинном христианстве со стороны человека, стоящего вне христианства.

Демчинский говорит, что в социализме сказывается космическая воля, которая стремится к выравниванию всего, об экстропии и энтропии.

Мищенко, стараясь говорить о социализме, по существу — говорит о человек<еской> личности, на кот<орую> надо смотреть не как на средство, а как на цель.

Заключает собрание **Эрберг**, т. к. Раз<умник> В<асильевич> уехал. Он говорит, что доклад интересен именно тем, что докладчик умеет читать между строк и у Влад<имира> Соловьева прочел наиболее жгучее и ценное¹⁸⁰.

Оп. I. № 158). См.: С. М. Соловьев. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. С. 120; 130; 136.

¹⁸⁰ В «Чтениях о Богочеловечестве» В. С. Соловьев доказывал правду социализма как «необходимого следствия» и «последнего слова» «предшествовавшего ему западного исторического развития». По его мнению, «...социализм своим требованием общественной правды и невозможностью осуществить ее на конечных природных основаниях, логически приводит к признанию необходимости безусловного начала в жизни, т. е. к признанию религии» (В. С. Соловьев. Собр. соч. Т. 3. С. 11). Во «Второй речи в память Достоевского» Соловьев говорил уже об «истинном», «русском социализме», соотнося его с всемирно-исторической миссией («всечеловеческой задачей») «истинного христианства»: «русский социализм» есть «духовное братство», которое «требуя одухотворения всего государственного и общественного строя чрез воплощение в нем истины и жизни Христовой» (Там же. С. 197).

Афиша¹⁸¹**Вольная Философская Ассоциация****В Воскресенье, 12-го Сентября 1920 г.****Состоится XLII-е открытое заседание****А. А. Мейер и Иванов-Разумник. Проблема личности****Начало в 2 часа дня****Вход свободный.****Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.****К. Эрберг****Конспект докладов на XLII заседании ВФА¹⁸²****А. А. Мейер и Иванов-Разумник. «Проблема личности»****11–IX–1920****Доклад Мейера.****Доклад Иванова-Разумника.****Оппоненты:** Эрберг, Векслер, Меринг, Мищенко, Чебышев-Дмитр<иев>, Оттенс, Гиринский, Мейер, Ив<анов>-Раз<умник>.**Мейер.****Личность есть самоопределяющийся тв<орческий> акт.****Личность есть ценность, потому посл<едняя> цель. (Бог).****Тв<орческий> акт определяющийся в своем { выявл<ении> / бытии.****[Uhr Ich — Пра-Я — Бог]¹⁸³****Личность м<ожет> быть только тогда, когда есть то, что вне ее (как ценность).****[Богов д<олжно> быть много.****Или множественность Абсолютов (принимается) или отказ от своей****Личности.****Мое бытие определяется не мною, а Богом?]****Зло: метафизическое / физическое / социальное / моральное.****Общество как расширенная и восполненная личность.****[цветок / кошка / чело<век>} индивидуумы } индивидуум + личность**¹⁸¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 24.¹⁸² ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 1–4об; 12–13.¹⁸³ Здесь и далее в квадратных скобках приводится текст, зачеркнутый автором конспекта.

теологич<еское> / метафизич<еское> / психологич<еское> /
этич<еское> / социальн<ое> / юридич<еское>
определенное бытие не есть еще огранич<енное> бытие (Бострём)
персонализм]

Лицо — существо, способное к *самоопределению* (одаренное разумом
и сознани<ем>).

Атеизм (Нет: самоутв<ерждение>)

Антитеизм — самоотрицание

Мое *бытие* определяется не
мною, а Богом Не тварность

Гордость

Uhr Ich = *Пра Я* = Бог

Или множественность Абсолютов, Да: первое. *Определ<енное>* бытие
или отказ от моего я не значит *огранич<енное>*
б<ытие>.

Свободу можно утверждать *только* Да: творч<еское> преодол<ение>
в борении со стихийными силами борьба с Властью.

Силы для борьбы нахожу в *соеди-* Но не в *растворении* моего Я. Си-
нении с Богом (Своб<одная лу нахожу в царстве *свободы*

Личность>)

Бессмертие Воскресенье

Сверхчелов<ек> — не личность

Ив<анов>-Раз<умник>

сомн<евается> в бессм<ертии> Человек может быть смертен, но
Я бессмертно. Марк гл. 9, ст. 40¹⁸⁴.

Власть

Пантеизм, политеизм, братья

«Я сам» педаг<огический>

принц<ип> акт.

Я природен

Свобода (искра)

Падение — свобода

За помощью к той власти, с кот<орой> борюсь?

Если будет *распыление*, то не хочу.

Доклад *Иванова-Разумника*.

Бого { отцовство / сыновство → богобратство?

Скифство: «Да будет воля *моя*»

1) доисторич<еская> жизнь

2) история (вчера)

¹⁸⁴ Ср.: «Ибо, кто не против вас, тот за вас».

- 3) оправдание свободы (сегодня)
 4) свободное тв<орчест>во (завтра) освобожд<енное> бытие — ?
 5) слияние { антроподицеи / теодицеи своб<одное> бытие — Да
 Иудейство — огн<енный> столб — бого-водитель<ство>
 Арийство — огонь Прометея — чел<овеко>-водительство
 Принцип { рассеяния — Вавил<онская> башня
 { собрания { Интернац<ионал> / коммунизм
 монгол
 семит — хамит — иафетид
 ариец
 1) богобратство
 2) бытие { освоб<ожденное> / своб<одное>
 3) антропокр<атия> (активн<ость?>) творч<еская> ненависть
 4) Россия
 5) да буд<ет> воля наша
 6) скифы до скифов
 творч<еское> начало
 норма — иннормативн<ое> начало (против Шт<ейнберга?>)
 трагедия

Афиша¹⁸⁵

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 19-го Сентября 1920 г.

Состоится XLIII-е открытое заседание

Доклад **Гарта. О смысле жизни**

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

¹⁸⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 25.

Афиша¹⁸⁶

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 26-го Сентября 1920 г.

Состоится XLIV-е открытое заседание

**Доклад В. М. Бехтерева. О непосредственном восприятии
(на основании данных эксперимента)**

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159—26.

Предписание¹⁸⁷

Р.С.Ф.С.Р.

Комиссариат по Просвещению

Отдел Ученых учреждений и

Высших Учебных Заведений

29/IX 1920 г. № 3798.

**В ВОЛЬНО-ФИЛОСОФСКУЮ
АССОЦИАЦИЮ.**

Чернышева площ<адь>, 2.

Во исполнение постановления Президиума
Петросвета от 29-го Августа сего г<ода> за № 130
о передаче дома № 2 по Чернышевой площ. в веде-
ние Совкомхоза¹⁸⁸, Отдел просит, согласно отно-
шения Отдела Благоустройства от 21-го Сентября
с<его> г<ода> за № 2215, освободить помещения,
занимаемые в этом доме Вольной Философской
Ассоциацией.

Заведывающий <так!> Отделом: М. Кристи.

Заведывающий Канцелярией: Подпись.

¹⁸⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 26. Информация о предстоящем заседании (доклад В. М. Бехтерева «О непосредственном восприятии на основании данных эксперимента») была опубликована в «Известиях Петроградского Совета» (1920. 25 сентября. № 214. С. 2) в разделе «Хроника. В Вольной философской ассоциации» с ошибочным указанием даты — 27 сентября.

¹⁸⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 170. На документе помета рукой В. В. Бакрылова: «Вх. № 29».

¹⁸⁸ 21 сентября в Отдел высших учебных заведений и ученых учреждений на имя М. П. Кристи поступило распоряжение о немедленном освобождении помещений, занимаемых ВФА в доме по Чернышевой пл., д. 2. (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 190. Л. 19).

Письмо Ю. Гиорта в ВФА¹⁸⁹

Господам Лекторам Вольной Философской Ассоциации.

У меня имеется некоторое количество книг (около 300 томов), преимущественно немецких, — но есть и французские — по философии (Wundt, Wentscher, Rickert etc)

~ истории

~ географии

~ литературе

беллетристика

по религиозным вопросам

в переплете и брошюрованные.

Если пожелаете приобрести, прошу пожаловать от 6½ час<ов> вечера Вас<ильевский> Остр<ов>, 12 лин<ия>, дом 31^в, кв. 21, ход со двора, через средние ворота.

Петроград

30го Сентября 1920.

В Воскресенье 3го Октября от 2 часов дня.

Афиша¹⁹⁰

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 3-го Октября 1920 г.

Состоится XLV-е открытое заседание

Борис Демчинский. Возмездие за культуру¹⁹¹

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

¹⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 182. На письме помета рукой В. В. Бакрылова «Вх. № 25».

¹⁹⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 27.

¹⁹¹ Позже на основе этого доклада Б. Н. Демчинским была издана книга «Возмездие за культуру (Движение к общемировому голоду)» (Пг., 1923), где основным конфликтом современности назвалась «безогневая и бесшумная война» между человеком и землей, культурой и природой, предрекалась историческая неизбежность окончательной расплаты человечества за свое господство над окружающей средой: «В требовании выкупа за свои дары слагает история свою закономерность. Она как ростовщик: сегодня дары, а расплата не сразу, но зато неумолимая и всегда разоряющая. Вдруг инквизиция как счет за порыв к непосильной для среднего человека жертвенной любви, или жуткое число са-

Протокол заседания Совета ВФА № 24¹⁹²

3/Х

Помещение.

Воскресенье.

Смета.

Кружки. <...>

10/Х. XLVI. Ф. Ф. Зелинский. Творческая эвфория.

24/Х. XLVII. С. А. Аскольдов. Свобода воли.

31/Х. XLVIII. Вяч. Иванов и Гершензон¹⁹³.

моубийств и безудержный разврат как неведомо откуда выросшие спутники высшей культурности, или небывалая война, соединяющая в страшной панораме своей неисчислимы тени прошлого, которые когда-то, несомненно, возникали от света, но до поры до времени затаились, незаметно загушаясь, — благо и сам человек обнаруживал склонность их не замечать, — пока наконец не поднялись в общем заговоре. В последней войне как-то сразу сплотились и навалились грехи прошлого, содеянные перед культурой духа; в мятежном порыве земли, начавшей свою войну и двинувшей свои дикие орды на культурные посевы, восстали иные тени и другое дано знамение. Природа будет мстить и не отступит от своего замысла и не смягчит приговора» (С. 88).

¹⁹² ИРЛИ. Ф. 291.

¹⁹³ Речь идет о рукописи «Переписки из двух углов», которая зачитывалась в на XLVII открытом заседании ВФА 17 октября. Ее содержание составили 12 подлинных писем Вяч. Иванова и Михаила Осиповича Гершензона (1869—1925) на тему духовного самоопределения современной эпохи, которыми они обменивались между собой 17 июня — 19 июля 1920 г., оказавшись в общей комнате одной из московских здравниц для работников науки и литературы. См.: В. Иванов. Собр. соч. III. С. 383—415; а также: 453—484; 807—818. Книга была издана петроградским издательством «Алконост» летом 1921 г. Ср. также с откликом А. А. Гизетти, возможно, прозвучавшим и на данном заседании Вольфильт: «Эта странная переписка на тему о сущности и противоречиях культуры происходила между двумя корреспондентами — литераторами, когда они жили вдвоем (притом без посторонних третьих лиц, что видно на содержании переписки) в одной комнате здравницы для работников науки и искусства в Москве. Такое объединение поневоле настраивает скептически: пред нами, очевидно, продукт очень уединенного, специфически-интеллигентского умонастроения и характера; люди разучились задушевно говорить, а могут только литературно, обобщенно писать. Но в этом отчасти и заключается интерес «Переписки». Это своеобразный человеческий документ запутавшейся духовной жизни наших дней. Характерно ее содержание: спор «верующего» в «культуру» Вяч. Иванова со смятенным и усомнившимся в ее успехах Гершензоном. Книжечка прочитывается с волнением, вниманием

17/Х. А. З. Штейнберг. Веселая наука.

В четверг от 7 заседание общ<ее> для членов-соревнователей.

Тема:

Заг<ородный>, 30, кв. 11.

Курсы.

Устав.

Афиша¹⁹⁴

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 10-го Октября 1920 г.

Состоится XLVI-е открытое заседание

Ф. Ф. Зелинский. Творческая эвфория

Начало в 3 часа дня.

Вход свободный.

Чернышева пл., д. 2, подъезд № 1, тел. 159–26.

Общество изучения Западной Культуры¹⁹⁵

4-го октября состоялось открытие Общества изучения Западной Культуры. Председателем первого заседания был выбран академик С. Ф. Ольденбург.

Один из инициаторов Общества, А. И. Гидони, ознакомил собрание от имени инициативной группы (А. И. и Г. И. Гидони, В. А. Пяст¹⁹⁶, Андрей Белый¹⁹⁷, В. М. Жирмунский¹⁹⁸) с задачами и намерениями нового Общества. <...>

и интересом, особенно письма “ищущего” М. О. Гершензона. Всю же переписку в общем надо признать растянутой в письмах - по шести с каждой стороны. В ней почти не развиваются “действия”, аргументация; позиции авторов определяются с самого начала. Друг друга им не переубедить, и дальнейшее полно скучноватых повторений» (Вестник литературы. 1921. № 10. С. 9).

¹⁹⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 28.

¹⁹⁵ Жизнь искусства. 1920. 8 октября. № 577. С. 1.

¹⁹⁶ Владимир Алексеевич Пяст (наст. фам. Пестовский; 1886–1940) – поэт, переводчик.

¹⁹⁷ Объявленное участие Андрея Белого в инициативе, принципиально альтернативной Вольфиле, являлось, по всей видимости, своеобразной «рекламной уловкой» организаторов, поскольку осенью 1920 г. председатель ВФА проживал в Москве.

¹⁹⁸ Виктор Максимович Жирмунский (1891–1971) – литературовед.

Деятельность нового Общества предполагается разделить на внутренние, закрытые заседания, публичные лекции и диспуты¹⁹⁹.

Доклад А. И. Гидони был дополнен некоторыми мыслями и пожеланиями В. А. Пяста, указавшего, между прочим, что возможна такая постановка и трактовка тем, которая создаст любопытную полемику с Вольной Философской Ассоциацией.

Гидони заметил, что такая возможность не исключается, но что желательно остерегаться бесплодной и напрасной полемики. В новом Обществе не должно быть много вольности и мало философии.

Г. И. Гидони указал на то, что на первых порах явится преимущественная надобность в закрытых заседаниях, так как уже намечен ряд тем, научность и строго специальный характер которых исключает возможность популяризировать их для широкой аудитории. <...>

Протокол заседания Совета ВФА № 26²⁰⁰

10/X—20 года.

Векслер, Фехнер, Коял<ович>, Осокин, Георг<ий> Як<овлевич> Змеев.

Объявление о кружках.

Пон<еделец> и среда от 5 ч<ас>ов.

17/X. XLVII. Вяч. Иванов и Гершензон.

24/X. XLVIII. С. А. Аскольдов. Свобода воли.

31/X. XLIX. А. З. Штейнберг. Веселая наука.

7/XI. XL. Платон. А. В. Васильев, Ф. Ф. Зелинский, Н. О. Лосский.

Русс<кое> Геогр<афическое> о<бщест>во. Демидов пер., д. 8а. <...>

Афиша²⁰¹

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 24-го Октября 1920 года,

Состоится XLVIII-е открытое заседание:

С. А. Аскольдов. Свобода воли

¹⁹⁹ Сведений о последующей деятельности Общества изучения Западной Культуры не имеется.

²⁰⁰ ИРЛИ. Ф. 291.

²⁰¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 29. Информация о XLVIII открытом заседании и вечере поэзии Клюева была опубликована в «Известиях Петроградс-

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

В том же помещении состоится первый литературный вечер

Вольн. Фил. Ассоциации

Вечер поэзии Николая Клюева

Начало в 7½ часов вечера.

Вход свободный.

В Воскресенье, 31-го Октября 1920 года,

Состоится XLIX открытое заседание

А. З. Штейнберг. Веселая наука (Памяти Ницше)

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный.

Демидов пер., 8а Зал Географического О-ва.

Протокол заседания Совета ВФА²⁰²

21 ноября 1920 г.

Присутствовали: Иванов-Разумник, Эрберг, Штейнберг, Чебышев-Дмитриев, Векслер, Коялович, Меринг, Змеев.

Председатель: Иванов-Разумник.

Вопросы.

1. Обсуждение темы докладов будущих воскресений. (Предложения: Лавров: Социализм и современное строительство; Гредескул²⁰³: Россия и интеллигенция; Чебышев-Дмитриев: Время и бессмертие).

2. Печатанье афиш.

Постановления.

На воскресенье 28 ноября назначается доклад А. А. Чебышева-Дмитриева «Время и бессмертие».

Решили временно отложить печатанье афиш ввиду различных затруднений, и объявления сделать в газетах.

кого Совета» (1920. 22 октября. № 237. С. 2), а о XLIX открытом заседании — там же 30 октября (№ 244. С. 2). Отчет Ф. Groшикова [С. Копейкина] «Последний из могикан» о двух вечерах поэзии Н. Клюева в Петрограде см.: Красная газета. 1920. 22 октября. № 237. С. 4.

²⁰⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 13. Л. 12.

²⁰¹ Николай Андреевич Гредескул (1865 — после 1926) — профессор гражданского права Политехнического института, публицист.

3. Открытие клуба. Намечается литературный вечер Ремизова и Блока. Переговорить с А. А. Блоком до четверга 25 и 25 открыть клуб.
4. Начало чтения курсов. Намечены дни начала занятий Чебышева-Дмитриева (26) и Кояловича (27).

За Председателя: Р. Иванов.

Секретарь: Н. Меринг.

Объявление²⁰⁴

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 5го декабря 1920 г.
состоится LIV^{ое} открытое заседание:

А. А. Мейер. Творчество символа

Начало в 2 ч. д. Вход свободный

Зал Геогр. О-ва Демидов пер., д. 8а

Расписание занятий²⁰⁵

Вольная Философская Ассоциация

(Фонтанка, д. 50, кв. 22).

Занятия с 13 Декабря по 18 Декабря 1920 г.

13 Понедельник	8—10	Кружок А. З. Штейнберга «Основные вопросы метафизики»
14 Вторник	8—10	Курс А. В. Васильева «Философия математики» (Педагогический инст<итут>, Матем<атический> кабинет)
15 Среда	5—7	Курс А. А. Мейера «История древней философии»
	7—9	Кружок К. А. Эрберга «Философия Творчества»
16 Четверг	5½—7½	Курс Э. З. Гурлянд-Эльяшевой «Введение в философию»

²⁰⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 25. Текст написан Ивановым-Разумником.

²⁰⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 12. Текст написан рукой В. В. Бакрыловым.

- 7—9 Кружок **Иванова-Разумника «Критическая история литературы XX века»**
- 9—12 **Собрание клуба**, диспут о Монументе Татлина при участии **Н. Пунина, Бруни**²⁰⁶ и др.²⁰⁷
- 17 Пятница 8—10 Кружок **А. А. Мейера «Философия религии»**
« — « Курс **А. А. Чебышева-Дмитриева «Введение в философию математики»**
- 18 Суббота 6—8 Курс **Н. М. Кояловича «Логические учения»**
- Четверг, Пятница, Суббота, Воскресенье от 9 часов
Собрание шахматистов.
- Прием по делам кружков и клуба ежедневно
(кроме понедельников от 5—7).

Объявление²⁰⁸

Шахматный кружок
при клубе Вольной Философской Ассоциации

Собрания — по Четвергам, Пятницам, Субботам и Воскресеньям,
с 8 до 12 ч. ночи.

Запись у Руководителя — **А. А. Чебышева-Дмитриева**

Вход свободный.

Фонтанка, 50, кв. 22 (После 8 ч. веч. — вход со двора).

Повестка²⁰⁹

Вольная Философская Ассоциация

В воскресенье 26-го декабря 1920 года
состоится LVII-е открытое заседание

О. Д. Форш. Творчество слова

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный

Демидов пер., д. 8а. Зал Географического О-ва.

²⁰⁶ Лев Александрович Бруни (1894—1948) — художник.

²⁰⁷ Позже эта тема зачеркнута; сверху приписано: «Наталья Халатьян. Пласт<ика>. Кузьмин. Стихи».

²⁰⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 64. Текст написан Ивановым-Разумником.

²⁰⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 13.

Расписание занятий²¹⁰

Вольная Философская Ассоциация

Кружки и курсы

Занятия с 27 декабря 1920 по 1 января 1921 г.

	от до часов веч.		Примечание:
Понедельник 27—XII	— — 7—9 ч. в.	Иванов-Разумник «Философия культуры»	Доклад Ф. Ф. Зелинского . См. особое объявление.
Вторник 28—XII		А. В. Васильев «Философия математики»	Университетская наб., д. 11. Математический Кабинет при Педагогическом Институте.
	8—10	А. З. Штейнберг «Основные вопросы метафизики»	НВ. О новом курсе — «Творчество слова» — см. особое объявление.
Среда 29—XII	5½—7	А. А. Мейер «История древней философии»	Четвертая лекция курса.
	7—9	К. А. Эрберг «Философия творчества»	
Четверг 30—XII	5½—7	Э. З. Гурлянд-Эльшица «Введение в философию»	Третья лекция курса; в комнате № 1.
	7—9	Иванов-Разумник «Критическая история современной литературы»	В комнате № 5.
Пятница 31—XII	7—9	А. А. Мейер «Философия религии»	
	8—9½	А. А. Чебышев-Дмитриев «Введение в философию математики»	Не состоится.
Суббота 1—I—1921	6—8	Н. М. Коялович «Логические учения»	Не состоится.

²¹⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 14. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

Запись и справки — у секретаря и заведующего организацией
кружков — ежедневно, кроме понедельника —
после 5 ч. вечера
Фонтанка, д. 50, кв. 22. (После 8 ч. веч. — вход со двора).

Объявление²¹¹

Клуб членов-соревнователей

Вольной Философской Ассоциации

В Понедельник 27го декабря состоится
соединенное собрание клуба и кружка
по «Философии культуры»:

доклад **Ф. Ф. Зелинского «Эллинизм и христианство»**

Начало в 7 ч. веч.

В Четверг 30го декабря

Вечер поэзии

Начало в 8 ч. веч.

В Понедельник 3го января 1921 г.

доклад **Н. С. Лаврова «Будущее России в связи с развитием
социализма»**²¹²

Начало в 8 ч. веч.

Фонтанка, д. 50, кв. 22. После 8½ ч. веч. — вход со двора.

Объявление²¹³

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 2 января 1921 г.

состоится LVIII-ое открытое заседание:

Ф. Я. Парчевский. «Мессианизм и славянство»

В Воскресенье 9-го января 1921 г.

состоится LIX-ое открытое заседание:

К. С. Петров-Водкин. «Красота спасет мир»

²¹¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 26. Текст написан рукой Иванова-Разум-
ника.

²¹² Доклад был перенесен на 23 января 1921 г.

²¹³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 27. Машинописный проект афиши с пе-
чатью ВФА.

В Воскресенье 16-го января 1921 г.
состоится LX-ое открытое заседание:
Конст. Эрберг «О догматах и ересь в искусстве»
В Воскресенье 23-го января 1921 г.
состоится LXI-ое открытое заседание:
Н. С. Лавров. «Будущее России и социализм»
Начало в 2 часа дня.
Вход свободный
Зал Географ. О-ва. Демидов пер., д. 8а.

Объявление²¹⁴

Вольная Философская Ассоциация
Клуб членов-соревнователей
В Понедельник 10-го января 1921 г.
Елка
В Четверг 13-го января 1921 г.
Вечер рассказов А. Терек²¹⁵
В Понедельник 17-го января 1921 г.
Доклад Б. Н. Демчинского: «Пути Христа»
В Четверг 20-го января 1921 г.
Вечер критико-библиографический: «Имажинизм»
В Понедельник 24-го января 1921 г.
Доклад Н. Е. Фельтен²¹⁶: Л. Н. Толстой и революция
Начало в 8 ч. вечера. Вход свободный для всех
членов-соревнователей В.Ф.А.
Фонтанка, д. 50, кв. 22. После 8 ч. вечера — вход со двора.

²¹⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 16. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

²¹⁵ Псевдоним О. Д. Форш.

²¹⁶ Николай Евгеньевич Фельтен (1884—1940) — литератор, издатель сочинений Л. Н. Толстого. См. рекомендательное письмо С.М. Городецкого к А.А. Блоку от 8 августа 1920 г.: «Дорогой Саша. Рекомендую твоему вольфильскому вниманию Ник<олая> Евг<еньевича> Фельтена, известного толстовца <...>, личного друга Л.Н., обладателя бесценных архивов по Толстому и тонкого знатока его личности и творений. Мне кажется, при Вольфиле студия по Толстому была бы вполне уместна» (Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 2. С. 61).

Письмо Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу²¹⁷

16/1 1921

Дорогой Константин Александрович, — Вам расскажет Ольга Дмитриевна, почему я не был всю неделю в городе и не приехал сегодня: болезнь сына (еще не определенная) с t° около 40° -ов. Я не был в Четверг на своем кружке — и очень огорчился, узнав, что по настоянию А. Л. Векслер отменили и клубное заседание — «вечер рассказов Терека». Почему? Этак мы совсем отвадим посетителей от начавших налаживаться клубных заседаний. Завтра (на Демчинского) и в Четверг, вероятно тоже не буду: не возьмете ли Вы на себя попечение, чтобы вечера эти не развалились. (NB: расписание клубных вечеров на весь январь я передал О. Д. [Форш] для того, чтобы прикупить его к дверям зала заседаний).

Очень досадую, что не буду на Вашем докладе. Я приеду в город только с вечерним поездом, т<ак> к<ак> мне надо переночевать на моей петербургской квартире. Зайду к Вас в *Понедельник*, часов в 12 дня, имея к Вам просьбу и дело, которые тогда и изложу. А теперь привет Вольфиле и до скорого свидания.

Ваш Р. Иванов.

P. S. Я думал: хорошо бы нам «всем, всем, всем» написать письмо Борису Николаевичу, огласить его в Вольфиле на заседании и послать с надписями.

P. S. S. Если сегодня в зале увидите И. Я. Гинзбурга²¹⁸ (его Вам покажет Форш), то имейте в виду, что он предлагает доклад «Язык скульптуры». Хорошо бы поговорить.

Расписание занятий²¹⁹

С 17-го по 23-ье января 1921 г.

- 17-го (понедельник): в 8 ч. собрание клуба; доклад Б. Н. Демчинского: «Пути Христа»²²⁰
 18-го (вторник): 6—8. О. Д. Форш и А. Л. Векслер: Кружок «Творчество слова»
 8—10. А. З. Штейнберг «Метафизика»

²¹⁷ ИРЛИ. Ф. 474. № 145. Л. 17.

²¹⁸ Илья Яковлевич Гинзбург (1859—1939) — скульптор.

²¹⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 18.

²²⁰ Позже зачеркнуто; сверху приписано: «вечер памяти Толстого; доклад: И. Я. Гинзбург “Толстой и искусство”, Н. Е. Фельтен “Толстой и революция”». Первоначально это заседание было намечено на понедельник, 24 ян-

- 8–10 (Университетская, 11) !!! 8–10. **А. В. Васильев**
«Философия математики»
- 19-го (среда): 6–8. Курс истории древней философии. **А. А. Мейер**
7–9. **К. А. Эрберг**: Философия творчества
- 20-го (четверг): 6–8. **Э. З. Гурлянд-Эльяшева**: Введение в философию
В клубе: В 8 ч. Вечер рассказов **А. Терек (О. Форш)**²²¹.
- 21-ое (пятница): 8–10. **А. А. Чебышев-Дмитриев**: Введение в философию математики
8–10. **А. А. Мейер**: Философия религии.
- 22-го (суббота): 6–8. **Н. М. Коялович**: Логические учения.

В воскресенье 23-го января в 2 ч. дня (Демидов пер. 8а)
LXI откр<ытое> заседание: **Н. С. Лавров** «Будущее России и социализм».
По воскресеньям, понедельникам и четвергам в клубе
собрания шахматистов.
Фонтанка, 50, кв. 22. Справки ежедневно от 6–7 веч.

<**Б. Н. Демчинский**>

Любовь как нарушение мировых законов и современных человеческих идеалов²²²

Прогноз науки о судьбах мира. Энтропия. Необратимые процессы.
«Часы были заведены только один раз»²²³. Предположение о существовании центров эктропии за пределами нашего астрономического мира. Необоснованность этих предположений. Картина умирания миров. Исчезновение животворящих сил при полном сохранении всего имеющегося запаса сил. Идеал равномерности как признак наступившей смерти. Всеобщее выравнивание, без надежды вернуться

варя. Расписание занятий с 24-го по 29-ое января 1921 г. см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 20.

²²¹ Позже зачеркнуто; сверху приписано: «Н. Никитин прочтет повесть «Кол». Николай Николаевич Никитин (1895–1963) – прозаик, член литературной группы «Серапионовы братья».

²²² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 21. Предположительно тезисы доклада Б. Н. Демчинского в Вольфиле 17 января 1921 г.; авторство устанавливается на основании его выступления в прениях на XLI открытом заседании ВФА «Социализм в учении Вл. Соловьева».

²²³ Ср.: «Эта привычка [жить. – В. Б.] (часы заведены и сами собой продолжают идти) вызывает естественную смерть» (*Г. В. Ф. Гегель*. Лекции по философии истории. – СПб., 1993. С. 121).

к неравенству, включено в космический план. Тоска будущего человечества по неравенству. (На обороте).

Идеал социализма как послушание мировой воле. Неизбежность социализма. Социализм, осуществляющий необратимые процессы. Золото, равномерно растворенное в океанах, обманчивая радость вечного возвращения жизни. Признаки энтропии. Предел жертвы в социализме. Жертва собой и жертва другими. Мечты человечества о равенстве. Под видом одухотворенных человеческих замыслов космос проводит свои бездушные планы.

Бунт против законов космоса. Христианство. Протест Христа против равенства²²⁴. В идеальном христианстве не может быть равенства. Любовь как обратимый процесс. Единый центр эктропии.

Объявление²²⁵

Вольная Философская Ассоциация

Клуб членов-соревнователей

Январь

Понедельник 17

Доклад Б. Н. Демчинского
«Пути Христа»

Начало в 8 ч. веч.

Четверг 20

Литературный вечер:
т. Никитин прочтет рассказ «Кол»
Вечер пластики²²⁶

Начало в 8 ч. веч.

²²⁴ Ср.: «Ты привел Христа в революцию, как идеального, но беспомощного человека, и не предвидел, что земле не нужно Его тела, не нужно Его механического соучастия, а важны Его идеи, которые не покидали людей и по-прежнему насыщают тот воздух, в котором мы движемся, живем и даже враждуем! Может быть, именно в разгар революции пребывание Христа сказывается с наибольшей ясностью, потому что только Его сила, незаметно повсюду развеваясь, облагораживает революцию, уменьшая ее животное остервенение и сдерживая тот разгул, который не имел бы границ без благотворного влияния вечно звучащих идей Христа. Если революция не приняла законченного и беспросветно-жесточкого течения; если из многомиллионного бунта не образовалась картина светопредставления и, значит, революция не несет добивающего удара с поголовным уничтожением враждующих, — то кому же мы этим обязаны, как не пребыванию Христа на земле?» (Б. Демчинский. Христос в революции. (Фантазия). — СПб., 1907. С. 78).

²²⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 53. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

²²⁶ Позже зачеркнуто.

Понедельник 24	Вечер памяти Л. Н. Толстого: И. Я. Гинсбург: Толстой и искусство Н. Е. Фельтен: Толстой и революция	Начало в 10 ч. веч. Начало в 8 ч. веч.
Четверг 27	Литературный вечер: А. Терек прочтет новые рассказы («Африканский брат» и др.) ²²⁷	Начало в 8 ч. веч.
Понедельник 31	Литературно-библиографический вечер: «Имажинизм», доклад А. Л. Векслер	Начало в 8 ч. веч.

Фонтанка, д. 50, кв. 22 (После 8½ ч. веч. — вход со двора)

«Вольфила»²²⁸

В ноябре 1919 года начала свое существование в Петрограде «Вольная философская ассоциация» (сокращ. «Вольфила»). Члены-учредители: Андрей Белый, А. Блок, Иванов-Разумник, В.Э.Мейерхольд, К. С. Петров-Водкин, Лев Шестов²²⁹, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг и др. В основу «Вольфилы» положена мысль о системе философии и социализма при отклике на все современные вопросы. По воскресеньям устраиваются открытые заседания с докладами на разные темы. На этих докладах выступали члены-учредители, а также А. А. Мейер, Н. О. Лосский, С. А. Аскольдов, А. А. Гизетти, Ю. Н. Данзас. Кроме того, организованы кружки членов-соревнователей, под руководством основателей «Вольфилы» и приглашенных ими лиц.

²²⁷ Позже зачеркнуто; рядом написано: «Никитин прочтет рассказ» «Кол»».

²²⁸ Русская книга. 1921. Январь. № 1. С. 14.

²²⁹ В том же номере журнала ошибочно утверждалось, что «Лев Шестов до осени 1920 г. жил в Петрограде, участвовал в образовании «Вол.-Фил. Асс.»» (Там же. С. 34).

Объявление²³⁰

Вольная Философская Ассоциация

Воскресные доклады на заседаниях с 16-го янв<аря>
по 6-ое февр<аля> 1921 г.

Воскресенье 16-го янв<аря>

Конст. Эрберг. О догматах и ересь в искусстве

Воскресенье 23-го янв<аря>

Н. С. Лавров. Будущее России и социализм²³¹

Воскресенье 30-го янв<аря>

Е. М. Браудо. Романтическая психология в музыке²³²

Воскресенье 6-го февр<аля>

Ф. Я. Парчевский. Очередные задачи знания

Начало в 2 часа дня.

Вход свободный

Зал Георг. О-ва. Демидов пер., д. 8а.

Объявление²³³

Вольная Философская Ассоциация

Возобновление занятий в кружке по «Философии культуры»
в Понедельник 24-го янв<аря> 1921 г.

Доклад **Иванова-Разумника «Христианство и Социализм»²³⁴**

Начало в 6 ч. веч.

²³⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 19. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

²³¹ Сохранились 2 повестки на это заседание. На одной из них рукой Бакрылова помечена дата с ошибочным указанием года: «17/1 20 год».

²³² Конспективные заметки Конст. Эрберга, вероятно, председательствовавшего на этом заседании, см.: ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 5–7.

²³³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 31. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

²³⁴ Заявленная тема нашла отражение в статье Иванова-Разумника «Россия и Инония» (1918). Ср.: «Христианство — и Социализм. Для одних противопоставление это — кошунственно и плоско, ибо Христианство для них — безмерно больше, чем великая вселенская идея, а Социализм — бесконечно меньше, чем религиозное мировоззрение: лишь социально-политическая программа. Для других сопоставление это — никчемно и «отстало», ибо Христос для них — безмерно меньше, чем вечный мировой символ, а Социализм —

В Четверг 27-го января 1921 г. в кружке по Русской Литературе
XX-го века

доклад **Иванова-Разумника** «„Двенадцать“ и „Скифы“
Александра Блока»

Начало в 6 ч. веч.
Фонтанка, д. 50, кв. 22.

лизм — бесконечно больше, чем мировоззрение: вера их жизни и смерти. Первые — не видят “нового вознесения” человеческого духа за социально-политической схемой исторического социализма. Вторые — заслоняют в своем понимании вечно живую мировую идею мертвым скелетом исторического христианства. И те и другие — не видят за деревьями леса. Ибо есть Христианство и христианство. Есть Социализм и социализм. Не „плоско“ и не “отстало”, не “кощунственно” и не “никчемно” сопоставлять и противопоставлять друг другу две вселенские идеи, две мировые волны, идущие одна вслед за другою, сметающие собою мир старый, выносящие нас с собою в мир новый. Исторический социализм — есть и всегда будет тем самым, чем всегда была христианская церковь: социально-культурной силой, которая беспрерывно сменяться будет новыми формами, в связи с изменяющимися историческими условиями. Но все эти многообразные формы “социализма”, “синдикализма”, “анархизма” неизбежно нам объединить условной, общей — не боюсь этого слова: — религиозной идеей Социализма, новой верой и новым знанием, идущим на смену старому знанию и старой вере Христианства и его многообразных исторических форм. Это видят, это знают лучшие даже из профессиональных христианских богословов, не разменявшиеся еще до степени профессиональных антисоциалистических суесловов. “В византизме, католичестве и протестантстве — говорит один из них (проф. Тареев) — мы видим три положительных формы церковно-исторического христианства; социализм решительно идет в сторону от христианства, и его связь с христианством — в его сознательном и прямом анти-христианстве”. Если прибавить к этим словам, что христианство в его церковно-исторических формах, все двадцать веков своей жизни было почти сплошь “анти-Христовым”, то вопрос будет поставлен правильно и твердо. Но вопрос этот — большой, о нем нельзя говорить мимоходом; пока достаточно его только поставить» (*Иванов-Разумник. Вершины. Александр Блок. Андрей Белый. С. 207–208*).

Проект

**Положения о I-ом Всероссийском Философском Съезде
в Петрограде²³⁵****I. Задачи Съезда.**

§1. I-ый В<сероссийский> Ф<илософский> С<ъезд> созывается для совместного обсуждения и выяснения вопросов культурного творчества человека с точки зрения основ общего мировоззрения и мировосприятия.

II. Организация Съезда.**А. Организационное бюро.**

§2. Для проведения всех необходимых мер по подготовке и созыву съезда учреждается О<рганизационное> Б<юро> по созыву I-го В<сероссийского> Ф<илософского> С<ъезда> в составе: 1) Президиума В<ольной> Ф<илософской> А<ссоциации>, 2) Представителей от В<сероссийской> А<кадемии> Наук, Петр<оградского> Госуд<арственного> Унив<ерситета>, Петерб<ургского> Фил<ософско-

²³⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 65. В своих воспоминаниях А. З. Штейнберг называет эту инициативу планом организации в России «Первого международного съезда по философии», к работе которого, по его словам, предполагалось привлечь Б. Рассела, А. Эйнштейна, Г. Лукача и других видных представителей мировой интеллектуальной элиты. Замысел возник осенью 1920 г. по аналогии с довоенными международными философскими съездами, на одном из которых (в Болонье, в 1911 г.) Штейнбергу довелось побывать в качестве корреспондента журнала «Русская мысль» (См.: А. Штейнберг. «Парламент философии» // Русская мысль. 1911. Кн. VII. Отд. 3. С. 40–42). Летом 1921 г. Штейнберг был командирован в Москву на переговоры с наркомом просвещения А. В. Луначарским. Хотя проект понравился наркому, а также получил поддержку со стороны Государственного Ученого Совета (ГУСа), который возглавлял историк-марксист М. Н. Покровский, однако общая политическая атмосфера того времени не располагала к коллективному общению философов. По возвращении Штейнберга в Петроград в газетах появилось сообщение о расстреле по «делу Таганцева» двух предполагаемых участников Съезда — проректора Петроградского университета, профессора права Н. И. Лазаревского и поэта Н. С. Гумилева. В подобных условиях проводить или даже намечать Съезд уже не представлялось возможным. «Таким образом, — заключает Штейнберг свой рассказ об этой инициативе, — Международный философский съезд, который должен был бы впервые собраться в России, не состоялся» (см.: А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 72). Тем не менее руководители Ассоциации и в 1922 г. стремились реализовать свои планы.

го> О<бщест>ва²³⁶, Моск<овского> <Философского?> О<бщест>ва
и 3) Представителей Петроградск<ого> Отд<ела> учен<ых> учр<еж-
дений> и выш<их> учебн<ых> зав<едений>.

3. О<рганизационное> Б<юро>.

Организац<ионное> Бюро²³⁷

1. }
2. } Вольфила²³⁸
3. }
4. А. В. Васильев
5. П. А. Сорокин
6. С. А. Аскольдов
7. А. И. Введенский
8. И. П. Павлов
9. О. Д. Хвольсон
10. Л. А. Чугаев²³⁹

²³⁶ Впервые после 1918 г. Философское общество при Петроградском университете возобновило свою деятельность 27 февраля 1921 г. На состоявшемся организационном заседании обязанности председателя Общества (вместо заболевшего А. И. Введенского) взял на себя Э. Л. Радлов. В совет (кроме А. И. Введенского, Э. Л. Радлова, И. И. Лапшина, Я. Н. Колубовского, С. А. Алексеева, В. М. Бехтерева, Н. Г. Добровольского, С. М. Лукьянова и В. С. Серебrenикова) были избраны Н. О. Лосский и А. А. Франковский (секретарь). В состав действительных членов Общества тогда же были избраны: К. М. Милорадович, Ю. Н. Данзас, Н. И. Лазаревский, В. В. Леонтьев, М. Н. Маржецкий, И. Я. Колубовский, В. С. Иоф, А. А. Франковский, Ф. К. Андреев, В. А. Беляев, С. С. Зусман, Л. Л. Спасский, Б. В. Казанский, Л. С. Берг, В. Э. Сеземан, В. В. Срезневский, П. А. Останков, И. С. Геллер, В. Ф. Пищулин, А. А. Кроленко, В. В. Болдырев, О. М. Котельникова. Подробнее см.: А. Франковский. Философское Общество при Петроградском Университете // Мысль. 1922. № 1. С. 187–188. Докладную записку Совета Философского Общества при Петроградском университете в петроградское отделение Наркомпроса от 26 апреля 1921 г., подписанную Э. Радловым и А. Франковским, см. также: ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. № 1153. Л. 2–3.

²³⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 6. Очевидно, проект составлялся в середине февраля, поскольку на обороте документа, написанного Ивановым-Разумником, имеется помета: «17 февраля. Четверг. 2¼».

²³⁸ Вероятно, эти три места были зарезервированы для Иванова-Разумника, Конст. Эрберга и А. З. Штейнберга.

²³⁹ Лев Александрович Чугаев (1873–1922) – химик.

11. Я. М. Магазинер²⁴⁰
12. Л. А. Немилов²⁴¹
13. Н. И. Кареев
14. Н. И. Лазаревский²⁴²
15. Н. А. Рожков²⁴³
16. К. А. Тахтарев²⁴⁴
17. А. О. Буковецкий²⁴⁵
18. Л. П. Карсавин
19. А. А. Мейер
20. И. Я. Гинзбург
21. К. С. Петров-Водкин
22. Н. Е. Фельген
23. М. П. Кристи
24. Э. Радлов

Расписание занятий²⁴⁶

Вольная Философская Ассоциация

Расписание занятий с 14–21 / II 1921 г.

Понедельник:	6–8	Кружок К. А. Эрберга : «Философия творчества» Клубный вечер (Парчевский «О храбрости и мужестве» ²⁴⁷)
Вторник:	6–8	Кружок О. Д. Форш : «Творчество слова»
	7–9	Кружок А. В. Васильева : «Философия математики» (Универ. наб., 11).

²⁴⁰ Яков Миронович Магазинер (1882–1961) – юрист.

²⁴¹ Антон Васильевич Немилов (1879–1942) – биолог.

²⁴² Николай Иванович Лазаревский (1878–1921) – юрист.

²⁴³ Николай Александрович Рожков (1868–1927) – историк, социолог-марксист.

²⁴⁴ Константин Михайлович Тахтарев (1871–1925) – социолог.

²⁴⁵ Антон Иосифович Буковецкий (1881–1972) – экономист.

²⁴⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 23.

²⁴⁷ Ср.: «Глупый и простой человек скорее будет храбрым, чем интеллигентный (момент – понимания опасности), но мужества у него может не быть. И напротив – интеллигент скорее будет мужественным, чем простой человек, а храбрым может не быть» (Ф. Парчевский. Храбрость и мужество: Психологический этюд. – Гельсингфорс, 1916. С. 43).

	8—10	Кружок А. З. Штейнберга : «Основные вопросы метафизики»
Среда:	6—10	А. А. Мейер : «История древней философии» и «История средневековой философии»
Четверг:	5½—7	Э. З. Гурлянд-Эльяшева : «Введение в философию» ²⁴⁸
	6—8	Л. В. Пумпянский :
Пятница:	6—8	Кружок Иванова-Разумника
	8—10	А. А. Чебышев-Дмитриев : «Введение в философию математики»
		Клубный вечер (Вечер поэзии) ²⁴⁹
Суббота:	6—8	Кружок Иванова-Разумника
	8—12	Собрание шахматистов-любителей ч. н.

Кроме того предстоит открытие кружков:

М. В. Сабашниковой: «Антропософия».

Н. Е. Фельтен: «Изучение Толстого».

А. А. Гизетти: «Философия индивидуализма».

И. А. Боричевский: «Философия материализма»²⁵⁰.

В отдел реклам²⁵¹

Совет В.Ф.А. просит Отдел Реклам напечатать отдельной афишей извещение о 64—67 открытых заседаниях В.Ф.А., за что будет уплаче-

²⁴⁸ Ошибочно напечатано: «Введение в философию математики».

²⁴⁹ В расписании занятий с 14 по 19 февраля (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 54) рукой неизвестного лица рядом с клубным собранием написано: «Вечер поэтов при участии Вл. Пяста, Мариэтты Шагинян и др.».

²⁵⁰ Проф. И. А. Боричевский изложил свои взгляды на природу т. н. «научной философии» в книге «Введение в философию науки (Наука и метафизика)», вышедшей в Государственном издательстве в Петербурге в 1922 г. Ее материалистический пафос заключен в финальных строках: «С презрением отбросив все призывы назад к Канту, Фоме Аквинскому, Августину, Платону и Моисею, она <наука. — В. Б.> и впредь останется верной своему победному кличу: „Вперед — вместе с Эпикуром!“» (С. 111).

²⁵¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 16—18. Проект афиши, написанный рукой Иванова-Разумника, с резолюцией «Отпечатать в 4-х экз. Вл. Бакрылов» см. также: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 22.

но переводом на текущий счет «Бюро по производству и распространению реклам и объявлений»²⁵².

Председатель:

Секретарь:

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 13-го февраля 1921 г.
состоится LXIV-ое открытое заседание:

Л. В. Пумпянский. Философия трагедии

В Воскресенье 20-го февраля 1921 г.
состоится LXV-ое открытое заседание:

А. А. Гизетти. Трагедия культуры
(«Прометей» Вяч. Иванова)

В Воскресенье 27-го февраля 1921 г.
состоится LXVI-ое открытое заседание:
Ник. Пэрна. О периодичности творчества²⁵³

В Воскресенье 6-го марта 1921 г.
состоится LXVII-ое открытое заседание:

В. В. Гиппиус. Оргиазм

Начало в 2 ч. дня. Вход свободный.
Зал Географического О-ва. Демидов пер., д. 8а.

²⁵² Афиша была напечатана без объявления о LXVII открытом заседании. См.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 31.

²⁵³ Подробное изложение взглядов Николая Яковлевича Пэрна (1878—1923) см. в его книге: «Ритм, жизнь и творчество» (Л.; М., 1925), изданной посмертно под ред. проф. П. Ю. Шмидта. Автор упоминает здесь, в частности, и о своем выступлении в ВФА: «...я делал сообщение об этом еще в Доме Ученых в 1920 г. и в Вольной Философской Ассоциации в 1921 г. И тут, и там также нашел многих сочувствующих и заинтересованных» (С. 14). Сохранилось письмо Н. Я. Пэрна к Конст. Эрбергу от 2 августа 1922 г., из которого следует, что «товарищ председателя» ВФА принимал активное участие и в подготовке рукописи книги Пэрна к печати: «У меня тайная надежда, что может быть с Вашей помощью мне удастся где-нибудь пристроить эти свои писания. Ваше первоначальное милое внимание дает мне некоторый „луч надежды“» (ИРЛИ. Ф. 474. № 226. Л. 2—2об.).

Тезисы к докладам на февраль — март 1921 г.*Философия трагедии.*

Трагическая культура. Ницше и его понимание трагической культуры. Сократ. Трагедия до Сократа. Еврипид. Новая трагедия. Английские трагики. Философский смысл трагического действия. Современная культура и трагедия.

О периодичности творчества.

Понятие творчества. Ритм в творчестве. Творческая идея. Творчество и искусство. Творчество в мысли. Периодичность и ее значение. Нетворческое состояние. Чередование творческого и нетворческого состояний.

Трагедия культуры.

Вячеслав Иванов и его творчество. Миф о Прометее. Его творческое значение. Прометей в понимании Вяч. Иванова. Культура и Прометей.

Оргиазм.

Оргиазм в античной культуре. Понятие оргии. Связь оргии с идеей смерти. Оргиазм в литературе. Психология оргазма вообще. Значение оргазма в культуре.

Список

лиц, читающих в В.Ф.А. доклады и ведущих занятия
в кружках²⁵⁴

1. АСКОЛЬДОВ Сергей Алексеевич.
2. БЕХТЕРЕВ Владимир Михайлович.
3. БРАУДО Евгений Максимилианович <так!>.
4. БЛОК Александр Александрович.
5. АНДРЕЙ БЕЛЫЙ (БУГАЕВ) Борис Николаевич.
6. ВАСИЛЬЕВ Александр Васильевич.
7. ВЕКСЛЕР Александра Лазаревна.
8. ГИЗЕТТИ Александр Александрович <так!>.
9. ГИНЗБУРГ Илья Николаевич.
10. ГИППИУС Владимир Васильевич.
11. ГУРЛЯНД-ЭЛЬЯШЕВА Эсфирь Захаровна.
12. ДАНЗАС Юлия Николаевна.

²⁵⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 20. На документе, который предположительно датируется серединой февраля 1921 г., помета рукой В. В. Бакрылова: «№ 17».

13. ДЕМЧИНСКИЙ Борис Николаевич.
14. ЗЕЛИНСКИЙ Фаддей Францевич.
15. ИВАНОВ-РАЗУМНИК Разумник Васильевич.
16. КАРСАВИН Леонид <так!> Платонович.
17. КОЯЛОВИЧ Николай Михайлович.
18. ЛАВРОВ Николай Степанович.
19. ЛАПШИН Иван Иванович.
20. ЛОССКИЙ Николай Онуфриевич.
21. МЕЙЕР Александр Александрович.
22. ПАРФЕНОВА Лидия Федоровна.
23. ПАРЧЕВСКИЙ Фома Яковлевич.
24. ПЭРНА Николай Петрович <так!>.
25. ПЕТРОВ-ВОДКИН Козьма Сергеевич.
26. ПУМПЯНСКИЙ Лев Владимирович <так!>
27. РЕМИЗОВ Алексей Михайлович.
28. РОЗЕНТАЛЬ Николай Николаевич.
29. САБАШНИКОВА Маргарита Васильевна.
30. СОРОКИН Питирим Александрович.
31. ФЕЛЬТЕН Николай Евгеньевич.
32. ФОРШ Ольга Дмитриевна.
33. ЧЕБЫШЕВ-ДМИТРИЕВ Алексей Александрович.
34. ШТЕЙНБЕРГ Арон Захарович.
35. ЭРБЕРГ Константин Александрович.

Протокол

первого собрания организационного бюро
по созыву Первого Всероссийского философского съезда²⁵⁵

17 февраля 1921 г.

Присутствовали: Предс<едатель> К. А. Эрберг, Р. В. Иванов-Разумник, Я. М. Магазинер, П. А. Сорокин, А. З. Штейнберг.

Слушали:

Постановили:

1. Вопрос о постройке
Организационного Бюро.

а. Устроить сначала пленарное заседание или вести работу сразу по секциям.

Созвать сначала пленарное заседание, цель которого выработать общий план работы и приступить к работе по секциям.

б. Обращаться к лицам или к учреждениям.

в. Какие наметить секции.

г. Каких лиц пригласить для участия в Орган<изационном> Бюро.

При постройке Орган<изационного> бюро обращаться к отдельным лицам, предоставив им в дальнейшей работе Съезда приглашать представителей учреждений. Секции: 1. Общая философия — Метафизика, Гносеология, История философии. Представители: Андрей Белый, проф. С. А. Аскольдов, проф. А. И. Введенский, проф. Н. О. Лосский, проф. И. И. Лапшин, проф. Л. П. Карсавин, акад. Э. Л. Радлов, С. И. Поварнин²⁵⁶, А. А. Мейер, А. З. Штейнберг, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, Иоф²⁵⁷.

2. Психология — Психопатология, Экспериментальная психология, Педагогическая психология, Рефлексология.

Представители: акад. В. М. Бехтерев, проф. Павлов, К. И. Поварнин²⁵⁸, В. Н. Нарбурт²⁵⁹, А. А. Крогиус²⁶⁰, Серебрянников²⁶¹, П. О. Эфрусси²⁶².

3. Философия точных наук — Математика, Физика, Химия, Астрономия.

Представители: проф. А. В. Васильев, проф. Чугаев, проф. Хвольсон, проф. Фредерикс, проф. Крутиков²⁶³.

4. Философия органической природы — Биология, Ботаника.

Представители: акад. В. М. Бехтерев, ак. Бородин²⁶⁴, проф. Павлов, проф. Филипп

²⁵⁶ Сергей Иннокентьевич Поварнин (1870—1952) — философ, логик.

²⁵⁷ Владимир Семенович Иоф (1889—?) — специалист в области педагогики.

²⁵⁸ Константин Иннокентьевич Поварнин (1877—?) — психолог.

²⁵⁹ Василий Михайлович Нарбурт (1871—?) — медик.

²⁶⁰ Август Адольфович Крогиус (1871—1933) — психолог.

²⁶¹ Виталий Степанович Серебрянников (1863—?) — философ, психолог.

²⁶² Полина Осиповна Эфрусси (1876—?) — психолог.

²⁶³ Борис Александрович Крутиков (1877—?) — специалист в области геодезии.

²⁶⁴ Иван Парфеньевич Бородин (1847—1930) — ботаник, основатель (1915) и первый президент Русского ботанического общества.

ченко²⁶⁵, проф. Немилов, проф. Шмидт²⁶⁶.

5. Философия общественных наук – Социология, Философия культуры, Философия истории, Философия права, Этика. Представители: проф. Я. М. Магазинер, проф. П. А. Сорокин, А. А. Гизетти, проф. Лазаревский, проф. Кареев, проф. Пергамент²⁶⁷, Рожков, Тахтарев, Оранский, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг.
6. Философия искусства – Эстетика, Философия словесного искусства, Философия музыки, Философия изобразительного искусства, Философия театров.

Представители: Андрей Белый, Александр Блок, В. В. Гиппиус, Александр Бенуа, проф. В. М. Жирмунский, К. С. Петров-Водкин, Н. Н. Пунин, И. Я. Гинзбург, Л. В. Пумпянский, Каратыгин²⁶⁸, Римский-Корсаков, Иванов-Разумник, проф. Б. М. Эйхенбаум, Виктор Шкловский, С. Радлов²⁶⁹, Н. Радлов²⁷⁰, проф. Гелевани, Евреинов²⁷¹.

2. Объяснительную записку А. З. Штейнберга к проекту съезда.

Поручить А. З. Штейнбергу переработать записку в виде воззвания к участникам Съезда.

²⁶⁵ Юрий Александрович Филиппченко (1882–1930) – биолог.

²⁶⁶ Петр Юльевич Шмидт (1872–1949) – зоолог.

²⁶⁷ Михаил Яковлевич Пергамент (1866–1931) – юрист, профессор Петербургского университета.

²⁶⁸ Вячеслав Гаврилович Каратыгин (1875–1925) – музыкальный критик, композитор.

²⁶⁹ Сергей Эрнестович Радлов (1892–1958) – театральный режиссер.

²⁷⁰ Николай Эрнестович Радлов (1889–1942) – художник-график.

²⁷¹ Николай Николаевич Евреинов (1879–1955) – литературовед и драматург.

3. Назначить следующее заседание Орган<изационного> бюро 3 марта, о чем и известить вышеупомянутых лиц.

Председатель

Секретарь

А. Векслер.

Объявление²⁷²

В субботу 26 февраля с. г. от 7 ч. в.
первое собрание кружка

Н. М. Коялович: «Пограничные вопросы теории познания, математики и теоретической физики»

Курс Н. М. Коялович: «Логические учения» переносится на четверг от 7 ч. с 24 февраля

Н. Пэрна

Периодические волны в творчестве человека²⁷³

(Индивидуальные и исторические периоды творчества)

1. Ритмический, или волнообразный характер жизненных процессов.

2. Жизнь есть творчество. Первая ступень жизненного творчества: биологическое создание организма. Вторая ступень — творчество человеческое.

3. Жизнь человека как ряд последовательных волн. Три волны развития человека — по исследованиям психологов и педагогов.

4. Дальнейшие волны жизни. Анализ биографий Бетховена, Пушкина, Гете, Вагнера, Рембрандта, Канта (и др.).

5. Другие доказательства существования волн. Разбор интимных дневников. Разбор психиатрического материала.

6. Характеристика отдельных жизненных (= творческих) волн.

7. Сравнение жизни (= творчества) человека с жизнью (= творчеством) клетки.

²⁷² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 57. Текст написан рукой Н. М. Кояловича.

²⁷³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 138.

8. Исторические волны. Волны живописи.
9. Периодическая повторяемость исторических волн. Волны философского духа. Волны музыкального творчества.
10. Волны периодического возрождения народов.
11. Волны социальных пробуждений.
(с демонстрацией чертежей и таблиц)

Ник. Пэрна.

Фонтанка, 121, кв. 2. Тел. 515–25 (548–05)

Прения на LXVI открытом заседании ВФА²⁷⁴

Н. Я. Пэрна. «О периодизации творчества»

<27 февраля 1921 г.>

(Доклад Пэрна все помнят. Планы, схемы диаграммы, наглядные картинки — суетня, беготня, взлезание на доску и на стол. Записать было немислимо. Основная мысль дана в заглавии. Бульшого докладчик не сумел сказать, только навел цифрового туману и трах-тарараху).

Прения.

Эрберг. Мне хочется пошатать ту позицию, на которой автор стоит так крепко. Я вспомнил поэта:

«Гармонии стиха божественные тайны
Не думай разгадать по книгам мудрецов»²⁷⁵.

К чему сводится в сущности дело? К тому, что как-то измерены волны творчества. Но статистика вся в несвободном бытии, в природе, творчество в свободе. Свободные искры человеческого духа могут ли вмещаться в эти диаграммы? Эрберг прибавляет, что не согласен в очень многих частностях. Точка зрения автора несомненно очень субъективна. Почему в 8 симфонии Бетховена «меньше Бетховенского духа», чем в других, почему великодушный, по утверждению Константина Александровича, обратное? Точка зрения Лентова, Тьеполо оказывается рядом с Батони в хвосте? Это только показывает, что измерять волны очень трудно. Тут спутано коллественное и качественное начало.

Штейнберг поддерживает эту мысль и говорит, что интересна сама проблема — найти ритмичность в самой хронологической канве, но разрешена проблема неудачно. Какая единица интенсивности соответствует экстенсивности?

²⁷¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 137.

²⁷² Начальные строки стихотворения А. Н. Майкова «Октава» (1841).

Пэрна. Это и есть проблема, кот<орую> хотелось бы отгадать.

Иванов-Разумник (про себя). «Ничего в волнах не видно».

Штейнберг говорит о том, что с точки зрения целостности сама математика есть проявление человеческого творчества. Но так как эта тема поставлена — она есть результат безличного отношения к творчеству. Эти цифры предполагают нарастание истор<ического> развития, успеха. Но почему сколько-нибудь важно, что человек<еское> творчество связано с проявл<ением> в числах?

Пэрна говорит о закономерности и о том, что если бы жизнь шла нормально (случайно запинается, ищет слов; Конст<антин> Ал<ександрови>ч, конечно, сейчас же подхватывает).

Эрберг. Жизнь, к счастью, идет ненормально. И как раз творческое начало есть то начало, которое устраивает в жизни скандал.

Форш говорит несколько слов о том, что проблема ритмизации времени интересно освещается в тайноведении (соединение физич<еского> тела с эфирным в 7 л<ет>, с астральным в 14 и т. д.).

Иванов-Разумник советует О<льге> Дм<итриевне> сделать доклад на тему Пэрна с антропософск<ой> т<очки> зрения.

Пэрна не возражает О<льге> Дм<итриевне>, но признается, что ничего не понимает в теософии.

Н. М<еринг>.

Объявление²⁷⁶

Вольная Философская Ассоциация

Клуб членов-соревнователей

В Понедельник 28го февр.
в 8 ч. веч.

П. П. Лошкарев

«Антроподицея

(Оправдание человека)

у Андрея Белого и Н. Бердяева»

В Пятницу 4го марта в 8 ч. веч.

Литературный вечер

А. Терек (О. Д. Форш)

прочтет рассказ

«Африканский брат»

Фонтанка, д. 50, кв. 22. После 8½ ч. веч. — вход со двора.

²⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 56. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

Расписание занятий²⁷⁷

Вольная Философская Ассоциация

Расписание занятий с 14–21 / II 1921 г.

Понедельник	6–8	Кружок К. А. Эрберга : «Философия творчества»
	8–10	Клубный вечер
Вторник	6–8	Кружок О. Д. Форш : «Творчество слова»
	8–10	– « – А. З. Штейнберга : «Основные вопросы метафизики»
Среда	6–8	– « – А. А. Мейера : «История древней философии»
	8–10	– « – А. А. Мейера : «История средневековой философии»
Четверг	5½–7	– « – Э. З. Гурлянд-Эльяшевой : «Введение в философию»
	6–8	– « – Л. В. Пумпянского : «Опыт системы нравственной философии»
	8–10	Клубный вечер.
Пятница:	7–9	– « – Н. Коялович : «Логические учения»
	6–8	Кружок Иванова-Разумника : «Философия культуры»
	8–10	Кружок А. А. Чебышева-Дмитриева : «Введение в философию математики»
Суббота:	7–9	– « – Н. М. Кояловича : «Пограничные вопросы теории познания, математики, теоретической физики»

Запись и справки по делам кружков и клуба
каждый день, кроме понедельников, с 5 до 7 ч. в.

Наб. р. Фонтанки, д. 50, кв. 22.

Расписание занятий²⁷⁸

Вольная Философская Ассоциация

Занятия в кружках с 28 февраля — 5 марта

28 Понедельник

6—8 круж<ок> **Конст. Эрберга** «Философия творчества»

8—10 клубное собрание, доклад **П. П. Лошкарева** «Антроподицея Андрея Белого и Бердяева»

1 Вторник

с 8 круж<ок> **О. Д. Форш** «Творчество слова»

8—10 круж<ок> **А. З. Штейнберга** «Основные вопросы метафизики»

2 Среда

6—8 курс **А. А. Мейера** «История древней философии»

8—10 круж<ок> **А. А. Мейера** «История средневековой философии»

3 Четверг

6—8 кружок **Л. В. Пумпянского** «Опыт системы нравственной философии»

7—9 курс **Н. М. Кояловича** «Логич<еские> учения»

4 Пятница

6—8 круж<ок> **Иванова-Разумника** «Русская литература XX века»

8—10 клубное собрание. **А. Терек** прочтет рассказ «Африканский Брат»

8—10 курс **А. А. Чебышева-Дмитриева** «Введение в философию математики»

5 Суббота

6—8 курс **Н. М. Кояловича** «Пограничные вопросы матем<атики>, теор<ии> позн<ания> и теорет<ической> физики»

Запись и справки по делам кружков и клуба ежедневно (кроме понедельников) 5—7.

Объявление²⁷⁹

Вольная Философская Ассоциация

Кружки 28 февр<аля> — 5 марта

Занятия в кружке **Гурлянд-Эльяшевой** (Четверги 5½—7 ч. веч.) временно прекращаются, в виду отъезда руководительницы кружка.

²⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 51.

²⁷⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 62. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

Кружка по «Философии культуры» в течение настоящей недели не будет.

В кружке по «Русской литературе XX-го века» (в Пятницу, 6 ч. веч.) начало бесед **Иванова-Разумника** об Андрее Белом. Краткое сообщение **А. Л. Векслер** о «Петербурге» Андрея Белого.

Фонтанка, д. 50, кв. 22.

Записка Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу²⁸⁰

<Начало марта 1921 г.²⁸¹>

Сегодня после заседания останутся для разговора с нами: Пинес, Форш, Виссель, Фехнер, Чебышев-Дмитриев, Гиринский, Жоржик²⁷⁹. Если Вы торопитесь домой — я могу один остаться рассказать им о нашем Четверговом заседании и о необходимости «Молодой Вольфилы» в виду обилия докладов и ограниченности членов Совета (Вы да я).

Расписание занятий²⁸³

Вольная Философская Ассоциация

Занятия кружков с 7го по 12ое марта

Понедельник 7го марта

Занятия в кружке **К. А. Эрберга** по «Философии Творчества» не состоятся

В 6 ч. веч. состоится клубный вечер:

доклад **П. П. Лошкарева**: «Андрей Белый и Ник. Бердяев»

Вторник 8го марта

От 6 до 8 ч. веч. — кружок **О. Д. Форш**: «Творчество слова»²⁸⁴

²⁸⁰ Собрание М. С. Лесмана — Н. Г. Князевой.

²⁸¹ Датируется предположительно по содержанию. Вероятно, речь идет о первоначальном замысле реорганизации ВФА. Отсутствие двух других членов Совета объясняется проживанием в этот период Андрея Белого в Москве, а также возможной болезнью или отсутствием в Петрограде А. З. Штейнберга.

²⁸² Г. Я. Змеев.

²⁸³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 52. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

²⁸⁴ Позже зачеркнуто и сверху написано: «Не состоится».

Кружок А. З. Штейнберга «Основные вопросы метафизики» не состоится

Среда 9го марта

От 6 ч. веч. — кружки А. А. Мейера: «История древней и средневековой философии»

Четверг 10го марта

От 6 до 8 ч. веч. — кружок Л. В. Пумпянского: «Опыт системы нравственной философии»

От 6 до 8 ч. веч. — кружок Н. М. Кояловича: «Логические учения»

Пятница 11го марта

«Клубного вечера» не будет.

От 6 до 8 ч. веч. — кружок Иванова-Разумника «Философия культуры»

Доклад Иванова-Разумника: «Проблема власти» («Христианство и социализм»)

Занятий в кружке А. А. Чебышева-Дмитриева по «Введение в философию математики» не будет

Суббота 12го марта

От 6 до 8 ч. веч. — кружок Н. М. Кояловича: «Пограничные вопросы математики, теории познания и теоретической физики»

Запись и справки по делам кружков и клуба ежедневно (кроме Понедельника и Пятницы) от 5 до 7 ч. веч.

Из письма Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу²⁸⁵

21/III 1921.

Дорогой Константин Александрович,
тщетно пытался дозвониться до Вас вчера и сегодня (около 12 часов дня) из такого места, где телефон плохо работал. Сегодня должен уйти отсюда не позднее 6½ и вряд ли дожусь Вас; сим уведомляю, что совершенно необходимо устроить наконец заседание Совета Вольфилы; все дела стали. Не имея возможности поговорить и решить с Вами и Штейнбергом, самодержавно решил, что надо начать Воскресники с 3го апреля, конечно Кропоткиным. Афишу написал. Как бы известить Штейнберга, что ему необходимо вновь повидать по этому

²⁸⁵ Собрание М. С. Лесмана — Н. Г. Князевой.

поводу Гольдман²⁸⁶, Боркмана²⁸⁷ и Кибальчича; я беру на себя Новомирского²⁸⁸.

Расписание занятий²⁸⁹

Вольная Философская Ассоциация

Занятия в кружках с 21го по 26ое марта

Понедельник 21ое

Кружок **Конст. Эрберга** «Философия творчества» с 6 до 8 ч. в.

Вторник 22ое

— « — **О. Д. Форш** «Творчество слова»²⁹⁰ — « —

Среда 23^{ье}

— « — **А. А. Мейера** «История древней и средневековой философии» — « —

Четверг 24ое

— « — **Л. В. Пумпянского** «Опыт системы нравственной философии» — « —

— « — **Э. З. Гурлянд-Эльяшевой** «Введение в философию» — « —

— « — **Н. М. Кояловича** «Логические учения» — « —

Пятница 25ое

— « — **Иванова-Разумника** «Философия культуры» — « —
(Беседа на тему «Христианство и социализм»)

Суббота 26ое

— « — **Н. М. Кояловича** «Пограничные вопросы теории познания, математики и математической физики» — « —

²⁸⁶ Эмма Гольдман (1869–1940) — участница американского и международного анархистского движения.

²⁸⁷ Александр Беркман (1870–1936) — деятель американского анархистского движения.

²⁸⁸ Д. И. Новомирский (наст. имя и фам. Яков Исаевич Кирилловский; 1882 — после 1936) — публицист, один из основоположников российского анархо-синдикализма.

²⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 50. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

²⁹⁰ На обороте запись неуставленного лица: «Вторник. О. Д. Форш ждала с 5½ до 6¼ в <сечера> и ушла за неприбытием к этому времени кого-либо из членов кружка».

Занятия в вечерних кружках (от 8 до 10 ч. веч.)
т.т. Чебышева-Дмитриева и Штейнберга, а также клубные вечера —
временно приостановлены.
Фонтанка, д. 50, кв. 22.

**Письмо Иванова-Разумника
к Конст. Эрбергу и А. З. Штейнбергу²⁹¹**

1/IV 1921.

Константин Александрович и Арон Захарович!

Сим извещаю Вас (без всякого «1го Апреля»), что я сегодня до 5^{ти} ч<асов> дня глух как дюжина пробок и присутствовать сегодня здесь мне не имеет смысла. В 5^{ти} ч<асов> буду у доктора, а в 6 ч<асов> — надеюсь уже имеющий уши, чтобы слышать — в Вольфиле. Очень прошу кого-либо из Вас зайти в Вольфилу (если раньше 6^{ти} ч<асов> — то оставить мне в секретарской комнате записку), чтобы решить следующие вопросы, — которые Вы между собой обсудите:

1) Вопреки принципу Конст<антина> Ал<ександровича>, что мы слишком торопимся и что не надо торопиться, я думаю, что вся беда наша — в обратном, и что торопиться надо. В частности, — надо торопиться перевести в жизнь то, что мы говорили в Вольфиле третьего дня. Поэтому предлагаю: воспользоваться последним свободным Воскресеньем, послезавтра, и назначит на 2—3 ч<аса> дня в Вольфиле общее собрание всех переименованных и записанных нами лиц. У меня готов и «доклад» и пояснительные бумаги к нему.

2) Если Вы согласны устроить это в Воскресенье, то необходимо оповестить *меня* об этом сегодня «до 7 ч<асов> в<ечера>» — потому что до этого времени еще не разойдется сегодня мой кружок, в котором ряд лиц из нашего списка, и через которых можно завтра известить о заседании всех остальных. <...>

Хорошо бы увидеться сегодня нам всем троим, а если нельзя всем, то хоть подвое. Я в Вольфиле буду с 6 до 11 ч<асов> вечера.

Привет и до свидания.

Ваш Р. Иванов.

Р. С. С афишей на 10ое все устроено; большая просьба к Вам взять на себя поскорее (надо торопиться!) труды по переговорам:

Ар<ону> Зах<арови>чу — с Боркман-Гольдман, Кибальчиком, Берлович;

²⁹¹ Собрание М. С. Лесмана — Н. Г. Князевой.

Конст<антину> Ал<ександрови>чу — с Шенбергом и Новомирским (по телефону);

я оповещу Мейера и предлагаю вставить Витязева с докладом на тему «Кропоткин и Лавров».

**Протоколы²⁹²
обсуждения реорганизации деят<ельности> Вольфины
в апреле 1921 года**

Заседание 1ое 4 апр<еля> 1921.

Председатель: К. А. Эрберг.

Присутствуют: Иванов-Разумник, Андрей Белый, Штейнберг, Гурлянд-Эльяшева, Мейер, Бруни, Форш, Векслер, Меринг, Змеев, Мстиславский, Пинес и др.

Заседание открывается докладом **Иванова-Разумника** о проекте реорганизации деятельности Вольфины (проект в кратк<ом> виде прилагается к протоколу). Основные положения доклада: нецелесообразность дальнейшей работы кружков и курсов в прежнем виде и новые формы работы коллективов (отделов), объединенных общим интересом подвергаются обсуждению.

Первый вопрос задает **А. А. Мейер** о том, могут ли кружки и курсы существовать в прежнем виде в том отделе, который считает это нужным для своей работы?

К. А. Эрберг отвечает, что, конечно, могут, ибо каждый отдел автономен и автономно вырабатывает программу своей деятельности.

Затем слово по существу дела берет **Андрей Белый**. Отделы, очевидно, дальнейший шаг существования Вольфины. Кружки нужны были в свое время, но теперь изжили себя. Понадобились новые формы, это естественный процесс роста. Но когда какая-нибудь форма изживает себя, тогда является вопрос о *причинах* изживания. Ведь мы имеем дело не с простой *заменой* кружков отделами или чем-либо другим, дело не в рефератах, докладах, лекциях и пр., дело в жизни самого основного ядра Вольфины, а жизнь Вольфины всегда стояла под знаком некоторой катастрофичности. Как мы понимаем жизнь Вольфины? Это вопрос, который следует поставить ребром, Потому так важны наши общие понедельничные собрания, что здесь могут появиться ответы из

²⁹² ИРЛИ. Ф. 291. Протоколы сохранились в двух вариантах: частично переписанная белая рукопись и черновые записи двух заседаний от 4 и 7 апреля 1921 г. рукой Н. М. Меринг, Е. Ю. Фехнер, а также неизвестным лицом.

прежних кружков, от всех, работавших в старых формах, ответы на основные вопросы: кто мы, что мы, как мы должны жить, что делать? В этих вопросах мы должны, что называется столкнуться лбами...

К. А. Эрберг напоминает, что до следующего понедельника следует сговориться и организовать план работы, и спрашивает, нет ли возражений против предложенного плана.

Мстиславский спрашивает о том, кто имеет право присутствовать на закрытых заседаниях.

Иванов-Разумник поясняет, что закрытое заседание не есть тайное, что и на это сегодняшнее заседание, созданное для решения наших внутренних вопросов, пришли люди заинтересованные, и закрытые заседания будут те, на которых такие вопросы (конструктивного характера) будут решаться.

Гурлянд-Эльяшева спрашивает, какую роль будут играть члены-соперники? Будут ли они только слушателями? Или активные члены-соперники *через подражание* смогут вызвать действенность пассивных, кот<орые> тогда и станут активными.

К. А. Эрберг берет слово «по поводу несчастных членов-соперников». Каждый *несчастный* член-соперник в любую минуту может стать *счастливым* членом-соперником. Для этого он должен *действовать*. Кто такой член-соперник? Тот, кто живет интересами Вольфилов, болеет ими...

Векслер возражает против принципа широко раскрытых дверей. Она считает, что то количество инертной массы, которая в последнее время обременяла Вольфилов, и создала необходимость реформы. Нам не нужно бояться слов «закрытые двери», заканчивает Векслер.

Эрберг — «Детей не покупают, их рожают». Рождение в пределах определенной группы людей, объединенных тем же горением и теми же интересами, может произойти только тогда, когда вливается в группу много людей, кот<орые> могли бы найти друг друга. Поэтому не закрывать двери мы должны, а как можно шире открыть.

Гурлянд-Эльяшева выражает сомнение в том, чтобы могли рождаться новые люди; ей неясен метод²⁹³.

Коялович. То, что сказал Борис Николаевич, самое главное. Довольно ясно прозвучало в словах Бориса Николаевича и Константина Александровича, что Вольная Философская Ассоциация определяет

²⁹³ Далее текст стенограммы воспроизводится по черновому варианту протокола. Для удобства восприятия все сокращения расшифровываются без дополнительных указаний; слова в квадратных скобках вставлены нами в качестве необходимых дополнительных пояснений.

идеологию: что соответствует, хорошо, — нет, плохо. Мне представляется — пригласить лиц, которые соответствовали бы названию Вольная Философская Ассоциация, [которых] можно назвать как участников Катастрофы. Так регламентируемое распределение Ассоциации по отделам меняет [название] на Невольную Философскую Ассоциацию. А правление дома Литераторов... Некоторое количество людей смотрит на Вольную Философскую Ассоциацию [как на] единственную организацию, которая объединяет действительных философов в настоящее время, и поэтому меня пугает, [что] аптечные, железнодорожные расписания станут полустанками отдельных идей.

Бруни. Когда дело идет об организации, очень трудно. Все, что намечено, вытекает из прежней жизни Вольной Философской Ассоциации, из кружков, классифицировать жизнь современных людей так очень трудно. Почему мой доклад попадал в философию искусства — потому что я художник. Нехорошее название — философия творчества, надо говорить об отделах как пересекающих нашу современную мысль. Мне, может быть, интересно встретить не только художественную, но религиозную мысль. Об этом вместе надо подумать.

Штейнберг. Я хотел бы сказать о том, почему этот план возник. Мы стали механически размножаться, уходить в дурную бесконечность. Каждый человек, который к нам приходит, [приходит] к нам. Кто мы — мы не знаем, кто мы, но хотим знать. Превращаться <1 нрзб.> в Философское общество с 101 докладом нам нечего. Ни одна из форм, нами выработанных, не отвергается. Мы не против кружков или курсов, надо пересмотреть. Я возражаю против того, что говорил Константин Александрович, — широко распахнуть двери. Важно, чтобы приходящие люди широко ассимилировались. Заглядывать в штору, в окно можно, поселиться в доме может не всякий. Важно, чтобы соревнователи соревновались. Мы приглашаем, чтобы у нас жить, а не сидеть на скамеечке. Это не реформа, а кризис, который доказывает нашу жизнь и рост.

Пинес. Вопрос пошел сейчас не так, как было важно Вольной Философской Ассоциации, в мысль без ярлыка. Сюда могут придти разные люди, если они стукнутся лбом. Для образования Вольфилы и разложения могут быть различные причины, внешние события — холод — кронштадтские события — внешние причины различны, но потребность взрывов всегда будет у людей. Если будут искать более активно, участникам все равно, отдел или кружок, [если нет] ничего не выйдет. Дело в том, чтобы лица, которые заинтересованы в Вольфиле как в организации, вовлекали сюда наибольшее количество людей.

Эрберг. Уместно ли говорить сейчас о том, что такое Вольная Философская Ассоциация?

Белый же понимает, что да.

Штейнберг. Все уместно, но так как об этом можно говорить по понедельникам, а впрочем, сегодня понедельник — все сможем.

Эрберг. Вольная Философская Ассоциация не потому, что все приходят и говорят. У Вольфилы есть своя идеология, и люди, объединенные этой идеологией, идут, и каждый идет, куда знает, каждый ищет самого себя²⁹⁴. Вольфила потому, что не на все пуговицы [застегнута]. Каждому члену Вольфилы есть дело до самого себя, до самого своего Кеп²⁹⁵. Почему Введенский застегивает на пуговицы профессиональный мундир философии и вольно философствует, но для Вольфилы не годится. Мы говорим, что можно философствовать и стихами, и картинами, чего он не может.

Чебышев-Дмитриев. Вольфила такое место, куда каждый может пойти. Не закрытой надо поддерживать организацию, а открытой. Мы не можем знать, кто прилепится, кто отдаст свое, чтобы притянуть и отдать часть своей кинетической энергии в центр — явились [сюда]. О конструкции никто не говорит.

Иванов-Разумник. Я нарисовал чертеж, каковая должна быть конструкция. Если отделы будут прямолинейными, то лучше им не быть. Понедельники. Я не боюсь, что мы будем жить по расписанию. Графики чисто внешняя форма, без которой строиться невозможно. Понедельник самое существовавшее.

Бруни. Понедельник — это верховный совет. Нет того момента, когда сюда могли [бы] попасть люди свежие.

Разумник Васильевич. Интересно выслушать мнения с птичьего глаза.

Мстиславский. Я был слишком оторван²⁹⁶. Схема — развитие кружков. Мы стоим на новых позициях. Нормальная схема та, которая намечается. [Однако] соотношение между членами-соревнователями и ячейками непропорциональное — слишком много затрачивается работы и слишком мало обмена.

Иванов-Разумник. Каждый день деловое заседание, что не мешает параллельному курсу.

Мстиславский. Вы это не оговорили, и потому получилась та непропорциональность, которая бросается в глаза. Организационная схема единственно возможная.

²⁹⁴ Сверху вписано одно неразборчивое предложение.

²⁹⁵ стержень (нем.)

²⁹⁶ С. Д. Мстиславский к этому времени переехал. из Киева в Москву; в Петрограде он не был с весны 1918 г

Андрей Белый. Я думал, что работа по понедельникам важнейшая, но «постоянство» Вольфила будет в динамичности. Кружки, как естественное отражение, превратились в ракушки. Ракушки не подавили организма. Я поставил основной вопрос, как К. А. В центре у каждого стоит проблема о его индивидуальном Я. В человечности мы сначала отметили *вече*, среднюю часть, <которая должна была расширяться — *зрчки*>. На кружки собрались многие, и *вече* стали обрастать «*ством*». Но линия руководителей — *чело*, [от] молчащего *ства*. Первая задача укрепить *вече*. Пока мы не ощутим Вольфила как здание, соединение 3 устремлений, духовных стремлений, коллектива и общности, нам грозит механизация. В понедельник должна быть работа известного взаимного проникновения.

Сабашникова. Что [такое] *вече*?

Белый. Тот, кто ощущает себя близким к нашим заданиям.

Эрберг. Мстиславский говорил, что понедельничная работа не проделана, но когда она будет проделана, то Вольфила погибла.

Иванов-Разумник. Гурлянд-Эльяшева указывала на то, что должна быть формальная техника, которая будет организовывать. Есть известный план, если есть какие-нибудь другие предложения, они должны быть высказаны. Надо торопиться, к 1 мая должна быть напечатана афиша. В понедельник, в 6 часов мы собираемся, но независимо, мы должны сконструироваться. К четвергу представляют все новые доклады и планы, и в четверг мы должны вопрос решить.

Гурлянд-Эльяшева. Следующее заседание говорить о деятельности. То, что говорили, слишком картинно.

Белый. Лицам, намеченным проблематично Разумником Васильевичем, определить свое отношение к отделам к ближайшему четвергу.

Векслер просит включить О. Д. Форш.

Белый просит изменить название антропософский.

Название условно.

Белый. Я нахожусь в особом положении, так как оторвался. Я мнил себе это под другим названием. Вот тех, которые летом и весной меня слушали, я бы просил сговориться и о названии отдела, [и] обо всем. Я бы не хотел работать под названием антропософии с О. Д. Форш, так как я человек широких культурных устремлений, которые О. Д. Форш называет мертвечиной.

К четвергу то, что проблематично, наметить конкретно. Я предвижу деловой разговор. Что Вольфила в понедельник, так в четверг, только конструктивнее.

Заседание 2^е 7/IV — 1921 года²⁹⁷

Иванов-Разумник. Реорганизация организации. Следующие меры: ячейки внутренние; план внутренней работы; внешний переучет докладов, выступлений, планов; план месячной кружковой работы.

Белый. Вопрос. Программа: устремлений или расписание приглашаемых лекторов?

Иванов-Разумник. Отвечает. В первом смысле, по существу, практически и то, и другое. Озабочен открытыми заседаниями.

Белый. Продумать 2 майских собрания. Выступил с соответствующей программой.

Эрберг. Не надо предполагать, что закончился кружок.

Штейнберг. Случайное соединение кружков. Понедельник не канцелярия.

Андрей Белый. Тезисы бытия каждого кружка.

Гурвич Семен Наумович. Искание намечено по отделам. Вольная кружковая федерация не определяется философской строгой централизацией. Распыленностью, философские рамки.

Эрберг и Иванов-Разумник. Возражают против слов «слишком» вольная, централизация постоянная, те же лица старостат.

Штейнберг. Лицо — центр. Лицо начало расплываться, более определено, не маска, не персона. Дух гарантирует выявить лицо.

Андрей Белый. Что такое Вольфила? Не для меня перекличка в лозунгах. Кто мы? Что мы? Нехорошо понимать <?> или опасно, не придет, что мы? Как я понимаю Вольфилу: живой лик, профессиональный ракурс. Кризис социальный, моральный, эстетический представляется учредителям <?> на Западе, здесь ставим остро о духе, о природе в стихии философии. Пресуществованием нащупывает рудименты кружков, бациллы, больше душой как формула.

Иванов-Разумник. В русло. Как быть. Май месяц 1921 г.

Штейнберг. Мы все говорили за проект, [если] желающие высказаться против?

Иванов-Разумник. Повторяет то же предложение.

Векслер. Я бы хотела. Если не против. Будут ли собрания кружков или отделов замкнутыми или нет. Я считаю, что это центральный пункт. Если этого не будет...

Иванов-Разумник. Пока работа происходит в замкнутых отделах (тот круг лиц, который берет на себя работу) над отделом [по]является замок, но [он] допускает возможность кооптации, этот самый замок, я думаю.

Гребнев. Я бы не сказал, что они замкнуты, но определяются известными лицами. Работы добровольцев не должно быть. Добровольцы меняют физиономию кружка. Но замкнутые — не значит закрытые. В Вольфилу приходит всякий, из других ли кружков и откуда угодно.

Векслер. Вы хотели, волки сыты... Дело не в голосовании, не в преимуществе, чтобы не было бы этой темной массы.

Эрберг. Это просто недоразумение. Отдел — известная группа лиц... Андрей Белый, Сабашникова, вы, вы и т. д. Распределяет работу. Но это не запрещает другим лицам приходить слушать. Отдел может пригласить и совсем другого, не Вольфильского человека.

Штейнберг. Тут, к отделу. Автономный отдел чистой философии решает, что кружок Платона, где читают Платона по-гречески, и бывают там те, кто владеет греческим языком. Будет ли это декадентничанье? Каждый отдел автономен устанавливать свои условия.

Эрберг. Конечно, каждый отдел автономен, и искусственно кружки приглашают хотя бы одних брюнетов.

Шимкевич. Деятельность отдела напоминает воскресные заседания.

Разумник Васильевич. Вопрос А. Л. можно так передать: а нельзя ли нам собраться на 8 линии у А. З.²⁹⁸ и никого туда не пускать, кроме посвященных. Конечно, такая работа есть (**Борис Николаевич:** верно по составу своему здесь будет), но доклады делает общим достоянием. Если А. З. пожелает кружок по Платону, где одни брюнеты (но неправильно *все* брюнеты), право отдела формально обставлять, как угодно, свою работу.

Штейнберг. Некоторые отделы, может быть, совершенно окажутся не нужны.

Гурвич. Ввести в русло наш спор по существу. Если отделы, то нужны ответственные. Если отделы, то заведывание отделами. Делаем ответственными заведующих отделами. Должны ли быть ответственные заведующие <?>

Андрей Белый. Я хотел тов. Гурвичу ответить, как я понимаю. Руководитель отдела — неудачное слово, координатор, выразитель духа отдела. Я понимаю таким образом, так как я мыслю работу отделов — органической — будущее покажет, кто выявит себя как оформитель. Жизнь каждого отдела мне представляется непохожей. Я мню себе такую даже экстенсивность отдела — хотя бы отдела философии культуры, который отложит все курсы, факультативы и прочее. Другой отдел может вести исключительно интенсивную работу, и не день, а напри-

²⁹⁸ Подразумевается домашний адрес А. З. Штейнберга.

мер на 6 год расцвести целым рядом учреждений <1 нрзб.> не делать. Я представляю только отправной пункт.

Чебышев-Дмитриев. То, что я скажу, кажется, принадлежит в важной практике отделов. Имеют ли право отделы не пускать тех или иных брүнетов, умеющих читать по-гречески...²⁹⁹

Эрберг (перебивает). Недоразумение. Работа отдела разделяется на лекцию и прочее — и совещание к членам отдела всего 6, 12 или 3 лицам.

Чебышев-Дмитриев. И на совещания нельзя пускать некоторых лиц.

Иванов-Разумник. Прямой вопрос — прямой ответ. Каждый отдел автономен. Ваше личное дело решать вопросы вашего отдела точных наук у себя на дому на Подольской улице. Но можно и здесь от 5—7.

Чебышев-Дмитриев. Но мне казалось, что принцип вольности не должен нарушаться: на всякое заседание всякий может придти. Я стою и после ваших разъяснений, чтобы автономия кружков не простиралась на запрет всякому посетить всякое собрание. Это все-таки не так опасно. У нас борется аристократизм и демократизм, и, по-моему, дурно не пускать. Конечно, приятно [собраться] у себя и никого не пустить. Я считал, что принадлежу к организации, которая на знамени ставит Вольность. Проблема обоев <?> в этом состоит по-видимому. Может быть роль этих обоев сыграет какое-нибудь заседание.

Белый. Я бы присоединился к вашим словам с одной оговоркой. А ну как отдел превратится в коммуны, тут является вопрос о неприкосновенности жилища.

Разумник Васильевич. К. А. хочет исчерпать вопрос.

Эрберг. Почему мы так много об этом говорим, как будто у нас стоят хвосты на Фонтанке. Мы очень рады будем, если кто-нибудь придет и сядет, но мы можем из-за нашей вольности или не <1 нрзб.> ...

Иванов-Разумник. Мы уже разбираем постановление. Вернемся к основному. Есть проект в целом — принимать его или нет? Я говорил прошлый раз, что так существовать, как мы существуем, нельзя. Вольфила, дойдя до статуса — начала брыкаться. Может быть кто-нибудь захочет возразить в целом — все оставить по-прежнему. Детали будем обсуждать в порядке параграфов. Этот проект в целом принимаем или нет? Если да, то существуют 8 отделов, которые в течение ближайшей недели собираются в ближайшее время. Эти люди должны встретиться.

²⁹⁹ В архиве К. А. Сюннерберга сохранилась недатированная записка А. А. Чебышева-Дмитриева, адресованная «Председателю собрания»: «Просьба относится ко всем говорящим. Очень просят все цитаты на иностранных языках давать и в русском переводе. А. Ч.-Д.» (ИРЛИ. Ф. 474. № 548. Л. 1).

Сегодня должно быть намечено, когда и где должны собраться эти люди, чтобы из фантастического листа получилась реальность.

Бруни. Эти 8 отделов, это закреплено?

Иванов-Разумник. Нет, их, может быть, будет 5 и, может быть, 12.

Бруни. Сегодня мы будем обсуждать, да?

Разумник Васильевич. Да.

Эрберг. Кружки уничтожаются как ячейки.

Иванов-Разумник. Я предлагаю решить вопрос. Последний раз ставлю этот вопрос. Будут возражения или нет?

Пумпянский. Я ничего не имею против. В каком положении буду я и любой кружок по отношению к новой конструкции. Я веду длинный курс — натурфилософии. В системе моего чтения нет, а доклад есть. Нужно...

Штейнберг. *Negatives kompetens streit*³⁰⁰. Ваше опасение могло быть только тогда реальным, если бы наши 8 отделов не хотели бы принять ваше дело. Я думаю, что даже 2 отдела будут спорить.

Пумпянский. Я бы хотел читать 2 раза в неделю и помногу часов.

Разумник Васильевич. У нас отделы пересекаются. Если у вас столь интересно, то у вас много материалов.

Эрберг. Материалы встречаются сейчас ежедневно.

Форш. У меня 2 материала и я отвечаю собственным самоопределением. Я хочу сама самоопределяться. Меня поместили в отдел философии искусства и литературы. Я считаю, что могу быть полезна только в антропософии.

Гурлянд-Эльяшева просит слова, но **Эрберг** возвращает к предмету — мы на 2[-ой] ступени, тогда как еще не решили, что на 1[-ой].

Иванов-Разумник. Задаст вопрос, будут ли существовать с 8½... отделы?

Пумпянский опять беспокоится о существовании своего кружка. И через 10 минут кружок снова будет существовать <?>

Эрберг. Без 5-ти минут 9 часов. С этой минуты утверждаем отделы.

Борис Николаевич отвечает Ольге Дмитриевне не в очередь. Поставьте меня и вокруг меня несколько очень милых барышень, слушательниц моего кружка. Я не считаю неправильным название антропософии. У меня было желание пригласить Ольгу Дмитриевну Форш работать в наш кружок, если это не будет называться антропософией. Если наш отдел решит, что будет работать в более тесном круге бывшего кружка Антропософии, как и самопознания, и Ольга Дмитриевна не входить в круг интересов не может.

³⁰⁰ Здесь: спор безоснователен (нем.)

Форш. Это не догмат.

Белый. О том, догмат ли, пусть скажут те, кто тогда принимал участие...

Разумник Васильевич, перебивая, указывает, что мы решили первый вопрос — по поводу первого отдела.

Форш. Я бы поддержала Чебышева-Дмитриева. Для Вольности — приятнее немилый член, чем...

Борис Николаевич. Я бы тогда просил сделать руководителем антропософского кружка не меня, [а] Ольгу Дмитриевну Сколько откровенных последователей в этом коллективе, заинтересованных вопросом — я с <2 нрзб.>. Я не могу в вопросах антропософии соприкасаться с Ольгой Дмитриевной.

Разумник Васильевич. Я предлагаю снять, потому что это § не 18, а 17. В отделе духовной культуры вы решите, можете ли работать.

Белый. Я готов выслушать любое пожелание, подтасованное на эти темы. Но если бы образовался антропософский кружок, то мне трудно работать с Ольгой Дмитриевной. Мало того, что вы не понимаете, вы извращаете понятие антропософии³⁰¹.

Иванов-Разумник. И все это 17§

Иванов-Разумник. Я значусь в заголовке 3^x отделов, это потому, что я вел 3 кружка, но в ближайшее время мы сможем конкретизировать. Мое предложение конкретизировать по отделам и разбиться по группам сегодня же.

Белый. Значит мы вступаем в сферу обсуждения отделов. Количество названий и т. д. Я считаю, что такой отдел, как философия культуры... Никто не станет спорить, что отдел философии культуры есть [отдел] духовной культуры: всякая культура духовна. Я бы с удовольствием работал в зависимости от вашего отдела. Но не является ли искусственной такая рубрика, как философия духовной культуры, не является [ли] искусственным этот отдел [который] есть гипертрофированная философия культуры. Если есть лица с догматической тенденцией, [а] всякий догмат убивает Вольность.

Эрберг. Я стою за догмат, это не смущает моей вольности. Я поволит считать, что это кружок, потому поволит считать, что — учредитель.

Форш. А можно ли...

Иванов-Разумник. Нельзя, потому что раньше <?> Векслер...

Иванов-Разумник. Мы переходим уже не об отделах, а по поводу частного отдела философии культуры. Если Ольга Дмитриевна, Александра Лазаревна хотели говорить вообще...

³⁰¹ Последняя фраза адресована О. Д. Форш.

Бруни говорит, что *вообще* нельзя.

Штейнберг просит разъяснить.

Иванов-Разумник поясняет — говорить о каждом в отдельности — поскольку он может существовать как пробел и пр.

Векслер. Я думаю, что при разделении отделов мы должны руководствоваться тематикой. Ни в каком случае кружок Бориса Николаевича культуры сознания не должен сближаться с кружком Разумника Васильевича.

Форш. Константин Александрович сказал о круге желающих; тут всякий, кто обладает кругл[ым?]... Форш спрашивает о состоянии преступить [этот круг] инакомыслящему.

Белый. Entre nous soit dit³⁰². Между нами всеми сказано, мой кружок будет называться философия символизма, [это] проблема центральная, и я прошу вас работать, но entre nous soit dit, но не могу я быть с вами в тесном кружке антропософии единым духом, когда вы начинены всякими страхами, химерами.

Векслер. А если мы начинены?

Иванов-Разумник. Товарищ Векслер, вы льете воду на мельницу беспорядка, так как говорите о §17.

Гурлянд-Эльяшева. Относительно всех лиц, которые попали в отделы и могут тормозить дело, мы можем...

Чебышев-Дмитриев. Вопрос о личном составе следует Разумнику Васильевичу, хотя заботит <?> Константина Александровича, и поручить.

Штейнберг. Компетенция настоящего собрания — какие отделы должны быть и выбрать руководителей. Мне представляется так, что *primus inter pares*³⁰³ должен подобрать людей так, как хочет.

Форш. Но вопрос должен быть сформулирован вольфильски.

Иванов-Разумник. Слово Константину Александровичу.

Константин Александрович. В городе — дома — отдельно. Дома нужно постороить. Каменщики должны быть такие, что спелись, и знают, как класть кладку. В начале должны быть спевки каменщиков. Из диалога ясно, что люди не спелись. Они нужны, но тогда, когда построены. Я первый говорил, что нужна дезорганизация, но во имя будущей организации. Но нужно положить кладку, фундамент. Когда же намечен доклад, что [такое] антропософия, приходят люди и возражают: или не так — или усматривают недостатки.

Бруни. Решить как отделы и говорить о личном составе, так чтобы здесь выбрать личный состав.

³⁰² Между нами будет сказано (фр.).

³⁰³ первый среди равных (лат.).

(Белый уходит, выходят Форш и Константин Александрович, Фехнер. За дверьми скандал³⁰⁴. Штейнберг тоже).

Гурвич. Дома, Дом Толстого, Дом Литераторов.

Иванов-Разумник. Мое предложение сводится вот к чему: исправление — дело нашей воли. Я предлагаю перейти немедленно к принятию или к отвержению тех отделов. Я предлагаю немеленно назначить дни. Если есть возражения по поводу отделов, сегодня же условиться.

Товарищ **Бруни** считает, что отдела философии искусства быть не может.

Алексей Александрович спрашивает о своем кружке.

Эрберг говорит, что прежние руководители собирают отделы, а коллективы, собравшись, выбирают руководителей.

Векслер предлагает огласить фактический лист, чтобы сделать его реальным.

Иванов-Разумник читает лист.

Чебышев-Дмитриев на ухо говорит Иванову-Разумнику, что обижен, что не внесен в отдел философии литературы.

И отдел. **Пумпянский** выражает недоумение.

Штейнберг предлагает принять молчание за согласие.

Бруни против философии искусства, так как искусство не ощущается. Если мы скажем, что материальная культура...

Эрберг. А вы кто — вы художник, скажете: нет, нет.

Штейнберг. Если он считает себя философствующим об искусстве. Даже так, что вы его разрушаете, то ваше место в отделе философии искусства. Вы сейчас философствуете об искусстве.

Бруни. Я не разрушаю, я конструирую.

Эрберг. Вы конструируете, вы что-то сотворяете, то, что вы делаете — творчество.

³⁰⁴ О причинах и последствиях скандала см. письмо Андрея Белого к Иванову-Разумнику от 8 апреля 1921 г., комментарий Иванова-Разумника к этому письму, а также недатированное ответное послание Иванова-Разумника к Андрею Белому (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 219—229). Вероятно, в конечном итоге компромисс все же был достигнут, и в образованный отдел духовной культуры, который возглавил Белый, вошли М. В. Сабашникова, О. Д. Форш, Е. Ю. Виссель, А. Л. Векслер, Е. Ю. Фехнер, А. В. Уханова и др. «Программу деятельности кружка сознания (духовной культуры)», «Программу кружка духовной культуры», подготовленные Белым, см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 64. Л. 1—2; схематический набросок структуры отдела духовной культуры рукой Андрея Белого см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 73. Л. 1.

Бруни. Нет, нет.

Эрберг. Вы боитесь слов.

Бруни. Если столяр делал парк.

Эрберг. Творил. Тот, кто делал сонату...

Бруни соглашается, что материальная культура не подходящее название.

Эрберг. И о искусстве, но будучи менее серьезными, чем вы. Мы считаем весело, что искусство есть. Но каждый [получает] то, что желает.

Бруни. Тут неверно сконструированы слова — философия искусства, философия творчества.

Значит, названия сырые. Тогда понадобится время, как угодно. Это канцелярские названия.

Философия искусства 12-го вторник в 6 часов.

Духовная культура в субботу в 8 часов.

Чистая философия — вторник 8½.

Философия культуры и литературы — пятница 8 часов.

Философия символизма — <суббота — *зирки*.> 8 часов.

Точные науки — в пятницу в 8 часов.

Штейнберг. Императивный мандат к следующему понедельнику.

Проект реорганизации ВФА³⁰⁵

В.Ф.А.

Отделы

I.

Отдел философии искусства

а) теоретический б) практический

Конст. Эрберг, А. Л. Векслер, Гиринский, Н. М. Меринг,
Д. М. Пинес, О. Д. Форш, Р. В. Иванов, Лев Бруни, Бакрылов,
Петров-Водкин.

Собрания по *Вторникам*, от 5 до 7 ч. Вечера по *Вторникам* от 7 до 11 ч.

³⁰⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 154. Проект подготовлен Ивановым-Разумником.

II.

Отдел истории философии

А. А. Мейер, Смотрицкий, Засыпкин, Мейер Л. А., Барышева, Сидорова, Гиринский.

Собрания по *Средам*, через неделю, от 5 до 7 ч. Вечера по *Средам*, через неделю, от 7 до 11 ч.

III.

Отдел духовной культуры

Андрей Белый, М. В. Сабашникова, А. Л. Векслер, Е. Ю. Виссель, Н. М. <Меринг>, <...>, Фехнер, Д. М. Пинес, Г. Я. Змеев.

Собрания по *Средам*, через неделю, от 5 до 7 ч. Вечера по *Средам*, через <неделю, от 7 до 11 ч.>

IV.

Отдел чистой философии

А. З. Штейнберг, Э. З. Гурлянд-Эльяшева, А. Л. Векслер, А. А. Бобрик, Каплан, Н. М. Коялович, Ф. Я. Чуднов, <...>.

Собрания по *Четвергам*, через неделю, от 5 до 7 ч.
Вечера по *Четвергам*, через <неделю, от 7 до 11 ч.>

V.

Отдел философии культуры

Р. В. Иванов, С. С. Вивьен, Д. М. Пинес, А. В. Уханова, Шимкевич, А. А. Бобрик, А. А. Чебышев-Дмитриев.

Собрания по *Четвергам*, через неделю, от 5 до 7 ч.
Вечера по *Четвергам*, через неделю, от 7 до 11 ч. в.

VI.

Отдел литературы

а) теорет<ический> б) практ<ический>

Р. В. Иванов, О. Д. Форш, А. Л. Векслер, Г. М. Змеев, Н. М. Меринг,
Д. М. Пинес, Фехнер, А. Г. Хлебников, Конст. Эрберг, А. А. Чебы-
шев-Дмитриев, Га<ген>-Торн³⁰⁶.

Собрания по *Пятницам*, через неделю, от 5 до 7 ч.Вечера по *Пятницам*, с 7 до 11 ч. в.

VII.

Отдел философии общественных наук

Р. В. Иванов, И. А. Боричесвский, А. А. Гизетти, В. Л. Кибальчич³⁰⁷,
Новомирский, Д. М. Пинес.

Собрания по *Субботам*, через неделю, от 5 до 7 ч.Вечера по *Субботам*, через неделю, от 7 до 11 ч.

³⁰⁶ Нина Ивановна Гаген-Торн (1900–1986) – этнограф, поэтесса, писательница.

³⁰⁷ В письме к Андрею Белому (май 1921 г.) В. Кибальчич, в частности, писал: «По абсолютной невозможности регулярно заниматься и посещать собрания, я не счел возможным записаться в кружки В.Ф.А., несмотря на все желания и интерес. Но я хотел бы получить разрешение посещать, случайно, поскольку найду время, Ваши кружки. Надеюсь, что В.Ф.А. мне в этом не откажет» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 202. Л. 1об.). Ср. также с воспоминаниями Кибальчича: «Я входил в последнее свободомыслящее объединение, Вольную философскую ассоциацию (“Вольфила”); вполне уверен, что был там единственным коммунистом. Вдохновителем являлся другой выдающийся поэт, Андрей Белый. Мы организовывали большие публичные дискуссии, где выступал среди прочих маленький тщедушный человечек, с лицом, прорезанным вертикальными складками, косоглазый, нищенски одетый, один из самых выдающихся умов старой российской революционной интеллигенции, историк и философ Иванов-Разумник. Дискуссия приводила порой к долгим лирическим рассуждениям о проблемах бытия, Космоса и сознания... Также как и Блок, Андрей Белый и Иванов-Разумник чувствовали, что революционный романтизм влечет их скорее к гонимой и вынужденной молчать партии левых эсеров. По этой причине, а также потому, что философские порывы поэтов казались ей подозрительными, ЧК наблюдала за “Вольфилой”. Каждый день ее руководители терзались мыслью, не ждет ли их арест. На наших собраниях в тесном кругу у Андрея Белого, занимавшего в то время большую комнату

VIII.

Отдел философии точных наук

А. А. Чебышев-Дмитриев, (А. А. Васильев), Н. М. Коялович,

П. М. Осокин, А. А. Бобрик, С. С. Вивьен.

Собрания по *Субботам*, через неделю, от 5 до 7 ч.

Вечера по *Субботам*, через неделю, от 7 до 11 ч.

По *Понедельникам*, каждую неделю, от 6 ч. веч. — *общее собрание всех отделов* (перечисленных выше лиц и лиц особо приглашаемых) — <...за>седания для обсуждения всей деятельности Вольфины.

<По Воскресенья>м, от 2½ ч. дня — открытые заседания Вольфины.

Расписание ежедневных занятий в отделах:

<Понедельники>	— Общее собрание отделов (закрытые заседания).	
Вторники	— Отдел философии искусства.	
Среды	— Отдел истории философии	} (через неделю)
— « —	— Отдел духовной культуры	
Четверги	— Отдел чистой философии	} (через неделю)
— « —	— Отдел философии культуры	
Пятницы	— Отдел литературы	
Субботы	— Отдел философ<ии> обществ<ен-ных> наук	} (через неделю)
— « —	— Отдел философ<ии> точных наук	

Доклады мог бы сделать по отделам философии общественных наук I. Государственность и новая общественность <...> II. Философия анархизма. По отделу философии культуры. Культура или эволюция. По отделу философии символизма или философии искусства. Эмоциональное познание. По отделу антропософии «Самосознание».

в здании бывшего генштаба напротив Зимнего Дворца, над бюро уголовного розыска, мы спрашивали себя, как сохранить принцип свободомыслия, как доказать, что он не является контрреволюционным. Белый предлагал созвать в Москве Всемирный конгресс свободной мысли и пригласить на него Романа Роллана, Анри Барбюса, Ганди. Возражали хором: “Этого никогда не допустят!” Я стоял на том, что апелляция к иностранным интеллектуалам, разумеется, неспособным правильно понять русскую революцию, российская интеллигенция рискует дискредитировать ее, и так подвергающуюся неслыханным нападкам эмигрантов» (В. Серж. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. — Оренбург, 2001. С. 183).

Афиша³⁰⁸

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 10-го Апреля 1921 года,
состоится LXVII открытое заседание

Памяти П. А. Кропоткина

Речи и доклады т. т.:

A. Bergmann, Emma Goldmann, Кибальчич, Новомирский,

А. Мейер, Шёнберг, Андрей Белый, Штейнберг,

П. Витязев.

Вход свободный.

Начало с 2½ часа дня.

Зал Географического О-ва.

Демидов пер., д. 8-а.

Иванов-Разумник

Памяти Кропоткина³⁰⁸

— Два месяца со дня смерти.

— В чем сила и в чем слабость Кропоткина?

1) Слабость и сила — от эпохи его развития:

шестидесятые годы (См. его «Записки революционера»³¹⁰)

Точные науки — процветают, философия — в загоне. Религия — миф; этика — утилитарная система морали (Милль).

Сила — от науки: орография³¹¹ Азии.

Но не в науке сила. От эпохи 60^x годов идет основной дух Кропоткина — *революционный*.

³⁰⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 32. На обороте записка Иванова-Разумника к Андрею Белому и схема расположения помещения: «Борис Николаевич, я здесь, жду Вас до 9 ч. вечера. Если придете позже, — зайду к Вам в Воскресенье в 12 ч. дня. Р. Иванов».

³⁰⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 155. Над рукописью более поздние пометы рукой автора: слева — «И. Р.»; справа — «Вольфила».

³¹⁰ Воспоминания П. А. Кропоткина «Записки революционера» впервые были изданы на русском языке с предисловием Г. Брандеса Фондом вольной русской прессы в 1902 г., в Лондоне, и позже неоднократно переиздавались в России.

³¹¹ Наука, изучающая рельеф сухопутной поверхности земного шара.

И в этом главная сила его

Записки *революционера*

Речи *восставшего*³¹²

} 2^е главные
книги.

Что такое подлинный революционер?

Тот, которого надо повесить на другой день после революции.

В каждой революции есть такие

В 1790^х годах — Бабеф

В 1848 г. — социалисты.

В 1871 г. — коммунары.

В 1918 г. — Кропоткин.

Que faut-il au republicain? Du fer, du plomb, aussi du pain.

Du fer — pour travailler, du plomb — pour venger, du pain — pour donner à les frères³¹³

«republicain»

«socialiste»

«anarchiste»

} Все это клетки эпох,
и в них могут быть и
не быть революционеры.

Были срывы и у Кропоткина братья

1) Когда пришла война 1914 г.

2) Когда пришла [социальная — *зчркн.*] октябрьская революция 1917 г.

Но не на слабые стороны его надо обращать внимание, а на сильные. Здесь «взаимодополнительность» его со Л. Толстым (Бакунин).

Князь } от ствола аристократии

и Граф } пришли оба к *анархизму*.

Анархизм теперь идеологически слаб, но за ним великое будущее. Левый социализм все больше и больше будет склоняться к анархизму в своей основе — в отношении к государству. Анархизм есть дальняя вежа, к которой мы все идем; и имя Кропоткина всегда будет развиваться знаменем на этом далеком маяке для всего человечества.

³¹² Имеется в виду книга П. А. Кропоткина «Paroles d'un révolté» (1885), в русском переводе известная под названиями: «Распадение современного строя» (1896), «Речи революционера» (1906) и «Речи бунтовщика» (1906).

³¹³ Что нужно республиканцу? Железо, свинец, а также хлеб. Железо — чтобы работать свинец — чтобы мстить, а хлеб — чтобы раздать его братьям (*фр.*).

Протокол организационного заседания Отдела философии искусства³¹⁴

12 апреля 1921 года.

Эрберг, Бруни, П<етров->В<одкин>, Векслер, Меринг, Форш.

Эрберг.

1. Избрание заведующего отд<ела> — избир<ается> К. А. Эрберг.

2. Избр<ание> секретаря — избирается Н. Меринг.

Предложение Эрберга ограничиться 10 человеками. Коллегия состоит из 10 человек в целях сохранения чистоты работы. Работа отдела теоретич<еская> и практич<еская>. Лекции могут быть с иллюстрациями. Кружка и курсов не будет. Будут пока только доклады. Кооптация может быть на *данный* момент, на данную тему, временной для данной работы. *Права и обязанности членов коллегии*. Разрабатывать совместно доклады. Привлекать сотрудников из других отделов. Предложение — краткость докладов, т. к. цель не внедрение знаний, а вызывание творческой работы, не больше 1 часу.

Иванов-Разумник.

Предложение — организовать *Союз поэтов*. Белый, Блок, Пяст и др.³¹⁵ Также музыкальные имена.

Вексл<ер>.

Для организации целого ряда докладов.

Изобразит<ельные> искусства: Бруни, Петров-Водкин, Эрберг.

Пластика: Бакрылов.

Заявл<ение> **Бакрылова** о том, что София Венедиктовна Ауэр собирается дать пластич<еский> вечер.

Эрберг заявляет, что пластический вечер без слов нежелателен.

Музыка: кооптировать человека, подходящего, но неопределенного.

Область поэтики: Векслер.

Отдел эстетики и теории искусства: Эрберг.

Майская программа:

3. *Бруни*. Ребро на времени.

10. *Пумпянский*. Теория комедии.

<17. *Форш*. Чистяков и Иванов?>³¹⁶ Перегов<орит> Бакрылов

<24. ? *Шимановский*. *Ник. Радлов*>

Курсы мастеров сценич<еской> постан<овки>?. Практ<ический> вечер.

³¹⁴ ИРЛИ. Ф. 291.

³¹⁵ Первое упоминание об организации, которая позже получит название «Вольное содружество поэтов».

³¹⁶ Здесь и далее в угловых скобках приводится зачеркнутый текст.

Протокол организационного заседания Отдела литературы³¹⁷

Присутствуют: Чеб^ышев->Дм^итриев>, Виссель, Ши^мкевич>, Гаген-Т^орн>, Мер^инг>.

Сообщение **Иванова-Разумника**.

Оба эти отдела³¹⁸ — в противополож^ожность> прочим, имеющим возможность им^еть> кружки и курсы. Если темы будут развив^атьс^я> в хронол^огическом> пор^ядке>, то можно сдел^ать> то же самое. Предл^агает> коллегии отделов, хотя бы на май, в кол^ичестве> 10 чел^овек>. Кооптиров^ать> тов. Гаген-Торн в отдел литературы. Работа всех членов кружка, кроме возможн^ости?> нов^ой> самоорг^анизации> кружков, такие вопросы:

1. Чит^альня> и библиотека. Пинес больш^е> труди^тся> по библиотекке. Виссель сговарив^аетс^я> с Пинесом. Просим помоч^ь> в библиот^еке> и читальне.

2. Союз поэтов. А. А. Блок, Андрей Белый, Вл. Пяст, К. А. Эрберг.

3. Деят^ельность> Вольфила. Возможность, кроме отчета Вольфила, издавать бюллетень Вольфила.

4. Библиографический кружок. Книги русск^ие> и загранич^иные> (Ак^адемия> Н^аук> — Ольденбург).

Ив^анов->Р^азумник> просит высказ^атьс^я> и прибавить свои предлож^ения>.

Гаген-Торн — важно начать эту работу, остальное выявится. Вольфила, несм^отря> на свою открыт^ость>, не привлекает массы людей, которые чувств^уют> кризис, и надо бы пошире сделать так, чтобы ударять по лбу тех, кто не видит. Это тогда, когда будет видно, куда идти. Конечно, важнее всего библиограф^ический> круж^ок> — дать возм^ожность> видеть книгу и границу.

Пинес — почему о Вольф^иле> не кричат на перекрестках, такое учреждение неширокое, в чем есть преимущество. Что касается намеч^енного> плана. Относительно читальни и библиотеки — сл^едует> большое задание — кажд^ый> рвет книгу, где может, и тащит в Вольфилу.

Гаген-Торн — и пусть.

Пинес. Для меня вопрос в том, придет ли большее колич^ество> людей — активных.

³¹⁷ ИРЛИ. Ф. 291. Предположительно заседание состоялось в пятницу 15 апреля 1921 г.

³¹⁸ Речь идет об отделах литературы и философии культуры, которые возглавил Иванов-Разумник.

Иванов-Разумник. Вопрос о темах — подождать майск<ого> возрождения — наплыва новых членов.

Гаген-Торн. Всех, кто понимает кризис — тащить в Вольфилу. Смысл — чтобы все, что есть живого, шло в Вольфилу. Тащить книги, Ольденбургов, Тарле, бить по черепу, ударять.

Все. Как ударять по черепу?

Гаген-Т<орн>. Собр<ать> побольше мочи.

Доклады на май:

1. Первохристианск<ий> социал<изм>. Ив<анов>-Р<азумник>.

2. Христиане и христовы. Форш.

Это предлож<ение>, но прежде зафиксировать — хотят ли предложение кружка и отдел<а>.

Бобрик говорит, кружок. Возраж<ает> — что уже велось как отдел.

Чебышев — темы могут ли отклоняться — является ли, напр<имер>, тема Форш связ<анной> с излож<енным>.

Бобрик — инициат<ива> ясно и опр<еделенно> у Разумника Вас<ильевича>.

Р. В. отвечает, что ему важно зн<ать> тему и подх<од> — взгл<яды> разн<ые>. Кроме искл<ючительно> как докл<ада> Бел<ого> о Spengler, он — хронологич<ен>.

Пинес говорит, что в том кружке, кот<орый> был, по целому ряду соприкасающ<ихся> вопрос<ов> — повтор<ения> — у нас во всех перепробовали эти вопросы и образов<ались> опред<еленные> мнения и ощущения.

Гаген-Торн — все целиком мож<ет> помест<иться> в форму отдела.

Ив<анов>-Раз<умник> — больн<ой> вопрос — мы не знаем, в какую форму выльются тогда отделы. Вдруг — обескр<овят> воскр<есения>.

Иванов-Разумник. Собрать побольше матерьялу, хорошо, прак<ически> осущ<ествим> библиографический круж<ок>. Интер<есные> книги, Spengler и ряд других, иск<лючительно?> книги, только ненадолго. Важно уловить и прореферировать. К пятнице — собраться и организовать библиогр<афический> кружок — цел<ый> ряд книг по специальностям. Виссель и др. Сл<едующая> пятн<ица> 8 час<ов>.

Шимкев<ич> предл<агает> не рефер<ировать>, а рецензи<ровать>.

Чебышев-Дмитриев — книги в спец<иальный> отд<ел>, вопр<ос> в понед<ельник>.

Филос<офия> культ<уры>.

Сообщ<ение> **Ив<анова>-Р<азумника>** о работе. Отмен<ить> кружок — чернов<ая> работа — буд<ут> доклады.

Посл<едняя> стр<аница>.

Гаг<ен-Торн>. После колич<ество> уменьш<ится>.

Ив<анов->Р<азумник>. — Колич<ество> опасн<о> только для начала.

Виссель высказыв<ается>, что кружок по фил<ософии> культ<уры> желат<ельно> сохранить.

Пинес предлагает контрпр<едложение> — на май отдел, а затем образовать кружок.

Принимается.

Обсужд<ается> вопрос о темах. **Виссель** предлагает постав<ить> темы о гуманизме.

Из письма Иванова-Разумника к Ф. И. Витязеву³¹⁹

В Москве, увидев Шпета, сообщите ему, что в ожидании его майского приезда «Вольфила» оставила свободным одно из майских Воскресений. <...>

15/IV 1921.

Записка Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу³²⁰

<24 апреля 1921 г.³²¹>

Что Вы думаете о таких Воскресных майских заседаниях:

8го мая — ? (может быть пропустить, в виду того, что 1го Пасха, а на Пасх<альной> неделе нельзя будет напечатать объявлений).

15го мая — А. В. Васильев: Современные философские системы и теория относительности³²².

³¹⁹ РГАЛИ. Ф.106. Оп. 1. № 64. Л. 30.

³²⁰ ИРЛИ. Ф. 474. № 145. Л. 44—44об.

³²¹ Датируется предположительно по содержанию.

³²² Философскому значению теории относительности посвящена специальная глава книги А. В. Васильева «Пространство, время, движение. Историческое введение в общую теорию относительности» (Берлин, 1922). Ср.: «Расширение физического опыта, с одной стороны, могущество математического анализа, с другой, откроют уму новые горизонты, подобно тому, как это сделала теория Эйнштейна. Тот царственный путь, по которому пойдет человеческая мысль и впредь, будет одинаково далек и от «антинаучных построений и безответственных мистических исканий» современных неоплатоников и гностиков, и от узкого фанатизма, считающего материализм Геккеля и Энгельса последним словом человеческого мышления» (С. 148). Согласно оценке

23го мая — «Наполеон» (к 100-летию со дня смерти) кто?

Мнение: Вы, А. Белый, я, О. Форш,
Пумпянский, Мейер, и еще, и еще.

Вы предупредили Пумпянского, что 17го Мая он у Вас читает «Теорию комедии»? ³²³

Записка Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу ³²⁴

<24 апреля 1921 г. ³²⁵>

Вчера Пинес был в типографии, правил корректуру (было напечатано, например, вместо «Коялович, Дедукция понятия числа» — «Козлович, Бебукация» и т. д.). Править надо было спешно; поэтому он сообщил мне, что на верху афиши им оставлено:

В.Ф.А.

Занятия членов-соревнователей В.Ф.А.

с 1го Мая по 1ое Июня 1921 г.

а внизу все же «Вход свободный». Сегодня после перерыва Вы мне дайте слово для обычного сообщения; но что мне тогда, как Вы думаете, сказать о технике «входа» на наши будущие доклады?

Пумпянский (о «Ревизоре») у Вас 17го или 24го мая?

Максималист — *др. Штейнер* ³²⁶?

проф. Васильева, теория относительности А. Эйнштейна «объяснила загадку тяготения метрическими свойствами пространственно-временного континуума четырех измерений и таким образом проложила путь к геометрии мира», т. е. к созданию «гармоничной физической картины мира» (См.: *А. В. Васильев. От Евклида до Гильберта* (Вступительная статья) // *Д. Гильберт. Основания геометрии* / Пер. под ред. засл. проф. А. В. Васильева. — Пг., 1923. С. XXIX–XXX).

³²³ Теория «комического» изложена Пумпянским в его лекциях о Гоголе (1922). См.: *Л. В. Пумпянский. Классическая традиция*. С. 257–342.

³²⁴ Собрание М. С. Лесмана — Н. Г. Князевой.

³²⁵ Датируется предположительно по содержанию. Упоминаемая в тексте записки тема «максимализма», позволяет отнести ее к LXX заседанию ВФА, на котором с докладом «Что такое максимализм» выступал Андрей Белый.

³²⁶ Рудольф Штейнер (1861–1925) — немецкий философ, основатель и руководитель Антропософского общества.

Письмо Е. Ю. Виссель в ВФА³²⁷

30/IV — 21 г.

Поздравляю дорогую Вольфилу с тройным праздником и самый главный — это майское возрождение ее³²⁸.

Вольфила была и, конечно, будет той живой водой, которая в самое тяжелое время может вернуть желание жить, может влить какую-то силу, стремления и что-то такое, что не скажешь словами.

Я счастлива, что попала в Вольфилу, с тех пор жизнь не кажется уже такою мрачной, и я бесконечно, от всей души, благодарю председателя и всех организаторов Вольфилы за ее существование.

Преданная Вольфилка.

Прения по докладу А. А. Мейера
«Итоги античной философии»³²⁹

<4 мая 1921 г.>

Мейер (конч<ает>). Мы д<олжно> быть, м<ожет> быть, что мы разделимся на 2 *мы*. Там, по ту стор<ону> перев<ала>, счета нет, но по сю сторону могут остаться. По сю сторону перев<ала> 2 пути. Пусть буд<ет> настоящая ссора, кот<орая> лучше худого мира.

Мейер. Хот<ел> видеть<ь> 2 линии, а если 1, то подойду с большей осторожност<ью>.

Шт<ейнберг>. Мы это я — в степени я (формула).

М<ейер>. Дело в непосредствен<ном> ощущении.

Кон<стантин> А<лександрович> Э<рберг>. Мы это те, кот<орые> беспокойны.

М<ейер>. Я это приветствую, но иногда, показывают тени, кот<орые> я боюсь. Я чувствую близко беспокоящегося и сам беспокоюсь. Это опыт непосред<ственного> восприятия, и нам нужно остерегаться.

³²⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 219. Л. 1. На конверте помета Иванова-Разумника «О Вольфиле» (Л. 2). Авторство письма устанавливается предположительно, по почерку Е. Ю. Виссель.

³²⁸ Подразумеваются Пасха, День солидарности трудящихся, а также организация ВФА.

³²⁹ ИРЛИ. Ф. 291. На обложке надпись: «Дела «Вольфилы». Речь А. А. Мейера т. Разумнику Васильевичу Иванову-Разумнику от т. Меринг». Полный текст выступления А. А. Мейера не сохранился. Тема и дата доклад устанавливаются предположительно.

Х³³⁰. Вольфила, Асс<оциация> — собр<ание> людей свободных, но смысл свободы Леши Карам<азова> и Смердякова <различен?>, не одинаковы и форм<ы> понят<ий>.

Эрб<ерг>. В Вольфиле искренний Смер<дяков> так же приемлем, как и Алеша.

Мей<ер>. Это не асс<оциация> идей, а — людей, и личность Смерд<якова> так же приемлема, и наконец надо опытом постигнуть всю формальность свободы. И если бы вошел Смердяков, то он только помог бы опыту.

Эрб<ерг>. Саша, свобода — есть свобода.

Х. Надо выявить, чем эта свобода есть истинная свобода.

<Иванов->Разум<ник>. Я тоже вижу, что не договариваем. Есть путь христ<ианский> и антихристианский, поэтому Мейер и боится. Эта маленькая степень испуга А<лександра> А<лександровича> неправомерна. Путь антих<ристианский> может казаться христовым и наоборот. И если Вольф<ила>, если загов<орит> так, то нет причины испуга.

М<ейер>. Не об этом говорю. Когда *вы* говорите — христианск<ий>, я увядаю. Можно разделять, и я не боюсь этого — я боюсь, что появится *Мы* с неуловимым отт<енком> — это сов<сем> новый вопрос, и не об этом речь. Я думал об этих разных *Мы*. Дело не в христ<ианском> и антихр<истианском>. Я считаю ненужным выбирать, и метод ненужный. Это старо, а вопрос, когда я говорю о христ<ианских> путях, я не хочу, как вы называете, я отрекаюсь от вкуса ваших слов. Я не боюсь быть в антихр<истианстве>, если оно правильно, но когда *не* правильно *Мы*, я боюсь.

<Иванов->Разум<ник>. Дело в том, что субъект<ивную> окраску несправедливо вносить, я тоже заранее знаю, что от вас услышу. Это факт нашей психологии.

Мей<ер>. Нужно договориться до конца, но сегодня я немного испугался.

Форш. Чего, собст<венно>, вы испугались? Смешения с чем? Что страшно?

Мей<ер>. Я *не* свободы испугался.

Форш. Должна быть вера в свой звук, он не смешается с друг<ими>; у вас страх метафи<зи>ческий. Как будто вы ощущаете предательст<во> как вашу высшую ценность. *Страха* не может быть.

Мей<ер>. Только опасение и нежелание свободы. Там, где свобода, там и мои верования. Я боюсь измены имени.

³³⁰ Очевидно, здесь и далее реплики неизвестного лица.

Векслер. Я нахожу, что нам следует перестать быть откровенными, *так* мы только опустошаем. Надо иметь целомудрие.

Эрб<ерг>. Как можно думать, что искренность нас разъединит? Она не делает разницы я и ты. Ради искренности можно себя потерять.

Мейер. Я поддерживаю т. Векслер. Опыт в тишине накапливается, иногда можно говорить, но не каждый понедельник.

<Иванов->Разум<ник>. Дело в том, что *сегодня* день промежуточный, *будущий* понедельник у нас будет сов<сем> другой разговор, и отдел философии символизма представит свой доклад.

Письмо Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу³³¹

Дорогой Константин Александрович, выяснилось внезапно, что я никак не могу быть сегодня вечером на нашем Вольфильском «Понедельнике», а также не смогу и завтра быть у Вас на докладе Матюшина. И то и другое мне очень досадно, к тому же сегодня мне было бы крайне необходимо присутствовать, в виду целого ряда спешных дел. Пишу о них поэтому Вам, а Вы может быть огласите то, что найдете нужным из этого писания на сегодняшнем собрании.

Во-первых. Совершенно необходимо в течение этой недели разработать по отделам *июньскую программу*; афиша должна быть сдана в *Понедельник 16 мая*, чтобы можно было не торопясь сдать ее в набор и прокорректировать.

В виду этого просил бы Вас сообщить членам отделов Литературы и Философии Культуры, что, если им удобно, то хорошо бы собраться для этого дела и ряда других дел — здесь, в *Среду* (послезавтра), в 5½ ч<асов> дня; до 7 ч<асов> веч<ера> у нас будет полтора часа свободных. Я здесь буду в *Среду* с 5 часов.

Во-вторых. Предлагаю на следующий Понедельник для нашего Вольфильского собрания следующую тему: есть характернейшая книжка Булгакова «На пиру богов» (издана в Киеве еще в 1918 г.³³²); ee

³³¹ ИРЛИ. Ф. 474. № 145. Л. 18—18об.

³³² См.: С. Н. Булгаков. На пиру богов. Про и contra: Современные диалоги. Киев, 1918. Помимо критического анализа поэмы Блока «Двенадцать», книга содержит и полемический выпад в адрес статьи Иванова-Разумника «Испытание в грозе и буре» (1918). Ср.: «Довелось мне прочесть такое рассуждение, где 12 большевиков прямехонько в 12 апостолов превращаются, они-то-де настоящее христианство и покажут, а вот то было неудавшееся. Да, покажут, только снежное, с ледяным сердцем и холодной душой. Для меня вообще пе-

знают Д. М. Пинес, давший ее мне, и О. Д. Форш; так вот эту книжку я предлагаю зачитать в Понедельник; она очень Вольфильская и вызывает большие разговоры. А это вот для чего: вношу предложение это самое чтение устроить в одно из ближайших июньских Воскресений.

Есть у меня еще и «в-третьих», и «в-четвертых», и в-пятых», но писать некогда а кроме того думаю, что у Вас, у Бориса Николаевича, и у Арона Захаровича, и у членов Отделов найдется немало еще всяческих вопросов, которым сегодня придется уделить время. Поэтому кончаю, жму Вашу руку и передаю привет всем Вольф<ильцам>.

Ваш Раз. Иванов

9 мая 1921. Спб.

Р. S. Только что была здесь Н. Халатова, которая предлагает в ближайший июньский Вторник протанцевать (слово не то, да Вы поймете) «Мистерию» (Adagio 11ой сонаты Моцарта), со вступительным словом перед пластикой и с разговором после. Как член Вашего Отдела вношу предложение — назначить этот вечер на Вторник 7го июня. На афише должно стоять:

Вечер пластики
Натали Халатьян
Adagio Моцарта
(11ая соната)
со вступительным словом

Как Вам кажется?

И.-Р.

Письмо Л. Л. Мищенко в Совет ВФА³³³

В Совет ВольФилы
профессора Леонида
Леонидовича Мищенко
— Пгр., Невский, 156,
кв. 12, т. 4—30—89

Заявление

На заседание в воскресенье 22 мая предлагаю доклад «Наполеон в военной истории и в военной психологии» с особенным развитием

ретряхиванье этого старья на тему о сближении христианства и социализма давно уже потеряло всякий вкус» (С. Н. Булгаков. Соч.: В 2 т. Т. 2. С. 598).

³³³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 108.

второй части темы. Доклад на время *minim<um>* от 20 до 30 мин., но *m<ожет> б<ыть>* — по желанию — и больше. Для сведения: сам — я — военный, военного образования, писал по вопросам этого рода; последнее время в 1917 г. в «Разведчике» и в газетах как обозреватель войны. По психологии общей и военной имею специальные труды³³⁴.

О решении Совета ВФА прошу известить меня заблаговременно.
С сердечным приветом.

Леонид Мищенко.

15 мая 1921 г.

№ 64.

Пгр.³³⁵

Письмо Н. Павлович к Конст. Эрбергу³³⁶

<Середина мая 1921 г.³³⁷>

Многоуважаемый Константин Александрович, я была у Белого. I заседание³³⁸ будет без него, потому что ни на этой, ни на следующей неделе он не может выделить дня (часть след<ующей> нед<ели> он проведет в Царском). Если бы очень насесть на него, то, конечно,

³³⁴ См., напр.: Л. Л. Мищенко. Психология воображения. — СПб., 1911.

³³⁵ Далее следует помета рукой Д. М. Пинеса: «Сообщено, что афиша напечатана и в списке содокладчиков Мищенко не может быть помещен, но что ему предоставляется право выступить *первым* “из публики”».

³³⁶ ИРЛИ. Ф. 474. № 213.

³³⁷ Датируется приблизительно на основании содержания.

³³⁸ Речь идет об инициативе Вольфила по образованию нового литературного объединения — Вольного содружества поэтов, альтернативного третьему Цеху поэтов под руководством Н. С. Гумилева. В ВСП вошли покинувшие Цех поэтов А. А. Ахматова и В. Ф. Ходасевич, а также А. Белый, Конст. Эрберг, М. А. Кузмин, А. Д. Радлова, Н. А. Павлович, В. Пяст, Ф. Сологуб и др. (всего — 16 членов). На первом собрании ВСП 25 мая 1921 г. его секретарем был избран В. Ф. Ходасевич, помощником секретаря — А. Д. Радлова. В письме к А. А. Блоку от 20 мая 1921 г., приглашая его на первое собрание, Радлова писала о целях нового объединения: «Это будет клуб, в котором будут встречаться поэты без всяких председателей, секретарей и прочих атрибутов полицейского участка» (Александр Блок: Переписка: Аннот. кат. Вып. 2: Письма к Александру Блоку. — М., 1979. С. 380). Содружество распалось не ранее июня 1921 г. Подробнее см.: С. Нельдихен. Общественно-литературная жизнь Петрограда // Накануне. 1922. 17 ноября. № 188. С. 2 (сообщил А. Ю. Галушкин).

можно было бы затянуть его сразу, но по моему это не стоит делать, он опять нервничает, и, придя, стал бы клясть «Содружество».

Давайте назначим собрание в четверг в 9. Хотя Б<елый> и говорит, что в Д<оме> иск<усств> в среду он читать не будет. Но кто его знает, публика сможет пойти его слушать, затем в среду же доклад Форш в Вольф<иле>; сейчас я иду к Ахматовой и Ремизову и скажу им. Мой организа<ионный> совет — доберитесь все-таки сами до Блока, если хотите обеспечить его участие. Если Бел<ого> не будет, необходимо, чтобы на I же собр<ании> был Блок. —

Ваша Н. Павлович.

Афиша³³⁹

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье, 22-го Мая 1921 г.,
состоится LXXI-е открытое заседание

Наполеон

Речи и доклады:

**Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. А. Мейер, Л. В. Пумпянский,
О. Д. Форш, А. З. Штейнберг и друг.**

Начало с 2½ часа дня.

Вход свободный.

Зал Географического О-ва.

Демидов пер., д. 8-а.

Письмо Андрея Белого к В. Л. Кибальчичу³⁴⁰

Глубокоуважаемый товарищ Кибальчич,
позвольте мне напомнить: сегодня назначили мы встречу с Вашими французскими товарищами в 4 часа у меня. Но по ряду причин удобнее нам встретиться в «Вольно-Филос<офской> Ассоциации» в 4 часа, сегодня. Адрес Ассоциации: Фонтанка № (кажется 53); но во всяком случае рисую план³⁴¹.

Ассоциация помещается в Красном здании, выходящем на Фонтанку, где какое-то Санаторное Учреждение; на подъезде надпись Ассоциации; там же — Красный Крест.

Остаюсь искренне преданный Борис Бугаев.

³³⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 33.

³⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 202. Л. 3.

³⁴¹ Слева на письме имеется рисунок местонахождения ВФА.

Письмо В. Л. Кибальчича к Андрею Белому³⁴²

29.V.21

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Страшно досадно, что пришлось мне выйти — на очень короткое время! — в тот именно день и час, когда мы могли бы о многом побеседовать.

Убедительно прошу Вас передать т. Разумнику Иванову след<ую-
щий> ответ.

Да, если я могу выступить по французский <так!>. Притом главный интерес доклада в тех цитатах новых стихов, которых я могу привести и переводить по русский <так!> я ни в коем случае не осмелюсь.

Нет, если необходимо большей частью употреблять русский язык. — Из-за полной невозможности для меня подготовиться в данный момент по русский.

Сообщите, пожалуйста, Ваш ответ по возможности срочно.

С товарищеским приветом

В. Л. Кибальчич.

Объявление³⁴³**Вольная Философская Ассоциация**

В Воскресенье 19го июня 1921 г.
состоится LXXV открытое заседание:

Беседа о марксизме

Начало в 2½ ч. дня

Вход свободный

Зал Геогр. О-ва Демидов пер., 8а.

³⁴² РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 202. Л. 2.

³⁴³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 35. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

Письмо М. П. Кристи к Андрею Белому³⁴⁴

23/VI 1921 г.

Тов. Белому, Морская 3/5

от М. П. Кристи

Дорогой товарищ.

Очень рекомендую Вам Анатолия Ивановича Иванова, человека — родственного нам по духу, который, надеюсь, представит большой интерес и для Вас и для Вольно-Философской Ассоциации. Нужно будет дать ему возможность там работать³⁴⁵.

С тов<арищеским> приветом.

М. Кристи.

Объявление³⁴⁶

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 26го июня 1921 г.
состоится LXXVI открытое заседание:

Н. Н. Розенталь. Савонарола

Начало в 2½ ч. д.

Вход свободный

Зал Геогр. О-ва Демидов пер., 8а.

Объявление³⁴⁷

Вольная Философская Ассоциация

Пятн<ица>
24 июня

Отдел литературы Лекция 3. Венгеровой³⁴⁸ не состоится

³⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 322. Л. 3.

³⁴⁵ Ср. с письмом Андрея Белого к Иванову-Разумнику (датированным приблизительно концом июня): «...уже 10 дней тому назад Кристи прислал в "*Вольфилу*" человека, видимо — анархиста, с большой просьбой дать ему проявиться в "*Вольфиле*"...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 231).

³⁴⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 36. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

³⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 73. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

³⁴⁸ Зинаида Афанасьевна Венгерова (1867–1941) – литературный критик, историк западно-европейской литературы, переводчик.

Суб<бота> 25 июня	Отдел филос<офии> символ<изма>	Мариэтта Шагинян ³⁴⁹ — О «Буре» Шекспира
----------------------	--------------------------------------	---

В воскресенье 26 июня открытое заседание отменяется

Вторн<ик> 28 июня	Отдел филос<офии> искусства	Н. Э. Радлов — О беспредметном искусстве
Среда 29 июня	Отдел истор<ии> философ<ии>	А. А. Мейер — Неоплатонизм
Четверг 30 июня	Отдел чистой философ<ии>	А. Штейнберг — Трансценденталь- ная и догматическая логика

Начало в 7½ ч. в. Чернышев пер. 9.

Воскресенье 3 июля

76⁰⁰ открытое собрание

Беседа об антропософии

Докладчик Л. В. Пумпянский

Начало в 2½ Демидов пер. 8^a

<Иванов-Разумник>

Поездка «Вольфила»³⁵⁰

июль—август 1921 года

Июль.

5-6

VII — СПб.—Москва (22 часа
пути)

7-8-9

VII — Москва

10

VII — (Воскресенье)

11

VII — Москва—Юрьев-Польский
(10 ч.)

12

VII — Юрьев-Польский

НВ За несколько часов до отъез-
да — командировать одного члена
Вольфила для организации до-
клада на 10/VII.

Доклад «Что такое Вольфила»

³⁴⁶ Мариэтта Сергеевна Шагинян (1888—1982) — поэтесса, прозаик, критик.

³⁴⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 156. Л. 1-10б.

- 13
VII – (Среда)
- 14
VII – Юрьев-Польский–Москва
(10 ч.)
- 15–16
VII – Москва
- 17
VII – (Воскресенье)
- 18
VII – Москва–Владимир (18 ч.)
- 19
VII – Владимир
- 20
VII – (Среда)
- 21
VII – Владимир–Москва (18 ч.)
- 22–23
VII – Москва
- 24
VII – (Воскресенье)
- 25
VII – Москва–Ростов (12 ч.)
- 26
VII – Ростов
- 27
VII – Ростов–Ярославль (5 ч.)
- 28
VII – Ярославль
- 29
VII – (Пятница)
- 30
VII – Ярославль – Кострома
(5 ч.)
- 31
VII – Кострома (Воскресенье)
- Доклад: 1) Утром: **Петров-Водкин – «Фрески Георгиевского Собора»**
2) Вечером: –
NB Командировка 2-х членов
Вольфила – одного во Владимир,
другого – в Ростов–Ярославль–
Кострому.
- Доклад – **«Наполеон»**
- Доклад: 1) Утром: **Петров-Водкин – «Новооткрытие фрески Рублева во Владимире»**
2) Вечером: –
- Доклад – **Андрей Белый «Что такое максимализм»**
- Доклад – 1) Утром: – **Петров-Водкин «Художественные сокровища Востока»**
2) Вечером:
- Доклад – 1) Утром: – **Петров-Водкин «Ярославские древности и их художественное значение»**
2) Вечером:
- Доклад **«Что такое Вольфила»**

Август.

1–2

VIII – Кострома–Москва (20 ч.)

3–6

VIII – Москва

7

VIII – (Воскресенье)

8–9

VIII – Москва–Новгород (30 ч.)

10–13

VIII – Новгород

14

VIII – (Воскресенье)

15–16

VIII – Новгород–Псков (10 ч.)

17

VIII – Псков (Среда)

18–19

VIII – Псков–СПб. (20 ч.)

НВ Командировка 2-х членов

Вольфилы – одного в Новгород,
другого – во Псков

Доклад «Памяти Кропоткина»

Доклад – 1) Утром: – Петров-
Водкин «Значение Новгорода»
2) Вечером:

Доклад – 1) Утром: – Петров-
Водкин «Древний Псков»
2) Вечером:

Всего 17 лекций и докладов в 1½ месяца.

Объявление³⁵¹

Вольная Философская Ассоциация

В воскресенье 10 июля в 2½ дня LXXVII³⁵²

Доклад тов. **Собещого**

«Государственность и новая общественность»

В воскресенье 17 июля в 2½ дня LXXVIII

Проф. **Н. С. Лавров** — **Основа новой организацион<ной> науки**

В воскресенье 24 июля³⁵³ в 2½ дня LXXX

Предполагается **Беседа о Гете**

Докладчики: **Д. Д. Михайлов. Л. В. Пумпянский.**

Вход свободный. Демидов 8а.

³⁴⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 74. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

³⁴⁹ Здесь и далее номера заседаний проставлены карандашом.

³⁵⁰ Позже дата исправлена дважды: первоначально на 31-е, затем на 7/VIII.

Афиша³⁵⁴

Вольная Философская Ассоциация

LXXIX

В Воскресенье 24-го Июля 1921 года.

Андрей Белый прочтет свою новую поэму **Первое свидание**

Начало в 7 час. веч.

Билеты продаются — Фонтанка (уг. Графского), д. 50, кв. 22,
в Воскресенье при входе.

Зал Географического О-ва Демидов пер., д. 8-а.

Объявление³⁵⁵

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 31го июля 1921 г.

открытого заседания НЕ будет.

В воскресенье 7го августа 1921 г.

состоится LXXVIII открытое заседание:

Беседа о Гете. Докладчики Д. Михайлов и Л. Пумпянский

Начало в 2½ ч. дня

Вход свободный

Зал Географического Общества Демидов пер., 8а.

П. Самойлов³⁵⁶

Поэма Андрея Белого³⁵⁷

А. Белый прочитал в Вольно-Философской Ассоциации свою новую поэму «Первое Свидание»³⁵⁸. Он превосходный чтец. Когда я видел, как этот пластический художник жестами закругляет слова, непонятное превращает в музыку, музыку вливает в вас широкими и гармо-

³⁵⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 35. Номер заседания вписан карандашом.

³⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 37. Текст написан рукой Иванова-Разумника.

³⁵⁶ М. С. Шагинян.

³⁵⁷ Жизнь искусства. 1921. 2–7 августа. № 792–797. С. 2.

³⁵⁸ Отдельным изданием поэма «Первое свидание» вышла в петроградском издательстве «Алконост» в октябре 1921 г.

ничными движениями, я наслаждался сознанием силы подлинного искусства. Когда оно *есть*, оно есть. Тут уж не убьет никакая бацилла скепсиса, недоброжелательства или тупости. А когда его нет, — его нет, хотя бы целые словословия поливали его мнимый росток...

«Первое Свидание» — длинная поэма в классическом ямбе (сколько я мог заметить, без строфической периодичности). Это поэма о Москве, о знаменитой Московской весне с несравненными зорями, вызвавшей когда-то «Драматическую Симфонию»³⁵⁹ Белого и ряд совсем особых идеологических настроений тогдашней Московской молодежи. Эта «обещающая» весна была, можно сказать, самым злейшим врагом Канта и критической философии, какие только у него были. Она, своими невозможными закатами, невольно сбивала «идеальный момент» на самую земную реальность, заставляла в факте видеть его идею, верить в возможность несбыточного. На нашем трезвом языке эта весна принесла с собой эпидемию «утопизма». Молодые люди думали, что стоит протянуть руку — и дотронешься до «вещи в себе»... И любовь тогда была особенною любовью. Обыкновенная «она» с плотью и кровью превращалась в Нее с большой буквы, в Прекрасную Даму Блока, в Деву Радужных ворот. Об этом исключительном моменте русской духовной культуры, — о моменте сдвига с привычного мироощущения, — и рассказывает нам поэма Белого. Насыщенная содержанием она почти лишена фабулы. В ней ничего не происходит. Движение дано не в действиях героев, а в психике автора. Это — прием романтиков и, в частности, это излюбленный прием Жана-Поля Рихтера. Только то, что Жан-Поль проделывал в прозе (вспомните хотя бы адвоката Зибенкейза!³⁶⁰), Белый бросил, бросил как раскаленный металл в сухие, строгие, скованные ямбы, освященные для нас ясным эллинизмом Пушкина.

Отсюда и начинается для меня трагическая особенность этой совершенно ни на что не похожей поэмы. Возьмите огненного Гранэ, коня Вагнеровской Валькирии, и вложите ему под горячие ноздри... английский мундштук. Возьмите извержение Везувия и постройте вокруг его kloкочущего кратера галерею Камерона. Что это будет? «Первое Свидание» есть огненная импровизация без всякой архитек-

³⁵⁹ Речь идет о «Симфонии (2-й, драматической)», которая впервые была издана московским издательством «Скорпион» в 1902 г.

³⁶⁰ Подразумевается роман немецкого писателя-романтика Иоганна Пауля Фридриха Рихтера (псевд. Жан-Поль; 1763–1825) «Blumen-Frucht und Dornenstücke, oder Ehestand, Tod und Hochzeit des Armen-Advokaten Siebenkäs» (1796–1797). Русск. пер. см.: Ж.-П. Рихтер. Зибенкез. — М., 1937.

тоники, без плана (по крайней мере он незрим со стороны), без симметрии, без фабулы; это есть лирическое извержение души, каждый опыт которой так значителен, что превращается в формулу; и эта импровизация, это извержение скованы самым трезвым из размеров, четырехстопным ямбом. Это какой-то художественный парадокс, над которым стоит поломать зубы критику.

Мне же покуда ясно одно: поэма Белого при всей ее значительности не станет *канон*ом, как станет им гениальная «Эпопея» того же Белого. Это — не шаг вперед, но шаг в сторону. Мне присутствовавшему на чтении Эпопеи и отметившему этот день крестиком в своем календаре — возрождение подлинной русской классической линии, — мне «Первое Свидание» кажется инерцией его огромного внутреннего разбега. Это... ком из крошек. Когда режут крупную вещь, лепят гиганта, остаются обрезки *материала*, кусочки *сырья*. Гениальная ладонь художника снова сминает эти обрезки и — глядь, — из слепившихся кусочков творец тонкими пальцами, нажимая еще взволнованной от большой работы руки, создает тонкое и странное очертание, парадокс, химеру, подобную химерам Нотр-Дам. Если переход от эскиза к большому полотну естественен, то переход от большого всколыхнутого ритма, от грандиозных масштабов к маленькому заданию всегда парадоксален: инерция большого ритма — и неиспользованные обрезки материала...

Внимательный читатель поймет меня. Он вспомнит сверкающее, гремящее описание концерта, он вспомнит шуршание нотных листов на пюпитре, — все эти жемчужины поэмы, и невольно скажет себе: да ведь это прием его прозы, это описание бала в «Петербурге», краткие периоды симфоний, гекзаметральные периоды Эпопеи. Канона тут нет, тут нет канонической святости Эпопеи; это не «исполненный ямб», а только «наполненный ямб». Великий формотворец, Белый, не нашел тут своего ямба и не сделал его «*sine qua non*» своей поэмы, не сделал его неизбежной и единственно-возможной здесь формой. Поэтому для меня «Первое Свидание» — шаг в сторону, тупичок, на основной линии его пути. Об этой основной линии и, в частности, об Эпопее, надеюсь поговорить в следующий раз.

Афиша³⁶¹**Вольная Философская Ассоциация**

В Воскресенье 14 Августа 1921 года
состоится LXXXI открытое заседание

Беседа о материалистическом понимании истории
Докладчики — от Научного Общества Марксистов
и от Вольной Философской Ассоциации.

Начало с 2½ часа дня.

Вход свободный.

Зал Географического О-ва, Демидов, 8-а.

Вольная Философская Ассоциация

В Воскресенье 21 Августа 1921 года
состоится LXXXII открытое заседание

А. А. Чебышев-Дмитриев. Не герои (о русском народе)³⁶²

Начало с 2½ часа дня.

Вход свободный.

Зал Географического О-ва, Демидов, 8-а.

Письмо М. Г. Собецкого в ВФА³⁶³

Член-соревнователь
Вольной Философской Ассоциации
Михаил Георгиевич Собецкий³⁶⁴

17 августа 1921 г. № 6.

Улица Красных Зорь 48/2 кв. 7.

Тел. 46—57. Петроград.

Председателю Вольной
Философской Ассоциации

10-го июля 1921 г. на LXXVII открытом заседании Вол<ьной>
Фил<ософской> Ас<социации> мною был сделан тезисный доклад

³⁶¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 37. Аналогичное объявление, написанное рукой Иванова-Разумника, см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 38.

³⁶² Согласно списку летних заседаний 1921 г., составленному рукой неизвестного (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 22), это заседание в указанный день не состоялось и, возможно, было перенесено на сентябрь.

³⁶³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 147.

³⁶⁴ Начиная с 1924 г. Михаил Георгиевич Собецкий опубликовал ряд работ в области физической культуры и спорта. См. напр.: Азбука физической культуры / Сост. М. Г. Собецкий. — Л., 1924.

на тему «Государственность и новая общественность». Ныне, представляя конспект доклада на тему «Новейшее течение анархизма» (общественная безгосударственная политическая идеология), прошу поставить доклад на одно из ближайших открытых заседаний В.Ф.А. Доклад может быть поставлен самостоятельно или же в «Беседе об анархизме». Полагал бы желательным и своевременным поставить в Вольной Философской Ассоциации две дискуссионные темы: «Анархизм и марксизм» и «Познание и Культура» и специальный доклад «Философия истории как социология».

Тезисы для дискуссии на тему «Познание и Культура» прилагаю. Тезисы для дискуссии «Анархизм и марксизм» и конспект доклада «Философия истории как социология», если желательны, могу представить.
М. Собецкий.

Тезисы для дискуссионной темы «Познание и культура»

для Вольн<ой> Фил<ософской> Асс<оциации>

1. Человечество знает две основные области познания: интеллектуальную и эмоциональную.

2. Организованными формами интеллектуального познания являются: *наука*, основанная на наблюдении, исчислении о опыте, и *философия*, основанная на умозрительном методе рассуждений и умозаключений.

3. Организованными формами эмоционального познания являются: *религия*, основанная на искании и ощущении Истины, Любви, Единства, и *искусство*, основанное на искании, ощущении и нахождении красоты.

4. Метод науки — опыт; метод философии умозрение; метод религии и искусства интуиция и моральное или эстетическое эмоциональное внушение.

5. Интеллект и эмоции являются орудиями познания, причем интеллект является активной стороной каждого сознания, эмоция же пассивной, активно-пассивной или активной, смотря по их высоте (низшие эмоции животных, эмоции полукультурного человека или высшие эмоции культурного человека).

6. У человека рост сознания заключается в росте интеллекта и в сопутствующем ему росте высших эмоций, которые по мере своего роста все более интеллектуализируются, причем одновременно с этим интеллект проникается эмоциональностью.

7. Слияние интеллекта с высшими эмоциями дает духовность; духовность только высший полет интеллектуальности и эмоциональности.

8. Приложение познания к жизни человека, человеческого общества, человечества дает культуру.

9. Наука, с прикладной отраслью техникой, философия, религия и искусство являются факторами культуры.

10. Полный расцвет культуры, сложившейся исторически из материального прогресса, духовного прогресса и социального прогресса возможен лишь при союзе между наукой, философией, религией и искусством.

11. Противоречия, абсурды и уродливость современной действительности являются историческим следствием враждебности, разноустремленности и разъединенности, фальсификационности — науки, фальсификационности религии и фальсификационности искусства.

12. Субъектом науки, философии, религии и искусства и деятелем культуры является человеческая личность (человек).

13. Достижения материальной, духовной и социальной культуры зависят от культуры тела, ума, воли и духа человека.

14. XX век начался войнами и революциями. Начинается новая культурная эра жизни человечества. Задача XX века очистить науку, философию, религию и искусство от фальсификации и синтезировать и координировать их в философии культуры и направить по новому широкому руслу материальный, духовный и социальный прогресс человечества.

15. Задача XX века будет выполнена культурным человеком XX века, гармонически развивающим свое тело, ум, волю, дух, создающим новую общественность, новую науку, новую религию, новое искусство, и освобождающим угнетенных от всех исторических форм рабства, насилия и эксплуатации.

М. Собецкий. Петроград. 1921 год.

П. Самойлов

Новая пьеса³⁶⁵

Демократическая зала Вольфилы. Много народу и затаенное внимание на лицах. За столом автор новой пьесы «Равви», писательница Ольга Форш), и (редкое качество у писателей) превосходная чтица.

Я не буду сейчас «судить», ибо тема пьесы взывает к суду глубоко-мысленному и мудрому. Эта — одна из тех вечных тем, которые разрешаются, строго говоря, не нами, а через нас — в ходе мировой истории. Задача моя — дать лишь рецензию на услышанное.

³⁶⁵ Жизнь искусства. 1921. 6 сентября. № 807. С. 3.

Обратимся же к пьесе. Форш завязывает ее мастерски и сразу завоеживает внимание.

Молодой немецкий пастор пережил тяжелую душевную драму: из чаши его на конфирмации отравилось несколько юношей и девушек. Пастор не виноват, виноват кистер, не вычистивший металлической чаши. Старый пастор, совершавший одновременно с молодым, отнесся к происшедшему смиренно: «на все воля Божья».

Но молодой пережил трагедию. Он готовится искупить «вину». Бога нет в церкви, Бога нет в чаше... На следующей конфирмации он создает себе искупительную Голгофу: произносит знаменательные слова «дух дышет, где хочет» и переворачивает чашу на глазах всей паствы; она пуста.

Параллельно с линией пастора-богоборца идет линия революционера-террориста. Он приезжает в городок, чтобы убить губернатора; но неверующий террорист чувствует, что убить другого он может лишь убив и себя; он идет на преступление как на самоубийство. Час Голгофы пастора и террориста совпадает во времени и сближает их даже в пространстве: оба случайно сталкиваются за стенами храма (вне храма); один арестованный и раненный, другой тоже задержанный за оскорбление святыни. И вот здесь, почти на улице, между этими двумя отверженными, девушка, любящая пастора, вдруг видит третьего: «Где двое или трое во имя мое, там и я среди них».

Итак — историческая церковь осуждена; она мертва; чаша с дарами пуста. Но за стенами храма воздвигается новая церковь, основанная на любви к малым сим и на ненависти к насилию и неправде. Этот основной узел распутывается на фоне едкой и талантливой критики исторической церкви, причем образ владыки, — бывшего офицера с французским воспитанием, с бонмо и непристойными анекдотами, умного, скептического политиканта — можно без преувеличения признать блестящим. Он удался Ольге Форш больше всех остальных.

Такова пьеса. Сценичная, современная, не по-женски умная, написанная в натуралистической манере (уже непризывной нашему уху, воспитанному на условности), она является благодарною пищей для театра, где займет место рядом с пьесами Мережковского, родными ей по теме и разработке.

Вот краткий отчет об услышанном. Углубление же по существу, неизбежно вытекающее из поставленных пьесой вопросов, — дело будущего, когда мы увидим «Равви» на сцене театра Гайдебурова, где пьеса назначена к постановке в ближайшее время³⁶⁶.

³⁶⁶ Пьеса была опубликована дважды: в 1922 г. берлинским издательством «Скифы», а в 1923 г. московско-петроградским издательством «Круг», однако

Письмо Д. М. Пинеса к Андрею Белому³⁶⁷

Дорогой Борис Николаевич,

Вчера Арон Захарович заходил к Вам, чтобы передать «Знамя». Берлинское № 2 (в нем и «Первое свидание») и № 1 «Знамени» немецкого, но не застал.

А я никак сейчас не могу и посылаю через жену.

Разумн<ик> Васил<ьевич> завтра в город не приедет и просит Вас председательствовать на Гетевском собрании Вольфины (в 2½ ч.)³⁶⁸.

Я очень рад, Борис Николаевич, вести о том, что Вам разрешен выезд, хотя знаю, что все это не так просто, легко и радостно.

Крепко жму Вашу руку и, б. м., завтра, по дороге, зайду за Вами (но не наверное).

Дм. Пинес.

Когда-то давал В<ам> книжку Лихтенштадта о Гете³⁶⁹. Если она Вам не нужна — (но только *если действительно* не нужна) — будьте добры передать ее жене.

Дм. П.

10/IX. 921

на сцене Передвижного театра так и не была поставлена. П. П. Гайдебуров этой темы касается в своем письме к Иванову-Разумнику от 14 января 1924 г.: «...вновь и вновь мне не судьба побывать в Вольфиле, и это куда как грустно. Может быть возможно будет прослушать Ольгу Дмитриевну у нас. Но захочет ли она этого? Она долго сердилась, кажется, на нас за то, что я никак не мог поставить ее Равви, принципиально принятого в театр. Если она сменила гнев на милость, тем отраднее, в особенности теперь, когда считается, по-видимому, хорошим тоном всячески нас поносить и сторониться нас. Мы решительно оказались в немилости у сегодняшнего дня российской действительности» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 251. Л. 1об.—2).

³⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 246. Л. 1—1об.

³⁶⁸ Возможно, речь идет о заседании «Беседа о Гете» (докладчики Д. Д. Михайлов и Л. В. Пумпянский), перенесенном на сентябрь с 7 августа — дня смерти А. А. Блока.

³⁶⁹ Имеется в виду книга В. О. Лихтенштадта «Гете: Борьба за реалистическое мировоззрение: Искания и достижения в области изучения природы и теории познания» (Пб., 1920).

Из письма Иванова-Разумника к М. М. Пришвину³⁷⁰

5 октября 1921

Ц<арское> С<ело>

Колпинская, 20, кв. 2

(NB: — живем мы все там же, но письма сюда ко мне не доходят.

Лучше пишите заказным по адресу:

Спб., Фонтанка, д. 50, кв. 22

Вольная Философская Ассоциация

на мое имя).

Дорогой Вы мой Михалмихалыч, — <...> Пишу на-авось, откликнитесь!

Дел к Вам — миллион, всех не упишешь. Я только что вернулся из Москвы, где мы (Андрей Белый, Мстиславский и еще новые для Вас лица) открывали московское отделение «Вольфилы» — так называется кратко «Вольная Философская Ассоциация», наша «Скифская Академия». Афишу нашу на Октябрь (шестнадцать заседаний памяти Достоевского) посылаю Вам бандеролью отдельно. Жизнь у нас кипит — и не в старых, а в новых формах. Если бы Вы приехали хоть на краткую побывку! На днях высылаю Вам официальную «командировку» от Вольфилы: приезжайте! Дорогу и жизнь здесь (остановитесь у меня) окупим литературным вечером. <...>

Когда приедете — увидите: по новому идет новая духовная жизнь; тени, марионетки старого — плачут, стонут, панихидничают по-прежнему; живые — живут живым³⁷¹.

³⁷⁰ РГАЛИ. Фонд М. М. Пришвина (Сообщил Я. В. Леонтьев). Вероятно, письмо было получено Пришвиным в начале декабря. См.: *Пришвин М. М. Дневники. 1920–1922.* — М., 1995. С. 223 (запись от 5 декабря 1921 г.).

³⁷¹ Хотя ответное письмо не сохранилось, развернутый черновик ответа содержит запись в дневнике Пришвина от 7 февраля 1922 г.: «Видите что: земля наша лежит без связи <...>; есть в нашей жизни какое-то чудище, перед которым всякая попытка связать что-нибудь, соединить кажется мне, человеку на границе старости, — наивной. Отчего у меня и перо выпадает из рук, отчего и Ваши Вольфилы и проч. (вся Ваша Петербургско-эмигрантская жизнь) кажется дымом. Вообще вас всех, ученых, образованных и истинных людей в Петербурге, я считаю людьми заграничными, и вы меня маните, как заграница, как бегство от чудища. <...> ... Чудище имеет в себе змеиную притягательную силу, всматриваешься в него и тянет, а там, за границей — шоколад, чай с сахаром, сигары, Вольфилы, издания, шекот свободы и самолюбия и главное, что при госуд. пайке возможность соединять мыслью миры, подумаешь о загранице и как будто трудно пасьянс сложить. Вы не думайте, что

Командировочное удостоверение³⁷²

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольной Философской Ассоциации члену-сотруднику Михаилу Михайловичу ПРИШВИНУ (с. Алексино, Дорогобуж, Смоленской губ.) в том, что он действительно вызывается В.Ф.А. на Октябрь месяц с. г. для чтения лекций, докладов и устройства литературных вечеров в Спб. Вольной Философской Ассоциации.

Всем учреждениям и лицам предлагается оказывать полное содействие М. М. ПРИШВИНУ в его поездке Алексино — Петроград и обратно.

Председатель — /подп<ись>/

Секретарь — /подп<ись>/ Вл. Бакрылов.

Объявление³⁷³

21го Октября в 7 ч. в. в помещении Вольной Философской Ассоциации (Фонтанка, 50, уг. Графского) состоится 2-ое собрание Кружка по изучению творчества В. В. Розанова³⁷⁴.

Порядок дня:

1) Выборы организационного комитета (по устройству вечеров, рефератов, семинария и пр.).

2) Выборы редакционной коллегии (по собиранию и изданию материалов).

3) Сообщение В. Р. Ховина³⁷⁵ о последних днях В. В. Розанова.

в этом состоянии я погиб окончательно, нет! Я надеюсь найти выход в опыте, вот, думаю, поеду к Вам и найду там то “большее”, чего я не вижу здесь, потому что, в конце концов, с головы же мысль идет, а не с брюха. <...> Получишь от Вас письмо, обрадуешься — еду, еду, еду! Потом раздумаешь о Вашей двойственной природе (Андрей Белый и курсистки) — нет! подумаешь, Вольфил, издания — это у него курсистки, а внутри — темно для меня; потом я знаю, что Вы человек практический, пчелиного свойства, и я нужен для Вашего улья, это хорошо и метко и я тут могу: Ваш улей я вижу, но не вижу пасеки. Что, если бы Вы хоть два слова написали о пасеке, как бы Вы меня обрадовали» (Пришвин М.М. Дневники. 1920—1922. С. 234—235).

³⁶⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 106.

³⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 58.

³⁷¹ Василий Васильевич Розанов (1856—1919) — публицист-философ.

³⁷² Виктор Романович Ховин — критик, владелец издательства и магазина «Книжный угол».

Смета на 1921 год Вольной Философской Ассоциации³⁷⁶

Сводка

	Ассигновано по смете 1921 г.	Израсходовано на I-ое полу- годие 1921 года	Испрашивается на 1922 год	Примечание	Основания исчисления
Литер «А»					
1. Личный состав ВФА	606.900	724.258	10.282.140	Приложение № 1	Личный Состав, утвержденный для Вольной Философской Ассоциации сохраняется прежний, испрашиваемая сумма увеличилась с повышением ставок.
2. Оплата воскресных дней открытых заседаний	468.000	180.000	1.647.360		Считая по 8 часов каждый воскресный доклад — следует: 3600×8 плюс $10\% = 31680$. $31680 \times 52 = 1.647.360$
3. На оплату докладов на вечерних открытых заседаниях			1.900.800	Приложение № 2	Темы, выдвинутые Ассоциацией (см. «месяц Достоевского»), требуют более широких рамок, чем 4 доклада по Воскресеньям. — Намеченные темы (Данте, Розанов и др.) предпо-

³⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 16. Л. 54. Предположительно смета составлялась во второй половине октября 1921 г.

					<p>ложено ставить через месяц в 10 вечерн<их> докл<адов> каждую: 3600×8 плюс $10\% = 31680$. $31680 \times 60 = 1.900.800$</p> <p>Еженедельно 12-ть кружков при 6 час. (пример текущ<е-го> года показал, что вечерние заседания в кружках продолжаются в течен<ие> 6 час.) следует в месяц: $1800 \times 6 \times 12 \times 25 = 3.240.000$, а с 10% приб<лизитель-но> 3.564.000, что в год состав<ит> 42.768.000</p>
4. На оплату за занятия в кружках	3.110.400	1.004.660	42.768.000		
5. На оплату за занятия на курсах	1.037.800	1.040.080	1.040.080	При- ложе- н<ие> № 3	<p>При 12-ти час. занят<ий> в неделю расход в месяц выразится: $1800 \times 12 \times 4 = 86.400$. $10\% = 8.640$. Всего в месяц 95.040. В год — 1.040.080. — Курсы носят пропедевтический характер и рассчитаны на широкие круги населения. Длительность курсов — год. Подраздел<аются> курсы на 2 отд<ела> — пропедевтический и исторический.</p>

Всего по лит. «А»	5.223.100	1.908.918	57.638.380	
Литер «Б»				
1. Расход на приобретение книг, на ремонт книг	300.000 50.000		15.000.000	Сумма испрашивается для приобретения текущей литературы в России и за границей и на покупку систематически подобранной библиотеки по вопросам философии.
2. На изготовление чертежей, схем и рисунков к докладам			9.000.000	Считая от 110.000 до 180.000 за один чертеж размером 1/1 при 5—8 чертежах к докладу, а всего за год — 50 листов.
3. На оплату за стенографирование докладов			7.200.000	Интерес заседания обычно лежит не в самом докладе, а в прениях, им вызванных, которые не могут быть сохранены иначе, как путем стенографирования. — На оплату стенографистки за 5 часов работы следует = 30000 час., т. е. 150000 заседание, что в месяц даст 600.000.
4. Расходы на издательство			25.000.000	Уже приготовлен к изданию сборник «Памяти Блока». — В течение 1922 года предпо-

				лагается издать 5 сборников. — Расход по каждому сборнику в сред- нем исчисляется в 5.000.000 рублей, считая расход на материалы, печатание, на уплату авторских и др.
Всего по лит. «Б»	350.000		56.200.000	
Литер «В»				
Хозяйст- венные расходы:				
Печата- ние и рас- клейка объявле- н<ий>	4.150.000	170.750	24.000.000	По ценам Севцент- ропечати расклей- ка одной афиши стоит 500 рублей, печатание и бума- га 500—600 руб.; ежемесячно при- ходится давать 4 афиши по 500 экз. каждой, что состав- ляет расход в ме- сяц $(500.000 \times 4) =$ 2.000.000 рублей. Общее количество материала, пере- печатываемого в год составит около 800 листов, что при стоимости переписки одного листа со вставкою различных цитат на латинском и др<ух> язы-
Перепис- ка специ- альных трудов и докла- дов	800.000	250.000	1.600.000	

Оплата за помеще- ния. — За пользо- вание залом для вос- кресных докладов и для ве- дения за- нятий по отделам (за уборку по- меще- н<ий>, мытье по- лов, лест- ниц и за дежурство во время заседа- н<ий> и пр.	2.000.000	835.000	4.800.000	ках — в 2000 р. за лист — составляет 1.600.000 р. В. Ф. А. не имеет достаточно боль- шого зала (на 1000 человек) и при- нуждена пользо- ваться для устрой- ства открытых заседаний наем- ным помещением (считая в среднем за 10 заседаний в месяц 400.000 руб.).
Отопле- ние поме- щений В. Ф. А.	3.240.000		42.000.000	Стоимость дров по цене Петротопы 1.200.000 за куб, расход по распи- ловке, подвозке и укладке следует считать в такой же сумме, а всего сто- имость одного ку- ба дров 2.400.000 р. В помещении В.Ф.А. имеется 14 топков. По топ- ливной смете сле- дует 180 кубов.

Освещение. На оплату за отпуск электрической энергии для освещения комн ^т В. Ф. А.	1.575.000	1.035.000	1.035.000	Стоимость электрической энергии на 35—25 свеч. ламп при горении 4 часа в сутки в месяц выражается в 105.000 р., а весь зимний период в 7 мес. следует 735.000 руб. и на ремонт арматуры за все время 300.000 р.
За пользование телефонами (4 телефона)	1.400.000		1.400.000	
Трамвайные разъезды	93.200		1.890.000	3 месяч ^н билета по 75000 и один бил ^{ет} по 7.500, расх ^{од} в месяц 157.000 р.
Почтово-телеграфные расходы	1.000.000		2.400.000	Почтово-телеграф ^н ые расходы в месяц в среднем определяются в сумме 200.000 руб.
На железнодорожные расходы	2.000.000		2.400.000	На жел ^{езно} дорожные разъезды для поездки на заседания Моск ^{овской} В. Ф. А. и др. в месяц испрашивается 200.000 руб.
На канцелярские расходы			1.800.000	На приобретение бумаги, конвертов, чернил и проч ^{их} канц ^{елярских} принадлежностей 150.000 в месяц.
Всего по				

Лит. «В»	16.258.200	1.255.750	113.325.000
Всего:			
По Лит.	5.223.100	1.908.918	57.630.380
«А» на оплату личного состава			
По Лит.	350.000		56.200.000
«Б»			
По Лит.	16.258.200	1.255.750	113.325.000
«В» на хозяйственные расходы			
	21.831.300	3.164.668	227.155.380

Всего по смете двести двадцать семь миллионов сто пятьдесят пять тысяч триста рублей

Председатель Р. Иванов
Секретарь Вл. Бакрылов

Афиша³⁷⁷

Вольфила

Дневные и вечерние открытые заседания
Вольной Философской Ассоциации

Ноябрь 1921 года

Литературные беседы

Четверги
ХСVII
3 Ноября
Вл. Пяст.
О Блоке.
I. Воспоминания
(1905–1917).
II. Стихи.
III. О стихах

Воскресенья
С
6 Ноября
А. В. Васильев
Накануне Нового
Канта

Данте
Субботы
ХСIX
5 Ноября
Ф. Ф. Зелинский
Гомер Вергилий
Данте

³⁷⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 41.

CI
10 Ноября
Ник. Никитин
Кол. Повесть

СIII
13 Ноября
**Р. В. Иванов-
Разумник**
Достоевский, Леон-
тьев и идея мировой
революции

СII
12 Ноября
И. М. Гревс³⁷⁸
Значение Данте

СIV
17 Ноября
О. Д. Форш
Равви. Драма

СVI
20 Ноября
П. К. Губер
К. Н. Леонтьев³⁷⁹

СV
19 ноября
Ю. Н. Данзас
Данте и схоластика

СVII
24 Ноября
Вл. Гиппиус
Сон в пустыне. Дра-
матическая поэма³⁸⁰

СIX
27 Ноября
Артур Лурье
Русская культура
и русская музыка³⁸¹

СVIII
26 Ноября
Л. В. Пумпянский
Чистилище и Рай

Начало в 2½ часа дня

Начало в 7½ часов
вечера

Зал Географического О-ва Билеты при входе Демидов пер., д. 8-а

³⁷⁸ Иван Михайлович Гревс (1860—1929) — историк, профессор Петер-бургского университета.

³⁷⁹ См.: П. Губер. Константин Леонтьев (К 40-летию со дня смерти) // Ле-топись Дома литераторов. 1921. 15 ноября. № 2. С. 5. Обзорная статья (в за-главии которой содержится опечатка: К. Н. Леонтьев скончался в 1891 г.) со-держала высокую оценку идейного наследия русского мыслителя: «...Леонтьев нисколько не состарился и по складу своего мировоззрения сто-ит гораздо ближе к нашей эпохе, нежели многие из самых прославленных его современников. <...> Все страницы, написанные Леонтьевым, густо насыще-ны мыслью. Он чрезвычайно выигрывает при внимательном, пристальном, неторопливом ознакомлении с ним. Правда, это писатель не для толпы. Ка-кие бы усилия не делались для пропаганды его литературного наследия, оно, вероятно, навсегда останется уделом тесного круга читателей. Но этот круг всегда будет составлять собою умственную аристократию своего времени». См. также предисловие П. Губера к книге «Страницы воспоминаний Кон-стантина Леонтьева» (СПб., 1922. С. 5—6).

³⁸⁰ Рукописные варианты пьесы «Сон в пустыне. Зрелище в трех действи-ях» сохранились в архиве Вл. В. Гиппиуса. См.: ИРЛИ. Ф. 77. № 148—149.

³⁸¹ Выступление А. Лурье, там было опубликовано в «сборнике третьем и последнем» «Стрелец» под заглавием «На распутьи (Культура и музыка)»

Хроника³⁸²

– В четверг, 10 ноября, в «Вольфиле» (Демидов пер. 8-а) Ник. Никитин читает повесть «Кол». После чтения дискуссия с участием Б. Эйхенбаума, Иванова-Разумника, Викт. Шкловского и др.

Письмо А. З. Штейнберга к Конст. Эрбергу³⁸³

25. XI. 1921.

В<асильевский> О<стров>

8-ая лин<ия> 43, кв. 44.

Дорогой Константин Александрович,

Николай Дмитриевич Красильников, представивший нам тезисы «О Боге», интересуется вопросом, когда мы назначим его доклад. Ра-

(С. 146–175). Называя окружающую действительность «безмузыкальной бытийственностью», автор, в частности, писал: «Русская культура дошла до последней точки своего падения. Нужно до конца осознать это. Всякая попытка к индивидуальному, обособленному исканию “выхода”, разрешению “кризиса” – останется только попыткой, беспредельной и тщетной. Мы пребываем в безысходности, безмузыкальности, в духовно опустошенном пространстве. Трагическое до конца чувство гибели и действительное искание путей к возрождению в духе – единственная реальность нашего сознания, то бытие, в котором мы *существуем* в отношении к собственному живому опыту и *осознаем* себя в отношении к русской культуре. Остальное все призрачно, – действительность, кажущаяся тем, кто мнит себя оправданным в той или иной, жалкой в этом смысле, попытке самоутверждения или *соучастия* в тлении углей, оставшихся от испепеленной русской культуры. Такое пассивное соучастие в кажущемся культурном делании создает только призрачное марево зеркал, калейдоскопически отражающих: “кризисы”, “вопросы”, “темы” и пр., назойливо мелькающее бесконечной вереницей в столь же призрачно существующей русской общественности. <...> Последнее событие, имеющее неизмеримый смысл для существа всей русской культуры и для передового русского общества, – событие 7-го Августа 1921 года – смерть Александра Блока. Как страшно для нас произнести это даже спустя три месяца после этой утраты. Вот последнее звено завершенной эпохи, пережитой нами, тот рубеж, на котором мы очутились во все более и более сгущающемся сумраке русской действительности. Кажется, это еще недостаточно сознают, – не здесь, в тесном кругу близких, но в широком кругу русского общества: русская революция кончилась со смертью Александра Блока» (С. 146–147).

³⁸² Жизнь искусства. 1921. 8 ноября. № 816. С. 4.

³⁸³ ИРЛИ. Ф. 474. № 295. Л. 1.

з<умнику> Вас<ильевичу> я уже передал и тезисы, и решение. Ник<олай> Дм<итриевич> хотел бы получить положительный ответ. <...> Раз<умник> Вас<ильевич> передал ему, что теперь тезисы у Вас. Будьте и добры и дайте ответ. Мне это кажется интересным (может быть, в понедельник свободный?). Привет сердечный!

Ваш А. Штейнберг.

Письмо Конст. Эрберга в Учусопетрайона³⁸⁴

1921 г.³⁸⁵

В секцию полиграфического производства

На основании приказа учусопетрайона № 60, уведомляю:

а) у меня имеется пишущая машина фирмы *Ремингтон*.

б) фабр<ичный> № 24401, тип № 5.

в) каретка *малая*.

г) шрифт *закрытый*, русский.

д) модель «*Rapagon*» (одна из самых ранних); куплена в 1884 году.

е) неисправная: заскакивают буквы, но писать *кое-как можно*.

ж) *Эрберг (Сюннерберг)* Константин Александрович — профессор, декан, ученый секретарь Института Живого Слова; товарищ председателя Вольной Философской Ассоциации; главн<ый> редактор Театр<альной> Энциклопедии; товарищ председателя Научно-Теоретического отделения Института Театральных Знаний; писатель.

з) Международный просп. № 40/27, кв. 26. Тел. 81—89.

и) по роду деятельности машина эта *необходима* как мне лично, так и тем учреждениям, в которых я работаю, особенно *Вольной Филос<офской> Ассоциации и Театральной Энциклопедии, где пишущих машин не имеется*.

К. Эрберг (Сюннерберг).

Канцелярия Института Живого Слова удостоверяет, что профессору ЭРБЕРГУ по роду его деятельности в качестве ученого Секретаря Института пишущая машина необходима.

Управляющий делами: <Подпись>.

Совет Вольной Философской Ассоциации сим удостоверяет, что машиной тов. председателя Ассоциации Конст. Эрберга Ассоциация пользуется для своих надобностей.

Председатель Р. Иванов.

³⁸⁴ ИРЛИ. Ф. 474. № 51.

³⁸⁵ Более поздняя датировка документа рукой Конст. Эрберга.

А. Ракшинский

Переоценка ценностей³⁸⁶

Том I

Дерзкий полет мысли не имеет
границ для постижения непостижимого

I

«Переоценка ценностей», в обширном значении этого слова, исторически охватывает своим целом все те знания, в пространстве и во времени, начиная от привычек, предрассудков, обычаев, способностей и легиона законов нравственности, верований и искусств, прикладных и положительных наук, отчасти необходимых, но ложно усвоенных человеком, не для человека, а человеком-зверем для человека-зверя, мыслящего, культурного, цивилизованного³⁸⁷.

Так как условия жизни различных народов, насколько они нам известны по исследованиям разного рода ученых, антикваров, хроников, философов, бездарных историков и разного рода авантюристов-пророков, святых, полководцев, бродяг-императоров и несчетного количества отъявленных преступников в истории человечества, представляют большой материал для изучения прошлого и современного человечества разных рас и народностей.

Ибо при всем том разнообразии исторической деятельности отдельных личностей, рас и народностей, которые по выражению заслу-

³⁸⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 139. На обложке пометы рукой Иванова-Разумника; в левом верхнем углу: «Тезисы»; в правом верхнем углу: «Вольфила». Свидетельств выступления А. Ракшинского в ВФА не имеется.

³⁸⁷ Тема «человека-зверя» восходит к одному из фрагментов незавершенной книги Ницше «Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей», по-смертно изданной в 1901 г. Ср.: «*Культура contra цивилизация*. Высшие точки подъема культуры и цивилизации не совпадают: не следует обманываться в вопросе о глубочайшем антагонизме между культурой и цивилизацией. Великие моменты культуры всегда были, морально говоря, эпохами испорченности; и с другой стороны эпохи преднамеренного и насильственного *укрощения зверя-человека* (цивилизации) были временами нетерпимости по отношению к наиболее духовным и наиболее смелым натурам. Цивилизация желает чего-то другого, чем культура: быть может даже чего-то прямо противоположного» (Ф. Ницше. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей / Пер. Г. Рачинского. — М., 1994. С. 97).

живающих уважения ученых были двигателями мысли в безграничном значении этого слова, культуры и цивилизации, в той мере, в какой они были преемниками тех стадий постепенного развития той же мысли, культуры и цивилизации, как наследия предшествующего — с теми разнообразными стимулами побуждений, направленных на переустройство своего и будущего человечества остаются на протяжении тысячелетий такими же, какими они были вчера, то сомнительно, чтобы это наследие могло быть лучше завтра. А раз это так, то мы в основу исследования этих начал положим мысль, культуру, цивилизацию от низших рас и народностей вплоть до наших дней, исходя из того глубокого заблуждения, что мы в одну минуту нашего мышления усомнились в том, что мысль есть не процесс критического мышления, — а продукт комбинаций..., культура — не улучшение быта человечества, а способ приспособленности к дурным формам общения..., цивилизация — не раскрепощение человечества от разного рода пороков, хороших или дурных начал, а каземат, в котором томится далеко не свободный дух человека-зверя. Новейшие исследования в области наук разных школ и направлений брали и берут слишком устарелый масштаб своих исследований, определяя это временем от вчера до сегодня, насколько это научно, настолько же и шарлатански невежественно, пытались и пытаются доказать незыблемость законов, последовательность причин и следствий, отчего каждый факт находится в зависимости от того, что было прежде; рассуждая таким образом, в своих выводах остаются слепыми кротами, так же, как и их предшественники, ослепленные сомнительными фактами прошлого и в недоумении разводят руками над историческим вопросом: что же будет завтра.

Несмотря на то, что мир исторически представлял и представляет собою пошлую трагикомедию, а природа является фоном на котором остаются исторические картинки общения, которые своими ошеломляющими скачками переходов от менее дурных к более дурным оставляют до сих пор много пожеланий в этом дурном начале взаимоотношений оставить дурное не менее дурным предшествующего и т. д., и т. д. Все это имеет свою последовательность в связи с исторически установившимся мнением безграничности человеческой грани дурных и хороших взаимоотношений, к чему человечество стремилось, но ни на один шаг в своих стремлениях пока не подвинулось.

Возьмем ли мы изучение нравов или же исследование низших функций человечества от человека-зверя до человека-зверя, мыслящего, культурного и цивилизованного, эти руководящие идеи остаются пока непоколебимыми... А это объясняется тем, что люди вообще и мыслители, в частности, разных времен и народов, слишком

мало сделали в области изучения человеческих взаимоотношений человека к человечеству; несмотря на многовековой процесс деятельности в области мысли, культуры, цивилизации, построенной на комбинациях, приспособлении и насилии человечества над человечеством, класса над классами и т. д. Если мы этот исторически комбинированный процесс деятельности устройства человечества в безграничных взаимоотношениях всех ко всем, примем на веру от комбинаторов истории человечества как нечто заслуживающее доверия, то мы этим унизим себя во мнении своих современников, мыслящего, культурного и цивилизованного человечества, для которых отрицательные стороны исторического мышления, культуры и цивилизации более чем понятны, так как неудобство и тяжесть цепей, лучше известны человеку, который закован в них, чем кузнецу, который кует их или законодателям, которые издают приказы держать человека в цепях.

Я заранее предreshаю, что многим современным мыслителям покажется такого рода воззрение жестоким предисловием в переоценку ценностей, и я хотел бы быть нежнее, но не могу; и не могу не потому, чтобы был лишен этого болезненного чувства нежности, нет, я не могу лишь потому, что я в своем труде переоценки ценностей на протяжении тысячелетий переворачиваю страницу за страницей книги крови красной истории, написанную человечеством во время борьбы с природой, до совершенного устройства человечества, которое ни на одну минуту не отвлекается от борьбы с природой и занято переустройством взаимоотношений человечества, постепенно уходя от человека-зверя к человеку-зверю, мыслящему, культурному, цивилизованному, а раз это так, то философ, взявший на себя труд переоценить ценности, то его труд будет более ценным лишь только в том случае, если он не впадет в комментарии бесценных ценностей, т. е. фактов и причин, исторически не ценных...

Неопровержимые причины такого состояния человечества с известными интервалами мысли, культуры и цивилизации служат основанием признать переоценку ценностей не наукой, а критикой ценностей, которая может показать существенное определение начал и доказательств, отрешившись один раз и навсегда от разнообразных систем изучения истории, далеко не отвечающих требованиям критических знаний. Несмотря на сопротивление разного рода ученых, разных школ и направлений в области мысли, культуры и цивилизации, критическая переоценка ценностей рано или поздно проложит себе дорогу к изучению более существенных вопросов (начала дурных взаимоотношений). В то же время, чем не сильнее будет оппозиция в этой области, то тем сильнее будет интерес человечества для критики спекулятивных философских систем и невежественных богословских догм...

Исследования человеческих взаимоотношений, насколько нам известно, то они в большинстве случаев известны нам только с дурных сторон. Везде и всюду, на расстоянии тысячелетий мы видим сплошной дифирамб насилию Господа Бога и Его служителям, за исключением еле слышных ноток отдельных личностей, которые вызывали на бой лакеев Господа Бога...

Исторически принятое мнение о свободе воли допускает в своих суждениях, с одной стороны, свободное действие, возможность удерживать свою волю от свободных проявлений, действий, а, с другой, — побуждает волю свободно насиловать свободу воли той же свободой свободной воли. Владеет ли свободой воли свободное человечество или человек-зверь, все это достигается условно, будет ли это действие направлено на достижение условных свобод постольку, поскольку допускает свобода воли, постоянно же в одно и то же время проявляется насилие над насилием той же свободной воли над человечеством человеком-зверем для человечества и человека-зверя. Это колебание воли происходит в тех случаях, когда нарушается внутреннее соотношение сил человечества и человека-зверя. Лишь потому, что человечество и человек-зверь исторически тиранит, награждает, судит, милует, любит, ненавидит, и все это делается не для того, чтобы это нужно было бы сделать, как нечто необходимое, без чего человечество, человек-зверь не может обходиться, нет, это делается для того, чтобы человечество и человек-зверь знали, что есть такие ненужные и вредные идеи, которые человечество должно пережить. Будущее человечество и человек... будут жить, как люди, в том случае, когда они изживут такие предрассудки, как награды, милости и ненависть.

Изучение же воли есть краеугольный камень для переустройства человечества и перевоспитания человека-зверя в человека. Будущий человек не может быть прототипом Бога или Его богоносцев, лакеев, которые одной рукой призывают в помощь Бога, а другой приказывают казнить людей. Современный Богочеловек-зверь, будущий человек-человек.

Оставляя непоколебимым сверхъестественное вмешательство и предполагаемое существование непрерывной связи Бога с человеком-зверем, каковое существование было выдуманно человеком-зверем, в будущем станет невозможным такое уподобление человеку на более высшей ступени развития человечества. Это так же невозможно будет в будущем такого рода раболепие перед выдуманным чудовищем Господа Бога, как невозможно в наше время воздавать божеские почести какой-нибудь бронзовой или каменной статуе полководца, ученого или общественного деятеля, слава которого простиралась хотя бы на весь земной шар. Таким образом понятие о Боге есть изжи-

ваемый пережиток наших дней, который, несмотря на всю свою неустойчивость перед безжалостной критикой исторических бесценностей, до сих пор поддерживается и внедряется огнем и мечом тем влиятельным классом меньшинства, который и верит и не верит в существование Бога, но с успехом пользуется Его мнимыми заповедями для эксплуатации большинства человечества на разных ступенях развития человечества, которые в истории будущего человечества будут заклеены позорным <тавром?>, как торговцы опиумом, как враги свободного самосовершенствования человечества и как ядовитые змеи, причиняющие своими укусами страдания человечеству на тернистых путях искания себя, своего назначения и своих взаимоотношений в жизни.

II

В этой главе введения в переоценку ценностей я считаю лишним прибавлять к тому, что было сказано о мысли, культуре и цивилизации, о свободе воли... и насилии Господа Бога. Мы, постепенно отстраняясь от беспричинных произвольностей и от предполагаемых причин, пойдем дальше, дальше настолько, насколько это позволит нам временное пребывание в подлунной. В одно и то же время наше сомнение послужит нам основанием опереться на некоторые физические науки, которые нам помогут с постоянно возрастающим интересом продолжать наш труд с <о> свойственным нам сомнением исследовать исторические сомнительные законы общечеловеческих взаимоотношений от человека-зверя до человека... наших дней. Насколько нам удастся, то постараемся углубиться в историческое изучение человечества для того, чтобы обнаружить те отдельные причины, которые до сих пор остаются в этой области довольно спорными. Да и кому верить, когда я сам себе не верю: человек ли я или такой же человек-зверь, как и остальные...

Конечно, по виду, т. е. по своей организации, способу рассуждений, образу действий, воли и чувств, посредством которых я в одну и ту же минуту по своим отрицательным и положительным качествам характера могу быть более чем спокойно взойти на костер, на котором сожгут мой бранный прах, как барана-мученика, быть государственным деятелем или преступником (не совершая преступления), быть сгноенным в тюрьме или каторге. Могу любить всеобъемлющей любовью все окружающее вплоть до самоуничтожения самого себя. Разве все те качества, которыми я обладаю и которыми обладает каждый человек, могут укладываться в какие-нибудь рамки подчиненности или законов, которые ежедневно можно оспаривать, изменять, не

признавая их, подчиняться им постольку, поскольку в частности касается меня, Вас и человечества. Это все не вечно, все меняется, Но характер человека, на какой бы ступени развития он не был, остается таким же, каким он был вчера, если и наблюдается изменение характера посредством нарушения соотношения сил человека, то...³⁸⁸

Отчет о деятельности ВФА за 1920–1921 год³⁸⁹

Целью В. Ф. А. является разработка проблем культуры в свете систематической философии и распространение в широких массах философских знаний. К выполнению этого было предпринято следующее:

В 1920–1921 году деятельность В.Ф.А., не изменяя своих основных принципов, развернулась значительно шире. Основной темой воскресных открытых заседаний по-прежнему является проблема философии культуры и разрабатывается в четырех направлениях:

1) Кризис современной культуры: этой теме были посвящены доклады А. Белого «Кризис культуры», А. Белого «Что такое максимализм», А. З. Штейнберга «Веселая наука» (целью этого доклада было осветить проблему образования, наметить основные принципы реформы образования), Ф. Я. Парчевского «Основные задачи знания», А. А. Гизетти «Трагедия культуры», Б. Демчинского «Возмездие за культуру». Под знаком этой же проблемы стоит «Переписка из двух углов» Вячеслава Иванова и Гершензона, прочтенная в рукописи на одном из открытых заседаний.

2) Проблема религии: эту тему затронули следующие доклады: А. Белого «Ветхий и Новый Завет», А. З. Штейнберга «Иудаизм и Христианство», А. А. Мейер<а> «Язычество» и «Творчество и символ», Н. Н. Розенталь «Драма религиозной личности», Ю. Н. Данзас «Философия, религия, наука», Конст. Эрберга «Религия и мистика».

3) Проблема общественности: ее касались доклады: А. А. Гизетти «Общество и космос», Р. В. Иванова-Разумника «Проблема личности», Собоцкого «Государственность и новая общественность», Н. С. Лаврова «Основы новой организационной науки», Н. С. Лаврова «Будущее России и социализм», И. А. Боричевского «Две интеллигенции».

4) Проблема творчества: этой темы касаются доклады Конст. Эрберга «Искусство — бунт», Ф. Ф. Зелинского «Творческая эвфория»,

³⁸⁸ Машинопись обрывается.

³⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 11.

Ю. Н. Данзас «Задачи творчества», И. И. Лапшина «Интуиция и научно-философское творчество», Н. Пэрна «Периодичность творчества», О. Д. Форш «Творчество слов», Е. М. Браудо «Романтическая психология в музыке», С. Радлова «Романтизм и классицизм на сцене», Конст. Эрберга «О догматах и ересь в искусстве», Л. Л. Мищенко «Философия материальной культуры». Кроме того, на воскресных заседаниях рассматривались общие вопросы теоретической философии; их затронули доклады С. А. Аскольдова «Свобода воли», А. А. Чебышева-Дмитриева «Время и бессмертие», С. Гарта «О смысле жизни», Л. В. Пумпянского «О героической морали», вопросы философии истории: сюда относятся доклады Ф. Я. Парчевского «Мессианизм и славянство», А. А. Чебышева-Дмитриева «Не герои» (о национальном характере русского народа), вопросы эстетики: доклады Л. В. Пумпянского «Философия трагедии», К. С. Петрова-Водкина «Красота спасет мир», вопросы психологии — доклады В. М. Бехтерева «Непосредственное восприятие», Э. З. Гурлянд-Эльяшевой «Творческое подражание».

Кроме того, проф. А. В. Васильев прочел доклад на тему: «Общая теория относительности в связи с современным положением философских школ», пр<офессор> Ф. Ф. Зелинский прочел доклад «Трагедия интеллектуализма у Платона».

Вместе с тем В. Ф. А. устроила ряд публичных заседаний, посвященных памятным годовщинам; так, состоялось заседание, посвященное памяти Владимира Соловьева, в котором приняли участие А. А. Блок, А. А. Гизетти, А. А. Мейер, Э. Л. Радлов, А. З. Штейнберг, Чехихин и др., заседание памяти Л. Толстого, в котором выступили: Р. В. Иванов-Разумник и пр<офессор> Васильев, заседание памяти Наполеона, в котором приняли участие Л. В. Пумпянский, А. З. Штейнберг, Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. А. Мейер (задачей этого заседания являлось — осветить проблему личности в истории), заседание памяти Платона, совпавшее с празднованием годовщины со дня основания В.Ф.А., в этом заседании приняли участие С. А. Аскольдов, А. В. Васильев, Л. П. Карсавин, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг, Конст. Эрберг, кроме того, выступили от членов-соперников и от публики; в своих речах, указывавших на значение В.Ф.А. и выражавших ей благодарность, от имени Наркомпроса сказал несколько слов М. П. Кристи.

Празднование годовщины В.Ф.А. было не случайно приурочено к празднованию памяти Платона, этим В.Ф.А. создала свою деятельность как явление в сфере систематической философии во всех проявлениях культуры и свою связь <с> традициями Флорентийской Академии.

Заседание памяти Александра Блока при участии Андрея Белого, А. З. Штейнберга, Иванова-Разумника, заседание памяти Кропоткина — при участии А. Белого, А. З. Штейнберга, Иванова-Разумника, А. А. Мейера, Кибальчича, Витязева и др. Кроме того, воскресные заседания наметили новую форму работы: диспуты, беседы, где докладчиками выступают представители противоположных точек зрения: такая форма дает возможность путем столкновений противоположных мнений обострить и углубить постановку проблемы. Так состоялась беседа о марксизме, где со стороны В. Ф. А. выступили Л. В. Пумпянский, А. З. Штейнберг, А. А. Мейер, оппонентами явились члены научного общества марксистов, беседа об антропософии; докладчик Л. В. Пумпянский, беседа о Гете: докладчики Л. В. Пумпянский и Д. Д. Михайлов, беседа о материалистическом понимании истории³⁹⁰, докладчик со стороны В. Ф. А. — А. З. Штейнберг, докладчик со стороны научного общества марксистов — И. А. Боричевский.

Помимо открытых заседаний работа В. Ф. А. продолжалась и в кружках. В 1920–1921 г. функционировали следующие кружки: 1) «Антропософия как путь самосознания» под руководством А. Белого, 2) А. З. Штейнберга «Основные вопросы метафизики»; 3) Иванова-Разумника «Философия культуры», 4) Иванова-Разумника «Русская литература XX века», 5) Конст. Эрберга «Философия творчества»; 6) О. Д. Форш «Творчество слова»; 7) Л. В. Пумпянского «Опыт системы нравственной философии», 8) проф. Васильева «Философия математики», 9) Н. М. Кояловича «Пограничные вопросы теории познания, математики, теоретической физики», 10) А. А. Мейера «Философия религии»; 11) Стоянова «Философия анархизма», 12) Боричевского «Философия коммунизма». Ввиду того, что работа в кружках требует от участников значительной подготовки, так как предполагает некоторую самостоятельность, и потому потребовала организации курсов учебного характера по некоторым вопросам, были прочтены некоторые курсы для того, чтобы повысить <уровень?> неподготовленной части членов кружков и удовлетворить тех, кто пришел в В. Ф. А. пополнить свое философское образование; А. А. Мейер прочел «Историю древней философии», Э. З. Гурлянд-Эльяшева «Введение в философию», Н. М. Коялович «Логические учения», А. А. Чебышев-

³⁹⁰ Как свидетельствует список летних заседаний 1921 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 22), заседание, назначенное на 14 августа (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 38), в указанный день не состоялось. Вероятно, это и последующее заседания были отменены в связи с кончиной А. А. Блока и проведены уже в сентябре.

Дмитриев «Введение в философию математики». При В.Ф.А. функционирует клуб действительных членов и членов-соревнователей: раз в неделю устраиваются вечера художественной прозы, поэзии, музыки и пластики. Так, состоялись вечера А. Ремизова, Замятина, А. Терек, Мариэтты Шагинян, Владимира Пяста; Ф. Ф. Зелинский читал повесть «Царица вьюг», вечер пластики Н. Халатьян и т. д. Вместе с тем устраивались диспуты на тему об искусстве. Так, Л. Бруни читал доклад «О монументе Татлина», оппонентом выступил Петров-Водкин. Ал. Л. Векслер читала доклад на тему «Лозунг искусства будущего». Оппонентом выступил Виктор Шкловский и т. д. Кроме того, в клубе раз в неделю читались доклады на тему философии культуры; прочел доклад Ф. Ф. Зелинский «Эллинизм и христианство», Б. Демчинский «Пути Христа», П. П. Лошкарев «Андрей Белый и Николай Бердяев», кроме того, состоялось заседание памяти Л. Толстого, где докладчиками выступили И. З. Гинзбург «Л. Толстой и искусство», Н. Е. Фельтен «Л. Толстой и революция».

Весной 1921 года внутренняя работа В.Ф.А. была реформирована: кружки объединились согласно темам в Отделы. Отделы устраивали закрытые заседания, в которых велась научная работа, и публичные заседания, на которых публике предлагался систематический цикл тем, явившихся результатом внутренней работы Отделов. Организованы следующие отделы: 1) Отдел Истории философии А. А. Мейера; этот отдел устроил следующие публичные заседания: «Итоги античной философии» А. А. Мейера, «Неоплатонизм», Гиринский «Леруа и его философская политика».

2) Отдел Философии культуры — Председатель Иванов-Разумник устроил следующие публичные доклады: Иванова-Разумника: «Первохристианский социализм», О. Д. Форш «Христиане и Христовы», Ю. Н. Данзас «Гнозис первых веков»³⁹¹, Л. В. Пумпянский «Размышления о блаженном Августине».

3) Отдел чистой философии, председ^{атель} А. З. Штейнберг, были прочитаны следующие доклады: А. З. Штейнбергом «Трансцендентальный метод и метафизика», Э. З. Гурлянд-Эльяшевой «Трансцендентализм и психологизм», Чебышевым-Дмитриевым «Кант и неэвклидова геометрия».

4) Отдел философии точных наук, председ^{атель} А. В. Васильев³⁹²: были прочитаны следующие доклады: Н. М. Кояловичем «Де-

³⁹¹ См.: Николаев Ю. В поисках за божеством: Очерки истории гностицизма. — СПб., 1913.

³⁹² Карандашом приписано: «Был пом^{ощником} Ч^{ебышев}-Д^{митриев}».

дукция понятия числа» и «Принципы мыслимости и континуум», А. А. Чебышевым-Дмитриевым «Больцано и парадоксы бесконечности», «Об одном опыте, иллюстрирующем теорию подбора».

5) Отдел философии символизма под председательством Андрея Белого. А. Белым были прочитаны следующие доклады: «Проблема символизма», «Символ и индивидуум», «Символ и культура», «Символизм и антропософия», М. В. Сабашниковой «Сказка Гете о зеленой змее и лилии»³⁹³.

6) Отдел философии творчества, предс<едатель> Конст. Эрберг, на открытых заседаниях были прочитаны следующие доклады: Матюшин<ым> «Художественный опыт нового пространства». Анатолием Канкаровичем «Музыка — сущность театра», Л. В. Пумпянским «Размышление о Ревизоре», Львом Бруни «Ребро на времени» (против искусства), Виктором Шкловским «Искусство как прием», С. Радловым «Беспредметное творчество», Л. В. Пумпянским «Размышление об архитектуре».

7) Отдел литературы под председательством Иванова-Разумника; устроены следующие открытые заседания, где в качестве иллюстраций к теоретической работе были прочитаны следующие доклады: А. Л. Векслер на тему «“Петербург” Андрея Белого», А. Белым «Чтение отрывков из “Эпопеи”», О. Д. Форш «От “Петербурга” к “Котику

³⁹³ Ср. с воспоминаниями М. В. Сабашниковой об этом заседании ВФА, которое состоялось в субботу 28 мая 1921 г. в рамках кружка «Антропософия как путь самосознания»: «Некоторая духовная свобода сохранившаяся еще в те времена, допускала существование так называемой “Вольной Философской Академии”, созданной в первые же дни революции при участии также Андрея Белого. <...> Когда весной меня пригласили выступить в этой Академии с докладом я согласилась с большим страхом, так как никогда не выступала публично. Темой доклада я выбрала Гетевскую сказку “О Зеленой Змее и Прекрасной Лилии”, в которой мне в различнейших аспектах открывались все новые духовные истины. <...> Чудесным весенним вечером, с сильно бьющимся сердцем я шла по улицам Петербурга на свой доклад и сквози матерчатые подошвы больно ощущала каждый камешек мостовой. Но когда я вошла в прекрасную аудиторию Академии с ее двумя стеклянными стенами, через которые видны были зеленеющие деревья, и увидела публику, расположившуюся не на стульях — стульев в достаточном количестве для “Вольной Академии” достать не удалось, — а на большом восточном ковре, все мое смущение исчезло, и я могла говорить свободно. <...> По окончании беседы, последовавшей за докладом, группа около двадцати человек обратилась ко мне, выражая желание начать систематические занятия духовной наукой» (М. Волошина. Зеленая Змея. С. 285).

Летаеву», Кибальчич «О новейшей французской поэзии»; вечер стихов Клюева, кроме того, был устроен открытый вечер поэзии А. Белого, на котором он прочел свою новую поэму «Первое свидание».

Два открытых заседания В. Ф. А. были посвящены «Воспоминаниям об Александре Блоке», прочитанных А. Белым.

В. Ф. А. проводит в октябре цикл публичных докладов, посвященных творчеству Достоевского; прочтены следующие доклады:

1) Воскресные открытые заседания: Л. В. Пумпянский «Достоевский и Античность», А. З. Штейнберг «Достоевский как философ», Иванов-Разумник «Достоевский и К. Леонтьев», А. А. Мейер «Князь Мышкин и наше будущее». 2) Вечерние открытые заседания: С. А. Аскольдов «Религиозно-этические взгляды Достоевского», Виктор Шкловский «Герои Достоевского», П. А. Сорокин «Достоевский как социолог», С. А. Адрианов «Карамазовщина», А. Л. Волинский «Верования Достоевского», Б. М. Эйхенбаум «Достоевский и Лесков», О. Д. Форш «Данте, Достоевский и Блок», А. А. Чебышев-Дмитриев «Самоистребители и Достоевский», А. Л. Векслер «Композиция «Бесов» (к проблеме истории у Достоевского)», Иванов-Разумник «Достоевский и революция», Д. И. Абрамович «Достоевский в критике».

Андрей Белый

Вольная философская ассоциация³⁹⁴

С начала 1919 года в Петербурге среди кружка писателей и философов возникла мысль основать «Академию Исканий» в области вопросов, поднимаемых живой современностью, для уяснения и углубления их в свете философских идей. Идеалом «Академии» служил тип Флорентийской Академии, не завершавшей период, но — открывавший его. Этим взглядом в будущее «Академия» по замыслу должна была отличаться от обычного типа философских и религиозно-философских обществ, связанных с традицией и часто оторванных от жизни.

«Академия» по ряду причин не могла состояться. Вместо нее в ноябре 1919 года возникла «Вольная Философская Ассоциация», объединившая разнообразные течения мысли; то общее, что группировало вокруг нее писателей, мыслителей и художников, оказалось не догматическим исповеданием той или иной школы, а стремлением нащупать то целое, что, являясь культурною связью людей, оформляется ими по разному. Единству многообразий здесь противопоставили

³⁹⁴ Печатается по изд.: Новая Русская книга. 1922. № 1. С. 32–33.

многообразие единства, морфологическому взгляду на системы философии был противопоставлен взгляд физиологический; историко-философский обзор систем был заменен взглядом на мысль, как на живую, растущую культуру; и в связи с вопросом о культуре мысли возник основной вопрос: вопрос о культуре.

К организационному ядру «Вольной Философской Ассоциации» примкнули: покойный А. А. Блок, Иванов-Разумник, Андрей Белый, А. З. Штейнберг, Эрберг, А. А. Мейер, К. С. Петров-Водкин, впоследствии также проф. Васильев и др.

Темой ряда рефератов, лекций, публичных бесед 1919–1920 годов была тема культуры в многообразии своих проявлений; культура мысли, культура чувства, культура воли; и в связи с этим возникли доклады, рассматривающие культуру под специальным углом зрения: под углом зрения науки, искусства, религии, философии, общественной. Организаторы В. Ф. А. старались доклады и лекции группировать по вопросам, а потому скоро воскресные заседания В. Ф. А., являясь продолжением друг друга, привлекли к Ассоциации ряд новых сил. Пришлось переменить помещение: сперва заседания «Вольной Философской Ассоциации» происходили в небольшой комнате на Литейном, но уже с начала 20 года пришлось перейти в зал «Дома Искусств». В мае 20 года Ассоциация располагала залом на 1200 человек.

Воскресные диспуты, лекции и беседы происходили с большим воодушевлением с двух до семи-восьми часов вечера при полной аудитории, весьма живо откликавшейся на доклады.

Деятельность Ассоциации открылась докладом А. А. Блока «Крушение гуманизма». Кроме того: был прочитан ряд докладов, как-то: доклад Иванова-Разумника: «Скиф в Европе», доклады А. Белого: «Философия культуры», «Лев Толстой и культура», «Ветхий и Новый Завет»; А. З. Штейнберга: «О юдаизме», А. А. Мейера: «О христианстве», К. А. Эрберга: «Искусство — бунт», К. С. Петрова-Водкина: «Наука видеть», проф. Лаврова: «Труд в производственном процессе», Н. О. Лосского: «Бог в системе органического миропонимания», А. Гизетти: «Личность и общество», проф. С. А. Аскольдова: «О чуде», и т. д. Был проведен ряд диспутов и бесед, как-то: «О Герцене», «О Лаврове», «О пролетарской культуре», с участием А. Белого, Иванова-Разумника, Штейнберга, Эрберга, Шкловского, Черткова и др. (в помещении бывшего Зимнего Дворца); «О солнечном граде» (там же), посвященное 300-летию со дня появления «Солнечного Града» Кампанеллы, и при участии А. Белого, Иванова-Разумника, Льва Дейча, Кибальчича, Стоянова, Штейнберга и др.; «Что такое Вольная Философская Ассоциация», с участием А. Белого, Иванова-Разумника, Демчинского, проф. Лаврова, Штейнберга, проф. Мищенко, Эрберга и др.; «Почему нас интересует религиозная проблема» и т. д.

В течение первого года своего бытия Вольная Философская Ассоциация устроила 50 открытых заседаний; 50-е заседание было посвящено памяти Платона (с участием проф. Зелинского, Карсавина, Э. Л. Радлова, Иванова-Разумника, Штейнберга и др.).

Независимо от воскресных заседаний Вольная Философская Ассоциация открыла ряд курсов для лиц, специально заинтересованных проблемами, затрагиваемыми Ассоциацией. Были прочитаны следующие курсы: Ивановым-Разумником «Философия культуры» и «Русская литература XX века»; А. З. Штейнбергом «Основные проблемы философии»; А. Белым «Культура мысли» и «Антропософия как путь самосознания»; К. Эрбергом «Философия творчества»; А. А. Мейером «Философия религии»; К. С. Петровым-Водкиным «Изобразительное искусство»; при Ассоциации возник ряд кружков, занимавшихся проблемами философии общественности; возник и кружок философии точных наук под руководством проф. Васильева.

К темам открытых заседаний 1921 <года> относятся следующие доклады и беседы: Л. В. Пумпянский «О героической морали», А. Белый «Что такое максимализм», проф. Васильев «Теории Эйнштейна», Боричевский «Материалистическое понимание истории (официальный оппонент А. З. Штейнберг), А. Белый «Воспоминания о Блоке» (2 заседания), Д. Д. Михайлов «Естественнонаучные взгляды Гете» (официальный оппонент Л. В. Пумпянский); Л. В. Пумпянский «Достоевский и античность», А. З. Штейнберг «Достоевский как философ»; Иванов-Разумник «Достоевский и К. Леонтьев» и «Достоевский и социализм»; Чебышев-Дмитриев «Не герои», Л. В. Пумпянский «Об антропософии» и т. д. Были заседания, посвященные памяти Кропоткина (участники: Белый, Штейнберг, Новомирский, Витязев, Кибальчич, Иванов-Разумник), беседа «О Наполеоне» (участники: Л. В. Пумпянский, Штейнберг, проф. Мищенко, Иванов-Разумник, А. Белый).

Октябрь 1921 года был посвящен Достоевскому: программа докладов, посвященных Достоевскому, обнимала 17 заседаний.

С весны 1921 года по линии основных курсов, читаемых при Вольной Философской Ассоциации, образовались отделы, посвященные разработке проблем, затронутых курсами; каждый отдел получил автономное развитие; связью между отделами служили заседания всех отделов (интимные вечера «Вольной Философской Ассоциации»).

Жизнь отделов проявлялась частью в интимных заседаниях, посвященных беседам (так было в отделе «Философия символизма»), частью в закрытых курсах, как в философском отделе и отделе точных наук. Кроме того: в мае и июне 1921 года, независимо от воскресников, каждый отдел организовывал открытые заседания Отдела (беседы и лекции). Программа этих заседаний за май такова: отдел фило-

софии искусства (руководитель К. А. Эрберг): 10 мая М. В. Матюшин «Художник в опыте нового пространства»; 17-го мая Л. В. Пумпянский «Размышления о “Ревизоре” Гоголя»; 24-го мая: А. Канкарович «Музыка — сущность театра»; 31-го мая: Л. Бруни «Ребро на времени». Отдел истории философии (руководитель А. А. Мейер): 4-го мая А. Мейер «Итоги античной философии»; 18-го мая А. Мейер «Неоплатонизм». Отдел философии культуры (руководитель Иванов-Разумник): 11-го мая Иванов-Разумник «Первохристианский социализм»; 25-го мая О. Д. Форш «Христиане и Христовы»; отдел философии точных наук (руководитель проф. Васильев): 5-го мая Н. М. Коялович «Дедукция понятия числа»; 19-го мая А. А. Чебышев-Дмитриев «Парадоксы бесконечного». Отдел чистой философии (руководитель А. З. Штейнберг): 12-го мая А. З. Штейнберг «Трансцендентальный метод и метафизика»; 26-го мая Чебышев-Дмитриев «Кант и неевклидова геометрия». Отдел литературы (руководитель Иванов-Разумник): 8-го мая А. Л. Векслер «Петербург Андрея Белого»; 13-го и 14-го мая Андрей Белый «Эпопея» (чтение отрывков); 20-го мая О. Д. Форш «От “Петербурга” к “Котику Летасву”». 27-го мая Андрей Белый «Эпопея» (чтение отрывков) и Н. Клюев (чтение стихов). Отдел философии символизма (руководитель Андрей Белый): 7-го мая Андрей Белый «Проблема символизма»; 21-го мая Андрей Белый «Символ и индивидуализм»; 28-го мая М. В. Сабашникова «О сказке Гете». <...>³⁹⁵

С лета 1921 года отделение В. Ф. А. возникло в Чите³⁹⁶, а в декабре 1921 года учреждено также отделение и в Берлине.

Вольная Философская Ассоциация сосредоточивает свое внимание на проблемах философии, религии, культуры, сознания и ответственности, взятых в свете кризиса жизни и в свете поисков положительных начал жизни и мысли.

³⁹⁵ Отдельный абзац, посвященный деятельности московского отделения ВФА, приводится ниже.

³⁹⁶ В читинской газете «Дальневосточный телеграф» (1921. 5 ноября. № 79. С. 6) было помещено объявление о том, что в воскресенье 6 ноября 1921 г. на заседании Вольной Философской Ассоциации состоится открытие выставки работ «живописной культуры» художника Иосифа Левина а также будут прочитаны два доклада: «Искусство на грани» Иосифа Левина и «В борьбе за слово (крушение футуризма)» В. Мечтателя. По информации Я. В. Леонтьева, В. Мечтатель — псевдоним Вениамина Михайловича Левина (1892–1958) — поэта, члена ЦК партии левых эсеров, одного из организаторов Читинской ВФА.

Москва.
1921—1922

Буквально сразу же после того, как Вольфила начала активно действовать в Петрограде, возник проект создания ее московского отделения. В конце марта 1920 года А. З. Штейнберг был командирован в столицу с целью привлечения московских ученых и художественных деятелей для организации филиала ВФА¹. О том, что идея в целом была москвичами поддержана, свидетельствует его письмо к Иванову-Разумнику от 6 апреля 1920 года: «Дорогой Разумник Васильевич, представьте себе, что отделение В. Ф. А. в Москве здесь многих увлекает, и мне приходится самым серьезным образом вести об этом переговоры².

¹ Сохранилось (частично, в виде половины листа) командировочное удостоверение от 26 марта 1920 г. за № 46, выданное А. З. Штейнбергу для поездки в Москву с целью организации в Москве отделения ВФА. На обратной стороне документа — мандат, предписывающий органам власти оказывать всевозможную поддержку командированному в Москву Штейнбергу, заверенный подписью М. Кристи и зарегистрированный в Наркомпросе 8 апреля 1920 г. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 14. Л. 2).

² Очевидно, одним из главных партнеров по этим переговорам был брат ученого секретаря петроградской ВФА, один из лидеров левых эсеров, И. З. Штейнберг, который к тому времени занял «примиренческую» позицию по отношению к советской власти. В апреле 1920 г. редакционная коллегия (Р. В. Иванов-Разумник, В. Е. Трутовский, О. Л. Чижиков, И. З. Штейнберг) возобновила издание московского «двухнедельного журнала науки, искусства и общественной жизни» «Знамя» — «органа левых социалистов-революционеров (ин-

Вопрос о централизме и федерации, оказывается, и для нас может стать острым — нашей внутренней конституционной жизни, очевидно, суждено развиваться, подробно доложу в Совете. Сейчас только могу сказать, что, по всей вероятности, Вам вскоре придется совершить путешествие из Петербурга в Москву совсем не как в последний раз³. Думаю вернуться в начале Светлой⁴, только выбраться отсюда труднее, чем попасть сюда, и удастся ли, как предполагаю, наверно еще сказать не могу. Сердечный привет Вам и всей Вольфиле in corpore⁵. Преданный А. Ш<тейнберг>⁶.

Особую актуальность вопрос приобрел летом 1920 года, когда председатель Вольфилы Андрей Белый вернулся из Петрограда в Москву. На заседании Совета ВФА 1 августа (пункт XI протокола, озаглавленный «Московское Отделение В. Ф. А.»), с целью привлечения москвичей к проекту, решено было письменно связаться с В. А. Карелиным⁷, М. И. Каганом, М. М. Бахтиным⁸, Вяч. Ивановым,

тернационалистов)», на страницах которого позже впервые были опубликованы «вольфильские» выступления А. Блока, Андрея Белого, Иванова-Разумника, Конст. Эрберга и А. З. Штейнберга, а также другие их произведения.

³ Намек на арест Иванова-Разумника и его перемещение под конвоем в Москву в феврале 1919 г. Подробнее см.: *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки. С. 120—158. Поездка «товарища председателя» Вольфилы в Москву весной—летом 1920 г. не состоялась.

⁴ Имеется в виду праздник Пасхи — Светлое Воскресение Христово.

⁵ в полном составе (*лат.*).

⁶ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. I. № 349.

⁷ Владимир Александрович Карелин (1891—1938) — публицист, член ЦК ПЛСР.

⁸ Философ Михаил Михайлович Бахтин (1895—1975) в 1920 г. проживал в Невеле и Витебске. Позже, бывая наездами в Петрограде, он, по собственному признанию «бывал» на заседаниях петроградской Вольфилы, «но не выступал» там. В начале 1970-х отвечая на вопросы интервьюера, Бахтин в целом негативно высказался по поводу деятельности ВФА: «Бывал на собраниях, да, бывал на собраниях. Нужно сказать, что я не очень сочувствовал

Г. Г. Шпетом и Н. А. Бердяевым⁹. Спустя неделю, 8 августа, Совет вернулся к этой теме, поставив ее главным пунктом в повестку дня, признавая открытие московского отделения Вольфила «очень желательным». Было высказано предложение поручить его устройство Андрею Белому, а также делегировать каждую неделю из Петербурга одного члена Совета я «для возможного соответствия в работах и установлении более тесной связи обеими Вольфила<ми>»¹⁰.

Хотя руководство ВФА и приняло «единогласное решение» расширить свою «деятельность и перенести ее за пределы Петербурга, в частности в Москву», однако к началу 1920-х годов столица уже мало подходила для внедрения подобных интеллектуальных новаций: «с переездом правительства из Петербурга в Москву, под давлением наступления немецкой армии, грозившей оккупацией Петербургу, Москва в короткий трехлетний срок переняла неблагоприятные для своего свободного развития черты петербургской чиновничьей атмосферы и стала оплотом бюрократизма, может быть, даже в гораздо большей степени, чем Петербург со времен Петра до революции»¹¹. Насколько невозможна в Москве подлинная духовная работа, пришлось убедиться и самому Андрею Белому: «Москва — душна, полна народу, грязи, пыли; мостовая расковырена, а люди расхлябаны, студии культурных учреждений пустуют, — писал он Иванову-Разумнику 17 ию-

этой Вольфиле, не очень. Это типичная русская такая, понимаете, болтовня, болтовня. Научных серьезных докладов не было. Это было такое, знаете... красноречие, главным образом либерально и отчасти идеально мистического характера. Я застал еще и бывал на заседаниях Философско-религиозного общества. Это было нечто все-таки более значительное» (Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М., 1996. С.70).

⁹ См.: ИРЛИ. Ф. 291.

¹⁰ См.: Наст. изд. Кн.2. С.75.

¹¹ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 94—95.

ля; — “Дворец Искусств” устраивает диспуты в театре “Зон”; на последнем диспуте “Преемственность Культур” было до 1000 человек народу (очевидно, они взяли пример с “Вольфилов”, но до чего дух... не вольфильский!); публика — сера, малокультурна сравнительно с Петроградом; всюду — Луначарский, который говорит много, красиво, с успехом на какие угодно темы; на вышепоставленную в программе тему говорили: В. Иванов, Луначарский, я, Эйсер, и..., и..., и... профессор Лавров... о резцах, бивнях, мастерских природы вплоть до желудка (всё темы известные!); председательствует... Рачинский (?) — как же быть без него?»¹²

Лишь год спустя петербуржцам удалось (пусть и на короткое время) объединить в Москве членов разобщенных кружков и сообществ, а также отошедших от политической деятельности разрозненных представителей партии левых эсеров и анархистов. «Петроград, — отмечал в мемуарах Штейнберг, — <...> освободившийся от гнета двора и вместе с тем от административного рвения и усердия, воспринял те элементы московской жизни, которые позволили Петербургу стать во главе развития русской культуры. Как Москва в свое время, Петербург стал как бы собирателем земли русской. По крайней мере, мы так это ощущали. Над нами смеялись. Когда, наконец, в 21-м году, мы приехали в Москву и в одно прекрасное воскресенье встретились с Бердяевым и другими друзьями-единомышленниками, мы вспомнили о том, что когда-то предрекал Мережковский: “Быть Петербургу пусту”. Бердяев заметил на это, как и во многих других своих пророчествах, “оказался пророком с другой стороны” — говоря по Гоголю»¹³. Примечательно, что к этому времени Н. А. Бердяев возглавлял в Москве Вольную Академию Духовной Куль-

¹² Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 207.

¹³ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 95.

туры (ВАДК), которая была образована практически в то же самое время, что и петроградская Вольфила, — 26 сентября 1919 г.¹⁴ В своих воспоминаниях Бердяев писал: «У меня зародилась мысль о необходимости собрать оставшихся деятелей духовной культуры и создать центр, в котором продолжалась бы жизнь русской духовной культуры. Это не должно было быть возобновлением Религиозно-философских обществ. Объединение должно было быть более широким, охватывающим людей разных направлений, но признающих самостоятельность и ценность духовной культуры. Я был инициатором образования Вольной академии духовной культуры, которая просуществовала три года (19–22 г<оды>). Я был ее председателем, и с моим отъездом она закрылась. Это своеобразное начинание возникло из беседований в нашем доме. Значение Вольной академии духовной культуры было в том, что в эти тяжелые годы она была, кажется, единственным местом, в котором мысль протекала свободно и ставились проблемы, стоявшие на высоте качественной культуры. Мы устраивали курсы лекций, семинары, публичные собрания с прениями»¹⁵. Ничего удивительно нет в том, что объединение усилий родственных по духу интеллектуальных групп — ВФА и ВАДК казалось петербуржцам вполне естественным.

Новые конкретные шаги по реализации задуманной инициативы руководство Вольфилы стало предпринимать в середине 1921 года. 12 июля Вольная Философская Ассоциация вновь командировала в Москву А. З. Штейнбер-

¹⁴ См.: А. Галушкин. После Бердяева: Вольная академия духовной культуры в 1922–1923 гг. // Исследования по истории русской мысли: Ежегодник за 1997 год. — СПб., 1997. С. 238.

¹⁵ Н. А. Бердяев. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Сост., предисл., подг. текстов и комм. А. В. Вадимова. — М., 1991. С. 237.

¹⁶ Командировочное удостоверение А. З. Штейнберга № 79 «в том, что он действительно командирован в г. Москву для органи-

га¹⁶, который, вероятно, и провел предварительные переговоры со всеми потенциальными коллегами, а спустя два месяца, в сентябре, в столицу, уже на учредительное заседание московского филиала, отправились два руководителя петроградской Вольфилы — Р. В. Иванов-Разумник и А. З. Штейнберг¹⁷. В инициативную группу по созданию московского филиала Вольфилы вошли, в частности, один из соредакторов «Скифов» С. Д. Мстиславский, левые эсеры И. З. Штейнберг и А. А. Шрейдер, анархист Я. И. Новомирский, антропософ М. П. Столяров, философы Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев и Г. Г. Шпет. «Был назначен день и час совещания будущих членов московского отделения совета Вольфилы, которое должно было состояться до первого открытого заседания в Москве, посвя-

зации Всероссийского Философского Съезда сроком до 15 августа с/г», см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 78.

¹⁷ Копии командировочных удостоверений Штейнберга и Иванова-Разумника, в том, что они командированы в столицу «для организации Московского Отдела Вольной Философской Ассоциации и для обсуждения по предложению Заместителя наркома профессора М. Н. Покровского вопроса о созыве первого Всероссийского Философского Съезда сроком до 10 октября с. г. с обязательством вернуться в Петроград не позднее названного срока», см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 91–92. В левом верхнем углу каждого документа пометы рукой В. В. Бакрылова: «№ 104. 21/IX–21 г.» и «№ 105. 21/IX–21 г.»

¹⁸ Уместно заметить, что заседание памяти А. Блока, которое состоялось в московском Политехническом музее 26 сентября, на следующий день после учреждения московского отделения ВФА, вовсе не было «первым открытым заседанием» московской Вольфилы, как об этом пишет А. З. Штейнберг, а проходило по инициативе представителей т. н. «левого народничества» (т. е. левых эсеров). Ср. также со схожей интерпретацией Я. В. Леонтьева: «Воспользовавшись приездом Иванова-Разумника и А. З. Штейнберга, москвичи решили учредить отделение Вольной Философской Ассоциации. 25 сентября 1921, в воскресенье, состоялось учредительное собрание московской Вольфилы. На следующий день под ее эгидой в большом зале Политехнического музея был устроен вечер памяти Блока» (Я. В. Леонтьев.

щенного памяти Блока¹⁸. Одним из этих членов был Николай Александрович Бердяев, который очень рано оценил значение Белого в русской литературе¹⁹; другой – Густав Густавович Шпет, считавшийся в Московском университете авторитетным философом и бывший учеником немецкого философа Гуссерля в Геттингенском университете. Шпет совмещал в своих работах западноевропейские традиции философии с русскими, он прекрасно знал Лаврова и написал очень дельную работу о польских философах, оказавших большое влияние на Лаврова²⁰. <...> Среди москвичей, интересовавшихся нашей работой и желавших сделать Москву опорным пунктом дальнейшего расширения деятельности Вольфила, был Сергей Соловьев, племянник Владимира Соловьева и друг Блока и Белого»²¹. 25 сентября учредительное собрание приняло решение об открытии московского отделения Вольной Философской Ассоциации, а 15 октября прошло его первое публичное заседание, на котором был заслушан доклад Андрея Белого «Достоевский и кризис культуры».

Казалось бы, ничто не могло препятствовать растущему влиянию и успеху Вольфила в Москве. Однако совсем скоро новообразованный филиал стали одолевать внутренние идеологические распри, что сделало ситуацию принципиально непохожей на петроградский «первообраз». «Пар-

К истории взаимоотношений левого народничества и «скифов». С. 453). Публикуемые ниже документы московского отделения ВФА не дают оснований для подобных утверждений.

¹⁹ См.: Н. А. Бердяев. Русский соблазн. По поводу «Серебряного голубя» А. Белого // Русская мысль. 1910. № 11. С. 104–115.

²⁰ А. З. Штейнберг ошибочно подменяет здесь статью Шпета «Антропологизм Лаврова в света истории философии», вошедшую в сборник «П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы» (С. 73–138), его же книгой «Философское мировоззрение Герцена» (1921), один из разделов которой посвящен влиянию на Герцена польского философа А. Цешковского.

²¹ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 94–95.

тийные» левые эсеры вступили в конфликт с эсерами и анархистами, отошедшими от политической деятельности; «гуссерлианцы» начали непримиримые дискуссии с «неокантианцами», антропософы — с теми, кто не был знаком со штейнерианством или «тайной доктриной». Фактически дистанцировался от Вольфилы Н. А. Бердяев, принявший участие лишь в первом, организационном заседании; за ним Ассоциацию покинули и другие члены Вольной Академии Духовной Культуры. Некоторое время спустя желание самостоятельной работы возникло среди отдельных участников собраний московского Антропософского общества, которые поначалу примкнули к Ассоциации: «Приблизительно <...> в 1922 году в Обществе возникло начинание <...>. Инициатива принадлежала Вере Оскаровне <Анисимовой. — В. Б.>. Мы говорили как-то о “Вольфиле” (расцвет Вольфилы принадлежит Петрограду, в Москве она не привилась). Она находила, что Вольфила слишком “академична” и “философична” и что теперь нужны другие, более “демократические” формы духовного общения, более широкие как по кругу вопросов, так и по составу участников»²².

Только к концу зимы 1921—1922 годов, после того как от Вольфилы по разным причинам окончательно «отпали» И. З. Штейнберг, А. А. Шрейдер, Ф. А. Степун, Б. П. Выше-славцев, ряд членов московского Антропософского общества, и сложился тот, значительно более узкий, круг людей, который, в конечном итоге, можно называть московским отделением ВФА. Его работу возглавил С. Д. Мстиславский; в Совет вошли Я. И. Голосовкер, М. И. Каган, Н. А. Полянский и М. П. Столяров; ближайшее участие в работах Ассоциации также принимали С. М. Соловьев, А. А. Боровой, Я. И. Новомирский, С. Д. Кржижановский

²² М. Н. Жемчужникова. Воспоминания о Московском Антропософском обществе (1917—23 гг.) / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее: Исторический альманах. 6. — М., 1992. С. 40.

²³ См.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 41.

и другие²³. О том, что в деятельности московской Вольфилы действительно произошел некий перелом, Мстиславский сообщал Боровому 17 февраля: «Глубокоуважаемый Алексей Алексеевич, когда здесь, в Москве, складывалась Вольная Философская Ассоциация, мы рассчитывали, во многом, на ближайшее Ваше участие <...>. К сожалению, до последнего времени — мы не имели удовольствия видеть Вас на наших заседаниях — со своей стороны, ввиду некоторых ненормальных условий, в которых протекали эти заседания, и мы не считали целесообразным тревожить Вас. В данный момент Вольфила перестраивается: в ближайший вторник, 21 февраля, в помещении Лито (Волхонка, 14, 2й этаж) — состоится расширенное заседание Совета Вольфилы для подведения итогов прошлой деятельности и установления методов и программы дальнейшей работы. Мы надеемся, что Вы не откажетесь присутствовать на этом закрытом заседании. Начнется оно в восемь часов вечера. Искренне уважающий Вас С. Мстиславский»²⁴.

Если центром вольфильской работы в Петрограде являлись общие (открытые) воскресные заседания и более узкие

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. № 523. Л. 1. В последующих письмах Мстиславского к Боровому встречается информация о заседаниях московской Вольфилы. Ср.: «...в понедельник, 22го, в восемь вечера, в помещении 3^{ей} студии МХТ (Арбат, № 26) состоится очередное заседание Вольфилы. (Frater Tertius: “Сказки для вундеркиндов”)» (РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. № 523. Л. 3; письмо от 16 мая 1922 г.); «В ближайший четверг (15го) у нас доклад Якулова: проблемы современного искусства. <...> В четверг 22 — очень интересный доклад д<ок>тора Внукова, психиатра, производившего свои наблюдения над “Революционными психозами” (название не вполне точное) на Юге, гл<авным> обр<азом> в Севастополе, где, за его время, в смене властей и режимов, было расстреляно, по его расчетам, свыше 30.000 человек. Одних чекистов прошло через его руки как врача свыше ста человек. Сам он — коммунист. Думаю, что его «Революционные психозы» дадут большой материал для беседы. Наконец, 29го будет читать Лаврецкий: “Душа Истории”» (РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. № 523. Л. 4; письмо от 10 июня 1922 г.).

(по составу) дискуссии по понедельникам, то организация работы в Москве жидилась на традиционной кружковщине. Даже структура московского отделения мало напоминала «головную» Вольфила: в то время как в Петрограде отказались от кружков в пользу более солидных отделов, в столице, наоборот, основу основ составляли кружки, которые, в свою очередь, объединялись в секции. Так, в «секцию философии искусств» входили «Кружок по философии театра» — «цикл занятий под рук. С. Д. Кржижановского (Frater Tertius) и С. Д. Мстиславского» и «Мастерская слова (Литературная студия при Вольфиле)», руководителями которой были С. Д. Мстиславский, М. П. Столяров, В. А. Дынник и С. Д. Кржижановский; в «секцию философии общественности» — кружок «Кризис форм общественных объединений (партий, союзов, обществ)» (руководители: С. Д. Мстиславский и проф. Боровой) и кружок «Кризис народничества», каждый из которых, судя по сохранившимся документам, посещали не более десятка слушателей²⁵.

Поэтесса Н. Павлович, посетившая столицу весной 1922 года, характеризуя царящую здесь духовную атмосферу, замечала, что на фоне традиционных религиозно-философских собраний, объединяющих Бердяева, Флоренского, Чулкова и других, Вольфила так и не смогла «укрепиться в Москве»: «Дух Вольфилы — не московский. Он сухой и пламенный, он — народнический, а не народный. Москва — проще и подлиннее. Москва шире и домашнее и в плохом и в хорошем смысле. Она держится на живых людях, а не на идее. Но отдельное пламя отдельной

²⁵ См.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 57–61. Кроме того, в протоколе заседания Совета от 12 февраля 1922 г. называются кружки М. И. Кагана «Философия истории», М. П. Столярова «Философия свободы», Я. И. Голосовкера «Ницше и эллинская философия» и «Социологический кружок» Н. А. Полянского (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 41).

человеческой души разгорается, сближается с соседним одиноким пламенем, а там, глядишь, и целый костер, и окраска у пламени своя, и гнет его ветер в одну сторону. А ветер этот ритмичен, потому что регулируется он вековым звоном вековых колоколов — не слышать звона нельзя»²⁶.

К началу 1923 года духовная дистанция между Петроградом и Москвой стала еще более значительной. Переговоры вокруг проектируемого журнала «Основы», который замышлялся как платформа для объединения «вольфилицев» двух столиц, продемонстрировали полную противоположность намерений и взглядов двух лидеров ВФА — Иванова-Разумника и С. Д. Мстиславского. Первоначально Иванов-Разумник принимал активное участие в создании портфеля будущего журнала²⁷. В письме к Мстиславскому от 12 декабря (единственном, сохранившемся в архиве последнего) Иванов-Разумник сообщал о своем намерении в ближайшем будущем провести переговоры о будущем журнале непосредственно в Москве: «...вероятно приеду, т<ак> к<ак> на расстоянии каши не сварить. Но приезд мой, увы, зависит только от монеты. Если в течение этой недели Дм. Мих. <Пинес> получит апельсин (так, вероятно, и в Москве зовут то, что тремя нолями больше миллиона?), то немедленно за-

²⁶ Н. Павлович. Московские впечатления // Литературные записки. 1922. 23 июня. № 2. С. 7.

²⁷ Подробнее об этой инициативе см.: А. В. Лавров. Неосуществленные издательские проекты Иванова-Разумника (1922–1923) // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Вып. II. С. 136–147; а также: А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 96–101. Ср. также с анонсом, опубликованным в рубрике «Жизнь искусства» журнала «Корабль» (Калуга): «Предполагается к изданию “ОСНОВЫ” под ред. Мстиславского и Иванова-Разумника. “ОСНОВЫ” будут продолжать линию “ЗАВЕТОВ”. В первом № будет помещена переписка Андрея Белого с А.Блоком» (1922. Ноябрь. № 5/6. С.44). Более краткая информация была обнародована и в «Записках Передвижного театра П.П. Гайдебурова и Н.Ф. Скарской» (1923. 16 января. № 46. С.5).

ткну главные дыры (*Honni soit qui mal y pense*) Блоков, Чапыгина, Анненского, Гиппиуса и *tutti quanti* (только то, что вне спора в смысле нужности и приемлемости) и приеду в Москву 20-го, на неделю. Раньше не могу, ибо 17/XII у меня в Вольфиле доклад о „Петербурге“ (могу повторить и в московской Вольфиле), и позже не могу, ибо 31/XII у меня содоклад на последнем заседании о Белом. Кстати, о Вольфиле: четыре доклада профессоров-формалистов и подробный протокол прений (ядовитых) будут готовы через неделю — привезу с собой; годно и для Вольфилы и для «Основ». Если же деньги за эту неделю получены не будут — приехать не смогу, ибо авторы не расстанутся с рукописями без авансов, а в Питере у всех их есть возможность немедленно устроить эти рукописи. Упросил их подождать еще лишь неделю»²⁸. Иванов-Разумник находился в Москве до 26 декабря, где на встрече с Мстиславским и Пришвиным обсуждал, в частности, и состав будущей редколлегии журнала²⁹. Однако вскоре — вероятно, в самом начале 1923 года — и произошел тот «полный и резкий разрыв», о котором С. Д. Мстиславский сообщает в своей «Объяснительной записке».

Некоторое время спустя, откликаясь на известие о неосуществимости издания, Е. Г. Лундберг в письме к Мстиславскому из Берлина от 23 апреля 1923 года связал неудачу проекта с «архаичностью» петроградской Вольфилы: «Очень жаль, что „Основы“ не удались. Хотя есть в этом и доброе: все преждевременно возникающие литературные предприятия будут очень слабы. Российское наше море еще недостаточно улеглось для толстых журналов. И все

²⁸ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 326. *Honny soit qui mal y pense* — пусть будет стыдно тому, кто об этом дурно подумает (*фр.*); *tutti quanti* — и прочие, и прочие (*ит.*).

²⁹ Ср. с записью в дневнике Пришвина от 26 декабря 1922 г.: «Я влюбляюсь, Разумник любит, Мстиславский не любит, поэтому: я — художник, Разумник — моралист, Мстиславский — революционер (редакция „Основ“)» (*М. М. Пришвин. Дневники. 1920–1922. С. 292*).

разбредились безнадежно. Здесь, вероятно, хуже, чем в России. Поэтому меня несколько не удивляет ваше расхождение с Разумником. Я не знаю, упадочность ли — тенденция питерской Вольфилы — нечто старомодное все же в ней есть. Я не очень верю, чтобы разрыв между нами, писателями, и эпохой был как-нибудь восполнен — и, может быть, он и в принципе не восполним. Ибо то, что пишут самые крайние молодые, так же старомодно, как и то, что пишем мы. Талант не гарантирует от этой неизбежной отсталости. В литературе нужно не освежение, не новые темы, а другое видение и другие исходные точки. Извольте-ка добиться этого видения, когда все образцы, вся культура тянет к прошлому. Если бы это можно было устроить, двадцатилетняя аскеза и обет молчания дали бы гораздо более ощутительные плоды, чем все коллективные усилия старых, и молодых, и культурных, и диких»³⁰.

Когда в конце 1923 года Андрей Белый вернулся в Россию, Иванов-Разумник, рассчитывая, в частности, и на то, что его присутствие в столице позволит реанимировать работу отделения Ассоциации. В подробном письме от 7 декабря, информируя председателя ВФА о «вольфильских» делах, он сообщал: «А заодно — и о московской Вольфиле, которая энергично действовала в Москве целый год после Вашего отъезда; теперь остановилась. Не заходили ли Вы к С. Д. Мстиславскому? Если нет — зайдите! <...> Он очень настроен против “антропософии” из-за Столярова, которого я совсем не знаю; но “антропософия” — одно, “Столяров” — другое. Если С<ергею> Д<митриевичу> дать *carte blanche* на организацию дела — он многое может сделать. А пока — ничего не делал и ждал Вашего приезда, чтобы решить»³¹. В ответном письме от 17 декабря Белый скептически прореагировал на инициативу своего друга:

³⁰ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 369. Л. 16.

³¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 266.

«...что касается возобновления московской “Вольфилы” — “сомневаюсь штоп”: разрешат ли, удобно ли мне в ней выступать: ведь моя духовная “идеология” — вещь, отрезающая меня от лекций; кроме того: я сейчас нем абсолютно; я потерял “орган познания”, “орган познания” от меня, можно сказать, отвалился; нет отработанных мыслей, ощущаю в себе смутные, физиологические процессы вываривания будущих мыслей; что-то во мне прорастает; но ростки — зелены; надо ждать цветов и плодов мысли — в будущем; прошлые мысли — проросли; от них осталась одна шелуха. И оттого-то весьма трудно мне говорить, весьма трудно ворочать языком в присутствии даже 10–12<-ти> человек; раза три я бывал в некоторых московских кружках (один — филологический, другой — философский, третий — литературный); и всякий раз чувствовал мучительную тяжесть, косность, немоту»³².

Просуществовав в течение года, московская Вольфила не смогла стать органически целостным объединением. Впрочем, «угасла» она не из-за внешних — политических, идеологических или же цензурных — обстоятельств, а, скорее, по внутренним причинам: в конечном итоге все ее члены разбрелись по своим частным интеллектуальным «квартирам», так и не найдя общего мировоззренческого и дружеского знаменателя.

³² Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 270.

Протокол

первого заседания Московского отделения Вольной Философской Ассоциации³³

Председательствовал – Андрей Белый.

Присутствовали – Н. А. Бердяев, Р. В. Иванов-Разумник, С. Д. Мстиславский, В. А. Нилендер³⁴, Я. И. Новомирский, С. М. Соловьев, М. П. Столяров³⁵, Г. Г. Шпет, А. А. Шрейдер³⁶, А. З. Штейнберг, И. З. Штейнберг³⁷.

Слушали:

1. Об открытии (согласно § 3 Устава Вольной Философской Ассоциации, утвержденным Нар<одным> Комиссариатом Просвещения) отделения В. Ф. А. в Москве.

2. Выборы Президиума Московского отделения.

3. О дне первого открытого заседания Московского Отделения Вольной Философской Ассоциации.

Постановили:

Открыть в Москве отделение Вольной Философской Ассоциации («Вольфила»).

Избраны единогласно:

Председателем – Андрей Белый, товарищами председателя: С. Д. Мстиславский, М. П. Столяров, Г. Г. Шпет; ученым секретарем – Я. И. Новомирский.

Устроить 15 октября 1921 г. первое открытое заседание. Доклад Андрея Белого: «Достоевский и кризис культуры».

³³ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 12–17. Чистовая запись протоколов заседаний Совета Московского отделения ВФА. Черновые варианты различных протоколов см.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 3–36. Черновой вариант протокола первого заседания Московского отделения ВФА написан рукой Иванова-Разумника; позже на нем предположительно проставлена дата «25 сент<ября> – воскрес<енье>?» (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 3).

³⁴ Владимир Оттонович Нилендер (1883–1965) – поэт, переводчик.

³⁵ Михаил Павлович Столяров (1888–1937) – философ, один из руководителей московского Антропософского общества.

³⁶ Александр Александрович Шрейдер (1893/94–1930) – публицист, один из лидеров ПЛСР, руководитель берлинского издательства «Скифы».

³⁷ Исаак Захарович Штейнберг (1888–1957) – публицист, член ЦК ПЛСР.

Подлинный протокол подписан Председателем Андреем Белым и Ученым секретарем А. Штейнбергом и передан в Академический центр Н<ародного> К<омиссариата> Просвещения для утверждения Московского отделения В.Ф.А.

Командировочное удостоверение³⁸

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольной Философской Ассоциации члену Совета Московского ее <так!> отделения тов. Александру Абрамовичу ШРЕЙДЕРУ в том, что он действительно вызывается Советом в Петроград для отчета о планах деятельности Московского отделения зимою 1921–1922 года и для прочтения ряда докладов в Петербурге – сроком по 20-ое Октября 1921 г. и с возвращением в МОСКВУ не позднее названного срока.

Председатель

Секретарь

Протокол

1го Заседания Совета Московского Отделения В. Ф. А.
29 сентября 1921 г.

Присутствовали: Б. Н. Бугаев, Г. Г. Шпет, М. П. Столяров, С. Д. Мстиславский, Я. И. Новомирский, Н. А. Брызгалов.

Председательствовал: Б. Н. Бугаев.

Слушали:

1. О помещении для собраний В. Ф. А.

Постановили:

Принять меры к подысканию собственного помещения, поручив Г. Г. Шпету и Я. И. Новомирскому собрать необходимые сведения. Временно использовать для закрытых собраний действительных членов – помещение «Союза писателей» (предложение Г. Г. Шпета); для ближайших открытых заседаний – 6-ую аудиторию 2го Государственного Университета; поручить т. Брызгалову принять меры

³⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 97. Копия командировочного удостоверения; в левом верхнем углу помета рукой В. В. Бакрылова: «№ 110. 30/IX–21 г.». Поездка Шрейдера в Петроград не состоялась.

2. О материальных средствах.

3. О плане ближайших работ. Присутствующими предложены на ближайшее время доклады на следующие темы: *Андрей Белый*: Достоевский и конец культуры; Культура культур; Софизм и софийность. *М. П. Столяров*: Роза и Крест; Антропософия в крушении современной культуры. *Г. Г. Шпет*: Классицизм. *Я. И. Новомирский*: Торжество Диониса. *В. О. Нилендер*. Гностицизм и церковь; Возрождение средневековья. *С. Д. Мстиславский*. Цикл о Достоевском.

4. О кандидатах в действительные члены.

к получению аудитории Политехнического музея на один раз в неделю, начиная с конца ноября.

За субсидией, предусмотренной уставом, в Наркомпрос не обращаться. Установить с действительных членов и гостей плату за вход на собрания в размере 1–2 тысяч рублей.

В первую очередь провести цикл докладов о Достоевском: доклады А. Белого, С. М. Соловьева, М. П. Столярова, Г. Г. Шпета, С. Д. Мстиславского.

Зачислить кандидатами: проф. Бачинского³⁹, проф. Борового⁴⁰, проф. Вышеславцева⁴¹, проф. Кузнецова⁴²,

³⁹ Алексей Иосифович Бачинский (1877–1944) — физик, прозаик, публицист; с 1918 г. профессор Московского университета.

⁴⁰ Алексей Алексеевич Боровой — (1875–1935) — искусствовед, публицист, историк общественной мысли, профессор Московского университета.

⁴¹ Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954) — философ.

⁴² Возможно, Павел Варфоломеевич Кузнецов (1878–1968) — художник.

Кандинского⁴³, Голосовкера⁴⁴, Степуна⁴⁵ и Есенина.

2ое заседание Совета Моск<овского> Отд<еления> В. Ф. А.

5 октября, 7 ч. веч.

Присутствовали: М. П. Столяров, Я. И. Новомирский, С. Д. Мстиславский, Н. А. Брызгалов.

Председательствовал: М. П. Столяров.

<Слушали:>

1. Доклад т. Брызгалова о мерах, принятых к подысканию помещения для В.Ф.А.

2. О днях общих собраний Вольфины.

3. О докладе А. Белого.

<Постановили:>

Ввиду отсутствия более удобных помещений хлопотать о сохранении за Вольфиной аудитории № 6 — 2го Госуд<арственного> Университета.

Признать воскресенья неудобным, организовывать собрания, по возможности, по вторникам и субботам.

Поручить т. Брызгалову сговориться с Академией Духовной Культуры об отмене назначенного на 15 октября доклада Н. А. Бердяева, и закрепить на этот день помещение за Вольфилой.

3^{ье} (12 окт<ября>) и 4ое (13 окт<ября>) заседания Совета М<осковского> О<тделения> Вольфины, при участии М. П. Столярова, С. Д. Мстиславского и т. Брызгалова были посвящены административным вопросам, связанных с устройством открытого заседания 15 октября.

⁴³ Василий Васильевич Кандинский (1866—1944) — живописец, теоретик изобразительного искусства; с 1921 г. в эмиграции.

⁴⁴ Яков Эммануилович Голосовкер (1890—1967) — поэт, философ, переводчик.

⁴⁵ Федор Августович Степун (Степпун; 1884—1965) — философ, прозаик. Его воспоминания о деятельности ВАДК см.: *Ф. Степун. Бывшее и несбывшееся* В 2 т. Т. II. Нью-Йорк, 1956. С. 269—282.

5-ое заседание Совета М<осковского> О<тделения>
Вольфины

15 октября.

Присутствовали: Б. Н. Бугаев, М. П. Столяров, Я. И. Новомирский, С. Д. Мстиславский, В. А. Нилендер, С. М. Соловьев.

Председательствовал: Б. Н. Бугаев.

Доклад Андрея Белого

на открытии Вольной Философской Ассоциации
15-го октября 1921 г.⁴⁶

<Слушали:>

1. Доклад С. Д. Мстиславского о посещении Академического центра в связи с вопросом о легализации М<осковского> О<тделения> Вольфины (О пожелании Академ<ического> центра получить сведения о работах Петроградской Вольфины и о разрешении М<осковскому> О<тделению> Вольфины приступить к работам, не дожидаясь формальной легализации).

2. О порядке открытого заседания 15 октября.

<Постановили:>

Принять к сведению.

1. Открыть заседание поручить Б. Бугаеву. 2. Предпослать докладу А. Белого — речи А. Белого, С. Д. Мстиславского, Я. И. Новомирского и М. П. Столярова о целях и методах работы М<осковского> О<тделения> Вольфины. 3. На время доклада А. Белого и прений возложить председательствование на С. Д. Мстиславского.

Товарищи. Я начну мой доклад — импровизацию с просьбы не винить меня за те дефекты изложения и композиции, которые вы в нем встретите, но уезжая за границу и по голову, — нет, выше головы, — перегруженный предотъездной беготней, почти падая с ног и не имея буквально пяти минут, чтобы подумать о теме, я вынужден этот доклад сделать лишь поводом и предлогом для того, чтобы на нем высеклись наши разговоры сегодня. Это есть лишь зажигание темы, а не строго продуманная мысль. Вот то, что я хочу предложить вашему вниманию, и поэтому у меня просьба, как лектора, всячески поддержать меня в том, чтобы подхватить мою тему и из нее создать нашу первую свободную вольфильскую беседу, я же сплету мою сегодняшнюю тему с тем, что мы только что слышали.

ДОСТОЕВСКИЙ И КРИЗИС КУЛЬТУРЫ. — Стало быть с культуры следует начинать, с кризиса ее, ибо кризис культуры и есть факт появления на мировой арене личности Достоевского и образов его героев. Это уже осуществившийся факт разрыва старых форм индивидуальной жизни, разрыв замкнутого сознания человека.

Но что такое культура? — И вот тут я уже просто подхватываю мысль, брошенную товарищем Столяровым, потому что для меня, как и для него, культура начинается именно там, где окаменевшие и уже замкнутые формы бытия, определившиеся когда-то сознанием, но утратившие свою живую связь с сознанием, превратились в ракушки некоего живого существа, моллюска, жизнь которого умерла. Там, где умирает моллюск, там окончательно кристаллизуется прекрасная ракушка. Там, где умирает становящаяся культура, там впервые выкристаллизовывается ее прекрасная форма и возникает вопрос и вечном музейном сохранении.

⁴⁶ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 90. Л. 2—7. На обложке (Л. 1) следующая запись: «Андрей Белый. Первые шесть страниц доклада на открытии Вольн<ой> Филос<офской> Ассоциации — 15 окт<ября> 1921 г. (Весь доклад, посвященный Достоевскому — в 1 печ. л., — расшифровывается по стенографич<еской> записи). (И будет представлен к концу июня эт<ого> г<ода>. <Подпись>)». Текст доклада сохранился в архиве П. Кузько (РГБ. Ф. 144. Карт. 9. № 7). Заседание Вольфила началось в 7½ часов вечера и проходило по адресу: Мерзляковский пер. Высшие Женские Курсы. Аудитория б. Билет на это заседание см.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 20.

Таким образом проблема культуры начинается именно там, где культурные формы трещат, ломаются, выветриваются, где обсыпается под ногами выветрившаяся почва.

Но там же, в месте катастрофы, впервые высказывается мысль, что не *я*, не *ты*, не *оно*, не ты, замкнутая вещь, но какое-то *со*, мы вне нас, и в тесном сплетении возникает идея связи, *со*. Культура начинается там, где начинается сознание, где начинается рассмотрение самой мысли как культуры, а не как чего-то самодовлеющего.

Однажды я прочел в Петрограде и здесь частью читал курс «Культура мысли». Задачей этого курса и было показать, что вместо мертвого взгляда на историю философии, где изучается морфология каких-то законченных ракушек философских систем, самая мысль — это культура, и надо ее рассматривать с точки зрения процесса отложения системы как чего-то уже выделенного, накипи. Там, где нити культуры порывались внутренне, как, например, у Ницше, вставляли для историков культуры, для философов культуры прошлого парадоксальные, афористические сочетания, начинались афоризмы Ницше о культуре, начинались аналогии, недопустимые для философов культуры обычного порядка.

Мне неоднократно приходилось высказывать мысль о том, как можно проследить с одной стороны всю историю зодчества, как архитектурных, храмовых форм; в другом отношении историю зодчества мировоззрений, повторяющихся в другом разрезе: тот же греческий храм, ту же математику. Да, парадоксально, сказали бы вы. Но вот совершенно независимо от этого появляется книга Шпенглера, *где основная мысль ясна и проста, хотя я ее не разделяю*, но книга интересна тем, что вся она построена на мелком бисере этих парадоксальных сопоставлений⁴⁷.

Да, если математик Шпенглер может позволять себе утверждение, что нет математики в целом, а есть математики многих математиков, что доэвклидовская геометрия связана еще с отсутствием барельефа, как эвклидовские представления совпадают с появлением греческого рельефа, и как алгебра арабов является как идея неразрывности и эволюционного перехода от элемента к элементу, встречается с идеей

⁴⁷ Подробнее об отношении Андрея Белого к воззрениям Шпенглера см. в его статье «Основы моего мировоззрения», датированной 10 октября 1922 г. (Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 13–37; публ. и прим. Л. А. Сугай), а также в предисловии Л. А. Сугай «Андрей Белый против Освальда Шпенглера» (Там же. С. 10–12). Петроградская Вольфила посвятила «Закату Европы» одно из своих субботних (клубных) заседаний в июне 1921 г.

мелкой, бисерной мозаики и арабесочного стиля и далее как идея дифференциального исчисления бесконечно малых элементов пересекается с барокко, то именно на этих исканиях у такого философа культуры, как Шпенглер, мысль о том, что чтобы понять культуру, надо во всех возможных отношениях проводит<ь> линии по всему кругу цепи, в сферы входящих в цели по стольким направлениям, сколько можно сделать положений и сочетаний из элементов, складывающих целоеорганизм в самом круге. И если стать с этой точки зрения, сколькими же <пропуск в тексте для одного слова. — В. Б.> в культуре не написаны? Но написано столько, сколько можно представить себе конфигураций индивидуумов, где, например, зодчество сопоставляется со всем кругом других культурных элементов и только в связи и в соединении всего ощущает себя культура.

Вот в таком смысле культура есть *со* всех знаний. И в жизни этого *со*, того, что тов. Новомирский назвал мудростью, которая, если бы раскрепостить нас от внешне <пропуск в тексте для одного слова. — В. Б.> форм, выявилась бы на поверхность, вот это конкретно себя проявившее многомыслие, мудрость, она и была бы культурой, как сознание взлетов. Но жизнь этого *со* знания определяла бы себя как организм, как индивидуум, как то самое, которое на языке философии Индии было духом, ибо самая органическая природа есть Атман, а Атман есть дух.

Стало быть в само сознании культуры предполагается соединение распавшихся форм в *со* и жизни этого *со* как *само*. И тогда мы имеем вместо самосознания *само* в его древнем виде как Атман, *со* в его древнем виде как любовь или Будхи и знание в его древнем виде как Манас, три стадии духа, Атман, Будхи и Манас, которые есть не что иное, как культура, самосознание человечества, ставшего человеком.

Вот то, что могло быть прежде мыслимо как культура, но не прежде эта культура конкретного духа восстанет, чем рухнут все разламывающие этого огромного духа формы и потому-то, живя в период разлома форм, страдая индивидуально, в лично-замкнутой жизни, под обломками падающего здания государственной и частновладельческой квартирной, т. е. себя замыкающей культуры, под обломками этого государственного здания мы должны радоваться, что тут имен<но...>⁴⁸

⁴⁸ Машинописный текст обрывается.

Первое открытое заседание Московского Отделения Вольфила 15 октября

под председательством
Б. Бугаева и С. Д. Мстиславского

Заслушаны речи А. Белого, С. Д. Мстиславского, Я. И. Новомирского, М. П. Столярова о целях и методах работы М<осковского> О<тделения> Вольфила и заявление М. П. Кагана о несогласии с декларацией вышеуказанных товарищей, в которых он усматривает полный разрыв со старыми традициями, неопределенность программы, нового рода «пафос» и нескромность, выразившаяся в принятии на себя слишком широких и ответственных задач; кроме того, он усматривает в некоторых выступлениях оскорбительное отношение к Кантианству, последователем которого он является.

Заслушан доклад А. Белого «Достоевский и кризис культуры». В беседе по докладу приняли участие М. И. Каган, т. Анисимова, С. М. Соловьев, Я. И. Новомирский. За поздним вечером (1 ч. ночи) беседа прекращена. После заключительного слова А. Белого заседание закрывается кратким прощальным словом С. Д. Мстиславского от имени М<осковского> О<тделения> Вольфила по поводу отъезда за границу председателя Вольфила Б. Н. Бугаева⁴⁹.

6ое заседание Совета М<осковского> О<тделения> Вольфила

17 октября.

Присутствовали: Б. Н. Бугаев, М. П. Столяров, Г. Г. Шпет, Я. И. Новомирский, С. Д. Мстиславский, В. А. Нилендер, С. М. Соловьев.

Председествовал: Б. Н. Бугаев.

Слушали:

1. Сообщение Я. И. Новомирского о сделанном ему, в недопустимо грубой форме, протесте И. З. Штейнбергом против созыва открытого заседания М<осковского> О<тделения> Вольфила

Постановили:

Дать И. З. Штейнбергу официальную справку о праве Совета самостоятельно созывать открытые заседания М<осковского> О<тделения> В. Ф. А.

⁴⁹ Андрей Белый выехал из Москвы в Берлин 20 октября 1921 г.

без предварительного обсуждения этого вопроса в собрании действительных членов.

2. Утверждение новых действительных членов, из числа предложенных на предшествующем заседании кандидатов.

3. О порядке дальнейших работ.

Утвердить: профессоров Вышеславцева, Бачинского, Борового, Степуна, Рачинского⁵⁰. Внести дополнительно в список кандидатов: А. С. Петровского⁵¹, Б. Пастернака⁵², Грифцова⁵³, Сизова⁵⁴, Трапезникова⁵⁵, Муратова⁵⁶, Флоренского⁵⁷.

Ближайшее открытое заседание устроить не ранее, как через две недели докладом С. М. Соловьева: Идея искупления у Достоевского. До этого времени провести два закрытых заседания действительных членов и кандидатов в члены, поставив в повестку первого заседания обмен мнений на тему «Что есть Вольфила?».

На открытых заседаниях продолжить цикл Достоевского, включив в него, кроме доклада С. Соловьева, доклады М. Столярова: Достоевский как мистик, С. Мстиславского: Россия и бесы. Ближайшее закрытое заседание назначить на субботу, 22 октября, в помещении «Союза писателей» (Дом Герцена) в 8 час. вечера.

⁵⁰ Григорий Алексеевич Рачинский (1859—1939) — философ, переводчик; председатель московского Религиозно-философского общества.

⁵¹ Алексей Сергеевич Петровский (1881—1958) — библиотечный работник, коллекционер, антропософ.

⁵² Борис Леонидович Пастернак (1890—1960) — поэт, прозаик, переводчик.

⁵³ Борис Александрович Грифцов (1885—1950) — искусствовед, литературовед, переводчик.

⁵⁴ Михаил Иванович Сизов (1884—1956) — физиолог, критик, переводчик, антропософ.

⁵⁵ Трифон Георгиевич Трапезников (1882—1926) — искусствовед, антропософ.

⁵⁶ Павел Павлович Муратов (1881—1950) — прозаик, искусствовед, переводчик.

⁵⁷ Павел Александрович Флоренский (1882—1937) — священник, философ.

Андрей Белый

Из статьи «Вольная философская ассоциация»⁵⁸

В сентябре 1921 года открылось отделение Вольной Философской Ассоциации в Москве (в состав Совета вошли: проф. Г. Г. Шпет, М. П. Столяров, С. Д. Мстиславский, Я. М. Новомирский, в состав действительных членов — Н. А. Бердяев⁵⁹, М. О. Гершензон, Б. П. Вышеславцев и др.)⁶⁰. Первое открытое заседание состоялось в начале октября 21 года беседой на тему о заданиях В.Ф.А. и лекцией Андрея Белого «Достоевский в кризисе сознания».

⁵⁸ Новая Русская книга. 1922. № 1. С. 33.

⁵⁹ Хотя в одном из сообщений берлинской «Новой русской книги» и появилась информация о том, что «Ник. Ал-дров. Бердяев живет в Москве (Большой Власьевский, 14, кв. 3), основал Вольную Академию Духовной Культуры, преобразованную ныне в Московское отделение «Вольфила» (Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922 гг. // Новая русская книга. 1922. Март. № 3. С. 34), об идейной «несовместимости» Вольфила и «Вольной академии духовной культуры» Андрей Белый сообщал А. А. Тургеневой в своем письме от 11 ноября 1921 г.: «Последние дни в России в спешке выезда сорганизовал в Москве отделение «Вольной Философской Ассоциации» и провел первое заседание. Меня выбрали бессменным председателем Московского и Петербургского отделения, хотя я и уезжаю за границу. <...> В Совете Московской Вольно-Фил. Асс. я (председатель), Столяров (пом. председателя), Шпетт (пом. председателя), Новомирский (ученый секретарь). Среди действит. членов — Гершензон, Бердяев, Вышеславцев, Степун, Кандинский и др. У Бердяева есть еще другое О-во, председателем которого он состоит: «Академия духовной культуры» (но «Вольфила» и «Академия» — суть братские антиподы и конкуренты: «Вольфила» — нового духа, «Академия» — старого). Дух Dreigliederung <тройное разделение — нем.> — дух «Вольфила»» (Воздушные пути: Альманах. Вып. V. — Нью-Йорк, 1967. С. 309).

⁶⁰ В список действительных членов были включены: Р. В. Иванов-Разумник, Г. Г. Шпет, С. Д. Мстиславский, М. П. Столяров, Я. И. Новомирский, Н. А. Бердяев, М. О. Гершензон, М. И. Каган, С. М. Соловьев, В. А. Нилендер, И. З. Штейнберг, А. А. Шрейдер, Б. Н. Бугаев, Вышеславцев, Бачинский, Боровой, Степун, Н. А. Брызгалов, Д. С. Недович, И. С. Рукавишников, В. О. Анисимова (Станкевич), П. Н. Васильев, Франк, Г. П. Поляков, Н. В. Богоявленский, Сабансеев, В. Э. Мейерхольд, Б. Б. Красин, В. М. Викентьев, Г. А. Рачинский; в список кандидатов в действительные члены: А. С. Петровский, Кузнецов, Б. Пастернак, Я. Э. Голосовкер, Кандинский, С. А. Есенин, М. И. Сизов, Т. Г. Трапезников, Б. А. Грифцов, П. П. Муратов, П. А. Флоренский, П. А. Кузько (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 18–19 об.).

Протокол

1-го Общего (закрытого) заседания действительных членов
Моск<овской> Вольфилы

22 октября 1921 г., в «Доме Герцена»⁶¹

Присутствовали: члены Совета: Шпет, Столяров, Мстиславский, Новомирский, действ<ительные> члены: Нилендер, Каган, Штейнберг, Шрейдер, Степун, приглашенные: Анисимова⁶², Васильев⁶³, Кузько⁶⁴.

Председат<ельствовал>: М. П. Столяров.

Ввиду того, что к 8½ часам собрались всего шесть действительных членов Вольфилы, из коих четыре — члены Совета, и выяснилось, что на присутствие большего количества членов рассчитывать трудно, т. к. повестки на заседание не могли быть своевременно разосланы, собрание решает начать работу, заменив общее собрание членов — открытым заседанием Совета.

I. Устанавливается следующий порядок дня:

- 1) обмен мнений о первом открытом заседании Вольфилы 15 октября;
- 2) о ближайшем закрытом заседании;
- 3) о ближайшем открытом заседании;
- 4) о техническом секретариате;
- 5) о помещении для закрытых заседаниях и оплате его.

II. Заслушан и утвержден протокол предшествовавшего заседания Совета.

III. По пункту I порядка дня — И. З. Штейнберг и М. И. Каган отмечают выявившуюся, по их мнению, на первом заседании односторонность программных выступлений, объясняя это неучастием действ<ительных> членов в подготовке первого открытого собрания. Я. И. Новомирский, в связи с заявлениями И. З. Штейнберга, употребившего в своей речи выражения «мы» и «группа», усматривает в этом привлечение в Вольфилу партийного элемента, против чего он резко протестует, выдвигая предложение о недопущении в Вольфилу партийных людей вообще. По поднятому т. Новомирским вопросу вы-

⁶¹ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 35.

⁶² Вера Оскаровна Станевич (в замуж. Анисимова; 1890—1967) — критик, поэтесса, антропософ.

⁶³ Павел Николаевич Васильев (1885—1876) — врач, антропософ.

⁶⁴ Петр Авдеевич Кузько (1884—1968) — журналист, литературный критик.

сказываются последовательно: *Мстиславский, Каган, Шпет, Столяров*, — устанавливающие, что основным принципом Вольфилы является абсолютное отсутствие связи с какими бы то ни было партиями или политическими группами — Вольфила есть ассоциация отдельных лиц, а отнюдь не группа, притом обязательным признаком этих лиц является полная внутренняя их свобода — политикам в Вольфиле решительно нечего делать, т. к. самый подход к решению вопросов, выдвигаемых современностью в Вольфиле — как ассоциации философской — совершенно несовместим с подходом политическим. Тем самым вопрос о партийности отпадает сам собой.

IV. Ввиду прибытия на заседание еще трех действ<ительных> членов, — собрание переходит к беседе по вопросу, стоявшему на повестке общего собрания: «Что есть Вольфила». В беседе приняли участие: Г. Г. Шпет, М. И. Каган, Шрейдер, Новомировский, Столяров. За поздним временем продолжение беседы перенесено на следующее заседание, причем М. И. Кагану, обнаружившему наибольшее расхождение с положениями, выдвинутыми Г. Г. Шпетом, речь которого послужила введением в беседу (гл<авным> обр<азом> по тезису: «философия начинается там, где кончается жизнь»), — предоставлено будет первое слово, для вступительного доклада на тему: Монашество и жизнь. Следующие слова, в порядке записи, будут предоставлены: И. З. Штейнбергу, Ф. А. Степуну, Я. И. Новомирскому.

V. Очередное закрытое собрание назначается на субботу, 29 октября, в 8 часов вечера, в доме Герцена.

VI. По вопросу о ближайшем открытом заседании — собрание принимает к сведению сообщение Совета о том, что темой его будет доклад С. М. Соловьева: Идея искупления у Достоевского.

М. И. Каган предлагает прочесть доклад — в том же цикле о Достоевском на тему: Достоевский в русской художественной прозе.

VII. По пункту 4^{му} порядка дня — Секретариат Вольфилы пополняется В. О. Нилендером и С. П. Мстиславской.

VIII. По пункту 5^{му} — об оплате помещения в Доме Герцена, — общее собрание признает необходимым участвовать в оплате, в размере, выяснение которого поручается Г. Г. Шпету как члену Советов обоих заинтересованных в данном вопросе учреждений.

Объявление⁶⁵

В субботу 29 Октября 1921 г. в 8 час. вечера состоится 2-е (закрыт<ое>) собрание действит<ельных> членов Вольной Философской Ассоциации (Вольфила) в «доме Герцена» Тверск<ой> Бульвар № 26 (где «Союз Писателей»).

Порядок дня:

1) Продолжение беседы «Что есть Вольфила?». Вступит<ельное> слово М. И. Кагана⁶⁶.

2) О плане дальнейшей работы.

3) Текущие дела.

<Протокол заседания Совета>⁶⁷

1 ноября.

Совет.

Новомирский, Столяров, Мстисл<авский>.

Слушали:

Порядок дня: О цикле Дост<оевского>. О составе Вольфилы.

Постановили:

Нов<омирский>. Необходимо 5го выпустить Солов<ьева>, в 12го – коренного Вольфильца – Столярова.

Мст<иславский>. Выбор темы характер<изует> устраивающее учреждение.

Стол<яров>. Солнце Каны 12го.

Мст<иславский>. Охватывающего Дост<оевского> в целом.

Принято. Солнце Каны 12го.

Мст<иславский>. Каган – отказался докладывать.

Г. Г. <Шпет>, Мст<иславский>, Голосовкер.

Чтобы выпустить афишу.

Новом<ирский>. Достоевский – Путь к античности.

Г. Г. <Шпет> на 19 – точное название.

Мст<иславский> на 26ое Россия и бесы.

Новом<ирский> – 4 декабря.

Голосовкер – афиша, не включать.

Союз писателей.

Афиша.

Чистка партии.

⁶⁵ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 24.

⁶⁶ Черновую запись прений см.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 25–29.

⁶⁷ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 36. Черновая запись.

Новом<ирский>. Основная задача создать угол, в кот<ором> творить и мыслить свободно. Друг друга слушать поучиться друг у друга. Учитель и ученик слушают и учатся как древняя академия. По-иному мыслят, тон<альность> мысли одинаковая. Закрытых собраний не устраивать. Совет сговаривается сам насчет докладов.

Стол<яров>. Перешел на непримиримую позицию. По духу далека от Вольфины. Абсентеизм действ<ительных> членов. Кассируем выборы и даем знать в Петроград.

Мст<иславский>. Закрытые заседания не дают основания Совету поговорить о составе. Этнос Штейнб<ерга> – чужой по духу. Каган. Сам не идет, но боится обостренных отношений. Мы можем офиц<иально> считать, что он не принял. Но распускать всю Вольфилу – имеем ли право? Другие грешат абсентеизмом. Под подозрением – Каган, Штейнб<ерг>. Еще?

Столяр<ов>. Насчет Г. Г. <Шпета>. Он спортивно разминает мускулу. Но есть академические замашки, кот<орые> выветрятся.

Мстиславский. Определенное место в Вольфиле. Но коренным духом Вольфины не обладает.

Поговорить с Г. Г. <Шпетом>. – Ввиду выяснивш<егося> на открыт<ом> заседа<нии> отсутствия духа Вольфины не считать Штейнб<ерга> действ<ительным> членом Вольфины.

Принимая заявление Кагана, не считать его офиц<иально> дейст<вительным> членом.

<М. П. Столяров>

Солнце Каны⁶⁸

Достоевский – философия в движении. «Братья Карамазовы» как основное его слово и прототип, заложенный в предшествующих его произведениях. «Бр<атя> Карамазовы» как раскрытие мира сознания. Двойная лестница: Фед<ор> Павл<ович>, Алеша, Дм<итрий> Ф<едорович>, Иван, Смердяков (неприятие); Ф<едор> П<авлович>, Алеша, Дм<итрий> Ф<едорович>, Иван, Зосима (приятие). Заходящее солнце и целование земли. Инквизитор и приживальщик. Сны – видения Алеши, Дмитрия, Ивана. Солнце Каны.

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 54. Выступление М. П. Столярова (2-е открытое собрание Московского отделения ВФА) состоялось в субботу, 12 ноября, в 8 час. вечера, в помещении Лито по адресу: Волхонка, 14. Объявление о заседании см.: РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 37.

Алофеоз механизма⁶⁹

(Современная <речь?> прот<ив> религии, мистики
и антропософии)

Тезисы к докладу Н. А. Полянского

1. Истинный прогрессивный путь человека в мире — путь материального творчества (производственно-технического преобразования мира).

2. Научное знание и все интеллектуальное производство суть средства техники.

3. Современное научное знание, имеющее в основе эфирно-материальную или электронно-атомистическую-молекулярную теорию космических сил, стоит перед решением очередной и величайшей проблемы — проблемы «четвертой стихии». Мир психологии как проблема творческой личности, личности как <1 строка нрзб.> как механика — миростроительства.

4. Эволюция науки как творческого деяния идет по верному пути — от эмпирической техники через системы религии, философии и науки к технике творческой (искусству жизни).

5. Главнейший достигаемый этап развития науки — от естественно-научного взгляда на историю человека к историческому взгляду на природу и от признания единства мира человека и природы к утверждению творческой роли человека в мире (от познания бытия к творчеству бытия, от теории механики мира природы — к теории механика — строителя мира культуры).

6. Теория эволюционной науки лишь основа теории космического творчества природы и технического творчества человека, т. е. основа современного механического диалектическо-материалистического или творческого мировоззрения.

7. К проблеме творчества и творческой личности (которую тоже недостаточно «открывать», а надо творить — изобретать, «преодолевая биологического человека») нет иного пути, помимо современной, не только эволюционной, но и технической науки, ибо иные — это старые и уже бесплодные пути религии и метафизики с их тщетными обновлениями «мистикой» и «софией», с их методами раскрытия «истин» и «тайн» природы (материи) и человека (духа) или самоуглубления и созерцания, в то время как методы познания уже не столь раскрытие форм стихийных, старых сочетаний элементов мира

⁶⁹ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 55.

(сущего), сколь изобретение сочетаний искусственных, новых (мира *лучшего*), не самоуглубления, а самоизменения, не созерцания, а действия — изменения природы для изменения себя.

8. Современное знание хочет стать универсальной физикой (космологией) с ее завершением универсальной техникой (жизнью творчества) и орудием борьбы с исконными врагами человека-изобретателя, творческой личности внутри его — инстинктом, привычкой и подражанием, и вне его — авторитаризмом, фетишизмом и рутинной. Знание хочет стать творчеством, имея религию — без Бога, философию — без «духа», науку — без «природы» и себя — без «истории».

Литературная Хроника⁷⁰

— В вольной философской ассоциации начался доклад о Достоевском. Прошли доклады А. Белого «Достоевский и конец культуры» и М. П. Столяров «Солнце Каны (принятие мира у Достоевского)». Предстоят доклады С. М. Соловьева «Идея искушения у Достоевского», С. Мстиславского «Россия и бесы».

Тезисы⁷¹

к докладу Л. Р. Дунаевского «Бог, душа и бессмертие в понимании трудящихся» (Революция в философии)

1. Вместо предисловия.

Определение философии. Обновление интеллигенции — оправдание мира.

2. Сущность идеологии.

Личное и коллективное сознание. Чистое знание. Вероятное мнение. Установка сознания как выявление коллективного или индивидуального чаяния. Генезис, обстояние, осуществление.

3. Марксистская интерпретация идеологии и генетический метод в философии.

Наука и рабочий класс в истолковании А. Богданова и англоамериканский прагматизм как философия действия. Реформа науки, проектированная П. Блонским. Диалектический метод и реальная диалектика. Исторический материализм в роли агитатора среди рабочих.

⁷⁰ Новый мир. 1921. 4 декабря. № 259. С. 7.

⁷¹ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 39. На документе помета: «25.XII.21».

4. Дуализм интеллигентского мироотношения и его почва в Кантианстве.

Лирический комментарий к Канту.

5. Биографический метод в философии — теоретико-познавательное оправдание солнечного света.

Живая личность в диалоге. Средний человек и его теория познания. Единство, его обретение и созидание.

[6. Идеология трудящихся и задача чистой интеллигенции.

Политический расцвет марксизма и симптомы намечающегося в нем кризиса. («экономика» у Н. Бухарина, измена ортодоксии у А. Богданова, «Новая биология» Э. Екчмена). Политический кризис народничества и его идеологическое торжество. «Пролетарская», «духовная» или «гуманистическая» культура. Понятие чистой интеллигенции. Логократия и партия мудрых. Отмирание государства как реальная проблема.]⁷²

6. Возможность конкретного мирозерцания.

Возможность и действительность. Панлогизм или панкардизм? Мировой ужас и мировая любовь. Теория внешних отношений. Понятие интуиции и категорического о ней высказывания.

7. Нет души как второго тела, есть живая личность.

Тело, душа, дух. Теория души у А. Богданова. Интроспекция и учение <о> неконкретных элементах мышления. Мир обстояния. Абстрактная духовность и конкретная наглядность. Понятие «точки зрения», возможной для всякого в освобожденном коллективе.

8. Коллектив, побеждающий природу, есть единственное понятное для всех божество.

Понятие божеского и человеческого. Земля, солнце, вселенная и человечество — как претенденты на последнее поклонение. Коллектив мнимый и коллектив действительный. Смысл обновленного Коллектива в полном освобождении личности.

9. Память в человеческом роде как реальное бессмертие.

Жизнь, старость, страх смерти. Теория И. Мечникова. Героизм разумного делания своей жизни — высшее доступное человеку искусство. Религия — искусство создающихся форм.

10. Учение биокосмистов. Здоровое зерно в учении. Заблуждения биокосмистов.

11. Вместо заключения.

Понятие о пафосе и понятие о колоколе.
25/XII 1921 г.

⁷² Заключенный в квадратные скобки пункт зачеркнут.

Вольная Философская Ассоциация⁷³

Во вторник, 27 декабря 1921 г., в помещении гимназии **Чеховой** (Гагаринский пер., 19, угол Старо-Конюшенного, во дворе) в 8 часов вечера состоится

Доклад **Н. Г. Машковцева**⁷⁴ Жизнь человека (Проблема биографии).

После доклада — беседа.

«Вольфила»⁷⁵

«Вольфила» — Вольная Философская Ассоциация. Организация, избравшая себе это наименование, возникла в первые послереволюционные годы в Петрограде; она образовалась из постепенно расширявшегося кружка, собравшегося вокруг четырех зачинателей — учредителей Вольфилы (они же составили ее совет). То были: Андрей Белый (председатель), историк литературы Иванов-Разумник, теоретик искусства Эрберг и петроградский философ Штейнберг. Вольфила — это не программа, даже не мировоззрение; наоборот: предполагает она взаимное противоположение, пересечение и борьбу мировоззрений. Она — импульс: к углублению совершившейся (и все еще совершающейся) революции в измерении духа: к духовной революции, которая приведет к освобождению человека на всех путях его духовного творчества и к новому воплощению достижений этого освобожденного творчества, — к новой культуре. В этом смысле Вольфила стоит под знаком всеобъемлющего кризиса современной культуры и чаяний культуры новой: культуры свободы.

«Философская» она, ибо стремится охватить и осознать все многообразие устремлений современной культуры к грядущему. «Вольная» — ибо вмещает в свой кругозор философию не только ученого трактата, но и — философию афоризма, стихотворения, исповеди — всю ту, часто невысказанную, философию культуры, которая заложена в каждом акте конкретного культурного осуществления. Наконец,

⁷³ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 497. Л. 40. Рукописное объявление.

⁷⁴ Николай Георгиевич Машковцев (1887–1962) — искусствовед, хранитель Государственной Третьяковской галереи.

⁷⁵ Печатается по изд.: Жизнь. 1922. № 1. С. 174–175. Текст первых двух абзацев принадлежит Андрею Белому и, вероятно, представляет собой извлечение из его речи на первом открытом заседании Московского отделения ВФА 15 октября о целях и методах работы Вольфилы.

«Ассоциация» она (не «ученое общество»), ибо ее задание: организационное сплочение всех тех, кто ищет такой «вольной» философской работы и общения, снимающего грань между «лектором» и «аудиторией».

Недавно отделение Вольфилы организовалось и в Москве. В совет московского отделения вошли: Андрей Белый (председатель), Г. Шпет, С. Мстиславский, М. Столяров. Уже состоялся ряд открытых заседаний; на них, как введения к беседе, были прочитаны следующие доклады: Андрея Белого — Достоевский и кризис сознания; М. Столярова — Солнце Каны (Идея приятия мира у Достоевского); Я. Голосовкера — Секрет черта (Достоевский и антиномии Канта)⁷⁶; С. Соловьева — Идея искупления у Достоевского; С. Мстиславского — Россия и бесы; М. Сизова — Материализм и человек; Н. Машковцева — Жизнь человека (проблемы биографии); Я. Голосовкера — Житие и откровение Заратустры; А. Солоновича⁷⁷ — Анархизм религии; Н. Полянского — Апофеоз механизма. Следующими намечены доклады: М. Кагана — Личность в социологии; М. Столярова — Перводвигатель истории; К. Локса⁷⁸ — Поэзия и творческое сознание; И. Дегтяревского⁷⁹ — Внутренний пейзаж творчества Гоголя и др.

Намечен также ряд литературных вечеров: вечер пролетарских поэтов-космистов⁸⁰, вечер немецкого поэта Хр. Моргенштерна⁸¹, вечер поэта Ю. Анисимова⁸² и вечера, посвященные памяти: Короленко, Т. А. Гофмана, Флобера, Э. По.

⁷⁶ См.: Я. Э. Голосовкер. Достоевский и Кант: Размышления читателя над романом «Братья Карамазовы» и трактатом Канта «Критика чистого разума». — М., 1963.

⁷⁷ Алексей Александрович Солонович (1887—1937) — доцент Московского высшего технического училища, анархоистик.

⁷⁸ Константин Григорьевич Локс (1889—1956) — критик.

⁷⁹ Иван Моисеевич Дегтяревский — организатор Пушкинского семинара в Москве под руководством Вяч. Иванова (сообщил А. В. Лавров).

⁸⁰ Речь идет о поэтическом направлении (1918—1924), связанном с творчеством поэтов Пролеткульта — М. Герасимова, В. Кириллова, В. Александровского, В. Казина, И. Садофьева, А. Крайского и др.

⁸¹ Христиан Моргенштерн (1871—1914) — немецкий поэт, антропософ.

⁸² Юлиан Павлович Анисимов (1886—1940) — поэт, искусствовед, антропософ.

Хроника искусств⁸³

– **Памяти А. Блока.** Завтра, в годовщину смерти Александра Блока, Вольная философская ассоциация (Вольфила), членом-учредителем и членом совета которой он был, устраивает открытое собрание, посвященное памяти покойного. Программа: «Смерть Блока» – доклады С. Д. Мстиславского, С. Д. Кржижановского⁸⁴ и М. П. Столярова; воспоминания о Блоке – С. М. Соловьева; неизданные письма Блока. Заседание состоится в помещ. 3-й студии МХТ (Арбат, 26). Начало в 8 час.

Хроника искусств⁸⁵**Повторение вечера памяти А. Блока**

Сегодня, в 8 часов вечера, в помещении 3 студии МХТ (Арбат, 26) состоится повторение открытого заседания вольной философской ассоциации (Вольфила), посвященного памяти А. Блока. Программа: Смерть Блока – доклады С. Д. Мстиславского, С. Д. Кржижановского, М. П. Столярова; воспоминания о Блоке – С. М. Соловьева; неизданные письма Блока (А. Белому).

Лица, не попавшие на прошлое заседание, в виду чрезвычайного переполнения зала, и записавшиеся на второе заседание, получат билеты до 8 час. веч.; с 8 часов билеты поступают в общую продажу.

Из «Объяснительной» записки» С. Д. Мстиславского по поводу организации журнала «Основы» в 1922 г.⁸⁶

Намечено было издание ряда книг и ежемесячного журнала – литературного и общественно-политического, над заглавием которого пришлось немало поломать голову. В конце концов остановились на заглавии «Основы»: ибо задачей журнала должно было явиться, в соответствии с задачами строительства, выдвинувшимися на первый план по окончании гражданской войны, – закладывать «основы» новой социалистической культуры. Для меня, как редактора, про-

⁸³ Известия ВЦИК. 1922. 6 августа. № 175. С. 5.

⁸⁴ Сигизмунд Доминикович Кржижановский (1887–1950) – прозаик.

⁸⁵ Известия ВЦИК. 1922. 12 августа. № 180. С. 5.

⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 1. № 271. Л. 2–5. «Объяснительная записка» приблизительно датируется 1940 г.

грамма журнала определялась той линией, которую я пытался проводить в Московской Вольной Философской Ассоциации. В силу этого уже на первых порах организации журнала, около него разгорелась та же борьба представителей диаметрально противоположных идеологий, которая характеризовала Московскую Вольфилу. Правда, она проявлялась в менее резких формах, поскольку я являлся единоличным редактором и на программе и содержании журнала отразиться не могла.

За два года работы на Украине (1919–1921) я совершенно оторвался от литературных кругов — не только Ленинграда, откуда уехал еще в начале 1918 г., но и Москвы. Я обратился, поэтому, в первую очередь, к старым сотрудникам «Скифов» и «Заветов». Из них — М. М. Пришвин обещал давать очерки — «По градам и весям», по «Заветскому образцу»⁸⁷. Замятин обещал прислать новый свой роман «Мы». О. Д. Форш обещала ежемесячное сотрудничество. При посредстве Иванова-Разумника удалось закрепить за журналом переписку Блока с Белым, ряд неизданных произведений Ин. Анненского, Хлебникова и Гуро. Из молодых — удалось привлечь Антокольского, Пастернака, Данько. Леонид Леонов принес первые свои рассказы («Петушихинский пролом», «Королева» и др.), которые и были приобретены редакцией: так состоялось наше знакомство, не приведшее, однако, к сближению. Определялось это не столько идеологическими расхождениями, — наличие которых не исключило возможности принять его, несомненно, талантливые рукописи, но, главным образом, весьма вредным с моей точки зрения окружением, которое появилось у него с первых литературных шагов: окружение, кружившее ему голову неистовыми похвалами и неизменно эскортировавшее его — особенно при деловых переговорах, весьма активно вмешивалось в них — «отстаивая интересы автора» и в отношении дальнейшей работы над рукописями, принятыми редакцией, и в отношении гонорара.

Если прибавить имена: С. Кржижановского (Frater Tertius), Т. Игумновой, Е. Книпович — список «молодых», привлеченных на первых порах, будет исчерпан.

«Самотек» был довольно велик, но ни одной заслуживающей внимания рукописи не принес. Запомнились два резких столкновения с авторами возвращенных стихов: О. Мандельштамом, возмущившимся уже самим фактом критики его произведений («Я продаю

⁸⁷ Речь идет о постоянном отделе М. Пришвина, который он вел в левонародническом журнале «Заветы» (1912–1914).

свои стихи в запечатанных конвертах») и Петровским⁸⁸ — уже в те годы проявлявшим тот же неистовый темперамент, которым отличается сейчас.

Ленинград занял по отношению к журналу «выжидательное положение»: Р. В. Иванов-Разумник, к которому я обратился с просьбой принять участие в журнале и помочь мобилизовать ленинградских литераторов, — рекомендовал ряд авторов — членов Петроградской Вольфилы (В. Гиппиус, Эрберг, Игорь Глебов), но от личного участия фактически уклонился. В ответе на мое извещение о зарождении журнала, он писал (20 марта 1922 г.): «Всячески готов содействовать и завтра же оглашу в Вольфиле о ряде Ваших предложений» (я писал о темах, на которые желательно было получить статьи. С. М.) «У себя по сусекам поскребу, по закромам помету, но заранее сознаюсь: на новое писание стал я очень туг»⁸⁹.

В письме от 21 августа он объясняет свое «уклонение» яснее: «ни-какого “скифского” журнала с отделом литературно-общественным, по нынешним дням себе не представляю. Ибо: мне прежде всего хотелось бы написать резкие статьи о Карсавине (“Восток, Запад и русская идея”, только что вышла эта его книга⁹⁰), о Бердяеве (“Кризис Ренессанса”, статья 1919 г., только что мною прочитанная⁹¹), о социологии Франка и т. п. — но как же скажешь все это о них, когда у них теперь и рот зажат, и руки связаны? А при таких обстоятельствах писать о “Серапионовых братьях”, современной поэзии и прочей дребедени — не могу и не хочу. Как же думаете Вы справиться со всеми этими — не идеологическими, а практическими трудностями».

⁸⁸ Речь идет о поэте Дмитрие Васильевиче Петровском (1892–1955).

⁸⁹ Цитируемые здесь и далее письма Иванова-Разумника в архиве Мстиславского не сохранились.

⁹⁰ Вероятно, Иванов-Разумник предполагал дать ответ Л. П. Карсавину на его полемический выпад по поводу содержания «русской идеи». Ср.: «...почему я должен верить поэтической интуиции Ал. Блока и его “Двенадцати” (даже без комментариев Иванова-Разумника), а не Н. А. Бердяеву или Вячеславу Иванову? <...> Поэты и публицисты — народ безответственный, мотивов своей интуиции изъяснять не склонный. Может быть, все это лишь субъективные мечты да “сонные мечтания”? И несогласуемость друг с другом разных анализов и прогнозов как будто подтверждает подобное предположение» (Л. П. Карсавин. Восток, Запад и русская идея. — Пб., 1922. С. 3–4).

⁹¹ Подразумевается статья «Конец Ренессанса (К современному кризису культуры)», которая была опубликована в сборнике «София: Проблемы духовной культуры и религиозной философии» (Берлин, 1923. С. 21–46). Какое издание имел в виду Иванов-Разумник, установить не удалось.

И, наконец, вполне определенно высказывается он в письме от 26 сентября, повторяя свои сомнения в осуществимости журнала, он пишет по вопросу о наших идеологических расхождениях. По отношению к концу 1917 года — «наши направления, я думаю, совершили оборот на 180°... Но раз мы тогда могли дружно работать, (несмотря на наличие расхождений и тогда), то отчего нельзя сделать это теперь?.. Ар<он> Зах<арович>⁹², в отчете о своих московских разговорах с Вами сообщил свою фразу Вам обо мне, что я-де с опасением отношусь к Вашей теперешней (в «Своем»⁹³ in spe⁹⁴) публицистике. Nego⁹⁵ — что касается «опасений», affigto⁹⁶ — что касается расхождений. Итак, дерлангенредескурцерзинн⁹⁷ — если хотите, попробуем, и чтобы доказать, что говорю не на ветер и не уклоняюсь от работы — одновременно с этим письмом посылаю заказной бандеролью целых две свои статейки (статей длинных уже 5 лет не пишу): «Нечто о ничем» (литературная)⁹⁸ и «28 февраля 1917 г.» (мемуарная)⁹⁹. Годятся или нет — Вам виднее»... «Я согласен работать только на том условии, чтобы Вы из двух моих статей резали минимально одну: не подходит-де и баста. Seriously говорю. А если окажется, что мы с Вами „публицистически“ расходимся не на 180°, а на 270° (много хуже — не одна прямая, а перпендикуляр: лебедь рвется в облака, рак пятится назад), тогда надо будет поговорить серьезно».

⁹² А. З. Штейнберг, философ, секретарь Петроградской Вольфилы, приехавший в Москву (*примеч. авт.*). В мемуарах Штейнберг подробно, хотя и с фактическими неточностями, рассказывает об этой поездке в Москву. См.: А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 96–101.

⁹³ «Свое и чужое» — публицистический отдел в будущем журнале (*примеч. авт.*).

⁹⁴ в будущем (*лат.*).

⁹⁵ отрицаю (*лат.*).

⁹⁶ утверждаю (*лат.*).

⁹⁷ Имеется в виду: der langen Rede kurzer Sinn — длинной речи краткий смысл (*нем.*).

⁹⁸ В архиве Иванова-Разумника сохранилась рукопись этой статьи под заглавием «XIII. Нечто о ничем. Much Ado About Nothing» (вероятно, как часть будущей работы), датированная сентябрем 1922 г., с позднейшей уточняющей надписью «Первый набросок „Взгляда и Нечто“». Опубликована нами в журнале «Литературное обозрение» (1993. № 1/2. С. 48–50). «Much Ado About Nothing» («Много шума из ничего») — название комедии Шекспира.

⁹⁹ Статья с подзаголовком «Страница из воспоминаний», датированная 1921 г., вошла в состав книги Иванова-Разумника «Перед грозой. 1916–1917 г.» (Пг., 1923. С. 131–136).

Я остановился на отношении Иванова-Разумника к журналу настолько подробно потому, что приведенные цитаты — характеризуют не только *его* тогдашний взгляд, но и взгляды значительной группы бывших «Скифов». В дальнейшем (весьма недалеко) выяснилось, что расхождение, действительно, не 180°, а 270° — и закончилось полным и резким разрывом.

Личная поездка моя в Ленинград дала мало результатов: ибо, хотя я сговорился с некоторыми «Серапионовыми братьями», получил от О. Форш статью о «Живой церкви» и т. д., но закрепить приобретенный материал не смог, т. к. еще по дороге в Ленинград у меня выкрали значительную (несколько сот миллионов) сумму денег — которую затем, не без труда, пришлось погашать.

Не ладились и московские дела. Замятинский роман, несмотря на революционное предисловие, произведшее на меня очень сильное впечатление, так как повторяло основную мысль моей юношеской (начала 1900^х годов) символической поэмы в прозе «Когда умерли грозы», — оказался откровенно контрреволюционным и был возвращен автору. Неприемлемыми для печати оказались и Пришвинские рассказы, и его статья «Свадьба», где он писал: «Страницы из „Капитала“ мне представляются теперь как пустыня, где нет ни цветов, ни женщин, но зато с неба на вас смотрят звезды, налитые кровью и где-то в стопудовых чугунных гирях собралось семя Авраамово», и, объявляя «отцом своей юности» Маркса, «отцом своего мужества» признавал В. Розанова, утверждая, что Розанов был гениален¹⁰⁰. Неприемлемыми оказались и три статьи, присланные Лундбергом из Берлина. Участие Андрея Белого отпало в связи с занятой им заграничной позицией.

Журнал т<аким> обр<азом> не налаживался. Не лучше обстояло и с заказом намеченных к изданию книг: при обсуждении тем с предполагавшимися авторами обнаруживались расхождения, заставлявшие вычеркивать книгу из плана. Так выпал сборник «Преображение революции», который я проектировал из статей моей, Белого и Иванова-Разумника. В начале 1923 года я убедился окончательно, что с журналом ничего не выйдет — не по тем причинам, о которых писал Иванов-Разумник, а по причинам чисто органического порядка. До революции — было мыслимо содружество «Скифов»: содружество «одиноких», объединяемых одним признаком — отрицанием старого

¹⁰⁰ Черновой вариант «Свадьбы» сохранился в дневниковой записи Пришвина от 21 декабря 1922 г. См.: М. М. Пришвин. Дневники. 1920–1922. С. 288–291.

режима, мещанской «культуры». Талант давал каждому такому «одинокому» собственное лицо, и это многообразие лиц лишь усиливало интенсивность и дружелюбность общения. *Тогда* — мыслимо было видеть на «Скифских вечерах» в нашей столовой, рядом — Сологуба и Есенина, Л. Андреева и Клюева, Пришвина и Белого, Ремизова и Веру Фигнер. В 1922 подбор по «скифскому признаку» был нелеп: «одинокчество» мыслилось только в формах «дурного одиночества», и люди, пять лет назад дружно сидевшие за одним столом — разошлись по разным дорогам, все дальше уходя друг от друга — даже по разные стороны баррикады.

Берлин. 1921–1922¹

Социокультурный феномен, получивший в истории русской общественности устойчивое название «Русский Берлин»², как известно, возник в результате вынужденной и добровольной эмиграции интеллигентов, принадлежавших к философской и литературно-художественной элите Петрограда и Москвы. Суть явления заключалась не столько в том, что столица Германии начала 1920-х годов заметно «обрусела», но прежде всего в едином стремлении русской колонии создать некий «параллельный» отечеству мир. Предполагалось, что и в этом новом хронотопе смогут реально заработать «филиалы» Вольной Философской Ассоциации и Дома Искусств — институты интеллектуального общения, сложившиеся в пореволюционные годы. Подобное «двойничество» объяснялось стремлением вольных и невольных эмигрантов упрочить связи с родиной и, вопреки дистанции, осознать пути развития ее истории, культуры, общественной и философской мысли. «Русский Берлин, — писал А. М. Ремизов, — если еще не превратился, то был накануне превращения в Афины <...> хлеста-

¹ Глава написана совместно с Е. Обатниной. В сокращенном виде материал опубликован в журнале «Вопросы философии» (1997. № 7. С. 141–155).

² См.: Русский Берлин. 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гугеровском институте / Под ред. Л. Флейшмана, Р. Хьюз и О. Раевской-Хьюз. — Париж, 1983.

ковскими курьерами летали из России в Берлин и из Берлина в Россию художники, писатели, ученые и музыканты. <...> инфляционный Берлин, связанный с живой Россией и по свежим воспоминаниям, выехавших за границу и по общению с приезжающими из России, был столицей...»³

Инициативу создания берлинского отделения Вольфи-лы взяли на себя Е. Г. Лундберг и А. А. Шрейдер. В сентябре 1920 года они организовали в столице Германии левонародническое издательство «Скифы», самым наименованием которого подчеркивалась связь с одноименными альманахами и «скифским» духовным максимализмом⁴. В течение первого года своего существования издательство выпустило ряд произведений Андрея Белого, А. Блока, Иванова-Разумника, Конст. Эрберга, А. М. Ремизова, С. Есенина, Н. Клюева. Его руководители даже намеревались сделать «Скифов» «комиссионным издательством» Петроградской Вольфи-лы. Хотя этому намерению не суждено было реализоваться, ко времени возникновения берлинского отделения эмиграция могла составить общее впечатление об идеологическом векторе Вольфи-лы по публикациям берлинского журнала «Знамя», который также выходил в издательстве «Скифы». Рецензируя издание, Б. Шлецер писал: «В сущности тема всех их статей одна: революция. Одно настроение пронизывает эти статьи: я бы назвал его “катастрофизмом”. Отмечены они одной общей чертой — потерей чувства действитель-

³ А. Ремизов. Учитель музыки. Каторжная идиллия / Подг. текста, вступ. ст. и прим. А. д'Амелия. — Paris, 1983. С. 358.

⁴ Инициатором названия был, очевидно, А. А. Шрейдер. Ср. с письмом Е. Г. Лундберга к С. Д. Мстиславскому от 25 февраля <1923 г.> из Берлина: «Основал издат<ельство,> кот<орое> было названо — «Скифы». С себя я снимаю ответственность за исполъз<ование> этого имени и марки — я считал это не вполне удобным и предлагал нейтральное — не партийное и не скифское» (РГАЛИ. Ф. 306. Оп. 8. № 369. Л. 14).

ных соотношений и пропорций, истинной перспективы, правильных масштабов. И в “Крушении гуманизма”, Ал. Блока, и в статье Андрея Белого — “Прыжок в царство свободы” и “Учитель Сознания (Лев Толстой)” <...>, и в докладе К. Эрберга “О догматах и ересь в искусстве” — таится или трепетно бьется это чувство кризиса, чувство гибели, провала старого мира, ощущение уходящей из-под ног почвы, разверзающейся пропасти и ожидания, предчувствия зарождения иного мира, нового цветения бытия. Мысль их заворожена революцией. Все вещи, как будто, они мыслят в категориях катастрофы, кризиса, бури. Все вещи для них сдвинулись с места, сорвались с устоев, разрушаются. Живо это сознание и среди нас, на западе, но, конечно, не в столь резко обостренной, до наивности почти упрощенной форме»⁵. Позиция рецензента отразила точку зрения «прозападно» настроенной части русской эмиграции, для которой сознательная или бессознательная оторванность и изолированность русской интеллигенции «от старой Европы» неизбежно вела к провинциализму, а следовательно, к переоценке своего, местного, национального.

Казалось, уже само появление поздней осенью 1921 года в столице Германии председателя Вольфилы должно было бы подтвердить или опровергнуть эти, отчасти справедливые, отчасти предвзятые, идеологические оценки. Андрей Белый прибыл в Берлин 18 ноября, а спустя неделю с небольшим в одном из столичных кафе состоялось учредительное заседание отделения Вольной Философской Ассоциации. На этом собрании присутствовала значительная часть культурной элиты русской диаспоры, однако в своем большинстве это были случайные люди — и

⁵ Б. Шлецер. [Рец.] «Знамя». Временник литературы и политики. Под редакцией А. Шрейдера. — Берлин. 1921. № 1, 2 // Современные записки. VII. 1921. 5 октября. С. 403.

по отношению друг к другу, и, тем более, касательно тех общих задач, которые решала в Петрограде ВФА. Позже Андрей Белый назовет этот период своей жизни «берлинским обмороком». Оценивая душевное состояние как острую личную и мировоззренческую драму, он напишет: «...я еще должен был 1) зарабатывать хлеб, 2) вести журнал, 3) написать три тома "*Начала века*", 4) организовывать отделение "*В.ф.а.*", 5) организовывать "*Дом искусства*". Все это проделывал я в сплошном бреде; все это способствовало не выздоровлению, но — углублению болезни»⁶.

Вольная Философская Ассоциация ставила своей основной целью исследование различных аспектов постреволюционного индивидуального и общественного сознания. Результатом познания и творческого опыта должна была стать новая ментальность. Но инициаторы берлинского отделения предстали по отношению друг к другу атомарными составляющими: их индивидуальные знания «не желали» соединяться в «со-знание», не могло возникнуть и общее эмигрантское самосознание. Вскоре стало очевидным, если петроградское отделение Вольфилов действительно сложилось «товариществом вольнодумцев», объединившихся в искании новых путей для России, то замысел построить такое сообщество вне отечества столкнулся с массой внутренних и внешних препятствий. Действительность с ее политической неопределенностью

⁶ А. Белый. Символизм как миропонимание. — М., 1994. С. 481. Ср. также с его записью в «Ракурсе к дневнику»: «...рой русских — сумбур; *насилно почти впрягают в работу* <курсив наш. — публ.> организации в Берлине отдела В. Ф. А. и берлинского Дома Искусств (член Совета — второго, председатель — первой)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 100. Л. 114). О берлинском периоде в жизни Андрея Белого см.: *Malmstad J. Andrej Belyj at Home and Abroad (1917–1923). Materials for a Biography* // *Europa Orientalis*. 1989. VIII. P. 425–480; *T. R. Beyer. Andrej Belyj. The Berlin Years 1921–1923* // *Zeitschrift für slavische Philologie*. 1990. Bd. L. H. 1. S. 90–142.

и идеологическим дихотомизмом не могла не повлиять на характер межличностных отношений внутри эмигрантского сообщества, и, одновременно, не исказить так или иначе образ самой реальности.

Еще до того, как берлинская Вольфила провела свои первые заседания, внутри издательства «Скифы» разразился скандал, который подорвал человеческие и творческие отношения между инициаторами этой новообразованной эмигрантской организации. В ноябре 1920 года «Скифы» отпечатали антисоветский политический памфлет Л. Шестова «Что такое большевизм», где содержались прямые обвинения большевистского режима в продолжении государственнической политики царской бюрократии⁷. Автор пророчески предрекал приближающийся крах идеалов революционаризма: «Большевизм начал с разрушения и ни на что другое, кроме разрушения, не способен. Если бы Ленин и те из его товарищей, добросовестность и бескорыстие которых стоят вне подозрений, были настолько проникательны, что поняли бы, что они стали игрушкой истории, которая их руками осуществляет планы, прямо противоположные не только социализму и коммунизму, но убивающие в корне и на многие десятилетия возможность какого бы то ни было улучшения положения угнетенных классов, они бы прокляли тот день, в который насмешливая судьба передала им власть над Россией. И конечно, поняли бы тоже, что их мечта взорвать Европу — если ей суждено осуществиться — будет знаменовать собой не тор-

⁷ Книга была написана в Женеве и закончена 5 марта 1920 г. Первое упоминание о том, что она напечатана, находим в письме Е. Г. Лундберга к А. С. Яценко из Берлина от 21 ноября 1920 г.: «В издании автора [Льва Шестова] в ближайшие дни появится и будет нами передана для продажи комиссионерам его небольшая брошюра “Что такое большевизм”, напечатанная» (A Scythian Document: Andrej Belyj and Others. By Georg Cheron // The Andrej Belyj Society newsletter. 1985. № 4. P. 39).

жество, а гибель социализма, и приведет исстрадавшиеся народы к величайшим бедствиям. Но, конечно, Ленину не дано это увидеть. Судьба отлично умеет скрывать свои намерения от тех, кому их знать не полагается»⁸.

Однако памфлету Л. Шестова так и не суждено было увидеть своего читателя. В письме в редакцию берлинского журнала «Русская книга» (в первом номере которого за январь 1921 года было объявлено об издании в ближайшее время французского перевода шестовской брошюры) Е. Лундберг заявлял, что данное сообщение «не соответствует истине»: «“Скифы” не намерены издавать вышеупомянутую статью Шестова, как совершенно не соответствующую всему направлению издательства. “Скифы” издают лишь собрание *философских* произведений Льва Шестова, резко отграничиваясь от случайных политических выступлений этого крупнейшего из русских мыслителей, *философская* работа которого близка и дорога “Скифам”»⁹. В середине октября 1921 года практически весь тираж брошюры был Лундбергом уничтожен. Только к началу декабря действия издателя по отношению к всемирно известному автору (а к этому времени, соответственно, — «товарища председателя» берлинской Вольфилы по отношению к ее «почетному председателю») стали достоянием гласности.

Берлинская эмиграция расценила действия руководителя «Скифов» в общем и целом как просоветские, а по отношению лично к Шестову — как непорядочные. В газетах даже появились сообщения, обвинявшие Лундберга в сотрудничестве с контрразведкой. Печать предъявила требования к Вольной Философской Ассоциации публично отмежеваться от своего «товарища председателя».

⁸ Л. Шестов. Что такое [русский] большевизм. — Берлин, 1920. С. 37–38.

⁹ Русская книга. 1921. Февраль. № 2. С. 17.

Одним из результатов подобных действий стал публичный отказ Льва Шестова от звания «почетного председателя» ВФА. Все эти события негативным образом сказались на идеологической репутации берлинского отделения Вольфилы.

Один из ее номинальных соучредителей — А. М. Ремизов¹⁰ откликнулся на конфликт Лундберга с правым флангом эмиграции анонимными ироническими замечаниями (авторство которых, впрочем, не составляло особого секрета). В одной из них — на вопрос, якобы заданный корреспондентом Белому: «как вы думаете провести ваш эмигрантский досуг?», последовал ответ: «единственная мечта устроить евразийскую поездку по Европе, Азии, Франции, Италии, вместе с Е. Г. Лундбергом и истребить все книги, какие только есть на белом свете»¹¹. В другой — помещенной в рубрике «Издатели» — сообщалось: «В Берлине основывается кавказское книгоиздательство “Кура-Тифлис”, субсидируемое женевским инженером Я. С. Шрейбером. <...> Предполагаются к изданию грузинские сказки А. М. Ремизова на грузинском и армянском языках. Рукопись тщательно скрывается от Е. Г. Лундберга. В виду его близости к этому издательству, опасаются, как бы в припадке любви и боли Е. Г. Лундберг эту рукопись не сжег»¹².

¹⁰ Близость Ремизова к «скифскому» кружку была перечеркнута появлением во втором альманахе «Скифы» (конец 1917 г.) критической статьи Иванова-Разумника «Две России» — резкого полемического выпада против ремизовского «Слова о гибели земли русской». Подробнее см.: Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908–1944) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; вступ. зам. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Публикации и исследования. Вып. II. — СПб., 1998. С. 21–22; 119–122.

¹¹ Бюллетени Дома Искусств. — Берлин. 1922. 17 февраля. № 1–2. С. 35–36.

¹² Там же.

В самом начале мая 1922 г. появились еще несколько газетных заметок, сообщавших о возникновении «в противовес» Вольфиле нового философского общества под странным названием «Цвофирзон». Эти сообщения внесли элемент бурлеска в общий настрой эмигрантской культурной жизни на фоне заметно редющего количества статей и объявлений о работе Вольной Философской Ассоциации. Автором анонимных публикаций также являлся Ремизов, который еще в России снискал себе славу изощренного мистификатора и выдумщика. Цвофирзон был естественным продолжением и своеобразным вариантом многолетней игры писателя — Обезьяньей Великой и Вольной Палаты, собравшей к концу 1910-х годов людей искусства, способных к творческому «своеволию», широте взглядов и игровому восприятию действительности. Уже своим определением — «свободное философское содружество» — Цвофирзон декларировал идею объединения, под лозунгом которой протекала вся эмигрантская жизнь русской интеллигенции. Однако тенденция к воспроизведению русской интеллектуальной жизни, к своеобразному двойничеству, столь характерная для деятельности русских эмигрантов в Берлине, была доведена в ремизовских печатных розыгрышах до абсурда.

Мотивы создания мифического антагониста Вольфилы отражали не только индивидуальные рефлексии писателя, но и, в известной степени, общие настроения русской колонии. Цвофирзон не столько противопоставлялся берлинской Вольфиле, сколько претендовал на роль ее двойника или отражения, с той лишь разницей, что это, второе отражение (учитывая первое — петроградскую Вольфилу), кривлялось и блефовало. Цели и задачи собраний, заявленные в абсурдных названиях докладов и намеренной неконкретности исканий общества, представляли собой беспрецедентный фарс. Через подобную бессмыслицу Ремизов пытался поменять угол зрения на Вольную Философскую Ассоциацию, быть может, предлагая и самой

Вольфиле взглянуть в это кривое отражение. Подобная позиция согласовалась с мнением близких к Ассоциации людей, которые и тогда и позже выражали сомнения в том, что в эмигрантской среде можно воспроизвести атмосферу духовный исканий, интеллектуального братства, которой была наполнена их деятельность в России.

Когда к середине мая 1922 года болезненное состояние председателя ВФА достигло своего апогея, практически сошли на нет и заседания Вольфилы, а после так называемых «летних каникул» она так и не возобновила свою работу. Уже в начале сентября в Берлине возникла новая эмигрантская организация — «Русское научно-философское общество» [курсив наш — публ.], в составе которого оказались и те, кто еще недавно числился среди руководителей Вольфилы¹³. А спустя еще полтора месяца, 26 ноября 1922 года, после прибытия в Германию так называемого «философского парохода», значительно пополнившего ряды отечественных мыслителей-эмигрантов, в Берлине состоялось учредительное заседание Религиозно-философской академии, которую возглавил Н. А. Бердяев. Но это была уже принципиально новая глава в истории «Русского Берлина»; к тому времени ее коротенькая страница под названием «Вольфила» была перевернута.

¹³ На учредительном собрании председателем совета РНФО был избран проф. В. В. Зеньковский; в совет вошли проф. Н. И. Алексеев, проф. С. И. Гессен (тов. председателя), проф. Д. М. Койген, А. М. Лазарев, проф. П. И. Новгородцев, В. Э. Сеземан (секретарь), Д. И. Чижевский, Лев Шестов и Б. В. Яковенко. В газетной хронике также сообщалось: «Начиная с конца сентября предполагается ряд научно-философских заседаний и лекций. За справками просят обращаться к А. М. Лазареву» (Руль. 1922. 10 сентября. № 542. С. 11; Накануне. 1922. 12 сентября. № 131. С. 5).

Письмо Е. Г. Лундберга к Андрею Белому¹⁴

Берлин. 17 ноября 1920 г.

Многоуважаемый Борис Николаевич!

Вследствие трудности сообщения я до сих пор не мог дать Вам знать об образовании «Скифов». Сегодня я подробно написал Разумнику Васильевичу о наших планах и о начале их осуществлений¹⁵. Я прошу Вас присылать нам все, что Вы найдете необходимым издать либо по-русски для России, либо по-немецки и по-французски для Запада. Ваш «Петербург» вышел здесь в очень хорошем переводе¹⁶ и очень серьезно обсуждался в печати. Поэма «Христос Воскресе» сегодня вышла в свет по-русски¹⁷, недели через две будет готов превосходный немецкий перевод ее. Если бы Вы прислали от 40 до 60 лирических стихотворений, наиболее полно характеризующих Ваше творчество в целом, мы бы издали их также по-русски и по-немецки. «Скифам» очень хотелось бы получить исключительное право перевода Ваших романов. В первую очередь, я бы настаивал на «Котике Летаеве». Полезно было бы издать по-немецки несколько основоположных философских статей Ваших.

«Скифы» хотели бы сделаться комиссионным издательством Вольной Философской Академии. Если это приемлемо — мне необходимо официальное звание. Разумнику Васильевичу пишу подробно об основании такого союза: мы бы работали по себестоимости. Благодаря участию опытного немецкого специалиста-техника мы работаем дешевле других изданий.

Как только нам удастся стать с Вами в более тесную непосредственную связь, будут улажены все наши денежные отношения.

С искренним приветом Евгений Лундберг.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 218. Л. 1—1об. Письмо напечатано на бланке издательства «Скифы» (Берлин—Милан).

¹⁵ Ср. с дневниковой записью А. Блока от 30 января 1921 г.: «Весь день у нас Иванов-Разумник. Совещаемся об установлении сношений с Лундбергом в Берлине» (А. Блок Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. — М.; Л., 1963. С. 401). См. также анонс издательства «Скифы», опубликованный в берлинском журнале «Русская книга» (1921. Февраль. № 2. С. 49).

¹⁶ Роман Андрея Белого «Петербург» (в переводе Н. Штрассер) был издан в мюнхенском издательстве Георга Мюллера в 1919 г.

¹⁷ Поэма Андрея Белого «Христос Воскресе» была опубликована в составе книги «Россия и Инония» (Берлин: Скифы, 1920), куда вошли также поэмы С. Есенина «Товарищ» и «Инония» и статья Иванова-Разумника «Россия и Инония».

Издательство «Скифы» в Берлине¹⁸

Возникшее в Берлине осенью нынешнего года¹⁹ издательство «Скифы» проявляет кипучую и разностороннюю деятельность, благодаря большой энергии, трудоспособности и широкому подходу к делу его руководителя Е. Г. Лундберга. Сначала оно издало несколько (не очень удачных) книг политического содержания партийного характера (левых с.-р.). Особого успеха этим книгам [утопическим и нереальным], по-видимому, не суждено иметь ни в России, ни за границей. Потом оно перешло к изданию ряда новых поэтов, А. Блока, А. Белого, Есенина, Клюева, которых можно охарактеризовать как революционных славянофилов или, как они сами себя называют, «скифов». Некоторые из этих вещей — приемлемы они или неприемлемы, другой вопрос — прекрасны, как, например, «Двенадцать» и «Скифы» А. Блока.

Но в последующей своей деятельности «Скифы» однако очень быстро «озападились» и все большее внимание стали обращать на издание книг по естествознанию, технике и практической жизни. Говорят о больших заказах, принятых ими для России. <...>

«Скифы» и «починка электрических машин» — немного как будто это не вяжется друг с другом. Но не будем особенно подчеркивать этого самоопровержения и порадуемся, что делается нужное и разумное дело, и что энергия русская не иссякла²⁰.

Письмо Е. Г. Лундберга к Андрею Белому²¹

Berlin. 10 апреля <1921 г.>

Дорогой Борис Николаевич,

Получил две записочки от Вас. Будем летом поджидать Вас в Берлине. Спасибо за разрешение «Скифам» издавать Ваши произведения. Получили ли первые выпуски немецкой серии (2 в<ыпуска> Блока)²², кот<орые> я Вам послал через Нар<одный> Ком<исса-

¹⁸ Русская книга. 1921. Январь. № 1. С. 9.

¹⁹ Очевидно, заметка была написана в самом конце 1920 г.

²⁰ См. также заметку «Книгоиздательство “Скифы”» (Русская книга. 1921. Февраль. № 2. С. 17), в которой было опубликовано письмо-опровержение Е. Лундберга.

²¹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 121.

²² Речь идет о двух сборниках «Gedichte» («Стихотворения») и «Skythen. Die Zwölf» («Скифы. Двенадцать»), которые вышли в берлинском издательстве «Скифы» в переводе Р. фон Вальтера в конце 1920 г.

риат> Просв<ещения>? Письмо это везет в Москву наш секретарь Е. Д. Зайцева, кот<орую> я очень Вам рекомендую и кот<орая> уполномочена позаботиться о пропуске Скифских изданий в Россию и о расширении работы издательства.

Искренне Вас уважающий и преданный Евг. Лундберг.

Письмо Андрея Белого к Е. Г. Лундбергу²³

Петроград. 25 апреля <19>21 года.

Глубокоуважаемый Евгений Германович,

есть возможность Вам послать письмо; спешу ее использовать, — тем более, что собираюсь приехать в Берлин (хлопочу о выезде): приблизительно в июне если не запоздаю; я пробираюсь к жене, в Швейцарию; говорят, что в Швейцарию трудно приехать; буду вести хлопоты о разрешении выезда из Берлина; вероятно, придется в Берлине прожить не менее 3^х месяцев; и стало быть: надеюсь мне и с Вами видеться. Привезу Вам том, приготовленный Р. В. Ивановым²⁴, и том о «Вольно-Философской» Ассоциации», постараюсь Вам привезти ряд рукописей (своих); ежели Вам захочется их переводить, то меня это очень выручит (стихи, статьи, повесть «Записки Чудака» и т. д.).

Меня озабочивает материальная сторона жизни в Германии; я продал все собрание сочинений Гржебину еще в 1920 году за чечевичную похлебку, — за то, что он будет субсидировать меня за границей (а он и эту чечевичную похлебку свел почти к нулю). Я слышал, что в Германии у меня есть гонорар (у Вас); перед отъездом я хотел бы знать точно, в каком размере он (Р. В. Иванов определяет в несколько дес<ятков> тысяч марок, но мне важен не гадательный расчет, а твердый): я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы определили сумму гонорара и приблизительно сообщила на сколько месяцев эта сумма гарантирует мне жизнь; далее: в какое время могут выйти мои книги за границей, какие именно и на какую сумму я могу приблизительно рассчитывать. Я озабочен всем этим вот почему: 1) еду к жене, 2) еду работать над «Эпопеей» (10 томная серия романов)²⁵; поэтому, ради возможности писать спокойно, готов предложить что угодно из своих

²³ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 218. Л. 2. Письмо написано на бланке издательства «Скифы» (Берлин).

²⁴ Возможно, речь идет о книге «Оправдание человека».

²⁵ Общее название неосуществленной «серии томов» автобиографической романной прозы, к созданию которой Андрей Белый приступил в начале 1920-х гг.

вещей (для перевода), предложил бы и что угодно из проданных Гржебину, расторгнувши с ним (мне предлагают сумму, чтобы выплатить ему взятый аванс, но... я не уверен, что тогда первые месяцы сумею прожить за границей, ведь я не знаю, в каком положении жена); «Эпопея», моя поездка и жизнь, все зависит от того, смогу ли я писать «Эпопею», т. е. буду ли я обеспечен. Если бы я был обеспечен Вашим издательством, я сумел бы развязаться с Гржебиным и с лихвой, предоставил бы Вам право печатать, что угодно. Если нет, я должен зацепиться за договор с ним (между нами говоря, варварский: съедающий меня), ибо по написанию I^{го} Тома он обязан мне платить за рукопись. В виду всего этого мне совершенно необходимо знать, какой гонорар я могу получить за «Христос Воскресе» у Вас; уезжая, часть гонорара (малую) я бы мог достать здесь и оставил маме (которая необеспечена); но для этого мне надо точно знать положение «Скифов» в Берлине и сумму моего гонорара. Жду Вашего ответа в Петрограде. Я служу в Нар<одном> Ком<иссариате> по Иностр<анным> Делах у Лигского. Уже в начале июня уезжаю, может быть, в Берлин (а может и застряну, — все зависит от разрешения).

Буду ждать очень Вашего письма.

Получили ли Вы ответ мой на Ваше письмо?

Мы (Блок, Иванов-Разумник, Я, Штейнберг) ждем все вестей от Вас. «Вольно-Филос<офская> Ассоциация» очень деятельна (доклады, курсы, кружки для изучения важнейших проблем философии, науки, искусства), — но возможности печататься нет (бумаги нет).

Итак, остаюсь искренне преданный Вам Борис Бугаев.

P. S. Лучше всего обращение по адресу службы: Комиссариат по Ин<остранным> делам, Морская 3/5. Фундаментальная библиотека. Библиотекарю Б. Н. Бугаеву.

Письмо А. А. Шрейдера к Андрею Белому²⁶

Berlin. 21 июля 1921 г.

Глубокоуважаемый Борис Николаевич,

Очень расстроило меня Ваше письмо и стало совестно, что мы живем здесь буржуями — шоколад едим. Приезжайте без всяких сомнений. Правда, касса «Скифов» не очень полна, правда даже содержание Евгения Германовича и меня очень для «Скифов» чувствительно, но, разу-

²⁶ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 218. Л. 3—3 об. Письмо напечатано на бланке издательства «Скифы» (Берлин).

меется, Вам могу гарантировать полную возможность, правда скромно, но уже, во всяком случае, не по-Питерски, жить и работать. А, может быть и не так уж и «скромно». Весьма возможно, что издание Ваших сочинений удастся устроить здесь, да и «Скифы» кое-что смогут напечатать. Во всяком случае, пусть материальные соображения Вас лично не смущают. Жить и работать Вы здесь сможете. Хочу только предостеречь Вас от одной опасности и преобладающей. При выезде из России Вы, может быть, соблазнитесь всякими мандатами и поручениями от разных «издатов», «иков», «ультов» и т. д. Это смерть. И в России канцелярия Вас чуть не убила. Здесь во сто крат хуже. Человек, попавший в «издат», или «хоз», или «культ» — погибает для литературы без возврата. Бегите от мандатов, от дел, приезжайте сюда писать. Вы, если не ошибаюсь, один — Вам могу гарантировать возможность работы.

С другими, в особенности семейными, — много хуже. Но и об их приезде нужно серьезно подумать. Необходимо было бы здесь создать нечто вроде настоящей Скифской *академии*, не лекций и побегушек, а подлинной работы для литературы. Без свежих сил из России вряд ли возможно. Немцы, которых мне пришлось здесь видеть, жалки до тошноты. Все эти Голичеры²⁷, Кайзеры²⁸ и т. д. и т. д. — маленькие, в человеческом смысле, — маленькие — до скуки.

Затеял здесь журнал. Продолжение московского «Знамени»²⁹. Вокруг журнала хочется собрать молодое и живое — это не легко. Журнал может тоже пойти лишь с помощью России.

Я весь сейчас под впечатлением Вашей поэмы³⁰. Пускаю ее всю целиком во 2-й номер русского издания «Знамени» — выйдет в начале августа.

Это «Евгений Онегин» 20-го века. Постараемся выпустить ее и отдельным изданием — немного позже, конечно, когда разойдется журнал.

Сейчас посылаем Вам всего 3 тысячи марок — кажется, это больше миллиона советскими. На дорогу и на время до отъезда хватит, надо думать.

²⁷ Артур Голичер (1858–1941) — немецкий прозаик и публицист.

²⁸ Рудольф Кайзер (1889–1964) — немецкий прозаик и публицист, редактор берлинского журнала «Die Neue Rundschau».

²⁹ Подразумевается издаваемый «Скифами» одноименный «Временник литературы и политики под редакцией Александра Шрейдера».

³⁰ Речь идет о поэме «Первое свидание» (Знамя. 1921. Август. № 2. С. 1–12). Книжное издание вышло в свет в берлинском издательстве «Слово» в сентябре 1922 г.

Итак, приезжайте обязательно — не засиживайтесь. Вы пробьете брешь — за Вами перевезем и остальных. А пока шлите рукописи, всех, всех — стихи, романы, повести, статьи — всё, всё — всё — беллетристическое и не очень длинное, в особенности, — пойдет и очень нужно.

Глубоко уважающий Вас А. Шрейдер.

Из письма А. А. Шрейдера к Андрею Белому³¹

Москва 1-го сент<ября> 1921

Необходимо повидаться. Эта необходимость чувствуется тем острее теперь, что после того, как удалось выхлопотать Вам право на выезд за границу, реально встает вопрос об организации «Скифской Академии» в Берлине и вообще об организации там нашего литературного центра.

Я хочу верить, что удастся выхлопотать право поездки за границу месяца на 2–3 и для К. Эрберга и для Аар<она> Зах<аровича> и Раз<умника> Вас<ильевича>. Если бы это осуществилось — у нас в Берлине литературная деятельность была бы крайне оживлена и журнал наш и издательство заработали бы на славу <...>.

Всем нам перед Вашим отъездом необходимо было бы повидаться и переговорить сообща.

Командировочное удостоверение³²

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольной Философской Ассоциации Члену Президиума и Ученому Секретарю тов. Аро ну Захаровичу ШТЕЙНБЕРГУ в том, что он, на основании пунктов г, д, е, параграфа 4-го Устава Ассоциации, утвержденного Наркомпросом 10-го Октября 1919 года, — командировается за границу на трехмесячный срок с целью: 1) организации русско-германского отделения Ассоциации в Берлине, 2) приглашения в Петербургское и Московское отделения ряда заграничных деятелей науки и искусства для участия в работах Ассоциации в России, 3) установления постоянной связи между Вольной Философской Ассоциацией и родственными Учреждениями за границей и с целью 4) ознакомления с научно-фи-

³¹ Цит. по изд.: Я. В. Леонтьев. К истории взаимоотношений левого народничества и «скифов» // Лица. Биографический альманах. 7. С. 468.

³² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 98. Копия командировочного удостоверения; в левом верхнем углу помета рукой В. В. Бакрылова: «№ 111. 30/IX–21 г.».

лософской европейской литературой последнего семилетия.

Председатель.

Секретарь.

Командировочное удостоверение³³

Настоящее удостоверение выдано Советом Вольной Философской Ассоциации Члену-Сотруднику-поэту Сергею Александровичу ЕСЕНИНУ в том, что он, согласно пункта 2 параграфа 4-го Устава Ассоциации, утвержденного Наркомпросом 10 октября 1919 года, командировается на трехмесячный срок за границу с целью организации при учреждаемом в Берлине Отделении Ассоциации Русско-Германского Союза поэтов, родственных по направлению деятельности Вольной Философской Ассоциации.

Письмо А. А. Шрейдера к Р. В. Иванову-Разумнику и А. З. Штейнбергу³⁴

<Берлин> 4 окт<ября> 1921.

Дорогие Разумник Васильевич и Аарон Захарович,

Получили Ваше письмо. К сожалению, в нем не все, что нужно. Анкета А<арона> З<ахаровича> должна быть в 2^х экземпляр<ах>; 2^й экз<смпляр> необходимо прислать в срочном порядке. О Вольфиле почти ничего не слышно. Устав передам.

Не знаю, смогу ли приехать в Питер — еще не имею паспорта на руках, а без него ехать не хочу. С изданием журнала дела идут все лучше и лучше. Это дело теперь обеспеченное. Поэтому необходимо самым серьезным образом заняться сейчас составлением основного ядра для немецкого журнала (о русском искусстве и литер<атуре>)³⁵ и подыскания редактора. Я думаю, что лучше К. Эрберга Вы не найдете, как ни мудрите, и потому, конечно, необходимо уговорить его взяться за дело. Ра-

³³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 99. Копия командировочного удостоверения; в левом верхнем углу помета рукой В. В. Бакрылова: «№ 112. 30/IX—21 г.». В книге воспоминаний Н. И. Гаген-Торн документ воспроизведен с неточностями. См.: *Н. И. Гаген-Торн. Memoria*. С. 45. С. Есенин приехал в Берлин вместе с Айседорой Дункан в мае 1922 г.

³⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 348. Л. 2—2 об. Письмо написано на бланке издательства «Скифы» (Берлин). На письме пометы А. З. Штейнберга: «вернуть Р. В. Ив<анову>» и Иванова-Разумника: «Письмо А. Шрейдера».

³⁵ Несостоявшийся издательский проект.

зумник Васильевич расскажет ему подробно о плане издания, если необходимо, я приложу свои соображения письменно. Кроме того, для русского журнала о Западно-Европейском искусстве и литературах³⁶ необходимы вводные теоретические статьи по вопросам теории и философии творчества. (Это статьи для русского читателя т<ак> что можно не стесняться ни цитатами, ни формой изложения — для статей, предназначенн<ых> для наш<его> издания, необходимо помнить о неподготовленной Зап<адно->Евр<опейской> аудитории). Некоторая сумма денег (не очень малая) будет в самом скором времени, т<ак> что все статьи будут оплачены по хорошим ставкам, кот<орые> редакция установит *сама* (по «соглашению» со мною — *Vam carte blanche*³⁷).

Итак, очень прошу Вас сейчас написать мне, как Вы себе представляете редакцию нем<ецкого> журнала и кого Вы предлагаете привлечь. Я был бы Вам крайне благодарен, если бы Вы немедленно принялись за дело. Первые номера нужно издать поскорее. Мне представляется, что сейчас необходимо озаботиться приисканием материалов по след<ующим> вопросам: 1) для русского издания — по общим вопросам теории и философии творчества (мне казалось бы возможным привлечь всех от А. Горнфельда до В. Шкловского и Хлебникова. К. А. Эрберг, разумеется, даст основную вводную статью. 2) для немецкого издания — 1) те же вводные статьи, приспособленные мной для западн<ого> читателя, 2) статьи-обзоры <за> 7 лет, критико-библиографического характера а) о литературе, б) о живописи, в) о скульптуре, г) об архитектуре, д) о музыке, е) о театре, 3) библиографию по всем этим вопросам, 4) статьи в каждой области, характеризующие взаимоотношения между материалом творчества и содержанием, вообще о «фактуре», о материале, его значении — в каждой области отдельно, 5) биографии лиц и учреждений, автобиографии лиц и учреждений (что я под этим подразумеваю, я уже говорил Разумнику Васильевичу), история установлений и культурных учреждений, их жизнь, их смысл, 6) статьи о «социальной значимости» наиболее интересных явлений, теорий, настроений (о преломлении в глазах критика, читателя вообще, — массы, толпы, о влиянии на быт, нравы etc).

Я абсолютно ничего не хочу навязывать Вам — это лишь мои соображения, могущие лечь в основу. Я бы очень хотел иметь вводные статьи для русского издания до моего отъезда. Я хотел бы также знать имена привлекаемых сотрудников. Я уверен, что издание Вас всех заинтересо-

³⁶ Вероятно, первоначальный замысел, реализованный позже в виде журнала «Вещь».

³⁷ полная свобода действий (*фр.*).

ет — деньги будут и, кажется, очень большие, заинтересовал очень большого капиталиста — нужно только «товар лицом показать». Я сделаю все возможное, чтобы приехать. Привет. Преданный Вам А. Шрейдер.

План издания «Вестника всех искусств» — «Скифы» — Берлин³⁸

Вестник всех искусств: «Скифы» издается на двух языках — русском и немецком. Русское издание ставит своей задачей ознакомление русского читателя в России и за границей с Западно-Европейскими литературами и искусством за период времени с начала войны по наши дни. Немецкое издание имеет целью дать полную картину жизни русской литературы и искусства за тот же период времени. Оба журнала издаются по следующей программе:

1) Общая теория и философия творчества. 2) Литература. 3) Живопись. 4) Скульптура. 5) Архитектура. 6) Музыка. 7) Театр.

Каждое издание выходит в свет ежемесячно тетрадями в 80 страниц большого журнального формата с многочисленными иллюстрациями. В русском издании иллюстрации в несколько красок, в немецком издании иллюстрации одноцветные, за невозможностью доставить за границу необходимые русские оригиналы. В каждом номере от 50—80 клише (картин, рисунков, нот, чертежей) в тексте и на отдельных листах. Журнал издается на лучшей меловой бумаге, причем используются все новые способы воспроизведения иллюстративного материала (Umdruckverfahren³⁹ — Офсет, Гравюра, Литография, Меццо-Тинто и пр.).

Первый отдел обоих изданий — общая теория и философия творчества — ведется под общим руководством русских художественных критиков и теоретиков искусства. Ставя перед собой в первую очередь задачи самой широкой информации, журнал представляет в этом отделе возможность сторонникам различных школ и направлений современного искусства изложить свои общие теоретические положения. К ближайшему участию в этом отделе привлечены наиболее видные представители различных школ современного искусства: Андрей Белый, А. Г. Горнфельд, В. Хлебников, В. Шкловский, К. Малевич, К. А. Эрберг, Г. Шпет и мн<огие> др<угие>. Общее руководство и редакция этого отдела поручается Конст. Эрбергу.

³⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. I. № 348. Л. 3—8. План издания был подготовлен А. А. Шрейдером, вероятно, в ноябре 1921 г. На первом листе более поздняя помета карандашом рукой неуставленного лица: «1921 год (?)».

³⁹ всевозможные способы печати (нем.).

Каждый из остальных отделов журнала, как русского, так и немецкого, разбиваются на следующие четыре секции:

1) О материале творчества. В этой секции трактуется о влиянии *материала* на форму и содержание художественных произведений. О языке — в поэзии, о краске, полотне, картоне, кисти — в живописи, о мраморе, дереве, камне — в скульптуре, о дереве, бетоне, камне — в архитектуре, об инструменте — в музыке, о жесте, о теле актера, о гриме, о сцене — в театре и т. д. и т. д.; и в первую голову, о взаимовлиянии материала и форм творчества. В этой же секции трактуются вопросы о формах творчества и формах художественных творений (лирическое стихотворение или поэма, соната или роман и т. д.). Всем этим вопросам, ставшим в порядок дня особенно ясно, лишь за последние годы уделяется возможно большее внимание. В этой же секции

2) О содержании творений. Это остов журнала. В этой секции даются полные обзоры всего, что написано, сделано, подготовлено во всех областях искусства и литературы за истекшие 7 лет. Даются также самые полные обзоры новостей текущей литературной и художественной жизни. Эта секция иллюстрируется особенно полно многочисленными репродукциями с картин, рисунками, чертежами, нотами, цитатами из наиболее интересных художественных произведений.

3) О «социальной значимости» различных теорий, школ, произведений, о влиянии их на ход современной жизни, об отражении в них веяний эпохи, о влиянии их на нравы, обычаи, моды, о влиянии их на формирование общественного мнения (обзор критической литературы) и т. п.

4) Библиография, Биография и Автобиография. В этой секции каждого из отделов будут даны подробные списки всех вновь вышедших книг, обзоры литературы по отдельным вопросам, критические отзывы о наиболее замечательных и необходимых книгах. Особое внимание будет уделено «автобиографии» лиц и учреждений и теорий — т. е. руководители различных школ, течений, направлений сами будут излагать рост и развитие их идей. В связи с объективными материалами второй и третьей секций подобные автобиографические сведения дадут самую полную картину жизни различных направлений в искусстве. В этой же секции будут даны материалы по истории наиболее значительных художественных и культурных установлений (театров, академий и пр.).

Первый номер русского издания посвящается искусству и литературе Германии за истекшие 7 лет.

К участию в отделе немецкой литературы привлечены, под общим руководством проф. Ф. А. Брауна, наиболее видные представители

современной немецкой литературы: Maria-Rilke⁴⁰, Б. Келлерман⁴¹, Ласкер Шюлер⁴², Рейнгольд фон Вальтер⁴³, Макс Пикар⁴⁴, Голитчер, В. Трегер, Р. Кайзер, Лу Андреас-Саломе⁴⁵ и мн<огие> др<угие>.

Отдел немецкой живописи — при ближайшем участии Т. Дейблера⁴⁶.

Отдел скульптуры — скульптора Барлаха⁴⁷.

Отдел архитектуры — члена Вай Rat'a арх<итектора> Мендельзона⁴⁸.

Отдел музыки — под редакцией Эрнеста Пэнгу⁴⁹.

Отдел театра — под редакцией Dr. Hans Knudsen⁵⁰, ред<актора> журнала «Сцена», т<оварища> пред<седателя> союза режиссеров.

Следующие номера русского журнала будут посвящены искусству Франции, Англии и Италии.

К участию в составлении немецкого номера о русском искусстве привлечены: Андрей Белый, Р. В. Иванов-Разумник, К. А. Эрберг, А. Г. Горнфельд, Е. Г. Лундберг, Г. Шпет, В. Шкловский, В. Мейерхольд, Малевич, Г. Якулов⁵¹, Л. Лисицкий⁵², П. Муратов, А. Бенуа, Л. Сабанеев⁵³

⁴⁰ Райнер Мария Рильке (1875–1926) — австрийский поэт и прозаик. Об интересе Рильке к послереволюционной русской культуре и, в частности, к творчеству А. Блока, свидетельствует его письмо к Р. фон Вальтеру от 6 апреля 1921 г. Подробнее см.: Рильке и Россия: Письма. Дневники, воспоминания. Стихи / Изд. подг. К. Азадовский. СПб., 2003. С. 97–98.

⁴¹ Бернхард Келлерман (1879–1951) — немецкий прозаик.

⁴² Эльза Ласкер-Шюлер (Lasker-Schüler Else; 1869–1945) — писательница.

⁴³ Рейнгольд (Рейнгард) фон Вальтер (1882–1965) — немецкий поэт, переводчик; родился и вырос в России; в Германии — с 1918 г. См.: Письма Р. Вальтера Блоку / Публ. В. В. Дудкина // Литературное наследство. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. С. 305–308.

⁴⁴ Макс Пикар (M. Picard; 1888–1965) — немецкий писатель.

⁴⁵ Лу (Луиза Густавовна) Саломе (в замуж. Андреас; 1862–1938) — писательница русского происхождения, близкий друг Г. Гауптмана, Ф. Ницше, Р.-М. Рильке, З. Фрейда.

⁴⁶ Теодор Дейблер (1876–1934) — немецкий художник.

⁴⁷ Эрнст Барлах (1870–1938) — немецкий скульптор.

⁴⁸ Эрих Мендельзон (1887–1953) — немецкий архитектор.

⁴⁹ Возможно, Густав Эрнест (1858–1941) — пианист, композитор, музыковед.

⁵⁰ Ганс Кнудсен (1886–1943) — немецкий театровед.

⁵¹ Георгий Богданович Якулов (1884–1926) — театральный художник, график.

⁵² Лазарь Маркович Лисицкий (псевд. Эль Лисицкий; 1890–1941) — художник.

⁵³ Леонид Леонидович Сабанеев (1881–1968) — музыковед, композитор.

и мн<огие> др<угие>.

Смета. <...>

Редакция отделов журнала на нем<ецком> языке намечается приблизительно следующая:

Общая теория — К. Эрберг.

Литература — Р. В. Иванов-Разумник (в Берлине А. Белый и Е. Г. Лундберг).

Живопись, } Игорь Грабарь⁵⁴, П. Муратов, А. М. Эфрос⁵⁵
 графика, } (они привлекают А. Бенуа и художников все
 скульптура } направлений)

Музыка — Л. Сабанеев.

Театр — В. Мейерхольд, А. Таиров⁵⁶, Вл. Ив. Немирович-Данченко⁵⁷.

Т<аким> обр<азом> на Питер падают заботы об общей помощи изданию, о содействии при привлечении сотрудников и об особом наблюдении за отделами литературы и теории творчества. Я думаю, что Вы не откажетесь — вся Вольфила — взять на себя этот труд и в ближайший же срок сообщите мне через И<саака> З<ахаровича> <Штейнберга> (по почте), какие статьи, какие обзоры Вы хотите дать в первую очередь. Я уверен, что у нас дело пойдет хорошо и быстро.

Я очень опечален, что не могу свидеться с всеми Вами лично, но так обернулись дела мои.

Всех обнимаю. Ваш А. Ш<рейдер>.

В Советской России⁵⁸

Андрей Белый

Ковно, 4 ноября.

Прибыл из Москвы известный поэт Андрей Белый. В Ковне писатель пробудет неделю, а потом выезжает в Берлин.

⁵⁴ Игорь Эммануилович Грабарь (1871–1960) — художник, искусствовед.

⁵⁵ Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) — искусствовед, литературный критик, переводчик.

⁵⁶ Александр Яковлевич Таиров (1885–1950) — театральный режиссер.

⁵⁷ Владимир Иванович Немирович-Данченко (1858–1943) — режиссер, один из создателей и руководителей Московского Художественного театра.

⁵⁸ Последние новости (Париж). 1921. 5 ноября. № 477. С. 2.

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга⁵⁹*Ноябрь. Берлин*

Приехал Андрей Белый⁶⁰. Живет у меня. Сходимся поздно вечером, говорим за полночь. Последние мои реплики сквозь сон. Белый недовольно притихает.

Когда Белый получил в Москве разрешение на выезд за границу, начались хлопоты о немецкой визе. Способы получения ее обсуждались в квартире Г. Г. Ш.⁶¹ Случайно оказалась Е. Д.⁶², знакомая с одним из ученых сотрудников министерства иностранных дел. Ученый чиновник следит за русской литературой, в курсе новейших ее течений. Решено написать ему письмо. Как полагается в таких случаях — в самых изысканных формах эпистолярного стиля. <...>

Письмо возымело действие. После хлопот любителя русской словесности соответствующие власти впустили А. Белого в Германию.

Для меня его присутствие имеет огромное значение. Это первый писатель, которого я вижу вплотную за два года скитаний и работы⁶³. Он неумолчно говорит, то присаживаясь на корточки, то словно готовясь к прыжку, то победительно откидывая назад корпус и негасимо светясь узкими лукавыми глазами, а я примеряю волокна собственной мысли к его мыслям.

Я огрубел и опростился за эти годы. Сложность писательских восприятий загнана куда-то вглубь и придавлена — делами. Народилось новое чувство — потребность биографической целеустремленности, — исподволь вытесняющее вкус к неожиданностям и метаморфозам. Я подчинился отбору, который делает революция если не в мыслях, то в поступках. Стал менее свободным. И предал литературу. Римские свечи и ракеты Белого и пленяют меня, и вызывают зависть, и утомляют

⁵⁹ Е. Лундберг. Записки писателя. 1920—1924. Т. II. — Л., 1930. С. 190—191.

⁶⁰ Андрей Белый приехал в Берлин 18 ноября.

⁶¹ Густав Густавович Шпет.

⁶² Е. Д. Зайцева — секретарь берлинского издательства «Скифы».

⁶³ Ср. с позднейшими комментариями Конст. Эрберга к письмам, сохранившимся в его архиве: «После кипучей редакционной и всякой другой литературной деятельности в Москве Лундберг, неожиданно для всех, пропал. Это было летом 1919 г., когда он уехал в отпуск. Вынырнул он в Берлине, где, оказывается, работал в издательстве “Скифы” у Френкеля и где связался с представителем Наркомпроса в Берлине Захаром Григ. Гринбергом. Письма из Берлина шли тогда с большим опозданием <...>, а Лундберг все слал и слал письма, в которых удивлялся, что никто из петроградцев ему не отвечает» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 76).

бесплодием. Я не скажу, чтобы незаметно происходящие в строе души перемены дали мне покой и удовлетворение. Но нет и пути назад, да я бы его и не взял.

Недели две-три после приезда А. Белый «свободен», а там вокруг него эмигрантщина начинает плести свое плетиво. Искательно улыбается Гессен⁶⁴. Влекут к себе издательства. Белый раздражен, что надо сделать какой-то выбор. Бурно декламирует о свободе и понимает сам, что это — только декламация. Ему бы писать, влиться в немецкую литературу, не порывать с Россией, иметь келью под елью — и не пачкаться в исторических спорах. Он — ничей, а надо быть чьим-то. Какая тоска! Какая досада! Как рыба, посверкивая чешуей, вьется он среди раскинутых вокруг сетей. Вот радостно ахнул Гессен — завтра репутация Белого будет подмарана комплиментами в «Руле». Ведь основная публицистическая задача Гессена по отношению к писателям — подмарать, связать, испортить отношения. Но Белый уже в объятиях «Скифов». Скифский портфель обогащается статьями, а в кафе вместо важной кадетской лысины реют над «челом» Белого черные перья шрейдеровской шевелюры и звучит его взвизгивающий смех...⁶⁵

⁶⁴ Речь идет об Иосифе Владимировиче Гессене (1865–1943) — юристе, публицисте, одном из лидеров партии кадетов, редакторе берлинской газеты «Руль».

⁶⁵ Ср. с воспоминаниями Андрея Белого (где автор фигурирует под именем «некто»), которые, как и повествование Лундберга, обращены к советскому читателю: «“Некто” встретился в Шарлоттенграде с знакомым деятелем революции 18 года, сотрудником газеты “Новый мир”; знакомый любезно дал в первые дни у себя приют “некто”; и в первую ночь говорили они о России; и “некто” рассказывал о духе жизни в Советской России; но неожиданно знакомый сказал: “говорите потише: ведь стены здесь тонкие, ведь за стеной, непосредственно, примыкая, быть может, к стене своим ухом в постели лежит сам Иосиф Владимирович Гессен”. Присутствие редактора “Руля” обнаружилось на следующий день — за табль д’отом; и “некто” с знакомым вели разговор о Советской России с ним; и все трое отстаивали свои точки зрения в пределах корректности, что не мешало “Рулю” очень скоро (когда собеседники поразъехались из общего пансиона) начать выпады против вольно-философской ассоциации, открытой при участии “некто”: ассоциация подозревается в большевизме; знакомый же “некто”, с которым редактор “Руля” преспокойнейше спорил, объявлен был тем же “Рулем” чуть ли не большевистским агентом» (А. Белый. Одна из обителей царства теней. — Л., 1924. С. 27–28).

Хроника⁶⁶

30-го ноября 1921 г. в помещении издательства «Скифы» в Берлине состоялся вечер сотрудников и друзей «Скифов». Присутствовавшие на вечере Андрей Белый, Р. Р. Вальтер, Зин. А. Венгерова, Е. Г. Лундберг, Н. Минский⁶⁷, С. Ремизова-Довгелло, А. М. Ремизов, д-р. Заале, Лев Шестов, Александр Шрейдер и И. Эренбург⁶⁸ взяли на себя инициативу организации в Берлине отделения Вольной Философской Ассоциации. Были утверждены три основных пункта устава Вольфилы:

1. В Берлине открывается отделение Вольной Философской Ассоциации, главная цель которой — изучение кризиса культуры, жизни и мысли⁶⁹.

2. Вольфила разделяется на два отделения: научное (для изучения вопросов культуры и жизни) и научно-популярное.

3. Членами Вольфилы могут быть все ищущие.

Затем почетным председателем был избран Лев Шестов, а председателем Андрей Белый, являющийся в то же время председателем и Петроградского и Московского отделений Вольфилы.

Отделение Вольфилы в Берлине⁷⁰

30-го ноября 1921 г. в помещении издательства «Скифы» в Берлине состоялся вечер сотрудников «Скифов». Присутствовавшие на вечере Андрей Белый, Р. Р. Вальтер, Зин. А. Венгерова, Е. Г. Лундберг, Н. Минский, С. Ремизова-Довгелло, А. М. Ремизов, д-р. Заале, Лев Шестов, Александр Шрейдер и И. Эренбург взяли на себя инициативу организации в Берлине отделения Вольной Философской Ассоциации. Были утверждены три основных пункта устава Вольфилы:

⁶⁶ Руль. 1921. 3 декабря. № 318. С. 4.

⁶⁷ Николай Максимович Минский (наст. фам. Виленкин; 1856–1937) — поэт, философ, публицист.

⁶⁸ Илья Григорьевич Эренбург (1891–1967) — поэт, прозаик, публицист.

⁶⁹ Апелляция к книгам Андрея Белого «Кризис жизни», «Кризис мысли» и «Кризис культуры» (1912–1918), которые позже были изданы З. И. Гржебиным под общим заглавием «На перевале» (Берлин; Пб.; М., 1923).

⁷⁰ Новый мир. 1921. 4 декабря. № 259. С. 2. В сокращенном виде эта информация была опубликована также в «Голосе России» (1921. 4 декабря. № 831. С. 1).

1). В Берлине открывается отделение Вольной Философской Ассоциации, главная цель которой — изучение кризиса культуры, жизни и мысли.

2). Вольфила разделяется на два отделения: — научное (для изучения вопросов культуры и жизни) и научно-популярное.

3). Членами Вольфилы могут быть все ищущие.

Затем почетным председателем был избран Лев Шестов, а председателем Андрей Белый, являющийся в то же время председателем и Петроградского и Московского отделений Вольфилы.

Затем почетным председателем был избран Лев Шестов, а председателем — Андрей Белый, являющийся в то же время председателем и Петроградского и Московского отделений Вольфилы. Секретарем избран Александр Шрейдер.

Вольная Философская Ассоциация основана два года тому назад в Петербурге А. Блоком, А. Белым, Р. В. Ивановым-Разумником, А. Ремизовым, А. З. Штейнбергом и Конст. Эрбергом. Вольфила в течение последних лет была единственным центром свободной философской мысли в России. Доступ в Вольфилу был широко открыт для всех. Вольфила имеет сейчас постоянную аудиторию в тысячу человек. Труды Вольфилы, стенограммы ее закрытых и публичных заседаний составляют многие томы. В настоящее время в Петроградском отделении Вольфилы намечен цикл лекций о Достоевском — Достоевскому будет посвящено до 20 докладов. Из наиболее интересных предыдущих циклов отметим серию докладов о культуре и цивилизации, о религиозных исканиях, о язычестве, иудаизме и христианстве. В августе месяце состоялся в Вольфиле вечер, посвященный памяти Александра Блока.

В октябре с. г. открылось отделение Вольфилы в Москве при участии А. Белого, Н. Бердяева, М. О. Гершензона, Нилендера, Новомирского, С. Д. Мстиславского, С. М. Соловьёва, И. Столярова, Г. Г. Шпета, А. Шрейдера и И. З. Штейнберга. На учредительном собрании присутствовали также прибывшие из Петрограда Иванов-Разумник и А. З. Штейнберг. Первое публичное заседание Вольфилы было посвящено памяти Ф. М. Достоевского. С докладом выступил А. Белый. В прениях по докладу приняли участие С. Д. Мстиславский, Г. Г. Шпет, Н. Столяров и Новомирский.

Хроника⁷¹

— 5-го декабря в кафе «Ландграф» состоялось организационное заседание учредителей Вольной Философской Ассоциации («Вольфи-лы»), ставящей себе целью исследование и разработку в духе философии вопросов культурного творчества вне всякой партийности и политических устремлений.

Намечен ряд докладов и лекций.

Членами Совета «Вольфилов» избраны: Андрей Белый (предс.), проф. Ф. А. Браун (тов. предс.), Р. Р. Вальтер, З. А. Венгерова, д-р В. Заале, проф. Д. Койген, Е. Г. Лундберг (тов. предс.), Н. М. Минский (тов. предс.), А. М. Ремизов, С. Ремизова-Довгелло, Лев Шестов (почетн. предс.), Александр Шрейдер (секрет.), И. Эренбург и проф. А. Ященко⁷².

Действительными членами «Вольфилов» избраны: Р. Абрамович⁷³, Р. Бланк⁷⁴, Н. Н. Белоцветов⁷⁵, Вл. В. Вальтер⁷⁶, И. В. Гессен, М. М. Гу-

⁷¹ Голос России. 1921. 10 декабря. № 836. С. 3.

⁷² Александр Семенович Ященко (1877—1934) — юрист, библиограф, редактор берлинских журналов «Русская книга» (1921) и «Новая русская книга» (1922—1923).

⁷³ Рафаил Абрамович Абрамович (наст. фам. Рейн; 1880—1963) — меньшевик; в эмиграции один из руководителей Бунда.

⁷⁴ Реубен Маркович Бланк (1866—?) — историк, публицист; в Берлине вышла его книга «Иуда Искарот в свете истории. Очерк результатов критического исследования исторического содержания Евангелий» (1923).

⁷⁵ Николай Николаевич Белоцветов (1892—1950) — поэт, философ, переводчик драм-мистерий Р. Штейнера.

⁷⁶ Предположительно Владимир Викторович Вальтер — сын скрипача и музыковеда Виктора Григорьевича Вальтера (1865—1935). Вл. Вальтер в двух статьях, опубликованных в «Руле» накануне первого организационного заседания берлинского отделения ВФА, — «Еще о “них” и о “нас”» (1921. 26 ноября. № 312. С. 2—3) и «Грядущие задачи» (29 ноября. № 314. С. 2—3) высказался в пользу установления общего знаменателя между эмигрантским самосознанием и духовными поисками интеллигенции, оставшейся в советской России. Ср.: «То волнение, с которым читается эта изумительная „Переписка“ [Речь идет о „Переписке из двух углов Вяч. Иванова и М. О. Гершензона. — В. Б.], те совпадения <...> с некоторыми течениями эмигрантской мысли (сборник “Евразийцев”) с необычайной яркостью показывает, что эмиграция, физически отделенная от оставшихся там, в лучшей, думающей своей части, мучается теми же муками, что и те, родные нам по духу заключенные совдепии» (№ 314. С. 3).

ревич⁷⁷, проф. А. Лютер⁷⁸, Е. Д. Зайцева, С. Каплун⁷⁹, Ю. О. Мартов⁸⁰, С. Поляков (Литовцев)⁸¹, М. Р. Сегалова, П. Сувчинский⁸², В. Б. Станкевич⁸³, А. Н. Толстой⁸⁴, проф. Н. М. Федоровский⁸⁵ и Г. В. Франк⁸⁶.

В понедельник 12-го декабря 1921 г. в кафе «Ландграф» (Курфюрстенштрассе) состоится первая закрытая беседа «О Вольфиле» при

⁷⁷ М. М. Гуревич – вдова философа Арона Владимировича Гуревича (1876–1902) и автор биографического очерка о нем в кн.: *Гуревич А. В. Философские исследования и очерки*. [М., 1914]. С. VII–XXXI.

⁷⁸ Артур Федорович Лютер (1876–1955) – немецкий историк, переводчик и издатель русской литературы. Подробнее о его деятельности см.: Блок в Германии / Обзор В. В. Дудкина // *Литературное наследство*. Т. 92. Александр Блок. Новые материалы и исследования. Кн. 5. С. 244–289.

⁷⁹ Соломон Гитманович Каплун (псевд. Сумский; 1891–1940) – журналист, заведующий берлинским отделением издательства «Эпоха».

⁸⁰ Юлий Осипович Мартов (наст. фам. Цедербаум; 1873–1923) – один из руководителей РСДРП, меньшевик.

⁸¹ Соломон Львович Поляков (псевд. Литовцев; 1875–1945) – журналист.

⁸² Петр Петрович Сувчинский (1892–1985) – музыковед, один из теоретиков «евразийства».

⁸³ Владимир Бенедиктович Станкевич (1884–1969) – историк, автор «Воспоминаний. 1914–1919», изданных в Берлине в 1920 г.

⁸⁴ Алексей Николаевич Толстой (1883–1945) – прозаик.

⁸⁵ Председатель Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) в Берлине Николай Михайлович Федоровский (1886–1956) спустя два дня после этой публикации выступил в берлинском «Новом мире» с «Письмом в редакцию»: «В „Голосе России“ от 10. 12. с. г. помещена заметка об избрании меня в действительные члены „Вольфилы“. Считаю своим долгом сообщить, что кандидатура моя была поставлена без моего ведома и что избрание мое состоялось в мое отсутствие. Н. Федоровский» (1921. 13 декабря. № 266. С. 4).

⁸⁶ Редактор и автор предисловия «Справочника-альманаха» (Берлин: «Аргонавты», 1922), Г. В. Франк, опубликовал на страницах книги статью «Круговорот истории» (1921), где высказался на тему исторической миссии России с оптимистических позиций, близких «скифству». Ср.: «Варвары, от которых древний Рим ждал лишь меча и насилий, предстали пред изумленными галло-романскими народами правдивыми, мудрыми и кроткими исполнителями. Но кто знает, не получат ли и новый Рим творческие начала обновленной духовной культуры именно оттуда, откуда огромнейшая часть его народов этого совершенно не ждет? Богатыри духа внесли новую жизнь в безбожный, падший древний мир; в таинственном круговороте истории рано или поздно опять должен наступить момент, когда снова „свет с востока“ внесет новую жизнь в отмирающий и наполовину уже бесчувственный старый мир Европы» (С. 184–185).

участии членов Совета, действительных членов и гостей по приглашению членов Совета. Первая публичная лекция состоится 19-го декабря, лекция Н. М. Минского: «От Данте к Блоку»; затем 26-го декабря — лекция Андрея Белого: «Ветхий и Новый Завет»⁸⁷.

Вольфила⁸⁸

5-го декабря 1921 года, в Берлине, в кафе Ландграф состоялось организационное заседание учредителей Вольной Философской Ассоциации («Вольфила»), ставящей себе целью исследование и разработку в духе философии вопросов культурного творчества, вне всякой партийности и политических устремлений.

Намечены следующие доклады и лекции: 1) Андрей Белый: «Ветхий и Новый Завет», «О культуре» и «Александр Блок как философ»; 2) Проф. Ф. А. Браун: «О происхождении языка»; 3) З. А. Венгерова: «О Тагоре» и «Бог у Уэллса»; 4) С. Каплун: «Об утопическом социализме»; 5) Е. Г. Лундберг: «Опыт комментария к Фаусту» и «Об исканиях А. Чехова»; 6) Н. М. Минский: «Власть и Труд», «Нужна ли религиозная истина» и «От Данте к Блоку»; 7) Александр Шрейдер: «Философия гнева»⁸⁹; 8) И. Эренбург: «Об оправдании вещи»; 9) Проф. А. Ященко «Бартолус».

Членами Совета Вольфила избраны: Андрей Белый (предс.), Проф. Ф. А. Браун (тов. предс.), Р. Р. Вальтер, З. А. Венгерова, Д-р В. Заале, Проф. Д. Койген, Е. Г. Лундберг (тов. предс.), Н. М. Минский (тов. предс.), А. М. Ремизов, С. Ремизова-Довгелло, Лев Шестов (почетн. предс.), Александр Шрейдер (секрет.), И. Эренбург и Проф. А. Ященко.

Действительными членами Вольфила избраны: Р. Абрамович, Р. Бланк, Н. Н. Белоцветов, Вл. В. Вальтер, И. В. Гессен, М. М. Гуревич, Проф. А. Лютер, Е. Д. Зайцева, С. Каплун, Ю. О. Мартов, С. Поляков (Литовцев), П. Сувчинский, В. Б. Станкевич, А. Н. Толстой, Г. В. Франк.

⁸⁷ Запланированные на декабрь беседы и публичные заседания Вольфила не состоялись.

⁸⁸ Новый мир. 1921. 11 декабря. № 265. С. 4. В сокращенном виде эта информация была также опубликована в петроградском журнале «Вестник литературы» (1922. № 23. С. 38).

⁸⁹ В архиве Иванова-Разумника сохранилась рукопись А. Шрейдера «Философия гнева. Очерки философии народничества», начатая в Бутырской тюрьме и датированная 15 февраля 1919 — маем 1921 гг. (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 166). Книга была опубликована берлинским издательством «Скифы» под названием «Очерки философии народничества» в 1923 г.

Из письма С. П. Ремизовой-Довгелло к З. Н. Гиппиус⁹⁰

Берлин. 10 декабря 1921 г.

...приехал Шестов, он непримиримый, и вообще, и я, и А. М. [Ремизов] его любим, после его лекции⁹¹ пошли в кафе, был Лундберг, они с Шестовым давно знакомы, и увязались за нами еще какие-то люди, много и в том числе Эренбург, оказалось Шестову надо было остановиться, и Эренбург ему уступил свою комнату и поэтому ходил за ним по пятам. Так было 2 раза, и потом на другой день появилась заметка, что устраивается Вольная философская Ассоциация, и там и я перечислена. Я тогда же расстроилась, но подумала, что не стоит отвечать, поскольку меня в сущности никто не знает, а будто бы вле-

⁹⁰ Amherst Center for Russian Culture. Архив З. Гиппиус и Д. Мережковского.

⁹¹ Л. Шестов выступал в Берлине с лекциями о Достоевском 23 и 30 ноября 1921 г. в зале Secession, Kurfürstendamm, 232. Анонсируя выступления (одно из них ошибочно, 27 ноября), «Руль», в частности, писал: «Имя лектора пользуется большой известностью как одного из выдающихся знатоков творчества Ф. М. Достоевского. В предстоящих лекциях Л. Шестов познакомит аудиторию с основными положениями своего нового большого труда о Достоевском» (23 ноября. № 309. С. 5). Ср. также с информацией в рубрике «Rossica» журнала «Летопись Дома Литераторов»: «23 и 30 ноября Лев Шестов прочел в Берлине два доклада о Достоевском. Докладчик охарактеризовал Достоевского как человека с двойным зрением. В «Записках из подполья» многие увидели только самообличение, но это величайшее мировое произведение. Бред это или галлюцинация — этого не знал сам Достоевский. Один из отрывков «Записок из подполья» кончается словами: «Постойте! Дайте дух перевести!» «Дух перевести» приходится и читателю. Отличием Достоевского от древних философов является нарушение им законов о незыблемости правил. Достоевский переступил через правила. Он старается отгадать психологию решительных людей, но это ему не удалось, он пришел к выводу, что решительных людей нет, есть только великие решения, идущие вразрез всему, вне всяких правил. Он не признает для себя обязательным даже того непреклонного закона, перед которым склоняет всякий раз голову Кант. Он ломится и бьется о каменную стену, воздвигнутую этой законностью. Чтобы восхитить небо, надо усомниться в правде идей. Он, словно дразнит, сам сознавая, что у него нет достаточных сил пробить эту каменную стену. Величайший мудрец древнего мира Платон пытался взлететь за пределы ограниченного опыта и увидел ничто. Но чтобы был великий восторг, надо узнать великий ужас, и вот Достоевский описывает муки унижаемого человека. Чем больше унижают, тем больше наслаждения, и всюду одна цель — вырваться от пещерной жизни к новой» (1921. 20 декабря. № 4. С. 13).

заю, Андрей Белый убеждал <?> ответить и дал 2-ю заметку⁹². Это он написал, но ведь Андрею Белому надо же где-то говорить и читать, он очень хочет Вол<ьную> Ф<илософскую> Ас<социацию> устроить как в Петербурге есть, там это — место приятное, противобольшевистское, его большевики давно зарятся прикрыть, до сих пор стеснялись. Я была членом этой ВФА, хотя и редко туда ходила очень, вот он поэтому <меня> и внес, и вставил этого поганого Эренбурга по неловкости, <2 нрзб.>, ну да ведь Вы знаете, как это у Андрея Белого бывает. Я там наверно ни разу и не буду, здесь не то, что в Петербурге.

Андрей Белый

Культура в современной России⁹³

Культурная жизнь современной России представляет собой пеструю смесь противоречий и крайностей; [картины, полные ужаса, чередуется с] красота переплетается с безобразием, головные утопии с конкретнейшими достижениями в области искусства, забота о куске хлеба, одежде, дровах переплетается с мыслями о Вечности и о гро-

⁹² Речь идет о заметке, опубликованной в «Голосе России» 10 декабря.

⁹³ С публичной лекцией «Культура в современной России» Андрей Белый выступил в Берлине 14 декабря 1921 г. перед аудиторией новообразованного Дома Искусств. Вскоре на страницах журнала «Новая русская книга» (1922. № 1. С. 2–6) появилась статья под аналогичным названием. В настоящем издании впервые публикуется ее рукописный вариант, хранящийся в Литературном архиве Национального Музея (Прага), в фонде А. Элиасберга. В квадратных скобках восстанавливаются вычеркнутые автором слова, которые дают представление о характере и направлении эволюции его политических и художественных взглядов в начале 1920-х гг. Ср. также с записью И. А. Бунина от 21 января 1922 г. о его беседе с Л. Шестовым, в которой обсуждались доклады Ремизова о петербургской весне 1920 г. (См.: А. Ремизов. Ахру. Повесть петербургская. — Берлин; Пб.; М., 1922) и Белого о культуре современной России, прочитанные в берлинском Доме Искусств в начале декабря 1921 г.: «Он [Шестов] говорит, что Белый ненавидит большевиков, только боится, как и Ремизов, стать эмигрантом, отрезать себе путь назад в Россию. “Жизнь в России, — говорит Белый — дикий кошмар. Если собрались 5–6 человек родных, близких, страшно все осторожны, — всегда может оказаться предателем кто-нибудь”. А на лекциях этот мерзавец говорит, что “все-таки” (несмотря на разрушение материальной культуры) из России воссияет на весь мир несказанный свет» (Устами Буниных. Т. 2. — Франкфурт-на-Майне, 1981. С. 78).

бе; смерть и воскресение, гибель и рождение новой культуры — все это столкнуто; норма отсутствует.

[И все с будущей и будущей] С уверенностью проходя через ряд картин русской жизни, переживая эти картины в себе, умирая и воскресая на протяжении одного дня, — твердишь себе: *«Новая Россия родилась: испытание огнем пройдено»*.

[Это] Ощущение рождения [новых] еще не отстоявшихся в форме идей, импульсов, чувств, эстетических и моральных переживаний сопутствует всюду; оно дает силу [подчас выносить] нести изо дня в день [и из часа в час] непереносимые бремена.

В жизни современной России у среднего человека отнято все, на чем [была построена] построилась прежняя жизнь: вера в неизбежность [основных черт] быта, [основных] устоев морали и государственности; каждое [естественное] почти подсознательное, движение (нажал кнопку звонка, — отворилась дверь, протянул руку за спичкой, — она под руками) теперь требует осознания и величайшего напряжения, отнимая, казалось бы, энергию для всякой деятельности (если хочешь, чтобы открылась дверь, — стучи до изнеможения; нужна в спичках, — беги через весь Невский [за спичками]); сброшены [все] формы; и люди зажили в бесформенном; каждую вещь вынуждены они сызнова называть, сызнова изобретать. Но в этом первозданном хаосе, закопотившемся под колпаком всеобщего государственного [железного] режима, — забилося здесь и там яркое, индивидуальное творчество. Здравый смысл опрокинулся; [и для тех] для того, [для] у кого не было никакого жизненного смысла, кроме обычного, *«здорового»*, — с 1918 года наступил конец России, жизни вообще, жизни живого, индивидуального *«Я»*, осознававшего себя лишь *«субъектом»*, оформливающим *предлежащую* действительность; рухнула она, и — что такое *«Я»*? *«Субъект»* формы? Но формы то и не оказалось: не оказалось и *«субъекта»* формы; он должен был исчезнуть; и он — исчез.

Исчезновение обывателя, *«субъекта здравого смысла»*, переживали мы в 1918—1919 годах, как картину деморализации многих сознаний, ни способных подняться над хаосом бесформенного, ни способных научиться строить жизнь на принципах текучей стихии; эти, стихиею захлебнувшиеся, пошли ко дну; и там, на дне, зажили в дочеловеческих формах всяческой [спекуляции и] деморализации. Было много картин гибели; [казавшихся подлинной солью земли русской; но] соль здравого смысла [их не сумела] не осолонила[сь] стихией [русской] жизни. Приподнявшиеся над жизнью? Одни эмигрировали в [совершенно] абстрактную сферу [отвлеченных,] безжизненных принципов, в [сторону] воспоминания о прошлом; и там, в стране воспоминаний, они, отрезанные от [огромного] сложного процесса

переплавления сознания [в гуще жизни], продолжают повторять из года в год: «Ага, — что получилось: видите, видите — я прав!» [Слушая такие речи, получаешь впечатление] На одной чашке весов покоится сознание Ивана Ивановича, на другой — миллионы живых сознаний русских, мучительно ищущих [новых] критериев [для измерения и переоценки прошлой и настоящей] действительности и все еще имеющих готовых ответов; и чашка весов с сознанием Ивана Ивановича — перевешивает: «Ага, видите: я был прав!» Иван Иванович был прав; но бывшая правота его привела... к [настоящей его эмиграции] эмиграции из страны живой, хоть мучительной жизни; теперь он прав — «в стране воспоминаний», а эта страна — отвлеченные понятия Ивана Ивановича, которые он за пересмотром чужих понятий *не удосужился* пересмотреть у себя в голове. Он возвысился к себе в голову; и теперь, бестелесный, плавает у себя в голове по водам потопа; голова его [герметически] закупорена; и голубь с масличной ветвью не сможет к нему прилететь: разобьется о головной аппарат [Ивана Ивановича]: «*Как так? Что доброе может [произойти] возникнуть в России, когда я увез Россию у себя в голове? Какая такая Россия? Пустое место?..*»

Другие из «возвысившихся» над хаосом первозданным — возвысились другим способом: возвысились в утопическое строительство новых форм жизни, игнорирующее рост [живой органический рост] жизни снизу; [эти] последние, «*ответственные работники*» Главпрофбров и Чусоснабармов⁹⁴ развивают огромное бумажное производное схем [учреждений], через каждые три месяца сообразно схеме перестраивая сверху до низу целые системы учреждений и заливая асфальтом государственной нивелировки всякую пробивающуюся снизу зелень.

Эти живут не в XX^{ом} столетии, а СХХ^{ом}; и на всякую масличную ветвь нового культурного творчества смотрят с точки зрения асфальтовщиков: «*Зеленая ветвь? По какому декрету? Залить асфальтом!*»

Но зелень юной культуры сильна. Она ни с потонувшими, ни с ушедшими в страну воспоминаний, ни со строителями жизни сверху, мечтающими о гомункуле, но не умеющими гомункула создать (вместо «*гомункулов*» получают лишь грубые модели «*гомункулов*», от которых, к счастью, вынуждены отступать сами строители жизни). У тех, других, третьих, нет подлинного, сдвига сознания, а лишь разнообразие формы инерций; есть инерция покоя (она с эмигрировавшими к себе в голову, твердыми «*царем в голове*»); и есть инерция

⁹⁴ Говорят, будто где-то возник Чорт — Чрезвычайный Отдел Разгрузки Транспорта (примеч. авт.).

параллельного, равномерного движения: эта последняя стремительно выводит из всякого организационного действия; представители революционной инерции ничем не отличаются от реакционеров, инертных покоем; те и другие — «оптанты» утопий, автоматически вымолачиваемых их ветхим сознанием. В тех и других не было подлинного столкновения в душе жизни и смерти; те и другие не умирали конкретно; те и другие не проросли.

Не проросшую линией 1918—1921 годов русской жизни есть линия всяких политических экспериментов (от крайних правых до крайних левых). Ни одно политическое, агитационное начинание последних лет не [приводило] привело ни к чему: но под ужасными ударами всяких экспериментов именно в живом слое сознаний (не утонувшем и не убежавшем в абстракции) выковывалась последняя мужественная решимость: остановить бесплодную стукотню готовых определений и слов у себя в голове (кадетских, эсерских, марксистских) и остаться с предстоящей действительностью: описать ее текучие и ни с чем не сравнимые формы, прикоснуться к накопленному материалу сознания и [разглядеть его] по своему [крайнему разумению] уразуметь.

К этому подошли наиболее [смелые] независимые умы (всех слоев культуры, образования, всех классов и возрастов, всех профессий и всех устремлений): и — что же в итоге? Раздались голоса о том, что с многообразием лозунгов, мировоззрений, вкусов, законов обстоит дело не так, как рисовали их толстые журналы кадетских, эсеровских, меньшевистских и большевистских лозунгов старого довоенного и до-революционного времени.

Сперва индивидуальные заявления эти звучали, как крайний скандал в том лагере, где [эти] заявления раздавались; появились бескорыстные «*ренегаты*» всех лагерей; и по новому встретились.

[Если] Временем индивидуалистического переживания, переоценки всех старых (ре- и контр-революционных) лозунгов были года 1918—1919ый; [когда] эта переоценка происходила под огнем гражданской войны, когда близкие по крови уничтожали друг друга на фронтах, проклинали и мучили друг друга за фронтами; в лицо всем глядела смерть: холодом, голодом, тифом; и люди, сидящие в температуре ниже 0°, вынужденные колоть дрова и тайком растаскивать деревянные заборы, люди, измученные стоянием в хвостах, — вечерами тащились по темным улицам Москвы, Петрограда погреться духовными интересами ([ибо] тепла материального не было); множество частных кружков, студий, частных курсов существовали вопреки всякому вероятию; вопросы о Вечности и о Гробе поднимались теперь людьми, стоящими перед лицом Вечности и Гроба; конечно же, — эти вопросы и ставились, и разрешались не так, как того хотели эмигранты

из жизни (улепетывавшие за границу сознания или в недра сознания «Чусо-снабармов»); в вопросах и ставимых, и разрешаемых по иному, впервые обнаружился тот подлинный *сдвиг сознания*, о котором многим не перескажешь ни за границей, ни внутри границы, ибо этот сдвиг был выстрадан всею сложностью противоречий, сосуществующих в одном сознании и срывающих маску с умершего смысла (по традициям именуемого «здравым») в устремлениях к конкретному смыслу жизни.

Только тот, кто сказал себе «*Stirb und Werde*»⁹⁵, получил эту новую способность: описывать то, что есть, а не то, чего следует *a priori*⁹⁶ ожидать с точки зрения готового лозунга.

Весной 1920 года повеяло вдруг какой[-то] бурной, полной новых возможностей весной: это «*независимые*» люди новой, духовной революции перекликались друг с другом, пока безымянные; это Иванушка Дурачок оказался умнее [своих] братьев.

Всякая культура есть целое многообразных узваний: она есть знание чего-либо в связи с чем-либо; она есть со-знание, где «со» есть во все не механическая связь, а целое организма, т. е. некое «Само». Культура культур есть само-со-знание; где само- или *Selbst* в переводе на Санскрит есть *Atman*, или дыхание жизни; Дух жизни; Само-со-знание человека, как духовного начала, есть культура культур, где культура — со-знание, т. е. целое знаний; такими знаниями [суть] является все многообразие наук, искусств, систем мысли и воли; то, что мы называли культурой в XIX веке, не имело никакого отношения к культуре; это были рассмотрения продуктов человеческого созидания (форм быта, мысли, изделий) сквозь призму одной из этих форм, где культурное целое представлялось всегда в однобокой проекции. Культура не в *ставшем*, а в *становлении*, не в форме, а в творческом процессе образования многоразличия форм. Ощущение кризиса всей культуры было нам ощущением разбившейся формы, взятой вне связи форм, выходение из однобокого знания в со-знание; ощущение незнания, *тьмы* под ударом войны, революций и потрясения основ жизни, было явственным испытанием и требованием найти центр не в проекции формы (в знании), а в целом круга форм, в со-знании; а это со-знание возможно лишь в понимании «со», как «само-»: в само-со-знании, в духовном начале, в космическом расширении замкнутого границами «Я». Так выход из границ ощущался как *тьма*; *тьма* есть тьма

⁹⁵ «Умри и будь» (нем.) — слова из стихотворения И. В. Гете «Блаженное томление» (1814).

⁹⁶ независимо от опыта (лат.).

хаоса; и от нашего умения сказать «Да, будет свет» воистину зависит: перейти от знания к со-знанию или к не-знанию.

В таких [смутных] парадоксальных словах лишь могу [я] описать я ту смутную правду о «Я», о «Сознании» и о духовном восприятии мира, расширенном новым само-сознанием, которую почувствовал ряд людей «нового сдвига»; и об этой новой правде рожденной культуры (еще не оформленной), запели стихи у поэтов; [заговорили] кипящие строчки прозаиков им ответили тем же; о том же заговорили в публичных беседах, на лекциях, чуть ли не митингуя вопросы о Вечности, Гробе, Самосознании, — в аудиториях, [лишь] два года назад внимавших лишь лозунгам политических партий; говорить на кафедре о последнем, твоём, пережитом тобою в холодных, зимних стенах, в одиночестве, во мраке и в окружении тифа, расстрелов и вшей, — говорить о невнятном, неопишемом в форме оказалось воистину неожиданным социальным делом; критерии перевернулись: невнятное стало внятным; вчера внятное — выветренным, непонятым, ненужным, чуждым.

И такую невнятицей оказалась политика; и такую невнятицей оказалась вчерашняя журналистика. Интересно под этим углом зрения рассмотреть несколько частных в быте идеологических построений, треснувших по всем швам.

Например: вопрос о пролетарском искусстве и пролетарской культуре одно время был центром [статей] обсуждения в самых противоположных лагерях; в одних лагерях *a priori* утверждали мощь, силу и новизну пролетарской культуры точно определяя и измеряя ее формы; пролетарские поэты де должны были писать по Богданову хорейми, ямбами, избегать сложных ритмов; в их поэзии де должен был умереть индивидуализм; самое «Я» должно было исчезнуть из их лексикона, сменяясь на «мы»⁹⁷.

В противоположных лагерях не оспаривались эти признаки пролетарской культуры; но *a priori* пролетарская поэзия объявлялась бесильной, неинтересной и вялой; и пролетарские поэты рисовались

⁹⁷ Ср.: «...собрание пролетариата в городах и на заводах имеет огромное и сложное влияние на его психику. Оно помогает развиваться сознанию того, что в труде, в борьбе со стихиями и жизнью личность — только звено великой цепи, и взятая отдельно, была бы совершенно бессильной игрушкой внешних сил, нежизнеспособным кусочком ткани, отрезанным от могучего организма. Личное “я” сводится к его настоящим размерам и надлежащему месту» (А. Богданов. Что такое пролетарская поэзия? // Пролетарская культура. 1918. Июль. № 1. С. 18).

тенденциозными молодцами с квадратными подбородками, единственная миссия которых разбивать молотами бюсты Пушкина и проповедовать Интернационал.

Таким и оказалось творчество не пролетариев, а интеллигентов Князева и Демьяна Бедного⁹⁸, о которых не раз приходилось мне слышать [обидные] убийственные отзывы от ряда поэтов, вышедших из пролетарской среды,

[Вопреки] Во время криков «за» и «против» пролетарской поэзии в студиях стиховедения ПролетКультов наперекор Богдановым, Фриче⁹⁹ и Лебедевым-Полянским¹⁰⁰, с одной стороны, <и крикам> наперекор эстетам, снобам и эйленшпигелям¹⁰¹ (разных поэтических школочек) — поэты из пролетариев упорно, скромно, трудолюбиво изучали музу Пушкина, Тютчева, Гоголя, благоговейно приемля дары вечной культуры искусств.

[К нам приблизившись] Вместо любви к хорям и ямбам в произведениях пролетарских поэтов появились утонченные и сложнее ритмы; проблемы ритмики, эвфонии, словесной орнаментики оказались необходимою пищею их художественного самоопределения. Никогда не забуду разительного факта: весной 1919 года в О<бщест>ве Любителей Российской Словесности мне пришлось выступать с рефератом на тему «О ритмическом жесте»; профессора, доценты и просвещенные члены О<бщест>ва, оказывая внимание моим изысканиям, признавались, что для них эти вопросы и новы и сложны; между тем: весь сезон 1918–1919 годов мне приходилось работать в кругу этих вопросов с группой «пролетарских» поэтов¹⁰², с бесконечно

⁹⁸ Поэт-сатирик Василий Васильевич Князев (1887–1937), хотя и являлся выходцем из купеческой семьи, был причислен после революции к т. н. «пролетарским поэтам» и даже просил называть себя «поэтом пролетарской революции». Демьян Бедный (наст. имя и фам. Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945), из семьи крестьян, будучи до революции «действительным студентом» Петербургского университета, выступал в большевистской печати, а после Октября 1917 г. получил широкую известность своими баснями и поэтическими фельетонами политико-агитационного характера.

⁹⁹ Владимир Максимович Фриче (1870–1929) — критик, один из видных представителей т. н. «вульгарного социологизма» в литературоведении.

¹⁰⁰ Павел Иванович Лебедев-Полянский (1881–1948) — литературный критик марксистского направления, в 1918–1920 гг. председатель Всероссийского совета Пролеткульта.

¹⁰¹ Здесь: шутам (нем.).

¹⁰² С октября 1918 по май 1919 г. Андрей Белый вел в московском Пролеткульте (в состав слушателей которого входили т. н. «пролетарские поэты»

большею пристальностью углубляясь в детали тем. Пролетарские поэты углублялись в теории слова, в проблемы философии языка, [а] через них переходя в круг обще-философских проблем. Их художественные вкусы? Один — влекся к Пушкину, другой — к Тютчеву; тот — к Рабиндранат Тагору; многие — к Блоку. Вместо отсутствия индивидуализма один из критиков (бывший рабочий) проповедовал: в максимуме индивидуализма и динамизма лишь сможет окрепнуть поэзия пролетариев. И поднимались дебаты о том, может ли быть поэзия пролетарских поэтов *«пролетарской поэзией»*. Вместо коллективного «мы» поэты из пролетариев все чаще и чаще заговаривали о конкретном ощущении космического «Я» (нового «Я»), уничтожающего антиномию между «Я» личным и суммою этих «Я» (или «мы»). Поднимались проблемы самосознания и космического сознания.

Помню, как связь моя с кружком пролетарских поэтов подвергалась всяческому осмеянию, подозрению, клевете; одни в ней видели лишь *«службу начальству»*, другие коварную агитацию *«буржуазного спеца»*, деморализующего стихию пролетарской культуры; не видели одного: любви поэта к поэтам же и совместного ощущения [новых] форм за-классовой, вечной поэзии, по новому грядущей к нам. Вместо твердокаменных разрушителей ценностей (желанных одним и *a priori* ненавидимых другими) вышла новая, оригинальная, еще слегка прорастающая зеленью форм школа поэтов, о, насколько более серьезная, чем фаланга кофейных поэтов.

Разве нет свежести в строках:

Бегут и брызжут мостовые
И, вспрыскиваемые по-голова,
Несутся ветерки сырые,
Засучивая голубые
Шуршащие рукава¹⁰³.

Н. Полетаев, Н. Панов (Дир Туманный), В. Казин, В. Александровский и др.) курсы «Стихovedение» и «Теория художественного слова».

¹⁰³ Из стихотворения В. Казина (*примеч. авт.*). Андрей Белый цитирует первые пять строк стихотворения Василия Васильевича Казина (1898–1981) «Вешнее вдохновение», две последние из которых отличаются от канонического текста: «Раскидывая голубые / Крылатые рукава». См.: В. Казин. Рабочий май: Стихи. — Пб., 1922. С. 20. В публикации «Новой русской книги» приведено (с небольшими неточностями) стихотворение Казина «Гармонист»: «Было тихо. Было видно дворнику. / Как улегся ветер под забор / И позевывал... И вдруг с гармоникой / Гармонист вошел во двор. / Вскинул на плечо ремень гармоники / И рассыпал сердце по ладам, / Грянул — и на подоконниках / Все цветы поплыли по лугам, / Закачались зданья кирпичные, / Далью, да-

Или:

Давно такого не было лентяя!
Такого солнца! Желтый лежебок!
Подумайте, до самого до мая
Замешкать, задержать снежок!
И лишь один протыплен переулок!
Где так душист дымится грунтозем,
Как будто бы, не погасив, с огнем
Тут солнце бросило окурок¹⁰⁴.

Трудно узнать в этом нежном узоре поэзии, такой юной и свежей, «квадратный подбородок» растаптывателя вечных ценностей культуры; и не узнать в нем рецепта г. Богданова, данного пролетарским поэтам. Между тем: автор стихотворения — пролетарий.

Другой пример, нарушающий априорные построения инертных революционеров и инертных реакционеров: подлинный состав новой, демократической аудитории, куда валом валят бывшие представители «масс», переставших быть массами. Согласно представлениям одних, забаррикадировавших свои кабинеты абстракциями в 1918—1919 годах, в этих массовых аудиториях должно было господствовать сплошное митингование; согласно другим: там должны были раздаваться лишь полные злобы крики: «Смерть буржуйам»; эти представления продолжали жить и тогда, когда в полных аудиториях бывшие массы, ставшие суммой индивидуумов, обсуждали трепетно проблемы Вечности и Гроба. Уже здесь, в Берлине, меня спрашивали о том, кричат ли в России столь замечательном явлении, как «Переписка из двух углов» (В. Иванова, М. О. Гершензона). У меня не хватило духа разочаровать спрашивающего ответом: «Нет, не кричат, потому что из всех углов России идет говор на темы этой “Переписки”... — до “Переписки” еще». Не хватило сил ответить, что в одной Вольной Философской Ассоциации на протяжении 50 открытых заседаний были сказаны «томы» ненаписанных книг на тему «Переписки», из которых десятки и сотни страниц звучали острее, тоньше и пронизательней

лью опьянясь; / Ягодами земляничными / Стала сладко бредить грязь. / Выступил народ на подоконники, / И помчался каждый, бодр и бос, / Под трезвонами гармоник / По студеному раздолью рос. / Почтальон пришел и, зачарованный, / Пробежав глазами адреса, / Увидел, что письма адресованы / Только нивам и лесам» (Казин В. Рабочий май. С. 12).

¹⁰⁴ Стихотворение В. Казина (примеч. авт.). С небольшими неточностями цитируется стихотворение «Давно такого не было лентяя!..» (См.: Там же. С. 14).

«Переписки». То же происходило в аудиториях Москвы (в *Политехническом Музее*, «Дворце Искусств», в многообразных студиях), в 1920–1921 годах, куда наконец пришли многие из забаррикадированных собственными абстракциями еще недавно; иные из них [должны были признать] признавались: аудитория переменялась. Она стала гибче, тоньше и восприимчивей. В сердцах пишутся томы, подобные и превосходящие «Переписку», уже написаны в сознании новой, русской грядущей культуры (отсутствие бумаги еще не признак отсутствия культуры мысли); новая культура, новая, свободная мысль уже есть вопреки всяким «скрежетам зубовным»; и странно говорить о «переписке» из двух углов, когда стоит говор сотен и тысяч сознаний, сошедшихся из всех углов и заявляющих фактом своего бытия: есть культура в России, культура, выдавшая перед собой лик гроба и смерти, не убоявшаяся ни гробов современности, ни гробов, ей сколачиваемых издалека.

Это — культура сходящей к России Вечности.

Мих. Шварц

Андрей Белый о грядущей России¹⁰⁵

Андрей Белый — одна из интереснейших и ярких фигур в современной русской литературе. Его духовное развитие шло сложным, мы бы сказали извилистым путем. Некогда, лет 20 тому назад, один из основателей «декадентского» журнала «Весы» он вместе с Брюсовым, Балтрушайтисом, Бальмонтом и др. поднял знамя культурно-эстетического бунта против односторонней, чрезмерно морализирующей тенденции господствовавших тогда партийно-политических идеологий,

¹⁰⁵ По поводу его доклада «Современная культура в России» (*примеч. авт.*). Голос России. 1921. 21 декабря. № 845. С. 2. Михаил Наумович Шварц (?–1946) — философ, журналист. На выступление Белого также откликнулся просветский «Новый мир» заметкой «Доклад Андрея Белого о Советской России». Обозреватель, подписавшийся инициалами «Р. Ш.», пересказывая речь писателя, интерпретировал ее как апологетику нового коллективистского сознания: «Россия независимая, свободная, но голодная, холодная и вшивая, дает формы будущего. Гордо вспыхнуло подлинное “я” человека. Сознание вспыхнуло, сознание есть, есть “Со”, а если есть “Со”, то будет и знание, будет цивилизация, будет культура. <...> Впечатление от доклада было сильное, аудитория, не совсем многочисленная, но довольно разношерстная, тепло встретила и проводила поэта» (1921. 17 декабря. № 270. С. 4).

представленных нашими толстыми журналами, вроде «Русской Мысли», «Русского Богатства» и «Мира Божьего». Белый и его духовные единомышленники защищали тогда автономию искусства и, в частности, автономию духовной культуры против «политической цензуры снизу», исходившей от радикально-социалистических групп, в своем моральном фанатизме отрицавших все другие духовные ценности. В такую одностороннюю русскую политическую общественность, благодаря родственной ему литературной группе, вливалась широкая струя эстетической культуры и устанавливалось духовное единение с жизнью Запада, где тогда вновь расцветало романтическое движение, объявившее войну чрезмерному рационализму европейской жизни.

Европейская нео-романтика в лице своих философов (Ницше) и поэтов (Верлена, Малларме, Рембо, Метерлинка и целой плеяды других славных имен) выдвигала тогда на первый план значение жизни «глубинной»: инстинктивной, эмоциональной, как противовес рационализму, «скользящему лишь по поверхности вещей», и конкретный индивидуализм — как противовес абстрактному индивидуализму. Ибо этот последний с его теорией отвлеченного человека, «человека вообще», как бы сводил на нет всю ценность самобытной индивидуальности, неповторимой в ее своеобразии, в ее исключительности.

Андрей Белый, этот русский нео-романтик, вместе с Брюсовым, Бальмонтом и др., дал нам «русские перепевы» европейской романтической мелодии.

Но чисто эстетическое миропонимание, в его романтической оправе, сменилось вскоре у Белого, как и у некоторых его единомышленников, тяготением к своеобразному религиозному народничеству, представлявшему, в последнем счете, лишь своего рода ответвление славянофильского течения. Затем в эпоху первой русской революции Белый становится временно марксистом, а в эпоху революции второй — *если дошедшие до нас сведения верны*, он был краткосрочно даже и левым эс-эром и вместе с Блоком пытался вполне искренно отыскать глубокий идейный смысл и в самом явлении русского «большевизма», конечно, не в партийно-политическом, а в историческом и культурно-психологическом разрезе.

Судя по его докладу, этот этап уже окончательно *пройден*, и сквозь толщу официальной Советской России Белый провидит нарождающееся культурное сознание, исходящее из глубоких народных низов и еще не нашедшее своей окончательной формы. Эту грядущую Россию и пытался зарисовать Белый в своем докладе.

Белый резко отделяет понятие культуры от понятия цивилизации. Культура есть своеобразный духовный организм, ведущий свою особую жизнь и как бы развивающий заложенную в его глубине основную

идею по имманентным, внутренним законам своего бытия. Цивилизация же — есть лишь рациональная организация жизни общественной и индивидуальной, в целях достижения наибольшего блага, как для самого социального целого, так и для отдельной личности. Культура есть бескорыстное творчество духовных ценностей. Она органична и динамична, она есть бесконечный духовный процесс, полный творческих смен, где каждый этап зачастую является либо новым сдвигом, либо новым синтезом. Цивилизации же, в отличие от этой духовной текучести, присущей всякой культуре, как таковой, есть нечто застывшее, окаменевшее. Здесь живая «культурная душа», исчерпав все свои творческие возможности, словно превращается в «мумию». Сила и ценность культуры заключается в ее инстинктивном и эмоциональном фонде и, когда последний изжит, — закончился и солнечный бег «культурной души». Тогда и наступают «сумерки культуры», или точнее, — период цивилизации, окрашенный рационализмом.

Здесь Белый несомненно, быть может даже не подозревая этого, близко подходит к культурно-философской позиции Освальда Шпенглера, установившего (см. «Гибель Запада») принципиальное, качественное различие между понятиями культуры и цивилизации. Прежние исследователи, особенно английские и французские, либо вообще не употребляли термина «культура» и в понятие «цивилизация» вкладывали все те признаки, которые Шпенглер (а вслед за ним и Белый) вкладывают ныне в понятие культуры. В Германии же, как известно, получили право гражданства оба термина, причем до Шпенглера принципиальной разницы между ними не делалось. Цивилизация толковалась как «полукультура» (*Halbkultur*) и психологически определялась как переходящая ступень от «духовной связанности», присущей примитивному сознанию, — к свободному самоопределению суверенной личности, всегда характерной для вполне развитой культуры (Лампрехт и Фиркант).

И далее, подчеркивание значения жизни инстинктивной, жизни «сумеречного сознания» в противовес интеллектуальной функции нашего «я», проходившее красной нитью через весь доклад Белого, роднит его с европейской романтической философией, для которой, начиная с Шеллинга, понятие «жизни» (инстинктивной) являлось понятием центральным.

Органическое же миропонимание, впервые выдвинутое Шеллингом в области природы и истории, в лице Шпенглера нашло своего завершителя: он пытался построить и органическую философию культуры, толкуя каждую отдельную культурную систему, как своеобразный организм высшего типа. Таким образом и здесь культуровоззрение Белого, правда лишь эскизно намеченное в его докладе,

является как бы своеобразным русским ответвлением западного романтизма. На основе такого романтического истолкования понятий «культуры» и «цивилизации» Белый пытается выяснить смысл и сущность создающегося *современного* русского культурного сознания. Причем «современность» понимается им в углубленном значении этого термина: не текущая злободневность имеется здесь в виду, а лишь идейное предвосхищение грядущих событий. Так, современная мировая катастрофа, когда весь мир как бы лежит в конвульсиях, была задолго предсказана Ницше, провозгласившим моральное банкротство всей нашей культуры («смерть морального бога») и Толстым, также предвещавшим неизбежность кровавой рабочей революции, как катастрофический конец всей нашей буржуазной культурной системы. Но «современность» в обычном понимании, в лице ее духовных руководителей, лишь презрительно отнеслась к этим пророческим прозрениям, равно как она же долго замалчивала или даже высмеивала тональную теорию относительности Эйнштейна.

Грядущая русская культура, идущая из глубин русского народа, «заглянувшего в лицо смерти», и есть «современная» в толковании Белого. Пусть это создающееся культурное сознание России еще не оформилось, еще не обрело своей «цивилизации», но раз уже зародился новый «невидимый свет», новая духовная творческая сила, то рано или поздно она найдет свое воплощение в конкретной жизни.

Эти теоретические соображения Белый обосновывает на своих личных наблюдениях и переживаниях, главным образом, во время своей педагогической деятельности в так называемом «Пролеткульте».

В 1918 году Белый был приглашен в студию «Пролеткульта», как «спец» для обучения «пролетарских поэтов» технике стиха. Непрерывный контакт в течение целого года с подлинными пролетариями, заставил его отказаться от прежних предвзятых мнений по адресу как пролетариата, так и пролетарской культуры. Оказалось, что подлинные пролетарии, в отличие от их самозванных интеллигентских руководителей, отнюдь не являлись сторонниками какой-либо классовой культуры и менее всего тяготели к социально-утилитарному пониманию жизни. Белого приятно поразил их неподдельный интерес к истинной поэзии и даже к утонченной технике стиха. Его «пролетарские» ученики были далеки от всех отвлеченных политических идеологий и вообще тяготели к конкретному, жизненному.

Новая Россия, по убеждению Белого, уже навсегда освободилась от традиционных социально-политических точек зрения и лозунгов. Она сорвала с себя эти «личины» и ныне самостоятельно и независимо ищет новых духовных путей. На современную аудиторию могут влиять лишь люди совершенно отрешившиеся от всех устарелых полити-

ческих ориентировок и лишь самостоятельно думающие и чувствующие. По интересному замечанию Белого, здесь зачастую возникают своего рода «советы снизу» (глубоко враждебные «советам сверху») в которых ярко выражается духовная солидарность широких народных масс в области мышления и чувствования на основе однородных и глубоких переживаний.

«Вольфила» (Вольная Философская Ассоциация), возникавшая в Петербурге и в Москве, и доступ в которую открыт всякому, идет навстречу этому коллективному исканию истины, этому «вселенскому эросу» русского народа, ищущему здесь не застывших догм, а конкретной, насыщенной жизнью, идеологии.

Цивилизация, с ее социальным разделением труда, превратила каждого индивида в «спеца», сузив его умственный горизонт и этим самым лишив его духовной целостности. Теперь, когда на наших глазах происходит крушение мировой цивилизации, необходимо снять все ее разъединяющие перегородки и восстановить человека в его духовном единстве.

Грядущая культурная Россия будет духовно независима и свободна. В тяжких муках обрела она самостоятельное свое обновление и не потерпит никакого непрошеного руководства ни со стороны официальной Советской России, ни со стороны эмиграции всех оттенков. Обоим лагерям она скажет: «руки прочь». Но найдя свой истинный путь, Россия, по убеждению Белого, обрела его не для одной лишь себя: она явится «мессией грядущего дня».

Мы уже осветили выше историко-критически несомненно интересные культурно-философские воззрения Белого и вскрыли его близкое духовное родство с линией западного романтизма и, в частности, с культуровоззрением Шпенглера. Нам остается лишь прибавить, что Белый, как и все представители романтической философии культуры, чрезмерно переоценивают значение жизни инстинктивной и злоупотребляет биологическими аналогиями, которые (как уже это имело место в биологической социологии), не могут исчерпать всего чисто духовного содержания человеческой культуры. Они являются здесь лишь полезным методологическим приемом (эвристическим принципом), но окончательного исчерпывающего объяснения явления духовной культуры дать, конечно, не могут.

И далее, Белый, к сожалению, недостаточно четко выявил все духовное содержание нарождающегося русского культурного сознания. Его беглые замечания, конечно нас вполне удовлетворить не могут. Быть может и вообще не назрел момент для анализа этого сложного явления из области коллективной психологии, сказали бы мы в оправдание Белого.

Тем не менее его доклад заслуживает серьезного внимания, как ценный психологический документ: крупный русский поэт поведал нам о грядущей России, как она предносится его духовному взору.

Лев Шестов против большевизма¹⁰⁶

На днях в издательстве «Скифы» выходит одновременно на русском, французском и немецком языках брошюра Льва Шестова, содержащая резкую критику большевизма. Несмотря на строгости большевистской цензуры, руководителю «Скифов» Е. Г. Лундбергу, благодаря его связям в большевистских кругах, удалось преодолеть все препятствия к выходу книги, которая будет направлена и в Россию.

А. Даманская

Антропософия. Лекция Рудольфа Штейнера¹⁰⁷

Имя Рудольфа Штейнера для русских тесно связано с именем Андрея Белого, давно приобщившегося его учению и усердно пропагандировавшего его в России. В Петрограде Андрей Белый читал об Антропософии в «Доме Искусств», в «Вольной философской ассоциации», и называл Рудольфа Штейнера учителем с прописным «У».

Читал он об антропософии, о бесконечных возможностях бесконечно прекрасного человеческого духа в дни голода, тифа, грязи, расстрелов, грабежей, одурелой мути и всеобщего отчаяния. Его слушали: бездомные и голодные, которым великой отрадой было сидеть в чистом и теплом зале, и под певучую ритмическую речь поэта забыть хоть на несколько минут про голод, про больницу, где умирали близкие, про грязь и смрад и звериный домашний быт. Слушали — девушки и юноши, которые, не понимая Андрея Белого и смутно томясь этим непониманием, пленялись голосом знаменитого поэта, его вдохновенным изможденным лицом, его черной шелковой шапочкой на седых кудрях, и черным плашиком-ряской, делавшей его похожим на средневекового монаха... Слушали — матросы, красноармейцы —

¹⁰⁶ Руль. 1921. 16 декабря. № 329. С. 5. Заметка перепечатана парижской газетой «Последние новости» (1921. 20 декабря. № 515. С. 4).

¹⁰⁷ Голос России. 1921. 18 декабря. № 843. С. 3. Августа Филипповна Даманская (1875—1959) — писательница, переводчица.

их много приходило и в «Дом Искусств», и на собрания «Вольной Философской Ассоциации». — Одни слушали — с тупыми, обалдевшими лицами, уходили, не дослушав, плюясь и ругаясь. Иные, немногие, самые толковые и вдумчивые, дослушивали до конца, и делали из речей Андрея Белого вывод, который вряд ли входил в его проповедническую задачу: «Ну, да, конечно, коли захочем — все сможем... Университеты! Морочили нам головы — довольно! Человек, который понапрет на самого себя, и без всяких наук себя поставит...

И после каждой лекции, после каждого выступления Андрея Белого в Петрограде оставалось только чувство большой скорби за поэта, несомненно — искреннего, несомненно верующего и тщетно и безуспешно пытающегося приобщить других к какой-то истине, которая не совсем быть может еще кристаллизовалась в его сознании...

Лекция Рудольфа Штейнера собрала битком набитый большой зал Филармонии¹⁰⁸.

На эстраде стоял крепкий черноволосый человек — Рудольфу Штейнеру 61 год — с умным сухим лицом не то американского импресарио, не то испанского крупье, и сильным, привычным к большим аудиториям, голосом с вышколенными ровными движениями рук и головы излагал неограниченные возможности приобщившегося антропософии человеческого духа.

Скучно! Неубедительно-серый пересказ вдохновенно-страстных речей Андрея Белого. Но многочисленная аудитория, состояла из немцев, не слышавших раньше Андрея Белого, и эти слушали вначале очень внимательно, во время лекции обменивались раздраженными замечаниями и пожимали плечами. Многие ушли задолго до конца...

<...> Те требования душевной отваги, самообращения, жертвенного подвига, которое в словах родственного по духу Достоевскому русского поэта звучали таким ответственным, таким тяжким, «непримиримость, до конца» — в стройной, ловкой речи европейца, — Рудольфа Штейнера, было разжижено, ни горячо, ни холодно, а удобоприемлемо, тепловато, — температуры, которой не выносил еще старый Библейский бог, и «тепловатое» — бесцеремонно выплевывал...

¹⁰⁸ Вероятно, речь идет о лекции «Антропософия и наука», с которой основатель и руководитель Антропософского общества Р. Штейнер выступал в Берлинской филармонии 19 ноября 1921 г.

Печать¹⁰⁹

Литераторы и большевики

В № 332 «Руля» от 20 декабря напечатано следующее опровержение: В номере от 16-го декабря 1921 г. Вашей газеты сообщается о том, что издательством «Скифы» выпускается в свет работа Льва Шестова «о большевизме». Это неверно. Издательство «Скифы» подготавливает к печати лишь философские сочинения Льва Шестова. С совершенным уважением

Издательство «Скифы»

★

«Руль по этому поводу пишет:

Редакция действительно была введена в заблуждение, как это выясняется из заметки г. Скифа Ауто да фе.

★

Скиф

Ауто да фе

В № от 16 декабря напечатана заметка о предстоящем выходе в свет книги Льва Шестова о большевизме в издательстве «Скифы».

Увы! Это недоразумение. «Скифы» действительно отпечатали эту книгу. Вот она передо мною, на отличной бумаге, очень тщательно изданная. Но помните, как когда-то писал Некрасов:

Пропала книга. Уж совсем была готова, вдруг пропала.

Так было во времена дореформенной цензуры; но как это ни странно, такие же чудеса, и еще более изумительные, случаются и теперь, при полной свободе печати. Кто бы мог поверить, что и сейчас книги подвергаются ауто-да-фе, напоминая суровое средневековье.

О выходе этой книги было объявлено издательством «Скифы», руководимым, как известно, г. Лундбергом. Однако ко времени отпечатания этой книги г. Лундберг стал вместе с тем советским чиновником, и на отпечатанной книге Шестова уже не было указано, что она выходит в издательстве «Скифы». Этим, однако, злоключения книги Льва Шестова не кончились. Уже совсем была готова книга, вдруг пропала. Тридцать тысяч экземпляров прекрасно изданной на трех языках книги были подвергнуты средневековому ауто-да-фе. Предварительно г. Лундберг пытался убедить Льва Шестова, чтобы он сам отказался от выпуска этой книги, но Шестов не видел к этому оснований.

¹⁰⁹ Голос России. 1921. 23 декабря. № 847. С. 2.

За всем тем в только что образованной вольно-философской ассоциации Лев Шестов состоит почетным председателем, а г. Лундберг – товарищем председателя.

Все хорошо, что хорошо кончается. Но в мартирологе русской литературы имя г. Лундберга заслужило себе право на бессмертие.

В «Новом Мире» того же 20 декабря появилась заметка под названием «Контр-революционная печать и писатели»¹¹⁰, которую мы приводим полностью.

Контр-революционная печать всячески пытается осложнить положение писателей, живущих за границей и втянуть их в орбиту своих мелких дел. Опытные провокационных дел мастера прикладывают к этому руки и действуют не без тонкости.

В одной из берлинских газет несколько дней тому назад появилось интервью с писателем А. М. Ремизовым – интервью, которого он, как выяснилось, никому не давал. Отношение А. М. Ремизова к новой России полнее всего выяснилось в его книге «Огненная Россия»¹¹¹. И даже в поддельном интервью корреспонденту правой газеты не удалось вложить в уста писателя ничего враждебного.

Приехал в Берлин поэт, романист и философ Андрей Белый. В «Руле» появляется заметка о том, что Андрей Белый будет читать лекции под председательством г. Гессена¹¹². Позавчера лекция А. Белого состоялась, но самого председателя на эстраде как будто не было.

Тот же метод действия применен и к критику Е. Лундбергу. В «Руле» появилась заметка о том, что издательство «Скифы» издает на трех языках брошюру Л. Шестова, направленную против Советской России. Между тем, как общее направление издательства, так и настроение отдельных лиц, связанных с этим издательством, делает такого

¹¹⁰ Новый мир. 1921. 20 декабря. № 272. С. 3.

¹¹¹ В состав «Огненной России», которая вышла в ревельском издательстве «Библиофил» осенью 1921 г., были включены «Слово о погибели русской земли», «Огневица», «О судьбе огненной» и «Огненная Россия – памяти Достоевского».

¹¹² В рубрике «Хроника» «Руль» поместил следующее сообщение: «Приехавший в Берлин из Сов. России поэт Андрей Белый дал председателю правления Союза русских журналистов и литераторов в Германии И. В. Гессену согласие прочитать две публичных лекции. Первая – о Блоке, вторая – “Современный кризис”. Часть сбора будет отчислена в пользу русских студенческих организаций» (1921. 24 ноября. № 310. С. 4).

рода выступления невозможными. Особенно «тонки» следующие строки заметки: «не смотря на строгости большевистской цензуры... удалось преодолеть все препятствия к выходу книги, которая будет направлена и в Россию». Бессмыслица явная, но наворотить ее кому-то понадобилось.

Ст. Иванович

Мы и они¹¹³

В сегодняшнем номере газеты читатель найдет историю уничтожения книги Шестова, имевшей выйти в издательстве «Скифы», но не вышедшей вследствие того, что книга была неудобна для большевизма, а руководитель «Скифов» г. Лундберг получил казенную большевистскую должность. «30.000 экземпляров прекрасно изданной на трех языках книги были подвергнуты средневековому ауто-да-фе» во славу «пролетарской культуры».

«Руль», сообщивший об том, что работа Л. Шестова направляется в Россию, был введен в заблуждение, в котором он и покался, а покаявшись, сообщил эту кошмарную историю уничтожения книги руками литератора, но зато и администратора г. Лундберга. Одновременно с этим опровержением известия об отправке книги Шестова в Россию, появилось такое же опровержение в «Новом мире». «Бессмыслица явная, — писала газета, — но наворотить ее кому-то понадобилось». Газета объясняет это тем, что «контр-революционная печать всячески пытается осложнить положение писателей, живущих за границей и втянуть их в орбиту своих мелких дел. Опытные провокационных дел мастера прикладывают к этому руки и действуют не без тонкости».

Что пропуск в Россию книги независимого мыслителя есть для большевизма «бессмыслица явная» — против этого мы не спорим. Может быть ауто-да-фе, учиненное книге Шестова, является высшим выражением государственного смысла большевизма. Но когда рептилия обвиняет эмиграцию в том, что она стремится втянуть писателей «в орбиту своих мелких дел» — то поневоле начинаешь думать о том,

¹¹³ Голос России. 1921. 23 декабря. № 847. С. 2. Ст. Иванович (наст. имя и фам. Семен Осипович Португейс; 1880—1944) — журналист, меньшевик. «Руль», приводя выдержки из статьи Иванова в обзоре «Печать», отмечал: «Г.г. большевики, позванивая презренным металлом, развивают весьма энергичную деятельность» (1921. 24 декабря. № 366. С. 2).

как опытные большевистские агенты работают по вовлечению русских писателей в орбит своих, что и говорить, очень «крупных» дел. Что вокруг писателей и деятелей культуры, живущих в эмиграции, большевистские агенты ведут тонкую и сложную игру, обширно субсидируемую награбленными в России средствами — это мы чувствуем на каждом шагу. Что работа эта ведется столь энергично и столь широко, что независимому русскому писателю порой бывает трудно увернуться от цепких объятий большевистских молодцов — это тоже, в особенности в Берлине, чувствуется очень ясно. И надо правду сказать, большевистские агенты одерживают ряд побед. Становится трудно отличить, где кончается независимая культурная деятельность и где начинается сознательное или бессознательное служение видам и намерениям большевистских агентов.

Несомненно, независимая общественная мысль, критически относящаяся к литературно-большевистским комбинациям, осложняет положение писателей, осложняет его с той точки зрения, что им приходится в борьбе за свое существование испытывать ряд опасных соблазнов и провокационных затей со стороны большевистских агентов. Но это вообще задача независимой общественной мысли: «осложнять положение», которое большевикам рисуется в весьма простом виде: вот перед вами сильное правительство, вот накрытый стол, садитесь и кушайте на здоровье.

Есть много людей, которым противно садиться за этот стол. Есть люди, деятели литературы и культуры, которые за *этот* стол никогда не сядут. Есть люди, нравственному сознанию которых претит участие в комедии просвещенного абсолютизма, которую стремятся разыграть властители советской России. Положение этих людей далеко не легкое. Оторванные от родины, материально нуждающиеся, они вынуждены в своей работе двигаться узкими тропинками, испытывать бесконечные затруднения, лишь бы не присоединиться к сонму ликующих, праздно болтающих, обогащающих руки в крови. Их положение чрезвычайно сложное. Но это сложность моральной позиции, на которую идут приступом злые силы современного морально-общественного распада.

Трудно увернуться от общения с г. г. Лундбергами. Они всюду. Шагу нельзя ступить, чтобы на них не натолкнуться, хотя бы и в самом лучшем обществе. Ибо большевизм — это государство, мощь, сила, казна, а мы — мы, эмигранты, изгои, не имеющие где голову преклонить. Они стоят у врат царства, чрез которые нас вышибли дьяволы, утвердившиеся в этом царстве. У них мы должны просить пропускной билет, чтобы войти в дом свой и им мы должны предъявлять свидетельство о нашей благонадежности. И несмотря на все их мягкие

улыбки и нежные призывы, на всю их учтивость хорошо вышколенных жандармов, мы не можем им протянуть руки, потому что они жандармы. Мы отказываемся от показаний.

После этого жгут книги и судят нас за преступления печати и... просят нас сесть за один общий стол с ними.

Благодарим покорно.

Евг. Лундберг

История одной книги¹¹⁴

(Письмо в редакцию)

«Руль» с удовольствием рассказывает о том, что я уничтожил книгу Льва Шестова «О большевизме». «Руль», конечно, знает как и отчего это случилось. Когда-то, когда я не был советским чиновником, и хотел издать в издательстве «Скифы» книгу. Затем, я стал чиновником, конечно: — «продался и, продавшись, решил книгу уничтожить». И уничтожил.

Имя Льва Шестова — настолько большое имя, что все, имеющее к нему отношение, приобретает общественный интерес. И особенно — уничтожение его книги. «Руль» об этом событии судит по крайнему своему разумению. Но есть налицо еще и другие разумения. И раз вопрос поднят — следует его осветить. И осветить возможно полно — хотя бы пришлось говорить о личном.

Со Львом Шестовым меня связывает восемнадцатилетняя дружба. Больше, чем дружба: ибо в понятие дружбы не входят ни отношения учителя и ученика, ни отношения товарищей по делу, а, между тем, я учился писать на книгах Льва Шестова и его литературное и философское дело считаю в большой степени и своим литературным делом¹¹⁵.

¹¹⁴ Новый мир. 1921. 25 декабря. № 277. С. 6. О содержании «обширного письма» Е. Лундберга в редакцию «Нового мира» упоминалось в рубрике «Rossica» петроградского журнала «Летопись Дома Литераторов», где также говорилось, что «письмо Евг. Лундберга вызвало не прекращающуюся до сих пор полемику в ряде русских газет, издающихся за границей, с очень резкими нападками по адресу Е. Лундберга» (1922. 1 февраля. № 7. С. 10).

¹¹⁵ В 1900–1910-х гг. Лундберг пользовался дружеским расположением и поддержкой Шестова; творчеству философа посвящен ряд его работ. См., напр., статью «Заметки читателя. О Лье Шестове» (Речь. 1911. 31 июля. № 207. С. 23).

И когда в октябре 1917 года — ибо в советских чиновниках я состою с Октября — мы очутились в разных политических лагерях — это несколько не отразилось на наших отношениях. Беседовать можно было по прежнему легко и свободно. Может быть потому, что мы оба были далеки от практической политической работы. А может быть и по другим, более сложным и светлым причинам. И эта легкость и свобода общения сохранилась и по сей день, несмотря на то, что действительно книга Льва Шестова уничтожена моими руками.

Когда полтора года тому назад в Берлине основалось издательство «Скифы» — А. А. Шрейдером и мною решено было приобрести право на издание философских сочинений Льва Шестова. Во время переговоров по этому поводу Л. Шестов упомянул о том, что у него имеется критика большевизма — с *библейской точки зрения*. Этот подход к современности крайне заинтересовал меня. Хотя Шестов сам отговаривал меня в письмах от издания книги, утверждая, что она нашему издательству не подойдет.

Во время этой переписки мне стало ясно, что *корни его критики гораздо ближе к поверхности земли, чем я полагал*. Я не скрыл своего впечатления от писателя. И предложил ему следующее: пусть он пришлет манускрипт, я отдам его не читая в типографию. Я не могу быть его издателем; еще менее ими могут быть «Скифы», связанные с определенными партийными группировками. Но я могу помочь автору издать — как собственное его издание — книгу в Германии. Я произвел известное насилие над собой, предлагая такой исход. И Лев Шестов тоже произвел над собой насилие. Ибо в услуге, оказываемой таким образом, не было того главного, что красит человеческие отношения, что красит самую услугу: в ней не было радости и чувства свободы.

Рукопись была послана в типографию. Но когда пришли первые корректуры — я был вне себя. Только от трех последних страниц повеяло на меня суровым духом шестовского творчества. Вся книга на мой вкус была очень нехороша. И литературно и психологически. Я написал Льву Шестову более чем резкое, несдержанное письмо. Оно было таково — что только восемнадцатилетняя близость наша и великая душевная ясность Шестова могли спасти его. Началась острая невыносимо — тяжелая полемика в письмах.

А книга? Книга была допечатана, я еще раз совершил над собой насилие. Конечно, *издана* она была не мною и не «Скифами». Но когда ее везли на склад, чтобы сдать в продажу — т. е. в момент, когда даже косвенные мои отношения к этой книге прекращались и вся работа и контроль над продажей переходил к Льву Шестову — я не вынес морально даже и этого участия в издании неприемлемой для меня книги: срочно послал людей, они отобрали на складе книги, опечатали

в пакеты и возвратили в типографию. Там книги Л. Шестова пролежали более полугода. Как раз то время — когда то замолкал, то разгораясь, шел в письмах мой тяжелый спор с Л. Шестовым.

Месяца три с половиной тому назад уполномоченный Л. Шестова ныне покойный Л. А. Сев¹¹⁶ пришел ко мне с предложением выдать книгу автору. И вот что я тогда написал Шестову (письмо от 24 сентября 21 года): «Надо еще об одном, о брошюре — самый тяжелый наш вопрос... Чтобы упростить дело, я буду писать только о себе, о своем. Так будет короче. Помните: для меня то, что происходит в России — за совесть важно. Оно для меня — серьезно. “Дело жизни” слишком громко. Но оно — *около этого*. Я узнал о Вашей брошюре. Вы писали: “большевизм с библейской точки зрения”... Если бы это было так... Рукописи еще не было, но уже по письмам я понял, что это не библейская точка зрения, а другое... Когда я получил первые корректуры, я пришел в отчаяние... Все, что Вы говорите о революции — не адекватно ей. Любая вражда, любая брань, но только не такая. Грубость моего ответа — это рикошет насилия над собой... И так, прошу Вас считать как бы не бывшим издание Вашей книги. Ее могут издать в “Слове”, где угодно — в три — пять дней. Я же не могу и не хочу даже в такой степени быть двурушником»...

Вслед за этим письмом — все издание книги Льва Шестова «Что такое большевизм?» было по моему распоряжению уничтожено. Не «тридцать тысяч экземпляров», как утверждает «Руль» — а пятнадцать тысяч. Кроме нескольких десятков экземпляров, отосланных мною автору и переданных заведующему архивами Р. С. Ф. С. Р. Рязанову Д. Б. для передачи в государственные библиотеки и архивы¹¹⁷. Д. Б. Рязанов принадлежал к тем немногим, кто знал историю уничтожения книги Льва Шестова. И он тоже понимал, что я уничтожаю не книгу, а свое участие в появлении ее в свет.

Еще несколько слов о «Руле». Руководители «Руля» осведомлены о вышеизложенном, сколько я знаю, из двух источников. С одной

¹¹⁶ Литературный деятель, философ, друг В. С. Соловьева и Л. Шестова, редактор ряда журналов в дореволюционном Петербурге Леопольд Александрович Сев (1876–1921) скоропостижно скончался в Париже 8 декабря.

¹¹⁷ В частности, экземпляр 38-страничной брошюры «Что такое [русский] большевизм» (Берлин: Скифы, 1920) в течение 70 лет хранился в отделе специального хранения ленинградской Государственной публичной библиотеки (ныне — РНБ). См. также: Л. Шестов. Что такое русский большевизм? / Публ. и вступл. А. Казакова // Странник. Литература. Искусство. Политика. Вып. 1. — М., 1991. С. 47–59.

стороны — покойным Л. А. Севом, доверенным лицом Л. Шестова, а с другой Ф. А. Брауном. Наши беседы с Л. А. Севом протекали в очень резких тонах и тем не менее Сев знал и понимал подлинную психологическую подоплеку всей этой печальной истории. Еще ближе к первоисточнику — понимание Ф. А. Брауна. «Руль» знал, что мои отношения с Л. Шестовым остались прежними, т. е. что и Л. Шестов понял причины моих действий¹¹⁸. И знал все это: об уничтожении книги, обладая экземпляром, на котором имеется надпись «Право собственности закреплено за автором» — зная все это, «Руль» все-таки поднял эту историю, которая, попав в грязные руки, причинит Л. Шестову огорчений не меньше, чем мне. Если у И. В. Гессена хватило хамства инсценировать провокационные заметки, чтобы затем использовать опровержение издательства — я это еще понимаю. Но его коллеги по редакции? Г. Набоков и О. Левин? Что думают они об этом? — впрочем, мне все равно, что они думают. Пребывание на противоположном берегу, видимо, освобождает от долга честно выбирать как оружие, так и поводы для борьбы.

И. Гессен

Покаяние¹¹⁹

<...> Читатель не затруднится оценить убедительность этого всенародного покаяния. Но любопытно отметить, что сам г. Лундберг формулирует отношение других к его поведению, как «продался и, про-

¹¹⁸ Ср.: «Шестов и его друзья были возмущены поступком Лундберга, но впоследствии Шестов с Лундбергом помирился. Ни до, ни после написания работы о большевизме Шестов не писал на актуальные политические темы и не любил вспоминать об истории с этой брошюрой» (*Н. Баранова-Шестова. Жизнь Льва Шестова: По переписке и воспоминаниям современников. Т. 1. Paris, 1983. С. 189*).

¹¹⁹ Руль. 1921. 28 декабря. № 338. С. 1–2. Ср. также с воспоминаниями Гессена, где эта история изложена в предельно кратком виде: «В беседах со мною Лундберг, только что “вырвавшийся” из России, то и дело кичился своим гражданским мужеством: ему удалось убедить советских сановников издать книгу “глубокоуважаемого учителя”, блестяще вскрывающую гибельную сущность большевизма. Меня Лундберг просил удостоверить перед германской полицией, что он не имеет никаких отношений с большевиками. Но пока книга печаталась, Лундберг успел обосноваться в берлинском советском офицозе “Накануне”, меня перестал узнавать, а книга в свет не вышла. Воскресла некрасовская формула: „Пропала книга! Уж совсем была готова, вдруг

давшись, решил книгу уничтожить». Эти слова он заключает в кавычки, хотя слова эти принадлежат ему самому, составляют его догадку и заставляют предположить, что у него «мальчики кровавые в глазах».

А в связи с этим возникает еще одно недоразумение: г. Лундберг замечает мимоходом, что он состоит советским чиновником с октября 1917 года, между тем, как в 1919 году он обращался ко мне с просьбой, чтобы я поручился за него перед германскими властями, и я счел себя обязанным откликнуться на его просьбу, ибо он был сотрудником «Речи»¹²⁰.

В заключение мне приходится тоже покаяться в маленькой хитрости. Когда в «Руле» появилась заметка о предстоящем выходе в свет книги Шестова, мне уже была известна печальная судьба ее. Но в связи с некоторыми сообщениями покойного Сева о его последнем свидании с господином Лундбергом (если господин Лундберг желает, я могу подробно рассказать об этом интересном разговоре), я имел основание думать, что книга фактически еще не уничтожена, а лишь припрятана, и я питал надежду, что пометки заставят господина Лундберга ликвидировать «двурушничество», в котором он кается, в другую сторону, т. е. что он выпустит книгу в свет.

Напрасно поэтому г. Лундберг пытается уверить, что разоблачение этой неслыханной истории объясняется тем, что мы пребываем «на противоположных берегах». Само по себе это «пребывание» не мешало г. Лундбергу посещать меня и, как мне казалось, тоже «беседовать легко и свободно». Но когда я увидел, что «пребывание на противоположном берегу» заставляет человека воскрешать действия царских цензоров, я попытался спасти книгу, когда же это не удалось, я счел своим гражданским долгом увековечить это ауто-да-фе для истории¹²¹.

пропала!“, потому что Лундбергу вдруг стало ясно, что книга „нехороша психологически и литературно“. Попутно он еще признал, что состоял на советской службе с 1917 года, хотя и уверял, что не имеет отношения к большевикам» (И. В. Гессен. Годы изгнания. Жизненный отчет. Paris, 1979. С. 221–222).

¹²⁰ До революции И. В. Гессен являлся редактором кадетской газеты «Речь».

¹²¹ Автор заметки «Покаяние г. Лундберга» в обзоре «Печать», подписанной псевдонимом «С.», которая содержала извлечения из статьи И. Гессена, называл Лундберга «маленьким геростратиком, обессмертившим себя сожжением книги Л. Шестова» и после заключительных слов Гессена делал соответствующий «вывод: избегай „легких и свободных бесед“ с людьми, познавшими истину на государственной службе» (Голос России. 1921. 30 декабря. № 852. С. 2).

Ст. Иванович

Подоплека г. Лундберга¹²²

«Я правду расскажу такую, что хуже всякой лжи»¹²³. Этими словами г. Лундберг мог бы начать изложение истории уничтожения книги Льва Шестова о большевизме. Его «История одной книги», изложенная в № 277 «Нового Мира», показывает достаточно наглядно, что бывает цинизм столь глубокий и столь непреодолимый, что трудно при самом злом желании очернить автора, выдумать что-нибудь такое, что не вмещал бы его «нравственный мир».

«Я правду расскажу такую, что хуже всякой лжи».

Да, он уничтожил книгу Шестова, только, оговаривается он, не 30.000 экземпляров, а 15.000. Сжег ли он их, или каким-нибудь иным образом спас свою душу, этого г. Лундберг не рассказывает. Он уничтожил книгу, потому что «вся книга на мой вкус была очень не хороша. И литературно, и психологически».

Он сдал ее в набор, не читая. Но пришли первые корректуры и — «я был вне себя». Еще прежде, чем сдать ее в набор, он совершил над собой насилие. Прочтя корректуру, он послал книгу печатать. «Я еще раз совершил над собой насилие». Книга была уже совсем готова, «но когда ее везли на склад, чтобы сдать в продажу, я не вынес морально даже и этого участия в издании неприемлемой для меня книги: срочно послал людей, они отобрали на складе книгу, опечатали пакеты и возвратили в типографию».

Через три с половиной месяца, г. Лундберг писал Шестову: Итак, я прошу вас считать как бы не бывшим издание Вашей книги». И эпиграф — торжественно-трагический: «вслед за этим письмом все издание книги Льва Шестова «Что такое большевизм» было по моему распоряжению уничтожено».

Итак, ряд насилий над собой г. Лундберг закончил насилием над Шестовым, над книгой, над русской литературой и над духом свободного исследования.

Вольному воля. Но скажите, пожалуйста, зачем это нужно прикрывать, как говорил Владимир Соловьев, «словами пышными поступки гнусные»? Гнусный поступок г. Лундберг прикрывает пышными словами о своих внутренних страданиях. Матушка очень устала, колотя батюшку. Душевно при этом страдала. Внутренне

¹²² Голос России. 1921. 30 декабря. № 852. С. 2.

¹²³ Парафраз реплики Горича «Я правду об тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи» из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (действие III).

плакала, но батюшку все же колотила. На могиле книги стоит человек и рвет на себе одежды. «Я ее в гроб вогнал, но как это мучительно, как это тяжело»!

Пожалейте его! Лейте слезы сочувствия, ибо перед Вами страдает человек, страдает тяжело. Восемнадцать лет дружил с Львом Шестовым. «Я учился писать на книгах Льва Шестова». По приведенным выше цитатам вы можете видеть, как г. Лундберг научился писать по книгам Л. Шестова. Он на последней его книге написал: «Уничтожить», сжечь, чтобы следа не осталось, чтобы моя хата была с краю.

Но при этом — и это изумительно — он озаботился о пополнении архивов Р.С.Ф.С.Р. Он уничтожил не все 15.000. Он послал несколько экземпляров автору и несколько экземпляров «заведующими архивами Р.С.Ф.С.Р. — Рязанову, для передачи в государственные библиотеки и архивы».

Д. Рязанов — нравственная опора г. Лундберга. «Д. Рязанов тоже понимал, что я уничтожаю не книгу, а свое участие в ее появлении на свет». Так некоторое мамки уничтожают не самое дитя, а «свое участие в появлении его на свет». Д. Рязанов — это еще живой человек, хотя и не моральная опора для г. Лундберга. Он видимо сам понимает, что моральное соучастие Д. Рязанова не спасает положения. Поэтому он ссылается на образ чистый и светлый, на покойного Л. А. Сева. «Сев знал и понимал подлинную психологическую подоплеку всей этой печальной истории». Ссылка на С. А. Сева изумительна по своему циническому выражению. Да, мы не сомневаемся в том, что «Л. Сев знал и понимал подлинную психологическую подоплеку». Но мы достаточно знали и самого Л. Сева, чтобы знать, как он к подлинной психологической подоплеке г. Лундберга мог отнестись. Как мог отнестись человек, влюбленный в книгу и в мысль, девственный рыцарь культуры, к уничтожению книги, к ауто-да-фе над произведением глубокого мыслителя и своего друга?

Хоть бы пощадил покойника. Достаточно ему и г. г. Рязановых. Они друг друга поймут и друг друга простят. Но выворачивать перед нами свою подоплеку, действовать на нас жалобными словами, демонстрировать перед нами свои душевные глубины, свою любовь к Духу Святому — ах, оставьте!

Уничтожили книгу, которая уже совсем была готова, срочно послали людей, которые книгу схватили, книгу связали, книгу опечатали, чтобы не дышала, чтобы света не видела, и довольно.

Четыре месяца лежала связанная книга, тревожа совесть г. Лундберга, и наконец, настал день, Лундберг избавился от тревожившего его и терзавшего призрака «очень нехорошей книги». Взвился дым, рассеялись кошмары, нет книги!

Есть г. Лундберг, деятель культуры и литературы, представитель пролетарского искусства, член всяких почтенных обществ, представитель просвещеннейшего пролетарского государства, издатель тонких, глубокомысленных книг, славящих скифский неудерж безумствующей стихии. Нет книги, но есть г. Лундберг¹²².

Больше нам ничего не надо.

Печать¹²⁵

Евг. Лундберг, свободный мыслитель небольшого калибра, «скиф» и пр., полагающееся в наше время большевику, предложил Льву Шестову издать книгу последнего. Лев Шестов согласился, причем Лундберг, согласно обещанию, сдал в типографию рукопись, не читая ее. Книгу набрали, отпечатали. Лундберг пожелал прочесть ее (за редакторами и издателями большевики это право оставили). Прочел — и оказался «вне себя», так как Лев Шестов написал книгу «очень нехорошую и литературно и психологически». Ну, конечно, Лундберг написал Л. Шестову «несдержанное письмо» (надеемся, по всем правилам большевистской литературы). Но «книга была все же допечатана». И тогда, в порыве экстаза, Лундберг «своими руками» уничтожил пятнадцать тысяч экземпляров. Вот, собственно, и вся эта комически-гнусная история.

Но Лундбергу понадобилось по этому поводу вступить в полемику с «Рулем», справедливо отметившим мракобесие *скифского* свободного мыслителя. Свой поступок Лундбергу угодно было поднести читателям, как некий героический акт, как моральный подвиг. И. Гессен в «Руле» сообщает теперь любопытные подробности о Лундберге, претендующем на лавры героя. <...>

К слову сказать: Евг. Лундберг со старых времен отличался талантом — со всеми, с кем он встречался, «беседовать легко и свободно». Иван Александрович Хлестаков на этом своем таланте сделал тоже карьеру.

¹²⁴ Приводя эти строки в обзоре «Печать», «Руль» добавлял: «Неужели же он все-таки останется членом обществ и т. д.» (31 декабря. № 341. С. 2).

¹²⁵ Последние новости. (Париж). 1921. 30 декабря. № 524. С. 2.

Из письма С. П. Ремизовой к М. М. Шкапской¹²⁶

Берлин. 2 января 1922 г.

Дом Искусств уже устроили, там иногда бывает очень интересно¹²⁷. А Вольфилу это еще не устроили, и там больше другие, хотя мы — тоже члены. [Приписка А. М. Ремизова:] Дом Искусств здесь основался и для того, ч<то>б<ы> собрать литер<атурные> силы, и для того, ч<то>б<ы> как-н<и>б<удь> помочь в беде здешней: очень нуждаются и может человек просто сгинуть. Вольфила — отзвук. Жизнь здешняя — это как ссылка. Надо иметь большую мудрость, ч<то>б<ы> держаться самому по себе.

«Скифы» о Блоке¹²⁸

Издательство «Скифы» в Берлине устраивает 3-го января 1922 г. вечер, посвященный памяти Александра Блока — «Скифы о Блоке». Андрей Белый прочтет доклад на тему «Александр Блок как антропософ»¹²⁹, Алексей Ремизов скажет слово «К звездам. Александру Блоку и о нем»¹³⁰. Евгений Лундберг прочтет о «России Блока». Александр Шрейдер — «Блок и скифство». Приглашены к участию в вечере лучшие русские и немецкие артистические силы.

¹²⁶ Цит. по: А. М. Грачева. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом // Русская литература. 1997. № 1. С. 202. Мария Михайловна Шкапская (1891—1952) — поэтесса, член литературной группы «Серапионовы братья».

¹²⁷ Организационное собрание Дома Искусств, на котором присутствовали Андрей Белый, З. Венгерова, И. Гессен, Л. Мартов, И. Пуни, А. Ремизов, С. Сумский, А. Толстой, Л. Шестов, И. Эренбург, А. Яшенко и др., состоялось 29 ноября — за день до учреждения берлинского филиала ВФА. Помимо общих идейно-художественных задач, близость Дома Искусств и Вольфила подтверждается тем, что практически одни и те же лица вошли в состав Советов обеих организаций, а также сформировали группу их членов и соревнователей. Подробнее см.: «Дом искусств» // Новый мир. 1921. 3 декабря. № 258. С. 4; а также: Дом искусств в Берлине // Бюллетени Дома искусств. Берлин. 1922. 17 февраля. № 1—2. С. 21—26.

¹²⁸ Новый мир. 1922. 3 января. № 2. С. 4.

¹²⁹ Вероятно, опечатка; в своем выступлении на заседании «Памяти Блока» Белый называл Блока «конкретным философом».

¹³⁰ Речь идет об очерке, который был впервые опубликован в парижской газете «Последние новости» (1921. 2 декабря. № 500. С. 2—3) под названием «Из огненной России (Памяти Блока)» с указанием места и даты написания «Берлин, 7 ноября 1921 г.». Позже вошел в состав книги «Взвихренная Русь»

Хроника¹³¹

— В среду, 4-го января 1922 г. в 8 1/2 ч. веч. в Logensaal Kleiststr., 10 состоится первое публичное заседание Вольной Философской Ассоциации. Доклад Андрея Белого: «Культура духа». После доклада прения.

История одного преступления¹³²**С. Постников**¹³³**Советское аутодафе**

Евг. Г. Лундберг сжег 15 тысяч экземпляров книги своего друга и учителя Л. Шестова.

Что же тут удивительного?

Книга против большевизма, а Лундберг честно служит большевистской власти с самого октября. Он вместе с Р. В. Ивановым-Разумником, А. Блоком и А. Белым принял большевистский переворот с первых его дней. Правда, Блок и Белый, ожидавшие от большевистской революции религиозного порыва и создания «нового мира», очень скоро в ней разочаровались и ничего общего с большевизмом не имели и не имеют. Иванов-Разумник вместо Голгофы, которую он хотел разделить с большевиками, увидавший торжество Чeka, также быстро ушел от коммунистов и теперь духовно совершенно независим.

Не то с Лундбергом.

Он служил большевикам все время верой и правдой, служит и теперь. Чего же другого можно ждать от него, как не уничтожения противобольшевистской книги¹³⁴.

под названием «К звездам — памяти А. А. Блока». См.: А. М. Ремизов. Собр. соч.: Взмихрѣнная Русь. С. 380–391.

¹³¹ Руль. 1922. 1 января. № 342. С. 5.

¹³² Воля России. 1922. № 1. С. 12–13.

¹³³ Сергей Порфирьевич Постников (1883–1965) — историк, библиограф, журналист.

¹³⁴ Ср. с письмом С. П. Постникова к Иванову-Разумнику от 24 мая 1942 г.: «В последнем письме Вы вспомнили Евг<ения> Германовича. Он не жаловался Вам, что я его разругал в „Воле России“ за то, что он сжег книгу Шестова против большевизма, книгу, которую он сам издал? Только случайно спасли несколько экземпляров этой книги (один экз<емпляр> имеется у меня в библиотеке)» (Цит. по изд.: Встреча с эмиграцией. Из переписки Ива-

Задайте себе только вопрос: — на какие средства благородный рыцарь изволит издавать книги? И дальше: — из чьего кармана покрываются убытки по уничтожению книги?

Не всякий издатель позволит себе такую роскошь. Впрочем в большевистской России мы давно привыкли к этому. Практика уничтожения неугодных книг в России довольно обширная. И г. Лундберг не одинок, у него своя компания — истинно пролетарских комиссаров печати — Ионов, Луначарский, Ангарский, Закс и др. Все это «рабоче-крестьянские» представители и им лучше знать, как вести человечесство к свету и добру.

Правда, и Л. Шестов попадает как будто не в дурную компанию: Л. Толстой, В. Короленко, А. Блок и Л. Андреев — авторы тоже уничтоженных книг.

Вот несколько случаев из практики:

Осенью 1918 года из корректурных листов популярного журнала Центросоюза «Объединение» был выброшен набранный отрывок из «Семи повешенных» Л. Андреева, рисующий картину казни семи.

В доме повешенного не говорят о веревке. Моя попытка издать этот отрывок в библиотеке «Коробейник» не увенчалась успехом.

Желание одного кооперативного издательства напечатать в 100.000 экз. «Не могу молчать» Л. Толстого было сочтено покушением на злостную агитацию.

«Литературная газета» напечатавшая летом 1921 г. «Письмо о современности» В. Г. Короленко была безжалостно уничтожена, а самое дело газеты передано Чека.

Поклонник и ученик Блока, по собственному его заявлению в «Красной Газете» петроградский комиссар печати, Ионов, весной 1921 г. приказал рассыпать набор книги стихов Блока, т. к. последний не соглашался отдать эту книгу Государственному Издательству. И только своевременное заступничество Союза Писателей спасло книгу.

Многое сжигалось и уничтожалось за это время. Помню — первый литературный костер я увидел 6-го января 1918 г., — на другой день после разгона Учредительного Собрания. Вышедшее тогда «Дело Народа» с черной траурной каймой по случаю расстрела большевиками и лев. эсерами рабочих и солдат, было с яростью сжигается на площадях Петрограда.

А потом все пошло в костер и книгорезку; и «Семь повешенных», и «Литературная газета», и черновское «Право на землю», и сборник

«Большевики у власти» и, как курьез, выпущенная союзом инженеров листовка о калориях, т. е. о том, сколько нужно человеку принять пищи, чтобы не умереть с голоду.

И все это уничтожалось руками Ионовых, Заксов, Лундбергов и т. п. — во имя большевизма, во имя спасения революции.

Н. Р^усанов¹³⁵

Сомнение советской души

Злейшие предатели — наши ближайшие друзья, как гласит в вольном русском переводе известная французская поговорка. У советского чиновника Лундберга нашелся такой очень близкий приятель-предатель: это сам он, ощутивший потребность рассказать издателям берлинского большевистского официоза «Новый мир», почему им была уничтожена последняя книга Льва Шестова о большевизме.

Прочитав это объяснение, читатель, правда, все-таки не поймет, зачем надо было истреблять шестовскую вещь. Но зато, как человеческий документ, косноязычное излияние не лишено интереса. Ибо в нем отражается и вся душа этого скромного большевистского земноводного — душа, как полагается ей по штату у таких существ, «видом малая и не бессмертная».

Итак, слушайте: «Полтора года тому назад мною (советским чиновником) решено было приобрести право на издание «философских сочинений Льва Шестова», — в том числе «критики большевизма с библейской точки зрения». И хотя «во время переписки» с автором советскому чиновнику «стало ясно, что корни его (Шестова) критики гораздо ближе к поверхности земли, чем я (советский чиновник) полагал», советский чиновник принял героическое решение и «предложил писателю следующее: пусть он пришлет манускрипт, я отдам его, не читая, в типографию. Я не могу быть его издателем... но я могу помочь автору издать, как *собственное его издание* — (напечатано жирным шрифтом) — книгу в Германии».

Казалось, чего бы лучше. Но тут под сводам черепа советского чиновника разразилась страшная буря. Прежде всего чиновник почувствовал, что «произвел над собой насилие» и предположил, что «и Лев Шестов тоже произвел над собой насилие». А в результате «в услуге» «не было радости и чувства свободы». Тем временем «рукопись была послана в типографию. Но когда пришли первые корректуры — я был

¹³⁵ Николай Сергеевич Русанов (1859–1939) — публицист.

вне себя... Вся книга на мой вкус была очень нехороша. И литературно и психологически. Я написал Льву Шестову более чем резкое, неддержанное письмо. Оно было таково — что только восемнадцатилетняя близость наша и великая душевная ясность Шестова могли спасти его...»

Тут читатель, конечно, невольно привскочит и спросит себя: то есть, как это «его»? Кого? И как «спасти»? Что это? Большевистская описка? О чем думал, начертывая эти строки, советский чиновник? О том, что Шестова за книгу собственно должно было бы уничтожить? И что надо было спасать его?

А буря под сводами советского черепа все крепчала и превращалась в настоящий ураган, который опрокидывал самые твердые принятые чиновником решения. В самом деле «книга была допечатана, я еще раз совершил над собой насилие. Конечно, издана она была не мною... Но когда ее везли на склад, чтобы сдать в продажу, — т. е. в момент, когда даже косвенно мои отношения к этой книге прекращались и вся работа и контроль над продажей переходил к Льву Шестову...» читатель ждет, конечно, здесь, всего, что угодно в этот «момент», но только не следующего чиновнического поступка: «я не вынес морально даже и этого участия в издании неприемлемой для меня книги: срочно послал людей, они отобрали на складе книги. опечатали пакеты и возвратили в типографию».

Засим книгу советский чиновник продержал в типографии «более полугода», — пока «то замолкая, то разгораясь шел в письмах мой (чиновничий) спор с Л. Шестовым», — и в конце концов уничтожил ее, но «не тридцать тысяч экземпляров, как утверждает «Руль» — а пятнадцать тысяч, скромно поправляет чиновник. «Не могу и не хочу быть двурушником», — писал он об этом выполнении кантовского императива автору...

Итак, вот «история одной книги», рассказанная мною в выражениях самого истребителя. Что сказать о ней? Живет себе маленький литератор, но большой неудачник. Живет, что-то пишет, хватаясь то за то, то за другое направление, сегодня марксист, назавтра «друг» и «ученик» Шестова, но послезавтра левый эс-эр, а там и служитель большевизма. Потому что оно, конечно, философия философией, шестовская или какая другая. Но *primum vivere, deinde philosophari*¹³⁶, — надо поддерживать прежде всего свое брэнное существование, а там уже и разводить философические туры на колесах можно. Бедная, видом малая и не бессмертная душа! Вся то она здесь в свою на-

¹³⁶ сначала жить, а затем философствовать (лат.).

туральную величину. И сколько питается в большевистском болоте таких скромных меланхолически квакающих что-то во хвалу советского коммунизма земноводных, пока энергиею здоровых русских людей не будет уничтожена большевистская трясина, и видом малые, и не бессмертные люди затянут другие песни!... Вот только жечь им ничего не позволят!...

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга¹³⁷

Декабрь

Когда несколько месяцев тому назад ко мне в комнату вошел бывший редактор еврейского «Рассвета» Л. А. Сев и протянул записку Л. Шестова, я подумал:

— Ну, теперь началось.

И вправду — началось.

Л. Шестов просил меня выдать Л. А. Севу, как его доверенному, изданную мною брошюру «Что такое большевизм».

Сев угрюмо молчал. Он злился, что ему пришлось переступить порог большевистского учреждения, а на меня поглядывал с нескрываемым отвращением. Мне он был всегда неприятен. Начитанный неудачник, он начал свою карьеру тем, что перевел Бокля¹³⁸. Литературные друзья поднесли ему за сей подвиг золотое перо. Золотое перо отравило Сева: он не свершил больше ничего значительного.

Прочитав письмо, я на секунду задумался. Итак, брошюра пойдет в ход, и я — ее издатель. Что же, никто не принуждал, знал что делал. Тяжелым усилием воли я подавил внезапно разлившуюся по телу тоску. Какая-то подлая жилка забилась на виске. Рывком взял почтовую бумагу — выбрал без фирмы ВСНХ — и написал ордер в типографию. «Выдать». Протянул ордер Севу. «Берите и уходите поскорее». Я не произнес этих слов вслух, но он ушел не медля ни секунды.

Сверху, из бюро, позвали: пришел какой-то немецкий профессор. Я крикнул, запирая дверь на ключ и протягиваясь на кушетке:

— Я нездоров. Позовите кого-нибудь другого...

¹³⁷ Е. Лундберг. Записки писателя. Т. II. С. 198–204.

¹³⁸ Ошибочное утверждение; Л. Сев переводил отдельные философские труды с немецкого (См.: Письма В. С. Соловьева. Т. I / Под ред. Э. Л. Радлова. СПб., 1908. С. 160–161; а также: Н. Баранова-Шестова. Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 41) и не имел никакого отношения к переводам на русский язык текстов английского историка Генри Томаса Бокля (1821–1862).

Изменить ничего нельзя. Помочь не может никто. Советоваться не стану. Да и не поймет никто: так много в этом деле напутано и напсихологизировано. Каждый поступок влечет за собою известные следствия. Значит...

Книга отпечатана, не век же ей лежать на типографских складах. Завтра она появится в магазинах. Я теряю право на то дело, которое делаю. Теряю право на Советскую Россию. Теряю право на доброе имя. Справедливо? Нет — и да. Да — и нет. Похоже на двурушничество. Но разве двурушничество — пойти один раз в жизни против самого себя? Ну, да все равно. Был поступок, будут и следствия. Хорошо, что дверь заперта на ключ, и до обеда никто не тронет.

И вдруг — точно ожгло ударом кнута. Кому передаст Сев брошюру? В издательство «Слово», т. е. тому же «Рулю» с Иосифом Гессеном во главе. И Гессен будет ее продавать и рекламировать. Я мог напутать столько, что не распутаю во всю свою жизнь, но мотивы мои не были нечистыми. А тут...

Часы: со времени отъезда Сева прошло не более получаса. На такси — а Сев болен, значит такси — он уже прибыл к месту. Телефонный справочник: секретариат «Руля».

— «Рულ»?

— Да.

— Секретарь?

— Да.

— Л. А. Сев здесь?

— Да.

— Где он?

— В кабинете редактора. Позвать?

— Не надо.

Отбой. Так спокойно и чисто на душе! Без торопливости, без чувства запутанности. Звонок на верх.

Попросите Вальтера¹³⁹.

Вальтер, как всегда, вступает и комнату почтительно-радостным племянником. У него новый — поярче чем во времена Шерля и К^о — галстук и новые, в полоску, брюки. Я фиксирую галстук и брюки, и они удваивают безапелляционность приказаний. Я органически не умею приказывать, но вот приказываю:

— Герр Вальтер, в типографии Эльснера, хранится изданная на трех языках брошюра доктора Шестова «Что такое большевизм». Пятнадцать тысяч экземпляров. Я только что выдал доктору Севу ордер на

¹³⁹ Возможно, родственник Р. фон Вальтера.

получение всего тиража. Вы немедленно бросите работу, возьмете автомобиль и аннулируете в дирекции мой ордер. Это должно быть сделано спешно и надежно.

— Будет сделано.

— Вы отберете при свидетелях пятьдесят экземпляров брошюры и привезете их мне. Все же остальные экземпляры, корректуры, верстка, рукопись, вообще все без изъятия, должно быть уничтожено до завтрашнего дня.

Твердо, послушно и быстро:

— Будет сделано. — Минута обдумывания. — Вам нужен официальный акт об уничтожении?

— Да полезно будет иметь.

— Но пятнадцать тысяч могут не поместиться на одном автомобиле?

— Возьмите два... Не стесняйтесь в расходах.

— Будет сделано.

Через полчаса звонок по телефону:

— Доктор Сев еще не был в типографии. Ордер отменен. Вы можете быть совершенно спокойны.

В пять часов вечера:

— Брошюра будет уничтожена тем порядком, каким уничтожаются вышедшие из употребления банкноты и акции. Весь тираж перевезен на место в plombированных мешках. Завтра в моем присутствии он будет превращен в бумажную массу.

Утром рыжий Вальтер не явился на работу. После полудня он привез мне акт об уничтожении всего тиража и несколько сот марок за принятую бумажной фабрикой массу.

В конце рабочего дня ко мне приехал разъяренный Сев.

— Типография отказалась выдать брошюру. Быть может, не оплачены счета?

— Нет, оплачены. Но я передумал: брошюра вам не будет выдана. Эти двадцать пять экземпляров передайте Шестову и попросите его считать это издание как бы не бывшим.

Сев увидел у меня на столе вторую стопку нарядных белых книжечек, в глянцевитой обложке.

— А эти?

— Пойдут в государственные библиотеки Советской России. Я хочу, чтобы от брошюры остался след.

Сев убеждал меня, что книги — товар и стоят денег. Просил подумать о «суде истории». Напоминал о дружбе с Шестовым. Ругался. Наконец крикнул противным визгливым голосом:

— Вы сожгли ее?

А мне было так спокойно! Только бы он замолчал и оставил меня одного.

Когда он становился слишком настойчивым, я повторял все ту же почему-то полюбившуюся мне фразу:

— Считайте это издание как бы не бывшим.

Расстались мы с тем, чтобы больше никогда не встречаться.

Прошло несколько дней. В «Руле» — заметка о «Скифах». «Скифы» выпускают в свет антибольшевистскую брошюру Л. Шестова, изданную большим тиражом. Несмотря на характер брошюры, она будет, благодаря связям Е. Г. Лундберга, допущена к продаже в Советской России.

Слишком явен был провокационный характер заметки. «Вот они — следствия», — думал я, сочиняя краткое опровержение. Опровержение было неминуемо: заметка задевала и ни в чем не повинные «Скифы» и БИНТ. Видимо, в редакции «Руля» уже были заготовлены соответствующие случаю статьи. Одновременно с моим опровержением — грянула в барабан вся эмигрантская пресса от «Руля» до «Нового Времени». «Ауто-да-фе». «Палач». «На чьи деньги?» — таковы были заголовки статей. Но волновали они меня очень мало. Хуже того, что я сам о себе думал, они не могли сказать. Обвинение в продажности било мимо цели. Пострадали две репутации и две кассы. Поделом — моя, и без вины — скифская. Ибо сколько я ни платил, я так и не выплатил им полностью свой долг. И последний грех был наихудшим во всей истории.

Начали приходить анонимные письма с угрозами убить. Офицерский стиль. Грубая брань. Я уничтожаю их, чтобы не волновать близких.

На докладе о В. Г. Короленко в «Доме Искусств»¹⁴⁰ — борьба с аудиторией. Колючие, ненавидящие глаза. Победить их точностью и сложностью мысли.

А. Белый, проф. Ф. А. Браун и А. Шрейдер основали отделение Вольной Философской Ассоциации¹⁴¹. Враждебные крики по моему адресу на первом заседании. А. Белый сказал нелепую речь о свободе и прелести разрушения. Л. Шестов отказался участвовать в Ассоциа-

¹³⁸ Вероятно, одно из двух заседаний («бесед») в Доме Искусств в январе 1922 г., тематика которых в газетных объявлениях не идентифицировалась.

¹³⁹ Характерно, что Лундберг не отмечает в мемуарах своей роли в организации Вольфилы.

ции, если она на первом же заседании не выразит протеста против большевистских насилий.

Раньше тянуло к «нейтральным» литературным и философским организациям. Теперь не верю, что нейтральные бывают.

Ни русским «искусствам» в кафе ни русским философским ассоциациям здесь не жить. Все — «нарочно», имитация жизни в доказательство собственной неистребимости.

Судьба и работы русских писателей, ученых и журналистов за 1918–1922¹⁴²

<Андрей Белый:> За эти годы пришлось столкнуться с разнообразнейшими группами людей, с представителями разнородных течений, на почве попыток там или здесь культурного строительства: приходилось, с одной стороны, работать с Н. А. Бердяевым и кружком «*духовной культуры*», с другой стороны, с Ивановым-Разумником и группой «*Вольфилы*», с театральными деятелями, с пролетарскими писателями, с В. И. Ивановым, с Г. А. Розинским, с И. С. Рукавишниковым, с М. О. Гершензоном и т. д. Условия работы в России таковы, что *все* встречаются *со всеми*; и в объединяющей работе, в *культурной работе*, не существует тех перегородок, той партийной «*грызни*» и травли друг друга, которая поражает, как только соприкасаешься с русскими за рубежом; вопрос «*како веруеши*» здесь есть казуистический вопрос; тебя осторожно ощупывают; в отвлеченнейшей философской мысли отыскивают «*партийную*» подоплеку. Я должен сказать, что сознание *культурных работников* в России, которым приходится претерпевать невероятные трудности, шире, свободнее; такие противоположные люди, как проф. Г. Г. Шпетт, Н. А. Бердяев, Р. В. Иванов, покойные проф. С. А. Венгеров, Кони, — одинаково отличались бы от ряда русских деятелей заграницей отсутствием в них известной заостренности (я говорю не о партийном, не о мировоззрительном разрезе, а о некоем сдвиге сознания, не учитываемом в словах, но ясно слышимом, как своего рода ритм); русские в России, сказал бы я, имеют больший слух, большую развитость уха и такта...

¹⁴² Новая русская книга. 1922. № 1. С. 39.

Из письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику¹⁴³

Берлин. 15 января 1922 г.

Учредили «Вольфилу»: плохо идет. Вместо «Вольфилы» — хожу к студентам, русским¹⁴⁴; и среди них — подлинная «Вольфила», а в «Вольфиле» вольфилы — нет. Евгений Германович относительно «Вольфилы» — увалень: он, персонально милый, стал — чиновником; Александр Абрамович — волевой, но — «шалый»; с ним каши не сваришь; Браун живет в Лейпциге; Ященко лишь числится; а Минский, единственно «хотящий» «Вольфилу», — «Вольфила» ли? Руки отваливаются там работать. Чтобы «Вольфила» была вольфилой — надо четырежды *впрячься* в нее: за Вас, за Аар<она> Зах<аровича>, за себя, за Конст<антина> Алекс<андровича>. А я не могу: мне с моею трагедией¹⁴⁵ — до себя лишь. Пулю в лоб — вот как плохо.

Шестов из рук вон как подвел: в письме и не расскажешь; с треском, со скандалом вышел из «Вольфилы»¹⁴⁶ (из-за газетной истории с Лундбергом). «Вольфила» возникла, а у меня сомнение: властью бы председателя ее закрыть: до того она — не «Вольфила». Берсгите «Вольфилу»: из Берлина Петербургская «Вольфила» сияет утренней звездой. Любите «Вольфилу», особенно «вольфильцев», особенно «вольфилок», особенно Елену Юльевну: отсюда, изо всех «вольфил»-ок ее ценю¹⁴⁷: она и Виссель, — только они вкладывают свои души в «Вольфилу». Ми-

¹⁴³ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 234.

¹⁴⁴ Андрей Белый выступал перед аудиторией «Всемирного Христианско-го Союза Молодых Людей» 18 декабря (доклад «Проблемы культуры») и 29 декабря 1921 г. (чтение поэмы «Христос Воскресе»), а также 15 января 1922 г. См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 236. Ср. также: «В воскресенье 15 января в 5 час. вечера, в помещении Студенческого зала У.М.С.А., в кафе „Аббация“, Ам Кни, состоится доклад Андрея Белого на тему „Культура сознания“. Эта лекция является продолжением первой лекции Андрея Белого, прочитанной в том же помещении в декабре». (Руль. 1922. 11 января. № 350. С. 7).

¹⁴⁵ Андрей Белый подразумевает разрыв отношений со своей женой — А. А. Тургеновой.

¹⁴⁶ Вероятно, это заявление было сделано Л. Шестовым в личном письме, отправленном Белому или Лундбергу. Публичное сообщение об отказе Шестова от почетного председательства в Вольфиле появилось лишь две недели спустя.

¹⁴⁷ Е. Ю. Фехнер. Воспоминания Фехнер об Андрее Белом и его письма к ней см.: «Зов многолюбимый...» Андрей Белый и Е. Ю. Фехнер / Публ. А. В. Лаврова // Литературное обозрение. 1989. № 9. С. 105–112.

лый Р<азумник> В<асильевич>! Первое заседание (публичное) было: но – протащил на себе! Публика – благодарил; но это – я, а не «Вольфила». Коллектива – нет: здесь, в Берлине, я должен бы был четырежды быть «В.Ф.А.» (за Вас, за А<арона> З<ахаровича>, за К<онстанти-на> А<лександровича>, за себя); а я 1/4– себя самого!.. Ну какая же – «Вольфила» возможна в Берлине? <...>

Милый, – знаете, когда я слушал Штейнера, то... мне казалось: Штейнер – разжиженная «Вольфила». Берегите «Вольфилу».

Хроника¹⁴⁸

– Во вторник, 24-го января 1922 г., состоится второе публичное заседание Вольфилы, Berliner Sezession, Курфюрстендамм 232. Н. М. Минский прочтет доклад на тему «От Данте к Блоку».

Программа доклада: 1. Проблема личности как утверждение абсолютной ценности жизни. 2. Проблема личности у евреев, у эллинов и у христиан. 3. Проблема личности у Данте, сперва в «Новой Жизни», а затем в «Божественной Комедии». 4. Романтизм 18 века как разрешение проблемы личности в духе Данте. 5. Опыт романтизма, повторенный в творчестве и судьбе Александра Блока. Его отрицательное отношение к интеллигенции как преходящий революционный момент. После доклада прения, в которых примут участие Андрей Белый, Алексей Ремизов, Евгений Лундберг и др. Начало в 8½ ч. веч.

Ст. Иванович

Век философии¹⁴⁹

Я читал в газете объявление о том, что Вольфила (Вольная Философская ассоциация) устраивает публичный вечер, на котором Н. М. Минский прочтет доклад «От Данте к Блоку», а в прениях выступит г-н Лундберг.

¹⁴⁸ Новый мир. 1922. 24 января. № 20. С. 4.

¹⁴⁹ Голос России. 1922. 26 января. № 875. С. 2. Ср. с комментариями в обзоре «Печать» газеты «Руль»: «В „Гол. России“ Ст. Иванович касается шекотливой темы, заставляющей вернуться к г. Лундбергу. На докладах в „вольной философской академии“ г. Лундберг тут как тут. <...> Удивительно, конечно, не то, что г. Лундберг сохраняет ясный взор, а что „академия“ проявляет такую терпимость» (1922. 27 января. № 364. С. 2).

Меня это объявление крайне поразило. Мне казалось, что после покаянных объяснений маленького инквизитора, сжегшего книгу своего учителя, ему бы следовало глубоко спрятаться в обширных складках советской власти и уже не выходить наружу, дабы не смущать своим присутствием на открытом месте ни других, ни себя. Как видите, я жестоко ошибся.

Жив курилка! И на докладах выступает, про Данте и про Блока будет рассказывать. И очевидно, ни малейшего следа неловкости. Вот вчера 15.000 экземпляров книги моего учителя спалил, а сегодня публично на докладах выступаю.

Есть люди которые все могут. Для них абсолютно никаких психологических преград не существует. С челом чистым, со взором ясным они выходят на трибуну: здравствуйте, вот и я.

Удивляться, впрочем, тут нечему. Лундберг выступает в Вольфиле, а Вольфила — это его детище, он там товарищ председателя. Стало быть, он у себя дома. Но в таком случае, зачем в этот дом идут другие, которые книг не жгут, советской власти не обязаны и совестью г-на Лундберга не обладают? Вот это удивительно.

Эта вольная философская ассоциация — очень уж вольная и очень уж философская. На обывательском жаргоне «философским отношением к вещам» называется степень безразличия, психологического и морального, при котором все трын-трава и «нам с лица не воду пить». Столь «философское» отношение к вещам меньше всего свойственно философам, ценящим абсолютные начала добра, правды и красоты. Та вольность, при которой почетным председателем общества состоит Л. Шестов, а товарищем председателя — его маленький инквизитор — эта вольность совершенно чужда духу философии.

Приходят люди, осененные ее благодатью, и выводят за руку человека, осененного благодатью святых отцов инквизиции. Вот это удивительно! Вот это российское беспамятство, это «философское отношение к вещам» глубоко огорчительно. Оно внушает людям типа г-на Лундберга неискоренимую уверенность в том, что что бы они ни совершили, им все это сойдет с рук. Они останутся при всех условиях порядочными членами порядочного общества. И попробуйте запротестовать — ничего из этого не выйдет, потому что вот доказательство: г-на Лундберга признают и вместе с ним выступают такие-то и такие-то — следует ряд почтенных имен.

На моей памяти другое происшествие, но в том же стиле. В «Доме Искусств» выступил с докладом об имажинистах г. А. Шрейдер. Увидев его, я был чрезвычайно поражен. Ведь это же тот самый... тот, который, по поручению большевиков, судил многострадальную рус-

скую печать в качестве председателя особого большевистского суда по делам о «преступлениях печати»¹⁵⁰. Я спросил мою соседку, желая проверить себя: это тот самый?

— Ну да, ответила она, тот самый!

Для меня это было удивительно, ибо с именем г-на Шрейдера у меня связана была трагическая полоса истории русской литературы, когда большевики убили всю прессу. Я вспоминал стон и скрежет зубовой, звуки разбиваемых стереотипов, звон ружей, применявший-ся при этой операции...

Тогда г. А. Шрейдер нас судил. А теперь он стал нас просвещать. Тогда немыслимо было, чтобы этот судья появился где-либо в обществе независимых работников пера. А здесь он появился, и... ничего. Он появился среди людей, у которых и при его содействии было вышиблено перо из рук, которые и благодаря ему, оказались вне пределов родины, оторванные от своей аудитории, лишенные возможности осуществлять свое признание журналиста и литератора. А теперь он среди нас всех, и доклады нам читает, и все по хорошему, по семейному, тихо, мирно.

Там, в России, захлопнулась бы перед ним дверь всякой независимой литературной организации, а здесь ни одна блоха не плоха — все черненькие, или, скажем, все красненькие, все прыгают. И среди этого танца смерти и у Александра Шрейдера есть пара.

Говорят, что на миру и смерть красна. Нет, тут не смерть красна, тут красно всякое преступление против Духа Святого, против свободы слова и свободы мысли. Здесь образ насилия и образ его жертвы расплываются в один серый образ, общественно-психологического беспамятства, «философского» отношения к вещам. Здесь нет граней и разделов. «Нам с лица не воду пить, и с корявым можно жить».

Можно, потому что нужно. Невозможно жить без самого ближайшего соседства с корявыми. Куда нога не ступит, там та или иная форма общественно-политической корявости. Происходит смешение языков, и среди всеобщей неразберихи — кому охота заниматься такими делами, как морально-общественной очисткой того места, на котором стоишь. Здесь царство терпимости, отвечающее скептическими зевками на настойчивые призывы морального сознания.

— Далеко вы, батенька, уйдете с вашими рассуждениями...

¹⁵⁰ С января по февраль 1918 г. А. А. Шрейдер возглавлял «Петроградский революционный трибунал печати».

Ясно, никуда не уйдешь, шагу не ступишь, потому что кругом бездна вольности и бездна философии. Хромают только прежние ассоциации. Ассоциируется теперь то, что раньше не ассоциировалось. И на этой основе вырастают вольные философские ассоциации, в которых автор одной книги — почетный председатель, маленький инквизитор, эту книгу сжегший — товарищ председателя, а судья, судивший «преступления печати» — секретарь.

Берлин¹⁵¹

— Во вторник в Зале Сецессион состоялась лекция Н. Минского «От Данте к Блоку». Лектор затронул вопрос об отношении интеллигенции к народу. Лекция собрала полный зал и прошла с большим успехом. В качестве оппонентов выступали Андрей Белый и Лундберг. Прения, в виду позднего времени, не были закончены и в ближайшие дни предполагается еще одно дискуссионное собрание на тему о докладе Минского.

Собрания «Вольфила»¹⁵²

Недавно в среде русской колонии Берлина образовалось «Вольное философское общество» (Вольфил), возглавляемое поэтом Н. Минским, Андреем Белым, Евг. Лундбергом и А. Шрейдером, из которых последние два состоят членами таких же обществ в Петербурге и в Москве. Судя по резюме, сделанному на первом собрании общества его председателем, Н. Минским, оно ставит себе задачей «показать и научить как следует жить и мыслить». В этом первом собрании докладчиком выступал Андрей Белый. Его доклад был посвящен «Культуре духа» — теме, изложенной докладчиком с большой экспрессией, но в то же время настолько абстрактно-философской, что аудитория едва ли могла вынести из нее тот практический урок, который наметил в своем резюме г. Минский.

Вчера состоялось второе публичное выступление «Вольфила». Докладчик Н. Минский говорил на тему «От Данте к Блоку». Здесь основная тенденция выразилась более резко и элементарно: противопоставление личности обществу, коллективу вообще, превознесение

¹⁵¹ Голос России. 1922. 26 января. № 875. С. 4.

¹⁵² Новый мир. 1922. 27 января. № 23. С. 4.

и обожествление первой и низведение последних на степень социально-нивелирующей силы, умаляющей высокое, божественное значение личности. Только в одном случае коллектив как будто приближается к божеству, а не являет собой сброд индивидуальностей, это когда речь заходит о русской интеллигенции, которую революция, несмотря на ее исключительные заслуги перед освободительным движением, устранила от ее высокой духовной миссии. В этом процессе низвержения духа погиб-де и вдохновенный вождь интеллигенции, чистый поэт, Александр Блок.

Н. Минский выступает плакальщиком интеллигенции. В прениях, следовавших за его докладом, Евг. Лундберг старался опровергнуть главные тезисы докладчика, а Андрей Белый доказывал, что Александра Блока отнюдь нельзя возводить под категорию «чистого поэта».

Прения не закончены, и их решено продолжить на ближайшем собрании общества.

От Данте к Блоку¹⁵³

Под этим заглавием Н. М. Минский прочел доклад в публичном заседании вольно-философской ассоциации.

Центр тяжести доклада лежал однако, не в Данте и не в Блоке, а в религиозно-философских концепциях самого Минского. Докладчик видит весь смысл человеческой драмы в борьбе за индивидуальность. Утверждение личности как абсолютной ценности и самоцели, вот то высшее стремление, которое определяло судьбы человечества в пределах земного эпизода, называемого историей. И это утверждение лектор считает возможным защищать, несмотря на то, казалось бы, противоречащее явление, что в результате сотрясений, войны и революции, личность, как никогда, подавлена и поглощена коллективом. Лектор вынимает личность из эмпирических условий противоборства с коллективом и ставит проблему на религиозно-философской почве, где личность и общество не противостоят, а являются восполняющими одна другое элементами конкретного целого.

В иудейском и греческом идеалах личности докладчик видит тезис и антитезис проблемы индивидуальности, нашедший свой

¹⁵³ Руль. 1922. 28 января. № 365. С. 5. В основу доклада была положена одноименная статья, опубликованная в журнале «Современные записки» (1921. 5 октября. VII. С. 188–208); книжное издание вышло в берлинском издательстве «Мысль» в 1922 г.

высший синтез в флорентийском Богочеловеке — Данте. Иудейство нашло свой идеал вне себя. Здесь личность испепеляется и сгорает в огне веры. Греки же познавали Бога не сердцем, а глазами и проблема личности решалась для них в процессе самообожания. В христианстве, казалось бы, оба идеала сошлись, но совпадение было кажущимся. Христианство, правда, загло эллина святостью иудея, но оно принесло не только святость, но и веру. Христианство отвергло красоту природы и устремилось в мир потусторонний. Плоть была отвергнута и женщина была признана сосудом дьявола.

В четырнадцатом веке случилось событие всемирно-исторического значения. Во Флоренции родился Данте, в нем впервые христианская святость соединилась с эллинской красотой. Любовь Данте к Beatrice становится центральным моментом в борьбе человека за личность.

В заключительной части лектор коснулся русской интеллигенции, пытаясь связать решение проблемы личности с интеллигенцией.

Берлин¹⁵⁴

— Во вторник, 24-го января состоялось второе заседание Вольфилы (Вольно-Философской Ассоциации), на котором Н. М. Минский прочел доклад «От Данте к Блоку». Основная мысль доклада развитие идеи личности не в смысле чисто общественном, т. е. не как противоположение личности коллективу, а в плане религиозном. Развитие сознания личности, по мнению Минского, шло от иудейского и эллинского идеала к христианскому, и через поэзию Данте нашло свое выражение в романтизме 19 века. В стихах и судьбе Блока повторился весь опыт романтизма. Минский закончил свой доклад словами о том, что проблема личности в России является проблемой интеллигенции.

Доклад вызвал возражения, в особенности со стороны Андрея Белого. Продолжение прений и заключительное слово Минского перенесено на третье заседание Вольфилы, которое состоится в четверг, 2 февраля вечером в том же помещении (Berliner Session, Kurfürstendamm 232)

¹⁵⁴ Голос России. 1922. 31 января. № 879. С. 4.

Печать¹⁵⁵

«Голос России» сообщает, что

«Л. И. Шестов сложил с себя звание почетного председателя Вольной Философской Ассоциации (“Вольфилы”)¹⁵⁶.

Какая же в этом беда? Зато ведь г. Лундберг остался и соловьем разливается!

В Вольфиле¹⁵⁷

На третьем заседании Берлинской Вольной Философской Ассоциации (Вольфилы), состоявшемся 2 февраля и посвященном творчеству А. Блока, председатель Вольфилы Андрей Белый перед открытием заседания посвятил несколько слов нападкам местной печати на Вольфилу. В своей речи Андрей Белый, между прочим, сказал:

— Мы собирались при открытии Вольфилы посвятить одно заседание целям и задачам Вольфилы, но до сих пор этого не сделали. Теперь я вижу, что в будущем придется это сделать. В местной прессе начались нападки на нас. Людей, нападающих на нас, убедить нельзя, но мы должны противопоставить этим нападкам наше понимание философской ассоциации. Помимо правого или левого отношения к вопросам культуры и жизни, существует еще отношение к ним — возвышенное и низкое. Именно это последнее отношение свойственно людям, не приходящим сюда к нам, не защищающим серьезно и добросовестно свое понимание вопросов культуры и философии, а притаившимся в складах желтой прессы и оттуда пытающихся уязвить нас. Нападки желтой прессы для нас привычны. Она не раз нападала на нас и до революции, когда стояли и обсуждались другие вопросы и когда мы также серьезно и искренно пытались разрешить их.

¹⁵⁵ Руль. 1922. 3 февраля. № 370. С. 2.

¹⁵⁶ «Голос России» в рубрике «За день» сообщал: «Л. Шестов отказался от звания почетного председателя “Вольфилы”» (1922. 1 февраля. № 880. С. 1). Ср. также с письмом Шестова к Ловцким из Парижа от 12 февраля 1922 г.: «С Лундбергом у меня, видно, совсем плохо будет. Он не напечатал до сих пор о моем выходе из В.Ф.О. [подразумевается Вольная Философская Ассоциация — публ.] — и мне приходится самому принять меры к тому, чтобы оповестить публику об этом, т. к. большинство газет все время продолжали меня называть почетным председателем» (Цит. по изд.: Н. Баранова-Шестова. Жизнь Льва Шестова. Т. 1. С. 230).

¹⁵⁷ Бюллетени Дома Искусств. 1922. 17 февраля. № 1–2. С. 28–30.

Руководимые низменными инстинктами че-ки или контр-разведки, пытаясь повсюду вносить нравы, которые мешают всякой культурной работе, эти люди думают помешать и нам. Но у нас для всех них может быть только один ответ: «Руки прочь». — Если бы к нам пришли Герострат или Нерон, которые захотели бы серьезно и искренно изложить мотивы действий, мы охотно выслушали бы и их. Но господам, желающим внести в нашу среду обыкновения контр-разведки или че-ки, мы ответим: «Руки прочь!»

Печать¹⁵⁸

Андрею Белому

В № 1—2 Бюллетеня Дома Искусств в Берлине напечатана часть речи, произнесенной Андреем Белым на третьем заседании Вольфи-лы 2-го февраля и посвященной «нападкам» местной прессы на «нас» (то есть на Вольфилу). Андрей Белый считает необходимым противопоставить этим нападкам «наше» (то есть А. Белого и его друзей) понимание задач Вольной философской ассоциации.

«Помимо правого или левого отношения к вопросам культуры и жизни, пишет Белый, существует еще отношение к ним возвышенное и низкое. Именно это последнее отношение свойственно людям, не приходящим сюда к нам, не защищающим серьезно и добросовестно свое понимание вопросов культуры и философии, а притаившимся в складах желтой прессы и оттуда пытающихся уязвить нас». «Руководимые низменными инстинктами Чеки или контрразведки, пытаясь повсюду вносить нравы, которые мешают всякой культурной работе, эти люди думают помешать и нам. Но у нас для всех них может быть только один ответ: “руки прочь”».

Так как из местной прессы «Голос России» посвятил две статьи нравам Вольфи-лы, то мы считаем нужным ответить Андрею Белому.

Мы думаем, что помимо правого или левого, возвышенного или низкого отношения к вопросам культуры и жизни существует еще отношение честное и бесчестное в смысле этическом. Мы полагали и полагаем, что людям, которые занимаются сжиганием порученных им для издания книг, а также людям, которые занимались удушением свободной печати и изобретением для нее скорпионов, не место в литературном, философском и вообще общественно-культурном учреж-

¹⁵⁷ Голос России. 1922. 19 февраля. № 896. С. 2.

дении. Что не мы одни так думаем, свидетельствует факт отказа Льва Шестова от почетного председательства в Вольфиле. Смеем думать, что Андрей Белый чувствует себя хорошо в обществе Лундберга и А. Шрейдера — о вкусах не спорят, и это его дело. — Мы предпочитаем находиться в обществе Льва Шестова.

Свою речь Андрей Белый закончил следующими словами:

Если бы к нам пришли Герострат или Нерон, которые захотели бы серьезно и искренно изложить мотивы действий, мы охотно выслушали бы и их.

Можно позавидовать необычайно широкой терпимости Андрея Белого. Эта широкая терпимость на обыкновенном языке носит другое, не столь благозвучное название. Весьма возможно, что терпимость Андрея Белого доходит до того, что он охотно выслушал бы не только Герострата и Нерона (Герострат и Нерон давно умерли и кости их истлели), а здравствующих Лациса, Петерса и Дзержинского или ждущих своей очереди царских охранников, которые захотели бы серьезно и искренно изложить ему мотивы своих действий в стенах Чека. Нам, обыкновенным людям, такая широкая терпимость непонятна. Мы думаем, однако, что если Андрей Белый опустится с заоблачных высот Вольфилы, где одесную его сидит сжегший книгу Шестова Лундберг, а ошуюю закрывавший в Петербурге газеты и арестовывавший редакторов А. Шрейдер, на грешную землю, то он, может быть, поймет, что достоинство и честь русской культурной мысли от новоявленных Шешковских и Магницких защищали мы, а не он, желающий совместить в гостеприимном лоне Вольфилы гонителей и душителю свободной мысли с жрецами этой же мысли. Поймет и, будем верить, устыдится.

Из письма Л. Шестова Ловцким¹⁵⁹

23/II <19>22. Paris.

Теперь о моих делах. «Скифы», очевидно, добиваются, главным образом, того, чтоб делать мне неприятности и всячески мешать мне. Я уже от них получил два письма — — и последнее (пришло сегодня) очень грубое. Вот оно: «Изд<ательство> Скифы категорически предлагает Вам либо принять — — в недельный срок — — условия изложен-

¹⁵⁹ Библиотека Сорбонны. Ms. 2114. Vol. IX. Fs. 113–113 об. Ловцкие — сестра Шестова Фаня Исааковна (1873–1965) и ее муж Герман Леопольдович (1871–1957).

ные в письме от 11 февраля 1922 г., либо — в тот же срок возвратить полученный Вами аванс в 3.000-тыс. фр<анков>, который не может почитаться Вам принадлежащим с момента нарушения Вами договора со Скифами». Очевидно, это ответ не на мое письмо (я написал им 20-го и это письмо от 20-го). Очевидно, они решили, искать придирки, чтоб во что бы то ни стало поднять новый скандал. Лундберг написал мне, что вышел из «Скиф<ов>» и потому не сам будет скандалы устраивать, но вперед все скандалы одобряет и оправдывает, т. к. мое «поведение» ему не нравится. Вероятно, скандалов не избежишь. Вообще говоря, конечно, ничего тут страшного нет. Мне только очень больно, что Лундберг принимает в этом участие. Я боюсь, что ему это не меньше больно, чем мне. Ведь знает он, что договора у нас не было, а что какие были соглашения — нарушены не мной, а «Скифами». Знает он тоже, что у меня есть письмо от «Ск<иф>ов», в котором выражено согласие на то, чтоб я издавал даже все мои сочинения у другого издателя (Вы видели это письмо) и что это письмо «Скифы» прислали именно в виду того, что они нарушили «договор», ибо обязались выпустить в январе, феврале 1921 г. мои книги, и до сих пор ничего не выпустили. Знает он тоже, что когда прислал задаток — он написал мне, что бы ни случилось, задаток возвращению не подлежит. И в переговорах с Ефроном¹⁶⁰ он принимал самое близкое участие, сам помогал мне, передал мой перевод «Толст<ого> и Дост<оевского>»¹⁶¹. Мало того, сам мне предлагал издать по-русски «Д<остоевский> и Н<ицше>» у Ладыжникова¹⁶². А теперь, очевидно, отрекается от всего этого? Прямо не могу поверить этому; мне кажется, что с ним случилось что-либо ужасное, что его связали по рукам и ногам, если он может «оправдать» образ действий «Скифов».

¹⁶¹ В декабре 1921 г. Шестов подписал с издателем А. Ефроном договор о выпуске немецких переводов своих книг, от издания которых отказались «Скифы», однако в этом издательстве они также не увидели свет.

¹⁶² Вероятно, речь идет об объединенном издании переводов двух книг Льва Шестова — «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше» (1900) и «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)» (1903).

¹⁶³ И. П. Ладыжников — хозяин издательства, названного его собственным именем. Книга «Достоевский и Ницше (Философия трагедии)», тем не менее, вышла в издательстве «Скифы» в декабре 1922 г. после того, как в апреле «Скифы» значительно улучшили свое финансовое положение.

Андрей Белый

О духе России и «духе» в России¹⁶³

Мне хотелось бы дать очерки, живописующие жизнь культуры России, — теперешней; чувствую, — приступить не умею я к ним, не сказавши о том впечатлении, которое неизбежно выносишь от духа России.

Что же собственно происходит в России?

И — знаешь: обычное слово не поднимает России; ни термин, ни образ оно; живописать, — это значит: перечертить ряд этюдов с натуры, которая — ах, как трудна! Определить отношение в формуле? Но — в России теперешней формулы нет; есть плавление лавового процесса, то есть ландшафты сознания, ни на что не похожие ситуации, устремления, вкусы...

Да, голод и холод, болезни и смерти — все было, все есть; все то будет еще: миллионы страданий, деморализация, видная всем; все — известно... Так почему же вопрос? Стало быть: есть таки «что-то» еще? Стало быть: «что то» — точка вопросов?

Не справишься о химией без лаборатории; чтение учебника не гарантирует навыка в производстве химических опытов; а ведь Россия — лаборатория; пребывание в ней — исключительно ответственный опыт, который для лиц не проделавших опыта, — утверждение только. — Позвольте же: почему вес атомный азота — «14», не «17». — «14» — все тут... Так «что-то» в России; ты знаешь его, осязаешь его; убедить в нем — не можешь; пожалуйста в лабораторию.

— «В России в то-то и то-то... («17» есть вес азота)».

— «Не то-то, а — “это” (“14” — вес азота)»...

До Лавуазье полагали: горение — разложение, выделение невидного газа; и звали тот газ *флогистон*; в сгоревшей России ее «флогистон» (специфический дух ее) испарился; Россия — бездушная, мертвая, движимая лишь процессами разложения.

Но — Лавуазье доказал: при горении — соединение с газом; так: если собрать перегары (золу, дым, пары, газы), — вес увечится от слияния с «чем-то», иль — с кислородом. — «Россия — распылена, как зола». — «Нет, — расширена, вес увеличен ее»... Это я утверждаю из опыта, недоказуемого при помощи формул.

В России — неосязаемый «плюс», или «что-то» — чего прежде не было; спрашиваете: «Что в России». Ответ: «Что-то». Смеетесь: «На «что-то» в «где-то» не строят ответов; но дикарю всякий «газ» — только

¹⁶³ Голос России. 1922. 5 марта. № 908. С. 5–6.

«что-то»; приемы установления газового закона, неподдающиеся осязанию пальцами, — чушь для него; между тем на законах Дальтона и Гей-Люссака отстроилась физика. На законах «чего-то», не видимого глазу, — построена будет Россия; в ней «что-то» — проснувшийся дух, открывающий зеницы самосознания.

Твердое тело — отлично от газа; оно — неизменно, предметно, недвижно и форменно; — газ беспредметен, текуч, расширяем, бесформенен. Так и Россия: она изменила свое состояние; и из предметной, границами обрисованной формы, она превратилась в бесформенное расширение прядающих паров; все увидели: в пламени — разложение тела; не увидали: соединения, элементов ее (индивидуумов) с некой новой, духовной стихией, — соединения, образующего великолепнейшее скопление паров над водой, из которого в будущем на золу изольются культурой плодотворящие ливни.

Сознание русских в России — расширено; я, вот, писатель, был вынужден переменить рады служб, писать в холоде, читать курс за ботинки и шапку; конечно — печально... Два года стремился из бедной, голодной, тифозной России; и понял на западе, здесь, что в голодной тифозной России вооружился единственным опытом выхода из себя самого, позволяющим на себя самого, на писателя поглядеть оком дворника, приобщая и дворника к интересам писателя; все бывали в России — во всех; опыт новый расширенный:

Все — во мне; и я — во всем...

Так узнание, что коллектив — индивидуум, что индивидуум — в коллективе, и что границы обычного, личного, собственнического сознания — фикция, все то складывает — космическое сознание России; но о сознании этом сказать здесь — решительно утверждать, что каналы на Марсе — произведение марсиан (— «Но позвольте, ученые до сих пор еще спорят». — «Ученые не были там, а я — был...).

Так же дики мои утверждения: солдаты, матросы, рабочие вместе с доцентами там обсуждают проблемы культуры, сознания, мысли; с востока на запад и с севера к югу стоит соловьиное пенье поэтов, как будто бы стала Россия весенним ласкающим садом, а не гниющим воняющим кладбищем. Вот ведь вопрос, почему так поется. А здесь не поется; мне — пелось, а я испытал и моральные и материальные боли.

Предсмертное лебединое пение?

Все таки: лебединая песнь по весне есть обет о весне уходящего в смерть; умирание — без него не восстанет никто; просто встанет, пожалуй, для... отбывания очередной суеты, от которой в миг смерти отвертываются, как от чего то пустого, а пустоты то и нет в ощущениях современной России; присутствует — «что-то», что весит; то — вес кислорода (сошедшего духа) в процессах перегорания и разложения.

Думаю: лебединая песня теперешней с голоду, с холоду философствующей России есть песня Сократа над чашей с ядом. Сократа нам жаль; но что было бы, если бы не светил светлый образ Сократа, приявшего яд? Его знание, нас осветившее, — знание выпитой чаши, быть может? В тот миг, когда он выпивал свою чашу, Платон, может быть, отразил — светлый образ Сократа над чашею с ядом: векам?

Современный Сократ, отравляемый внешне и внутренне вознесенный, расширенный, соединенный с вещающим, внутренним гением (с кислородом) — теперешний русский; одет он в лохмотья; пришел — из хвостов, из промерзшего, вшивого помещения по загаженным улицам; он пришел — философствовать, сократический гул диалектики песней стоит над Россией; невероятными ужасами из сознания мужичка, разночинца, рабочего, интеллигента, студента выдавливается фаланга сократов, перед которыми ставится «чаша»: причастие Духом. Причастие Духом есть факт, отлагающий новую культуру России, иль утверждение: «Вес азота — 14»...

— «Почему не 17?»

— «Пойдите за мной по моим перспективам».

А доказать тут нельзя.

Доказательство — оптимизм приезжающих из России, замученных, полубольных, истощенных; казалось, они бы должны черпать силы в довольных и сытых культурою зарубежников — русских; но, нет; зарубежники пессимисты, их обрывают унынием:

— «Что вы распелись? Какой таков свет?»

Он — оттуда, из «что-то», чего доказать вам нельзя, господа пессимисты; он — факт эмпирический. Он — факт сознания, имманентного жизни России; он — песня Сократа над ядом; она — нам поставлена так же, как Фаусту; но, поднесенная к горьким устам, опускается; слышим, как Фауст, мы: «Christ ist erstanden»! Пусть там умирают, но — там умирают любя; живут — здесь, но... но... сколько русских здесь живут для проклятия. Здесь вышел Шпенглер написанной книгой; а там произносится множество Шпенглером не написанных книг; вы — не верите? Жаль. Пропустив чрез себя вереницы собраний, бесед, лекций, студий, кружков, — утверждаю от опыта: «Вес атомный азота — 14, а не — 17».

Да, «чаша» экзамен России; пред чашею падают в скотоподобное состояние; над «чашей» взлетает из облачка обыденной обывательской — ангелический, шестикрылатый предтеча грядущего Русского, как устремление, как пар; и Россия — не в павших, а — в устремленных, горе, в окрыленных в вызывающих:

— «Буди!»

Великолепно описана Достоевским смерть старца, Зосимы¹⁶⁴; в монастыре ожидали, что — будет: прославится ль тело, или — протухнет оно; ждали чуда; иные ходили обнюхивать гроб, как один любопытный монашек; он первый разнес, что — «протух».

В отношении к современной России я наблюдаю два стиля; один — стиль Алеши; другой — стиль монашка, пришедшего к гробу «понюхать», удостовериться, что «протух»; напоминают иные из зарубежных-русских такого монашка; в оттенке вопросов («Ну что, как в России?») — понюхиванье; из всего постараются вывести:

— «Вы говорите там о каком-то процессе горения, расщепляющем на элементы, соединяемые с кислородом духовной культуры. По нашему эти процессы понятны: процессы, происходящие в трупе».

Материалисты одиноки, «принюхиваются» к гробу; они — иль монашки, или покойники рассказа «Бобок»¹⁶⁵, играющие словами «дух» (запах) и «Дух». Вывод их: «Дух — есть, есть: попахивает, сгнивает».

Канализация полуразрушена; и нечистоты с дворов не вывозятся (крупный профессор, покойный уже, в своей собственной комнате, где замерзла вода, на печурочке разогревал, чтобы оттаяло то, что естественно выносимо из комнат). И все-таки: почему не о «духе» одних нечистот, а о Духе Святом говорим мы, вернувшиеся из России? Да потому что мы видели — «что-то», чего не узнаешь, не поживя там; перед Алешей у гроба возникло виденье Зосимы, сияющего; Алеша над гробом «протухшего» тела увидел — живое нетленное тело; увидел Христа трапезующего.

Не думайте, что современные русские не умирают в сомнениях, в разуверениях, в болях; все — есть; но есть и иное; видение живой и нетленной России. Не «принюхивающимся» монашкам и не покойникам из рассказа «Бобок», бывшим людям, кончающим лозунгом «обнажмся и заголимся»¹⁶⁶ — не им различить Духа жизни России «духа» улиц (испорчена канализация).

Помните: после видения Алеша выводит; и — видит: синесапфирное небо, покрытое звездами; небо с огромной звездой над конюшнями «скотопригоньевской» жизни увидели мы; и утверждая «Россия есть скотный», — должны бы договорить: там есть ясли с «младенцем», ко-

¹⁶⁴ Братья Карамазовы (примеч. авт.).

¹⁶⁵ Достоевский (примеч. авт.).

¹⁶⁶ Ср. также: «Обыватель в человеке — бессмертен, ибо духовно мертв; он вечен, ибо его род, по слову Заратустры, неистребим как земляная блоха» (Иванов-Разумник. Бобок // Знамя. 1919. 3 февраля. № 2. С. 17–20).

тому не позволили родиться нигде, кроме «скотного», хозяев «постоялых дворов» прошлой жизни.

Взглянувши на нынешнюю России, вы созерцаете:

Проткнутые ребра,
Перекрученные руки,
Препоясанные чресла!

И – восклицаете:

И это –
Был
Христос?

Но –

– Это –

Воскресло!¹⁶⁷

Новые полномочия Лундберга¹⁶⁸

(От собственного корреспондента)

Ревель, 6. 3.

Здесь получены сведения из Москвы, что сожжение г. Лундбергом книги Шестова заставило советскую власть обратить особое внимание на деятельность его. Берлинскому представительству предложено поставить г. Лундберга во главе литературной контрразведки для наблюдения за поведением писателей и ученых, приезжающих из России и вообще находящихся за границей.

Письмо Е. Г. Лундберга к Андрею Белому и А. М. Ремизову¹⁶⁹

9 марта <1922 г.>

Дорогие Борис Николаевич и Алексей Михайлович,

Вы оба, давно знаете меня; Вы, Алексей Михайлович, близко связаны с Домом Искусств, а Вы, Борис Николаевич, с Вольфилой. И потому правильнее всего мне Вас обоих запросить о том, могу ли я рассчитывать на какое-либо реагирование со стороны сотоварищей по перу против той травли, которая ведется в Берлине против меня, или

¹⁶⁷ Андрей Белый цитирует собственную поэму «Христос воскрес» (1918).

¹⁶⁸ Руль. 1922. 9 марта. № 399. С. 3.

¹⁶⁹ Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой.

мне следует полагаться на собственные силы? В 399 № «Руля» появилась телеграмма «собственного корреспондента» о назначении меня в контрразведку.

«Телеграмма» эта, что для меня несомненно, является прямою местью за следующее.

Несколько дней тому назад я виделся с Б. А. Пильняком. Он рассказал мне о том, что Вы оба и он намерены читать свои произведения в пользу голодающих в России в квартире И. В. Гессена. На это сообщение я реагировал довольно резко, ибо оно огорчило меня. С моей точки зрения можно читать в Адлоне, в Эдене, у любого банкира, у Ратенау, даже у Ульштейна, но не в квартире редактора газеты столь яркого направления. Эти соображения я и высказал Б. А. Пильняку¹⁷⁰.

И не «далее», как через неделю в «Руле» появилась телеграмма о том, что по службе своей я имею дело исключительно с профессорами и учеными, приезжающими из России — ибо отдел мой снабжает их, Академию, высш^{<ие>} учебн^{<ые>} заведения и научные общества — книгами и библиографией.

Независимо от того, меня ли эта травля касается, или касалась бы кого-либо другого, я должен сказать, как историк литературы, что не знаю в прошлом случая применения столь глупых приемов. И. В. Гессен пытается доносить на меня и направо и налево, и я не буду удивлен, если в будущем газета эта начнет фабриковать компрометирующие меня документы, слухи и пр.

С искренним приветом, Е. Лундберг.

Адрес мой: Schlachtensee, Sanatorium «Schlachtensee», Zim. 54.

¹⁷⁰ Прозаик Борис Андреевич Пильняк (наст. фам. Вогау; 1894—1938) в начале 1922 г. был командирован в Берлин, где поселился у Ремизовых. Ср. также с дневниковой записью К. И. Чуковского от 29 сентября 1922 г.: «Он [Пильняк] вообще жох: рассказывал, как в Берлине он сразу нежничал и с Гессеном, и с советскими, и с Черновым, и с Накануневцами — больше по пьяному делу. <...> Он рассказывал берлинские свои похождения: Лундберг из тех честолюбивых неудачников, которые с надрывом и вывертом. Он как-то узнал, что я, Белый и Ремизов собираемся читать в гостях у Гессена в пользу „Союза Писателей“, и сказал мне: „Что вы делаете? Вы погубите себя. Вам нельзя читать у Гессена“. Я (т. е. Пильняк) взял и рассказал об этом Гессену, Гессен тиснул гнусную заметку о Лундберге, и т. д. и т. д. Лундберга называли советским шпионом и т. д. — Ну можно ли было рассказывать Гессену — пусть и глупые речи несчастного Лундберга?» (К. Чуковский. Дневник. 1901—1929. С. 216).

Письмо А. М. Ремизова к Е. Г. Лундбергу¹⁷¹

11 марта 1922 г.

Сегодня в 7 часов вечера будет собрание, на котором будет обсуждаться вопрос о том, как реагировать писателям и общественным деятелям по поводу заметки о Вас в «Руле». Я никаких надежд на это совещание не возлагаю: сообщение «Руля» вызвало так много толков, с одной стороны, благодаря злополучной шестовской книжке, а с другой, потому, что эмигрантские писатели вообще никогда еще не реагировали на такие сообщения, как это было с А. Ф. Кони и Макс. Горьким — и «дневником» Зинаиды Гиппиус в «Русской мысли»¹⁷², обсуждение отношения к которым, и к Вам в том числе, запутало бы всех на несколько месяцев.

Я думаю, что вопрос надо ликвидировать иначе. Вчера на Митинге в Филармонии¹⁷³ я и Андрей Белый встретились с И. В. Гессеном и говорили с ним о заметке. Гессен говорит, что такое сообщение газетой действительно получено, но что, если мы настаиваем, он согласен принести перед Вами извинение. Вы должны написать в редакцию газеты Рুলь опровержение в такой форме: — что Вы никакого предложения о том, чтобы стать во главе наблюдения за писателями и учеными от советского правительства не получали. Рულъ это опровержение напечатает и извинится перед Вами.

Те ссоры, которые идут здесь между всеми — <I нрзб.>, в сущности свара, и я думаю, что этот — мирный — путь самый, — и прошу Вас пойти по нему. Если Вам трудно писать прямо Рулю, — пишите мне, и я перешлю Гессену.

¹⁷¹ Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой. Черновик.

¹⁷² На страницах дневника З. Н. Гиппиус, который впервые был опубликован в изданном в Софии журнале «Русская мысль» (1921. Январь–февраль. Кн. 1 и 2. С. 139–190), содержались резкие нападки на целый ряд лиц и, в частности, на А. Ф. Кони и М. Горького в связи с их сотрудничеством с большевиками.

¹⁷³ 10 марта в помещении Берлинской филармонии состоялся митинг в помощь «голодающему населению России», на котором выступали редакторы «Руля» В. Д. Набоков (председатель митинга), И. В. Гессен, новый редактор «Голоса России» В. М. Зензинов и Андрей Белый.

Из письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику¹⁷⁴

Берлин. 11 марта 1922 г.

Во-первых: низкий поклон «Вольфиле»; более, чем когда-либо я отсюда вижу, до чего нужно наше детище; днями и ночами думаю о петербургской «Вольфиле» (о московской ни слуха, ни духа); и она мне все более — «Фила»; отчаиваюсь, что у нас, в Берлине, — не так: и — отсюда: *во-вторых:* перехожу к берлинской «Вольфиле», которая меня окончательно убивает отовсюду, — настолько, что недавно я имел объяснение с Ал<ександром> Абр<амовичем> <Шрейдером>, что хочу уходить из председательства. И — вот почему: я, собственно, здесь, в «Вольфиле» один. Е<вгений> Г<ерманович> настолько занят службой, что активно ничего не может предпринять <...> А А<лександр> Абр<амович> Шрейдер — Вы сами понимаете: 1) чужой «нашему» духу, 2) тащит, куда хочет (т. е. устраивает те лекции, которые ему улыбаются, и ничего не предпринимает, когда лектор ему почему-либо не говорит; а мы технически у него в руках, ибо снятие помещения, печатанье билетов, анонсы в газетах и т. д. — все это несравненно сложнее, чем в России; и он, пользуясь аппаратом «Скифов» и «скифской» барышней, лишь он может устраивать; остальные — индифферентны, кроме Белоцветова (берлинский Михайлов — помните антропософа такого?), которого все прочие берлинские «вольфилицы» игнорируют; и — напрасно: я объявил публично лекцию Белоцветова, а А<лександр> Абр<амович> взял да и не устроил ее. При таком самостном секретаре, абсолютно чужом подлинному «скифству» (Берлинские «Скифы» после того, как они устроили совершенно вредный журнал «Вещь»¹⁷⁵, рекламно-мертвенный, — мне совершенно чужды; кстати: Е<вгений> Г<ерманович> вышел из «Скифов»¹⁷⁶. Почему эти «Скифы» — «Скифы», — не ведаю), — при ближайшем сотрудничестве Ал<ександра> Абр<амовича> мне просто тяжело работать. Остается лишь все собой наполняющий Минский, который готов где угодно в каком угодно количестве собой представлять дух «Вольфилы»: он пухнет в «никчемности». Кроме того: инцидент Лундберг — Шестов (Вы, конечно, знаете, уход Шестова из Вольфицы, трав-

¹⁷⁴ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 238—239.

¹⁷⁵ В марте—мае 1922 г. издательство «Скифы» выпустило в свет два номера (1/2 и 3) журнала «Вещь» с подзаголовком «Международное обозрение современного искусства под ред. Эл. Лисицкого и Ильи Эренбурга».

¹⁷⁶ Выйдя из «Скифов», Е. Лундберг возглавил первое советское издательство в Берлине, которое действовало под началом Бюро иностранной науки и техники.

ля Лундберга прессою и травля Вольфила за то, что одесную и ошую меня сидят Лундберг (сжегший книгу Шестова) и Шрейдер (арестовавший редакторов и т. д.), — все это факторы, не располагающие к частым выступлениям в Берлине. Травля Е<вгения> Г<ермановича> прессою — гнусна; я уже решительно выступал против; но эта травля грозит превратиться в *perpetuum mobile*¹⁷⁷, при котором двигать «Вольфилу» невозможно, ведь не устраивать же вместо заседаний градации третейских судов и т. д. и т. д. И главное: я не совсем понимаю действия Е<вгения> Г<ермановича>. Он сделал все, чтобы напортить всем: себе, «Вольфиле»; и не стоило устраивать «Вольфилу» для того, чтобы месяцами распинаться за Е<вгения> Г<ермановича>. Конечно травля его — гнусна; но — Е<вгений> Г<ерманович> все-таки необъясним мне своими ненужными для него подчеркиваниями того, что не надо подчеркивать: бесплодное дразнение быков торреадорскими платками — вот как я назвал бы поведение Е<вгения> Г<ермановича>. Быки кидаются на других из-за него, а Е<вгений> Г<ерманович>, не отвечая быкам, заставляет окружающих «схватываться» за него с быками, отчего возникает неизбежное политиканство. Пишу так подробно оттого, что только что вернулся с заседания в кафе Ландграф, где С. Г. Каплун, проф. Яценко, Пильняк, А. М. Ремизов и др. 2½ битых часа обсуждали, как нам держаться в новом инциденте «Лундберг — Руль»¹⁷⁸, грозящем разрастись и перепутать отношения всех берлинских писателей (это уже не инцидент с Шестовым, а — новый, и не со стороны Лундберга, а здешней прессы: остается горевать, что Е<вгений> Г<ерманович> такой *несуразный человек* и что он *ненужно* раздражил своим поведением всех и теперь запутываются в его отношения с другими ряд людей, которых хотели бы быть свободными, но которых со всех сторон втравливают в политиканство). Главное: считая Е<вгения> Г<ермановича> человеком порядочным, я решительно не оправдываю его *точки зрения на многое* и не оправдываю его желание свое поведение вменить и другим, как должное. Надо уметь защищать свои убеждения с мечом: но переть против рожа бессмысленно; еще бессмысленнее своих друзей тоже переть против рожа. Наконец — последнее: берлинская русская публика не для «Вольфила», да и «Вольфила» в «Вольфиле» берлинской, скажу откровенно, нет, кроме меня; а мне — не до «берлинской» Вольфила, ибо у меня огромная личная трагедия...

¹⁷⁷ вечный двигатель (*лат.*).

¹⁷⁸ Ср. с более поздней записью Андрея Белого из тетради «Себе на память»: «Февраль. Беседа группы лево настроенных писателей. Прения (Инцидент с Лундбергом и „Рулем“)» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 96. Л. 16).

Письмо Е. Г. Лундберга к Андрею Белому и А. М. Ремизову¹⁷⁹<18 III>¹⁸⁰

Дорогие Алексей Михайлович и Борис Николаевич.

Спасибо Вам за письмо. Но совет Ваш — написать письмо в редакцию «Руля» — я не могу исполнить. Я ни о чем и никогда не могу переписываться с литературной организацией, разрешившей себе такие приемы борьбы.

Мои опровержения появятся в <печатных?> органах. Все вырезки из «Руля», все вообще дело Гессен — Лундберг я возьму с собою в Россию и передам на суждение Союзу писателей.

«Рулю» же я через Ваше посредство предложил бы на видном месте (т. е. не в отделс петита) напечатать следующую заметку:

«В № 399 нашей газеты напечатано известие о том, будто и т. д. Как мы узнали из авторитетных литературных источников — известие это вымышлено (или не соответствует действительности). Приносим свои извинения Е. Г. Лундбергу».

Такого рода заметка — единственный приемлемый для меня способ моего общения с «Рулем».

С искренним приветом
Евг. Лундберг.

Письмо в редакцию¹⁸¹

В газете «Руль» появилось под видом телеграммы собственного корреспондента из Ревеля извещение о том, будто мне предложено российским правительством наблюдение за учеными и писателями, живущими за границей. Само собой разумеется, что сообщение это является вымыслом от начала до конца.

Е. Лундберг.

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга¹⁸²

В «Руле» напечатала телеграмма «собственного корреспондента» из Ревеля о том, что советское правительство обратило внимание на

¹⁷⁹ Amherst Center for Russian Culture. Архив А. Ремизова и С. Довгелло-Ремизовой.

¹⁸⁰ Помста А. М. Ремизова.

¹⁸¹ Новый мир. 1922. 26 марта. № 73. С. 3.

¹⁸² Е. Лундберг. Записки писателя. Т. II. С. 219–220; 224–226.

мою «полезную деятельность», в особенности в связи с сожжением брошюры Л. Шестова, и поручило мне «наблюдение за живущими за границей писателями и учеными».

В БИНТ приходят приезжие из России инженеры, профессора и библиотекари. Все они имеют дело со мною, так как у меня в руках отдел научной связи. Это для них изготовлена телеграмма «собственного корреспондента».

Писатели возмущены проделкой И. Гессена. А. Ремизов, А. Белый, проф. Ф. А. Браун, встречающиеся с ним, выразили ему осуждение. Эти протесты меня мало трогают. Своего дела не брошу. Все это — «карма» собственных ошибок.

Между мною и писателями пролегла черта. Я перестал быть для них писателем. Одна из господствующих идей литературы нашей эпохи — нейтральность, наджизненность, особые какие-то права писателя. У меня нет сознания особых прав. <...>

Апрель

И писатели и близкие люди настаивают на том, что надо привлечь И. Гессена к ответственности за травлю. Мне странно это слышать. Куда «привлечь» и к какой «ответственности»?

Собрал нехотя газетные вырезки и перечитал их. Немецкий адвокат согласен со мною: с точки зрения суда здесь нет состава преступления. «Полемика». «Разногласия на почве несходства политических убеждений». И главное: «Мы, немцы, плохо разбираемся в ваших делах. Мы считаем, что политика требует корректности, вы же придерживаетесь другого мнения». <...>

Мы обмениваемся церемонными поклонами и расстаемся. Итак, не коронный, а третейский суд. Но третейский суд возможен только между людьми одной настроенности и одного морального уровня. И. Гессен еще в эпоху «Речи» считался «нечистым» в кадетском ковчеге. «Лепшие» люди кадетизма, как Набоков, Левин, Петрункевич, неохотно протягивали ему руку.

В. Б. Станкевич сообщил мне, что текст телеграммы «собственного корреспондента» в первых тысячах тиража был иной, чем в остальных номерах «Руля». Видимо, кто-то прервал печатание газеты и смягчил текст — чтобы не дать повода для судебного преследования.

Хроника¹⁸³

— Вольная философская ассоциация в Берлине организует цикл лекций и собеседований (по средам) на тему: «Смысл современной эпохи». Первый доклад прочтет (в среду 29-го марта) В. Б. Станкевич на тему: «О том, что зрячие не видят». Второй доклад (в среду 5 апреля) прочтет Андрей Белый на тему: «Индивидуализм и коллективизм». Третий доклад (в среду 12 апреля) прочтет Н. Н. Белоцветов на тему: «Зоософия и антропософия». Четвертый доклад (в среду 19 апреля) прочтет С. Сумский на тему: «Личность и социализм». Пятый доклад (в среду 26 апреля) прочтет проф. С. И. Гессен¹⁸⁴ на тему: «Личность и свобода».

Хроника¹⁸⁵

— В среду 5-го апреля в 8 с пол. час. вечера в Флора Дилле состоится вторая беседа *Вольфилы* из цикла «Смысл современной эпохи». Доклад прочтет Андрей Белый «Индивидуализм и коллективизм». Гости по приглашению членов Вольфилы.

Хроника¹⁸⁶

— В среду, 12-го апреля в 8 ч. веч. в пом. Лицеумклуб Люцов пл. 8 состоится *третья беседа Вольфилы* из цикла «Смысл современной эпохи». Доклад прочтет Н. Н. Белоцветов на тему «Философия свободы». Программа лекции:

1. Свобода и загадка сфинкса.
2. Индетерминизм и детерминизм как противоречие между культурой и природой.

¹⁸³ Руль. 1922. 31 марта. № 418. С. 5. Аналогичное сообщение было напечатано в разделе «Хроника» сменовеховской газеты «Накануне» с дополнительной информацией: «В воскресенье 2 апреля с. г. в 5 час. Дня в Студенческом Зале У.М.С.А. (Рейхстагсуфер 6, Французская Гимназия, Цейхензал) состоится доклад В. Б. Станкевича на тему „Воля и жизнь“ (Нансен и его путешествие). Вход бесплатный» (1 апреля. № 6. С. 4).

¹⁸⁴ Сергей Иосифович Гессен (1887–1951) — педагог, философ.

¹⁸⁵ Голос России. 1922. 5 апреля. № 934. С. 4.

¹⁸⁶ Голос России. 1922. 11 апреля. № 939. С. 4.

3. Попытки послекантовской философии индетерминировать знаки (Гуссерль, критицизм, интуитивизм) и их несостоятельность с точки зрения свободы.

4. Зоософия и теософия.

5. Антропософия, как философия свободы.

6. Лосский и Штейнер в их отношениях к познавательному акту.

7. Атрибуты мышления и человеческой свободы.

8. Как реализуется свободное дело.

9. Принципы ясновидения и чуда в антропософии.

10. Антропософия и современный сфинкс культуры.

Билеты во всех русских книжных магазинах.

Хроника¹⁸⁷

— В субботу 15 апреля в 4 час. веч. в Флора Дилле (Мотесштр. 65) состоится под председательством Андрея Белого *закрытая беседа Вольфины* на тему «Мир как культура». Гости по приглашению членов Вольфины.

Хроника¹⁸⁸

— В среду 19 апреля в 8 час. вечера в Берлинер Сецессион, Курфюрстендамм 232 состоится *четвертая беседа Вольфины* из цикла «Смысл современной эпохи». Доклад прочтет С. Г. Сумский. Билеты во всех русских книжных магазинах.

¹⁸⁷ Голос России, 1922. 14 апреля. № 942. С. 6.

¹⁸⁸ Голос России, 1922. 20 апреля. № 945. С. 4.

Митинг «Власть труда»¹⁸⁹

В понедельник, 24 апреля 1922, в Schubert-Saal, Bülowstrasse 104, состоится устраиваемый Вольфилой митинг на тему «Власть труда». Доклад прочтет Н. М. Минский. Оппонентами выступят: Андрей Белый, Г. Л. Кирдецов¹⁹⁰, В. Б. Станкевич, В. М. Чернов¹⁹¹, проф. Шацкий¹⁹², А. А. Шрейдер и др.

Тезисы доклада следующие:

1. Власть над всеми сторонами национальной жизни принадлежит по праву только работникам производительного труда ручного и умственного: пролетариату и интеллигенции.

2. Все политические партии без исключения защищают интересы не тождественные с интересами труда.

3. Для совместной работы с объединенным ручным трудом должен быть создан самостоятельный союз труда умственного.

4. Вновь образуемый союз интеллигентных работников сам устанавливает тактику отношений ко всем существующим партиям¹⁹³.

Начало в 8 ч. веч. Билеты во всех русских книжных магазинах.

Вольная философская ассоциация¹⁹⁴

В среду 26 апреля в помещении Лицеумклуб, Люцовплац 8, состоится доклад проф. С. О. Гессена.

Программа доклада.

1. Идеал свободного образования у Руссо и Толстого. Отрицание культуры Руссо и Толстым. Естественное воспитание Руссо и свободное образование Толстого. Неудача их замысла. Причины неудачи. Альтернатива: свободное или принудительное воспитание.

¹⁸⁹ Накануне. 1922. 24 апреля. № 23. С. 8.

¹⁹⁰ Григорий Львович Кирдецов (наст. фам. Дворецкий; 1880–1938?) – экономист, сотрудник ряда дореволюционных либеральных изданий; автор воспоминаний «У ворот Петрограда (1919–1920)» (Берлин, 1921).

¹⁹¹ Виктор Михайлович Чернов (1873–1952) – публицист, общественный деятель, лидер партии социалистов-революционеров.

¹⁹² Б. Е. Шацкий – специалист в области международного права, экономист.

¹⁹³ Свои взгляды на тему «власти труда» Н. Минский развил в книге «Манифест интеллигентного труда», которая вышла в берлинском издательстве «Современные проблемы» в 1922 г.

¹⁹⁴ Накануне. 1922. 25 апреля. № 24. С. 5.

2. Понятие дисциплины. Дисциплина возможна через свободу.
3. Понятие свободы. Свобода как индивидуальный закон. Отличие свободы от произвола. Свобода как данность и как задание.
4. Понятие личности. Личность и темперамент. Личность возможна через сверхличное начало. Проблема биографии.
5. Личность и культура. Центристремительная и центробежная сила в личности. Правда отрицания культуры. Отрицание культуры как морализм. Проблема истории нравственности.
6. Свобода и личность как цель нравственного образования.

М.

Власть труда¹⁹⁵

Устроенный «Вольфилой» в понедельник, 24 с. м., диспут на тему «Власть труда» собрал сравнительно немногочисленную аудиторию. Да и явившиеся с некоторым опасливым недоумением ожидали доклада о том, «как нужно строить государство и власть» из уст поэта Минского в помещении философского общества.

Трудовая интеллигенция, каменщики слова, плотники мысли, находятся повсюду в политической опале, как Христос среди двух разбойников: капиталистов и пролетариата. Но трудовая интеллигенция от своего первородства не хочет отказываться, циркуль и лира не захотели поклониться серпу и молоту; трудовая интеллигенция, неподходящая под понятие пролетариата и беднейшего крестьянства, должна осознать себя и занять свое место, не взирая на грозные окрики, заявил докладчик Н. М. Минский.

Чем объясняется разлад между интеллигенцией трудовой и партийной, особенно остро обнаружившийся непосредственно после большевистской революции? Первое объяснение — оппортунизм большевиков, демагогически поддакивавших массам, которые не доверяли интеллигенции. Но без интеллигенции большевики обойтись не могли: они были вынуждены привлечь ее к работе, а непокорных грозили приковать к цепи. До цепей не дошло и ограничились рабочими книжками, 3-ей категорией и т. д. Через год цепи были позолочены и интеллигенция получила собачью кличку — спец.

На самом деле мотивы разлада более глубокие, теоретические: в идее диктатуры пролетариата, развитой Марксом и его учениками. С умственным трудом Маркс не считался. Между тем, в то время, как

¹⁹⁵ Руль. 1922. 26 апреля. № 438. С. 5.

ручной труд прикован к пространству, умственный — вечен во времени. Умственный труд — открытие, изобретение — действует, как даровая, постоянная сила. Она-то и создает прибавочную стоимость. Эта истина опрокидывает вверх дном все социалистические программы.

Однако, трудовая интеллигенция не претендует на привилегию, а лишь на равенство с пролетариатом. У Маркса труд мысли и мышц, оба — труд в физиологическом смысле. Качественного различия между умственной и физической энергией Маркс проглядел. Интеллигенция Маркса не интересовала по партийным соображениям; для марксистов интеллигенция — «бесполое классовое существо» (В. Либкнехт). Отсюда один шаг — к советской ругани.

Мы стоим на пороге новой эры: власть должна перейти от партий к объединенному труду. Государство не будет иметь ничего общего ни с нацией, ни с территорией, а лишь с интересами, — закончил докладчик.

Прения не состоялись за отсутствием оппонентов.

А. Вольский

В «Вольфиле»¹⁹⁶

Доклад Н. М. Минского «Власть труда», несмотря на свою жгучую современность и популярность докладчика, привлёк сравнительно скромную аудиторию, состоявшую, главным образом, из интеллигентной молодежи.

Основные мысли доклада можно изложить в следующих тезисах:

Искони существует острый конфликт между трудом и властью, независимо от внешней организации человеческого общества.

Сообразно с этим, и общество делится не на классы, как полагают социалисты, а на два враждебных лагеря — тружеников умственного и мускульного труда и властодержцев.

В истории человечества власть менялась четыре раза, переходя последовательно от теократии к автократии, от демократии к социалистам.

Первые три формы власти отмерли, так как носили в самих себе зародыши внутреннего противоречия и разложения.

Эти пороки перешли по закону наследственности и к четвертому виду власти — власти социалистической, как это, по мнению докладчика, наблюдается напро^{имер} в России.

¹⁹⁶ Накануне. 1922. 26 апреля. № 25. С. 5.

Человечество стоит на пороге пятой эпохи — перехода власти к самому труду, а не его опекунам.

Попутно докладчик подверг критическому анализу теорию прибавочной стоимости К. Маркса, а в заключение выразил надежду на образование в Берлине ассоциации работников умственного труда.

«Вся власть труду» — таков был заключительный аккорд доклада.

Вопреки предварительному заявлению заместителя председателя Вольфила, В. Б. Станкевича, прения по докладу не состоялись и, по слухам, отложены до следующего заседания.

Впрочем, из оппонентов, помеченных в программе, почти никто не явился: не было ни В. М. Чернова, ни А. Н. Белого <так!>, на которых возлагалось столько надежд, как на «тяжелую артиллерию» и приманку для публики, падкой на «имена».

Разбор доклада, в виду интереса затронутой им темы, заслуживал бы однако разностороннего рассмотрения.

Следует лишь отметить удивительное равнодушие, с которым доклад был встречен, несмотря на его блестящую форму и молодую аудиторию: русская публика, очевидно, просто устала от всяких умствований и ждет — хорошо ли, худо ли — не отвлеченных поучений, а какого-то, еще не вполне осознанного «action directe»¹⁹⁷. Разумеется, «action» понимается различно, и примирить это различие едва ли возможно, едва ли следует!

Письмо в Редакцию¹⁹⁸

Глубокоуважаемая редакция!

В книгоиздательстве «Скифы» вышла моя брошюра «Сирин ученого варварства»¹⁹⁹. Брошюра представляет собою выдержки из статьи моей о В. И. Иванове, написанной для С. А. Венгерова в 1917 году²⁰⁰. В нее включены мои выпады против книги В. Иванова «Вселенское и родное», написанные в начале 1918 г. Тогда же эти выдержки про-

¹⁹⁷ прямое воздействие (фр.)

¹⁹⁸ Голос России. 1922. 25 апреля. № 949. № 2.

¹⁹⁹ См.: А. Белый. Сирин ученого варварства (По поводу книги В. Иванова «Родное и вселенское»). Берлин, 1922.

²⁰⁰ См.: Русская литература XX века. 1890–1910. Т. III. Кн. 8. М., 1916. С. 114–149. Указание в выходных данных на 1916 г. — ошибочно; правильно: 1918. См. также: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 144–145.

шли в двух фельетонах газеты «Знамя Труда»²⁰¹. Содержание брошюры я позабыл. Корректур не правил; и потому-то должен сам протестовать против собственных слов. Понятно, что в начале 1918 года можно было иметь романтическое отношение к событиям в России. Мы с покойным А. А. Блоком верили в близкое будущее: в народное творчество снизу. Ведь террор еще не разражался. Ведь миллионы не гибли с голоду. С той поры, как советская власть уничтожила духовную основу жизни «Советов», фразы, подобные встречающимся в моей брошюре (см. стр. 16–22), звучат анахронизмом. Будь они написаны в 1922 году, они прозвучали бы издевательством; теперь, когда хватают меньшевиков, правых и левых эсеров, когда от голоду гибнут миллионы людей, нельзя писать: «Революция протекает религиозно»... «Самоопределение народа в ней целостно»... и т. д.²⁰² Нельзя издеваться над народом; и я решительно протестую против самого себя; я отказываюсь от многих слов собственной брошюры, предоставляя их сотрудникам «Накануне». Но четыре года назад, когда Блок писал «Скифы», наши чаяния в скорое прекрасное будущее оправдание имели. В то будущее продолжаю я верить, но вижу его не в той плоскости, в какой видел четыре года тому назад.

Мне отчаянно грустно, что, забыв содержание перепечатаваемой статьи, я не провел ее сквозь собственную цензуру. Тогда не появилось бы многое, что появилось на страницах 16–22 моей брошюры «Сирин ученого варварства», с основными идеями которой я остаюсь согласным (например, взгляд на творчество В. Иванова не изменился во мне).

Извиняюсь, что утруждаю редакцию «Голоса России» этими краткими заявлениями о себе самом.

Примите уверение в совершенном почтении.

Андрей Белый.

²⁰¹ Две части статьи Андрея Белого «Сирин ученого варварства (По поводу книги В. И. Иванова „Родное и вселенское“» из цикла «На перевале» вышли в центральном органе партии левых социалистов-революционеров — газете «Знамя труда» весной 1918 г.: 26 марта (№ 163. С. 2–3) и 3 апреля (№ 170. С. 2–3).

²⁰² Ср.: «Революция протекает религиозно. Самоопределение народа в ней целостно. И тот факт, что Иванов, когда-то писавший десятки страниц об органической связи религии мифа, трагедии с народной соборностью, — в революции русской не увидел осуществления своих пламенных чаяний, — показывает одно: пламенность чаяний вовсе не пламенна; “теоретична” она». (А. Белый. Сирин ученого варварства. С. 20–21).

По газетным столбцам²⁰³

Самоугрызение

А. Белый писатель-поэт. На днях он обнаружил у себя невероятное перепроизводство в словах и попытался подкинуть их на сторону. Попытка не пытка, конечно, но свидетельствует о черной неблагодарности папаши словотворца к деткам словечкам: ведь месяца не прошло, как эти самые «слова» повторялись в трех лекциях «Культура современной России» и нескольких статьях А. Белого. Ныне же автор заявляет:

Нельзя издеваться над народом: и я решительно протестую против самого себя.

Раскаяние, хотя бы и позднее, всегда похвально, горько однако думать, что большой поэт только «издевался над народом», произнося в его честь слова участия и уважения. Этому верить нельзя.

Однако, оказывается, к счастью, А. Белый тут неповинен, истинный виновник найден «Рулем»²⁰⁴ — это, конечно, «злой гений» г. Лундберг.

А. Белый написал книгу, продал ее «Скифам». «Скифы» издали. А. Белый отрекся от своего детища и самого себя. Кто виноват? Конечно, «Скифы», поверившие писательской устойчивости взглядов А. Белого.

Что же до г. Лундберга, то его вина, по заявлению «Руля» в том, что брошюру Шестова против большевиков г. Лундберг не задумался сжечь, а брошюру, о которой автор так сожалеет, поспешил издать!!

Вывод очевиден — г. Лундберг должен был сжечь и книгу А. Белого!!!

И затем: г. А. Белый «протестует против самого себя» *после выхода* книги в свет.

Ясно, что А. Белому нужны надежные «цензора», и они нашлись и в «Г<олосе> Р<оссии>» и в «Руле». В последнем г. Гессен артистически работает, как «словесный зубодер» — недаром ему удалось беспримерно «очистить» записки Витте²⁰⁵.

²⁰³ Накануне. 1922. 28 апреля. № 27. С. 2.

²⁰⁴ См. обзор «Печать» (Руль. 1922. 26 апреля. № 438. С. 2).

²⁰⁵ Подразумевается публикация в газете «Руль» (1922. 9 апреля. № 426. С. 2–3; 14 апреля. № 430. С. 2; 16 апреля. № 431. С. 2–3; 19 апреля. № 432. С. 2–3) отрывков из воспоминаний графа С. Ю. Витте, второй том которых вышел в берлинском издательстве «Слово» в конце апреля.

А. Белому непременно надо отправиться «почиститься» к г. Гессену, тот ему все человеческие слова повиыдергает, оставив «на развод» лишь заученные — от них же не отречешься.

В «Доме Искусств»²⁰⁶

Последнее заседание «Дома Искусств» превратилось в диспут, посвященный недавно вышедшему журналу «Вещь». В качестве основы прений послужила прочитанная А. Шрейдером рецензия на журнал²⁰⁷. В прениях приняли участие А. Белый, Н. М. Минский, г. Парнах²⁰⁸, г. Петровский, г. Соковин. Возражали докладчику редактора «Вещи» — И. Г. Эренбург и Э. Лисицкий. Во время прений выяснилась любопытная подробность: А. Белый, громивший «Вещь» со всех точек зрения, увидевший в ней даже личинку «Антихриста», — признался в конце концов, что самой вещи он никогда не читал и даже не видал.

²⁰⁶ Накануне. 1922. 30 апреля. № 29. С. 5.

²⁰⁷ Вероятно, речь идет о рецензии «Индустриализация духа искусства», которая появилась в «Голосе России» под псевдонимом «Лоренцо». Ср.: «Дух скифства был духом первородной свежести, не посредственности, „земляности“. Скифы первого призыва, не отрекаясь от „механической мощи“ индустриального запада, всю силою своего духа восставали против элемента „мертвечинности“ в современном машинизме... А берлинские „Скифовы дети“ (или приемыши?) <...> суеверно и благоговейно падают ниц именно перед мертвечиною машинизма». (1922. 30 апреля. № 954. С. 6–7). Полемику подхватил А. Кусиков (Всякие случаются вещи. Александр Кусиков по поводу // Накануне. Лит. прилож. под ред. А. Н. Толстого. 1922. 30 апреля. С. 5–6). № 3-й журнала, вышел со следующим уведомлением от издательства: «В составлении „Вещи“ редакция Издательства „Скифы“ участия не принимает». На что редакторы журнала откликнулись большой полемической статьей, где, в частности, говорилось: «Если бы нас захотели издавать не только скифы, но и готтентоты, мы бы тоже не отказались». (Крестины «Вещи» // Вещь. 1922. № 3. С. 21). См. также рецензию А. Г. Горнфельда «Эстетика „Вещи“» (Литературные записки. 1922. 23 июня. № 2. С. 5–6).

²⁰⁸ Валентин Яковлевич Парнах (наст. фам. Парнох; 1891–1951) — поэт, журналист.

К докладу Н. М. Минского²⁰⁹

Как мы уже сообщали, Н. М. Минский в заключении своего доклада «Власть труда» высказал пожелание, чтобы в Берлине образовалась федерация русских интеллигентных работников. Это пожелание возбудило отклик в части слушателей, и намечается организация группы лиц для разработки положений доклада. Интересующихся просят обращаться к Г. В. Франку (Dr. H. Frank, Argonauten-Verlag, Bülowlstr., 88).

Андрей Белый

Du gleichst dem Geist den du begreifst²¹⁰

(О щетках для чистки фраков)

Таковы условия эмигрантского бытия: приходится защищаться направо, налево, отказываясь от рамок, которые подставляют тебе.

Только что написал я о том, чтобы слова моей старой брошюры²¹¹, перепечатанной только что, не понимались превратно. И эти слова возбуждают конечно же газетные кривотолки.

В «Руле» появилась заметка, в которой неосновательно обвиняется издательство «Скифы», едва ль не в насильственной перепечатке брошюры моей; делается глубокомысленное замечание: во главе издательства стоит Е. Г. Лундберг, — *тот самый, который...* Я должен заметить: издательство «Скифы» не виновато в том, что я не видал корректур перепечатанной брошюры, вина вся во мне; во-вторых: Е. Г. Лундберг до времени напечатания брошюры вышел из «Скифов», затравленный беспримерным дискредитированием его имени.

В «Накануне» появилась заметка от 28 апреля, под заглавием «Самоугрыzenie». В ней напечатано, между прочим, по моему адресу: «А. Белый... обнаружил невероятное перепроизводство в словах». Указывается в заметке на то, что я отрекаюсь от современной России

²⁰⁹ Накануне. 1922. 30 апреля. № 29. С. 5.

²¹⁰ Голос России. 1922. 30 апреля. № 954. С. 1–2. В заголовке использована реплика Духа, адресованная Фаусту. Ср.: «...с тобою схож / Лишь дух, который сам ты познаешь, — / Не я!» (И. В. Гете. Фауст / Пер. с нем. Б. Пастернака / И. В. Гете. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М., 1976. С. 25).

²¹¹ «Сирин ученого варварства», — Книгоиздательство «Скифы» (примеч. авт.).

вопреки своим недавним лекциям и статьям. Заметка оканчивается указанием, что мне нужны надежные цензора в лице И. В. Гессена и «Голоса России»...

Вся заметка есть плод пустомыслия, если она не обычная передержка. В статье своей «Культура современной России»²¹² я говорю: «Новая культура... уж есть вопреки всяким скрежетам зубовным...» В своих лекциях я утверждал: «Новая Россия скажет “руки прочь” всяким посяганиям на нее». За приведенные слова я ручаюсь и головою и сердцем. Культуру России я видел (недавно еще). И я видел тогда ее, когда авторы «Накануне» кощунственно на нее посягали штыками Юденического и Колчаковского фронта²¹³.

«Скрежетуны» теперь нападают на независимую культуру с противоположного фронта: идут на культуру новорожденного Духа национал-большевизмом и советскою великодержавностью. Две мертвых России узнали они: «генеральскую» и «нео-бюрократическую», то есть России современной, свободной и новой России, России духовной, — они не узнали; ту *третью Россию*, которая им ме-

²¹² «Новая русская книга» за 1922 год. № 1 (примеч. авт.).

²¹³ Ср. с выступлением близкого к Андрею Белому С. Сумского со статьей «О литературных нравах», направленной против сотрудничества ряда эмигрантских писателей со «сменовеховской» газетой «Накануне»: «Для подобного престижитагаторства вполне приспособлены г. Ветлугин, выпускающий на днях свои «Записки мерзавца», г. Василевский — Не-буква, редактировавший чекистский журнал, вслед за ним — деникинскую газету, потом — опять коммунистический журнал, потом врангелевскую газету, перебравшийся в разные заграничные «Новости», вполне способный, сегодня постучавшись в «Голос России», завтра устроиться в «Накануне». Тут ведь главное — устроиться, а г. Василевский — Не-буква давно создал себе в этом смысле вполне определенную репутацию. <...> Худшая традиция советской России — приспособление ко всему — переносится в эмиграцию. Но если в России печать трагизма лежит на нем — революция требует либо подвига, либо приспособления, а на подвиг способны единицы, — то в эмиграции эта традиция — признак полного духовного опустошения. Там — в приспособлении — шла огромная подземная работа сознания и мысли, которая начинает сейчас пробиваться и бить; здесь — в умирании мысли начинается распад и опустошение. Три года столпы эмиграции, все эти эмигрантские газеты, речи, резолюции гасили огонь, единственный, как Вифлеемская звезда, указывавший путь. Три года воспитывали идеологию гражданской войны, дискредитировали, опоганивали, философски затапывали всякую идею общественности и демократии, три года интересы маленькой группы ставили выше интересов и страданий народа...» (Голос России. 1922. 2 апреля. № 932. С. 7).

решилась коммунистической в тылу у Юденича, они имеют теперь дерзость называть «контр-революционной» Россией, в России не бывши.

Мне ведомо разложение эмигрантщины; но мне ведом позор и современной социал-спекуляции. Россия же не есть та, не есть эта, а — *третья*. Чтобы узнать ее, надо — пожить в ней. Сколько бы ударов ножей в спину Юденича ты не всадил — ей-ей не увидишь, разве что... попадешь не в Россию, а в Кремль, оцепленный от России кордонами чекистов и «причекистов», или, пожалуй, отправишься в Геную заботиться о чистоте чичеринских фраков²¹⁴.

Россия — не чичеринский фрак.

Неужели не понимаете вы, что вы — отщепенцы от народа, что великий, духовно освобождающийся народ вас все равно не допустит к себе? И полагаете, что есть равенство между моими словами о *третьей* рождающейся России, которую знаю по опыту я, и в которой работал пять лет — и вашими дифирамбами рождаемому «гомункулу»? Да знайте же, что если бы вы заговорили моими словами, я — тотчас же изменил бы их, чтобы не быть с вами вместе. Россия не «партия»; и она — не Юденич; обе России — мертвые; но ветошь ветоши обеих Росий — вы... Я предпочел бы писать в «Правде»; я предпочел бы наилейшего коммуниста — вам...

Мое письмо в «Голосе России», вызвавшее реплики в «Накануне», не направлено против современной России, и всего менее оно направлено против «Советов», — настоящих, тех, которые прорастают снизу в новых духовных формах. Всякому интеллигенту в России это понятно; да, — но где вы были, когда русские люди выстрадывали свое новое понимание России? В тылу у Юденича? Я бы вас более уважал, если бы вы интернировали себя в Болгарии, но вы оттуда приехали в Геную: заказывать Чичерину фрак?

Заметка против меня кончается словами: «А. Белому непременно надо отправиться “почиститься” к г. Гессену»... Не знаю, кому из нас надо «почиститься». Что касается до призрака моей неочищенности в сетчатой оболочке обозревателя «Накануне», — то могу этому обозревателю сказать: *Du gleichst dem Geist den du begreifst*.

²¹⁴ Подразумевается международная конференция по экономическим и финансовым вопросам, которая проходила в Генуе с 10 апреля по 19 мая 1922 г.; делегацию Советской России возглавлял нарком иностранных дел Г. В. Чичерин.

Новое философское общ-во²¹⁵

— 22 апреля в «Ди штилле Экке» в Шенеберге состоялось организационное собрание нового философского общества, возникшего в противовес эмигрантскому отделению «Волфила». Общество называется «Свободное философское содружество» или для краткости на манер Волфила «Zwovierson». Почетным председателем избран единогласно Лев Шестов, секретарем инж. Я. С. Шрейбер. В члены принимаются все искавшие и что-либо нашедшие, как физически, так и духовно, в вещи или в идеях, безразлично. В Совете: Г. С. Киреев, А. П. Потапова, Е. Zech, О. Эдлер, Ф. Олькеницкая-Пугавка, Ив. Лупин, Бруно и А. Вишняк-Шварц²¹⁶.

— В противовес появившемуся художественному журналу Object — Вещь — Gegenstand, созданному кучкой художников «левого» направления (Изд. при «Скифах» А. А. Шрейдера) в Берлине образовалась авангардная ячейка художников, объединенных <...> Я. С. Шрейбером, и с осени предполагается издание журнала по типу вещи L'Idée — Понятие — Begriff.

Музыку берет на себя П. П. Сувчинский, художества Арнольд Дзеркал (Sehr kalt²¹⁷), литература же вся в руках Г. С. Киреева²¹⁸.

²¹⁵ Голос России. 1922. 30 апреля. № 954. С. 8. Данная заметка воспроизводит все те намеренные опечатки, которые Ремизов использовал в пародийном контексте. Название Zwovierson (Цвофирзон) — непереводимое изобретение писателя, имитирующее немецкую аббревиатуру. Полную историю берлинской мистификации и других газетных розыгрышей Ремизова см. также: А. Ремизов. М. Неизданный «Мерлог» / Публ. А. д'Амелия // Минувшее. Исторический альманах. 3. М., 1991. С. 215—222; а также: Ремизов А. Учитель музыки. С. 357; Ф. Мирав. «Обезьяний совет» и «Цвофирзон». Алексей Ремизов в Берлине (1921—1923) // Москва. Берлин. 1900—1950. Каталог выставки. М., 1996. С. 179—185; Л. Флейшман. В кругу ремизовских мистификаций: «Конклав» Саркофагского. Р. 145—176.

²¹⁶ Все названные члены Совета «Цвофирзона» — друзья, знакомые и коллеги Ремизова, среди которых реальные участники заседаний берлинской Вольфила. Некоторые фамилии искажены в соответствии с игровой стилистикой общения, принятой в ближайшем окружении писателя, поэтому их идентификация затруднена.

²¹⁷ Букв.: очень холодно (нем.)

²¹⁸ Там же. Ремизов, подкрепляя шутку достоверными именами, в пародийном ключе использует «рифмы» реальных фамилий (секретарь Вольфила — А. Шрейдер / секретарь Цвофирзона — инженер Я. Шрейбер), комиче-

По газетным столбцам²¹⁹

Высеченный «Руль»

Дело идет о самосечении «Руля», которому он вынужден время от времени подвергать себя за клеветническое поведение.

Примеры:

«Руль» напечатал подлую наглость о г. Лундберге, г. Гессен, вызванный к суду чести от него уклонился, но в письме посреднику пишет, что

«слово “контр-разведка” попало (в заметку) по недосмотру, о котором я очень сожалею».

Однако в «Руле» печатно об этом «недосмотре» г. Гессен ни словом не обмолвился.

Тот же «Руль» по поводу письма г. А. Белого накинулся с гнусными намеками на издательство «Скифы».

Г. А. Белый немедленно опроверг измышления г. Гессена на столбцах его же газеты.

Наконец, «Руль» в течение многих дней звонил по всем подворотням о причастности к «Накануне» г. А. Ортлиха... <...>

Т. о. на протяжении пары недель «Руль солгал три раза и трижды пойман с поличным. Сколько раз он солгал безнаказанно, сосчитать, ввиду колоссальности случаев, было бы долго.

Смольный

Из жизни художников в Берлине²²⁰

— В Шарлоттенбурге в «Берлинер Киндель» состоялось первое открытое собрание нового философского общества.

Первым выступил Г. С. Киреев: «Ижица как символ вещей сокровенных». Затем П. П. Сувчинский читал «О знаменном распеве» — о его решающем значении для русской музыки. Третьим — художник К. Ф. Задолит свои воспоминания о скульптурных работах в России по украшению Петербурга (1918–1920). После чего А. И. Чхеидзе продекламировала поэму «Лалазар». А в заключении была оглашена приветственная телеграмма из Парижа от Льва Шестова: наш фило-

ски повторяет околотовфильские предприятия издательства «Скифы» (журнал «Вещь» / вымышленный журнал «Понятие»).

²¹⁹ Накануне. 1922. 5 мая. № 32. С. 2.

²²⁰ Голос России. 1922. 7 мая. № 959. С. 7.

соф решительно отказывается от звания почетного председателя, мотивируя свой отказ исключительно дальностью расстояния и неудобствами путей сообщения.

Следующее собрание будет посвящено докладу Д-р А. С. Роде «О питательности пилюль д-р Кубу», очерку В. К. Виничеки²²¹ «Днепровские пороги как подводная Скандинавия, — запорожцы и викинги» и воспоминания Е.

Хроника²²²

— В среду 10 мая в 8 с пол. час. вечера в Флора Дилле (Мотесштр. 65) состоится закрытая беседа *Вольфилы* под председательством Андрея Белого на тему «Мир как культура». Гости по приглашению членов *Вольфилы*.

г. И. Гессен и суд чести²²³

В редакцию газеты «Накануне»

Милостивый Государь Господин Редактор,

Сообщаю Вам для сведения и — по возможности — для опубликования переписку между проф. А. С. Ященко²²⁴ и редактором газеты «Руль» И. В. Гессеном. Переписка эта вызвана моею попыткой привлечь г. Гессена к суду чести за помещение в газете ряда заметок, имевших целью опорочить мое имя.

С совершенным уважением —

3 мая, 1922

Евг. Лундберг

П. С. Копии настоящей переписки сообщены редакциям газет: «Накануне», «Рулю», «Голос России», «Воля России», «Последние Новости», редакциям временников: «Новая Русская Книга», «Книга

²²¹ В. К. Винниченко.

²²² Там же. С. 9.

²²³ Накануне. 1922. 7 мая. № 34. С. 5. В настоящей публикации письма А. Ященко и И. Гессена пронумерованы нами.

²²⁴ Лундберг обратился к проф. А. С. Ященко с просьбой принять участие в разбирательстве конфликта в письме от 25 марта. См.: Русский Берлин. 1921—1923. С. 29—30.

и Революция», «Социалистический Вестник», «Бюллетень дома искусств в Берлине», «Бюллетень дома литераторов»²²⁵. Кроме того: Всероссийскому Союзу Писателей, Председателю Вольной Философской Ассоциации – Андрею Белому.

1.

3 апреля 1922 года

Господину И. В. Гессену

Берлин

Копия.

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

По просьбе Е. Г. Лундберга передаю Вам его предложение рассмотреть путем третейского разбирательства, насколько правильно действовала редакция «Руля», помещая заметки и статьи о действиях г. Лундберга.

Г. Лундберг считает в числе лиц, ответственных за сообщения в «Руле», Вас и проф. Каминку²²⁶ как фактических редакторов газеты. Обвинение свое он формулирует следующим образом: сознательное и умышленное распространение заведомо ложных сведений о нем (как, например, об участии его в контрразведке), с целью опозорить его. В качестве третейского судьи, в случае Вашего согласия на третейское разбирательство, он, со своей стороны, предлагает В. Б. Станкевича.

В случае Вашего согласия на третейское разбирательство, не откажите сообщить мне фамилию Вашего представителя, дабы я мог сообщить ее приват-доценту Станкевичу, чем моя роль в данном деле будет исчерпана.

Примите уверение в глубоком моем к Вам уважении (подп.)

А. Яценко.

²²⁵ Литературно-общественный и критико-библиографический журнал петроградского Дома Литераторов «Литературные Записки» опубликовал в связи с конфликтом заметку в рубрике «Rossica» обзора «Литературная хроника»: «Редакцией „Литературных Записок“ получена от Евг. Лундберга копия переписки между проф. А. С. Яценко и редактором газеты „Руль“ И. В. Гессеном по вопросу о привлечении Евг. Лундбергом И. Гессена к суду чести за помещение в газете „Руль“ ряда заметок, порочащих имя Евг. Лундберга. Эта переписка по поводу несостоявшегося в конце концов суда чести была воспроизведена в берлинской газете „Накануне“, имеющей значительное распространение в России» (1922. 23 июня. № 2. С. 19).

²²⁶ Август Исаакович Каминка (1865–1940) – публицист, издатель.

2.

Копия.

Берлин, 7 апреля 1922 г.
Кохштрассе 22–26.

Руль.

Господину проф. А. С. Ященко Берлин

Многоуважаемый Александр Семенович,

Очень извиняюсь, что задержал ответ на Ваше письмо, но трагические обстоятельства последних дней требуют еще до сих пор от меня слишком сильного напряжения времени и труда²²⁷.

На Ваше письмо имею честь ответить, во-первых: А. И. Каминка является, конечно, в равной мере ответственным за содержание «Руля», но в данном случае он фактически и ничего не знал заранее о заметках, касающихся г. Лундберга, поэтому всю ответственность я принимаю на себя. Во-вторых: разве г. Лундбергу неизвестно, что слово «контрразведка» попало по недосмотру, о котором я очень сожалею и, что в значительной части номеров это слово удалось изъять. В частности, я об этом подробно говорил В. Б. Станкевичу, и поэтому меня удивило бы, если бы Владимир Бенедиктович после того, как имел со мной частную беседу, согласился бы взять на себя роль третьей стороны. В чем именно, кроме упомянутого выражения, г. Лундберг усматривает позорящие его сообщения?

В третьих: Может ли г. Лундберг дать мне гарантии и какие именно, что те лица (и их семьи), которых я должен выставить в качестве свидетелей для выяснения роли, которую г. Лундберг в отношении русских писателей играет, не пострадают от советской власти, на службе которой г. Лундберг состоит.

Прошу Вас принять уверения в совершенном почтении (подп.) Гессен.

3.

Копия.

9 апреля 1922 г.

Господину И. В. Гессену Берлин.

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

В ответ на полученное мною сегодня Ваше письмо от 7-го апреля, имею честь сообщить следующее.

²²⁷ В. Д. Набоков — один из редакторов газеты «Руль», трагически погиб 28 марта 1922 г. в результате покушения монархиста П. Шабельского-Борка на П. Н. Милюкова.

По первому пункту Вашего письма принимаю к сведению Ваше заявление, что всю ответственность за содержание заметок в «Руле», касающихся г. Лундберга, Вы принимаете на себя о чем я не замедлю поставить в известность г. Лундберга.

По второму пункту о помещении слова «контрразведка» в эту заметку, я полагаю, что этот факт относится уже к самому третейскому разбирательству и рассмотрение его не входит в мою компетенцию как простого посредника. То же должен сказать я и о согласии или несогласии г. Станкевича взять на себя роль третейского судьи, каковое согласие, само собой разумеется, не предreshает отношения г. Станкевича как третейского судьи ни к г. Лундбергу, ни к Вам.

Что касается третьего пункта Вашего письма о гарантиях со стороны г. Лундберга, я желал бы, прежде, чем передать Ваш ответ г. Лундбергу, получить от Вас точное разъяснение, о какого рода гарантиях говорите Вы и в чем они вообще могут состоять, чтобы быть действительными. Я желал бы получить от Вас также точный ответ, равносильно ли это Ваше заявление Вашему отказу от третейского суда. Думаю, что не выйду из роли посредника, если укажу Вам, что, так как само третейское разбирательство будет закрытым, то есть тайным, а г. Лундберг, как и Вы, будет привлекаться к этому разбирательству только для дачи показаний, то подобные гарантии, если бы вообще о них могла быть в данном случае речь, можно было бы требовать только от самих третейских судей, а не от г. Лундберга.

Во избежание ошибки с моей стороны в толковании смысла Вашего письма, прошу Вас не замедлить дать мне разъяснение, действительно ли Вы отказываетесь от третейского разбирательства, так как, разумеется, категорическое обусловливание его невыполнимыми, как физически, так и юридически, требованиями, равносильно отказу. Примите уверение в совершенном моем к Вам почтении, (подп.)

Яценко.

4.

Копия.

Берлин, СВ, 68, 11 апреля 22.
Кохштрассе 22–26.

Руль.

Господину проф. А. С. Яценко Берлин

Многоуважаемый Александр Семенович,

После первого обращения ко мне от имени г. Лундберга мне уже пришлось разъяснить Вам, что Вы не даете себе ясного отчета в роли посредника, и Вы с этим извоили согласиться. Позвольте мне еще

раз сказать Вам, что Ваше последнее письмо от 9-го с. м., выходит далеко за пределы той роли, какую Вы на себя взяли и с которой я только и считался.

В ответ на Ваше предыдущее письмо я просил Вас поставить г. Лундбергу определенные вопросы, и вместо того, чтобы эту мою просьбу исполнить, Вы сами вошли в обсуждение содержания моего письма и высказываете свои соображения и догадки без того, чтобы я подал Вам какой-либо повод думать, что Вы на это уполномочены.

В виду изложенного и так как мне чрезвычайно некогда, позвольте предложить Вам прекратить нашу дальнейшую переписку и просить Вас передать мое письмо г. Лундбергу для непосредственного ответа мне, если это ему будет угодно.

С совершенным почтением (подп.)

Гессен.

5.

Копия.

13 апреля, 1922 г.

Господину И. В. Гессену Берлин

Многоуважаемый Иосиф Владимирович,

Так как из Вашего письма от 11 апреля я усматриваю, что Вы отказываетесь от дальнейших сношений с г. Лундбергом через посредника, я считаю мою роль как посредника исчерпанной и всю нашу переписку пересылаю г. Лундбергу.

Примите уверение в совершенном моем почтении, (подп.) Ященко.

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга²²⁸

В. Б. Станкевич и А. С. Ященко согласились представлять мои интересы. Они послали Гессену письмо с предложением назвать своих представителей. И Станкевич и Ященко вошли во вкус дела. В их настойчивости и педантизме чувствовались отклики того благородного рвения, с каким в старые времена секунданты оформляли дуэль. Гессен ответил уклончивым письмом. Мои представители повторили свои требования. Тогда Гессен заявил, что он не уверен, сохранят ли судьи в секрете показания его и его свидетелей. Судьи обиделись. Это притворное недоверие задевало их лично. Гессен как юрист не мог не знать принципов третейского разбирательства, при котором показания сторон известны одним лишь судьям. Они ответили ему кратко

²²⁸ Е. Лундберг. Записки писателя. Т. II. С. 226.

и резко. Тогда Гессен спел свою заключительную арию. Он готов дать объяснения. Он может доказать, что Лундберг — советский шпион, которому поручено следить за писателями и учеными. Одна лишь беда: некоторые из свидетелей и их семьи пребывают в Советской России. Он боится за их судьбу. Если Лундберг гарантирует их неприкосновенность, он даст свои показания. Если не гарантирует — он очень сожалеет, но... в этом случае ему легче промолчать. Таков был смысл гессеновского письма. Я попросил Станкевича и Яценко передать мне всю переписку. Расположил письма в хронологическом порядке. Заказал сто копий. И без единого комментирующего слова разослал по белу свету. Я послал их в литературные архивы, историкам литературы, врагам и друзьям, редакциям советских и эмигрантских газет, литературным организациям. «Накануне» напечатало эту переписку. Газеты подтвердили заметками ее получение. Травля утихла надолго. Ибо документ говорил сам за себя. Существуют для подлости известные хотя бы эстетические нормы. Гессен их нарушил.

Письмо Андрея Белого Е. А. Ляцкому²²⁹

Zossen 17 мая <19>22 года

Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Александрович,

Я в отчаянии, что все так случилось: мне так хотелось в Прагу. И я еще в большем отчаянии, что письмо, объясняющее мою телеграмму, пропало в дороге.

Вы, как добрый и чуткий человек, поймете меня. Я Вам просто опишу быт моей жизни; и Вы поймете, что если со мной случаются подобные обстоятельства, то это от беспомощности, от пьяного одиночества, от неумением справиться с напором работ; я всегда незаметно набираю обязательства, которых выполнить не могу; и потом все это осложняется переутомлением, болезнью, нервным расстройством и т. д.

Так произошло и с Прагой. Я попал в сырую комнату в «Zossen»²³⁰ и тотчас же простудился; тем не менее, простуженный, работал по 12 часов в день, ибо мне в 2 недели надо представить 6 печат-

²²⁹ Публикуется по рукописи, хранящейся в архиве Е. А. Ляцкого (Литературный архив Музея национальной литературы, Прага). Публикации письма также см.: Из эпистолярия Андрея Белого. Новые материалы / Вступ. заметки, публ. и комм. Р. Янгирова // Андрей Белый и Е. А. Ляцкий: Новые материалы / Публ. А. Лаврова и Ф. Полякова // Диаспора: Новые материалы. Вып. 3. СПб., 2002. С. 641–645.

²³⁰ Район Берлина, куда Белый переехал около 5 мая.

ных листов о Блоке²³¹ (т. е. их написать); переработавшись, схватил сердечные припадки (или — невроз, старинный, или — сердечная болезнь); едва таскаясь на ногах, постепенно задыхаясь, и тем не менее «стаскиваемый» почти ежедневно в Берлин, я дошел в нервном отношении почти до чертиков. Кроме того: уехав до Берлина, я, оказывается, лишился визы берлинского Полицей-Президиума и должен был за-ново доказывать право жительства в Германии, т. е. ежедневно почти таскаться от цоссеновского участка в разные Ланд-Рат-Амты²³² Берлина, на это ушло 1½ недели. И теперь — представьте: во время этих тасканий, простуды, сердечных припадков, отчаянной невралгии вдруг из «Голоса России» уведомляют, что должен ехать немедленно в Прагу (я думал, что за неделю, по крайней мере, я буду знать *точно* число, а тут сразу и переезды, и участки, и спешная работы, и болезнь, и Прага). Уверяю Вас: я *фактически* в эти числа не мог быть в Праге, ибо боялся, что уйду в больницу (чуть не упал один раз в поезде во время припадка сердечного); во-вторых: я *не мог* выехать из Германии, не имея *бумаг* полицейских, а я до моей легализации в «Zossen»^е их лишился: если бы и сумел, то вернуться назад было бы трудно. Всего этого не напишешь в телеграмме. В письме я все это изложил. Неужели оно пропало? Или адрес я неверно написал?

Дорогой Евгений Александрович, как бы то ни было, — я в отчаянии: не только у меня не было никаких «*политических*» причин не быть в Праге. Наоборот: я был глубоко польщен приглашением меня проф. Поливки²³³. И радовался, что познакомлюсь с деятелями русско-чешского О<бществ>ва. Вы пишете о том, чтобы мне приехать, но, Евгений Александрович, я — кандидат на санаторий: так расстроены мои нервы, здоровье; а работы — гибель. Не умею справляться со сроками; получил приглашение от Комитета Помощи Голодающим участвовать в вечере 3^{-его} июня в Праге; и хотя все это нарушает мой покой, мое здоровье, — собираюсь все же поехать, чтобы лично принести извинения проф. Поливке, Вам и другим в моей невольной бестактности.

Дорогой Евгений Александрович, направляю мой ответ Комитету — Вам: пусть заранее мне пришлют визу. Я Вам должен признаться: я самый беспомощный человек в мире: я не умею выбарахтываться: всюду со мной происходят дорожные инциденты. А ведь я один-один:

²³¹ Речь идет о главах «Воспоминаний о Блоке», которые Андрей Белый обязался предоставить в третий сборник «Эпопея» в мае 1922 г.

²³² Здесь: учреждения (*нем.*).

²³³ Йозеф Поливка (1858–1933) — чешский фольклорист, профессор Карлова университета в Праге.

жена уехала в Швейцарию, около меня никого нет. И часто охватывает желание: просто покончить с собой, так мне одиноко и сиротливо!..

Очень прошу Вас передать Комитету помощи Голодающим мое согласие быть на вечере 3 июня в Праге, а то они не посылают мне своего адреса, и я не знаю, куда отвечать.

Буду читать отрывки из своей поэмы «Первое свидание».

Дорогой Евгений Александрович, напишите два слова мне: как мне быть; я готов бы был прочесть где-нибудь что-нибудь, приурочивая свои лекции к посещению Праги. Жду скорого ответа.

Остаюсь искренне уважающий и сердечно преданный

Борис Бугаев.

Мой адрес. Deutschland: Zossen (bei Berlin). Stubenrauchstrasse 68 bei Lau.

P. S. Проф. Поливке я пишу отдельно.

P. S. S. Глубокоуважаемый и дорогой Евгений Александрович, вчерашний день показал мне, что прежде всего надо заняться своим здоровьем. И потому, чтобы не происходили инциденты, подобные бывшему, мне ясно: я должен оказаться от поездки в Прагу и 3-~~4~~⁵ июня. И так, до августа-сентября я никуда не выеду из «Zossen»: только теперь сказываются следы 5 летнего пребывания в Советской России. Ведь я не отдыхал 5 лет. Мне страшно хочется все-таки приехать в Прагу, но — основательно отдохнув, к осени, например. Сейчас же, едва выпарапавшись из Берлина, я просто протягиваю ноги от усталости. Кроме того: надо использовать лето для писания «Эпопеи», которую несколько лет не мог писать в России. Передайте Комитету и Обществу, что я страшно хотел бы приехать в Прагу, но надорванное здоровье не позволяет.

Из жизни художников в Берлине²³²

После летних каникул возобновило свою деятельность новое философское общество, возникшее в противовес эмигрантской Волфи-лы, под названием Цвофирзон.

В Rosenkranzsonntag на Erntedankfest в кафе Ruhiges Plätzchen für brennende Ziggaren состоялось первое открытое заседание.

Приехавший из Парижа б. почетный председатель Волфи-лы Лев Шестов поделился своими тирольскими афоризмами.

«Если бы не дождь, — сказал философ, — так бы и зимовал на альпийской панораме. Верите ли, целое лето пришлось таскать старое ва-тошное киевское пальто, а из калош, прямо скажу не вылезал».

²³⁴ Голос России. 1922. 8 октября. № 1079. С. 8.

Затем выступил с докладом секретарь общества молодой философ Др. Я. С. Шрейбер: «Адогматическое обоснование триремы, как безмоторного двигателя для борьбы с соляным и спиртовым червем».

Докладчик не преминул сообщить мотивы, побудившие его начать столь полезную и в философском смысле значительную работу.

«Маленький пустяк, письмо приятеля, интуиция, подобно всем великим открытиям от Ньютона!» скромно сказал философ.

<...> После Шрейбера профессор русской консерватории Г. С. Киреев исполнил «Солнце всходит и заходит» (соло) и послана телеграмма Кемалю Паше в Турцию.

Из воспоминаний Е. Г. Лундберга²³⁵

Когда Ященко²³⁶ перестал верить его сообщениям, Ремизов перенес свою деятельность в отдел литературной хроники берлинской эсеровской газеты «Дни»²³⁷. В хронике стали появляться заметки о лекциях, о литературных вечерах, о заседаниях философских кружков. Указывалось место и время. Отчеты были написаны в строгом, деловом тоне. Сообщалось, что такого-то числа, в таком-то кафе В. К. Винниченко прочтет доклад на тему «Днепровские пороги, или подводная Скандинавия». Поскольку эмигранты были мало осведомлены о создании ЦКУБУ, Ремизов безнаказанно опубликовал, что доктор Э. Роде сделает сообщение «о пилюлях кубу и о влиянии их на человеческий организм». В конце концов мистификация в розницу перестала удовлетворять Ремизова. Он воспользовался тем, что деятельность берлинского отделения Вольной Философской Ассоциации замерла, и объявил о создании нового философского общества «Цво-фир-Зон». Никто не пытался расшифровать это сокращенное немецкое название организации. Да и сам Ремизов не мог бы этого сделать, ибо то была просто-напросто звуковая, совершенно неправдоподобная имитация немецких сокращений.

Появилась заметка об открытии Цво-фир-Зона в таком-то не существующем кафе на такой-то реально существующей и всем знако-

²³⁵ Е. Лундберг. Записки писателя. Т. II. С. 300–303.

²³⁶ Первоначально А. М. Ремизов посылал свои анонимные заметки мистификации в литературно-библиографические журналы «Русская книга» (1921) и «Новая Русская книга» (1922–1923), которые издавал в Берлине профессор международного права А. С. Ященко.

²³⁷ Ошибочное утверждение; Ремизов публиковал свои заметки в газете «Голос России».

мой улице. Любители философии заматались, но тщетно. Видимо, газетный хроникер допустил какую-то погрешность при передаче адреса. На следующий день появился отчет об учредительном собрании членов общества. Председателем Цво-фир-Зона был избран философ Лев Шестов, живущий постоянно в Париже. Несколько позже газеты опубликовали краткую телеграмму Шестова, благодарившего общество за избрание, но отклонившего предложенную ему честь — «за дальностью расстояния». Ремизов радостно смаковал придуманную им для несуществующей телеграммы мотивировку отказа... Далее заседания общества назначались с чрезвычайной регулярностью. Названия докладов становились все чуднее. От иных веяло решительным идиотизмом. Представители эмигрантской интеллигенции, каждый порознь, высказывали сожаление, что из-за постоянных ошибок при указании адреса не удастся побывать на заседаниях Цво-фир-Зона, но очень тепло относились к высокой затее философствующих соотечественников.

Когда отчеты и рефераты достигли предела идиотизма, кто-то из сотрудников сменовеховской газеты «Накануне» разразился громовой статьей по поводу склонности эмиграции к схоластике. Критик перечислил темы докладов — их тесный перечень производил потрясающее впечатление философской хроники Бедлама или Канатчиковой дачи. Этого не стерпел «Руль». Он вступился за Цво-фир-Зон как за эмигрантскую организацию и облаял сменовеховцев за безграмотность. Полемика прокатилась по всей эмигрантской прессе от Праги до Белграда²³⁸. И никто не посмел не только что сказать, но даже подумать, что «король-то ведь гол», а Цво-фир-Зон — неправдоподобно идиотичен.

Ремизов признавался, что ни один его роман, ни одна повесть не причиняли ему столько тревог до появления в свет («а вдруг догадаются») и столько радости после появления («не догадались») как отчеты о деятельности Цво-фир-Зона.

Хроника²³⁹

В связи с исполнившимся 25 сентября 35-ти летним юбилеем Максима Горького, берлинские литературные организации, связанные с Советской Россией: всероссийский союз писателей (В. Ходасе-

²³⁸ Подтверждений этому свидетельству Лундберга найти не удалось.

²³⁹ Руль. 1922. 28 сентября. № 557. С. 5.

вич), вольная философская ассоциация (Андрей Белый), берлинский Дом Искусств, издательство всемирная литература, издательство Гржебина и большевистское «объединение российских студентов» отправили Горькому приветственное письмо с выражением пожелания продолжения его деятельности.

Из записей «Себе на память» Андрея Белого²⁴⁰

<1921>

Ноябрь. Заседание, посвященное организации В.Ф.А. в Берлине.

Декабрь. Засед<ание>, посвящ<енное> организации В.Ф.А. в Берлине.

Декабрь. Засед<ание>, посвящ<енное> организации В.Ф.А. в Берлине.

<1922>

Январь. Заседание Совета берлинской В.Ф.А. (организац<ионное>)

Январь. Заседание организ<ационное> берл<инской> В.Ф.А.

Январь. Открытие В.Ф.А. Моя публичная лекция «Культура духа».

Февраль. Председательствую на пуб<личном> докладе Минского о Блоке. В.Ф.А. Участвую в прениях.

Февраль. Продолжение прений к докладу Минского. Публ<личное> зас<едание> В.Ф.А. Председательствую.

Февраль. Председательствую и открываю собрание речью о Блоке. Публичное заседание В.Ф.А.

Февраль. Организ<ационное> собрание берлинской В.Ф.А.

Март. Доклад Лундберга в В.Ф.А. Прения.

Март. Председательствую и оппонирую на докладе Станкевича в В.Ф.А.

Март. Философская беседа в В.Ф.А. Председательствую. Участвую в прениях с Черновым.

Апрель. «Философия свободы». Доклад Н. Н. Белоцветова в В.Ф.А. Прения. Председательствую.

Апрель. Доклад Каплуна «Философия социализма» в В.Ф.А. Оппонирую. Председательствую.

Май. Мой доклад. «Антропософия в проблеме культур». В.Ф.А.

Октябрь. Заседание Совета В.Ф.А. (о том, что она в Берлине никому не годится).

²⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 96. Л. 15 об.—16. Текст воспроизводится без авторской нумерации выступлений и указаний на Берлин.

Из «Ракурса к дневнику» Андрея Белого²⁴¹

<1922 г.>

Пб_(юб__юыі0'ч'іяаяяё«Вольфилой» — кончаем: не идет. <...> Заседание Совета «В.Ф.А.» (ликвидирую).

Из воспоминаний А. З. Штейнберга²⁴²

Когда мы остались одни, Белый поразил меня, сказав совершенно неожиданно: «Может быть, мы должны были бы воспользоваться тем, что в Берлине сейчас Бердяев, вы и я, Шестов наезжает часто в Берлин, и организовать тут отделение Вольного Философского сообщества». Белый держался за идею Вольфила, которая была для него как бы путеводной звездой в его собственном развитии. Она казалась ему воплощением непрерывности в развитии всей русской культуры. И прав был Разумник, когда в самом начале, еще до моего знакомства с Белым, сказал о нем: «Не Белый для Вольфила, а Вольфила для Белого». Совершенно очевидно, что после внутреннего разрыва с антропософией русская стихия для Бориса Николаевича стала еще более близкой и дорогой, чем раньше. Он не стал националистом, не стал реставратором старой России, но ощутил тот щит, который Россия держит между двух миров, как у Блока в «Скифах»²⁴³. И Белый, конечно же, настоящий птенец Петрова гнезда, европеец, задумал перенести российскую Вольфилу в европейский Берлин. Я относился к его плану с большой осторожностью. Я не думал, что Борис Николаевич сумеет продолжать дело Вольфила без поддержки людей, из которых «одних уж нет, а те далече», а третьи соблазнились чечевичной похлебкой. Я не верил, что здесь, в Европе, можно будет так легко и просто, как под колпаком большевизма, пронзить сердца и умы не связанной между собой группы русской эмигрантской интеллигенции.

²⁴¹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 100. Л. 114об.

²⁴² А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 124–125. Описываемая в мемуарах встреча автора с Белым, по всей вероятности, произошла в самом конце 1922 г. после того, как эмигрировавший из советской России Штейнберг приехал в Берлин.

²⁴³ Подразумеваются строки из стихотворения А. Блока «Скифы» (1918): «Для вас — века, для нас — единый час. / Мы, как послушные холопы, / Держали щит меж двух враждебных рас / Монголов и Европы!»

Из письма А. М. Ремизова к Л. Шестову²⁴⁴

Берлин. 16 июня 1923 г.

По случаю Ликвидации «Вольфилов» получил конвертов и немного бумаги для рекламы.

Из письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику²⁴⁵

Москва. 18 ноября 1923 г.

Да, воочию я убедился скоро, как печальна, беспочвенна, бездельна русская эмиграция, среди которой немногие лишь делают отчаянные усилия, чтобы не задохнуться окончательно в общей духоте и духовном обнищании; пониженность интересов, усвоение дурных замашек современной, берлинской, гибнущей цивилизации, дух спекуляции, политическая узость, культурная отсталость, отсутствие русского сдвига сознания, отсутствие, полное, революционной стихии в душе и контр-революционное настроение в сфере искусства, — вот чем характеризуется <...> масса русских... <...>

...учредили мы отделение «Вольной Философской Ассоциации»; пресса скоро огласила нас «большевиками», живую молодежь они от нас отпугнули клеветами; масса же русская предпочитала *фокстрот* и кофейные посидения...

Из письма Андрея Белого к Иванову-Разумнику²⁴⁶

17 декабря <19>23 года. Москва.

...в Берлине — 3 Берлина; «берлинский» Берлин, «петербургско-московский» Берлин, или «*Scharlottengrad*», как именуют немцы квартал *Scharlottenburg*, и синтез их по линиям упадка и истерики упадающей, немецкой, бюргерской жизни и разлагающейся эмигрантщины; яды разложения русского вчерашнего сознания и немецкого «*Preussenthum*»²⁴⁷, эти «пептоны»²⁴⁸, образуют какие-то ядовитейшие соединения; соединяет — надрыв безысходности и безысходный тупик; и в те-

²⁴⁴ Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым // Русская литература. 1993. № 3. С. 120.

²⁴⁵ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 254—255.

²⁴⁶ Там же. С. 272—273.

²⁴⁷ «пруссачество» (нем.)

²⁴⁸ Смесь продуктов, заключенных в желудочном соке.

ни тупика вспыхивает лилово-пунцовый свет абажурчика какой-нибудь «Diele»²⁴⁹ на Motzstrasse, где скрипач пилит фокстрот, а с ума сшедший берлинец танцует над бездной с накрашенной девицею; в таком-то вот «Diele» (представляете картину?), хозяин которой «любит» русских, вытесняя на несколько часов «девиц» и немцев, заседала одно время «берлинская Вольфила», в маленькой комнатушке; в соседней же комнате среди теней мирового тупика и берлинского сумасшествия лилово-пунцовеньких огоньков «девицы» и снобы Motzstrasse ждали окончания заседания «Freie Philosophische Assoziation», чтобы пуститься в пляс, да русский поэт Кусиков, демонстративно одетый в черкесский костюм, дул коньяк у стойки, восседая на высочайшем стуле и возбуждая шепот: «der Tscherckess»; «Вольфила» кончалась; и мы шли к столикам соседней комнатки пить пиво и есть «шницели»; взвизгивал фокстрот; и между столиками начинали кружиться пары; ласковый скрипач во фраке, расхаживающий от столика к столику с просительной улыбкой <...>, во имя русско-немецкой дружбы играл русско-немецкие надрывные романсы, от которых все вывихнутые берлинцы, обожающие «восток», без ума. <...> Вот Вам один из кусочков шарлоттенградского быта жизни, в котором Вольфила, конечно, быстро задохлась.

²⁴⁹ танцевальный зал (нем.)

Петроград—Ленинград. 1922—1924

Начиная с зимы 1921—1922 годов активность Вольной Философской Ассоциации заметно снижается. Окончательно замирает работа многих кружков, отделы, на которые еще совсем недавно возлагались большие надежды, так и не превращаются в самостоятельные фракции. Позже А. З. Штейнберг сравнит «содружество» вольных философов этого периода с «осколками разбитого сосуда», добавив при этом, что «счастливы слепленные сосуды, даже когда они разбиты на мелкие осколки, отражают в каждом из них свою удачную форму»¹. Кризисную ситуацию, конечно, можно объяснить различными обстоятельствами: кончиной Александра Блока, отъездом Андрея Белого в Берлин в октябре 1921 года, серьезной болезнью В. В. Бакрылова с января 1922-го², то есть сугубо внутренними

¹ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 193.

² В. В. Бакрылов выполнял в Вольфиле функции завхоза, официально являясь секретарем и управляющим делами: договаривался с вышестоящим наркомпросовским начальством, заботился об аренде помещений, вел бухгалтерские счета, к его обязанностям относилась публикация афиш и газетных объявлений и многое другое. Штейнберг характеризует его как человека молчаливого, очень активного и, главным образом, решительного: «...к счастью с нами был Владимир Васильевич Бакрылов, человек большой инициативы, из народа, прошедший огонь и воду и медные трубы» (Там же. С. 46). В письме к Андрею Белому от 7 декабря 1923 г. Иванов-Разумник называл его «если и не душой, то телом Вольфилы; без него мы сразу

проблемами, неожиданно возникшими перед Ассоциацией. И все-таки не менее важным представляется влияние внешних условий. В стране к этому времени окончательно меняется политический климат. Естественными, а следовательно, привычными факторами человеческого бытия становятся, с одной стороны, коммунистический террор и эмиграция, с другой, растущая интеллектуальная апатия.

Впрочем, и в течение оставшихся двух с половиной лет ВФА продолжала делать свое дело, развивая традиции критической мысли, фиксируя и закрепляя в сознании слушателей то новое, что возникало в культурной и общественной жизни России и Европы. Вольфила тортила свою дорогу в области философии культуры, отталкиваясь от крайностей академизма и дилетантизма. Внешне могло показаться, что негативный общественно-политический

потеряли опору, стержень, костяк» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 264). Ср. также с некрологом Иванова-Разумника: «С самого начала 1919 г. Б. принял самое деятельное участие в организации Вольной Философской Ассоциации, существовавшей в Петербурге с 1919 по 1924 гг. Он был секретарем правления этой Ассоциации (при председателе Андрее Белом); исключительно благодаря организаторской энергии Б. устраивались собиравшие часто тысячную аудиторию еженедельные заседания, посвященные темам философии, науки и искусства. После смерти Б. эта Ассоциация (“Вольфила”) продолжала существовать еще два года, но в значительно более узких рамках. В январе 1922 г. Б. заболел сыпным тифом, сильно потрясшим его организм, и с трудом оправился лишь к началу весны. 8 июня 1922 г. Б. бросился с Троицкого моста в Неву и утонул» (И. Р. Владимир Васильевич Бакрылов // Каторга и ссылка. 1926. № 7/8 (28/29). С. 308). Мы не располагаем документальными подтверждениями точной даты происшедшего, так как в письме к Белому Иванов-Разумник называет другую дату — 8 мая. Возможно, на реальное событие (или же его интерпретацию) повлиял тот факт, что 8 июня 1922 г. в Москве, в Верховном трибунале, начался судебный процесс над партией социалистов-революционеров.

фон почти не отражался на ее повседневной деятельности. Еженедельно собирались открытые воскресные заседания³; столь же постоянно, по четвергам, проводились закрытые заседания. Стабильным было общее финансовое положение ВФА. Согласно ее кассовому балансу за 1923 год, на 1 января 1924 г. в приходной части (состоявшей из входной платы, членских взносов и доходов от продажи книг) было 51.921 руб. 97 коп., а в расходной части всего — 15.942 руб. 86 коп.⁴.

Несмотря на благоприятные факторы, внутренний кризис Ассоциации все это время только углублялся. Груз постоянной организационной работы несли на себе лишь два человека — Иванов-Разумник и Д. М. Пинес, бессменно председательствуя на всех открытых собраниях, планируя доклады и ведя переговоры с докладчиками, оплачивая счета и отчитываясь за проделанную работу перед вышестоящими инстанциями⁵. Неоднократно Иванов-Разумник задумывался о самоликвидации Вольфины, полагая, что «соль перестала быть соленой», однако так и не решился настоять на этом⁶. Объективный ход событий, тем не менее опередил (и предопределил) субъективные намерения ру-

³ С середины 1923 г. для открытых заседаний аудитория Географического общества уже не использовалась, они проводились по понедельникам в помещении Ассоциации по адресу: Фонтанка, 50, кв. 25. См.: ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 22.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 22.

⁵ О накопившейся личной усталости, связанной с удушающей общественной атмосферой, Иванов-Разумник сообщает в письме к Андрею Белому от 7 декабря 1923 г. См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 264–269.

⁶ Ср.: «Несколько раз за последние полгода поднимал я вопрос о ликвидации ее <Вольфины>; все возражали, и сам я вопроса ребром не ставил: поджидал Вас. Как же закрыть Вольфилу вне ведома и в отсутствие ее председателя? Теперь Вы приехали и все знаете. Конечно, до Вашего приезда в Петербург никаких шагов в этом направлении не сделаем, но во всяком случае, — как это говорится? — Tenez

ководителей Ассоциации. Уже в конце апреля 1924 года ВФА не удалось пройти через очередную перерегистрацию в Главном Управлении Ленинградских Научных Учреждений. Спустя четыре месяца в истории Вольфилы была поставлена точка: 4 сентября 1924 года на основании соответствующего распоряжения административного отдела Ленинградского Губисполкома Вольная Философская Ассоциация была объявлена закрытой, а ее имущество передано Всероссийскому Союзу Писателей.

vous pour averti <намотайте себе на ус (*фр.*)>. Приедете, — сами увидите; тогда и решим» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 266). Андрей Белый находился в Ленинграде с 11 по 19 февраля 1924 г.; вероятно, тогда же в их разговорах с Ввановым-Разумником обсуждалась тема самоликвидации Вольфилы.

Письмо А. З. Штейнберга к Конст. Эрбергу⁷

«Начало января 1922 г.»

Сегодня у меня был Далмат Александрович *Лутохин*, новый редактор «Вестника литературы», которому он стремится придать и новое направление (более «чистое»)⁸; он был с специальной целью привлечь «вольфильцев» к сотрудничеству. Я обещал передать об этом. Сообщаю об этом Вам в первую очередь.

А. Штейнберг.

Афиша⁹

Вольфила

1922

Открытые заседания Вольной философской Ассоциации

CXI

8 Января

Н. Н. Пунин. Наше средневековье

CXII

15 Января

В. Г. Тан-Богораз¹⁰. Этнографические основания мирового кризиса

CXIII

22 Января

Иванов-Разумник. Россия и Европа.

К столетию со дня рождения Н. Данилевского¹¹

⁷ ИРЛИ. Ф. 474. № 295. Л. 9.

⁸ Экономист и литератор Далмат Александрович Лутохин (1885–1942) возглавил «Вестник литературы» в самом конце декабря 1921 г. после кончины его первого издателя – А. Е. Кауфмана. Ср.: «Второй двойной номер <...> я решил выпустить, уже обновив его программу (введена была беллетристика, введены научные статьи, усилена публицистика) и изменив самый «тон» журнала» (Д. Лутохин. Советская цензура (По личным воспоминаниям) // Архив русской революции, издаваемый И. В. Гессеном. XII. – Берлин, 1923. С. 158).

⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 42.

¹⁰ Владимир Германович Тан (наст. фам. Богораз; 1865–1936) – этнограф, литератор; с 1921 г. профессор ряда петроградских вузов.

¹¹ Философ, публицист, автор знаменитой книги «Россия и Европа» (1871), Николай Яковлевич Данилевский (1822–1855) родился 28 ноября по ст. ст. В течение полутора лет Иванов-Разумник готовил на основе своего доклада

СХІV

29 Января

**А. З. Штейнберг. О пределах воображения.
К столетию со дня смерти Э. Т. А. Гофмана¹²**

Начало в 2¼ часа дня

Зал Географического О-ва Билеты при входе Демидов пер., 8-а

книгу для издательства «Колос». В письмах к Ф. И. Витязеву он сообщал: «Пока что заквасил тесто для *пяти* (!) книг — только пеките, если охота будет (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. № 64. Л. 46; письмо от 22 января 1922 г.); «Через две недели привезу Вам “Россию, Европу и социализм” (сам еще не знаю заглавия...)» (Л. 65; письмо от 11 сентября); «Все эти дни и недели до конца Сентября посвящены будут только “России и Европе”; боюсь, как бы не вышло вместе в восемь листов. Попробую, впрочем, сократить» (Л. 66; письмо от 16 сентября); «...“Россию и Европу” в пятый раз переделяваю (стенограмма!), переписываю, сжимаю. Будет 5–6 листов и Вы их получите в первую очередь» (Л. 70; письмо от 26 сентября); «С “Россией и Европой” потерпите: от “Колоса” она не уйдет никуда... <...> ...“Россия и Европа” — работа не очень большая, но ответственная, и мне приходится многое передумывать, чтобы перед самим собой не осрамиться» (Л. 77; письмо от 12 марта 1923 г.; «...“Россию и Европу” доставлю через два месяца» (Л. 78об.; письмо от 28 апреля 1923 г.); «Жена передавала мне о разговоре с Вами, <...> о предложении “Колоса” засчитать недополученные мною за „Вершины“ 100 рублей золотом — за “Россию и Европу”, которую теперь печатать, конечно, не приходится» (Л. 85; письмо от 7 февраля 1924 г.). В конечном итоге рукопись так и не увидела свет, и в настоящее время ее местонахождение неизвестно.

¹² День кончины немецкого писателя-романтика Э. Т. А. Гофмана (1776–1822) приходился на 25 июня. Ср. также: «Коснусь еще одного открытого собрания, названного нами “Границы фантазии” и посвященного столетию со дня смерти немецкого романтика Эрнста Теодора Амадея Гофмана. Была сделана попытка даже доклады об искусстве использовать для расширения и развития общественной мысли, попытка предостеречь людей, особенно творческого, художественного мира, от желания повернуться спиной к реальности общественной, государственной и политической жизни и найти свой укромный уголок в художественном творчестве, в искусстве. Нельзя чувствовать себя свободным, а значит, и творить свободно, в тайном, укромном уголке, под сенью чистого искусства, когда весь народ, вся страна — в цепях!» (А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 82–83).

Литературная хроника¹³

— Волфил издал стенограмму заседания, посвященного памяти Блока. Воспроизведенная в стенограмме речь о Блоке Андрея Белого блестяща по форме и глубока по мысли. Следует пожелать, чтобы скорее изданы были отчеты и о других заседаниях Вольфилы, имевших нередко большое общественное значение — как, например, заседание, посвященное философии марксизма, в котором участвовали Л. В. Пумпянский, А. З. Штейнберг и др.

Афиша¹⁴

Вольная Философская Ассоциация

Февраль 1922

Пушкин

CXV

Воскресенье 5-го Февраля
Артур Лурье. Голос поэта¹⁵

CXVII

Воскресенье 19-го Февраля
«Евгений Онегин».
Ю. Н. Тынянов,
Виктор Шкловский,
Б. М. Эйхенбаум

¹³ Вестник литературы. 1922. № 2—3. С. 37.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 43. Номера заседаний вписаны от руки.

¹⁵ См. статью А. Лурье «Голос поэта (Пушкин)», датированную февралем 1922 г. и опубликованную в альманахе «Орфей» (Кн. I. — Пб., 1922. С. 35—61). Как и в докладе «Русская культура и русская музыка» (ноябрь 1921 г.), автор обратился к наследию Блока, одним из первых сопоставив музыкальный дар поэта с творческим наследием Пушкина: «Поэт — «сын гармонии». Смысл этого в том, что поэт противопоставляется действительности как образ такого человека или воплощение такого состояния, которое окружающему миру кажется призрачным, химерическим существованием. Для мира действительности это воображаемое существование в воображаемых мирах — поэт утверждает как подлинную, единственную и высшую *реальность* жизни. Трагическая коллизия для поэта создается в невозможности овладения жизнью в том преображенном аспекте, который создает его творческая воля и его постижение мира. В этом понимании — искусство, как высшая духовная категория бытия, или неустанно стремится к конечному преображению мира в творимом ею аспекте и к овладению жизни в ее высшей реальности; или же превращается фатально в кукольное царство, в игрушечный мир химерической мечты и усладительной, пьянящей оранжереиности. Голос поэта на этом

CXVI

А. А. Мейер.

«Мудрость Пушкина»
(по поводу книги
М. Гершензона¹⁶)

CXVII

А. З. Штейнберг.

Пушкин и Достоевский¹⁷

Начало докладов в 2½ часа дня
Демидов пер., 8-а Билеты при входе

Пушкинский день¹⁸

Вольная Философская Ассоциация посвятила Пушкину ряд докладов (все воскресные дни февраля): Артур Лурье — «Голос поэта», А. А. Мейер — «Мудрость Пушкина» (по поводу книги М. О. Гершензона), Ю. Н. Тынянов и Б. М. Эйхенбаум — «Евгений Онегин»¹⁹, А. З. Штейнберг «Пушкин и Достоевский».

План предполагаемых изданий ВФА²⁰

<...> Сборник III. О пролетарской культуре. (Стенографическая запись Заседания Вольной Философской Ассоциации 21 марта 1920 года. «Беседа о пролетарской культуре»).

пути — это — голос неустрашимо влекущей нас стихии к закланию ее орфической гармонией, перед которой рушатся все преграды, к преображению мира и постижению высшего смысла бытия» (С. 36–37).

¹⁶ Речь идет об одноименной книге М. О. Гершензона, вышедшей в 1919 г.

¹⁷ Стенограмма CXVIII открытого заседания ВФА 26 февраля 1922 г. «Пушкин и Достоевский» (докладчик А. З. Штейнберг) частично сохранилась в архиве Иванова-Разумника (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 169), однако большая часть листов (всего — 22) испорчена и не поддается прочтению.

¹⁸ Летопись Дома Литераторов. 1922. 25 февраля. № 8–9. С. 8.

¹⁹ На заседании с докладом выступал также В. Шкловский. Ср. с записью в дневнике Б. Эйхенбаума от 2 февраля 1922 г.: «Наша “ревтрояка” (Тынянов, Шкловский и я) выступает <...> 19-го в Вольфиле о Пушкине» (Цит. по изд.: Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. С. 404). Отсутствие фамилии Шкловского в заметке «Летописи Дома Литераторов», возможно, объясняется тем, что в связи с арестами бывших членов партии социалистов-революционеров с конца февраля В. Б. Шкловский вынужден был скрываться от ГПУ, а 14 (или 15) марта 1922 г. бежал из Петрограда за границу.

²⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 68. Сохранился лишь последний лист списка, который предположительно датируется временем после февраля 1922 г.

Речи А. Белого, П. Гайдебурова, Иванова-Разумника, А. Лурье, А. Мейера, Петрова-Водкина, Н. Пунина, А. Штейнберга, Конст. Эрберга.

Сборник IV. **Кризис христианства.**

Иванов-Разумник — «Три искушения».

А. А. Мейер — Гуманизм или христианство.

Сборник V. **Философия религии.**

Н. О. Лосский — Бог в системе органического миропонимания

К. Эрберг — Религия и мистика.

15. «Записки Вольной Философской Ассоциации» (доклады и отчеты заседаний) — 30 печ. лист.

16. «Глоссология» — А. Белый.

17. «Пушкин» — речи и доклады Иванова-Разумника, А. Лурье, А. Мейера, Л. Пумпянского, Н. Пунина, Ю. Тынянова, В. Шкловского, А. Штейнберга, Б. Эйхенбаума.

Письмо Е. Полетаева к Конст. Эрбергу²¹

Многоуважаемый Константин Александрович!

Очень сожалее, что по причинам личного и внутреннего характера не смогу сделать в Вольфиле доклад обещанный в апреле.

С искренним уважением.

Готовый к услугам,

19. 3. <19>22. Пб.

Ehen Полетаев.

Кружок имени В. В. Розанова²²

Кружок по изучению жизни и творчества В. В. Розанова (1856—1919) основан в октябре 1921 года по инициативе Э. Ф. Голлербаха. Сообщение об организации этого кружка, напечатанное в октябрьском номере журн. «Вестник Литературы» и «Среди кол-

²¹ ИРЛИ. Ф. 474. № 221. Сохранился более поздний комментарий Конст. Эрберга: «Евг. Полетаев, написавший в 19 году <1918 — В. Б.> совместно с Ник. Ник. Пуниным книгу “Против цивилизации”, был приглашен Вольфилой прочесть доклад на тему о цивилизации вообще. Доклад не состоялся не по вине Вольфилы» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 85).

²² Новая русская книга (Берлин). 1922. Март. № 3. С. 30. Предположительно автором заметки является Э. Ф. Голлербах.

лекционером»²³, подписали: Андрей Белый, А. Волынский, Э. Голлербах, Н. Лернер, В. Ховин.

Вначале кружок числился при Доме Литераторов, затем перенес свою деятельность в Вольную Философскую Ассоциацию, где образовалось бюро по устройству докладов, семинарий, вечеров, по сбору и изданию материалов, относящихся к жизни и деятельности Розанова. В состав бюро вошли: Э. Голлербах, Евг. Иванов, В. Ховин, Константин Эрберг.

По разным причинам, из которых главнейшая — принципиальные разногласия и отсутствие средств у кружка, ему не удалось пока развить намеченную программу работы.

Объявления²⁴

CXXIII

2 апреля

Л. В. Пумпянский. Об умственном и нравственном состоянии России

CXXIV

30 апреля

Я. И. Гордин. Максимализм и идея конца

CXXV

7 мая

К. С. Петров-Водкин. Проблема движения

CXXVI

14 мая

Артур Лурье. Голос поэта²⁵

CXXVII

21 мая

В. Денисов. Основные начала новой художествен<ной> школы

CXXVIII

28 мая

В. Г. Каратыгин. Искусство слушать музыку²⁶

²³ См.: Розановский кружок (Письмо в редакцию) // Вестник литературы. 1921. № 9. С. 13–14; а также: Письмо в редакцию // Среди коллекционеров. 1921. Август – сентябрь. № 6–7. С. 56.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 34а–34. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

²⁵ Возможно, ошибка; доклад на эту тему был прочитан 5 февраля.

²⁶ См.: В. Г. Каратыгин. О слушании музыки // Музыка в единой трудовой школе. Вып. 1. Пг., 1919. С. 16–29; а также: В. Г. Каратыгин. Учение об основ-

СХХІХ

11 июня

«Красота и Свобода». Вступит<ельное> слово – К. Эрберга

Письмо Д. М. Пинеса к Иванову-Разумнику²⁷

Милый Разумник Васильевич,
вместо письма – всего три строчки (больше не успеть).

I. Понедельник не состоялся: легкомысленная «малая Вольфила» вместо «порядка дня» беспорядочно отправилась в заседание «Ордена Серпа и Молота» (увы! «Нам отгорели серп и молот...»).

II. Арон Захарович пока еще не объявлялся (завтра съезжу к нему), и если он приехал, то, быть может, состоится «Четверг».

III. Посылаю Вам «Неиздан<ного> Пушкина»²⁸. Если у Вас его нет – оставьте себе (на основании товарообмена: 2 экз<емпляра> «Что такое махаевщина»²⁹).

IV. Ольга Дм<итриевна> передала для Вас «У самого моря»³⁰, но т<ак> к<ак> это экземпляр Шагинян с дарственной надписью и над ним очень дрожат, то посылаю Вам свой экземпляр «Белой Стаи» (в нем напечатана и поэма)³¹ – и заодно копию с письма Блока к Ахматовой³².

ных элементах музыки. Введение // В. Г. Каратыгин. Жизнь. Деятельность: Статьи и материалы. Л., 1927. С. 89–114.

²⁷ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 314. Л. 2–2об.

²⁸ См.: Нсизданный Пушкин: Собрание А. Ф. Онегина. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук. – Пб., 1922. Книга увидела свет в конце марта 1922 г.

²⁹ Вероятно, речь идет о книге Иванова-Разумника «Что такое махаевщина? К вопросу об интеллигенции» (СПб., 1908); ее второе (дополненное) издание вышло под заголовком «Об интеллигенции. Что такое махаевщина. Кающиеся разночинцы» (СПб., 1910).

³⁰ Речь идет о поэме А. А. Ахматовой, которая впервые была опубликована в журнале «Аполлон» (1915. № 3. С. 25–32).

³¹ Первое издание поэтического сборника А. А. Ахматовой «Белая стая» (в его состав вошла поэма «У самого моря») увидело свет в Петрограде в 1917 г.; последующие – к моменту написания письма – в 1918 г. и в феврале 1922 г. Весной 1922 г. Иванов-Разумник написал статью «Anno Domini MCMXXI», посвященную творчеству А. А. Ахматовой, которую включил в сборник своих статей «Творчество и критика. 1908–1922» (Пб., 1922. С. 193–196).

³² В ответ на подаренную ему поэму «У самого моря» с надписью «Александру Блоку – Анна Ахматова. 27 апреля 1915. Царское Село» (См.: Библи-

V. Посылаю тезисы доклада Гордина³³.

VI. Шлю привет и извещение, что Ваша весточка, Разумник Васильевич, об $n+1^{\text{ом}}$ заболевании простудном (Вашем) в $[n+1^{\text{ый}}$ раз]² огорчила нас всех.

Обнимаю Вас крепко и настаиваю: не болейте!

Ваш Дм. Пинес.

26.IV. (вернее – 27/IV – ибо 5ый час).

Еще посылаю письма Чехова и просьбу: их, а также письмо Блока к Ахматовой «по миновении надобности» вернуть.

Общие основы новой художественной школы³⁴

Доклад В. А. Денисова

Тезисы

1) Школа в искусстве есть совокупность определенных художественных принципов и технических приемов, знаний и профессионального мастерства, передаваемых преемственно.

2) Старая школа прекратила у нас свое существование еще в I-ой половине прошлого века; с тех пор художественные учебные заведения не заключали в себе школы.

3) Государственные Свободные Мастерские не могли заложить основ школы благодаря индивидуальному принципу, положенному в основу их организации.

4) Натурализм, принимаемый как объективная основа для преподавания, есть только мировоззрение, а не основа и источник профессионально-художественной культуры и меньше всего — педагогический метод, годный для применения в учебном заведении.

5) Старая система преподавания, заменяя обобщение объективных данных творческим субъективным постижением, нутром, воспитывая «жрецов искусства», губительно влияла на формацию, творчество и самую жизнь художников.

6) Существующий в настоящее время разрыв между всеми видами искусства и в частности между искусством «чистым» и «прикладным»

отека Блока: Описание. Кн. 1. Л., 1984. С. 14) Блок ответил Ахматовой письмом от 14 марта 1916 г. См.: А. Блок. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. М.—Л., 1963. С. 458–459.

³³ Доклад Я. И. Гордина «Максимализм и идея конца» был назначен на 30 апреля; его тезисы частично сохранились. См.: Наст. изд. Кн.2. С.721–723.

³⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 63.

является результатом упадка нашей художественной культуры в старом буржуазном мире.

7) Ввиду выступления на историческую арену новых общественных классов с новой идеологией, прежняя эстетика не годится, и задача художника — педагога наших дней ввести такой метод преподавания, где столкновение идеологий и эстетик исключалось бы вовсе или сводилось до минимума.

8) Единственно приемлемым в настоящее время методом является, в виду его полной объективности и научной обоснованности, метод аналитический.

9) Основой новой школы должно быть изучение опирающихся на научные данные художественных дисциплин цвета, фактуры, формы и конструкции (а для строительного искусства и пространства).

10) Эти дисциплины являются связующим звеном между всеми видами искусства: опирающаяся на них художественная культура будет снова единой, и новая эпоха получит цельный и ярко выраженный образ.

Письмо в редакцию³⁵

В интересах всестороннего исследования жизни и творчества Василия Васильевича Розанова в Петербурге при Вольной Философской Ассоциации организуется *кружок по изучению Розанова*, ставящей своей задачей: 1) собирание всевозможных материалов о нем (статей, рецензий, воспоминаний и пр., как печатных, так и рукописных), 2) составление исчерпывающего библиографического указателя трудов Розанова и литературы о нем, 3) собирание писем его, по возможности в подлинниках или в копиях, 4) устройство вечеров и издание сборников памяти Розанова, 5) устройство при Музее «Дома Литераторов» особого отдела имени Розанова.

Ввиду того, что подготовка издания сочинений Розанова уже осуществляется в Москве проф. П. А. Флоренским, кружок, во избежание параллелизма в работе и в связи с переживаемым издательским кризисом, пока не ставит своей целью издание полного собрания сочинений Розанова, но предполагает всемерно содействовать осуществлению такового.

Кружок обращается ко всем лицам, располагающим письмами, статьями и проч. материалами, имеющими отношение к жизни и де-

³⁵ Накануне. 1922. 13 мая. № 39. С. 5.

тельности В. В. Розанова, с просьбой направлять их по адресу: Петроград, Бассейная, д. 11. Секретарю кружка *Дома Литераторов* по изучению Розанова.

Э. Голлербах.

В инициативную группу вошли: Андрей Белый, А. Волынский, Э. Голлербах, Н. Лернер³⁶, Виктор Ховин, подписавшие настоящее письмо в редакцию.

Просьба к другим журналам и газетам — перепечатать.

Письмо Н. Н. Пунина к Конст. Эрбергу³⁷

Дорогой Константин Александрович,

Получил записку с просьбой быть в вольфиле в Воскресенье 4го, то же Лурье. Но дело в том, что в Воскресенье меня не будет в городе, Лурье же передал, и, кажется (наверное не знаю), он тоже не может³⁸. Теперь уже лето, какие-то тут диспуты;

С приветом всем вольфилистам, Пунин.

Объявление³⁹

Вольная Философская Ассоциация

Воскресенье 18 июня

СXXXI открыт<ое> заседание

Беседа: «Будущее в настоящем»

Вступит<ельное> слово — **А. З. Штейнберга**

Воскресенье 25 июня

СXXXII откр<ытое> заседание

Беседа: «Душа XIX века»

Вступит<ельное> слово — **А. А. Гизетти**

Демидов пер. 8а. Начало в 3 ч. дня

³⁶ Николай Осипович Лернер (1877–1934) — историк литературы, критик.

³⁷ ИРЛИ. Ф. 474. № 225. Записка датируется приблизительно по содержанию концом мая 1922 г.

³⁸ 22 августа 1922 г. А. С. Лурье уехал в заграничную командировку и в Россию больше не возвращался.

³⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 39. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

Объявление⁴⁰СXXXIII^{ве} открыт<ое> заседание

Воскресенье 2 июля

А. Гизетти. Певец преображенной земли.

Шелли (к 100-летию со дня смерти)⁴¹СXXXIV^{ое} откр<ытое> заседание

Воскресенье 9 июля

А. Мейер. Исав и Иаков (о первенстве европейской культуры)

К. Эрберг

Конспект доклада А. Мейера

«Исав и Иаков (о первенстве европейской культуры)»⁴²*Исав*

пустыня

смел<ый> охотник (скиф)

Едом (идумея)

смелый импульсивный человек

Ирод Вел<икий> — царь

Иуд<еи>

Иаков

дом

трусливый буржуа

хитрый благочестивый обманщик

«Израиль» (богоборец)

Палестина

Израильск<ое> царство

Письмо Иванова-Разумника к Конст. Эрбергу⁴³

14/VII 1922.

Ц<арское> С<ело>.

Дорогой Константин Александрович, отвечаю по пунктам:

I. Афиша.

Дела обстоят по-видимому великолепно — и до Понедельника, конечно, подождут. Я буду у Вас в Понедельник около 11 часов утра <...>. Афишу привезу с собой.

⁴⁰ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 40. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.⁴¹ Английский поэт-романтик Перси Биш Шелли (1792–1822).⁴² ИРЛИ. Ф. 474. № 15. Л. 14.⁴³ Собрание М. С. Лесмана — Н. Г. Княzewой.

II. Кантата.

Если афиша так дешева, и денег у нас так много, а *Немцев готов* кантатиться⁴⁴ «по удешевленной цене», то не рискнуть ли?.. Впрочем — Вам виднее; к тому же может быть Маргарита уже отвергла от Вашего имени искушения этого нового Мефистофеля.

III. Вольфильская касса.

Понимаю Вашу присылку ее мне как предложение растратить временно; но и это искушение Евино отвергнуто Адамом (АДМ = *Человек!*). Кстати, кто это из эпигонов символизма утверждал, что пушкинский рыцарь бедный именно это слово написал на щите? <...>

VIII. Философский съезд.

1) Заседал с Васильевым, Лосским и Сорокиным Питиримом. Питирим едет осенью в Америку на год, Лосский тогда же — в Германию и Англию на полгода. Оба будут оповещать заграничных философов.

2) Следующее заседание — соединенное Вольфилы и Филоба⁴⁵ — назначено на Воскресенье 23/VII: хорошо бы приехать тогда в Царское Вам, Штейнбергу и даже Гордину и Векслер (секретариат и канцелярия!).

IX. Дела книжные.

Замечания Ваши о «Тв<орчестве> и кр<итике>» прочел внимательно, исправил все погрешности; кое о чем недоумеваю, спрошу при встрече. Хорошо, если б Вы так же с карандашом прочли и «Заветное»: большое спасибо скажу⁴⁶.

А если бы Вы в Понедельник 31/VII в Вольфиле прочли бы обещанное по поводу «Тв<орчества> и кр<итики>» (первой статьи⁴⁷) — еще лучше было бы.

До Понедельника. Буду в Вольфиле с 7 часов вечера.

Ваш Р. Иванов.

⁴⁴ Речь идет о запланированном выступлении в Вольфиле хора под управлением дирижера Иосифа Васильевича Немцева (1885–1939).

⁴⁵ Подразумевается Философское общество при Петроградском университете.

⁴⁶ Речь идет о двух книгах Иванова-Разумника, которые в то время готовились к изданию. См.: *Иванов-Разумник. Творчество и критика. Статьи критические 1908–1922.* — Пб.: Колос, 1922.; *Иванов-Разумник. Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912–1913 г.г.* — Пб.: Эпоха, 1922.

⁴⁷ Статья «Творчество и критика» (1908) послужила введением и ко второму изданию одноименной книги (См.: *Иванов-Разумник. Творчество и критика.* С. 7–11).

Объявление⁴⁸

Воскресенье 25/VII состоится экскурсия в Островки.

Собраться на Воскресенской набережной на Пристоне у Литейного моста в 9 часов утра. Просят еще не получивших билеты взять с собой членские карточки В.Ф.А.

Билеты можно получить у Змеева в комнате 37. Просят захватить кружки.

В Вольфиле⁴⁹

Первую годовщину со дня смерти А. А. Блока — Вольная Философская Ассоциация отмечает целым рядом открытых заседаний, посвященных памяти поэта. В четырех воскресных августовских открытых заседаниях Вольфила в хронологической последовательности осветит жизнь А. А. Блока — от рождения (16 ноября 1880 г.) до смерти (7 августа 1921 г.).

«Детство, отрочество и юность Блока» — тема первого открытого заседания 6 августа 1922 г., в канун смерти поэта. М. А. Бекетова, близкая родственница покойного поэта (сестра его матери), на глазах которой проходило все детство, все отрочество Блока, написала на основании своих и семейных воспоминаний и документов большую биографию Блока; первая половина ее, впервые раскрывающая перед нами детство и юность поэта (1880—1902 гг.), и будет темой первого воскресного августовского заседания Вольфила.

Второе заседание (в воскресенье 13 августа) будет посвящено оглашению писем А. А. Блока к Андрею Белому за время, непосредственно примыкающее к концу предыдущего доклада.

Третье воскресное августовское заседание (20 августа) посвящено непосредственно следующему за этими годами десятилетию: 1903—1913 гг. Воспоминаниями об этих годах жизни поэта поделится один из ближайших его друзей, Е. П. Иванов.

⁴⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 65. Предположительно текст написан рукой Г. Змеева.

⁴⁹ Литературные записки. 1922. 1 августа. № 3. С. 23. В сокращенном виде информация опубликована в петроградской газете «Последние новости» (1922. 31 июля. № 1. С. 4) под заголовком «К годовщине смерти А. А. Блока». Афишу августовских воскресных открытых заседаний «Памяти Александра Александровича Блока» см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 46. Здесь также указана стоимость входного билета — 30 рублей. Объявление аналогичного содержания, написанное Ивановым-Разумником, см.: ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 41.

Наконец, четвертое и последнее воскресное заседание (27 августа) посвящено воспоминаниям о последнем десятилетии жизни поэта (1911–1921 гг.) Н. А. Клюев, В. Н. Княжнин, Р. В. Иванов-Разумник поделится со слушателями воспоминаниями об этом последнем периоде жизни и творчества А. А. Блока. Вл. В. Гиппиус прочтет главу о Блоке из своей поэмы «Лик человеческий»⁵⁰. Заседание закончится чтением отрывков из дневника Андрея Белого (август – сентябрь 1921 года), которые переносят в настроение первых дней и недель после смерти Блока⁵¹.

Заседания происходят в зале Географического общества (Демидов пер., д. 8-а), начало в 3 ч. дня. Все августовские понедельники (7, 14, 21, 28 авг.) предположено посвятить в помещении Вольфины (Фон-танка, д. 50, кв. 25) чтению неизвестных и малоизвестных произведений А. А. Блока – тоже в хронологическом порядке, по десятилетиям. Начало понедельничных заседаний – в 8 ч. в.

Театрально-литературная хроника⁵²

В Петроград приехал поэт Н. Клюев, который будет читать свои воспоминания об Ал. Блоке на одном из ближайших заседаний Вольфины.

Из письма Иванова-Разумника к Л. Д. Блок⁵³

28 авг<уста> 1922. СПб.

Глубокоуважаемая Любовь Дмитриевна,
посылаю Вам для прочтения дневник Андрея Белого. Он – не для печати, во всяком случае еще не скоро для печати. Передавая его мне

⁵⁰ Поэма (первые 8 песен) была опубликована в берлинском издательстве «Эпоха» в сентябре 1922 г. В обзоре современной поэзии «Три богатыря» (о поэмах В. Гиппиуса, Н. Клюева и С. Есенина) Иванов-Разумник оценил «Лик человеческий» как «громадную эпическую поэму “песен в двадцать пять”, современнойшую, напряженную, захватывающую» (См.: Летопись Дома Литераторов. 1922. № 7. С. 5). Наиболее полные варианты поэмы см. в архиве Вл. В. Гиппиуса: ИРЛИ. Ф. 77. № 93–94.

⁵¹ Дневниковые записи под заголовком «К материалам о Блоке» сохранились в неполном виде и в настоящее время опубликованы А. В. Лавровым. См: Андрей Белый о Блоке. С. 447–474.

⁵² Жизнь искусства. 1922. 22–28 августа. № 33. С. 4.

⁵³ ИРЛИ. Ф. 654. Оп. 8. № 55.

в прошлом году, Борис Николаевич разрешил пользоваться им «по мере разумения»; я думаю, что не нарушил этого разрешения, прочтя вчера на заседании Вольфила то, что помечено сбоку красным карандашом. <...> Впечатление, по общему отзыву, было очень сильное. Я его предчувствовал — боялся за Александру Андреевну и более за Вас. Теперь Вы прочтете все наедине.

Не знаю, позволит ли мне состояние здоровья быть у Вас на этой неделе, а потому хоть в письме хочу сказать Вам сердечное спасибо за помощь, содействие и сочувствие Вольфиле в устройстве этих восьми заседаний Августа. Немного сделали за этот год мы для «памяти Блока» и не искупили вины Августом — но все-таки Август нас глубоко удовлетворил (что в Вольфиле редко бывает). Иное было и не то, и не так — но в общем все прошло тихо, строго и сосредоточенно. Спасибо Вам большое за поддержку и за присутствие. А если вчерашнее и сегодняшнее собрания (как мне сдается) вообще последние заседания Вольфила⁵⁴ — то тем больше будем их помнить: начал А. А. в ноябре 1919, кончили «Блоком» Августа 1922 г. Если же в августе у нас было что и не так — простите. <...>

Р. С. Вчера заседание кончилось *в девятом часу*. Слушатели не расходились до самого конца.

⁵⁴ 3 августа 1922 г. Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом и Советом Народных Комиссаров было принято постановление, предписывающее всем общественным организациям, которые не преследуют целей «извлечения прибыли», «в порядке надзора за ними», пройти перерегистрацию (См.: Известия ВЦИК. 1922. 12 августа. № 180. С. 4). Во исполнение этого декрета Р. Иванов и Д. Пинес именно 28 августа подписали прошение о перерегистрации Вольной Философской Ассоциации (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 1) и сделали соответствующий запрос в Петроградское управление научных учреждений (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 1). Вольфила была вновь зарегистрирована 9 сентября со следующей резолюцией: «...принимая во внимание, что целью вышеозначенного Общества является исключительно исследование и разработка в духе философии и социализма вопросов культурного творчества и политического характера оно не имеет, что в уставе его не содержится параграфов, противоречащих декретам Народных Комиссаров или Конституции Р.С.Ф.С.Р., посему препятствий к регистрации означенного общества не имеется» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 8).

Объявление⁵⁵

В понедельник 4 сентября в 8 ч. веч.

А. А. Гизетти. Мой путь к Блоку⁵⁶

Вход свободный. Фонтанка 50, кв. 22

В воскресенье 10 сентября

СXXXIХое открыт<ое> заседание

А. А. Гизетти. Кризис Запада по книгам Ратенау⁵⁷

Начало в 3 ч. дня Фонтанка 50, кв. 22

Объявление⁵⁸

Вольная Философская Ассоциация

Памяти Велем. Хлебникова⁵⁹

СXXXIX. Воскресенье 10 сентября

Н. Пунин – «Хлебников и «Государство Времени»»

Демидов пер. 8а. Начало в 3 ч. дня

Зал Географич. Общества

Понедельник 11 сентября

Л. Аренс⁶⁰ – «Хлебников, основатель будетлян»

Фонтанка 50, кв. 25. Помещение Вольн. Филос. Ассоц.

Начало в 8 ч. веч. Вход свободный

⁵⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 42. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

⁵⁶ См.: *А. Гизетти. Путь к Блоку // Записки Передвижного театра. 1923. 7 августа. № 61. С. 3–4.*

⁵⁷ См.: *В. Ратенау. Новое государство / Пер. под ред. Я. Букшпана. – М., 1922. Вальтер Ратенау (1867–1922) – немецкий промышленник, публицист, политик; в 1922 г. министр иностранных дел Германии; убит членами террористической организации.*

⁵⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 43. Текст написан рукой Д. М. Пинеса; в верхнем правом углу более поздняя помета Иванова-Разумника карандашом: «1922 г.».

⁵⁹ Поэт Велимир Хлебников (наст. имя Виктор Владимирович; 1885–1922) скончался 28 июня.

⁶⁰ Лев Евгеньевич Аренс (1890–1967) – биолог.

Н. Л<ернер>

Поэт времени⁶¹

10/IX – «Хлебников и государство времени» – Н. Пунин. 11/IX – «Хлебников и бюджетляне» – доклад Аренса – два открытых заседания Вольфилов, посвященные поэту и мудрецу Велемиру Хлебникову, «ушедшему за куб» – умершему мучительной смертью 28 июня с. г. Все дело его жизни была борьба со Смертью, Судьбою. Глубочайшим проникновением в «поля времени» и изучением расположения в них событий на земле он устанавливает его законы, законы Добра и Зла, и слова религии «мне отмщение и аз воздам» – выражает формулой 2 и 3, в различных степенях. Хлебников вводит мир в новую фазу развития, в противоположность XIX веку с его пространственным сознанием и мерами, он живет уже сознанием времени – Время мера мира. Во всех стихах его мы видим это «разновременье», начиная с ритма и кончая образами. «Трубою Марсиан» возвещает он новое разделение на государства времени – государства стариков и юношей. Хлебников нашел измеримость и закон событий – вот что говорил Пунин о Хлебникове.

Аренс осветил Хлебникова как основателя нового учения – бюджетлянства, национального, основанного на глубоких традициях, на ощущении времени, образования Солнца, противопоставляя его западному футуризму, основанному на скорости. Приводя несколько примеров его творчества, Аренс коснулся «заумного языка» как возможности, в которую верил Хлебников: объединить всю землю одним языком, называя себя председателем Земного шара, как и написано на дереве у его могилы. Невозможно охватить сразу гениальное проникновение поэта, невозможно понять его, подходя с точки зрения «критики и интереса» – нужно уметь интуитивно, волевым усилием соединиться с ним, не гносеологически, а онтологически воспринять мир. Хлебников умер, но умер ли, жил ли этот странный, бледный, молчаливый человек «не от мира сего» – его мироощущение идет сменить ложь рационализма и эстетизма. В полях времени с ним встретимся.

⁶¹ Жизнь искусства. 1922. 19 сентября. № 37. С. 7.

Объявление⁶²

Воскресенье 17 сентября
СХЛ^{ос} открытое заседание

А. А. Гизетти: Кризис Запада по книгам Ратенау

Демидов пер. 8а Начало в 3 ч. дня

В понедельник 18 сентября в 8 час. веч.

в помещении Вольфилы – Фонтанка 50 кв. 25

Памяти Велемира Хлебникова

Воспоминания Л. Бруни, К. Малевича, М. Матюшина, Н. Пунина

Вход свободный

Объявление⁶³

Вольная Философская Ассоциация

В воскресенье 24 сентября
СХЛ^{ос} открытое заседание

«Исповедь Ставрогина»

Беседа. Вступит. слово – **А. З. Штейнберг**

Участвуют: **А. Векслер, Я. Гордин, А. Чебышев-Дмитриев, К. Эрберг⁶⁴**

Демидов пер. 8а. Начало в 3 ч. дня

В понедельник 25 сентября в 8 час. веч.

т. Зотов – «Моя система»

Фонтанка 50, кв. 25. Вход свободный

⁶² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 46. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

⁶³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 44. Текст написан рукой Д. М. Пинеса; в верхнем правом углу более поздняя помета Иванова-Разумника карандашом: «1922 г.».

⁶⁴ Возможно, на этом заседании выступал и А. С. Долинин. Ср.: «Известный специалист по Достоевскому прочитал специальный доклад об исповеди Ставрогина. Именно в это время обнаружилось, что по настоянию Каткова эта глава не была включена в роман “Бесы”. Достоевский, как известно, написал письмо Каткову, в котором утверждал, что роман не может быть напечатан без этой главы, что ему придется переделывать всю вторую половину романа. Мнение же Долинина было: роман следует печатать с этой главой» (А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 65). Долинин изложил свою точку зрения в статье «“Исповедь Ставрогина” (В связи с композицией “Бесов”)», которая была опубликована в первом номере альманаха «Литературная мысль» (Пг., 1922. С. 139–162).

Объявление⁶⁵

Вольная Философская Ассоциация

Октябрь 1922 г.

Начало в 8 час. веч. Понедельники Вход свободный

В помещении В.Ф.А. — Фонтанка 50, кв. 25

2 октября

А. Чебышев-Дмитриев: Строители и разрушители
(По поводу романа П. Бурже: «L'étape»)⁶⁶

9 октября

Н. М. Кузьмин⁶⁷: Чтение пьесы: «Чаша»

16 октября

Д-р Гепштейн⁶⁸: Витализм

23 октября

Е. Г. Полонская: О романе И. Эренбурга: «Хулио Хуренито»⁶⁹

30 октября

Вечер поэтов:

Е. Я. Данько, Дионесов, С. Колбасьев, Е. Полонская, Н. Тихонов⁷⁰

⁶⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 45. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

⁶⁶ Роман французского прозаика Поля Бурже (1852–1935) «L'étape» выходил в русском переводе дважды (оба раза в московских издательствах в 1903 г.): «Перелом» (пер. Н. Васина) и «Этап» (пер. А. В. Перелыгиной).

⁶⁷ Николай Максимович Кузьмин (1884–?) — агроном, литератор.

⁶⁸ Возможно, автором доклада был Д. Гепштейн — автор ряда публицистических работ, посвященных положению евреев в дореволюционной России.

⁶⁹ Роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников Мопсиуг Дале, Карла Шмидта, мистера Куля, Алексея Тишина, Эрколе Бамбучи, Ильи Эренбурга и негра Айши» вышел в берлинском издательстве «Геликон» в начале января 1922 г. Ср. также с комм. Б. Фрезинского: «В Петрограде первой получила «Хулио Хуренито» от автора Полонская. С рефератом о романе она выступала в Вольной философской ассоциации («Вольфила»). Слушателей собралось много, но во время чтения начал тускнеть свет, и реферат бы сорвался, если б не Ю. Н. Тынянов, сумевший в сумерках прочесть выбранные Полонской отрывки из романа. «Было много разговоров, — пишет в неопубликованных воспоминаниях Полонская, — но общее впечатление сводилось к тому, что каждый должен сам прочесть роман Эренбурга...» (И. Эренбург. Собр. соч.: В 8 т. Т. I. — М., 1990. С. 612). Елизавета Григорьевна Полонская (1890–1969) — поэтесса, член литературной группы «Серапионовы братья».

⁷⁰ Анонс выступления в Вольфиле членов поэтического содружества «Ос-тровитяне». Подробнее о поэтической группе см.: А. Л. Дмитренко. К исто-

Н. Нилли

Литературный Петербург. (Впечатления)⁷¹

1. В Волфиле

Маленькая комнатка. 8 рядов стульев, стол посередине, на нем свеча, — дальше комнатка с мягким ковром, с кушеткой и тремя большими креслами — там темно.

Это петербургская Волфила — Вольное философское общество — любимое место Андрея Белого, Блока. Первое место, с которого слышалось огненное благовествование о «12-ти».

Основатели этого общества — А. Белый, Блок, Штейнберг, Иванов-Разумник, Константин Эрберг. Каждый понедельник устраиваются здесь собрания.

Первый понедельник — как я приехал, был посвящен — Григорьеву. Кудластая толстая фигура с очками, лицо добродушное, ворчливое в губах — это тот, кто на каждом понедельнике ругает докладчиков.

Выручал Блока за «12» там же. Это самый старейший член Волфилы. — «Волфила идет!» — всегда встречает его Иванов-Разумник.

Григорьев — читал новый роман Бурже и разбирал его, но так беспорядочно, таким скрипучим голосом, что ничего нельзя было разобрать.

Добродушно улыбались члены и слушали — что-то улавливая.

Бедный молодой человек с черно-огненными глазами сел около меня. Сидел неподвижно, только тихая рука поднимала ко рту папироску и опускала огонек — это был Арон Захарович Штейнберг. У меня как раз было приглашение к нему от Передвиж. Театра на открытие зимнего сезона⁷². Я сунул ему в руку пригласительный билет.

рии содружества поэтов «Островитяне»: Машинописный альманах // Русская литература. 1995. № 3. С. 209–224.

⁷¹ Симбир. Журнал литературы, искусства и науки. (Симбирск). 1923. № 1. С. 16–17. (Выражаю благодарность Е. Б. Белодубровскому за информацию об этом издании). Об апокрифическом характере повествования симбирского поэта и прозаика Николая Николаевича Ильина (псевд. Н. Нилли; 1886–1944) свидетельствует множество деталей. В частности, «председатель Волфилы Пинус» — это секретарь Ассоциации Д. М. Пинес, мифический Григорьев на самом деле — А. А. Чебышев-Дмитриев, а «колючий старик Ган» — этнограф и публицист В. Г. Богораз (псевдоним Н. А. Тан), выступавший в Вольфиле с серьезными докладами о первобытных религиях.

⁷² Государственный Передвижной театр П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской открывал зимний сезон 1922/23 г. премьерой трагедии Шекспира «Гамлет» 11 октября.

Шепотом мы объяснились, и в шепоте нежно он закрепил встречу крепким пожатием руки.

— «Вы к нам попали так неудачно», — сказал он — «докладчик очень уж...»

В следующий понедельник читал я и поэтесса Елизавета Полонская. Она читала о новом романе Эренбурга — выдержки из него. Председательствует — Иванов-Разумник. Роман Эренбурга недавно вышел в Берлине — это интересный роман — приключений. Герой романа — Хоти Хуоти играет своей волей. Он хочет доказать ненормальность положения современности — доказать всей своей жизнью — увеличивая эту ненормальность до предела всеобщей катастрофы. Имеет ряд последователей, учеников. Этот роман вызвал оживленный обмен мнений, многие осуждали этот роман за его бульварность. Иванов-Разумник сказал, что он с большим интересом прочитал его, но по прочтении почувствовал тошноту. В авторе чувствуется наполненная ядом ко всему душа.

Этот человек живет разрушением. Много в его душе болезненности, непримиримости с человеком.

Беседовал с председателем Волфины — Пинусом о внутренней работе общества.

<...>

10. Ган

Колючий старик. Много в нем насмешки, ненависти к людям. <...>

Пришел как-то в Волфилу, говорил с Ивановым-Разумником: Хочу прочитать у вас об измерении чертей.

Как?

— О реализации первобытной религии, об измерении чертей.

После его ухода мы долго смеялись.

Объявление⁷³

Вольная Философская Ассоциация

Октябрь 1922 г.

В воскресенье 15 октября

CXLII^{ое} открытое заседание

Творческое в истории. Беседа

Вступительное слово — А. А. Мейер

⁷³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 47. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

В воскресенье 22 октября
CXLI^{ис} открытое заседание

Л. В. Щерба⁷⁴: «Судьбы русского языка»

В воскресенье 29 октября
CXLIV^{ис} открытое заседание

М. Тубянский: «Душа Азии» **Рабиндраната Тагора**⁷⁵

Демидов пер. 8а. Начало в 3 ч. дня

Зал Географич. Об-ва

Записка Д. М. Пинеса к Конст. Эрбергу⁷⁶

<29. 10. 1922⁷⁷>

К<онстантин> А<лександрович>, надо перед перерывом сообщить

1) завтра вечер поэзии: Вагинов, Тихонов, Данько, Полонская, Гиппиус, Колбасьев – в 8 ч<асов> веч<ера> на Фонтанке,

2) следующее воскресенье и понедельник 5 и 6 ноября заседаний *не будет*,

3) в воскресенье 12 ноября ровно в 3 ч<аса> «Три года» (Идея и опыт Вольфины).

Афиша⁷⁸

Вольная Философская Ассоциация

Ноябрь 1922 года

Воскресенье 12 Ноября CXLV открытое заседание:

Три года (идея и опыт Вольфины)

Доклады и речи: А. В. Васильев, А. Л. Векслер, А. А. Гизетти, Я. И. Гордин, Евг. Иванов, Иванов-Разумник, А. А. Мейер, К. С. Петров-Водкин, Д. М. Пинес, Н. Н. Пунин, О. Д. Форш, А. А. Чебышев-Дмитриев, А. З. Штейнберг, К. А. Эрберг.

⁷⁴ Лев Владимирович Щерба (1880–1944) – языковед, профессор Петербургского университета.

⁷⁵ Михаилу Израилевичу Тубянскому (1893–1943) принадлежит целый ряд переводов индийского поэта и прозаика Рабиндраната Тагора (1861–1941). См., напр.: *М. И. Тубянский*. Образцы бенгальской литературы. – Пг., 1922; *Р. Тагор*. Воспоминания / Пер. и вступ. статья М. И. Тубянского. – М.; Л., 1924.

⁷⁶ ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 7–7об.

⁷⁷ Дата устанавливается по содержанию.

⁷⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 44.

Воскресенье 19 Ноября CXLVI открытое заседание:

Что есть современность?⁷⁹

Беседа

Вступительное слово А. З. Штейнберг.

Воскресенье 26 Ноября CXLVII открытое заседание:

«Путешествие к себе» (О Кайзерлинге)⁸⁰

Доклад — А. З. Штейнберг.

Зал Географического Общ-ва Демидов пер. № 8а.

Начало ровно в 3 часа дня.

Записка Д. М. Пинеса к Конст. Эрбергу⁸¹

<12 ноября 1922 г.⁸²>

Константин Александрович,

Дать Вам — слово? — Скажите: «Что есть Вольфила».

(У меня для Вас «Carte⁸³»).

Дм. Пинес

⁷⁹ Вероятно, в связи с отъездом А. З. Штейнберга в Берлин тематика CXLVI и CXLVII открытых заседаний позже поменялись местами. На афише чернилами переправлены дата и номер заседания «Что есть современность?» на 26 ноября и CXLVII, а фамилия докладчика изменена на Я. Гордина.

⁸⁰ Граф Герман Александер фон Кайзерлинг (1880—1946) — немецкий философ; в 1919 г. выпустил книгу «Das Reisetagebuch eines Philosophen» («Путевой дневник философа»); в 1920 г. основал в Дармштадте Школу Мудрости. Ср.: «Когда в Германии вышла книга Германа Кайзерлинга “Дневник философа”, мы решили, что отзыв о книге, в которой собран огромный материал, предвосхищавший новые течения в философии, хороший предлог еще для одного открытого собрания, на котором мимоходом можно будет рассказать о философской жизни на Западе. Кайзерлинг совершил кругосветное путешествие и, возвратившись, издал свой “Дневник философа”. В книге оказалось так много интересного, что каждый из нас, читавших по-немецки, мог выбрать тему, казавшуюся ему важной для наших слушателей. Положение, что для метафизика “возможное важнее существующего”, обращало внимание более проницательных слушателей на тот факт, что для мыслящего человека, “любителя мудрости”, совсем не важно то, что происходит непосредственно вокруг нас, как бы важно и реально ни было событие» (А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 81). Это воскресное заседание ВФА было последним, в котором принимал участие А. З. Штейнберг.

⁸¹ ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 8—8об.

⁸² Дата устанавливается по содержанию записки, включающей конспект выступления Конст. Эрберга на заседании «Три года (Идея и опыт Вольфила)».

⁸³ От: *carte blanche* (*фр.*) — полная свобода действий.

<На обороте:> К. Эрбергу (у двери).
 <Рукой Эрберга:> Академия
 Обман
 Ответы на все
 Просветить — Кто? Кого?
 Метод
 ?

Записка Д. М. Пинеса к Конст. Эрбергу⁸⁴

<12 ноября 1922 г.⁸⁵>

Конст<антин> Ал<ексан>дрович,
 надо сообщить, что в понедельник
 1) 19^{ого}⁸⁶ — Докл<ад> Векслер О смысле познания (по поводу книг Белого)⁸⁷.
 2) 26ого — Доклад Тана [Принцип относительности в первоб<ыт-ных> религиях]⁸⁸.
 Все это на Фонтанке в 8 ч<асов> веч<ера>.

Объявление⁸⁹

Вольная Философская Ассоциация

В понедельник 27 ноября

**В. Г. Тан. Принцип относительного
и трехмерного пространства в первобытном познании религии⁹⁰**

⁸⁴ ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 4–4об.

⁸⁵ Дата устанавливается приблизительно по содержанию.

⁸⁶ Даты записаны ошибочно: «понедельники» — 20 и 27-е ноября.

⁸⁷ По названию книги Белого «О смысле познания», которая вышла в свет в петербургском издательстве «Эпоха» в октябре 1922 г.

⁸⁸ Название доклада приписано на обороте.

⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 59. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

⁹⁰ Подробнее см.: В. Г. Богораз (Тан). Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. 1. — М.; Пг., 1923. По мнению автора, «современная математическая физика со всей гениальной сложностью своих математических фигур в конце концов приходит к упрощению и как бы возвращается к полуинстинктивному мироощущению первобытного сознания, еще не искушенного и не спутанного

В среду 29/16 ноября
в годовщину рождения А. Блока (16 ноября 1880)

Вечер неизданных произведений Блока

1. Искусство и газета (1912 г.)
 2. Исповедь язычника (1918 г.)
 3. «Без божества, без вдохновенья» (1921 г.)
(Цех акмеистов и Гумилев)
- Начало в 7 ч. веч. Вход свободный.

Повестка⁹¹

Вольная Философская Ассоциация настоящим оповещает Вас, что понедельник 27 ноября в 7 ч. веч. в помещении Вольн<ой> Фил<ософской> Ассоц<иации> – Фонтанка 50, кв. 25 (3ий этаж) состоится доклад *В. Г. Тана*: «Принцип относительного и трехмерного пространства в первобытном познании религии».

Секретарь В.Ф.А.

Дм. Пинес

Объявление⁹²

Понедельники 18го и 25го декабря
Переписка Андрея Белого с А. Блоком
Фонтанка 50, кв. 25 Начало в 7 ч. веч.

формальной схоластикой номинальной философии» (*Богораз В. Г. (Тан)*. Эйнштейн и религия. Применение принципа относительности к исследованию религиозных явлений. Вып. 1. С. 19). В свою очередь, «относительность бытия делает бессельной и всякую поправку на объективность. Исчезает различие между знанием реальным и знанием воображаемым, условным. И все наши восприятия, в том числе и религиозные, становятся равноправными элементами нашего познания мира» (Там же. С. 116).

⁹¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 49. Текст написан рукой Д. М. Пинеса. В левом верхнем углу штамп ВФА; на нем указаны: дата – «23 ноября 1922 г.», «№ 59» и адрес – «Фонтанка 50, кв. 25».

⁹² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 45об. Объявление написано на обороте афиши о ноябрьских заседаниях 1922 г. рукой Д. М. Пинеса.

Афиша⁹³

Вольная Философская Ассоциация

Декабрь 1922

Воскресные открытые заседания

CXLIII

Воскресенье 3 декабря

Людвиг Фейербах

(К 50-летию
со дня смерти)⁹⁴

Доклады: А. Гизетти,
Я. Гордин, Иванов-
Разумник, А. Мейер

CXLIX

Воскресенье 10 декабря

О формальном методе

Доклады:

Б. Томашевский,
Ю. Тынянов,
Б. Эйхенбаум,
Л. Якубинский

Творчество Андрея Белого

CL. Воскресенье 17 декабря

«Серебряный голубь» — «Петербург»

Доклады: А. Векслер Иванов-Разумник

CLI. Воскресенье 24 декабря

**«Котик Летаев» — «Записки чудака» —
«Эпопея»**

Доклады: О. Форш Е. Виссель
А. Векслер

CLII. Воскресенье 31 декабря

**«Жезл Аарона» — «Поэзия слова» —
«Глоссолалия»**

Доклады:
Б. Эйхенбаум А. Гизетти
Е. Иванов

Начало ровно в 3 часа дня.

Зал Географического Общества Демидов пер. № 8а.

Обращение⁹⁵

4 января 1923 г. В отдел Управления Петросовета
№ 2 П/о регистрации союзов и учреждений,
Смольный, ком. 48.

Ввиду того, что Отдел Управления Райсовета Центрального Района (проспект 25 октября, 41) выдает разрешения на публичные докла-

⁹³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 1. Л. 48.

⁹⁴ Немецкий философ-материалист Людвиг Фейербах (1804–1872).

⁹⁵ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 5. Текст написан рукой Д. М. Пинеса. Здесь и далее (за исключением специально оговоренных случаев) при публикации уведомлений и обращений ВФА в официальные инстанции резолюции, отметки о регистрации и прочие пометы на этих документах не воспроизводятся.

ды и заседания Вольной Философской Ассоциации при условии обязательного извещения милиции, а за последнее время требует оповещения также и госполитуправления, Вольная Философская Ассоциация просит Вас разъяснить в порядке получения разрешения и о том, какие в точности Учреждения должны быть оповещены Ассоциацией о намеченных ею лекциях и заседаниях.

Председатель В.Ф.А.

Секретарь Дм. Пинес.

План заседаний ВФА на январь — март 1923 г.⁹⁶

15/I. Понедельник.

К. А. Эрберг. Замысел и достижение художника.

22/I. Вечер прозы и стихов Иннокентия Анненского.

29/I. Рождественский⁹⁷. <...>

14) Проблема человечества. Я. И. Гордин, А. А. Гизетти, А. А. Мейер.

21) Средневековое мировоззрение и современный кризис культуры. А. А. Гизетти.

28) «Три пути» (Школа, церковь, фабрика). Малевич. <...>
Доклады в Вольфиле.

Февраль.

4/II Розанов; 11/II Вагнер; 18/II Вагнер; 25/II Скрябин.

Март.

4/III Сологуб; 11/III Эрберг «Эст<етика> Шпенгл<ера>».

Из записки Д. М. Пинеса к Конст. Эрбергу⁹⁸

23/1—<1>923

Константин Александрович, привет!

<...> были ли Вы у Глебова-Асафьева?⁹⁹ Если нет, то можете ли быть у него завтра (адрес — Больш. Конюшенная, 25), хотелось бы

⁹⁶ План был занесен Ивановым-Разумником в записную книжку, озаглавленную автором «1922 г. Вольфила и “Эпоха”» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 5. Л. 2—2об.).

⁹⁷ Зачеркнуто и ниже написано: «Гиппиус».

⁹⁸ ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 1—1об.

⁹⁹ Борис Владимирович Асафьев (псевд. Игорь Глебов; 1884—1949) — музыковед, композитор

знать к воскресенью. — Если же не можете, то не дадите ли записку к Асафьеву?

Доклады нужно:

а) о Вагнере на 4 февр<аля>

б) о Скрябине на 25 февр<аля> <...>

<Б. Г. Перетяткович>

К проблеме формы в искусстве¹⁰⁰

Тезисы

Часть первая

Цель искусства. Созидающий, созидаемое и созерцающий как единая система. Явление резонанса. Ряд вибраций. Период — октава и графическое ее выражение. Угловая периодическая таблица. Перспективы графического выражения музыкальных построений и музыкального выражения рисунка.

Взаимодействие элементов мира. Человек, вплетенный в ткань Целого — «перекресток» процесса.

Активность как аспект индивидуальности. Сетка проявления и развития жизни на ней.

Путь через среду как нахождение себя.

¹⁰⁰ ИРЛИ. Ф. 474. № 452. Доклад Б. Г. Перетятковича «Проблема формы в искусстве» был заслушан на воскресном открытом заседании ВФА 15 апреля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 24). Ср. также с воспоминаниями Б. Н. Лосского: «Появился раз и незнакомый отцу [Н. О. Лосскому] Перетяткович, человек в становившихся уже совсем редкими инженерной форме и фуражке, и принес, с просьбою ознакомиться с нею, рукопись трактата о чем-то вроде взаимоотношений музыки со зрительным миром. Во всяком случае, в сопровождавших его текст графических схемах я очень скоро распознал транспозицию в изломанные линии нотных иллюстраций только что приобретенной в благословенном книжном магазине “Петрополис” “Музыкальной хрестоматии” <...> русского музыковеда Ливерия Саккетти. Позже, уже за границей, мне случилось узнать от композитора Чеснокова, встречавшего в свое время Перетятковича-прозорливца, что он уже был накануне открытия, кажется, путем математических выкладок, “интеграла творчества”» (Б. Н. Лосский. Наша семья в пору лихолетья 1914–1922 годов // Минувшее. Исторический альманах. 12. С. 102–103).

Часть вторая

Явление организованности. Агрегат и организовање, характерные черты последнего. Элементарные возможные теоретические организовања.

Многообразие пар противоположений, несравнимость их.

Проекция полярностей. Поле и возможность характеристики его полярностей. Смена полей и явление чередования. Нарождение нового поля в изменении существующего. Проекция явлений. Контраст. Три периода в жизни формы. Четвертый период.

Созерцание художественного произведения.

Непрерывность в сохранении сути формы во времени: введение в сферу влияния накладывает вечную печать на все последующее.

Созерцающий как «переход» от звена к звену единой цепи.

Коэффициент индивидуального преломления.

Жизнь как участие в едином, развертывающемся во времени, организовањи.

Гражданский Инженер Б. Г. Перетяткович.

15/IV. 1923 г.

Объявление¹⁰¹

Вольная Философская Ассоциация

Воскресенье 22 апреля

А. Гизетти. Скитальцы

и почвенники

(о двух типах

русской интеллигенции)

Демидов пер. 8а Начало в 3½ ч.

Понедельники

23/IV И. Груздев Утилитаризм

и самоцель в искусстве¹⁰²

30/IV Вечер поэтов

¹⁰¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 66. Текст написан рукой Д. М. Пинеса.

¹⁰² Заявку, написанную Д. М. Пинесом, на проведение доклада критика, члена литературной группы «Серрапионовы братья» Ильи Александровича Груздева (1892—1960) под названием «Утилитарность и самоцель в искусстве» (среди других заседаний апреля 1923 г.) см. также: ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 24.

Четверг 19 апреля
М. Межирицкий.
 Ясновиденье или псалмопевчество
 (о I^{ом} томе стихов Блока)

Четверг 26 апреля
 Кружок по изучению творчества
 Андр. Белого
 1) Н. Лозовой: О книгах Белого
 «Кризис жизни» и «Кризис мысли»
 2) Е. Виссель: Белый в «Весах»
 1907–1909 гг.
 Фонтанка 50/25 – Начало в 7 ч. веч.

Объявление¹⁰³

Вольная Философская Ассоциация

Четверги

Фонтанка 50, кв. 25 (3-й этаж).

Начало в 7¼ ч. вечера

Кружок по изучению творчества Андрея Белого

3 мая

Н. Лозовой – Книги Белого о «Кризисе жизни» и «Кризисе мысли»

17 мая

О Первой симфонии Андрея Белого

Доклады А. Векслер¹⁰⁴ и Н. Вагнер

Кружок по изучению творчества Александра Блока

10 мая

24 мая

Уведомление¹⁰⁵

3 мая 1923 г.

№ 2895

Циркулярно

Вольно-философской ассоциации

В виду неполучения до настоящего времени уведомления о перерегистрации Общества, в установленном декретом от 3 августа 22 г.

¹⁰³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 61.

¹⁰⁴ Позже фамилия зачеркнута.

¹⁰⁵ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 36. В ответе ВФА от 14 июня задерж-ка с регистрацией объяснялась отъездом нескольких членов совета Ассоциации и сменой секретариата (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 38). 6 июля после предоставления необходимой документации ВФА была уведомлена

порядке, Петроградское Управление Научных Учреждений Академического Центра настоящим сообщает, что Вольная Философская Ассоциация исключается из числа обществ, состоящих в ведении названного Управления.

Заведующий Управлением М. Кристи.

Заведующий Научными Учреждениями Я. Гессен.

Г<изетти>

Вольная Философская Ассоциация¹⁰⁶

12 декабря 1922 года Вольфила отпраздновала трехлетие своего существования. Во всех речах, произнесенных в этот день, подчеркивалось значение Вольфилы, как очага напряженного духовного искания и горения. Работа отрицания, разоблачения всевозможных подкрашенных и прогнивших внутри кумиров косного сознания шла в ней всегда рука об руку с работой выявления новых положительных ценностей. В переживаемую нами эпоху, когда догматическое провозглашение определенных, до конца ясных ответов и путей представляется еще несвоевременным и мало находит отклика в потревоженных душах, эта положительная работа естественно направляется преимущественно по пути закаливания критической мысли, внимательного самоанализа, как пути к уяснению основных ценностей, страстного прислушивания к новым явлениям духовно-общественной жизни. Философия для работников Вольфилы мыслится, как мирозерцание и дело жизни.

Личные отношения людей столь же могут и должны стать объектом анализирующей критики, как и общие проблемы бытия человеческого. Новое рождается на наших глазах, и надо уловить его ритм, а не выдумывать навязанных кабинетных схем. Но подлинно новый ритм жизни вовсе не тот, который всегда слышен громче всего; иногда он уловим лишь при условии надлежащего воспитания внутреннего слуха.

Не перечисляя подробно всех докладов, прочитанных в Вольфиле за зиму 1922—3 гг., остановимся лишь на главнейших событиях в жизни этой организации. Собрания происходили, как всегда, 3-х типов: 1) широко-публичные, воскресные (в зале Географического общества); 2) понедельники тоже публичные в принципе, но фактически всегда более замкнутые и постоянные по составу публики (в помещ.

о включении «в число научных обществ, подведомственных Управлению» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 42).

¹⁰⁶ Записки Передвижного театра. 1923. 19 июня. № 59. С. 5—6.

Ассоциации) и 3) кружковые (там же). Удобнее сказать прежде всего о последних. Кроме продолжавшегося от времени до времени собираться кружка А. А. Мейера по философии религии, с января начали действовать два «соединенных» кружка по изучению миросозерцания и творчества Александра Блока и Андрея Белого двух писателей нашего времени, которые и лично, и духовным влиянием наиболее связаны с идеей Вольфины.

Один четверг посвящался Белому (под руководством Р. В. Иванова-Разумника), другой Блоку (под руководством Е. П. Иванова). Часть участников собиралась еженедельно, остальные же сосредоточились лишь на одном из этих поэтов-мыслителей. В кружке Белого были прочитаны сообщения о задачах и основном материале библиографического изучения произведений Белого (Д. М. Пинес), о книге «Символизм» (А. Л. Векслер)¹⁰⁷, Белый в журнале «Весы» (Е. Ю. Виссель), книги Белого о кризисе жизни, мысли и культуры (Лозовой), о «Первой симфонии» Белого (Н. П. Вагнер).

В кружке Блока: «История печатного текста стихотворений Блока» (3 доклада А. А. Гизетти), «Дева и Заря» («Ante lucem») и «Стихи о Прекрасной Даме» докл. Е. П. Иванова). «Блок и Вл. Соловьев» (беседа с небольшим вводным сообщением, Шик), «Блок пророк или псалмопевец» (отзвуки библейских мотивов в его поэзии, Межирицкий), «О символизме Блока» (Макридин). Кружковая работа дала случай высказаться тем из сотрудников, которые не решались выступать публично.

Понедельники посвящались часто реферированию новых книг, напр.: «О мнимостях в геометрии» Флоренского (Виссель)¹⁰⁸, «Люлюли» Р. Роллана и «Человек из зеркала» Фр. Верфеля (Гизетти)¹⁰⁹, «Голем» Мейринка (Гизетти и Я. И. Гордин)¹¹⁰, «О смысле познания»

¹⁰⁷ Заседание состоялось 16 февраля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 10).

¹⁰⁸ Заседание состоялось 29 января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 11). Книга П. Флоренского «Мнимости в геометрии. Расширение области двумерных образов геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей)» вышла в московском издательстве «Поморье» в конце августа 1922 г.

¹⁰⁹ Заседание состоялось 4 декабря 1922 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 4). См.: А. Гизетти. В борьбе с иллюзиями. «Люлюли» Р. Роллана и «Человек из зеркала» Фр. Верфеля // Записки Передвижного театра. 1923. 5 марта. № 52. С. 2–3.

¹¹⁰ Заседание состоялось 26 марта 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 20). См.: А. Гизетти. Фантастика и фантазерство. По поводу романов Э. Мейринка «Голем» и П. Бенуа «Атлантида» // Записки Передвижного театра. 1923. 19 июня. № 59. С. 1–2.

А. Белого (А. Векслер). Другие вечера посвящались памяткам об отошедших деятелях русской культуры в связи с годовщинами их смерти: И. Ф. Анненскому¹¹¹ (посмертные стихи читал В. И. Анненский-Кривич¹¹²), В. В. Розанову¹¹³ (воспоминания Е. П. Иванова и Викт. Ховина), Елене Гуро¹¹⁴ (отрывки из неизд. книги «Бедный рыцарь» и дневника читал художн. Матюшин, Н. Г. Чернышевскому (Гизетти, 60-летие романа «Что делать»)¹¹⁵. Ряд понедельников был посвящен проблеме «формы и содержания» в искусстве и поэзии в связи со спором о «формальном методе» (докл. К. Эрберга¹¹⁶, И. Груздева и др.), два раза чтению стихов современными поэтами. Прочитана была автором Н. М. Кузьминым неизд. драма «Чаша» (на тему о религиозном кризисе), вызвавшая горячий обмен мнений. Наконец, иногда происходили беседы о задачах Вольфила и попытки отдельных лиц изложить свое индивидуальное мирозерцание (Зотов, Корцов).

Из воскресных собраний темам общей философии культуры были посвящены: «Памяти Л. Фейербаха» (Иванов-Разумник, Гизетти, А.А.Мейер), «Проблема человечества» (продолж. предыд. темы)¹¹⁷, «Проблема индивидуальности» (А. А. Мейер)¹¹⁸, «Индивидуальность в истории» (М. И. Каган)¹¹⁹, «Скитальцы и почвенники» (А. А. Гизетти).

¹¹¹ Критик Иннокентий Федорович Анненский (1855–1909) скончался 30 ноября (13 декабря). Заседание состоялось 22 января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 7).

¹¹² Валентин Иннокентьевич Кривич (наст. фам. Анненский; 1880–1936) – поэт, прозаик, сын И. Ф. Анненского.

¹¹³ В. В. Розанов скончался 5 февраля 1919 г.

¹¹⁴ Поэтесса Елена Генриховна Гуро (1877–1913) скончалась 23 апреля (6 мая). Вечер памяти Елены Гуро прошел 7 мая 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 26); кроме того, на 26 февраля 1923 г. был назначен «вечер неизданных произведений Елены Гуро» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 10), а на 13 марта 1923 г. – чтение отрывков из книги «Бедный рыцарь» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 14).

¹¹⁵ Доклад А. Гизетти «Новые люди (О романе Чернышевского «Что делать»)» был заслушан в понедельник, 16 апреля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 24).

¹¹⁶ Вероятно, речь идет о беседе «Форма и содержание», которая состоялась 19 февраля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 10).

¹¹⁷ Заседание, на котором с докладами выступали А. Гизетти, Я. Гордин и А. Мейер, состоялось 14 января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 6).

¹¹⁸ Заседание состоялось 11 марта 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 14).

¹¹⁹ Заседание состоялось 28 января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 6). По свидетельству Ю. М. Каган, своим главным трудом М. И. Каган счи-

Неоднократно ставились и темы историко-религиозные: «Юдаизм и христианство» (Е. Иванов и Я. Гордин)¹²⁰, «Тема Софии-Премудрости в истории русского сознания» (те же докладчики)¹²¹, «Средневековое мирозерцание и современный кризис культуры» (Гизетти)¹²².

Темы эстетические были поставлены в докладах М. И. Кагана («Два устремления в искусстве»)¹²³, Перетятковича («Принцип формы в искусстве») и, в особенности, на бурном диспуте «О формальном методе» (докл. членов «Опояза»: Б. М. Эйхенбаума, Б. В. Томашевского, Ю. Н. Тынянова). Четыре декабрьских воскресения были посвящены творчеству Андрея Белого (доклады Иванова-Разумника, Векслер, Виссель, Е. П. Иванова).

Пушкинский день (11 февр. 29 янв.) был отмечен докладом Е. П. Иванова¹²⁴. Одно из мартовских воскресений было посвящено Р. Вагнеру (статьи Ал. Блока и А. Горнфельда)¹²⁵.

тал исследование «Философия истории», которое к настоящему времени не сохранилось. Одну из попыток изложения вопросов «систематической философии истории» см. в его работе «О ходе истории» (февраль — март 1920 г.): АРХЭ. Культуро-логический ежегодник. — Кемерово, 1993. С. 326–365.

¹²⁰ С докладом «Иудаизм и христианство в историко-философском изложении» на воскресном открытом заседании 1 апреля 1923 г. выступал Е. П. Иванов (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 22); Я. И. Гордин, вероятно, оппонировал основному докладчику.

¹²¹ Речь идет о воскресном открытом заседании, назначенном на 6 мая 1923 г., тема которого была заявлена как «Беседа о мудрости» с вступительным словом Евг. Иванова, Я. Гордина и А. Мейера (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 26).

¹²² Воскресное открытое заседание состоялось 21 января 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 6).

¹²³ Доклад М. И. Кагана «Два устремления искусства (форма и содержание)» был заслушан на воскресном открытом заседании 18 февраля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 10). См.: М. И. Каган. Два устремления искусства (Форма и содержание; беспредметность и сюжетность) // М. И. Каган. О ходе истории. М., 2004. С. 451–466.

¹²⁴ Доклад под названием «О Пушкине (к 86-ой годовщине смерти)» был заслушан на воскресном открытом заседании 11 февраля 1923 г.

¹²⁵ На заседании Вольфила 4 марта 1923 г. зачитывалась статья А. Блока «Искусство и революция (По поводу творения Рихарда Вагнера)», написанная как введение к русскому переводу трактата Вагнера «Искусство и революция» (1918), но не включенная в это издание и впервые опубликованная в газете «Жизнь искусства» (1919. 23–24 августа. № 223–224. С. 1–2), а также статья А. Г. Горнфельда «Вагнер и Достоевский (К столетию со дня рождения Рихарда Вагнера)», которая была опубликована в газете «Русские ведомости»

Май месяц был посвящен Белинскому (75-летие со дня смерти), 20 мая прочитан доклад Я. Гордина («Проблема любви в кружке Станкевича и Белинского»). На других собраниях прочитаны статьи Т. Райнова («Психоанализ личности Белинского»), Г. Г. Шпета («Гегельянство Белинского»)¹²⁶, неизд. статья Белинского о философии истории.

10 июня состоялось последнее воскресное собрание перед летним перерывом. Тема «Белинский как критик и историк литературы» докл. Иванова-Разумника и Гизетти. Понедельники будут продолжаться и летом. 11 июня вечер новой поэзии (имажинисты и «Певчая банда»), 18 июня вечер памяти П. Л. Лаврова (100-летие со дня рождения доклад<ы> Ф. И. Витязева, А. А. Гизетти, Б. Я. Фингерта)¹²⁷.

Отчет о деятельности Вольной Философской Ассоциации в 1922 г. до июля 1923 г.¹²⁸

В 1922 году Вольная Философская Ассоциация продолжала свою работу в пределах намеченных тем и вопросов.

(1913. 18 мая. № 114. С. 2). Ср. также с письмом Иванова-Разумника к А. Г. Горнфельду от 7 марта 1923 г.: «Спасибо за “Вагнера и Достоевского”; я не мог быть на этом заседании, но “прочел с удовольствием” Вашу статью, которую почему-то пропустил в свое время в “Русских Ведомостях”» (Письма «нераскаившегося оптимиста»: Р. В. Иванов-Разумник — А. Г. Горнфельду / Публ. В. Г. Белоуса и Ж. Шерона; предисл. и прим. В. Г. Белоуса // Новое литературное обозрение. 1998. № 31. С. 224).

¹²⁶ Ср. с письмами Иванова-Разумника к Ф. И. Витязеву от 28 апреля 1923 г.: «Теперь — большая просьба. “Колос” печатает Шпета о Белинском; не можете ли дать нам эту статью для оглашения в Вольфиле в Воскресенье 6-го или 13-го мая? (В разрешении Шпета не сомневаюсь). — В переговоры по сему делу с Вами вступит телефонно Д. М. Пинес) (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. № 64. Л. 78) и от 10 мая 1923 г.: «Дайте Д. М. Пинесу сегодня же статью Райнова о Белинском; мы используем ее в Вольфиле 13/V, а не то очутимся перед пыткой» (РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. № 64). Воскресное открытое заседание, на котором выступил Иванов-Разумник и заслушана статья Т. Райкова «К психологии личности и творчества В. Белинского», состоялось 13 мая (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 26); 27 мая был зачитан отрывок из статьи Шпета «О “прекраснодушии” и “действительности” по Гегелю (в связи с юбилеем Белинского)» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 33).

¹²⁷ Открытое заседание, посвященное памяти П. Л. Лаврова, состоялось в воскресенье 17 июня (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 32).

¹²⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 31–32об. На первой странице отчета имеется печать Петроградского губернского отдела управления (ГОУ), на

1. *Вопросам культуры и философии истории* были посвящены следующие доклады:

1. Пунин — «Наше средневековье».
2. Тан-Богораз — «Этно-географические основания мирового кризиса».
3. Беседа: «Будущее в настоящем» со вступит^{ельным} словом А. З. Штейнберга.
4. Беседа: «Душа XIX века» со вступит^{ельным} словом А. Гизетти.
5. А. Гизетти — «Любовь как проблема культуры».
6. А. Мейер — «Иаков и Исав. (К вопросу о первородстве европейской культуры)».
7. А. Гизетти — «Кризис Европы по книгам Ратенау».
8. А. Мейер — «Творческое в истории».
9. М. Тубянский — «“Душа Азии” Раб<индраната> Тагора».
10. А. Штейнберг — «Путешествие к себе (о Герм<ании> Кейзерлинга)».
11. Беседа: «Что есть современность» Доклад Я. Гордина¹²⁹.
12. Беседа: «Проблема человечества» (при участии Я. Гордина, А. Гизетти, А. Мейера).
13. М. Каган — «Индивидуальность в истории».
14. А. Гизетти — «Средневековое мировоззрение и кризис современной культуры».

15. Беседа: Проблема индивидуальности. Доклад Я. Гордина¹³⁰.

II. *Целый цикл был посвящен проблеме национальности:*

1. Иванов-Разумник — «Россия и Европа».
2. Брюллова-Шаскольская — «Проблема национальности в русской истории».
3. Пумпянский — «Об антисемитизме».
4. <Он же?> — «О национальном грехопадении».

III. *Проблеме искусства* был посвящен ряд следующих докладов:

1. А. Штейнберг — «О пределах воображения (к 100-летию со дня рождения Э. Т. А. Гофмана)».
2. Петров-Водкин — «Проблема движения в искусстве».
3. Лурье А. С. — «Голос поэта».
4. Денисов В. — «Новые школы живописи».
5. Каратыгин — «Искусство слушать музыку».
6. Беседа: «Красота и свобода» (вступ<ительное> слово К. Эрберга).

которой проставлена дата регистрации документа: 28.VII.1923.

¹²⁹ Последнее предложение приписано позже рукой Я. И. Гордина.

7. А. Векслер — «Познание и искусство. (По поводу книги А. Белого "О смысле познания")».

8. «Беседа о формальном методе» при участии Эйхенбаума, Тынянова, Томашевского, Якубинского, Гизетти, Иванова-Разумника и др.

9. Каган М. — «Два устремления искусства (форма и содержание)».

10. Перетяткович — «К проблеме формы в искусстве».

11. Груздев — Утилитаризм и самоцель в искусстве.

IV. *Проблемы религии* трактовались в докладах:

1. Е. Иванова — «Иудаизм и христианство».

2. Рыдлевского — «Религиозное и иррелигиозное мироотношения в психологическом разрезе»¹³¹.

3. «Ключ веры» — М. Гершензона.

V. Целый ряд докладов, часто объединенных и в циклы, был посвящен *творчеству отдельных писателей в связи с юбилейными датами*.

Так годовщина со дня смерти *Пушкина* была отмечена следующими докладами:

1. Л. Пумпянский — «О классицизме Пушкина».

2. А. Мейер — «Мудрость Пушкина (по поводу книги Гершензона)».

3. «Евгений Онегин» (Тынянов, Шкловский, Эйхенбаум).

4. А. Штейнберг — «Пушкин и Достоевский».

5. Е. Иванов — «Пушкин».

Белинскому посвящен был цикл докладов по случаю 75-летия со дня смерти:

1. Иванов-Разумник — «Белинский как критик и историк литературы».

2. Райнов — «К психологии личности и творчества Белинского».

3. Гордин Я. — «Любовь у Белинского и Станкевича»¹³².

4. Шпет — «Философское мировоззрение Белинского (о гегельянстве Белинского)».

В 40-летие со дня смерти *Рихарда Вагнера* были зачитаны: доклад А. Горнфельда — «Вагнер и Достоевский» и статья А. Блока — «Искусство и революция».

Юбилейной дате *Шелли* был посвящен доклад А. Гизетти: «Певец Преображенной Земли».

О *Людвиге Фейербахе* и его творчестве было устроено собеседование, в котором приняли участие: А. Гизетти, Я. Гордин, Иванов-Разумник и А. Мейер.

¹³⁰ Предложение также приписано рукой Гордина.

¹³¹ Доклад, вероятно, состоялся 8 апреля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 27об.).

¹³² Доклад «Проблема любви у Белинского и Станкевича»¹³² был заявлен на

Творчеству *В. В. Розанова* были посвящены доклады: *Е. Иванова* и *В. Ховина*.

О Лаврове (по случаю 100-летнего юбилея) и *Чернышевском* (к 60-летию романа «Что делать») были прочтены доклады *А. Гизетти*.

Три заседания были посвящены творчеству скончавшегося в 1922 году футуриста *Хлебникова*:

1. *Н. Пунин* — «Хлебников и государство времени».
2. *Аренс* — «Хлебников — основатель будетлян».
3. «Памяти Хлебникова» — *Труфанов, Малевич и Матюшин*.

Большие циклы докладов были посвящены творчеству *Александра Блока* и *Андрея Белого*:

1. *М. Бекетова* — «Детство, отрочество и юность Блока».
2. «Воспоминания о Блоке» — *Иванова-Разумника, Княжнина* и *Вл. Гиппиуса*.
3. *Евг. Иванов* — «О Блоке».
4. «Дневник Андрея Белого о Блоке».

Кроме того, три заседания были посвящены переписке Блока с *Андреем Белым*.

5 заседаний было посвящено чтению неопубликованных или малоизвестных статей *Александра Блока* (за период с 1909 по 1921 г.).

Творчеству *Андрея Белого* были посвящены, кроме упомянутого доклада <*А. Л. Векслер*> «Искусство и познание», еще доклады:

1. «О «Котике Летаеве»» и
2. «Серебряном голубе».
3. *О. Форш* — «Котик Летаев».
4. *Иванов-Разумник* — «О «Петербург»».
5. *Е. Виссель* — «Записки чудака».
6. *А. Гизетти* — «Поэзия слова».
7. *Е. Иванов* — «Глоссолалия».

Отдельные заседания были посвящены творчеству *Елены Гуро* (10-летие со дня смерти) и *Иннокентия Анненского* и новым произведениям современных авторов: «Хулио Хуренито» *И. Эренбурга* (*Е. Полонская*), «Лиллюли» *Ром. Роллана* (*Гизетти*), «Человек из зеркала» *Верфеля*, «Голем» *Мейринка* (*Гизетти*) и научно-философским произведениям — «Мнимости в геометрии» *П. Флоренского* (*Е. Виссель*) и «Истории Русской Философии» *Г. Шпета* (*А. Гизетти*).

Отдельное заседание было посвящено впервые опубликованной Центрархивом «Исповеди *Ставрогина*»¹³³ (участвовали *Чебышев-Дмитриев, Штейнберг, Иванов-Разумник*).

Кроме того, были устроены два литературных вечера новой поэзии при участии: Вагинова, Данько, Колбасьева, Полонской, Рождественского, Тихонова и др. Одно заседание было посвящено литературному течению «имажинизма» с участием его петроградских представителей (Золотницкий, Полоцкий, Шмерельсон).

Целый ряд бесед был посвящен самой работе Вольной Философской Ассоциации, обсуждению ее сущности и подведению итогов ее деятельности.

В 1923 году работали два кружка: по изучению творчества Александра Блока и Андрея Белого; в них были заслушаны и обсуждены следующие доклады:

1. Иванов-Разумник — «Символисты и их предшественники».
2. Е. Иванов — «Блок и Пушкин».
3. Гизетти — «История печатного текста стихотворений Блока».
4. Е. Иванов — «Стихи Блока».
5. Бородин и Шик — «Блок и Соловьев».
6. Межирицкий — «О I-м томе Блока».
7. Макридин — «О символизме Блока».
8. Евг. Иванов — «Мать и сын (стихи Блока о его матери)».

В кружке по изучению творчества Андрея Белого были заслушаны следующие сообщения:

1. Д. Пинес — «Обзор творчества А. Белого».
2. Векслер — «“Символизм” А. Белого».
3. Виссель — «А. Белый в журнале “Весы”».
4. Лозовой — «Книги Белого о “кризисе жизни”, “кризисе мысли” и “кризисе культуры”».
5. Беседа о заграничных статьях А. Белого.
6. Вагнер — «О “Первой симфонии” А. Белого».

Работа Вольной Философской Ассоциации в июле 1923 г. выразилась в следующих лекциях и докладах:

1. Иванов-Разумник — «О “Петербурге” А. Белого».
2. Беседа о Вольной Философской Ассоциации: «Критическое в В.Ф.А.». Вступительное слово Е. Иванова.
3. Беседа о философии: «Философия и смерть» — доклад Я. Гордина.
4. «Сон в пустыне» — пьеса Вл. Гиппиуса.

Список членов Вольной Философской Ассоциации¹³⁴

№	фамилии	воз- раст	профессия или служба	адрес
1.	Иванов Разумник Васильевич	42	литератор	Колпинская, 20, Детское Село
2.	Иванов Евгений Павлович		сотрудник губстата	Карповка, 18
3.	Эрберг Константин Александрович	50	литератор	Международ- ный, 40
4.	Векслер Александра Лазаревна	22	студентка	Загородный, 30
5.	Фехнер Елена Юльевна		«	Миргород- ская, 3
6.	Шимкевич Маргарита Антоновна	38	служащая же- лезной дороги	Серпуховская, 12
7.	Броварская Евгения Борисовна		служащая го- родской по- жарной дру- жины	6 ^{ая} линия, 23
8.	Гордин Яков Исаакович	26	лектор	Ординарная, 10/23
9.	Пинес Дмитрий Михайлович	32	сотрудник Центросоюза	4 Рождествен- ская, 8
10.	Казем-Бек Любовь Ивановна	45	акушерка	Верейская, 35
11.	Виссель Екатерина Юстусовна		преподаватель	} Бармалесва, 5
12.	Виссель Мария Юстусовна		губстатотдел	
13.	Уханова Анна Васильевна	38	преподаватель	8 Рождествен- ская, 23, кв. 4
14.	Межирицкий Моисей Ефимович	31	студент	Сергиевская, 56
15.	Чебышев-Дмитриев	45	преподаватель	Кабинетская, 22
16.	Гизетти Александр Алексеевич	35	литератор	Проспект Маклина
17.	Форш Ольга Дмитриевна	40	литератор	Мойка, 59
18.	Александровская Нина Васильевна	26	библиотекарь	Фонтанка, 116

впервые опубликованной в журнале «Былое» (1922. № 18).

¹³⁴ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 25–25 об. Документ был составлен Д. М. Пинесом 3 июля 1923 г. (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 23). Сокращения раскрываются без дополнительных пояснений. Список членов ВФА, датированный 19 мая 1923 г., см. также: ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9.

19. Вагнер Николай Петрович	24	студент	
20. Мейер Александр Александрович	40	библиотекарь	Главная Публичная Библиотека
21. Петров-Водкин Кузьма Сергеевич		художник	Академия Художеств, Васильевский Остров
22. Хмурая Ольга Филимоновна	29	преподаватель	Жуковского, 3, кв. 28
23. Данилевский Петр Яковлевич	40	врач	Николаевская набережная, 37
24. Осокин Петр Михайлович			
25. Вивьен Сергей Сергеевич	29	студент	Ул. Марата, 61
26. Любарская Елена Константиновна			Троицкая, 25
27. Лозовой Николай Григорьевич	19	студент	Шпалерная, 3
28. Орлова Вера Николаевна	24	студентка	Петроградская Сторона
29. Лебедев Вячеслав		«	
30. Шик Хина Ильинична		«	
31. Меринг Надежда Михайловна	30	преподаватель	Васильевский Остров
32. Шапиро Бернанд Маркович	56	врач	
33. Кузнецов Николай Николаевич		служащий	Фонтанка, 152
34. Газе Мария Федоровна	22	служащая	Стремянная, 1
35. Бараш Сарра Соломоновна	21	студентка	Международный, 40
36. Женевская Софья Давыдовна		зубной врач	
37. Быховская Софья Давыдовна		«	Разъезжая
38. Каплун Софья Гитмановна	21	студентка Академии Художеств	} Мойка, 14
39. Каплун Клара Гитмановна		служащая наркоминдел	
40. Штейнберг Арон Захарович	32	литератор	} (в Берлине)
41. Белый Андрей (Бугаев Борис)	42	«	
42. Шутасва Анна Васильевна	19	студентка	Б. Монетная, 13
43. Бинат Федор Никитич	29	студент	Мытнинская наб., 3
44. Борачевская Мария Васильевна	18	студентка	Рабфак
45. Эбериус Валентин Алексеевич	30		Заводская, 8
46. Иванова Лидия Григорьевна	32	учительница	4 Рота, 19

47. Чубманс Сарра Израилевна	34	служащая	Троицкая, 23
48. Шеманский Анатолий Владимирович	18	студент	Колокольная площадь
49. Аронсон Тамара Наумовна	23	«	Невский, 32
50. Потехина Анна Даниловна	31	«	Торговая, 25
51. Васильев Александр Васильевич	65	профессор	Петроградский Университет

Письмо Я. Гордина к Конст. Эрбергу¹³⁵

Уважаемый Конст<антин> Алекс<андрович>.

К В<ам> следующая вольфильская просьба.

В понедельник 9 июля на Фонтанке будет доклад Разумника Вас<ильевича> на тему «Петербург» Белого¹³⁶. Мы решили приложить все усилия, дабы собрать публику. В частности, *нужно поместить в «Правде» заметку, объявление или ч<то>-л<ибо> о предстоящем заседании*. Посему, б<ыть> м<ожет>, Вы переговорили бы с Арским или оставили бы записку для него. Если можно, то желательно осуществить подобное и в отношении «Последних Новостей» – в понедельник и в «Жизни Искусства»¹³⁷. Зайду к Вам завтра – четверг – около двух часов дня. Если можно, то оставьте записки для передачи мне.

Привет от Раз<умника> Вас<ильевича> и Дм<итрия> Мих<айло-вича> (я вчера был в Царском; кстати, моя поездка в Москву увенчалась успехом¹³⁸).

Ваш Я. Гордин.

Среда 4 июля <1923 г.>

№ 68. Л. 29–29 об.

¹³⁵ ИРЛИ. Ф. 474. № 112. Л. 1–1 об.

¹³⁶ Речь идет о статье Иванова-Разумника «Петербург», которая была написана в марте – апреле 1923 г. и позже опубликована в его книге «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый» (Пг.: Колос, 1923. С. 105–171).

¹³⁷ Информация о предстоящем заседании опубликовали «Петроградская правда» в рубрике «Лекции, диспуты и доклады»: «Завтра 9 июля. <...> *Вольная Философская Ассоциация* (Фонтанка, 50, кв. 25). Открытое заседание. Доклад Иванова-Разумника – “Петербург” Андрея Белого. Нач. в 7 ч. 30 м. в.» (1923. 8 июля. № 151. С. 6), а также газета «Последние новости» в рубрике «Художественная хроника» (1923. 9 июля. № 29. С. 3). В еженедельнике «Жизнь искусства» объявление о предстоящем заседании Вольфилы не появилось.

¹³⁸ Речь, вероятно, шла о полученном Гординым разрешении выехать

Уведомление¹³⁹

4 августа 1923 г.

В Петроградское Управление
Научных Учреждений

№ 36

Вольная Философская Ассоциация уведомляет Вас, что ею назначены следующие заседания в течение августа месяца:

6 августа — Е. П. Иванов — Воспоминания о Блоке.

13 « — Е. Замятин — Чтение романа «Мы».

17 « — Беседа о литературе и философии.

20 « — Неиздан<ные> произведения Блока.

27 « — М. Бекетона — Мать поэта Блока.

Заседания состоятся в помещении В.Ф.А. по Фонтанке 50/25. Начало в 7½ ч. веч.

Секретарь ВФА Дм. Пинес.

Из письма Е. И. Замятина к Л. Н. Замятиной¹⁴⁰

СПб. 5—VIII—1923

Однажды (в пятницу) был Разумник-Иванов, завтракал, сидел долго. Читал он мой роман¹⁴¹, очень ему понравился. Основное его возражение, что Д-503 мыслит, так же, как я, автор «Островитян» — слишком современно-импрессионистически и образно. Просит читать весь роман целиком в Вольфиле, по пятницам. Вероятней всего, первый раз — в ближ<айшую> пятницу — я буду читать сам, а затем — если уеду (вероятно) — пятницы 2—3 будет читать кто-нибудь¹⁴².

в Германию. 25 июля Гордин вновь был командирован в Москву по запросу Главнауки от 4 июля 1923 г. «с просьбой ответа по существу организации» (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 26—27).

¹³⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 37.

¹⁴⁰ Письма к Л. Н. Замятиной // Рукописные памятники. Вып. 3. Ч. 1. Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997. С. 245.

¹⁴¹ Речь идет о романе «Мы», который был завершен к середине 1921 г., но не был разрешен к публикации цензурой. Подробнее см.: А. Ю. Галушкин. К «допечатной» истории романа «Мы» (1921—1924) // Темы и вариации: Сб. статей и материалов к 50-летию Лазаря Флейшмана. Stanford, 1994. P. 366—375.

¹⁴² В письме от 12 августа Е. Замятин сообщал жене: «В пятницу в Вольфиле читал начало, 12 глав, романа (продолжать будут еще две пятницы без меня)» (Письма к Л. Н. Замятиной. С. 249). Ср. также рассказ о чтении писа-

К годовщине смерти А. А. Блока¹⁴³

7 августа исполняется вторая годовщина смерти Александра Блока.

Памяти покойного будут посвящены четыре понедельника Вольной Философской Ассоциации. Первый из них сегодня в 7 ч. 30 м. вечера на Фонтанке, 50. Е. П. Иванов прочтет «Воспоминания о Блоке». <...>

Мать Блока¹⁴⁴

В понедельник 27 августа в Вольной Философской Ассоциации (Фонтанка, 50, кв. 25) в 7½ ч. веч. Состоится заседание по случаю полугодовщины со дня смерти матери Блока, Александры Андреевны Кублицкой-Пиоттух (сконч. 25 февраля 1923 г.). Сестра покойной М. Бекетова прочтает из своей ненапечатанной книги «Александр Блок и его мать»¹⁴⁵ главы, посвященные жизни матери поэта и ее влиянию на сына.

Уведомление¹⁴⁶

1 сентября 1923 г.

№ 38

В Отдел Управления Райсовета

Центрального Района

Вольная Философская Ассоциация оповещает Вас, что ею намечены в сентябре следующие заседания:

3 сентября — М. Бекетова — Отроческие годы Ал. Блока.

6 и 13 « — Александр Блок и его эпоха (по воспоминаниям Андрея Белого).

10 « — А. Гизетти — Женская гордость в романе Достоевского.

17 « — Е. Иванов — О «Вершинах» Иванова-Разумника.

20 и 27 « — Вл. Гиппиус — чтение поэмы.

24 « — Беседа о философии истории.

Фонтанка 50, кв. 25. — Начало в 7½ ч. веч.

Секретарь В.Ф.А. Дм. Пинес.

телем романа «Мы» в воспоминаниях Н. И. Гаген-Торн (Memoria. С. 39–41).

¹⁴³ Последние новости. 1923. 6 августа. № 33. С. 4.

¹⁴⁴ Последние новости. 1923. 27 августа. № 37. С. 4. Объявление о предстоящем заседании также напечатано в рубрике «Лекции, диспуты и доклады» газеты «Петроградская правда» (1923. 26 августа. № 191. С. 6).

¹⁴⁵ Книга, завершенная в июне 1923 г., увидела свет в издательстве «Петроград» (Л.–М.) в 1925 г.

Лекции, диспуты и доклады¹⁴⁷**Сегодня, 6 сентября**

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

«Александр Блок и его эпоха в воспоминаниях Андрея Белого».

Нач. в 7 ч. 30 м. в.

Лекции, диспуты и доклады¹⁴⁸**Понедельник, 10 сентября**

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

А. Гизетти — Загадка женской гордости в романах Достоевского.

Нач. в 7 ч. 30 м. в.

Сентябрь в Вольной Философской Ассоциации¹⁴⁹

После августовского «блоковского» цикла, заканчивавшегося воспоминаниями М. Бекетовой об отроческих годах Блока и издаваемом поэтом «Вестнике» Вольная Фил. Ассоц. наметила в сентябре ряд докладов и чтений.

В понедельник (7 Сентября доклад Е. П. Иванова-Разумника «О “Вершинах”» (по поводу новой книги о Блоке и А. Белом)¹⁵⁰.

В четверг (20 сент.) продолжается чтение воспоминаний Андрея Белого об Алекс. Блоке и его эпохе (напечатано в берлинском журна-

¹⁴⁶ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 57.

¹⁴⁷ Петроградская правда. 1923. 6 сентября. № 200. С. 6.

¹⁴⁸ Петроградская правда. 1923. 9 сентября. № 203. С. 5.

¹⁴⁹ Последние новости. 1923. 17 сентября. № 40. С. 4.

¹⁵⁰ Подразумевается доклад Е. П. Иванова, посвященный книге Иванова-Разумника «Вершины. Александр Блок. Андрей Белый» (Пб., 1923). Ср. с письмом Иванова-Разумника к Андрею Белому от 26 ноября 1923 г.: «В заключение — два слова о Ваших двух словах о моем “Петербурге” по поводу Вашего “Петербурга”... Большое спасибо за них; Ваше слово было первым добрым словом, услышанным мною об этой статье. Все друзья и приятели (и вольфильцы — тож) хранили и хранят по поводу моей статьи сконфуженное молчание, слегка осуждающее, слегка извиняющее; вот уже 3—4 месяца прошло, а Ваши слова — первый отклик...» (Андрей Белый и Иванов-Разум-

ле «Эпопея»¹⁵¹). Все заседания происходят в помещении Вольфилы (Фонтанка, 50, кв. 25). Начало в 7½ час. вечера.

Уведомление¹⁵²

4 октября 1923 г.

В Отдел Управления Райсовета

№ 41

Центрального Района

Вольная Философская Ассоциация извещает Вас, что ею намечены следующие научные заседания:

7 октября — Беседа о философии истории и религии.

15 октября — Беседа о литературе и искусстве.

11, 18 и 25 октября — Литературные чтения (поэзия и проза).

Фонтанка, 50, кв. 25. Начало в 7½ ч. веч.

Секретарь В.Ф.А. Дм. Пинес.

Уведомление¹⁵³

3 ноября 1923 г.

В Отдел Управления Райсовета

№ 44

Центрального Района

Вольная Философская Ассоциация доводит до Вашего сведения, что ею намечены следующие заседания:

19 ноября — Е. Замятин — О современной русской литературе.

12 « — Материалы к биографии Владим<ира> Соловьева¹⁵⁴.

22 « — Литературный вечер — Поэзия и проза.

29 « — Вечер памяти Блока (Неизданные произведения).

Начало в 7½ ч. — Фонтанка 50/25.

Секретарь ВФА Дм. Пинес.

ник. Переписка. С. 261).

¹⁵¹ «Воспоминания о Блоке» Андрея Белого впервые были опубликованы в «литературном ежемесечнике под редакцией Андрея Белого» (№ 1–3) «Эпопея», а затем в одноименном «литературном сборнике» (№ 4), который выходил в издательстве «Геликон» (М.—Берлин). См.: 1922. № 1. С. 123–273; № 2. С. 105–299; № 3. С. 125–309; 1923. № 4. С. 61–305. Очевидно, на заседании Вольфилы зачитывалась последняя часть мемуаров.

¹⁵² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 62.

¹⁵³ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 64.

¹⁵⁴ Вероятно, выступление Сергея Михайловича Лукьянова (1855–1935) — врача, литературного критика, публициста, автора книги «О Владимире Соловьеве в его молодые годы. Материалы к биографии», третий том которой

Разное¹⁵⁵

Беседа о Новой русской прозе. 19 ноября в Вольной Философской Ассоциации (Фонтанка, 50, кв. 25) состоится доклад Е. И. Замятина: «Новая русская проза»¹⁵⁶. После доклада беседа.

Начало в 8 ч. вечера.

Лекции, диспуты и доклады¹⁵⁷

Завтра, 26 ноября

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

Воспоминания Н. М. Кузьмина — «Толстой и революционеры». Нач. в 8 ч. в.

Лекции, доклады, диспуты и музеи¹⁵⁸

Вольная философская ассоциация (Фонтанка 50, кв. 25). Заседание, посвященное памяти А. А. Блока (к годовщине со дня его рождения — 16/28 ноября 1880 г.) — 1) дневник Блока за 1917–1918 гг. и 2) доклад Е. Ф. Книпович, нач. в 8 ч. веч.

Уведомление¹⁵⁹

5 декабря 1923 г.

№ 56

В Петроградское Управление

Научных Учреждений Акцентра

Вольная Философская Ассоциация извещает Вас о том, что в течение сентября — ноября 1923 г. ею были устроены следующие доклады и беседы:

вышел в Петрограде в 1921 г.

¹⁵⁵ Последние новости. 1923. 19 ноября. № 50. С. 4. Объявление о предстоящем заседании опубликовано также в рубрике «Лекции, диспуты и доклады» газеты «Петроградская правда» (1923. 18 ноября. № 262. С. 8).

¹⁵⁶ Журнал «Русское искусство», на страницах которого была опубликована одноименная статья Е. И. Замятина (№ 2/3. С. 56–57), вышел в середине августа 1923 г. См.: Е. И. Замятин. Я боюсь: Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М., 1999. С. 305 (Комм. А. Ю. Галушкина). См. также отчет А. Г. <А. А. Гизетти> «Дискуссии о современной литературе» (Русский современник. 1924. № 2. С. 275–276).

¹⁵⁷ Петроградская правда. 1923. 25 ноября. № 268. С. 8.

¹⁵⁸ Красная газета. 1923. 29 ноября. № 271. С. 6.

1. М. Бекетова – Отроческие годы А. Блока.
 2. А. Блок и его эпоха в воспоминаниях А. Белого.
 3. А. Гизетти – Проблема женской гордости в романах Достоевского.
 4. Е. Иванов – О «Вершинах» Иванова-Разумника.
 5. Беседа о философии истории и религии.
 6. Д. Чертков – Социализм и христианство¹⁶⁰.
 7. Е. Замятин – О современной русской литературе.
 8. « » – Новая русская проза.
 9. Н. Кузьмин – Толстой и революционеры.
 10. Памяти А. Блока – а) Доклад Е. Книпович; б) Дневник Блока за 1918 г.
- Председатель ВФА Р. Иванов
Секретарь Дм. Пинес

Лекции, диспуты и доклады¹⁶¹

Завтра, 3 декабря

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

Лекция Чебышева-Дмитриева – «О Достоевском» (Карамазов и чистилище). Нач. в 8 ч. в.

Уведомление¹⁶²

5 декабря 1923 г.

№ 57

В Петроградское Управление
Научных Учреждений Акцентра

Вольная Философская Ассоциация извещает Вас, что в декабре с<его> г<ода> сю намечены следующие доклады и заседания:

1. 3 декабря – А. Чебышев-Дмитриев – Карамазов и чистилище.
2. 6 декабря – Литературный вечер – а) Стихи Вс. Рождественского и б) повесть Доливо-Добровольского: «Как прекрасна – жизнь».
3. 10 декабря – А. М. Редько¹⁶³ – Литература, искусство и истина.

¹⁵⁹ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 38.

¹⁶⁰ Заседание состоялось 7 октября (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 69); ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 64.

¹⁶¹ Петроградская правда. 1923. 2 декабря. № 274. С. 8.

¹⁶² ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 71.

¹⁶³ Александр Мефодьевич Редько (1866–1933) – литературовед, критик,

4. 13 декабря — Акмеизм и творчество Гумилева. Доклад А. Рашковской¹⁶⁴.

5. 17 декабря — А. Гизетти — О «Воспоминаниях» Рабиндраната Тагора¹⁶⁵.

Секретарь ВФА (Пинес).

Лекции, доклады, диспуты и музеи¹⁶⁶

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50/25). Литературный вечер. 1) Вс. Рождественский — «Третья книга стихов». 2) А. Долово-Добровольский — из неизданной книги «Какая радость — жизнь». Нач. в 8 ч. веч.

Лекции и диспуты¹⁶⁷

В понедельник, 10 декабря, **Вольная Философская Ассоциация** (Фонтанка, 50, кв. 25). Доклад А. М. Редько: «Литература, художество и истина». Начало в 8 час.

Лекции, доклады, диспуты и музеи¹⁶⁸

Вольная философ<ская> ассоциация (Фонтанка, 50—25). Доклады: А. Рашковская — «Акмеизм и творчество Н. Гумилева». А. Гизетти. «Неизданная статья Блока». Нач. в 8 ч. веч.

Лекции, диспуты и доклады¹⁶⁹

Завтра, 13 декабря

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25). «Акмеизм и творчество Гумилева» — доклады Рашковской и Гизетти и др. Нач. в 8 ч. в.

этнограф.

¹⁶⁴ Августа Натановна Рашковская — автор ряда статей о современной литературе в петроградском еженедельнике «Жизнь искусства».

¹⁶⁵ См.: *Р. Тагор. Воспоминания* / Пер. с предисл. и прим. М. И. Тубянского. М.—Л., 1924.

¹⁶⁶ Красная газета. 1923. 6 декабря. № 277. С. 6.

¹⁶⁷ Последние новости. 1923. 10 декабря. № 53. С. 4.

¹⁶⁸ Красная газета. 1923. 13 декабря. № 283. С. 6.

Из письма Иванова-Разумника к Ф. К. Сологубу¹⁷⁰

15 января 1924.

Царское Село.

В начале будущей недели в закрытом заседании Вольфила мы начинаем серию чествований (еще предстоят в Институте Живого Слова, в Университете, в Госиздате и т. д.)¹⁷¹, и обращаемся к Вам с просьбой: не могли бы Вы дать нам для оглашения в этом заседании серию неизданных Ваших стихотворений — любых годов, от 1884-го до 1924-го и в любом количестве, которое сами найдете нужным. Если можно — большое спасибо заранее.

Лекции, диспуты и доклады¹⁷²**Завтра, 21 января**

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

Беседа — «Бальмонт, Брюсов, Сологуб».

Лекции, диспуты и доклады¹⁷³**Сегодня, 24 января**Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка 50, кв. 25). Чтение романа Форш — «Одеты камнем»¹⁷⁴. Нач. в 8 ч. в.

¹⁶⁹ Петроградская правда. 1923. 13 декабря. № 283. С. 6.

¹⁷⁰ ИРЛИ. Ф. 289. Оп. 6. № 134. Л. 1.

¹⁷¹ Речь идет о 40-летнем юбилее творческой деятельности Ф. Сологуба. От Вольфила на общем юбилейном собрании (первоначально назначенном на 28 января и перенесенном на 11 февраля в связи с трауром, объявленным по поводу кончины В. И. Ульянова-Ленина) с приветственной речью выступил А. А. Гизетти.

¹⁷² Петроградская правда. 1924. 20 января. № 17. С. 8. Ср. также: «В Вольной философской ассоциации 21 января состоится беседа о Бальмонте, Сологубе и др. поэтах» (Хроника // Жизнь искусства. 1924. 15 января. № 3. С. 29).

¹⁷³ Петроградская правда. 1924. 24 января. № 19. С. 6.

¹⁷⁴ Роман О. Форш «Одеты камнем (Таинственный узник Алексеевского равелина)» впервые вышел в московском издательстве «Россия» в 1925 г.

Уведомление¹⁷⁵

1 февраля 1924 г.

№ 12

В Ленинградское отделение

Академического Центра (Садовая, 8)

Вольная Философская Ассоциация настоящим извещает, что в январе 1924 г. ею устроены следующие беседы и чтения:

1. Воспоминания П. Н. Андреева о Леониде Андрееве¹⁷⁶.

2. Е. П. Иванов — Кукольный Дом (о литературе).

3. Беседа — «Бальмонт, Брюсов, Сологуб» (к 40-летию творчества Сологуба) при участии Иванова-Разумника, Гизетти и др.

4. Чтение романа О. Д. Форш — «Одеты камнем» (на тему фильма «Дворец и крепость»¹⁷⁷).

Председатель ВФА Р. Иванов

Секретарь Дм. Пинес.

Обращение¹⁷⁸

5 февраля 1924 г.

№ 14

В Отдел Управления

Ленинградгубисполкома <...>

Вольная Философская Ассоциация просит В<ашего> разрешения заменить в своей печати — наименование «Петроград» на «Ленинград». Секретарь ВФА Дм. Пинес.

Лекции, диспуты и доклады¹⁷⁹

Завтра, 25 февраля

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

Заседание памяти Кублицкой-Пиоттух, матери поэта Блока. Началось в 8 ч. в.

¹⁷⁵ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 23.

¹⁷⁶ Павел Николаевич Андреев (1878—1923) — брат Л. Н. Андреева. См.: П. Н. Андреев. Воспоминания о Леониде Андрееве // Литературная мысль: Альманах. III. — Л., 1925. С. 140—207. Очевидно, инициатива этого заседания принадлежала А. А. Гизетти, который, будучи сотрудником Пушкинского Дома, принимал участие в редактировании текста мемуаров и составлении примечаний.

¹⁷⁷ Художественный фильм «Дворец и крепость» по сценарию О. Форш и П. Щеголева (по мотивам романа О. Форш «Одеты камнем» и повести П. Щеголева «Таинственный узник»), поставленный режиссером А. Ивановским, вышел на экраны в январе 1924 г.

¹⁷⁸ ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 32. Л. 23.

¹⁷⁹ Ленинградская правда. 1924. 24 февраля. № 45. С. 8.

Уведомление¹⁸⁰

4 марта 1924 г.

В Ленинградское Отделение

№ 18

Акцентра

Вольная Философская Ассоциация настоящим оповещает Вас, что в феврале м<еся>це с<его> г<ода> ею устроены следующие доклады и чтения:

1. Е. Лундберг – Из «Записок Писателя».
2. А. Скалдин – Две поэмы.
3. «Мать Блока» – Памяти А. Кублицкой-Пиоттух.
- а) М. Бекетова – Из биографии матери Блока.
- б) Е. Иванов – Письма А. Кублицкой-Пиоттух.
- в) Н. Павлович – Воспоминания.

Секретарь ВФА Дм. Пинес.

Лекции, доклады, диспуты и музеи¹⁸¹

Завтра 10 марта

Вольная Философская Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25). Доклад А. Рашковской: «Современная русская литература». Нач. в 8 час. веч.

Лекции и диспуты¹⁸²

Сегодня, 17 марта

Вольн. Философ. Ассоциация (Фонтанка, 50, кв. 25).

Доклад Н. Пунина о границах искусства и науки. Нач. в 8 ч. в.

Уведомление¹⁸³

5 апреля 1924 г.

В Главное Управление Ленинградских

№ 29

Научных Учреждений

Вольная Философская Ассоциация извещает Вас, что в марте 1924 г.

¹⁸⁰ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 41.

¹⁸¹ Красная газета. 1924. 9 марта. № 57. С. 8.

¹⁸² Последние новости. 1924. 17 марта. № 10. С. 4. Объявление о предстоящем заседании опубликовано также в рубрике «Лекции, диспуты и доклады» газеты «Ленинградская правда» (1924. 16 марта. № 62. С. 7) и рубрике «Лекции, доклады, диспуты и музеи» «Красной газеты» (1924. 16 марта. № 62. С. 8).

¹⁸³ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 42.

ее деятельность выразилась в устройстве следующих лекций и собеседований:

- 1) Михайловский и современная культура (к 20-летию со дня смерти) — доклад А. Гизетти.
- 2) Современная русская литература — [доклад] А. Рашковской.
- 3) Границы искусства и науки — [доклад] Н. Пунина.
- 4) Вечер сказок Серовой¹⁸⁴.
- 5) «Рождение и творчество» — Беседа при участии Е. Иванова, В. Лебедева, Б. Западалова.
- 6) Литературный вечер — Беседа о книге Шестова «Potestas Clavium»¹⁸⁵.
- 7) О книге Бореля «Случай»¹⁸⁶ (теория вероятностей) — доклад А. Чебышева-Дмитриева.

Секретарь ВФА Дм. Пинес.

Обращение¹⁸⁷

8 апреля 1924 г.

№ 31

В Главное Управление
Ленинградских Научных Учреждений

В виду требования Административного Отдела Ленинградского Губисполкома представить при перерегистрации Вольной Философской Ассоциации соответствующую справку от Акцентра, Вольная Философская Ассоциация просит Вас дать удостоверение о том, что Ассоциация зарегистрирована в Акцентре, а также о том, что со стороны Акцентра не встречается препятствий к перерегистрации Вольной Философской Ассоциации.

Председатель Р. Иванов.

Секретарь Дм. Пинес.

Приложение: 4 экземпляра Устава ВФА.

¹⁸⁴ Мария Михеевна Серова — автор сказок и стихов для детей. См., напр.: *М. Серова. Сборник русских сказок.* — М.; Пг., 1923; *ее же. Новгородские сказки.* — Л.; М., 1924.

¹⁸⁵ Книга Льва Шестова «Potestas Clavium» («Власть ключей») вышла в берлинском издательстве «Скифы» в феврале 1923 г.

¹⁸⁶ См.: Э. Борель. Случай. — М.; Пг., 1923.

¹⁸⁷ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 43. В верхнем левом углу письма резолюция, решившая судьбу Вольфилы: «Вольная Философская Ассоциация не может быть зарегистрирована как научное общество. 30/IV. М. Кристи».

Устав Вольной Философской Ассоциации¹⁸⁸**I. Общие положения.**

1. Вольная Философская Ассоциация имеет целью объединение в Ленинграде лиц, работающих в области научного, социального и художественного творчества на почве общего стремления философски осмыслить свою работу, а также научную разработку относящихся к этой области вопросов, распространение соответствующих сведений и пробуждение интереса к задачам Ассоциации в общественной среде.

2. Для осуществления указанных в п. 1 целей, Вольная Философская Ассоциация

а) заслушивает и обсуждает доклады по всем вопросам культурного творчества;

б) устраивает публичные чтения, доклады, диспуты, концерты, театральные представления, исполнительные собрания и т. п.

Примечание: Курсы учебного характера открываются с предварительного разрешения соответствующих органов Управления Наркомпроса.

в) организует наблюдения, сбор коллекций и материалов, поездки и экскурсии;

г) устраивает научные кабинеты, музеи, постоянные и периодические выставки и т. д.

д) создает библиотеки;

е) присуждает премии за представленные в Ассоциацию работы;

ж) печатает труды своих членов и друг<ие> оригинальные или переводные сочинения;

з) организует съезды по своей специальности.

Примечание. Поименованные в п. 2 полномочия Ассоциация осуществляет на основаниях и в пределах существующих законов.

3. Вольная Философская Ассоциация имеет печать: «Вольная Философская Ассоциация. Ленинград».

II. Состав Ассоциации.

4. Ассоциация состоит из членов: действительных и соревнователей.

5. Действительными членами Ассоциации могут быть все лица, работающие в области культурного творчества. Первыми действитель-

¹⁸⁸ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 12. Л. 9–10 об. На первом листе в верхнем левом углу помета: «Последний Устав Вольфилы, уже не зарегистрированный! 1924. Дм. П<инес>».

ными членами являются члены-учредители; вновь вступающие члены избираются на Общем Собрании Ассоциации.

6. В выборе действительных членов общее собрание ничем, кроме заботы о дальнейшем преуспевании Ассоциации, не связано.

7. Членами-соревнователями могут быть лица, желающие оказывать Ассоциации содействие в ее работах. Члены-соревнователи зачисляются Советом Ассоциации согласно их письменным заявлениям. В собраниях Ассоциации они пользуются лишь правом совещательного голоса и не могут быть избираемы в состав должностных лиц.

8. Размер членских взносов для действительных членов и сроки их уплаты устанавливаются Общим Собранием. Последнему предоставляется право освобождение от уплаты членских взносов членов, не могущих внести таковых, или членов, являющихся активными работниками в Ассоциации.

Примечание. Члены Ассоциации, не внесшие установленных членских взносов в течение установленного срока, считаются выбывшими из состава Ассоциации, но вступают вновь по внесении числящихся за ними взносов без нового избрания.

9. Списки членов Ассоциации ежегодно представляются в орган НКВД, зарегистрировавший Общество, в 2-х экземплярах.

10. Выбытие из числа членов Ассоциации может иметь место либо по личному заявлению выбывающего, либо по постановлению 2/3 наличного числа членов Ассоциации по спискам, причем исключение в последнем случае может иметь место лишь при наличии со стороны исключаемого лица порочащих Ассоциацию поступков или уголовно наказуемого деяния.

III. Средства Ассоциации.

11. Средства Ассоциации составляются из

- а) субсидий правительственных и общественных учреждений,
- б) членских взносов и пожертвований,
- в) доходов от продажи изданий, сбора за вход на лекции, выставки, собрания и других поступлений.

IV. Собрание Ассоциации.

12. Собрания Ассоциации созываются Советом Ассоциации, обязательно с предварительного извещения ГОУ не позже, чем за три дня до срока собрания, и разделяются на очередные и распорядительные.

13. Собрания Ассоциации созываются повестками или объявлениями и считаются состоявшимися — очередные при всяком числе собравшихся членов, распорядительные — при наличии определенного

кворума, устанавливаемого Советом Ассоциации, о чем сообщается в повестках на Собрание.

14. Очередные собрания, созываемые для заслушивания и обсуждения научных докладов и вопросов, связанных с текущей деятельностью Ассоциации, являются открытыми.

15. Распорядительные Общие Собрания, созываемые не менее одного раза в год, а также по постановлениям Ревизионной Комиссии или по заявлению не менее 10 действительных членов Ассоциации, причем Совет обязан в таковых случаях созвать собрание в недельный срок.

16. Все дела решаются открытым голосованием, простым большинством присутствующих действительных членов Ассоциации, кроме вопросов об изменении настоящего Устава, об исключении членов Ассоциации и ее закрытии, для положительного решения которых требуется большинство не менее 2/3 голосов присутствующих членов. Передача права голоса не допускается. В случае равенства голосов – вопрос считается отклоненным.

17. Общие распорядительные собрания.

а) избирают председателя Ассоциации, его заместителей, членов Совета и друг<их> должностных лиц Ассоциации, действительных членов и членов Ревизионной Комиссии;

б) утверждают инструкцию для Ревизионной Комиссии, должностных лиц и органов Ассоциации;

в) рассматривают и утверждают предложения, вносимые через Совет Ассоциации;

г) организуют секции и особые комиссии;

д) исключают членов Ассоциации;

е) устраивают размер членских взносов;

ж) рассматривают и утверждают заключение Ревизионной Комиссии, отчеты Совета о деятельности Ассоциации, предположения о дальнейшей работе и смете;

з) обсуждают предположения об отступлениях от общего Устава Ассоциации или его дополнения.

Примечание. Принятые Ассоциацией отступления от общего Устава или его дополнения поступают на утверждение в установленном порядке.

и) обсуждают вопросы о закрытии Ассоциации.

18. Совет Ассоциации является ее исполнительным органом и состоит из председателя Ассоциации, его заместителей, казначея и членов Совета, избираемых Общим Собранием на 1 год и в числе, установленном Общим Собранием. Перевыборы членов Совета могут быть произведены и до истечения срока их полномочий.

19. О составе избранного Совета и о всех происходящих в нем изменениях сообщается соответствующему органу НКВД.

20. Совет наблюдает за исполнением постановлений Общих Собраний и правильным течением деятельности Ассоциации, и ведает административной, финансовой и хозяйственной частью, неся ответственность за направление и результаты деятельности Ассоциации.

21. Совет Ассоциации составляет отчет о ежегодной деятельности Ассоциации и публикует таковой во всеобщее сведение. В случае неопубликования Ассоциацией отчета о ее годичной деятельности в 3-х месячный срок, по истечении такового Ассоциации считается прекратившей свое существование.

VI. Ликвидация Ассоциации.

22. Ассоциация может быть закрыта, как по распоряжению правительственных органов, так и по постановлению Общего Собрания Ассоциации.

23. В случае ликвидации по постановлению Общего Собрания, Совет Ассоциации предоставляет о том мотивированный доклад в Главнауку и руководствуется ее указаниями.

24. Все имущество, принадлежащее Ассоциации, в случае ее закрытия поступает в распоряжение Народного Комиссариата по просвещению.

Председатель

Вольной Философской Ассоциации.

Секретарь.

<Я. Л. Рабинович>

Творческая мания¹⁸⁹

I

Ответственность... Незаконченность. Мой доклад в В<ольной> фил<ософской> асс<оциации>. Вопросы. Психиатры. Евфория и мания. Жаль: слово «мания», как бы обидно. Но Платон! Без обидного смысла. Мой интерес: последняя часть. Порядок хронологический в обратном смысле.

II

Фр. Ницше. Экспертиза Вјегге. Все сочинения под знаком Заратустры в период мании. Победа над Богом и нравственным законом, антитеизм и имморализм.

¹⁸⁹ ИРЛИ. Ф. 474. № 471. Над заголовком в верхнем правом углу помета: «Тезисы».

Генезис манического антитеизма: сам Бог или всего ближе к Богу (свидетельство психиатров). Ср. Бисмарк о Лассале.

Слова Роде Овербеку 1886 г.: «Знаете, чего я боюсь и предвижу для позднейших лет Н<ище>? Он преклонится перед крестом» (Overbeck II, 164). Слова Циглера (Geist. Strömungend. XIX Jh.): Der Umschlag von Antichrist zum Christ lag bei N. näher, als man glaubt¹⁹⁰ (приблиз<ительно>).

1) Антитеистические изречения Н<ище> из Заратустры:

Если бы Бог был, то как вынес бы я сознание, что я не Бог? Итак, нет богов. Некогда я вывел это заключение: теперь оно выводит меня». Доказательность. Логическая? («президент С<оединенных> Шт<атов>»). Но психологическая мания.

Заратустра 375. Слишком многое ему не удавалось, этому недоучившемуся гончару. Но что он мстил своим горшкам и созданиям за то, что они ему не удавались, — это было грехом против хорошего вкуса!

«Есть и в благочестии хороший вкус, он сказал наконец: не надо нам такого бога. Лучше не быть Богу, лучше на свой страх делать судьбу, лучше самому быть богом».

«Что слышу я? — сказал старый папа, насторожив уши. О, Зар<ату>стра, ты благочестивее, чем ты думаешь, с таким неверием! Какой-то бог в тебе обратил тебя в такое безбожие?»

Рубеж — Антихрист. Ср. его конец: и люди считают время с того несчастного дня, когда этот рок начался — с первого дня христианства. Почему не считать его лучше с его последнего дня? С сегодняшнего? Переоценка всех ценностей.

Перед изданием Антихриста: убийца Бога. «Мир полон смрада от разложения убитого Бога». «Через два года земля забьется в судорогах».

2) Манический имморализм. Теория сверхчеловека: моральная фабрикация нравственных ценностей. Чезаре Борджия и пр. Его собственное признание. Об имморализме можно разговаривать, но каково его вынести? Я. например, не мог бы вынести сознания даже нарушенного слова, а не то, что убийства; моей судьбой было бы более или менее продолжительное увядание и гибель. При этом я даже не говорю о раскрытии преступления и о наказании.

¹⁹⁰ Переход от Антихриста к Христу был для Н<ище> ближе, чем принято считать (нем.).

III

Достоевский. Сопоставление. Зависимость? Невозможна. Н<ище> → Д<остоевский>? Но Д<остоевский> умер 1880¹⁹¹. Д<остоевский> → Н<ище>? Первый перевод Д<остоевского> (Раскольников) 1881, а затем при жизни Н<ище> только Подросток (*нем.*) и Униженные (*фр.*). Бесы не были переведены вовсе¹⁹². И все же сходство. Общее настроение – тв<орческая> мания.

Мания. Д<остоевский> ее изобразил в Идиоте и отчасти в Бесах. Разница: 1) Д<остоевский> эпилепсия, Н<ище> паралич. Поэтому у Д<остоевского> краткая и перемежающаяся, у Н<ище> – длительная. 2) Д<остоевский> – романист, Н<ище> – мыслитель, единственный герой своих произведений.

Манический антитеизм: Кириллов, стр. 112 и 598.

Манический имморализм: Раскольников, стр. 255 сл., особ<енно> 259. Оригинальность Раск<ольникова>? «Тысячу раз». Общий источник. Какой? Моя заметка. Необыкновенные люди – сверхчеловек. Откуда? Половой подбор. Зависимость? Нет. Платон. Евгеника – стр. 66: на бумаге. Параллель к личному признанию Н<ище>.

IV

Мицкевич: Импровизация. Крепкий кофе и табак. Мания. Звуки музыки, сосредоточение, бледность. Другой человек. «Шиллер и Гете». «Орел и пташки». Отрезвление. Великая импровизация в Дзядях, ее возникновение.

V

Лукреций: Свидетельство Иеронима и 94 г. Т.-Л. С. 9 Poeta nascitur, postea amatorio poculo in furorem versus cum aliquot libros per intervalla insaniae conscripsisset propria se manu interfecit a veteris¹⁹³ 43.9.

Начала книг I и V.

¹⁹¹ Ф. М. Достоевский скончался 28 января (ст. ст.) 1881 г.

¹⁹² Неточно: перевод романа «Преступление и наказание» на немецкий язык был осуществлен в 1882 г., а романа «Бесы» – в 1888 г.

¹⁹³ Поэт рождается, придя в неистовство от любовного напитка, и после того, как создает с небольшими промежутками несколько книг, убивает ее собственной рукой (*лат.*).

Р<абинович>

Bierre: «Гениальное безумие», соглашаясь с Möbius: dementia paralytica¹⁹⁴.

Уведомление¹⁹⁵

5 мая 1924 г.

В Ленинградское Отделение

№ 36

Главнауки

Вольная Философская Ассоциация извещает Вас, что в апреле 1924 г. ее деятельность выразилась в устройстве следующих докладов и бесед:

1) О числе — Евг. Иванов; 2) О творчестве — Я. Рабинович; 3) Гносеологический роман — Н. Русов¹⁹⁶; 4) Чтение статьи Андрея Белого — «Дневник писателя»; 5) О формальном методе; 6) Вечер поэтов (Вс. Рождественский, М. Левберг, Н. Браун, Ю. Полетика и др.; 7) Стихи М. Волошина «Путиами Каина»¹⁹⁷.

Секретарь В.Ф.Ас. Дм. Пинес.

Уведомление¹⁹⁸

<№>3171

Вольной Философской Ассоциации

7/V 24 г

В ответ на отношение от 8 апреля с/г. за № 31 Ленинградское Отделение Главнауки сообщает, что оно не находит возможным зарегистрировать Вольно-Философскую Ассоциацию в качестве научного общества, состоящего в ведении Главнауки.

Заведующий Отделением (М. Кристи).

Заведующий Научными Учреждениями (Я. Гессен).

¹⁹⁴ Парализующее безумие (лат.).

¹⁹⁵ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 52.

¹⁹⁶ Ср.: «Н. Русов работает <...> над книгой по философии искусства «Виноградная лоза», две главы из которой закончены («Гносеологический роман» и «Жизнь и разум») и предполагаются к прочтению на одном из заседаний «Вольной Философской Ассоциации» в Петербурге» (Э. Г<оллербах>. Что делается в литературе? // Вестник литературы. 1920. № 10. С. 10).

¹⁹⁷ Очевидно, М. А. Волошин, находившийся в Ленинграде с 6 апреля по 10 мая, лично выступал с чтением своих поэм, объединенных в цикл «Путиами Каина (Трагедия материальной культуры)». Ср. также письмо М. И. Комиссаровой к М. А. Волошину от 30 августа 1926 г.: «Три года назад говорила с Вами в Вольфиле...» (сообщил В. П. Купченко).

¹⁹⁸ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 53. Копия письма.

АКТ¹⁹⁹

г. Ленинград, сентября 4 дня 1924 года.

Мы, нижеподписавшиеся, сотрудник Ленинградского Отделения Главнауки Домагер Л. Л. (мандат № 6738 от 4 / IX – 24 г.) и представители Всероссийского Союза Писателей: секретарь названного Союза гр<аждан>ка Ганзен А. В. и член хозяйств<енной> компании Союза гр<ажданин> Латернер Ф. Н. составили настоящий акт в том, что на основании распоряжения Л<енинградского> О<тделения> Главнауки имущество закрытого О<бществ>а «Вольная Философская Ассоциация», принятое согласно акта от 4 сент<ября> с<его> г<ода> Главнаукой от представителей названного о<бществ>а, передано во временное пользование Всероссийскому Союзу Писателей в лице вышеназванных представителей последнего. Означенное имущество состоит из следующих предметов:

- 1) Два стола круглых.
- 2) Два дивана мягких.
- 3) Одно кресло с высокой спинкой, мягкое.
- 4) Четыре кресла мягких.
- 5) Одно большое кресло, мягкое (без ножки).
- 6) Четыре стула мягких.
- 7) Одна кушетка (мягкая).
- 8) Одно зеркало.
- 9) Одно кресло венское.
- 10) Пятьдесят один стул (венск<ие>).
- 11) Два стола канцелярских.
- 12) Один стол письменный.
- 13) Две времянки с трубами.
- 14) Два шкапа книжных.
- 15) Три пресс-бювара.
- 16) Один рояль фирмы «Ратке № 3275».
- 17) Один ковер большой, разрезанный на три части.

Примечание: Находящиеся в одном из шкапов книги в количестве 190, принадлежащие, согласно заявления представителя б<ывшей> Вольно-Философской Ассоциации, т. Кибальчичу, выехавшему в 1921–22 г. за границу, и сданные им на хранение в Вольфил<у>, переданы Союзу Писателей на хранение под расписку на черновой описи, впредь до выяснения их принадлежности Гос<ударственным> Книжным Фондом.

Настоящий акт составлен в двух экземплярах, один из которых придан представителям Союза Писателей, а другой – в Ленинградское Отделение Главнауки.

Вышеуказанное имущество передал представитель Л. О. Главнауки *Л. Домагер*.

Приняли: Член Хоз<яйственной> Ком<иссии> Вс<ероссийско-го> Союза Писат<елей> *Ф. Латнер*.

Секретарь Всероссийского Союза Писателей *А. Ганзен*.

Уведомление²⁰⁰

№ 7037

В Главнауку

13/IX 24 г

О закрытии Вольно-Философской Ассоциации.

Ленинградское Отделение Главнауки настоящим сообщает, что вследствие отказа в перерегистрации устава Общества «Вольная Философская Ассоциация» и соответствующего распоряжения Административного Отдела Ленинградского Губисполкома, названное Общество было 4-го сего сентября закрыто представителем Исполкома Центрального Городского Района в присутствии представителя Л.О.Г., принявшего на основании § 24 нормального устава научных обществ, имущество закрытого Общества.

Упомянутое имущество Отделением передано Всероссийскому Союзу Писателей, согласно ходатайства последнего.

Копии соответствующих актов прилагаются.

Заведующий Отделением (М. Кристи).

Заведующий Научными Учреждениями (Я. Гессен).

Приложение: Упомянутое на «...» листах.

Из дела фонда Иванова-Разумника²⁰¹

XXIII. Архив Вольфины.

1. Афиши (1919–1925²⁰²). 300 шт. есть дубликаты.

2. Основные документы. – Протоколы. – Объявления. – Архив.

²⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 55–55 об. Копия письма.

²⁰¹ ИРЛИ. Ф. 79. Собственноручная опись архива (большая часть которого погибла во время Второй мировой войны) была подготовлена Ивановым-Разумником, вероятно, в 1940–1941 гг.

²⁰² Указание на 1925 г. ошибочно.

3. Разные деловые документы (Автографы А. Белого).
4. Входящие и исходящие бумаги (4 папки). — Сочинения «тов. Миши».
5. Финансовые документы кассовой книги (2 папки).
6. Адресные книги (2).
- XXIV. Вольфила. Стенограммы заседаний; протоколы; тезисы; прения.
1. Речь о пролетарской культуре (Стенограмма. Речь Андрея Белого — автограф. Речи Петрова-Водкина, Эрберга, Шкловского, И.-Р. и др.).... 53 л.
2. «Солнечный Град» — беседа об Интернационале (Стенограмма. Речь Андрея Белого — автограф. Речи Дейча, Эрберга, И.-Р. и др.)... 41 л.
3. Что такое Вольфила — беседа (Стенограмма. Речь Андрея Белого — автограф. Речи Лаврова, Гурвич, Кристи, И.-Р. и др.).... 53 л.
4. Памяти Вл. Соловьева (Протокол. Речи А. Блока, Э. Радлова, Чехихина и др.).... 41 л.
5. Платон — беседа (Протокол. Речи проф. Васильев<а>, Аскольдов<а>, Карсавин<а>, Кристи, И.-Р. и др.).... 12 л.
- 6—11. Л. Пумпянский. «О героической морали» (Протокол). — И. Лапшин. «Интуиция в научном и философском творчестве» (Протокол). — И.-Р. «Социализм в учении Вл. Соловьева» (Протокол). — И.-Р. «П. Л. Лавров» (Речь). — Чебышев-Дмитриев. «Время и бессмертие» (Протокол). — Ф. Зелинский «Трагедия интеллектуализма у Платона» (Протокол).... 22 л.
12. Формалисты об «Евгении Онегине» (Стенограмма. Доклады Тынянова, Шкловского, Эйхенбаума. Речи Петрова-Водкина, Чертова, Пинеса, И.-Р. и др.).... 30 л.
13. Беседа о формальном методе (Протокол. Доклады и речи Томашевского, Тынянова, Эйхенбаума, Якубинского, Смирнова, Петрова-Водкина, Гизетти, И.-Р. и др.).... 46 л.
14. Е. Браудо. «Звукосозерцание немецких романтиков» (Доклад)... 15 л.
15. А. Мейер. «Гуманизм или христианство?» (Доклад).... 24 л.
16. К. Малевич. «Мир как беспредметное» (Доклад)... 22 л.
- 17—31. Доклады и тезисы на разные темы.... 37 л.
- XXIV—а. Вольфила. Стенограммы заседаний, посвященных Достоевскому.
1. В. Шкловский. «Герои Достоевского» (Стенограмма. Речи Тынянова, Виноградова, Кояловича, И.-Р. и др.). Дублет... 40 л.
2. П. Сорокин. «Три идеи Достоевского» (Доклад и протокол)... 12 л.
3. А. Штейнберг. «Достоевский как философ» (Стенограмма)... 98 л.

4. Б. Эйхенбаум. «Достоевский и Лесков» (Протокол)....3 л.
5. Ольга Форш. «Данте, Достоевский, Блок» (Протокол)....4 л.
6. Векслер «Композиция Бесов» (Протокол)... 3 л.
7. Иванов-Разумник. «Достоевский, К. Леонтьев и идея всемирной революции» (Стенограмма).... 67 л.
8. А. Штейнберг. «Пушкин и Достоевский» (Стенограмма. Речь Петрова-Водкина, Данилевского, Гордина, И.-Р. и др.).... 36 л.

Портреты

Андрей Белый

Во всех фазах своего идейного и художественного развития председатель Вольной Философской Ассоциации прозаик, поэт, литературный критик Андрей Белый (Борис Николаевич Бугаев) стремился обосновать собственную мировоззренческую позицию такой универсальной методологией, при помощи которой можно было бы достигнуть принципиально нового духовного знания, интегрирующего представления человека о природе и культуре. Обобщенно называя собственное мировоззрение «символизмом», Белый рассматривал его содержание прежде всего в контексте видоизменяющегося, но всегда тождественного самому себе индивидуального самосознания¹. В 1900-е годы он отдал дань модному неокантианству, утверждая, что главной ценностью культуры является человеческая жизнь, а ее последней целью — пересоздание человечества; в начале 1910-х воспринял как руководство к действию построения Р. Штейнера, обнаружив в антропософии не только возможность анализировать объединенные сознанием логические конструкции, но и читать их как целое: «с точки зрения ан-

¹ См. его работу «Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фазах моего идейного развития» (1928) в кн.: *А. Белый. Символизм как миропонимание* / Сост., вступ. статья и примеч. Л. А. Сугай. М., 1994. С. 418–493.

² *А. Белый. Основы моего мировоззрения* / Публ., примеч. Л. А. Сугай // Литературное обозрение. 1995. № 4/5. С. 30.

тропософии, все, что дано нам в продуктах культуры — музей, к которому утерян каталог»². Актуализировав требование выйти из аналитической статики в область динамической, органической культуры, Белый откликнулся на запросы антропософского метода оригинальной интерпретацией современной философской мысли, общественной жизни и мировой истории в целом³.

Современникам, как это часто бывает, далеко не сразу стал понятен смысл мировоззренческих исканий Андрея Белого. Были и такие, кто вообще отказал писателю в наличии самостоятельных философских принципов. Наибольшую известность получила одиозно-резкая оценка Ф. А. Степуна: «Вы... ежегодно меняете свою философскую точку зрения и ежегодно оповещаете читающий мир о свершившемся в Вас превращении. *Но нельзя публично жить на авансцене своей личности.* У авансцены расположена суфлерская будка. У суфлерской будки говорят чужие слова»⁴. Даже некоторые «совольфильцы» (еще до начала совместной работы с Белым) воспринимали его необычайное интеллектуальное дарование с определенными оговорками. Конст. Эрберг вспоминал, что, несмотря на давнее знакомство с Андреем Белым, мировоззренчески сблизились они лишь «на почве Вольфилы»: «Мне всегда были чужды и хри-

³ Главный философский труд Андрея Белого «История становления самосознающей души» (1926–1931) до сих пор не опубликован. Часть текста (без комментариев) воспроизведена Э. И. Чистяковой в книге «Душа самосознающая» (М., 1999. С. 61–476).

⁴ Ф. Степун. Открытое письмо Андрею Белому по поводу статьи «Круговое движение» // Труды и дни. 1912. № 4–5. С. 86. Ср. также с более поздней оценкой Степуна миросозерцания Андрея Белого, которая представляется нам куда более проникательной: «В на редкость богатом и всеохватывающем творчестве Белого нету *тверди*, причем ни небесной, ни земной. Сознание Белого — сознание абсолютно *имманентное*, формой и качеством своего осуществления резко враждебное всякой *трансцендентной* реальности» (Ф. Степун. Встречи и размышления. — London, 1992. С. 197).

стианство Белого, и его преклонение перед Штейнером, и его неопределенная, какая-то доморощенная филология. Однако все это получило в моих глазах совсем иной вид, лишь только я ближе узнал Бориса Николаевича и увидел в нем поэта — в самом широком и самом исконном понимании этого слова (ποιητής — творец). Творческая, импровизационная, вернее, импровизационно-творческая стихия овладевала им настолько, что часто и самого творца уносила на своих волнах далеко от того места, куда он плыл. <...> Я помню, как потряс он огромный, переполненный зал Географического общества своей речью, посвященной памяти Блока»⁵. А. З. Штейнберг также признавался, что поначалу Андрей Белый настораживал его своей близостью к учению доктора Штейнера⁶. Однако благодаря их совместной работе, ученый секретарь ВФА был полностью покорен идеями и личностью Белого: «Борис Николаевич не мог, был не в состоянии делать что-либо по указке, повторять мелодию с чужого голоса. <...> Он был необыкновенной творческой натурой. То, что он говорил на семинарах, конечно, как-то пересекалось с <...> учением Рудольфа Штейнера. Но когда впоследствии я передавал ученикам и последователям Штейнера то, чему учил нас Андрей Белый в Петербурге, они утверждали, что этого быть не может, что я его не понял, что все это совершенно не похоже на учение Доктора... <...> Все, о чем говорил Борис Николаевич, исходило из глубины его собственной души, было индивидуально и неповторимо... В то время, слушая в его изложении

⁵ *Конст. Эрберг*. (К. А. Сюннерберг). Воспоминания / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. — Л., 1979. С. 115—116.

⁶ Ученый секретарь Вольфилы упоминает в мемуарах о том, что его «не очень-то привлекало» учение Штейнера, и ему хотелось «понять, как Белый связывает эту философию с... работой в Вольной Философской ассоциации» (См.: *А. Штейнберг*. Друзья моих ранних лет. С. 48).

учение Штейнера, я не мог отделаться от мысли, что если бы Борис Николаевич излагал не учение Штейнера, мало освоенное широко образованной публикой, а учение Гегеля или Платона, это было бы таким же новым открытием в истории мысли, как то, что он говорил о Штейнере. <...> Если бы он продолжал свои занятия регулярно, то в России, вероятно, зародилась бы своя собственная, оригинальная школа мысли»⁷.

Именно деятельность Андрея Белого в Вольфиле дала возможность многим отказаться от намеренно-предвзятых мнений о его персоне. Пожалуй, наиболее показательна необыкновенная метаморфоза, которая произошла с Э. Ф. Голлербахом. Еще весной 1920 г. негативная оценка критиком философской позиции председателя Ассоциации мало чем по своей сути отличалась от оскорбительных инвектив Степуна. В одной из своих многочисленных статей, посвященных Белому, Голлербах писал: «Остановлюсь на этот раз на той роли, которую Белый в последнее время выдвинул из своего обширного *emploi*⁸, как излюбленную и привычную, и которую он щедро демонстрирует всем желающим. Есть луг зеленый, называемый Вольной философской ассоциацией. И на этом зеленом лугу, на берегу безмятежной Фонтанки, хоровод: гг. Мейер, Гизетти, Иванов-Разумник, Штейнберг, Эрберг и др. В середине хоровода запевало, лихой песенник — Андрей Белый. Чтобы уяснить себе, что такое Белый в качестве философа, нужно совершить изрядное ретроспективное путешествие. <...> Истина философии дается только тем, кто стремится к ней бескорыстно, для кого она цель, а не средство к литературной акробатике. Тот, кто однажды прикоснулся к Истине, стоит на твердой почве. Он может обращать свой лик к разным светилам, он может устремлять свое движение,

⁷ Там же. С. 101–102.

⁸ набор ролей, амплуа (*фр.*).

куда угодно, на Север, Запад, Восток, Юг, безразлично. Но почва под ним не вертится. Почва не ускользает из-под его ног, почва не играет с ним в футбол. Честный, строгий, бескорыстный мыслитель всегда прочно стоит на своих собственных ногах, не пытается ходить на чужих ногах или на чужих ходулях. Белый же флиртует с Истиной, корыстно увивается за ней, заигрывает с ней, любезничает, суется, выбрасывает брызги слов, струит фимиами своего пафоса. <...> И все яснее становится, что для Белого есть две диаметрально противоположные возможности: или падение в совершеннейший декаданс, в окончательное озорство, кривлянье, чудачество, в безнадежную имитацию оригинальности, или головокружительный взлет на вершины мысли, титанический подъем, лучезарное прозрение последней Истины. Что последнее для Белого возможнее, не подлежит никакому сомнению, ибо я забыл сказать, вернее не забыл, а просто умолчал, что творчество Белого сплошь пронизано лучезарным сиянием неподдельного таланта, и даже больше — есть проблески гениальности в его огромном и сильном даровании»⁹.

Прошло чуть более года, и Голлербах удивительным образом меняет свое отношение к Белому-мыслителю. Свидетельством столь радикального переворота является письмо молодого критика к Конст. Эрбергу от 16 июля 1921 года:

«Константин Александрович, — пишу Вам *потрясенный* до дна души: только что беседовал наедине с Белым (у Иванова-Разумника). Он — чудесен! Какой *позор* все мои статьи о нем (их было три или четыре, — о «Кризисе Мысли»¹⁰,

⁹ *Ego* [Э. Голлербах]. Об Андрее Белом // Вестник литературы. 1920. № 7. С. 3–5.

¹⁰ См.: Э. Голлербах. Кошмарная мозаика // Жизнь искусства. 1919. 11 июля. № 186. С. 3.

¹¹ См.: Э. Голлербах. [Рец.] «Записки мечтателей» // Жизнь искусства. 1919. 22 августа. № 222. С. 1.

о “Записках мечтателей”¹¹, “Об Андрее Белом” и пр., — помните?). Я хотел бы публично отречься от них. — Промаяхнулся я: думал, — выверты, кривлянье, ходули, — оказывается, в нем все необходимо и естественно, внутренне — оправданно, просто в своей сложности и сложно в простоте.

Но какая все-таки разница между живым человеком и книгой, и даже: между человеком и лектором.

Не думайте, что отныне я буду в рядах “убеленных”, “беленьких”, “белеющих”, “белесоватых” или “взбеленившихся” (жаль, что последнее слово от другого корня) дам, дев и полудев Вашей (вашей) Вольфины. Нет, не буду я апостолом Белого. Но отныне я — *с Белым*. Пусть это никому не важно и не нужно, но мне-то нужно и для меня важно. Нет ничего более несомненного, чем гениальность этого человека. Гиппиус была права.

Еще раз — стыжусь своих статей. Впрочем, я всегда писал глупости, и всегда не то, что хотел. И во всем, что я делаю, мое худшее “я”, мною презираемое.

...Да, он пленителен. — Рядом с Розановым, рядом с Влад. Соловьевым вижу его. Рядом с Ницше.

Отчего я пишу об этом, когда мог бы сказать Вам при встрече? — Так нужно, нужно это *зафиксировать*, полезно. И вообще — когда взволнован, пишу.

Двух вещей лучше бы не делать Белому: 1) не приобретать поклонников, поклонниц, 2) не лечиться у невропатологов (как сейчас), не думать очень о своем здоровье (*плохо* оно? — тем *лучше*: “*безвременно*” погибших не бывает). То и другое — 1) опасно, 2) не культурно.

...Через Белого можно прийти к величайшей сосредоточенности духовной. И через него же: к величайшей раскиданности, распыленности, расплавленности. Для меня лично сладкий и жуткий соблазн: влечет, томит, радует, раздражает. Обнял бы его — для того, чтобы задумать и — чтобы вновь обнять — *потом* — уже бестелесного.

Всего не могу написать — долго. Кончаю. Итак — двух-часовой разговор (тема — христианство — была задана мною), — вернее, слушание (говорил больше он) и — я с *Белым* до конца.

Ударьте меня по лицу (или это не входит в программу ин-нормизма?¹²), если я когда-нибудь отрекусь от этих слов.

Как хорошо, что у нас есть Блок, Белый, Вы.

Э. Голлербах»¹³.

Несколько месяцев спустя кардинальная перемена позиции Голлербаха нашла подтверждение в его очередном очерке, посвященном творчеству Андрея Белого. То, что еще совсем недавно воспринималось критиком в отрицательном свете, на сей раз приобрело абсолютно положительный смысл: «...главный “двигатель” Белого — философия. Не случайно он состоит председателем Вольной Философской Ассоциации. Бесчисленные лекции его на темы антропософии, его книги о кризисе жизни, кризисе культуры убедительно свидетельствуют о том, что основной интерес, его окрыляющий, — интерес философский. <...> Основная черта Белого — как философа — чрезвычайное непостоянство, корни которого таятся, может быть, в сложности и многообразии его духовного опыта. Водопады и фонтаны мыслей клокочут в нем. Пылают бенгальские огни. С шипением и свистом взлетают ракеты, все новые зажигаются бенгальские огни. И весь он в лихорадке, в бреду, в суете, что-то лепечет, выкрикивает, размахивает руками, скачет... И, если бы не черная шапочка на голове, шевелюра его наверное всегда стояла бы дыбом — от вдохновения, восторга, ужаса и пафоса. Таково мое впечатление от творчества Белого»¹⁴.

¹² Рядом помета Эрберга: «У иннормизма нет заранее очерченной программы. *К. Эрберг*».

¹³ ИРЛИ. Ф. 474. № 110. Л. 1—2. См. также стихотворение Э. Голлербаха «Андрей Белый», датированное 11 июля 1921 г.: Наст. изд. С. 000.

¹⁴ Э. Голлербах. Андрей Белый как мыслитель // Накануне. Литературное приложение. 1922. 14 мая. № 3. С. 5—6. Ср. также со схожим

Действительно, Андрей Белый мало походил на так называемых «профессиональных» философов, которые рассматривают свою деятельность как область научного праксиса. От адептов «строгой науки» его отличала, в первую очередь, особая интерпретация предмета философии. Ориентированное на человека мирозерцание, а не логика или теория познания — вот что составляло его философское *сгедо*. Если традиционная философия склонна руководствоваться исключительно содержательной или же методологической парадигмами, то философия, имеющая своим предметом мировоззрение, не отказываясь от этих составляющих, выдвигает на первый план совсем иную парадигму — ценностную, связующую вместе материал, опыт и смысл. Андрея Белого не интересовал анализ каких бы то ни было частных мирозерцаний (этим, по его мнению, грешили современные философы); он ставил своей основной задачей приблизить создание новой философии культуры — своеобразной метатеории мировоззрений, предметом которой стала бы уже сама природа духовного знания¹⁵.

восприятием Белого-лектора Н. И. Гаген-Торн: «Постарайтесь увидеть, как видели мы: из земли перед вами вдруг вырвался гейзер. Взлетает горячим туманом и пеной. Следите, как высок будет взлет? Какой ветер в лицо... Брызги то выше, то ниже... Запутается в них солнечный луч и станет радугой. Они то прозрачны, то белы от силы кипенья. Может быть, гейзер разнесет все кругом?... Что потом? — Неизвестно. Но радостно: блеск и сила вздымают. Веришь: сама уж лечу! Догоню сейчас, ухвачу сейчас гейзер! Знаю: в брызгах искрится то, что знала всегда, не умея сказать! Вот оно как! А мы и не ведали, что могут раскрыться смыслы, что обещаются новые открывания: исконно знакомого где-то, когда-то, в глуби неизвестного... Нельзя оторваться от гейзера!...» (Н. И. Гаген-Торн. Воспоминания об Андрее Белом // *Andrey Bely Centenary Papers*. P. 7).

¹⁵ В этом принципиальное отличие трактовки Белым содержания философии культуры от «риккертского» подхода. Ср.: «...нужно сделать в философии культуры еще шаг вперед: мало сказать, что проблема культуры есть всегда проблема “духовной культуры”; в та-

Как и его предшественник и учитель Вл. Соловьев, Белый попытался осмыслить условия, при которых такое цельное знание становится возможным. Он признавал заслуги критической философии, благодаря которым проблема познания была поставлена в плоскость «знания о знании», но одновременно находил ее недостаток в том, что Кант и его последователи сводили содержание философии к гносеологии, а к теме мировоззрения подходили, оперируя исключительно логическими аргументами. Подлинное решение этой задачи, считал Андрей Белый, заключается в том, чтобы, вернувшись к исходным позициям (то есть к знанию), переформулировать и сконструировать само понятие познания как миропонимания.

Сознание есть знание о знаниях, предшествующее познавательному процессу, — первичная и единственно данная человеку интуиция целого. В свою очередь, познание — это то, что возникает уже после знания. Над сознанием возвышается самосознание, интегрирующее отдельные сознания и являющееся итогом познавательного

ком признании мы способны лишь построить «*философию культуры*»; но переход от проблемы культуры к проблеме природы, как культуры, предполагает определение природы как культуры среди культур, предполагает и признаки этой культуры опознанными; переход от культуры к культуре природы, понятой как культура сознания, и есть переход от философии культуры для меня к «духовному знанию» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 368). Ср. также: «...когда мы говорим: “Философия культуры”, мы не должны забывать, что здесь философии культуры противопоставляется нечто другое — история культуры мысли как история крепнущего человеческого самосознания, где смысл и все прочее находятся в неразложимой связи, в неразложимом единстве, и это единство, это знание чего-либо в связи с чем-либо есть всегда неразложимое, автономное, свободное человеческое знание. Сознание неразложимо, и культура, если она не желает быть музеем, если философия не желает быть охранительницей памятников старины, она всегда является философией крепнущего человеческого самосознания, которое автономно и свободно» (А. Белый. Символизм как миропонимание. С. 322).

процесса. Нераздельность знаний обеспечивается благодаря единству первичной интуиции и конечной формы самосознания. Все многообразное движение человеческой мысли от истоков познания к его вершинам покрывается проблематикой смысла: то, что в начале познавательного процесса мыслится интуитивно, в конце завершается образом целого. Белый особо настаивал на том, что осмысливание должно иметь не дискурсивный, а интуитивный характер. Осмыслить — значит ввести какое-либо индивидуальное явление в круг других явлений, объективировать подлинное место конкретного явления в общей картине мира. Но этого мало; главное — представить саму эту общую картину: разложить первичный образ на входящие в него элементы, а затем сложить их обратно, чтобы получить орнамент, соответствующий общему плану жизни. Полученный в результате всех этих операций смысл и будет той общей конфигурацией, которая складывается как образ всех отдельных познавательных результатов в их зависимости друг от друга. Мысль всегда свободна; ее свободу обеспечивает и первичная интуиция, и то постоянное движение, в котором она неизменно существует. Важнейшая задача мысли — уловить смысловую архитектуру целого, в каждый конкретный момент жизни отражающую многообразие ритмических модуляций индивидуума.

Мировоззрение есть персональный путь, по которому человек восходит к завершающему (но никогда не завершенному) целому. Миросозерцание имеет множество проекций (в частности, имажинативную, логическую и эстетическую), однако все они, объединенные творчеством самосознающего «Я», являются прежде всего взглядом человека на самого себя: зеркальным отражением, соединенным с моральной фантазией. Начинаясь с гносеологического анализа понятий, мировоззрение восходит к теории, в рамках которой познавательная потребность соединяется с долженствованием. Мировоззрение обуславливается смыслом; как и сознание, оно предшествует знаниям и за-

висит от конфигурации общей картины, стилистики образов, поэтому важнейшим его началом оказывается эстетическая составляющая. Объективация мировоззрительного смысла позволяет человеку разглядеть невиданный доселе ландшафт — образ так называемой «духовной действительности».

В истории человечества построение целостного мировоззрения закономерно переходит в процесс создания новой культуры. Именно культура, воспринимаемая Андреем Белым как продукт роста самосознания человека и человечества, становится отправной точкой создаваемой им философской системы. Это универсальное целое объединяет смысл, стиль и долг, связывает знания в со-знание, мысль — в со-мыслие (то есть в смысл), чувства — в со-чувствие, волю — в со-действие. В свою очередь, самосознание есть культура культур. В самой природе философствующего самосознания заложена необходимость понимания смысловой архитектоники целого. Смысл мировоззрения раскрывается в стиле; поэтому история мировоззрений, понимаемая как «история самосознающей души», является, главным образом, историей стилей. Описание многообразных ритмических модуляций индивидуальных воззрений превращает хаос отдельных разбросанных точек в космос, где субъективное соединяется с объективным. Организм космоса индивидуален; индивидуальное, по Белому, и есть то целое, что завершает понятия, идеи, чувства, импульсы и прочие разрозненные элементы познания.

Индивидуализация хаоса в космос — длительный процесс становления человечества как единого целого. В истории случаются времена, когда культурный космос вновь возвращается в свое хаотическое, до-индивидуальное состояние, однако культура, переживающая в такие эпохи кризис, не может погибнуть. Распад культуры в цивилизацию — лишь симптом ее кризиса, а вовсе не крах. Благодаря новым элементам культура самоорганизуется, перегруппировывается и переходит в свое новое состояние.

Таким всеобщим кризисом жизни, творчества, мысли и слова виделось Белому начало XX столетия; тем не менее он находил в переживаемом времени не «закат», «крушение» или «гибель» европейской культуры, а лишь «перевал» от одного типа культурного развития к другому: от «души рассуждающей» — к «душе самосознающей». Наступающая эпоха, содержание которой трактовалось как возвращение к принципам и традициям Возрождения и Гуманизма, как преодоление в огневой стихии революции косных форм государственности и общественности, интерпретировалась им через пришествие «Логоса-символа» в каждое «Я». Ее героем должен был стать человек — «Человек», восходящий от «Интер-Национала» к «Интер-Индивидуалу», преодолевающий своим новым качественным состоянием дилемму личности и общества.

Весь этот сложный комплекс культурно-философских взглядов сложился у Андрея Белого к началу 1920-х годов. «Вольфильский» период его творчества, один из наиболее продуктивных, оказался, вместе с тем, и самым драматичным: «явное разочарование в близости *“революции Духа”*», расставание с женой, усиливающиеся сомнения в Штейнере и возможностях антропософии — таков «грустный путь: от *“эвритмии”* к *“глоссолалии”*; от *“глоссолалии”* к лекционной *“пляске слов”* и от нее к... *“фокстроту”*!»¹⁶. Но, несмотря на все трудности, активность Белого в Вольной Философской Ассоциации просто поражает: за время проживания в Петрограде в феврале — июле 1920 года и в апреле — сентябре 1921 года он прочитал десятки публичных лекций, председательствовал на открытых заседаниях, вел кружки и курсы, принимал участие в прениях, участвовал в подготовке философского съезда, а также выполнял множество других обязанностей руководителя Вольфилы. Когда 7 апреля 1921 года на расширенном заседании Сове-

¹⁶ См.: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 506—507.

та ВФА, посвященном ее реорганизации, между ним и О. Д. Форш разгорелась острая полемика, Иванов-Разумник решительно принял сторону председателя: «О. Д. Форш <...> не имела никакого права говорить от имени Вольфилы, к которой не имеет никакого отношения (кроме случайных посещений). На Вашем месте я вспылил бы точно так же. Забудьте весь “инцидент” — он не стоит яичной скорлупы; О. Д. — с боку припёка, а Вы — центр Вольфилы. Так думают все вольфильцы, а не один я»¹⁷.

Благодаря Вольфиле, Андрей Белый и в самом деле пользовался в те годы необычайным общественным авторитетом и признанием. «Может быть, среди неофициальных лиц он был самым популярным человеком в Петрограде, — отмечал Штейнберг. — Его знали и образованные, интеллигентные люди, так же как и необразованные»¹⁸. В архиве председателя Ассоциации сохранилось множество записок, адресованных ему во время выступлений. В одной из них адресат послания выступает в роли героя стихотворения, написанного под впечатлением от его выступления:

Товарищу Бугаеву.

**Одно из Мировых Движений Эпоха Мировой Революции
На воскреснике Вольфилы 9 октября 1921 г.
«Воспоминания А. Белого о А. Блоке»**

Позвольте без долгих предисловий перейти к тому, что на меня навесило сегодняшнее собрание.

Человек из повести Достоевского
Собрал из каждой строчки каплю крови,
Мышечное волоконец или нервное содрогание,
Воплотился, покачался несколько мгновений,
Как турок на портрете Гоголя,

¹⁷ Там же. С. 228–229.

¹⁸ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 50.

И вышел на Вознесенский проспект. Было сыро.
Он неторопливо поднял руку к груди и покашлял.
Выйдя на Екатерининский канал, немного постоял.
По зеленой воде шли разноцветные пятна,
У берега стояли осклизлые барки.
Человек из повести Достоевского перешел мост
И зашагал в Географический институт на воскресник
Вольфилы.

На эстраде белый, бледнолицый Николай Гоголь
С вытянутым острым лицом
Воплощал воспоминания об Александре Пушкине,
И вставляли черты лица Пушкина,
Обожженные полуденным солнцем.
Гоголь говорил о восстании против царя Николая,
О притаившихся казармах и волнующихся окраинах
И вспоминал о побывавших на полях Лейпцига и Маньчжурии,
И площадь перед Зимним Дворцом вставала перед глазами.
Человек из повести Достоевского слушал
И казалось ему странным:
Словно 1840ой год называли 1921-м.

Этот образ представлен для того, чтобы указать что если подходить от человека из повести Достоевского, то А. Блок, провидевший Мировую Революцию, окажется Пушкиным, почти добровольно зажимающим свое дарование перед Николаем Романовым, а т. Бугаев окажется Гоголем, уходящим в мистический бред. Но нам этого бояться не приходится. А. Блок и т. Бугаев живут во время Мировой Революции и мы с т. Бугаевым движемся к тому времени, когда двенадцать красноармейцев пройдут с окраин европейских городов по их площадям, и вместо прекрасного далека вся земля станет мировой близью»¹⁹.

Человек, эмоционально уединенный и психологически

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 324. Л. 61–62 об. Автор записки неизвестен.

уязвимый, в Вольной Философской Ассоциации Б. Н. Бугаев с огромной радостью окунулся в новую для себя стихию коллективного творчества. Именно здесь ему во многом удалось реализовать свой огромный интеллектуальный потенциал и в ответ получить от слушателей и близких друзей любовь, уважение и взаимопонимание. Вероятно, поэтому, не являлась преувеличением парадоксальная сентенция Иванова-Разумника, которую приводит в своих воспоминаниях Штейнберг: «...не будь Белого — не нужна была бы и вся наша академия, не он для нее, а она для него»²⁰.

**Вольная Философская Ассоциация
Солнечный Град. Беседа об Интернационале²¹
2 Мая 1920 года.**

Председатель (Андрей Белый). Объявляю заседание открытым. Прежде чем приступить к теме сегодняшней беседы, я позволю себе сказать несколько слов к порядку дня. Устраивая эту беседу, мы рассчитывали на участие в ней всех присутствующих; желающие высказаться пусть запишутся на этом листе; ораторов буду я вызывать в порядке записи. Во-вторых, позвольте остановиться на следующем. Кто присутствовал на наших собраниях, тот уже знает: наш интерес сосредоточивается на свободном углублении культурно-философских тем. Присутствие членов Интернационала было для нас желательно в связи с сегодняшней темой; мы пригласили тов. Зиновьева; вследствие болезни

²⁰ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 33.

²¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 71. В правом верхнем углу позднейшая помета Иванова-Разумника: «Копия правленной А. Белым стенограммы его речей (стр. 1—7, 26, 40—41); подлинник — в V папке рукописей А. Белого». Подлинник и полная стенограмма не сохранились. В конце 1920 г. московский журнал «Знамя» анонсировал публикацию статей Андрея Белого и Иванова-Разумника под общим названием «Об интернационале» (1920. Ноябрь. № 5. Стлб. 64).

он у нас не может быть; все наши усилия пригласить других представителей Интернационала технически не увенчались успехом; в нашей программе не хватает ряда имен, которых мы желали бы видеть сегодня среди нас. Открывая беседу,— позволю себе напомнить: нас интересует культурно-философская постановка вопроса; не интересует ни критика существующего Интернационала, ни панегирик ему. В случае отклонения беседы от наших заданий, я, в качестве председателя, буду напоминать присутствующим о том, чтобы беседа вернулась в ей свойственные берега. Вот те несколько слов, которыми я бы хотел предварить беседу. В порядке записи я встаю первым: беру себе слово.

Солнечный Град! Почему мы так именно озаглавили нашу беседу? Не все присутствующие знают, что в этом году исполняется 300 лет со дня появления в печати сочинения монаха Фомы Кампанеллы, которое вышло в свет в 1620 году²². В это время имя Кампанеллы гремело в Европе; его утопия вызывала толки; сам он находился в темнице, где он провел около 27-ми лет. В его сочинении, как и в утопии Томаса Мора²³ (как и у Платона²⁴), встречаются впервые нас коммунистические идеи. Приурочивая беседу к празднованию Интернационала, следует пожелать, чтобы мученик-революционер Кампанелла был достойно почтен современниками. Мы видим памятники деятелям социализма; но забываются первые имена социалистов. Утопия Кампанеллы не может служить руководством в наших представлениях о социализме; однако, как устремление к будущему, она интересна; было бы желательно видеть в России памятник Кампанелле, который так мужествен-

²² Впервые латинский перевод «Города Солнца», выполненный самим Кампанеллой, был издан во Франкфурте в 1623 г.; итальянский оригинал увидел свет лишь в 1904 г.

²³ См.: *Т. Мор. Утопия*. — М., 1978.

²⁴ Подразумевается диалог Платона «Государство». См.: *Платон. Соч.*: В 3 т. Т. 3. Ч. 1. С. 89—454.

но впервые поставил проблемы теперешних дней и который всю жизнь испытал на себе в ряде пыток власть деспотов; он выступал от теократического интернационала; он был монах-доминиканец. В теократии видел он подлинный Интернационал; но вся постановка вопросов, связанных с Интернационалом, у него новая. Интересна эпоха, в которой он действовал. До нее видим мы все усиливающуюся борьбу между двумя устремлениями человечества в области государственного строительства; видим растущее национальное самосознание государства; и — Интернационал того времени: мировую, христианскую церковь. Борьба националистов с интернационалистами в раннем периоде европейской истории известна как борьба императоров с папами; те и другие — тираны; борьба — борьба личности пап с личностью императоров. Вдруг мы вступаем в период истории, когда рядом с личностью одного или личностью немногих подымается вообще право личности (всякой), вне класса и сословия; человек в своем достоинстве вырастает неимоверно; крупные индивидуальности появляются всюду: в науке, в искусстве; фактом существования своего и влияния на окружающих ниспровергают власть одного, выдвигают власть каждого; освобождается личность; и гуманизм расцветает; в очень скором времени он заменяется классовым либерализмом. В XVI-м, XVII-м веках мы видим крепнущую буржуазию; и — видим зерно анархизма, созревшее в восстании личности; правда, оно не прозябло в последующих столетиях; приблизительно в эту ж<e> эпоху наметился и иной идеал: человечество в его целом встает как единство; мы видим — как на противоположном полюсе человеческого устремления вспыхивает заря будущего социализма; тут мы видим фигуры, подобные Кампанелле и Савонароле; первый становится душой заговора против власти Италии; его схватывают и сажают в темницу; вот что он говорит о себе: «Я прошел заключение в пятидесяти различных камерах и семь раз подвергался самой ужасной пытке...» (Цитата)²⁵. В тюрьме

пишет он свое знаменитое сочинение о Солнечном Государстве, описывая архитектонику быта и нравов «Города Солнца».

Идеалы анархии и утопического социализма одновременно слагаются; но первая округляется либерализмом; а социализм заостряется после в научную догму. Мы видим подход к крепнущему марксизму, который ныне считается научной идеологией. Так связуется Кампанелла со своей линией истории социализма.

Мы живем в мировой революции; Интернационал поднимает свой голос; острее и острее мы ставим вопрос: что он есть? И — как понимать его? Каковыми войдут в него наши мысли, чувства и воления? Каковы будут в нем проблемы практической жизни? Подходя к этим конкретным вопросам, мы видим, что раскрыть понятие Интернационала во всей его наглядности все еще нам заповедно; в размышлениях о нем мы расходимся по разным путям, по разному раскрываем лозунги, звучащие в нашу эпоху. Один из первых вопросов, который стоит перед нами: что есть Интернационал? Переводя это слово на русский, я должен сказать, что оно означает международность (интер — между, национал — народный): международное общение людей, международная форма культуры загадана нам в Интернационале; и возникает проблема, которая подлежит углублению: что же значит «между»? Спаивает ли это «между» различные части разъединенного человечества? Разъединяет ли? Ведь когда говорю «между народами», то подчеркиваю подчас и нечто иное, а именно: есть нечто, являющееся между народами как трение, как препятствие к свободному соединению отдельных человеческих групп. Интернационал имеет и ту, и другую стороны; известные формы интернационала существовали доселе в человечестве; например,

²⁵ Цит. по биограф. очерку А. Г. Генкеля «Томас Кампанелла (1568—1639)». См.: *Т. Кампанелла. Государство Солнца (Sivitas Solis)*. СПб., 1907. С. XXII.

в стремлении людей к международному языку; международный язык — эсперанто, воляпюк, удобные для понимания, стирают, однако, все красочности, богатства и непередаваемые красоты многовековых языковых творчеств: интернациональны почтово-телеграфные сообщения, сети железных дорог: интернациональны удобства цивилизации, производящие революцию в экономической жизни. Обратные стороны интернациональности знаем мы: где установлены всеобщие нивелирующие формы, там стираются красоты народной культуры; например, в Тунисии имеется прекрасная архитектура; появляются иностранцы и вносят свои интернациональные формы, пригодные для Европы, но непригодные для африканского климата и национального быта, который стирается в них, уступая место нивелирующим машинам цивилизации; в заданиях интернационала есть огромные преимущества, но и опасности. Первый вопрос, занимающий нас — вот какой: не является ли идеал Интернационала ошибочным, не следует ли, углубляя лозунг Интернационала, превратить «интернационал» (международную спайку) в согрупповую спайку, в сонародное объединение? Не конкретизируется ли «интернационал» в слове «сонационал», являющим знак органического соединения индивидуальных форм жизни в свободной коммуне коммун, организация которой противоположна механизму? Растущая специализация труда в эпоху власти капитала создает техническое разделение людей, отражающееся на их мирозерцании, в самом взгляде на вещи и на природу вещей. Тема Интернационала нам ставит вопрос о специализации, формах труда и отражении его на человеческой психике, стирающем индивидуальные особенности человека и размножающем стереотипы (тип текстильщика, отпечатанный в<о> многих тысячах экземпляров, тип металлиста). В предыдущей нашей беседе о профессиональном труде профессор Лавров выдвинул вопросы, связанные с организацией труда, упраздняющей трудовые спецификации человека (человека-текстильщи-

ка, металлиста). Вопросы организации могут выявить перед нами представление об Интернационале, не имеющем отношения к механическим представлениям о механически сложенном Интернационале; может возникнуть иной идеал Интернационала, где люди соединяются по глубочайшим своим устремлениям, философским, культурным и эстетическим; в этих «второго порядка» коммунах близкое слово «товарищ» заменится еще более близкими: «брат» и «сестра»; может быть, сможем тогда говорить о заданиях Интернационала как о свободном объединении, где все человечество, взявшись за руки «братски», организует всемирное братство любви; в Интернационале, который есть не только нечто междулежащее, но и нечто соединяющее, окончательно организующее, будет осуществляться интернационал искусств, интернационал наук, интернационал языков и других проявлений культуры. Вот все эти проблемы было бы желательно затронуть в предстоящей беседе. Я в вводительном слове лишь намечаю берега, а не даю какого-либо своего взгляда на «Интернационал».

Но все то уже намечается в утопии Кампанеллы; не будем брать его с точки зрения научной значимости; научная значимость его невелика; просто дороги первые образы, строящие социалистический идеал коммунизма и интернационализма; приблизим те образы: мы увидим — на всей конструкции Кампанеллова Града лежит печать глубокого органицизма. Солнечный Град тщательно нарисован монахом-философом; явлено расположение улиц и самая форма огромного храма, который стоит посредине: тот храм состоит из семи кругов; каждый круг освещается отдельной планетой; подробно описано внутреннее расположение храма. Религия Града глубоко космична; человек здесь сливается с космосом: сообразно с слиянием этим весь быт, указаненный, внятно подслушан у самой природы; государственное устройство слиянно с природою нашей; во времена Кампанеллы ученые и философы думали, что свойства людей и их органы связаны каждый с соответ-

ственным органом вселенной; и думали, что человек — малый мир в большом мире, что он микрокосм в макрокосме, согласно такому учению, Солнечный Град Кампанеллы есть микрокосм в большом мире; конституция здесь Платонова: во главе стоит тот, кто прошел все науки, которые в виде образов начертаны на стенах (обучаются в созерцании этих картин); тот, кто все образы знания в себе сочетал, кто прочел книгу мудрости (Солнечный Град обладает одною религиозно-философскою книгою, сочетающей все узнания солнчан о науках, культурах, религиях, бытах; книга эта читается вслух; мудрость начертана в образах), кто сочетал в себе книгу, того выбирают руководителем государства, и он получает название Солнца; он так же, как солнце, стоящее посредине вселенной, стоит по середине вселенского града, сосредотачивая в себе солнечные идеалы; он — Герофант. Окружен он коллегией; члены коллегии носят названия, соответствующие философским заданиям времени, когда человек рассматривался соответствующим вселенной; центр жизни есть сердце; вокруг — треугольник способностей человека: ум, чувство и воля — Юпитер, Венера и Марс. Согласно с астрологическим строением психики человека с природою мира, коллегия солнечного представителя состояла из трех главных членов, которые назывались: Мудрость, Любовь и Могущество, т. е. Юпитер, Венера и Марс (ум, чувство, воля). В коллегиях выбирались лица, которые с детства воспитывались сообразно способностям; штат чиновников, их окружавших, носил название добродетелей; государственное устройство было организовано по одному моральному плану, соответствовавшему природе вещей. В Солнечном Граде заложены идеалы органического коллективизма; человечество и вселенная связаны в нем; этот Град вырастает цветком из недр мира; он светит; и оттого он — Град Солнца. В своей ранней утопии Кампанелла еще не коснулся экономической жизни; важно, что в чаяниях своих он узрел органический коммунизм, чуждый всякой механике. Выдвигая проблему

о понимании будущего Интернационала, мы видим два образа: образ машинного строя, стирающего индивидуальности психики, языка и культуры; и образ, слагающий языки, души, стили в венец человеческих душ; и язык языков, вырастающий из братского соплетенья наречий, мы видим в грядущем. И на вопрос — интернационал или соционационал, отвечает монах Кампанелла: «Со-национал!»

Вот — вводительные слова, которыми я хотел бы открыть наши прения. За собой сохраняю я право еще выступить со словами. <...>²⁶

[Понятие культура...²⁷]

Понятие культура отличается необыкновенной сложностью; легко определить понятия «наука», «искусство», «быт»; культура есть некая целостность, некое органическое соединение различных сторон человеческой деятельности; поэтому проблемы культуры возникают уже тогда, когда организованы: быт, искусство, наука, личность и общество. Культура есть некое сознательное творчество жизни; поэтому культура определяется ростом человеческого самосознания; пока самосознание не окрепло, процесс культурного строительства — находится в зародышевом состоянии; зародышевой период культуры — теогонический процесс; теогонии Китая, Индии, Персии, Иудеи, Греции и т. д. суть стадии зародышевой жизни культуры; рождение культуры в собственном смысле (вне-национальной, а общечеловеческой) совпадает с отрывом личности от рода и обнаруживается в крепнущем противоречии лично-

²⁶ Далее в сохранившемся отрывке стенограммы следует начало выступления А. З. Штейнберга.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 67. Один из вариантов начала реферата «Пути культуры» (1920). См.: А. Белый. Душа самосознающая / Сост. и статья Э. И. Чистяковой. — М., 1999. С. 531—536.

сти и общества; всемирно-исторический смысл культуры в гармоническом сочетании *коллектива* и «Я»; борьба экономического материализма с идеализированным фетишем собственности есть борьба, где от половины мира борются негодным оружием; одни понятие «идеал» заменяют понятием «капитал»; другие, обобществляя капитал, не догадываются, что они обобществляют идеал. Обе стороны базируются на материализме; одни под «духом» понимают материю; другие под «материей» понимают дух.

Но — материя уничтожена наукой; между тем она основа механического мировоззрения; пора понять, что коллектив есть индивидуально растущий организм и что личность свободно выходит из своих рамок, индивидуализируясь в коллективе.

В историческом выявлении этого — путь культуры; личный произвол и государственное право суть две формы проявления царства необходимости; в разрыве личности и государства — первый пророст царства свободы. Это царство в зародышевом состоянии складывается под формами разных культур, мучительно рождается в противоречиях личности и общества и впервые выпрямляется во весь рост в культуре, к которой мы идем.

Учитель сознания (Лев Толстой)²⁸

1.

В «Дневнике» Льва Толстого встречаются нас истины мудрости; многое из того, что им сказано, сказано над-индивидуальным сознанием, называемым в терминах философии Индии *Манас*, который есть «Я». Но «Я» — дух.

Появление в истории «Я» проблемы рисуется в великолепнейшем образе Кришны ученику пути Йога, Арджуне.

²⁸ Печатается по изд.: Знамя. 1920. Декабрь. № 6. Стлб. 37—41.

Арджуна средь поля брани горюет: *«Лучше питаться подаянием... чем убивать... И не ведаем, что лучше... быть побежденным или победить»* (Бхагавот-Гита). И Кришну ему отвечает: *«Человек не может ни убить, ни быть убитым. Он не рождается и не умирает. Взирай лишь на дела, а не на плоды его... Отдайся Йоге; Йога есть искусство в действиях»* (idem). Путь этих действий ведет к отрешенью от действий бесцельных; Йога — учение о внедействии в действиях, о покое в борьбе.

На вопрос Арджуны, как выйти из войны, указывается Кришну наука: то — Йога. Не внешний отказ рекомендует она, а особые действия пресуществления борьбы; очищение *действием* действий есть йога. *«Пусть Йог... упражняется в йоге... его не потрясет даже самое тяжелое горе»* (idem).

В чем йога? В умении подчинить себя высшему «Я». И кто Кришну? Он — «Я», разорвавшее личность Арджуны, личинку; он есть «Я» Арджуны, космическое сознание его: *«Я есть источник возникновенья вселенной»*. Люди суть пальцы одного организма, укрывающиеся друг от друга перчаткой, надетой на них, где перчатка суть коросты чувственной, личной жизни.

Как сбросить ее?

«Замкнув все врата, разум заключив в сердце, сосредоточив жизненное дыхание в голове... Кто покидает свое тело. Повторяя... Дум, думая обо Мне, тот достигает» (idem беседа восьмая).

В йоге — две стороны: 1) погружение в сердце ума. 2) оживление сознания; путь погруженья ума — есть путь мистиков; путь оживления сознания — гнозис; два делания сочетаются йогою: деланье головное (или умственность) с деланьем сердечным. История самосознания человечества есть рассказ о двух путях: о мистическом странствии и о гностическом странствии человека в эпохах; но оба пути — лишь перчатки, которые надо нам сдернуть; лишь в йоге становимся мы перед «Я», отрешенным от коростов чувственных не ставшим — рассудочным «Я», или абстракт-

ным «субъектом познания» философов нового времени. «Я» — имя Бога: «Я» — высшее; но это «Я», в нас рождаясь, является нам, как «Он» в нас: «Отче Наш!» После «Он» открывается в нас, как «Я» подлинное в «Я» неподлинном; и о том гласит Кришну: *«Чувства велики; выше чувств — ум; выше ума — чистый разум; выше чистого разума — Он»* (Idem).

«Я» — импульс Любви; «Я» не то, что глядит па объекты лежащего мира, а то, что связует объекты с субъектом и делает: «Я — это Ты».

Йога это вскрывает конкретно: вот путь обретения покоя в борьбе, разрешение проблемы, поставленной среди брани Арджуной.

2.

Толстой есть предтеча грядущей Любви; «Он», иль Голос, читающий знаки судьбы человека, уже раздавался в нем явственно; голос тот — Манас; «Он» — демон Толстого, подобный Сократову демону; и «Он» — больше; «Он» громче, звучней, повелительней; «Он» произнес из Толстого Толстым свое слово: и «Им» стал писатель Толстой нашим новым учителем. В «Дневнике» Лев Толстой называет «Его» то «Отцом», то «Хозяином».

Манас — орел, распростертый над личным сознанием нашим, как Знание о сознании мировом: два крыла Его есть две стороны Разума: 1) сторона, облеченная в ясность дневного сознания рассудка и 2) сторона над-рассудочная, безъясная, не открытая в слове; мы знаем: об этой последней гласит философия Владимира Соловьева рассудочно; и молчат бессловесно великие посвященные в Манас. И тот, и другие являют Орла однокрылым; Орел не взвивается явно для всех. Он взвивается явно в Толстом.

Этот ведает соединение Манаса с Жизнью; его сознание «О жизни» есть верх опрозраченной ясности в разоблачении Манаса древней йоги; здесь ясная мысль изрекается образом мудрости без рассудочной ряби на ней; в Соловь-

еве еще много ряби; и он непонятен народу; понятен — Толстой; и поэтому может во внятное слово свое он вложить углубляющий смысл; его мысль уж не зеркало отражения берегов в воде мысли, а самая глубина опрозраченных вод, выявление жизни воды с ее «рыбами-мыслями»; можно закинуть в Толстого наш невод, и вытащить «рыб», и конкретно «питаться» всю жизнь; отражением берегов на воде, отражением даже небес «философии» Соловьева не напитаешься в жизни; все «рыбы» Л. Толстого суть новые смыслы рассудочных смыслов; до осязания Манаса в ясных, мужицких словах Соловьев не возвысился; и стал «философом» только; Толстой стал учителем.

Лев Толстой заключает Сократа в себе; заключает в себе и Силена (грохочущий хаос таинственной, дионисовой жизни); но «Силен», обитающий в мире Толстого, вступает в борьбу с восстающим «Сократом»; в себе натывается тот, кого чтит уже мир, как художника, на другого, который «и подл, и тщеславен»; «Стал думать о себе, о своих обидах... И опомнился... И хорошо стало... стало быть есть тот, которому мешает подлый, глупый, тщеславный, чувственный Лев Николаевич»²⁹.

Подлинно мощным Сократом в Толстом пребывает Декартово «Cogito»: «Разум... орудие для познания, проверка, критика»...³⁰

Мы «знаем нечто... таким, какое оно есть»... — «Что же?» — «То, что познаем. Оно именно такое, каким мы его знаем»³¹. Но познанию выдвигает Толстой цель познания; познание без цели — безумие, как бы не было логично оно: «Разумная деятельность отличается от безумной только тем, что разумная деятельность распределяет свои суждения по порядку их важности»³². «Рассуждение, не связанное

²⁹ «Дневник» (примеч. авт.).

³⁰ Idem (примеч. авт.).

³¹ Idem (примеч. авт.).

³² «О жизни» (примеч. авт.).

с общей целью... безумно, как бы не было оно логично»³³. Отсутствие цели в распределении понятий и создает все безумие абстрактных выводов наших о том, что есть жизнь: «*Не то, что мы называем наукой определит жизнь, а наше понятие о жизни определит то, что следует признать наукой*»³⁴. «*Должен быть прежде решен вопрос о том, что есть наука*»³⁵. «*Говорят... наука изучает жизнь со всех сторон. Да в том то и дело, что у всякого предмета сколько же сторон, сколько радиусов в шаре, т. е. без числа — и что нельзя изучать со всех сторон, а надо знать, с какой стороны... нужнее*». «*Истинное знание состоит в том, чтобы знать, что мы знаем то, что знаем, и не знаем того, чего не знаем*» — этот тезис Конфуция выдвигает Толстой неустанно.

Чудесно вскрывает Толстой в своей книге «О жизни» весь ряд совершаемых нами смешений в определении жизни при помощи разных служебных и жизни же подчиненных абстракций; вскрывает, что жизнь начинается там, где — сознание; жизнь и сознание есть то же; родимся мы в жизни лишь тогда, когда мы осознаем в себе центр сознания, а не когда биологически мы появимся на свет; появление наше на свет не есть жизнь (жизнь-сознание): «брызнь» это. Уразумение голоса собственной жизни, уразумение «Манаса». «*У меня были времена, когда чувствовал, что становился проводником воли Божьей... Истина проходила через меня... Дай Бог, чтобы прохождение их (истин) через меня не осквернило этих истин*»³⁶.

Кришну учит: «*Я — Манас; из всех существ Я — сознание*». Сознание собственно в нас это — Манас. Толстой утверждает, что жизнь есть Сознание; этим становится он выразителем в новом обличье учения Кришну. В нем появляется снова стремление к конкретной, практической му-

³³ Idem (примеч. авт.).

³⁴ Idem (примеч. авт.).

³⁵ Idem (примеч. авт.).

³⁶ «Дневник» I, стр. 251 (примеч. авт.).

дрости; эту науку практической мудрости он называет духовной наукою, ищет следов ее в истинах мудрости у всех веков и народов: *«Суеверий тысяча, а не вер; учений же вер... нет и десяти, и все они сводятся к одной и той же вере, только иначе высказываемой»*³⁸. *«Религия есть сознание тех истин, которые... понятны... и несомненны как $2 \times 2 = 4$. Дело религии... выражение этих истин»*³⁹. Путь выражения — деланье: йога: *«Когда истина... выражена, она меняет жизнь»*⁴⁰. Манас в нас прорезается в праксисе мира сознания; всякая философия — праксис; индусская йога глядит точно так же; познание наше йогично. Толстой говорит: *«Материалисты... не знают, что сделали в критике познания индусы»*⁴¹.

3.

Йога — ученье для избранных и немногих; Толстой открывает преддверия йоги для всех; отныне, с Толстого, йогизм — есть всемирное дело, «мужицкое» дело. Он — веяние Манаса, бывшего лишь сознанием немногих когда-то; но ныне настала эпоха иная: вошло человечество в возраст, когда ему Манас откроется так же, как ныне открыты законы рассудка для каждого, кто изучает науку: она — всем доступна.

Толстой — выразитель доступной всем Мудрости: он — откровение грядущей культуры. Восставши, пошел Лев Толстой перед всею Россией в огромные шири вселенского света; уход Льва Толстого сперва из уже обветшавшей культуры, потом и из дому, сквозь смерть в жизнь бессмертия есть величайший доступнейший символ.

Бессмертие приблизилось.

И голос Толстого есть Голос иного, сходящего мира. Сквозь все испытания встретим достойно Его.

³⁷ Сочинение XV том, «О верах», 330 (прим. авт.).

³⁸ XV том, «О религии» (прим. авт.).

³⁹ Idem (прим. авт.).

⁴⁰ «Дневник» I, стр. 53 (прим. авт.).

Прения по докладу Андрея Белого
«Антропософия как путь познания»⁴¹

Штейнберг. Виньетка; трудно коснуться: антропософия; докладчик хотел за-менить антропософией слово философия; когда говорится антропософия, когда *вместо* Софии <подменяется?> не тео-, а антропософия, София → становится женой; попадает в психологизм; эта конкретность дышит идеей непрерывности Декарт<а>, который, Декарт, открыл: существую, следовательно, мыслю: непрерывность, сознание; сознание разрывает; <если б мы?> треугольник могли бы заменить <1 нрзб.>, на фоне которого могли отрываться; не есть ли антропософия мудрость сочетать в человеческих формах, не есть ли *культура*. Если бы предрассудок о прогрессе не гласил: мы отбрасываем тень; *нельзя реку повернуть вспять*; в мире текучем есть линия течений жизни <1 нрзб.> — процесс, то Платон *прав*; завершенное, идеальное, неделимое в основе, неделимость должна впитать в себя множество неделимост<ей?>, тогда бы мы иначе подошли бы к софизму; мы не можем отказаться от всего нашего прошлого, вместо *умирания* и *воскресения*, надо дойти до конца. Если мистерия должна открыться, то → преодолеть время: борьбу с временем: *весть* = *совесть*.

Товарищ **Можецкий.** Новая система раскрытия конкретного Духа. Отвести упрек от софистики: *софистику* я отбросил: я выбросил ее; возьмем хотя бы и греческую софистику, разве не было тоски и искания. Конкретность

⁴¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 40. В верхней части первого листа пометы рукой Иванова-Разумника: «Вольфила. Записи А. Белого прений по докладу и его возражения»; «Автограф А. Белого». Тема доклада устанавливается по содержанию прений; в течение лета 1920 г. Белый читал в Вольфиле курс «Антропософия как путь сознания». Рукопись представляет собой беглую запись карандашом, поэтому многие слова читаются предположительно и не всегда складываются в связный текст.

творения; а новейшие схоласты, а Ласк? Разве здесь нет трепетного искания (пятится раком). Абстракт<ное> и конкрет<ное> сплетаются (*Яковенко*: философствующий мешает философии); новое творчество: догматизация → человеко-бог; утверждение себя Богом; что абсолют, т. е. *догматизм*; абсолют → ритм; творчество → скелетизированное, мертвый палец, только конкретность; конкретность не была показана (Я был в Африке), закончено «творение», но не думайте, что вы правы (не думаю), не бойтесь личности (о личном и «индивидуальном»); проскальзывало самообожествление.

Гизетти. *Введение в курс*: докладчик назвал виньеткой, докладчик находится во власти мысли; единое «Я» — нет, дело шло кругом и около; главное ускользало: это главная моя особенность; вне <тела?> этого синтеза: материалы сознания подавляют (не хочу системы: о синтезе, о единстве); только стремления, переходящие в потуги: не ответы (вопросы); в этой виньетке не хватало главного (венки вокруг центра); где тезисы: непрерывность образов → искание всеобщего синтеза. Попытка взлета, но не взлет к *пути*. Переходя к пути: оправдание человека можно ли создать универсальный синтез, отрицая этапы познания; нужно принять и признать творчество гносеологии; а может быть, дух<овное> знание и вырастет на том и другом. К чему Синтез сводится: поставление Человека в недолжное положение. Антропософия не может быть принципом: *понять границы Силы* (но если антропософия заря целых столетий); история роста и совершенствования личности: не человек, не бог, а *личность* (не личность, а индивидуальность). Не может быть завершения истории. Человек лишь мост, а не цель.

тов. **Гарт.** Философия занимает<ся?>, что Бог, мир, человек? О Боге дает искусство (образами), другое → в словах 2 типа, философия больше искусства (но новая философия → <нелична?>); может быть <2 нрзб.> <знать?> о Боге (но Кант доказал, что нет).

тов. **Корчевский.** Слабая сторона указана; положительная сторона доклада; популяризация образами; попытка объединить весь наличный опыт человека; заключительные слова: *антропософия*. *Отрицательная:* отсюда источники заблуждений; не имел бы понятия об университетской философии; не сторонник философии: *гносеологии*, а не этика, метафизика (ценю Канта в аналитике); она стремится к системе; не имел в виду всей философии, не имел в виду метафизики, этики: не философия интуитивизма; у меня есть стремление к Лосскому; но *вчувствование, интуиции* надо научиться; у Лосского.

тов. **Эрберг.** В качестве возражения Штейнбергу; Штейнберг → философия; философия стремится к объективной истине (но истина есть прораствание индивидуально истинному); но опасность: *психологизм*, одевает в определенные одежды то, что не одевается одеждой, «путь — жизнь» довольно; артистизм в философии должен быть.

тов. **Кристи.** Разъяснения 1) Оппоненты обвиняли, что отрицаю философию: это недоразумение; это преходящее по-моему; последний подход → антропософский; последняя фаза; Штейнберг → метафизичен, догматичен, антропософизм → верно. 2) Мне надо разъяснить тов. Гизетти: обвинение в догматизме неверно, должна быть вера (да: а то смысл строить <имеет?> и <1 нрзб.>) антропософическое не есть завершение (лишь теперь передовой идеал).

Раз. Вас. Иванов. Кто прав? Уничужаю ли я софизм? Или: 2 великих мир<овых> волны; одна сменит другую. Вопрос? В чем же я вижу последнюю *истину*: это и есть *идеал*; идеал отличает время → «+», а не «-», за время ли я? Или я с Штейн-бергом? Кроме слов антр<пософия, антроподицея, о личности: человек есть мост (но мост если из чугуна, то в небо не въедешь: не аршин и демократия; а *антропократия* (иерархия любви и свободы): человек человеку человек.

Что такое максимализм⁴²

Зачем читаю? Типы чтений. Совместное действие. Зеркало. Содеянная действительность. Безпланность. Ответственность.

Максимализм как максимум партии или партий <...>⁴³; его осуществления в *минимализме*.

Максимализм в науке (уши, нос, глаз); мозаический образ максималиста — система наук данного времени <...>; пример: макрофизика; ближайшее <?>; максимум ближайшего шага: *антропоморфизм*, человеческая наука. *Не абстрактность* (рабочие гипотезы).

1. *Вывод к частному*: поступок, конкретизация; осознать *последнее* — понять необходимость *конкретного первого шага* (революцию надо делать задолго до революции в себе).

⁴² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 3. № 45. Тезисы впервые опубликованы нами в журнале «Вопросы философии» (1999. № 6. С. 81–82). Архивный материал, атрибутированный его обработчиками как «тезисы и наброски к статье» — «Максимализм в науке», включает два близких по содержанию документа, являющихся в действительности черновым и беловым вариантами тезисов выступления Андрея Белого в ВФА. Заголовок был сформулирован, вероятно, по черновой записи, где слова «в науке» (первая строка текста) приписаны позже карандашом. Публикуя тезисы этого выступления, мы возвращаем им первоначальное название: «Что такое максимализм». Такое наименование, а также точная датировка документа непосредственно следуют из заметок, оставленных самим писателем. В своем «отчете», опубликованном в берлинской «Новой русской книге», Белый указывал: «К темам открытых заседаний 1921 года относятся следующие доклады и беседы: Л. В. Пумпянский “О героической морали”, А. Белый “Что такое максимализм”...» (См.: Наст. изд. Кн. 2. С. 187). Ввиду того что в публикуемых тезисах встречается прямая ссылка на выступление Пумпянского, можно со всей очевидностью предположить, что доклад Пумпянского был заслушан 17 апреля на LXIX открытом заседании ВФА, а 24 апреля, на очередном LXX заседании, с докладом «Что такое максимализм» выступал Андрей Белый.

⁴³ Здесь и далее две авторские схемы не воспроизводятся.

II. *Ощущение позитива* (эволюция, революция); желанная катастрофа; *эволюция революции* как процесс осознания толчка (этот *post factum*⁴⁴ должен быть = «*prius*»⁴⁵; *пассивность революционеров и масс*; максимализм — бунт революции в эволюции и бунт революции в революции; он *революция революции*; ощущение преступности для других (тогда пророк), для себя (тогда слабость); Петр и Раскольников.

III. *Проведение в жизнь* — согласие с мировоззрением, как труднейшая проблема *морали*; но мировоззрение тут эмпирично; моральная фантазия. Свой взгляд на акт познания.

IV. *Максимализм не что* (партии, предмет знаний), а *как* (это сперва); «*что*» этого как опять «*как*» (конкретное *как* — ритм, слух; абстрактное *как* — метод); *как* действует *максималист*; не мир ему мешает, а он себе. Отсюда: а) *максим<ализм>* в эстетике: не целесообраз<азность> без цели, а *целесообразность как цель; целое*; это целое *художник*; творчество жизни: Гоголь, Пушкин, Лерм<онтов>, Толстой, Достоевский; б) *в познании*: беспредметная мысль: *Как мы мыслим?*; опыт построения картин мира, как действит<ельности?>; с) *в этике*: не императив, а произвол, но «Я», себя осознавшего, а не «ся»: «Я» — хочу, а не хочет «ся»; жизнь в «сях» → стадо: императив — кнут пастуха; *самопознание*; этика без самопознания — ничто; d) *в общест<венности>*: не присоединение к партии, а создание партии; партия — *pars*: часть; максимализм — целое.

V. Очерк мировоззрения максималиста: «я — мы»: создание мира, «Я» не зависит от мира, но мир от меня, однако: ответственность за себя, как за мир: *соблазн* последней передержки; и это выразить абстрактно (героическая мораль Пумпянского). Максимализм в первом шаге: удивление, пафос, горячность.

⁴⁴ Здесь: свершившийся факт (лат.).

⁴⁵ Здесь: началом (лат.).

VI. Максималист — преступник; он — целое, а мир — *партии*; ему нет места; <он> мешает; его убивают; до первого шага он должен умереть; вернее: его смерть и есть первый шаг, но — *как умереть?* *Сознательно*: умереть в других (убийство), в себе (самоубийство): Эмпедокл, Ницше, Сократ, Толстой, Апостол Павел. Стил^ь максимал<изма> породил: <типы — *зчркн*.> *Факир* и Борджио: Борджио; гнусность инквизиции.

VII. *Ответственность*: минимализм все ставшее, положительное: *положение* = лог — лож, лог, Luge⁴⁶: положительны человек-шарлатан (патриарх); «*негодяй*», вылупляющийся из полож<ительного> человека — «почтение»; полож<ительный> чел<овек> — «вагнер»; а «негодяй» в нем — мефистофель.

VIII. Фауст: «*Wer im<mer> str<ebend> sich bemüht*»⁴⁷. Эмпедокл и Фауст: «*Das Unbeschreibliche hier ist <es> getan*»⁴⁸: максималист позитив<ен?>. Но Гете нужно оттолкнуть.

И смерть Фауста.

Себе на память⁴⁹

Работа в Петербурге в 1920 году. Февраль — июль.

Февраль 30. Председательствую на публичном докладе Иванова-Разумника «Скиф в Европе». Вольно-Философская Ассоциация. Прения.

Февраль. Заседание Совета Вольн<о>-Фил<ософской> Ассоц<иации>.

⁴⁶ Ложь (нем.).

⁴⁷ «Кто жил, трудясь, стремясь весь век, — / Достоин искупленья» (Гете. Фауст. Т. I. С. 429 Пер. Н. Холодковского).

⁴⁸ «Как сущность конечная, / Лишь здесь происходит» (Там же. С. 434).

⁴⁹ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. I. № 96. Л. 11об.—15. Текст заметок воспроизводится в той части, которая касается деятельности Андрея Белого в Вольфиле, без авторской нумерации выступлений и указаний на Петроград.

Март 7. Публичная лекция «Философия культуры». Прения. В. Ф. А.

Март. Заседание Совета «В. Ф. А.».

Март 14. Публичная лекция «Толстой и культура». В.Ф.А.

Март. Заседание Совета «В. Ф. А.».

Март 21. Председательствую на диспуте «Пролетарская культура и прин^имаю участие в прениях. Зимний Дворец. В. Ф. А.

Март. Заседание Совета «В. Ф. А.».

Март 28. Председательствую и приним^{аю} участие в прениях на публичн^{ой} лекции проф. Лосского «Бог в системе органического миропонимания». В. Ф. А.

Март. Заседание Совета «В. Ф. А.».

Март 9 «Культура мысли».

Март 11 «Культура мысли».

Март 13 «Культура мысли».

Март 16 «Культура мысли».

Март 18 «Культура мысли».

Март 20 «Культура мысли».

Март 23 «Культура мысли».

Март 25 «Культура мысли».

Март 30 «Культура мысли».

Курс лекций при
«Вольно-Философской
Ассоциации»

Апрель 7. Председательствую и оппонирую на публ^{ичной} лекции проф. Лаврова «Философия труда в произв. процессе». В. Ф. А.

Апрель. Заседание Совета В. Ф. А.

Апрель. Заседание Членов Совета В. Ф. А. с америк^{анскими} анархистами (у меня).

Апрель 18. Председательствую и оппонирую на публ^{ичной} лекции академика Венгерова «Пушкин — декабрист». В. Ф. А.

Апрель. Заседание Совета В. Ф. А.

Апрель. Заседание В.Ф.А., обсуждающее систему курсов при В. Ф. А.

Май 3. Публичный диспут от В. Ф. А. в Зимнем Дворце «Солнечный Град». Принимаю участие в прениях. Председательствую.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май. Заседание, организующее курсы В. Ф. А.

Май. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Май 16. Председательствую и диспутирую на публ<ичной> беседе В. Ф. А.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май 17. Выступаю оппонентом на курсовой лекции Иванова-Разумника «Философия культуры». В. Ф. А.

Май 23. Председательствую и оппонирую на публ<ичных> докладах Штейнберга «Юдаизм и христианство» и А. Мейера «Языч<ество> и христ<ианство>». В. Ф. А.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Май 24. Оппонирую Иванову-Разумнику на его курсе «Фил<ософия> Культ<уры>». В. Ф. А.

Май 25. Оппонирую Эрбергу на его курсе «Филос<офия> Творчества». В. Ф. А.

Май 27. Оппонирую Штейнбергу на его курсе «Основные вопросы философии». В. Ф. А.

Май 30. Моя публичная лекция «Ветхий и Новый Завет». В. Ф. А.

Май 15 «Антропософия как путь самопознания».

Май 22 «Антр<опософия>
к<ак> путь самоп<ознания>».

Июнь 2 «Антр<опософия>
к<ак> путь самоп<ознания>».

Июнь 5 «Антр<опософия>
к<ак> путь самоп<ознания>».

Июнь 13 «Антр<опософия>
к<ак> путь самоп<ознания>».

Июнь 19 «Антр<опософия>
к<ак> путь самоп<ознания>».

Курс лекций при В.Ф.А.

Июнь 23 «Антр<опософия>
к<ак> путь самоп<ознания>».

Июнь 25 «Антр<опософия>
к<ак> путь самоп<ознания>».

Июнь 30 «Антр<опософия>
к<ак> путь самоп<ознания>».

Курс лекций при В.Ф.А.

Июнь. Беседа с ритмическим кружком Бакрылова. В. Ф. А.

Июнь. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Июнь 6. Председательствую и оппонирую на публ<ичной> лекции Эрберга «Искусство — бунт». В. Ф. А.

Июнь 7. Мой доклад «Культуры и расы» в семинаре курса Иванова-Разумника.

Июнь. Заседание Совета В. Ф. А.

Июнь 13. Председательствую и оппонирую на публ<ичной> лекции Гизетти «Личность и Общество». В. Ф. А.

Июнь. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Июнь. Беседа с курсантами курсов В. Ф. А.

Июнь 17. Оппонирую Иван<ову>-Раз<умнику> на его курсовой лекции «Русская Литер<атура> начала XX века». В. Ф. А.

Июнь. Оппонирую на курсовой лекции Штейнберга по философии. В. Ф. А.

Июнь 30. Председательствую на диспуте «Почему интересуется религиозная проблема». Оппонирую. В. Ф. А.

Июнь. Заседание Совета В. Ф. А.

Июнь. Интимные прения Членов Совета В. Ф. А.

Июнь. Оппонирую на курсовой лекции <Иванова->Разумника «Литер<атура> XX века».

Июнь. Председательствую и оппонирую на публ<ичной> лекции проф. Аскольдова «Философия чуда». В. Ф. А.

Июль. Интимная беседа-вечер в В. Ф. А. Проводы меня в Москву.

Июль. «Вечер Андрея Белого» Публ<ичное> Зас<еда-ние> в В. Ф. А.

[1921]

Апрель. Заседание Совета Вольно-Филос<офской> Ассоциации.

Апрель. Организационное заседание В. Ф. А. «Вопрос о Курсах».

Апрель. Клубный реферат Бруни. Прения на нем. В. Ф. А.

Председательствую и участвую в прениях на публ<ичной> лекции Пумпянского. (Не помню темы).

Апрель. Заседание Совета Вольно-Фил<ософской> Асс<оциации>.

Апрель. Выработка программы работы отделов на май и июнь. Заседание В. Ф. А.

Апрель. Мой доклад в секции «Отдел Символизма» В. Ф. А. «Структура Символизма».

Апрель. Клубное (понеделничное) заседание В. Ф. А. Прения.

Апрель. Председательствую на семинарии по «Символизму». Беседа. В. Ф. А.

Апрель. Публичная лекция моя «О максимализме». Прения. В. Ф. А.

Апрель. Заседание Совета В. Ф. А.

Апрель. Председ<ательствую> на семинарии по Символизму. Беседа. В. Ф. А.

Май 1. Встреча Пасхи. Интимная беседа в В. Ф. А.

Май. Выступление и председ<ательствование> на митинге В. Ф. А., посвящ<енном> Бакунину.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май. Клубная беседа (понеделник) в В. Ф. А.

Май. Семинарий мой в секции Символизма (у меня). Беседа.

Май. Прения в отделе «Филос<офия> Культуры» на докладе <Иванова->Разумника «Христианство и Социализм».

Май. Председательствованье на публ<ичном> докладе проф. Васильева «Теория относительности». В. Ф. А.

Май. Клубная (понедельничная) беседа в В. Ф. А.

Май. Семинарий в секции Символизма (у меня). В. Ф. А.

Май. Прения на докладе Ольги Форш. Отдел В. Ф. А.

Май. Моя лекция «Философия Символизма» в отделе В. Ф. А. Прения.

Май. Заседание Совета В. Ф. А.

Май. Председательствование и участие в публичном митинге В. Ф. А. на тему «Наполеон».

Май. Клубная (понедельничная) беседа в В. Ф. А.

Май. Мой семинарий в секции Символизма (у меня). Беседа.

Май. Моя публичный доклад в секции Символизма «Символизм и теория знания». В. Ф. А.

Май. Прения на публичном докладе художника Матюшина в секции «Изобразительных искусств». Ссора с Матюшиным. В. Ф. А.

Май. Председательствую на какой-то публичной лекции в В. Ф. А. (Не помню лектора⁵⁰).

Май. Семинарий мой в секции «Символизм» (у меня). Беседа.

Май. Прения на докладе Сабашниковой «Сказка Гете» в публичном заседании отдела Символизма. В. Ф. А.

Июнь. Заседание Совета В. Ф. А.

Июнь. Прения в клубном заседании (понедельник) В. Ф. А.

Июнь. Семинарий по Символизму (у меня). Беседа.

Июнь. Прения после публичного доклада А. А. Мейера в отделе «Философия религии». В. Ф. А.

Июнь. Публичная лекция Чебышева-Дмитриева «Не герои». Председательствую. Участвую в прениях.

Июнь. Заседание Совета В. Ф. А.

Июнь. Чтение «Крещеного Китайца» в моей интимной секции.

⁵⁰ Сверху, на полях, приписано: «Память моя ослабела, и, может быть, в перечне есть ошибки (пропуски или неверная отметка месяцев)».

Июнь. Публичное чтение поэмы «Первое свидание» в В. Ф. А.

Июнь. Прения в клубном заседании В. Ф. А. (доклад о Шпенглере).

Июнь. Публичное чтение «Крещеного Китайца» в секции «Символизм».

Июнь. Прения в отделе точных наук. В. Ф. А.

Июнь. Прения после доклада Р. В. в отделе «Философия» Культ<уры>» В. Ф. А.

Июнь. Публ<ичное> чтение «Крещеный Китаец» (продолжение) в секции «Символизм».

Июль. Прения и содоклад Пумпянскому «Естествознание Гете». Публ<ичное> засед<ание> В. Ф. А.

Июль. Заседание Совета: организация Философского Съезда.

Июль. Заседание по организации лекций В. Ф. А. в разных городах России.

Июль. Прения на тему «Антропософия» (интимное заседание у меня).

Июль. Председательствование на публичной лекции В. Ф. А. (не помню, какой).

Июль. Заседание Совета В. Ф. А.

Июль. Клубное заседание В. Ф. А.

Август. Интимная беседа о символизме (у меня). В. Ф. А.

Август. Участие в семинарии Пумпянского. В. Ф. А.

Август. Организац<ионное> заседание, вырабатывающее программу «Месяца посв<ященного> Достоевскому»⁵¹. В. Ф. А.

Август. Заседание публичное, посвященное памяти Блока. Председательствую. Вводительное слово. В. Ф. А.

Сентябрь. Организационное заседание В. Ф. А. Прения.

Сентябрь. Интимная беседа В. Ф. А., посвященная Блоку.

⁵¹ Вероятно, Андрей Белый подразумевает «понедельничное» заседание Совета ВФА, которое состоялось 12 сентября.

Октябрь. Заседание организационное В. Ф. А.

Октябрь. Мой доклад «Воспоминания о Блоке». Публичное засед<ание> В. Ф. А.

Октябрь. Мой доклад «Воспоминания о Блоке» (продолжение). В. Ф. А.

Октябрь. Интимное заседание В. Ф. А., посвященное проводам меня за границу.

**Из книги «Почему я стал символистом
и почему я не перестал им быть на всех фазах моего идейного
и художественного развития» (1928)⁵²**

Ленинградская «Вольно-философская ассоциация» стала одно время и моим личным, и моим индивидуальным (т. е. индивидуально-социальным) делом; я связался и с ее деятелями, и с ее лозунгами, и с ее ширящейся, но организуемой многообразно аудиторией, и с темпом ее работ. В расширении своих «антропософских» представлений я встречал и препоны, и злой подозревающий глаз со стороны иных антропософов; наоборот: иные из неантропософов тут мне оказывали незабываемую горячую братскую поддержку; не забуду и истинно *нехорошего* ко мне отношения антропософки Волошиной (1921–1923 годы), унижавшейся до распространения обо мне небылиц; не забуду и братского отношения ко мне ставшего мне родным Иванова-Разумника.

В. ф. а. («Вольно-философская ассоциация») в 1920–1921 годах развертывалась в Петербурге в большое культурное дело, могущее вырасти в ассоциацию «Вольфил» по всей России; и не ее вина, если механические препоны положили предел ей Ленинградом; в Ленинграде темп ее работ был стремителен, продуктивен, многообразен; 300 публичных собраний за три года жизни — одна эта цифра указывает на

⁵² Печатается по изд.: Белый А. Символизм как миропонимание / Сост., вступ. статья и примеч. Л. А. Сугай. — М., 1994. С. 477–478.

размах «В. ф. а.»; не упоминаю ее кружков, ее курсов, ее интимных собраний⁵³ и т. д. В 1922 году она вынужденно сжималась, а в 1924 — вынужденно перестала быть.

В 20 и 21-м годах мне пришлось «5» месяцев, потом «6» месяцев работать в центре «В. ф. а.» как председателю и члену совета; организационные задания всецело поглощали меня; и особенно радовало, что «В. ф. а.» — не общество, а — ассоциация людей, связанных в исканиях новой культуры (мысли, общественности, искусства); думаю: если бы западное «А. о.» приняло дух ассоциации, разбив

⁵³ Намякая на близость т. н. «интимных собраний» (заседаний Совета петроградской Вольфилы по понедельникам) к полулегальной «антропософской деятельности в недрах Вольфилы», Е. В. Иванова вольно или невольно мистифицирует их содержание: «Неразгаданной остается роль в Вольфиле конфиденциальных собраний Совета, о которых упоминает Белый в “Ракурсе к дневнику”: “Интимные (понедельничные) беседы членов Совета ВФА”. <...> С отъездом Белого в июле 1921 года в Москву... эти упоминания обрываются, и никаких других сведений об этой закрытой стороне деятельности Вольфилы нет» (Е. В. Иванова. Вольная Философская Ассоциация. Труды и дни. С. 15). Между тем, в Берлине Андрей Белый раскрыл «секреты» этих «интимных» заседаний: «Члены совета одного философского общества (уважаемый критик, почтеннейший теоретик искусства, философ, писатель) устраивали в Петербурге собрания — для членов совета (еженедельно); неделя была переполнена: курсы, кружки, семинарии; по воскресеньям собрания в переполненном зале с упорными прениями, по понедельникам же — коллоквиумы для себя; или — ставилась тема (культурная), или кто-нибудь из четырех избирался, как жертва; и на устои его мировоззрения делались нападения; разгорался серьезнейший спор: так трепали друг друга, что пух летел; заседания публичные, очень живые и длящиеся часами, казались скучными перед острейшими, напряженнейшими беседами этих четырех уж почтенных энтузиастов; один член совета являлся на эти собрания из Царского, а другой, истощенный докладами, заседаниями и стоянием в хвостах, пересиливал одолевавшую слабость; он — молодел на беседах; здесь-то именно высекались в сознании темы еще не написанных книг» (А. Белый. О «России» в России и о «России» в Берлине // Беседа. 1922. № 1. С. 231–232).

каркас «общества» и проведя грань между исканием братства и формами государственности, многих бы безобразий в смешении линий «экзо» и «эзо» — не было б вовсе; и лучше бы поняли идею социальной трехчленности Штейнера, утопленную его учениками; эта-то трехчленность, как ритм устремления, и лежала в основе «В. ф. а.»; и закладывалась независимо от идей Штейнера нам, членам совета «В. ф. а.», неизвестные в 1919—1920 годах; здесь воля, мысль и социальное чувство искали по-новому связаться с понятиями «свобода», «философия», «ассоциация людей»; и самое название «Вольно-философская ассоциация» отражало трехчленность; мне же она отражала еще и мою трехчленность, где сфера *символизаций* виделась в свободном многообразии обрастающих «В. ф. а.» отделов, подотделов, кружков и в свободном многообразии братски борющихся мировоззрений, ищущих свободно сложиться в культуру их круга; здесь сферой *символизма* являлось мне самое заострение проблемы культуры как *принципа* и культур, в ней лежащих, как модификаций (символизаций); сферой же искомого символа мне было самое прочтение принципа культуры как ритма и ритма как выявления человеческого Духа из свободы («Дух дышит, где хочет»). Интимная жизнь деятелей «В. ф. а.» в их работе мне вспоминается в лабораторном вынашивании идей-лозунгов, учуянных снизу, в потребностях к нам притекавших масс, которые мы старались понять и приподнять в оформлении дня и минуты как в лозунге, но лозунге — симптома ритма (Символа); в этом смысл мы, члены совета «В. ф. а.», не имеющей членов, но массу и «совет» и были *властью*, но властью *Советов* или органов, кружков, устремлений, обраставших «Вольфилу»; поэтому «*власть совета*» здесь всегда была лишь *властью* минуты, властью оформленной индукции, снизу питавшей нас; эта власть носила чисто символический, ритмизационный характер; она была властью постольку, поскольку она угадывала пульсацию вольфильского сердца; поскольку же не угадывала, она мгно-

венно свергалась, ибо «совет» постоянно поднимал вопросы о свержении себя; и в поднятии этого вопроса постоянно получал мандат к власти: выдвигать лозунги; единственная организация, состоявшая из массы и советской четверки, бессменной по власти «Советов» массы с председателем, мной, являющимся лишь эмблемой *совета*; и потому — бессменным (опять-таки — не по своей воле).

Новизна ритма работы увлекала меня; и, разумеется, — душой, подлинным уловителем ритма жизни «В. ф. а.» был, во-первых, Р. В. Иванов; во-вторых, члены совета; в-третьих, молодежь отделов и подотделов; и, наконец, вся масса публичной аудитории, т. е. *тысячи*.

Разумеется, «В. ф. а.» была не на уровне своей великой идеи: быть тотумом, ассоциацией, а не партией, обществом; но «В. ф. а.» сознавала это, не выдувая из соломинок мыльных пузырей несуществующей эсотерики, интимности, братства; в этой суровой и честной правде складывалась своя интимность: интимность ничем не прикрытого стремления — к правде, какую бы она ни оказалась без фигурных листиков и виньеток, заглавий правды.

Не могло подняться вопроса о том, что «В. ф. а.» о правде, а не правда о «В. ф. а.». Между тем в западном «А. о.» постоянно надо подымать предостерегающие напоминания, что сама «антропософия» гласит о правде, а не «*правда*» гласит об антропософии, понимаемой обществом, т. е. «*советом*» этого О-ва <...>

До отъезда за границу в 21-м году я работал в «В. ф. а.»; и в этой работе забывал ужасные тучи сомнений, нависавшие надо мною и над моей личной жизнью.

Иванов-Разумник

В предисловии к своим, так и не завершенным, «литературным воспоминаниям» «Четверть века» (1926) Разумник Васильевич Иванов-Разумник писал: «Наше поколение — родившееся около 1880 года, немного раньше, немного позже — прожило в зрелом возрасте поразительную эпоху: первую четверть XX века. Бурный взлет творческой волны, революция мысли (Ницше), политическая подавленная революция в России, мировая война, революция 1917–1918 гг., мировое потрясение, начало гибели старой Европы, вихрь, котором мы жили и живем»¹. Формирование этого поколения совпало с переломом веков, когда, по словам австрийского писателя Р. Музиля, во всей Европе «масляно-гладкий дух» двух последних десятилетий девятнадцатого века сменился внезапной «окрывающей лихорадкой»: «Никто не знал толком, что́ заваривалось; никто не мог сказать, будет ли это новое искусство, новый человек, новая мораль или, может быть, новая перегруппировка общества. Поэтому каждый говорил то, что

¹ *Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки.* — М., 2000. С. 419. Подробнее о жизненном и творческом пути Иванова-Разумника в контексте судьбы его поколения см.: *Белоус В. Г. Испытание духовным максимализмом* // Там же. С. 5–22; а также: [А. В. Лавров и Дж. Мальмстад] Андрей Белый и Иванов-Разумник: Предупреждение к переписке // Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 5–28; А. В. Лавров. Блок и Иванов-Разумник // А. В. Лавров. Этюды о Блоке. — СПб., 2000. С. 80–135.

его устраивало. Но везде вставали люди, чтобы бороться со старым. Подходящий человек оказывался налицо повсюду; и что так важно, люди практически предприимчивые соединялись с людьми предприимчивости духовной. <...> ...у них было общее дыхание; если бы кто-нибудь разложил то время на части, получилась бы бессмыслица вроде угловатого круга, который хочет состоять из деревянного железа, но в действительности все сплывилось в мерцающий смысл»².

Позже Иванов-Разумник не раз иронически сравнивал себя с положением героя «Горя от ума»: «шел в комнату, попал в другую», добавляя: «с кем не бывает». Студентом-математиком Санкт-Петербургского университета он одновременно слушал курс историко-филологического факультета, а позже, когда профессионально состоялся как литературный критик, свои занятия литературой назвал «чистой случайностью». «Примкнув» (по собственному выражению) к идеологии народничества, он всю сознательную жизнь воевал с марксизмом; хотя «не занимался политикой», но постоянно, пока была возможность, высказывался по основным социально-философским вопросам времени с той «принципиальной высоты», которую именовал «мировоззрительной»³. На вызов исторических обстоятельств Иванов-Разумник отвечал полнотой самосознания: он должен был все увидеть, все запомнить, все понять. Возможно, поэтому он и выстоял, пройдя революцию, террор и войну, советские тюрьмы и немецкие лагеря. Когда жизнь, насыщенная испытаниями, тихо закончилась в послевоенном Мюнхене, в наследство потомкам остались многочисленные книги и статьи, огромное эпи-

² Р. Музиль. Человек без свойств. Кн. I. — М., 1984. С. 80.

³ Из «показаний Иванова Р. В.» по «делу контрреволюционной эсеровско-народнической организации Ленинградской области» от 23 февраля 1933 г. (Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремные ссылки. С. 483).

столярное богатство, но главное — загадка человека, который, несмотря на все невзгоды и разочарования, до конца своих дней продолжал верить в «духовную революцию».

Личность Р. В. Иванова, не вписывавшаяся в рамки конкретных профессиональных занятий, вполне соответствовала духу нового века. В памяти современников он запечатлелся исключительным редактором — «дядькой Черномором», пестуном тридцати литературных богатырей, создавшим, благодаря своей влюбленности в русскую литературу, оптимальные «условия естественной выгонки творческих сил» и поднявшим «трудное дело редакторства» «на особую высоту»⁴, и в то же время — максималистом, исповедовавшим «перманентный революционизм, вечную смену падений и подъемов народной волны», не скрывавшим своего отвращения «к позитивным формам общечеловечности», одиноким в своих идеологических пристрастиях, покорным судьбе и готовым «нести крест и ответить за него» до конца⁵. «По натуре он был — деятель, организатор, человек упорный, со стремительной волей; в нем таилось много сокровенного, оставшегося, пожалуй, неизвестным для него самого»⁶.

Иванов-Разумник вошел в современную литературу в конце 1906 года капитальной, двухтомной «Историей русской общественной мысли». Читатель, познакомившийся с работой, вряд ли подозревал, что под псевдонимом (да еще таким вызывающим — без инициалов!) скрывается не маститый ученый или же авторитетный литературный критик, а молодой человек 27-ми лет. Первоначально автор предполагал назвать книгу «Историей русского сознания»⁷, потом сменил заглавие на «Историю

⁴ См.: О. Форш. Сумасшедший корабль. — Л., 1931. С. 160—163.

⁵ См.: Е. Лундберг. Записки писателя. — Берлин, 1922. С. 117—118.

⁶ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 27.

⁷ Ср. с письмом Р. В. Иванова к В. Н. Ивановой от [?] августа 1906 г.: «Наконец, что касается заглавия — то мне самому больше нравится

русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.», особо подчеркивая, что отдает на суд читателя «философию истории русской интеллигенции». Пожалуй, впервые объектом исследования стало не только эмпирическое бытие литературы, сколько отраженное в литературных произведениях общественное самосознание. По Иванову-Разумнику, всю историю послепетровской России сопровождает конфликт интеллигенции и мещанства. Если интеллигенция характеризуется «творчеством новых форм и идеалов», «активным проведением их в жизнь в направлении к физическому и умственному, общественному и личному освобождению личности», то «мещанство — это узость, плоскость и безличность, узость формы, плоскость содержания и безличность духа». Основным идеалом русской интеллигенции («теодицеей» русского сознания) был провозглашен «индивидуализм», который «в самом общем своем выражении есть примат личности; “человек-самоцель”, такова формула... этического индивидуализма»⁸.

«История русской общественной мысли», последовавшие за ней философско-публицистические книги, многочисленные критические статьи принесли Иванову-Разумнику заслуженную литературную популярность, хотя и не оградили от встречных полемических стрел. Одних он не устраивал за симпатии к символизму (равно как и за антипатии к декадентству), других — за схематизм историко-критических конструкций, третьих — за народническое

“История русского сознания”, но Лемке меня убедил отказаться от него в пользу “Истории русской общественной мысли”, говоря, что хотя первое заглавие больше подходит для книги, но зато второе заглавие — больше подходит для публики, и что в интересах успеха книги надо пожертвовать первым второму» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 198. — Л. 156—156 об.).

⁸ См.: *Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. Индивидуализм и мещанство в русской литературе и жизни XIX в.* Изд. 2-е, доп. Т. 1. — СПб., 1908. С. 10—15.

мировоззрение, четвертых — за философическую наивность. Г. Плеханов назвал его взгляды «идеологией мещанина нашего времени»⁹. В. Розанов, уязвленный «юродивым русской литературы»¹⁰, разглядел в принципиальном отсутствии инициалов «безжалостный позитивизм», подавляющий индивидуальность: «...Хочется чего-то симпатичного в литературе, с именем и даже с отчеством. „Может, зашли бы выпить чайку“. С “Разумником” ничего нельзя “выпить”, можно сказать только — “принеси мне вещь”. И он “носит” на спине своей — Белинского, Михайловского, должно быть, понесет скоро Лаврова, Огарева, Герцена»¹¹. Впрочем, и сам Р. В. Иванов довольно трезво относился к своей литературной известности: «Из двадцати написанных мною томов три четверти написаны, когда я совершенно не умел писать. Научился писать я приблизительно к годам революции, а к настоящей своей тематике подошел лишь в эпоху «Вольфилов» (т. е. в 1919—1924 годах); но все, сделанное тогда, десятки докладов, лекций, курсов — было лишь устным творчеством, из которого печатно закреплена лишь ничтожнейшая часть. Я поэтому имею право считать себя одним из самых ярких литературных неудачников»¹².

Горечь признаний может быть признана справедливой еще и потому, что основной результат работы Иванова-Разумника в петроградской Вольной Философской Ассоциации и итоговый труд целой жизни — «Антроподицея»

⁹ Г. В. Плеханов. Избранные философские произведения: В 5 т. Т. 5. — М., 1958. С. 528—608.

¹⁰ См.: Иванов-Разумник. [соч.] Т. II. Творчеству и критика. С. 180—211.

¹¹ В. Розанов. Бляха № 101 // Новое время. 1911. 17 декабря. № 12848. С. 17.

¹² «Нравственные письма» из 1937 года. Иванов-Разумник А. Н. Римскому-Корсакову / Публ. В. Г. Белоуса // Из фондов Кабинета рукописей Российского Института истории искусств. — СПб., 1998. С. 170.

(«Оправдание человека»), вероятно, утрачен навсегда, и сегодня можно лишь строить предположения, что, собственно, могло оказаться на страницах этой книги... История рукописи возвращает нас в сентябрь 1918 года — в те самые дни, когда инициатива по организации Ассоциации стала приобретать первые конкретные очертания. Позднее Иванов-Разумник вспоминал: «В конце 1918 года мы обменялись с А<лександром> А<лександровичем> большими письмами¹³ по поводу одной вышедшей тогда книжки, которую Блок считал как нельзя более характерной для эпохи и которую нарочно купил и подарил мне со своей надписью (утеряна)¹⁴; «долгие разговоры» наши — не о самой книжке, к которой Блок относился отрицательно, а по поводу ее темы <...> — закончились подводящим итоги обменом двух обширных писем. Из письма А. А. выросла вскоре тема его «Крушения гуманизма»; а если когда-нибудь увидит свет моя книга «Оправдание Человека», то теме этой я буду обязан в значительной мере разговорам с А. А. Блоком»¹⁵.

Полгода спустя — к моменту первого в «советские» времена ареста Иванова-Разумника — подготовительные ма-

¹³ Речь идет о письме Иванова-Разумника к Блоку от 20 сентября, которое приводится ниже, и о несохранившемся ответе Блока.

¹⁴ На экземпляре книги Е. Полетаева и Н. Пунина «Против цивилизации» (Пг., 1918), по свидетельству Д. Е. Максимова, «рукою Иванова-Разумника сделаны две надписи: “1922. Подарено мне в 1919 году <в 1918 г. — В. Б.> А. А. Блоком: ‘книжка — интересный симптом’. Длинная беседа на тему о подлинной (не пунино-бабуриной) культуре». И вторая: “Пунин и Бабуринов называют цивилизацию культурой, а культуру — цивилизацией. Они не понимают, что люди — не только люди”. (Слова А. А. Блока после прочтения этой книжки. — И.-Р.)” (Д. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока. С. 383).

¹⁵ Иванов-Разумник. Вершины. С. 245. Примечательно, что в первом номере журнала «Записки Мечтателей», который вышел весной 1919 г., наряду с «Крушением гуманизма» Александра Блока, анонсировалась статья Иванова-Разумника «О кризисе гуманизма» — вероятно, один из самых ранних (так и не опубликованных) вариантов «Оправдания человека».

териалы к «Антроподицее» уже занимали толстую тетрадь¹⁶. Проводившему обыск агенту Чрезвычайной Комиссии название рукописи показалось подозрительным, и он отобрал ее в качестве «вещественного доказательства» для подтверждения официальной версии о «заговоре левых эсеров». Через две недели, после пятидневного голодного путешествия из Петрограда в Москву и последующего сидения в Лубянской тюрьме, хозяин наконец получил свою тетрадь обратно: «Окончив всю процедуру, следователь сложил взятые у меня при обыске бумаги и книги в пачку и вручил мне, пожелав успешно продолжать “Антроподицею”. (Уверен, что слова этого он так же не понимал, как и петербургский следователь)», — иронически завершает описание эпизода в своих мемуарах Иванов-Разумник¹⁷.

Несколько раз в начале 1920-х годов выход в свет «Оправдания человека» анонсировался кооперативным издательством «Колос» и берлинским издательством «Скифы» (здесь с подзаголовком — «Основы духовного максимализма»). В письме к А. Яценко от 21 ноября 1920 года Е. Лундберг сообщал: «Иванов-Разумник написал: “Основы духовного максимализма”, книгу, в которой он пытается подвести под старое народничество современный истори-

¹⁶ Накануне ареста (8 февраля) Иванов-Разумник получил письмо от А. А. Шрейдера (на бланке издательства «Революционный Социализм»), датированное 31 января 1919 г.: «Уважаемый Разумник Василий! Я уже писал Вам, что сейчас есть возможность издать (и по нынешнему очень хорошо) Вашу большую книгу: „Революция мысли и совести“, так, кажется, она называется? Жду с нетерпением. <...> Когда то Вы приедете? — У нас понемногу налаживается, но без Вас нехорошо» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 235. Л. 2; полностью письмо опубликовано с небольшими неточностями Я. В. Леонтьевым. См.: Лица. Биографический альманах. 7. — М.; СПб., 1996. С. 459–460). Возможно, это издательское предложение касалось первого варианта «Антроподицеи».

¹⁷ *Иванов-Разумник*. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки. С. 152.

ко-психологический фундамент»¹⁸. Иванов-Разумник включил его и в состав формировавшегося в начале 1923 г. журнала «Основы», но этот издательский проект не был реализован¹⁹. Предлагая «Антроподицею» вместе с «Россией и Европой» для публикации в издательство «Колос», Иванов-Разумник писал его руководителю Ф. И. Витязеву 12 марта 1923 года: «С “Россией и Европой” потерпите: от “Колоса” она не уйдет никуда, так же, как и “Оправдание человека”. Но я за последние годы стал сильно фобийкунстаторствовать: “Оправдание человека” — последняя моя книга, которую я вообще напечаатаю, и последний блин комом пускать не хочется...»²⁰

Однако после выхода в конце 1923 года книги «Вершины», посвященной Александру Блоку и Андрею Белому, надежды на выход «Антроподицеи» в советской России потеряли смысл: «...петербургские цензурные держиморды, — вспоминал позже Иванов-Разумник, — тут же объявили издательству (“Колос”), что впредь мои книги не будут разрешаться независимо от их содержания. И действительно, после этого ни одна из моих книг не была пропущена цензурой (в том же издательстве — книги «Россия и Европа», «Оправдание человека» и другие)»²¹. Берлинские «Скифы» также к этому времени прекратили свою издательскую деятельность. И тем не менее в течение последующей четверти века автор продолжал работу над «Оправданием человека»: он писал и перерабатывал «Антроподицею» в саратовской ссылке, в каширском уединении и в прусском изгнании. Когда в феврале 1942 года

¹⁸ A Scythian Document: Andrej Belyj and Others. By Georg Cheron // The Andrej Belyj Society newsletter. 1985. № 4. P. 39.

¹⁹ См.: А. В. Лавров. Неосуществленные издательские проекты Иванова-Разумника (1922–1923) // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре. Вып. II. С. 143.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 106. Оп. 1. № 64. Л. 77.

²¹ Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрмы и ссылки. С. 32.

Иванов-Разумник был депортирован в германский «лагерь для перемещенных лиц», среди скромных пожитков, которые удалось захватить с собой, была рукопись «Антроподицеи», случайно уцелевшая после немецкого разгрома его библиотеки осенью 1941 года. Лишь в июле 1943-го он вышел на свободу и поселился в литовском имении Данилишки близ Паневежиса у своих родственников по материнской линии — Янковских (Янкаускасов), где в течение восьми месяцев «успел написать, дописать и обработать три книги, частью привезенные в черновиках еще из России — “Писательские судьбы”, “Холодные наблюдения” и “Оправдание человека”»²². В письме к А. Л. Бему от 5 февраля 1944 года Иванов-Разумник сообщал: «Из черновых рукописей, привезенных мною с собой, я за эти полгода успел написать четыре книги, <...> они в двух экземплярах переписаны на машинке, <...> и будут ждать лучших времен для своего рождения в свет. <...> ...четвертая книга, такого же размера как и предыдущие <12 печатных листов. — В. Б.> и самая для меня (но не для других) интересная, носит название “Оправдание человека” и состоит из <3> ряда докладов на темы философии культуры, прочитанных в Вольной Философской Ассоциации в 1919—1924 годах. Но рассказывать здесь о ней было бы очень длинно...»²³

Хотя большинство рукописей погибло во время бомбардировок в военные годы, «Антроподицея» чудом уцелела, и в 1948-м, спустя два года после кончины Р. В. Иванова

²² Там же. С. 96.

²³ Письма Иванова-Разумника к А. Л. Бему (1942—1944) / Публ., вступ. заметка и комм. Ж. Шерона и Л. Шерон // Звезда. 2002. № 10. С. 140—141. В своих мемуарах Иванов-Разумник сообщает, что о «напряженной» пятилетней работе в Вольфиле он рассказывает в предисловии к книге «Оправдание человека» (Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки. С. 161). Ср. также: «...о том, чем была Вольная философская ассоциация — Вольфила — в эти годы, еще расскажу особо (Там же. С. 31).

в Мюнхене, его племянник, Г. Янковский, вывез ее в США. Короткая анонимная заметка, представлявшая читателям «Писательских судеб», творческое наследие Иванова-Разумника сообщала: «Сохранились и вывезены в Америку две рукописи «Тюрьмы и ссылки» <...> и «Оправдание человека» или «Антроподицея» — построение новой религии человечества; работа культурно-философского характера»²⁴. Спустя два года в библиографическом приложении к вышедшим в 1953 году «Тюрьмам и ссылкам» Г. Янковский указал и даты работы Иванова-Разумника над «Антроподицей»: 1920—1944. К сожалению, в те годы рукопись так и осталась неопубликованной, а установить ее настоящее местонахождение не представляется возможным²⁵.

А. З. Штейнберг, посвятивший «товарищу председателю» Вольфилы немало ярких страниц в своих мемуарах, вспоминал о том, как «крайне щепетильный, гордый и сдержанный, а когда дело шло о нем самом, аскетически целомудренный Разумник Васильевич» раскрывал ему «вслух историю своей собственной мысли или, иными словами, своей жизни, совпадавшую в его восприятии с развитием способности сознательно служить общему, общечеловеческому делу»: «Антроподицея (оправдание человека), в противовес теодицеи, была первым и последним его словом. Важно это потому, что где-то сохранилась рукопись его большого сочинения, которое называется «Ан-

²⁴ Р. Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951. С. 11.

²⁵ После кончины Г. Янковского в 1981 г. под Нью-Йорком, родственники покойного передали некоторые документы Иванова-Разумника (в частности, дневник и письма к нему военных лет) архиепископу Иоанну Сан-Францисскому (Шаховскому), однако, по свидетельству О. П. Раевской-Хьюз, рукописи под названием «Оправдание человека» среди них не было. Подробнее о судьбе рукописного наследия Иванова-Разумника см.: К истории издания эмигрантских книг Иванова-Разумника: новые данные из американских архивов / Публ., вступ. заметка и примеч. Ж. Шерона // *Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюрьмы и ссылки*. С. 426—436.

троподицея” и из которого он читал мне отдельные отрывки. Эта рукопись во время немецкой оккупации попала куда-то в Германию. Я считаю своим долгом хотя бы упомянуть об этом»²⁶.

«Первое слово» Иванова-Разумника в оправдании человека — это его книга «О смысле жизни» (1908), начинавшаяся с *главных* вопросов: «...в чем смысл, цель и оправдание отдельной “жизни человека”? В чем смысл, цель и оправдание общей жизни человечества, всемирной человеческой истории?»²⁷ Работа, в которой традиционный народнический субъективный метод соединился с модной критической философией, явилась одним из наиболее характерных симптомов вспыхнувшей на рубеже веков «революции мысли» и послужила обоснованию «имманентного субъективизма», позже обнаружившего свое сходство с экзистенциалистскими поисками западной «философской критики»²⁸. Содержание книги свидетельствовало о смене мировоззрений: феноменологическая парадигма победоносно вытесняла позитивистскую, господствовавшую в XIX столетии, а вопрос «зачем?» — вопросы «что?» и «как?»; самопознание переходило от упорядочивания жизненного опыта к целенаправленному поиску ответов на вопрос о смысле жизни²⁹.

²⁶ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 28–29.

²⁷ Иванов-Разумник. О смысле жизни. С. 4.

²⁸ На параллели между мировоззрением Иванова-Разумника и экзистенциализмом Сартра и Камю обратил внимание П. Д. Рейфилд (P. D. Rayfield) во введении к репринтному изданию книги «О смысле жизни» (2-е изд.; 1910) в Англии. См.: *Ivanov-Razumnik. On the Meaning of Life*. Letchworth, 1971. P. VI.

²⁹ Возможность позитивистского решения заявленной проблемы Иванов-Разумник категорически отрицал: «Науке и смежным с нею философским дисциплинам, вроде теории познания, здесь нечего делать; здесь область философии в широком смысле, область интуитивного творчества, область совместной работы Шекспира и Лейбница, Гете и Фихте, Достоевского и Вл. Соловьева; здесь область вза-

В своих мировоззренческих исканиях Иванов-Разумник (по собственному признанию) опирался на трансцендентальный идеализм Канта, эмпириокритицизм Авенариуса, имманентную школу Шуппе, Шуберт-Зольдерна и другие разновидности неокантианства. Впрочем, данные направления служили для него, скорее, «метафизической почвой» (если, конечно, такое выражение уместно адресовать философским течениям, эту «почву» успешно разрушавшим): «Имманентная философия неизбежно приводит к солипсизму и даже — более того — к признанию, что “я” есть только ряд бессвязных элементов сознания. Признание этого ряда элементов сознания за цельную “личность” есть уже вполне метафизическое построение, на метафизической почве делается и дальнейший шаг — преодоление солипсизма, утверждение цельности и действительности “личности” вообще, и далее — признание “эмпирической личности”. Все это те метафизические леса, которые необходимы при построении мировоззрения, но которые нужно снять, чтобы увидеть построенное здание»³⁰.

имодействия спекулятивной мысли и художественного созидания, здесь соприкасается творческая интуиция художника и философа» (Иванов-Разумник. О смысле жизни. С. 4).

³⁰ Иванов-Разумник. Что такое интеллигенция? Берлин, 1920. С. 27. Тема «метафизики» нсожиданно возникает на одном из допросов Иванова-Разумника по «делу» 1933 г.: «...один из следователей спросил меня, разделяю ли я “философское учение”, изложенное в десятом томе собрания сочинений Ленина? <Речь идет о книге “Материализм и эмпириокритицизм” — В. Б.> А на мой отрицательный ответ — сделал заключение: “Значит вы — идеалист, а не материалист?” Когда же я ответил, что я — не метафизик, а материализм и идеализм — одинаково метафизические течения, то этот элементарный ответ оказался для обоих следователей настолько непонятным, что впредь они уже не возобновляли бесед со мной на подобные темы» (Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремьы и ссылки. С. 186). Ср. также с записью из дневника М. М. Пришвина от 4 марта 1936 г.: «По рассказам Разумника, все его судьи находятся на низком культурном уровне, что великих инквизиторов вовсе нет (можно представить се-

Господство критической философии в европейской интеллектуальной ситуации начала века объяснялось принципиально новым взглядом на мир: обнаружив неопределенность сущего, человек отказался от поиска абсолютных первоначал и обратился к единственно реальной данности — к самому себе. Представив центром мировой воли и самосознания собственную персону, индивидуальное «я» нигилистически лишило себя последних опор и оснований. Но именно на такой зыбкой основе «беспочвенности» сознание принялось строить здание новой «философии самосознания». Метафизика была низведена до простого методологического приема, еще необходимого, но уже не обязательного⁸⁵. Главная задача философской критики заключалась в заполнении интеллектуального вакуума между самосознанием и жизнью (или — по Канту — между человеческим опытом и «вещью в себе») универсальными ответами-смыслами. «Критика — всегда должна *savoir plus long*⁸⁶, чем самый гениальный художник. Творческая интуиция художника подсознательна; критический анализ вы-

бе, что какой-нибудь следователь спросил: “Кто выше, Рембрандт или Рафаэль?”)». (*М. Пришвин. «Жить стало веселей...»* / Публ. Л. А. Рязановой // Октябрь. 1993. № 10. С. 9).

³¹ Ср. с выводом Хайдеггера о победе «мировоззрения» над «метафизикой», произошедшей в первой половине XX века благодаря распространению философии Ницше: «Сущностное следствие этого обстоятельства обнаруживается в том, что исторические решения теперь осознанно и намеренно и полностью перенесены из отдельных областей прежней культурной деятельности — политика, наука, искусство, общество — в область “мировоззрения”. “Мировоззрение” есть тот облик новоевропейской метафизики, который становится неизбежным, когда начинается ее завершение до безусловности. Следствие — своеобразное униформирование разнообразной до сих пор западноевропейской истории; ее униформность дает знать о себе метафизически в спаривании “идеи” и “ценности” как ведущего инструмента мировоззренческого истолкования мира» (*М. Хайдеггер. Время и бытие: Статьи и выступления.* — М., 1993. С. 175–176).

³² знать больше (*фр.*).

являет ее, ясно видит невидимое художнику; истинный критик должен *savoir plus long*, чем художник, иначе его «критика» не заслуживает этого имени»³³. Ориентиром для Иванова-Разумника стал интеллектуальный поиск Льва Шестова: «...вся творческая деятельность Л. Шестова была вызвана потребностью *понять жизнь*, а значит — ведь “*comprendre c’est pardonner*”³⁴ — и оправдать жизнь, объяснить смысл зла в мире, найти смысл жизни. Где возникают эти вопросы, там начинается философия, в каких бы формах она ни проявлялась: в форме ли философского трактата, или критической статьи, или трагедии и романа; надо только уметь узнавать эту философию под любыми формами — в этом задача литературно-философской критики»³⁵.

Книга «О смысле жизни», в основу которой был положен критический анализ творчества Ф. Сологуба, Л. Андреева и Л. Шестова, мало напоминала «законченную философскую систему»³⁶, однако выводы, сделанные ее автором, наглядно продемонстрировали возможности философской критики. Отвечая на вопрос о цели человече-

³³ *Иванов-Разумник*. [Соч.] Т. II. Творчество и критика. С. 5.

³⁴ *понять* — значит простить (*фр.*).

³⁵ *Иванов-Разумник*. О смысле жизни. С. 167.

³⁶ По Иванову-Разумнику, изучать чужое произведение в его эстетической целостности и самодостаточности — значит не выходить за рамки позитивистской «статики». Подлинный критик обязан «динамически» внедриться в творческое подсознание автора, чтобы извлечь оттуда устойчивую мировоззренческую формулу, именуемую смыслом. Следуя в том же направлении, что и автор, критик призван объективировать смысл как имманентный произведению замысел авторского сознания и, тем самым, стать равноправным субъектом творческого процесса. В целом имманентная «философская критика» предвосхищает практику феноменологической редукции, которая «исключает всякую объективную “установку” и вместе с ней все суждения относительно объективного мира», оставляя «только опыт в своей интуитивной самоданности: опыт этого дерева, этого дома, мира вообще», в результате чего «этот опыт обнаруживает себя как

ского существования, Иванов-Разумник пришел к трем универсальным ответам: в основу оправдания человека могут быть положены три альтернативные парадигмы: позитивная («Человечество»), трансцендентная («Бог»), имманентная («Человек»).

Цель всемирной истории, согласно требованиям «позитивной теории прогресса», наиболее полно представленной в популярном на рубеже двух столетий марксистском мировидении, — будущее всеобщее счастье, грядущее объединенное Человечество, ради создания которого люди неизбежно должны бороться, страдать и даже положить свои жизни здесь и сейчас. Смерть отдельного человека, будучи несчастьем для его родных и близких, не может стать помехой в реализации этих планов. Бессмертие человечества и его грядущая гармония — таков в соответствии с «позитивной теорией прогресса» смысл жизни, как всего человеческого рода, так и отдельно взятого индивидуума.

Общие утверждения сторонников «мистической теории прогресса», многие из которых на переломе веков эволюционировали от марксизма и позитивизма к религиозному идеализму, сводились к следующему: цель исторического процесса, а вместе с ней и смысл отдельного человеческого существования — трансцендентны, следовательно, антроподицея понимается как продолжение и завершение теодицеи. Человек живет, радуется и страдает во имя некоего идеального плана Создателя мира; соответственно, центральной задачей личности становится познание, раскрытие и воплощение этого плана, а значит, — совершение действий в соответствии с промыслом и волей Верховного Разума.

смысл самого предмета» (К. А. Свасьян. Феноменологическое познание. — Ереван, 1987. С. 80–81). Подробнее см.: В. Белоус. Иванов-Разумник как литературный критик // *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku.* — Gdańsk, 1999. S. 182–188.

Мировоззрение, именуемое автором книги «О смысле жизни» «имманентным субъективизмом», дает третий, принципиально отличающийся от двух предыдущих, ответ: жизнь объективно бессмысленна, а все трансцендентные цели иллюзорны; реален единственно тот смысл, которым субъект наделяет свои имманентные цели, обуславливая их принципом «человек-самоцель». Такой «этический индивидуализм» прямо восходит к Канту: как известно, классик немецкой философии не признавал объективной целесообразности и полагал, что в ряду субъективных причинно-следственных связей «конечной», «последней» целью для человека может быть только сам человек. Впрочем, если Кант возводил свой принцип в форму категорического императива, то Иванов-Разумник, отрицая обязательно-должный характер нравственности, предлагал следовать за Шестовым и объяснял ценность человеческой жизни элементарным проявлением «непосредственного чувства»: «Наш этический индивидуализм зиждется не на почве логики, а на почве психологии. Этической нормы нет, и пусть этически “все дозволено”, но существует, как факт, “психологическая норма” и растет с ростом человечества. Мы не можем убивать направо и налево наших личных врагов по той же причине, по которой не можем стать, например, людоедами: этому препятствует вовсе не логический довод, вовсе не этическая норма, но лишь непосредственное чувство, не логика, не этика, а психология человека и человечества»³⁷.

Аргументы «этического индивидуалиста» схожи с позицией «подпольного человека», но, в отличие от последнего, «имманентный субъективист» наделен социальным чувством, позволяющим ему видеть и ощущать многочисленные «ты». Он «принимает мир» и потому предпочитает

³⁷ *Иванов-Разумник. Заветное. С. 135–136.*

подполью индивидуального «я» сотрудничество с другими людьми. Выбор этот необязателен, незадан, ненормативен, а лишь вероятен и желателен, следовательно, никакой предопределенности в его осуществлении и быть не может. Пусть жизнь объективно бессмысленна — в этом утверждении для Иванова-Разумника нет «ничего мистического, ничего окончательного и нравственно разрешающего, ничего успокоительного»³⁸; она всего лишь своеобразный шанс, предоставленный человеку, — отказаться от всякого рода метафизических, трансцендентных иллюзий (которым сам человек присвоил имя «абсолюта») и определять смысл своего существования самостоятельно и свободно, следуя не «логике», но «психологии» жизни. «Действенная любовь к человеку — но ведь это опять “относительность”! Да, и в этом разница того, что было и что есть. Прежде человек любил, жертвуя собою во имя любви к абсолютному — к тому, что он считал абсолютным; он жертвовал собою во имя и во славу Бога, Государства, Человечества. И до сих пор жертвы эти не прекратились. Протопоп Аввакум погиб на костре во имя любви своей к Богу, Брут погиб во имя любви к Государству, неизвестные герои погибали во имя любви к Человечеству. И как бы все они ни понимали то, чем жили и что любили, но во всяком случае любовь их была любовью к абсолютному. Жертвы во имя такой любви — древни, как история. Бесконечно труднее другое — жить, строить и гибнуть во имя человека, во имя любви к нему. И уже от человека восходить к народу, к человечеству, к Богу — к вечной и единой жизни, в кипении которой весь “смысл” человеческих деяний и поступков»³⁹.

Таков, по Иванову-Разумнику, «путь приятия мира, путь оправдания мира». Добро и зло имманентны челове-

³⁸ Иванов-Разумник. О смысле жизни. С. 306.

³⁹ Иванов-Разумник. Заветное. С. 120–121.

ческой жизни, а значит оправдание их (то есть логическое осмысление) не имеет оснований. Мир можно только принимать или не принимать: «объективного смысла жизни нет, мировое зло не может быть оправдано — и все-таки мы принимаем мир силой непосредственного чувства...»⁴⁰ Приятие мира есть одновременно и путь оправдания человека. «Остается последний вопрос: но имею ли я *право* жить, раз рядом со мной остается в мире навеки неоправданное страдание? Да, я имею это право, потому что и сам являюсь носителем этого безвинного страдания; потому что и на мою голову падают тяжелые удары случайности; потому что не из прекрасного далека принимаю я неоправданное зло, услаждаясь своею “полнотой бытия”; потому что в эту полноту бытия входят и тяжелые переживания безвинной человеческой муки, своей и чужой...»⁴¹

Смысл жизни — в самой жизни. Именно «полнота бытия» в каждый конкретный момент придает оправдательный смысл человеческой конечности во времени⁴²; здесь разгадка тайны обыденного, повседневного жизнотворчества, имманентно присущего каждому отдельному существованию. Людей побуждает жить не какая-то внечеловеческая сила, а стихийное духовное самовоплощение. Смысл существования напрямую зависит от той внутренней энергии, именуемой волей, которую заключает в себе (в боль-

⁴⁰ Иванов-Разумник. О смысле жизни. С. 303–304.

⁴¹ Там же. С. 307.

⁴² Ср. с письмом Иванова-Разумника к ленинградской писательнице Л. Слонимской от 18 июня 1941 г., подписанным литературным псевдонимом «Скиф»: «Нельзя принимать одно и отвергать другое, надо уметь жить “во все стороны”, — о чем я когда-то, когда был молод, писал в книге «О смысле жизни», что повторяю (надеюсь — еще не скоро), когда буду стар, что повторяю вот и теперь» (Письма Р. В. Иванова-Разумника Л. Л. Слонимской / Публ. и примеч. В. Г. Белоуса // Звезда. 1996. № 3. С. 111).

шей или меньшей степени) каждая личность. Смысл жизни — в настоящем. «Конечной цели нет и не может быть, как нет и не может быть начальной причины; каждое данное звено причинно-телеологического ряда, каждое “я” есть следствие и цель и в то же время причина и средство; в каждый данный момент “я” есть пункт пересечения этих четырех элементов. Мы ищем цели в определенном пункте пути, а между тем не замечаем, что *целью является каждый данный момент*, что цель не в будущем, что цель — в настоящем...»⁴³

Иванов-Разумник не ставил перед собой цели создать «законченную философскую систему»: «построить теорию <...> может и человек вполне рационалистически на-

⁴³ *Иванов-Разумник. О смысле жизни. С. 76–77.* Остается загадкой, почему Иванов-Разумник, предпочитавший в своей первой «Антроподицее» вместо *конечных* целей вести разговор об *имманентных* целях развития человека и общества, в мемуарах отождествил коммунизм с принципом «человек-самоцель»: «Конечные цели коммунизма — бесклассовое общество, уничтожение государства — вполне соответствуют норме «человек-самоцель»; методы и пути большевизма для достижения этой цели — резко ей противоречат, а поэтому для меня и неприемлемы» (*Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремь и ссылки. С. 195*). Впрочем, схожие вопросы, адресованные Иванову-Разумнику, прозвучали еще в 1918 г. из уст недавнего коллеги по «Заветам»: «...десять лет тому назад <...> даровитый историк „русской общественной мысли“ <...> строго различал ближайшие и конечные цели социализма и, несомненно, сурово осуждал всякую попытку „соединять их в одно аморфное целое“ <имеется в виду книга «Что такое „махаяевщина“? К вопросу об интеллигенции». (1908) — В. Б.>; а теперь он стал снисходителен и, по-видимому, не только спокойно, но и одобрительно смотрит на чисто махаяевские эксперименты большевизма в этом направлении. Почему же Иванов-Разумник молчит? Почему не смеется, не иронизирует, не возмущается, не бичует, не мечет громов и молний? Почему?...» (*В. В. Лункевич. Большевизм и интеллигенция // Большевики у власти. Социально-политические итоги октябрьского переворота. — Пг.; М., 1918. С. 154–155*).

строенный», «подлинный философ» «должен оправдать ее жизнью и творчеством»⁴⁴. В конце концов жизнь и есть то, чем человек замещает абсолютное, то, что он выбирает в качестве относительного смысла существования. Безвольное «плавание по течению»⁴⁵ — ответ духовной черни, мещанства; интеллигенция, руководствуясь принципом «этического индивидуализма» («человек-самоцель»), не должна подчиняться никакой внешней силе или поддаваться какому-либо самообману, ее конечный выбор — манифестация принципа «да будет воля моя!»

«Год революции» в полной мере предоставил Иванову-Разумнику возможность заявить свой символ веры. В его устах ответ на вечный вопрос Понтия Пилата об истине прозвучал новой «благой вестью» — пророчеством о «скифской» миссии России. Слова, окрашенные яркой религиозной символикой, приобрели новый смысл. Резко изменился стиль письма, наполнившегося пафосным звучанием, афористической легкостью и силой. Ирония, столь характерная для его обращений в адрес идейных противников, сменилась открытым сарказмом, а на смену редким, но естественным сомнениям пришло непоколебимое убеждение в личной правоте. Хотя собственный

⁴⁴ *Иванов-Разумник. Вершины. С. 70.* Тема «истинности» («подлинности») философии восходит к Платону, который советовал «душе сосредоточиваться и собираться в себе самой, верить только себе, когда, сама в себе, она мыслит о том, что существует само по себе, и не считать истинным ничего из того, что она с помощью другого исследует из других вещей». «Истинному философу» надлежит всегда идти «своим путем: в уверенности, что нельзя перечить философии и противиться освобождению и очищению», идти своей дорогой, «куда бы она не повела» (См.: *Платон. Соч.: В 3-х т. Т. 2. С. 48–49*).

⁴⁵ Ср.: «Недопустимо, что личности, уже в силу уровня своего интеллекта обязанные принять ответственность за наше время, живут подобно черни, плывут по течению поверхностных сиюминутных перемен, оставив поиск точной и свободной ориентации в ходе истории». (*Х. Ортега-и-Гассет. Что такое философия? М., 1991. С. 8*).

путь и представлялся Иванову-Разумнику восхождением на Голгофу, однако, вероятно, более всего он походил на абсурдное подвижничество Сизифа: «Знаю, что всякое колесо — раздавит, что лучше отойти в сторону, но не отойду»⁴⁶. В каких бы драматических красках ни рассматривалось будущее, за таким стоическим поведением скрывалась вера, что, в конечном счете, всегда побеждает осмысленная жизнь, путеводной нитью которой является принцип «здесь и теперь». Все вызовы мира — войны, политические перевороты, изгнания и катакомбы — рассматривались Ивановым-Разумником как испытания, предначертанные каждому человеку. Если он выдержит и не сломается, тогда желаемое преобразование состоится «здесь и теперь», сломается — «пусть»: преобразование неминуемо предстоит пережить последующим поколениям. Поражение в настоящем не должно пугать или смирать; оно означает неминуемую победу в будущем, если человек будет следовать своему выбору до конца.

Принципиальная позиция своеволия была предельно отчетливо сформулирована в исповедальном письме Иванова-Разумника к А. Блоку, написанном 20 сентября 1918 года после «долгих» совместных разговоров о книге Е. Полетаева и Н. Пунина «Против цивилизации» (напомним, что именно этот текст автор впоследствии считал отправной точкой в работе над своей «Антроподицеей»):

«Дорогой Александр Александрович — додумывая сейчас, поздней ночью, наш сегодняшний дневной разговор,

⁴⁶ Из письма Иванова-Разумника к Андрею Белому от 29 апреля 1917 г. (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 104). Спустя два дня после большевистского переворота он резко отмежевался как от победителей, так и от проигравших: «*свое лицо* — самое дорогое, самое святое, что только может быть у человека» (Иванов-Разумник. Год революции. Статьи 1917 года. — СПб., 1918. С. 79).

берусь за перо, чтобы “поставить точку над i” (хотя бы и упраздненным).

“Организация хаоса” людьми. Безднадежность попыток, если “мы только люди”. Разделение людей по двум самосознаниям: “только люди” и “не только люди” (все то же, давнишнее: “реалисты” и “романтики”⁴⁷). Вы сказали, между прочим, что за последние годы я по этой линии мысли подошел к “вам”⁴⁸ (не только Вам). Думаю над

⁴⁷ Иванов-Разумник подразумевает свою статью «Вечные пути (реализм и романтизм)» (Заветы. 1914. № 3. Отд. II. С. 93—110). Объяснив «реализм» («вечное стремление к земной реальной действительности, вечное тяготение к “человеческому, слишком человеческому”, любовь к земле, к *этой* земле, не преображенной, ограниченной пространством трех измерений») и «романтизм» («вечное стремление и проникновение за пределы земной реальности, за пределы разума, <...> мистическое соприкосновение мирам иным») — «двумя полюсами человеческого духа», двумя противоположными «психологическими категориями» и особыми способами «миропознавания», автор сформулировал здесь программные принципы «нового реалистического сознания», к «адептам» которого отнес и самого себя: «Действенной любовью к человеку должны мы преодолевать декадентскую отъединенность, стремлением к преобразению жизни должны мы освящать и принимать жизнь; но и преобразование, и преодоление эти — строятся на почве реализма. В борьбе с жизнью должны мы заслужить жизнь, полностью переживаний должны мы осмыслить жизнь, но для этого нам нет необходимости выходить за ее пределы, в область мировоззрения “романтизма”» (Там же. С. 110).

⁴⁸ Любопытно сравнить это замечание с выводом А. А. Гизетти, который, резко критически оценивая «скифские» мотивы в творчестве Иванова-Разумника, писал весной 1918 г.: «...бунт „Скифов“ неизбежно должен завершиться *религиозным народничеством*, новой формой *мистического анархизма*. Дух “скифского” мятежа есть чисто-романтическое (в смысле прежних определений этого понятия Ивановым-Разумником) стремление за “пределы предельного”, за пределы “трехмерного” мира, это бунт — против законов природы во имя абсолютного произвола *неразумной* воли — инстинкта. <...> ...какова при всем этом роль Иванова-Разумника? Ведь он неоднократно заявлял, что типы романтика и реалиста непримиримы, и *себя* причислил к реалистам. Как же он теперь очутился во главе необузданной про-

этим, и вот что чувствую: и верно это и не верно; а чтобы не ходить в чужих перьях, надо показывать себя тем, что ты в действительности.

Верно это вот в чем. Никогда не был я в вере детского позитивизма “мы — только люди”), и всегда знал — и не только “знал” — что правда на другой стороне. Знал смутно и мало, знаю тверже и больше; прежде говорил “быть может”, теперь говорю — “наверное”. По этому пути десяти-пятнадцати лет я, несомненно, подошел к “вам”, отошел не только от позитивизма⁴⁹, но и от шестовского

паганды мистического романтизма, пропаганды духа Дионисова в его чистом виде, враждебном Аполлону, враждебном разуму, воле, художественной мере. И добро бы это служение стихиям недавно еще грешившего чрезмерным рационализмом и схематизмом <...> писателя было беззаветно-восторженным, безоглядным... <...> Не оттого ли легко уверовал, что всегда носил в себе глубоко запртанной внутри душу “подпольного человека”, *бунтаря-надрывника* и только успокаивал себя благополучными схемами. А теперь вырвана почва из-под ног, и все закружилось, полетело в пропасть» (А. Гизетти. Стихия и творчество (Русская литература пред лицом революции) // Мысль. Сб. 1. Пг., 1918. С. 245–247).

⁴⁹ В конце 1890-х гг. Р. Ивановым был написан ряд философских работ с ярко выраженных позитивистских позиций: «Мое мировоззрение» (1895–1896), «Метафизические понятия науки» (1898) и «Философия физики» (1899–1900). В первом из них он, в частности, представлял историю человечества как «борьбу рассудка с воображением»: «В начале всемирной истории властным и единственным царем человека было *воображение*; чем дальше идет человек в своем развитии, тем более и более оттесняется воображение и воцаряется *разум* или рассудок; когда человек достигнет апогея развития, всевластным царем будет один разум, без малейшей примеси воображения» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 77. Л. 25об.). Столь же рационалистически интерпретировалась юным автором и тема абсолюта: «...*вечное стремление каждого атома к истине я и называю Богом*. <...> Бог — это вечное стремление всего к истине»; рядом с этими словами имеется более поздняя приписка: «По этой и следующей главе очень интересно проследить, как я, будучи 15-летним мальчиком, колебался между верой и неверием; утверждая что *верю* в Бога и бессмертие души,

нитцшеанства⁵⁰; если раньше воздушный шар я считал мыльным пузырем⁵¹ (лишь иллюзия подъема и — лопнул), то теперь я знаю, что есть и подлинные подъемы, хотя бы и безмерно редкие. <...> Сошлись ли мы *il mezzo cammin*⁵² нашей жизни? Быть может да, быть может нет, и нет вот почему: потому что чувствую себя ни на волос не сдвинувшимся с прежнего неприятия не моей воли.

В этом все дело. И мне здесь глубоко враждебны самые разнообразные “линии поведения”: и либеральный “прогресс” с позитивным “человекобожием”, и коммунистическое “человечествобожие”, и всяческое “богобожие”. Ибо все они, безмерно разные, сходятся в одном: “Да будет воля Твоя” (кто бы ни был для них “Он”). Я же хоть и не хочу “заявить своеволие”, как Кириллов⁵³, ибо мир приемлю, ибо чувствую даже, что “Он” и есть “Я” (и я), то есть

я в сущности только старался убедить себя этим и увильнуть от вопроса...» (ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 77. Л. 21–21об.).

⁵⁰ Вероятно, здесь подразумевается следование ницшеанскому принципу «*amor fati*» (любовь к судьбе), в основе которого лежит принятие человеком своего жизненного удела («необходимости»), о чем Иванов-Разумник подробно рассуждает в книге «О смысле жизни» (С. 209).

⁵¹ Ср.: «Да, везде стена и нигде нет прохода, нигде нет ворот с надписью: „мировое зло осмыслено, человеческие страдания оправданы“... Правда, можно попытаться перелететь через стену на мыльном пузыре трансцендентных утешений; такой полет и совершают все сторонники мистической теории прогресса. Пусть себе летают и утешают себя мыслью, что им удастся перелететь через стену, оправдать человеческие страдания, осмыслить мировое зло... Мы раз навсегда отказались от всяких трансцендентных иллюзий и стоим на имманентной почве, не пугаясь никакой „свиристелей имманенции“» (Иванов-Разумник. О смысле жизни. С. 306).

⁵² В половине пути (итал.).

⁵³ Ср.: «Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя. Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы; тут всё, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот бог» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Т. 10. С. 94).

знаю чувство сыновства, но не могу быть и раскаявшимся блудным сыном, для которого заколают тельца⁵⁴. И если даже сам я когда-то предопределил пути (помните: “И совещались мы, Трое”...⁵⁵), то теперь, будучи человеком, — пусть и “не только” человеком, — я этой гармонии не приемлю и “почтительнейше билет возвращаю”⁵⁶. Принимаю мир, не принимаю бога (в себе же!) и в этом месте — “да будет воля моя”.

⁵⁴ Интерпретируя евангельскую притчу о блудном сыне (Лк. 15, 11–32), Иванов-Разумник отказывается выступать в роли «грешника», надеющегося на последующее оправдание и прощение.

⁵⁵ Ссылка на стихотворение Ф. Сологуба «В первоначальном мерцании» (1899), которое частично воспроизведено в книге «О смысле жизни» (С. 211): «И совещались мы трое, / Радостно жизнь расцвела. / Но — на благое и злое / Я разделил все дела. / Боги в гневе суровом / Прокляли злое и злых, / И разделяющим словом / Был я отторжен от них...» Эти слова автор письма, вероятно, воспринимал как параллель близким духовным связям между ним, А. Блоком и Андреем Белым.

⁵⁶ Слова Ивана Карамазова, адресованные брату Алексею: «Не хочу гармонии, из-за любви к человечеству не хочу. Я хочу оставаться лучше со страданиями неотомщенными. Лучше уж я останусь при неотомщенном страдании моем и неутоленном негодовании моем, хотя бы я был и неправ. Да и слишком дорого оценили гармонию, не по карману нашему вовсе столько платить за вход. А потому свой билет на вход спешу возратить обратно. И если только я честный человек, то обязан возратить его как можно заранее. Это и делаю. Не бога я не принимаю, Алеша, я только билет ему почтительнейше возвращаю» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 223). Ср. также с ироническим описанием выступления Иванова-Разумника в прениях по докладу Н. О. Лосского «Бог в системе органического миропонимания»: «Потом литературовед Иванов-Разумник <...>, встав на позицию не то байроновского героя, не то Ивана Карамазова, высказался в направлении не отрицания Бога, а его неприятия в случае, если бы он захотел низойти на него, не спросивши на то предварительного разрешения» (Б. Н. Лосский. Наша семья в пору лихолетья 1914–1922 годов // Минувшее. Исторический альманах. 12. М.—СПб., 1993. С. 59). Упоминаемый здесь «байроновский герой» — Люцифер, персонаж драматической мистерии Дж. Г. Байрона «Каин» (1821).

Отсюда — признание слабого, смертного, “только” человека — за последнюю ступень моего пути <...>. И здесь — я не сдвинулся ни на волос от книги “О смысле жизни”, которую писал ровно десять лет назад. Наоборот: чем больше верю и знаю я, что мы «не только» люди, тем тверже буду я “только” человеком⁵⁷.

Это — “демонизм”, “люциферианство”? Конечно. Если “да будет воля Твоя” — подлинное христианство, то пусть “да будет воля моя” — будет “люциферианством”. Но я знаю, что это „люциферианство“ так же близко Христу, как “христианство” (не говоря уже об историческом!) близко к другому полюсу⁵⁸.

«Люциферианство» возникает в письме Иванова-Разумника далеко не случайно; пожалуй, эта тема, как никакая

⁵⁷ Ср. с «Письмом о гуманизме» (1947) М. Хайдеггера: «Существо человека состоит, однако, в том, что он больше, чем просто человек, если представить последнего как разумное живое существо. Больше здесь нельзя понимать суммарно, как если бы традиционная дефиниция человека должна была вообще-то оставаться его базовым определением, только нужно было потом расширить ее добавкой “эк-зистенциальности”. Это больше значит тут: изначальное и потому принципиально-сущностнее. Но тут обнаруживается загадочное: человек экзистирует в брошенности. Это значит: в качестве эк-зистирующего броска в ответ на вызов бытия человек настолько же больше, чем *animal rationale* <разумное животное (*лат.*)>, насколько он, наоборот, меньше по отношению к человеку, понимающему себя из субъективности. Человек не господин сущего. Человек пастух бытия. В этом меньше человек ни с чем не расстается, он только приобретает, прикасаясь к истине бытия. Он приобретает необходимую бедность пастуха, чье достоинство покоится на том, что он самим бытием призван к сбережению его истины. Этот призыв приходит как тот бросок, из которого происходит брошенность бытия-вот. Человек в своей бытийно-исторической сути есть сущее, чье бытие, будучи эк-зистенцией, заключается в обитании вблизи бытия. Человек — сосед бытия» (М. Хайдеггер. *Время и бытие*. С. 208).

⁵⁸ Переписка с Р. В. Ивановым-Разумником // Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 407–408.

другая, принадлежит к тем важнейшим смыслообразующим концептам, вокруг которых в те годы ведут принципиальнейшие споры лучшие умы России и Европы. Так, С. Н. Булгаков с позиций ортодоксального христианства полностью отвергает «имманентизм» и его продукт — «культ Люцифера»: «Сатана принимает лик Люцифера, гностического учителя, который сулит знание на пути холодного развития и укрепления своего *ego*. <...> Отвлеченный гнозис есть функция *ego*, между тем как Божья заповедь повелевала преодолеть этот эгоцентризм в любви супружеской, космической, божественной. Пробуждение чувственности и похоть знания имели здесь один источник — в злоупотреблении человека своею ипостасностью. Отвращаясь от Бога, человек обращает лицо к миру, к творению, впадает в односторонний *космизм* (“имманентизм”); он жаждет уже только мира, а не Бога, совершает измену любви божественной»⁵⁹. Для Вяч. Иванова демоническое, богоборческое «люциферианство» есть проявление «духа возмущения», которое нельзя принять, но невозможно и игнорировать: «Люцифер в человеке — начало его одинокой самостоятельности, его своевольного самоутверждения в отъединении от целого, в отчужденности от “божественного всеединства”. Он говорит людям: “вы будете, как боги”, — и выполняет свое обещание — как тем, что единый Адам, названный в Евангелии “сыном Божиим”, раздробляется на множество “как бы божеских” личных волей, так и тем, что человеческая божественность в этом раздроблении оказывается, с одной стороны, в самом деле данною, даже до вмещения в личное сознание не только всего творения, но и самого Бога, как идеи, с другой же стороны, — не реальною,

⁵⁹ С. Н. Булгаков. Свет невечерний. Созерцания и умозрения. — М., 1994. С. 273. (Книга вышла в свет в московском издательстве «Путь» в 1917 г.; ее отдельные фрагменты печатались в периодике в 1914–1916 гг.).

а лишь мыслимою и замкнутою во внутреннем мире личности — до тоски одиночного узничества и до отчаяния в собственном бытии»⁶⁰. И, наконец, еще одна точка зрения, представленная в лекциях Штейнера (с начала 1910-х гг. широко распространяемых и обсуждаемых в русских антропософских кругах), по сути дела «оправдывает» Люцифера: «Человек начинает идти к свободе лишь с того момента, когда вместе с принципом Люцифера у него является свободный выбор между добром и злом. После того как названный принцип оплодотворил человечество и дал ему внутреннюю свободу индивидуальности, на следующей ступени, которую предстоит пройти человечеству, оно будет оплодотворено началом Христа. Принцип Люцифера оплодотворил все человечество — принцип Христа оплодотворяет каждую отдельную индивидуальность»⁶¹.

⁶⁰ В. Иванов. Собр. соч. Т. IV. Брюссель, 1987. С. 448. (Из статьи «Лик и личины России. К исследованию идеологии Достоевского», впервые опубликованной в журнале «Русская мысль» в январе 1917 г.). Вяч. Иванов полемизирует со «скифскими» взглядами Иванова-Разумника в статье «Кручи», одна из главков которой называется «Гуманизм и скифы». Ср.: «Но та же самая историческая действительность «градоустроительного животного» ныне, по-видимому, мстит за себя. И как бы много элементов старинного революционного предания, идущего от XVIII века, и красного культуртрегерства ни примешивалось к составу того мелинита, взрывы которого так перевернули вокруг нас вверх дном всё, чего доселе еще не разрушили, — не на гуманистической закваске поднялось это тесто, и не напечешь из него опресноков, потребных для обоготворения «гордого человека», для ереси «человекобожия», соблазн коей усмотрели в нем некоторые религиозно-мнительные наши современники. Ибо есть в нем живая закваска, и имя этой закваске — воля Адама, — не благая и не злая сама по себе, скорее — благая и злая вместе, — к реализации своего единства, — тот же, стало быть, древний импульс, что сказывался еще в Платоновских прозрениях антигуманистического Града» (Записки мечтателей. Пб., 1919. № 1. С. 112).

⁶¹ Р. Штайнер. Из области духовного знания или антропософии: Статьи, лекции и драматическая сцена в переводах начала века. М.,

Возвращаясь к позиции Иванова-Разумника, отметим весьма характерное обстоятельство: по свидетельству А. З. Штейнберга, его «Антроподицея» создавалась «в противовес теодицее». Действительно, о своих расхождениях с ведущими представителями русской религиозной философии Иванов-Разумник заявил еще в начале 1910-х годов: «...Бесплодно и ненасыщаемо всякое узкое сектантство, уходящее от мира. И здесь причина того, почему они так бесконечно далеки от всех людей жизни, всех людей живого дела. Они Слово жизни подменили безжизненным сло-

1997. С. 245. В этом плане любопытно мемуарное свидетельство В. Д. Пришвиной, будто Иванов-Разумник был «чужд Пришвину своими интересами политика, своими убеждениями *антропософа* <курсив наш — В. Б.>» (М. М. Пришвин, В. Д. Пришвина. Мы с тобой: Дневник любви. — М., 1996. С. 18), удостоверяемое изложением позиции Иванова-Разумника в общем разговоре, состоявшемся в конце января 1940 г. (в письме к М. М. Пришвину): «Мне тяжела замороженность Р. В-ча в симпатиях к гностицизму и его присным: Белому, Штейнеру; его вкус к схематизму в вопросах духовной жизни... <...> Забыла прошлый раз напомнить Р. В-чу: Ваш Розанов со слов ап. Павла пишет где-то: „святые будут судить мир“. Куда же деть в таком случае все 40 томов этого доктора (Штейнера), ради изучения которых хотел бы Р. В. еще раз „воплотиться“?» (Там же. С. 61). Автору этих строк в сентябре 1979 г. довелось лично услышать данную версию из уст Валерии Дмитриевны, но до сих пор мы не нашли ей никаких документальных подтверждений. На наш взгляд, вряд ли стоит всерьез рассматривать ироническую позицию Иванова-Разумника в дискуссии с молодой женщиной, тем более в 1940 году (несколькими страницами ранее автор приводит слова Иванова-Разумника, адресованные Пришвину: «надо бы вам ее проверить»), в качестве убедительного аргумента. Читал ли он Штейнера или же только намеревался прочесть в следующем «воплощении», но «штейнерианцем» или антропософом (даже несмотря на свою многолетнюю дружбу с Андреем Белым) он никогда не был. Другое дело, что поиск, который вел автор «Антроподицеи», безусловно можно назвать *параллельным* антропософским исканиям — параллельным в той системе интеллектуальных координат, когда исходные интенции и конечные цели совпадают, но пути ни в чем не соприкасаются.

вом; они ушли от жизни в словесные схемы. Они думают, что мир должен быть преображен и спасен одним человеком (кто бы ни был этот человек), — и мне уже пришлось указать на величайшее кощунство этой веры. Ибо <...> в мире — спасение человека, а не в человеке — спасение мира... Тут может быть и лежит глубочайшая колей расхождения между ними и нами, между тем, что исповедуем “мы”, и что проповедуют “они”. Мы верим в человека “имманентного”, в человечество “имманентное”, не “преображенное”, мы строим на этой основе и ждем победы на этой почве. И в этом отношении мы — “реалисты”, каковы бы ни были мистические переживания отдельных из нас. Они верят только в человечество, чудом “преображенное”, строят свою веру только на нем, ждут победы от чуда, от преображения и вне его не видят спасения. И в этом отношении они “мистики” (хотя, быть может, в переживаниях своих даже и близко к мистицизму не подходившие). Они верят в трансцендентное, мы — в имманентное. Они живут в абсолютном, мы — в относительном»⁶².

Если в своем *первом* «оправдании человека» Иванов-Разумник вел борьбу с религиозной философией, не вступая в область «мистического» опыта⁶³, то спустя десять лет его

⁶² *Иванов-Разумник. Заветное. С. 118.*

⁶³ В этой связи любопытно отметить, что сразу же после выхода книги «О смысле жизни» один из рецензентов углядел в мировоззрении автора усердно отвергаемый мистицизм: «Иванов-Разумник волен думать, что он на новом, третьем пути, на самом же деле он обеими ногами стоит на дороге мистицизма, с той лишь (вовсе не существенной) разницей, что у его мистицизма отрублен телеологический хвост или даже не отрублен, а лишь перенесен из будущего в настоящее» (Н. Л. [Рец.]. *Иванов-Разумник. О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов.* — Спб., 1908 // Исторический вестник. 1909. Т. XVI. Май. С. 696). Другой рецензент, напротив, упрекнул автора в позитивистском смешении «ужасов надполю с трагедией, с личным несчастьем, загоняющим человека в подполье», заявив о невозможности подобным образом, с позиций «обыденной

мировоззрение изменилось радикальнейшим образом. Теперь он был уже готов пересечь границу профанного и сакрального, расширить область имманентного за счет трансцендентного. Именно поэтому интеллектуальные усилия «товарища председателя» Вольфилы следует рассматривать в контексте общей задачи, которую сформулировала русская мысль начала века: переосмыслить свою «теодицею» как *антроподицею*⁶⁴. Для теодицеи принципиально важна «объективная» эсхатология; события приобретают завершенную форму очевидной развязки исторической драмы и окончательной разгадки природы зла благодаря априорному положительному ответу на вопрос о существовании некоего высшего, над-человеческого разума, оправдывающему страдания человека мудрым порядком всей системы — «предустановленной гармонией», как у Лейбница, или грядущим марксистским государством будущего — *Zukunftsstaat*'ом. Антроподицея призвана дать человеческому существованию «всего лишь» субъективное оправдание, наделяя смысл истории «этической целесообразностью» — значением, воплощенным уже не в божестве или в обожествленном человечестве, но в волеизъявлении каждого отдельного «только человека».

Семантика слова «оправдание» множественна: в нем заключено и признание кого-либо невиновным, и утверждение человеком собственной правоты, и поиски последней правды. В конечном итоге оправдание означает выбор ис-

философии», решать вопросы «философии трагедии» (См.: Е. Исаков. Новое мировоззрение (По поводу книги Иванова-Разумника «О смысле жизни») // Русская мысль. 1909. № 6. Отд. II. С. 27–39).

⁶⁴ Схожую постановку задачи (с принципиально иным вариантом решения) находим у Н. Бердяева: «Много писали оправданий Бога, теодицей. Но наступает пора писать *оправдание человека — антроподицею*. Быть может, антроподицея есть единственный путь к теодицее, единственный не изжитый и не исчерпанный путь» (Н.А. Бердяев. Смысл творчества. Опыт оправдания человека // Н. А. Бердяев. Философия свободы. Смысл творчества. — М., 1989. С. 261).

полненного правдой действия. Человек сам по себе имманентная загадка, рационалистической разгадкой которой является прожитая им жизнь. Путь интегрирует каждое из прожитых мгновений-импровизаций, и судьба ему раскрывается лишь *post factum*. Самоутверждение, а значит, и оправдание человека, по Иванову-Разумнику, состоится, когда откроется такая «последняя» субъективная правда, благодаря которой обнаружится подлинная цель бытия человека на Земле. Но может ли «старый человек на старой земле» заявить во всеуслышанье: да будет воля *моя*!?

Так от смысла индивидуального существования тема оправдания восходит к смыслу человеческой истории, который представляется Иванову-Разумнику трагедией преобразования — рождения «нового человека» через пробуждение индивидуального самосознания и воли. Делясь с А. З. Штейнбергом замыслом «оправдания человека», Иванов-Разумник говорил: «Вы знаете, я теперь занят своей “Антроподицеей”. И в посильных моих попытках “оправдания человека” я погрузился в изучение Ветхого Завета. Читаю его и иногда все кажется, что тон, так сказать, знакомый. Ну да! Звучит как у Шестова: в простоте Твоей мироздание творится и рушится... Тут и Вавилонская башня, и Содом и Гоморра, и паскалевское бесконечно малое и бесконечно большое...»⁶⁵ Ветхозаветная история демонстрирует образ человека, рожденного под защитой и покровительством Бога: Адам — творение Божие, созданное Творцом «по образу Своему» (Быт. 1, 27) — даже изгнанный из рая, продолжает оставаться с Ним (буквально: «с-Он» — «сон»). «Богоотцовство» подразумевает полное, безраздельное подчинение человеческой воли (какая еще величина может быть олицетворением столь «бесконечно малого»!) воле Божьей. Вот почему Ветхий Завет (основная тема которого — страх, который человек испы-

⁶⁵ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 236.

тывает перед Богом), воплощающий в себе всю тщетность попыток отдельной личности выйти за пределы божественной воли, напомнил Иванову-Разумнику писания Льва Шестова, вся гениальная «беспочвенность» которого была «гласом вопиющего» — призывом покаянного возвращения под покровительство Господне.

Воплощенный в Новом Завете принцип «богосыновства» революционным образом сменяет ветхозаветное «богоотцовство». Рождение Иисуса Христа знаменует рождение Сына (Адам — всего лишь тварь Господня), посланного Богом в мир не для того, «чтобы судить мир, но чтобы мир спасен был чрез Него»⁶⁶. Христос несет с собой свет, позволяющий людям видеть во тьме, и, одновременно, Он требует от паствы полного подчинения: «иди за Мною»⁶⁷, а значит оставайся в состоянии сна, для свой сладкий «с-Он» пребывания в воле Божьей, заставляющий забыть о своей собственной воле; или помни о ней, но помни как об источнике зла, и потому беги от нее, спасайся под сенью Господней. Возможно ли (а значит, оправданно ли) историческое и культурное появление нового принципа — «богобратства», с подчеркнутым Ивановым-Разумником восхождением человека к Богу на равных: да будет воля *моя*?

«Богобратство» (пробуждение и преображение) означает воссоединение человека и его воли, превращение паскалевского «бесконечно малого» в «бесконечно большое». Пока человек находился в состоянии сна, не принимая участия в творении мира, действительность изменялась по своим внутренним законам или же по воле Божьей (что одинаково не имело отношения к волеизъявлению человека). Пробудившись и увидев себя во всем своем естестве, не удовлетворенный собой и миром, он покусился на изменение правил человеческого существования. Если сон —

⁶⁶ Ин. 3, 17.

⁶⁷ Ин. 21, 19 (22).

это бытование в мнимом, иллюзорном, абстрактном, балансирование на грани между жизнью и небытием, то явь (буквально: я — в) означает самодостаточное, осмысленное существование внутри самого бытия. Такая форма существования может быть понята как «смерть Бога» (Ницше) и осмыслена в форме вопроса, сформулированного Хайдеггером: «не созрел ли человек для того бытийствования, вовнутрь которого он ввергается изнутри самого бытия, не созрел ли он настолько, чтобы выстоять в такой своей судьбе на основе своей сущности и без всякой мнимой подмоги чисто внешних мер?»⁶⁸ Но подобное толкование «пробуждения» может быть интерпретировано и как «антихристова музыка» — звучащий отовсюду гимн «о грядущем во имя свое сверхчеловеке-самозванце»⁶⁹.

На границе между сном и явью — пробуждение, рождение нового человека, трактуемое как трагедия индивидуального преображения (что это не «драма», а «трагедия» для Иванова-Разумника очевидно, ибо «между драмой и трагедией та разница, что драма есть смерть человека, а трагедия — духовное рождение его в муках и страданиях»⁷⁰). Иллюстрируя эту мысль на примере судьбы главного героя романа Андрея Белого «Москва», он писал: «Из абстракции Коробкин должен родиться в конкретность, из профессора должен родиться человек — а это и есть тема трагедии... Человек же может родиться в душе только тог-

⁶⁸ М. Хайдеггер. Работы и размышления разных лет. М., 1993. С. 206.

⁶⁹ С. Н. Булгаков. Соч.: В 2-х т. Т. 1. С. 486.

⁷⁰ Иванов-Разумник. Заветное. С. 142. Ср. с противоположной точкой зрения, выраженной С. Н. Булгаковым в статье «Русская трагедия» (1914): «...по внутреннему же смыслу ход и развитие трагедии определяется не человеком с его личной драмой в его эмпирической, бытовой, временной оболочке, но надчеловеческим, сверхчеловеческим <...> законом, неким божественным фатумом, который осуществляет свои приговоры с неотвратимой силой» (С. Н. Булгаков. Соч.: В 2-х т. Т. 2. С. 499).

да, когда он поймет другого человека, а душою охватит весь мир (тема Лира, Гамлета), когда Коробкин станет сперва “Каппа”-Коробкиным (осанна!), а потом пройдет через страсти, когда у него откроются глаза...»⁷¹ Именно с этого момента начинается путь оправдания человека, опыт зрячего вхождения его одинокого «я» — в мир, попытка за неопределенной поверхностью разглядеть глубинную реальность и мира, и самого себя.

Трагедия пробуждения есть путь испытаний: «Опыт Испытания / Искушения»⁷² не только нравственного порядка; он включается в религиозную и историческую драму; он вызывает к действию нашу свободу во времени перед Богом и Сатаной. На различных стадиях осуществления замысла Божия человек как бы подвергается допросу»⁷³. Испытание не тождественно наказанию; в конце концов человек сам выбирает, что ему отвечать на сакральный вопрос «зачем?»: спать ему или бодрствовать, забыться или бытийствовать. Испытанием человек проверяет себя на предмет подлинности собственного существования⁷⁴. Если

⁷¹ *Иванов-Разумник. «Москва»* (план ненаписанной статьи) / Вступ. статья и публ. В. Белоуса // Андрей Белый. Публикации. Исследования. — М., 2002. С. 142..

⁷² Ср. с названием доклада Иванова-Разумника на XII открытом заседании ВФА 1 февраля 1920 г. — «Три искушения. Христианство и социализм» (текст, которого, к сожалению, не сохранился).

⁷³ *Словарь библейского богословия*. — Брюссель, 1990. С. 472.

⁷⁴ Возникает примечательная параллель между предметом рассуждений Иванова-Разумника и выводами Вяч. Иванова в статье «Лик и личности России», где подробно развивается тема «люциферизма». Если исходную позицию обоих мыслителей можно назвать почти тождественной, то вытекающие из нее выводы разнятся принципиальным образом. Ср.: «От начала посясторонней человеческой истории предстоит человеку Люцифер, как его искуситель, как его испытатель. Человек, чтобы оправдаться в этом испытании, должен сам *найти свое другое, как точку опоры* <курсив наш — В. Б.>, — должен действием любви и той веры, которая уже заключается в любви и ее обуславливает, обрести свое ты еси. Восходя, как наставляет Платон, по ступеням

понимать — значит принимать мир, то смыслы как раз и делают его зрячим. Открывая все новые и новые смыслы своего индивидуального бытия, человек творит мир, одновременно изменяясь сам, поскольку его свободное творчество не просто изменяет мир, но практически воплощает в жизнь принцип «богобратства». Так реализуется первое и главное условие понимания мира — видеть; за текущим, историческим, сиюминутным видеть непреходящее, над-историческое, подлинное. Самопознание позволяет обрести (увидеть) высшую правду, которая, как считает Иванов-Разумник, есть правда духовная. Именно от нее исходит вызов, обращенный к человеку: сможет ли он преобразиться, то есть самовольно выбирать и одновременно соответствовать божественному промыслу.

До сих пор история человечества демонстрировала два основных культурно-исторических принципа: «бого-водительство», воплотившееся в иудействе, и «человеко-водительство», ставшее путеводным ориентиром арийства⁷⁵. Что сильнее: «огненный столб» наказания или «огонь Прометея», символизирующий своеволие; принцип «рассеяния» («Вавилонская башня») или собирания («интернационал, коммунизм»)? Иудейство убеждает божественным вразумлением Ионы, который отказался повиноваться промыслу, и горячей верой Авраама, вернувшей ему сына, и множеством других ветхозаветных «историй», основанных на страхе человека перед Богом. Парализуя разум,

любви, он учится открывать на каждой новой ступени в любимом все большее причастие бытию истинному и через то вырастает в бытии сам, приобщаясь ему от любимого, — пока, в своем алкании безусловного бытия в другом сущем, не узнает несказанным возгорением своего сердца Единого Возлюбленного, объемлющего, утверждающего и спасающего в себе все другие любви, и не причаститься от Него истинному богосыновству» (В. Иванов. Собр. соч. Т. IV. С. 449–450).

⁷⁵ Содержание доклада Иванова-Разумника «Проблемы личности» на XLII заседании ВФА 11 сентября 1920 г. реконструируется здесь на основании конспекта Конст. Эрберга. См.: Наст. изд. Кн.2. С. 84–85.

страх лишает человека какого-либо выбора — пространства для проявления своеволия. Только библейский Иов возражал Богу так, будто был Ему равным, не подозревая, что на самом деле является игрушкой в споре высших сил — Бога и Дьявола. В арийстве — «антропократия», или активно соперничающая с божественной человеческая воля («творческая ненависть»), в своем стремлении к абсолюту отказывающаяся от услуг разума и в конце концов погружающая человека в пучину безумия (самый яркий пример тому — Ницше). По Иванову-Разумнику, ни воля, униженная до «бесконечно малого», ни воля, самовозвеличившаяся до «бесконечно большого», одинаково не приводят человека к подлинному смыслу его существования.

Третий принцип — «скифство: “да будет воля *моя*”»; путь его реализации — тотальная трансформация, преобразование человека. Тему духовного преображения Иванов-Разумник ведет из глубин истории мысли. Впервые она встречается у древнееврейских пророков; далее, в Элладе, — редкими отрывками — в платоновском «Федре» (где благо-разумное меньшинство воспринимает философа «помешанным», хотя «у него по мере сил память обращена на то, чем божественен бог»⁷⁶), у некоторых трагиков, и значительно чаще — у неоплатоников. Позже эта тема становится ведущей в раннем христианстве (в Новом Завете преобразование — на взгляд книжников и фарисеев, действие абсолютно невозможное и «безумное» — это встреча человеческого и божественного. Так, у Иисуса, благодаря свершившемуся таинству преобразования, изменяются «лицо» и «одежды»: «и преобразился пред ними: и просияло лице Его, как солнце, одежды же Его сделались белыми, как свет»⁷⁷). В свои «первые героические времена» уже все христианство основывается на этой идее, и по отношению к

⁷⁶ Платон. Соч.: В 3-х т. Т. 2. С. 185.

⁷⁷ Мф. 17, 2.

ветхозаветной традиции (особенно в лице апостола Павла) выступает как проповедь «неразумения». И только несколько столетий спустя в учении Августина и нормативных актах Церкви оно обращается в «благоразумие». Затем, начиная с Блаженного Августина, тема тотального изменения человека исчезает с духовного горизонта и вновь появляется уже в «Божественной комедии» Данте, которая, по мнению Иванова-Разумника, вся основывается на идее преображения. Еще позже эта идея определяет содержание возрожденческого гуманизма, и, в конце концов, превращается в тесно связанные между собой идеи «мировой революции» и «мирового социализма».

«Скифству» — преображению, Новому Завету, динамике, горению, катастрофичности, антицерковности, максимализму — противостоит «монголизм», или «мировой нигилизм» — космическая идея у-ничто-жения мира. Если «“скифство” — начало ормуздическое, явь, реальность, τό πᾶσι⁷⁸, “категория огня”, движение, динамизм, максимализм, катастрофичность», то «“монголизм” — начало ариманическое, сон, майя, nihil⁷⁹, “категория льда”, неподвижность, статизм, минимализм, вечный покой»⁸⁰.

⁷⁸ все (*греч.*).

⁷⁹ ничто (*лат.*).

⁸⁰ Ср. с конспективной записью Эрберга на СХХХIV открытом заседании ВФА, где с основным докладом «Исав и Иаков (О первенстве европейской культуры)» 2 июля 1922 г. выступал А. А. Мейер. «Скифом до скифов» здесь называется библейский Исав: его атрибуты — «пустыня», «охотник», «смелый импульсивный человек»; Иаков противопоставлен своему брату как носитель «мещанских» качеств: «дом», «трусливый буржуа», «хитрый благочестивый обманщик» (Наст. изд. Кн. 2. С. 360). Поскольку докладчик явно не соотносил свои взгляды с темой «скифства», уместно предположить, что авторство сравнения принадлежит либо самому Эрбергу, либо (что вероятнее всего) Иванову-Разумнику. На этом фоне параллель между данным символическим представлением о «скифе» и хайдеггеровским определением «человек — пастух бытия» кажется еще более примечательной.

«Каждое из этих слов – не решение, а само по себе задача; и все же общая сумма каждого этого ряда обратна другой по знаку, оба эти ряда – символы всего, что только есть противоположного и враждебного в мире, который сам есть своя противоположность»⁸¹. «Мировой нигилизм» (самоцель «всесветного Мещанина») использует для достижения своих целей не только превращение «нечто» в «ничто», но и более изощренный ход: искусную замену «ничто» иллюзорным «все», результатом чего является рождение «схемы», насильственно объединяющей многообразные смыслы в единый пустой «изм». Именно так нигилизм обращает любовь к Отечеству в патриотизм, идею освобождения человека в либерализм, а социальную революцию скрещивает с коммунизмом. Могущество и обаятельность живой идеи завершаются сном, из которого невозможно пробудиться.

Преображение, которое непосвященные принимают за помешательство, есть таинство соединения человеческого разума и воли с божественным духом. Для Иванова-Разумника человек, понимающий другого человека, а душою охватывающий весь мир, непосредственно воплощает в реальность принцип «да будет воля моя». Еще «вчера» путь «оправдания человека» заключался в переходе от доисторической жизни («богоотцовства») к исторической («богосыновству»), однако и там и там господствовала абсолютная теологическая предопределенность воли Божьей. В «завтрашнем» свободном творчестве своеволие человека войдет в гармонический резонанс с самой жизнью, чтобы в конце концов завершиться в свободном бытии финальным слиянием антроподицеи и теодицеи. Впрочем, до этой высшей цели предстоит долгий исторический путь, измеряемый столетиями и тысячелетиями. Главным же смыслом дня «сегодняшнего» становится оправдание сво-

⁸¹ Иванов-Разумник. Вершины. С. 153.

боды⁸², имманентизация трансцендентного, доказательство реальности субъективного права человека на своеволие, открывающего путь к «богобратству». Направление, указанное Христом, — действенный пример для подражания; теперь человек должен найти в себе силы, чтобы самостоятельно идти Его путем.

Первую ступень на пути к «богобратству», первое «испытание пути» увидел Иванов-Разумник в русской революции. Начавшись как политический переворот, она, казалось, вела далее к социальным преобразованиям и в конечном итоге должна была завершиться духовным преображением. Впервые в мировой истории народ заявил принцип: «да будет воля *наша*». Революции духа противостояла духовная реакция — «мелкая трусость» взбунтовавшегося раба, который отвечал на «революционный шаг: удар тока по спящим» (выражение Андрея Белого) своим «беззаконством», и в этом была его, раба, правда, которая не могла быть прощена; но «покрывалась», по Иванову-Разумнику, высшим: человек должен *сам* пройти через сти-

⁸² Схематически «антроподицею» можно представить как путь преодоления ветхозаветного «страха» в «преображении» человека через люциферианский «бунт». Развитие темы находим у А. Камю в его знаменитой работе «Бунтующий человек» (1951), слова из которой о вопле бунтаря Прометея, до сих пор не смолкающем «в скифской пустыне» (А. Камю. Бунтующий человек. — М., 1990. С. 309), представляются нам не только публицистической риторикой, но и принципиальной перекличкой с русскими «скифами». Ср. также с заключительными словами этой книги, удивительным образом не только сопрягающимися, но и полемизирующими со «скифским манифестом»: «В этот час, когда каждый из нас должен напрячь свой лук, чтобы показать, на что он способен, чтобы вопреки и благодаря истории отвоевать то, что ему уже принадлежит, — скудную жатву своих полей, краткий миг земной любви, — в этот час, когда наконец-то рождается подлинный человек, нам нужно расстаться с нашей эпохой и ее ребяческим исступлением. Тетива натянута, лук скрипит. Напряжение все сильней — и прямая жесткая стрела уже готова устремиться в свободный полет» (Там же. С. 356).

хию, грязь, кровь, принести в жертву истории самого себя: «если есть на земле неискупленные страдания, то зато нет на земле неоправданной жертвы»⁸³.

Так называемый «основной вопрос революции» заключает проблему самореализации человека: что выплескивается из людей, когда наконец действительно «все дозволено»? В своей идеальной форме духовная революция — благая весть свободного человека, его личное возражение старому мировому порядку, но вовсе не миру как таковому. Она — волевой импульс, концентрирующийся в данном историческом пространстве-времени; преддверие движения, когда любой совершенный шаг уже означает выбор и плен. Атмосфера такой свободы опьяняет и обжигает; для одних она — замирание сердца перед прыжком, миг просветления и озарения; для других — симптом помутнения рассудка. В своем оправдании русской революции Иванов-Разумник исходил не из так называемого объективного смысла истории, а из некой «внутренней телеологии», которую отдельный человек и все человечество вкладывают в текущие события. Он призывал различать в революции сущее и должное и, наблюдая революцию сущую, оценивать ее с точки зрения «некоторого долженствования». Поэтому его вовсе не смущало определение «мистик революции»: он черпал свое сверх-знание сущности исторических метаморфоз «из знания реальной революции», то есть поступал в соответствии с требованиями такой интуитивной процедуры, которая на языке феноменологии именуется идеацией, или «эйдетической интуицией», «категориальным созерцанием» и «усмотрением сущности»⁸⁴.

⁸³ *Иванов-Разумник. Вершины. С. 176.*

⁸⁴ См.: *К. А. Свасьян. Феноменологическое познание. С. 57. Ср.: «Сознание, осуществляющее редукцию прошлого в модусе самовоспоминания, интендирует будущее не в пассивном ожидании, а в модусе эвристического сотрудничества, уготавливая миру из будущего не надгробный камень с теоретико-познавательными эпитафиями, а переходы через Рубикон...» (Там же. С. 126).*

Согласно пророчествам Иванова-Разумника, основанным на таком эйдетическом «усмотрении сущности», то, что произошло в России в конце 1910-х годов, равно как и то, что свершится в обозримом будущем в России или Европе, вовсе не соответствует идее «мировой революции». Все это — лишь ступени огромной лестницы, и те люди, которые принимают самую первую ступеньку за вершину этой «высочайшей лестницы», и потому рассуждают об «обезьяне» или «кривом зеркале», просто не понимают того, что такое всемирная история. Подлинная «мировая революция» должна завершиться «Социализмом с большой буквы»; ее эсхатологическая правда заключается в том, что на новой земле воцарится новый человек. Это требование отражает религиозный пафос «мировой революции»: если этого не будет, то, как считает Иванов-Разумник, и вся всемирная революция, и мировая история теряют свой смысл, а значит, лишаются какого бы то ни было оправдания.

Есть Социализм, но есть и его «обезьяна» — псевдосоциализм. Пример последнего — квазимарксистский подход Полетаева и Пунина, извращающий исходные понятия: «цивилизацией они называют культуру, а культуру цивилизацией». Хотя авторы очерка «Против цивилизации» и объявляли целью развития человечества «социализм», а движущими силами прогресса, приближающими мир к воплощению идеала, — «науку», «монизм» и «разделение труда», личность для них («случайная и неорганизованная воля») — лишь носитель энергии, а вовсе не ее источник⁸⁵. По их мнению, люди хотели бы «только жить и жить во что бы то ни стало», и поэтому социалистическое «творчество», антитетически противоположное хаосу «жизни» и олицетворяющее «власть» над индивидуальной волей, призвано навести порядок в хаотической форме цивилизаций. Ито-

⁸⁵ См.: *Е. Полетаев, Н. Пунин. Против цивилизации. С. 19–20.*

говый вывод идеологов «пролетарской культуры» более чем определен: «Существует только народ, и благо народа, и расы. Отдельные индивиды могут, конечно, пострадать или погибнуть, но это необходимо и гуманно, и даже спорить об этом жалкая маниловщина, когда дело идет о благе всего народа и расы, и, в конечном счете, человечества»⁸⁶.

Опровергнуть эти псевдосоциалистические взгляды — значит не только вернуть словам «цивилизация» и «культура», «социализм» и «человек» их исходные значения, но и постоянно руководствоваться в повседневной жизни (не говоря уже о политике) принципом «человек-самоцель»⁸⁷: «Удивительно, как тупо реагируют “люди науки” на требование этического принципа, как затыкают они уши, слыша это требование. Голос Толстого остался гласом вопиющего в пустыне. И, вероятно, потому, что Толстой требовал слишком многого: приложения этого принципа и к “неорганической природе”. Он был прав, конечно, ибо где же грань? Но при этом у него этический принцип часто переходил в утилитарный; вот почему он мог восставать, скажем, против изучения законов интерференции, как против *ненужности*. Но ведь все это — частности и мелочи; в последнем счете мы приходим к практическим применениям интерференции и тогда сталкиваемся уже не с волнами света, а с волнами людей. И опять — где же грань? Последний вопрос, к которому мы приходим, стоя на этой грани, звучит для меня так: *имеет ли право человек менять лицо земли?* Если не имеет, то «незаконна» вся культура, начиная от вспаханного поля; а если имеет, то где же предел?

⁸⁶ Там же. С. 37.

⁸⁷ Принцип «человек-самоцель» был обоснован Ивановым-Разумником применительно к сталинской действительности (конечно, в качестве *argumentum ad contraria*) в его «показаниях» 15 и 23 февраля по т. н. «делу 1933 г.». Подробнее см.: *Иванов-Разумник. Писательские судьбы. Тюремные ссылки*. С. 482–486.

Имеет ли он право перегородить Гольфстрем и направить течение его не к Европе, а в Баффинов залив и Северный Ледовитый океан? Имеет ли он право взгромоздить Пелион на Оссу? Изменить угол наклона земной оси к эклиптике? Но в таком случае и — бракосочетать человека с обезьяной? К телу удава приставить голову буйвола?»⁸⁸ В такой плоскости вопрос для Иванова-Разумника неразрешим: «деяния освящаются целью»; и «строительство мира», и «право человека менять лицо земли» в конечном итоге определяются его мировоззрением.

Только идеалы «Социализма с большой буквы», придающие смысл даже рабскому «беззаконию», есть та единственно правильная «внутренняя телеология», которая, по мнению Иванова-Разумника, ведет человека в истории культуры. «Цель оправдывает средства — формула гнусная, насколько *средствами* являются другие *люди*, но и только. Крестьянин, взрывающий сохой поле, тоже целью оправдывает средство. Соха — культура, поле — мир; и во мне говорит исконный социалист, вера которого в том, что во имя человека имеет право человек менять лицо земли. Социализм этот — конечно, не нынешний иезуитский коммунизм, не удав государства; это — далекое будущее, когда люди станут людьми. За ним — еще более далекое грядущее, когда человек сумеет менять лицо земли не во имя человека, а во имя всего живого на земле, ибо, по слову по-

⁸⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 408. Этот пассаж содержит и скрытую полемику с Троцким. Ср.: «Новый человек, который себя только теперь проектирует и осуществляет, не противопоставит, как Ключев, а за ним Разумник, тетеревиному току и осетровым мережам подъемных кранов и парового молота. Социалистический человек хочет и будет командовать природой во всем ее объеме, с тетеревами и осетрами, через машину. Он укажет, где быть горам, а где расступиться. Изменит направление рек и создаст правила для океанов. Идеалистическим простачкам может показаться, что это скучно, — на то они и простачки» (*Л. Троцкий. Литература и революция.* — М., 1991. С. 194).

эта “хулиган, убийца и злодей” существуют на свете “оттого, что режет серп колосья, как под горло режут лебедей”⁸⁹. А когда человек поднимется на последнюю ступень, когда культура освятится не во имя человека, не во имя живого, а во имя Всего — тогда, пожалуй, и культуре и истории конец, ибо это будет уже высота высших ступеней иогизма (говоря условно). Если это Все — мертвое, тогда, конечно, *le mort saisira le vif*⁹⁰; если оно — живое, тогда живой преодолеет мертвеца в нас самих. Как ясно чувствуется, например, что революция 1917—18 г. умерла потому только, что в каждом из нас мертвый схватил живого! И духовно разлагающаяся власть (мертвый слон на муравейнике) — сами же мы, наше порождение, из глубин нашего духа идущее, а вовсе не внешняя татарва, одержавшая победу при Калке. И Калка, и Куликово поле — в нас самих»⁹¹.

Только подлинный социализм предполагает развитие личности, последовательно раскрывающей свою самооценку в общем деле: «В свое время христианская революция рождала в мир “нового человека”, духовно свободного — и потерпела крушение на встречном замысле старого мира: духовно свободного оставить все же физически, экономически, социально, а потому и духовно — поработленным. С этим “взрывом изнутри” былой духовной революции вступила теперь в борьбу революция социальная, и ее благая весть — прежняя: освобождение человека. Но на этот раз — освобождение полное: физическое, социальное, духовное»⁹². «Полнота», которую Аристотель называл «эн-

⁸⁹ Неточное цитирование последней строфы стихотворения С. Есенина «Песнь о хлебе»: «И свистят по всей стране, как осень, / Шарлатан, убийца и злодей... / Оттого что режет серп колосья, / Как под горло режут лебедей» (С. А. Есенин. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. — М., 1977. С. 177).

⁹⁰ мертвый хватает живого (фр.).

⁹¹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 409.

⁹² Иванов-Разумник. Вершины. С. 176.

телехией», а гностики — «плеромой», — это то, что позволяет перевести разделительное «или — или» в принцип дополнительности «и — и», столь рьяно отвергаемый всевозможными доктринерами. Именно в требовании «полноты» — смысл «Социализма» Иванова-Разумника и, одновременно, разгадка его антроподицеи: «Человек, который хочет воистину жить, должен вмешаться в самую “гущу жизни”, жить всем и во всем, не замыкаясь на голых вершинах религиозных или эстетических схем, лежащих вне жизни, вне красок мира. И еще одно должен выполнить человек, который хочет воистину жить: он должен любить человека»⁹³.

Примечательно упорно повторяемое Ивановым-Разумником несколько раз, словно магическое заклинание: если хочет, то должен. Долг понимается здесь не в виде обязательства человека перед внешней абсолютной силой, а как проявление внутреннего своеволия: «долженствование» есть продолжение «хотения» и его высшее воплощение, а не наоборот. Эсхатологическая правда антроподицеи, по Иванову-Разумнику, есть субъективная правда конкретного человека, благодаря которой он обретает имманентный смысл своего бытия, пересекающийся с тайными планами истории, ее высшей мудростью и религиозным пафосом: «Это и моя твердая вера: от небесных сладостей (трансцендентный смысл жизни) — отказываюсь, приемлю ржаной хлеб земли (смысл жизни имманентный). Верю в человека грядущего и в вечное творчество земли обетованной <...> она — не пустынный мираж, но живая реальность»⁹⁴. Если и заключен в словах Иванова-Разумника некий парадокс (*принимая* настоящее, *верю* в будущее), то лишь кажущийся, поскольку разум, оставляя пространство критики для мира старого, открывается новому миру приятием жизни.

⁹³ *Иванов-Разумник*. Заветное. С. 119.

⁹⁴ *Иванов-Разумник*. «Мистерия» или «Буфф»? (О футуризме) // Искусство старое и новое. — Пб., 1921. С. 62.

Дух дышит, где хочет, разрушая посредством индивидуальной воли многочисленные препятствия, уготованные старыми формами. И конкретный человек соответствует духу идеалом «полноты жизни»: жить во всем — в прошлом, настоящем и будущем; в литературе, политике, быте и творчестве; иными словами, пребывать в мире. Только таким образом человеческая свобода обретает свою «феноменальную полноту» — то, что современный философ называет «разрешением нашей конечности»⁹⁵.

⁹⁵ М. К. Мамардашвили. Классический и неклассический идеалы рациональности. — Тбилиси, 1984. С. 38.

Ипполит Удушьев

Взгляд и Нечто⁹⁶

Отрывок

(К столетию «Горя от ума»⁹⁷)

Репетилов:

...Удушьев, Ипполит Маркелыч!
Ты сочинения его
Читал ли что-нибудь? Хоть мелочь?
Прочти, братец! Да он не пишет ничего...
Вот эдаких людей бы сечь-то,
И приговаривать: писать, писать, писать!
В журналах можешь ты однако отыскать
Его Отрывок — «Взгляд и Нечто».
О чем бишь Нечто? — обо всем...
(«Горе от ума», дейст. IV).

I.

Взгляд назад

... Похвалы Репетилова — компрометантны. Конечно; но — из песни слова не выкинешь, и тем менее выкинешь хоть слово из «Горя от ума», которое всем нам дало бессмертие. Вот уже сто лет как живем все мы в русской литературе и в русском обществе, меняясь по внешности, не меняясь духовно. Ведь революция духа — еще впереди; а до

⁹⁶ Печатается по изд.: Современная литература. Сборник статей. — Л., 1925. С. 154—182. Статья «Взгляд и Нечто» не только стала последним выступлением Иванова-Разумника в отечественной печати с обзором текущего литературного процесса, но и подвела итоги его многократным высказываниям с трибуны Вольной Философской Ассоциации (в том числе и в кружке «Критическая история литературы XX века») по проблемам общественного самосознания, формального метода, пролетарской культуры, культуры и цивилизации и многим другим.

⁹⁷ Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума» была закончена к осени 1824 г.

тех пор — к новым условиям приспособляются старые герои. По-прежнему — «Молчалины блаженствуют на свете»; по-прежнему Фамусовы, лишенные теперь поместий и чинов, засоряют собою административные механизмы; по-прежнему судьба — «людей с душой гонительница, бич», и Чацкие бегут, ославленные сумасшедшими, из мешанского общества, по-прежнему в обществе этом — предрассудки стары: «порадуйтесь — не истребят ни годы их, ни моды, ни пожары». Ни даже — пожар революции.

Вот и в нашем литературном кружке, о котором пустомеля Репетилов рассказывал Чацкому, — все изменилось за эти сто лет и ничего не переменялось. Ну, конечно, 1924-ый год — не 1824-ый; костюмы на нас не те, имена у нас другие, года над нами прошли, революции нас изменили, — и что же? *Plus ça change, plus c'est la même chose*⁹⁸. Новые псевдонимы так легко снимаются, старые знакомые так легко узнаются. Удушьев, Ипполит Маркелыч, опять пишет отрывок — «*Взгляд и Нечто*» о современной русской литературе, и все эти сто лет писал под разными псевдонимами «критиков» и «идеологов» — «о чем бишь *Нечто?* — обо всем»... А вот и другие —

Что за люди, топ черг без дальних я историй

Скажу тебе: во-первых — князь Григорий.

Чудак единственный! Нас со смеху морит:

Век с англичанами, вся английская складка,

И так же он сквозь зубы говорит,

И так же коротко обстрижен для порядка.

На выставке «Мира Искусства» 1921 года портрет его, с английскою трубкою в зубах, был выставлен художником Ю. Анненковым под видом «портрета Евгения Замятина». Времена изменились, мы демократизировались, социализировались, выбрали новые псевдонимы, но по-прежнему князь Григорий нас со смеху морит своими сказочками

⁹⁸ Чем больше перемен, тем больше все остается по-старому (фр.).

и житиями, по-прежнему он сквозь зубы и сквозь трубку рассказывает нам пресмешные истории (кому смешно, впрочем, а кому и нет) об островах и о нас самих («Мы»).

Другой — Воркулов Евдоким.

Ты не слыхал, как он поет? О, диво!

Он тоже недавно писал под псевдонимом и выступал на концертах. Где-то он теперь, Леонид Добронравов, где поет свои баритонные арии и печатает бурсацкие рассказы?⁹⁹

Еще у нас два брата —

Левон и Боренька, чудесные ребята!

Об них не знаешь, что сказать...

Левон и Боренька теперь расплодились, теперь их уже с десятков братьев; чудесные ребята эти называются теперь «Серапионовы братья», и по-прежнему — «об них не знаешь, что сказать»...

И еще, и еще, и еще — с небольшой переменной имен, слов, но без всякой перемены по существу. Ну вот — «Старый Энтузиаст»:

Не надо называть, узнаешь по портрету:

Когда он о балете говорит,

Каким-то демоном внушаем,

Глаза в крови, лицо горит,

Сам плачет, и мы все рыдаем...¹⁰⁰

Или сам Репетиллов, который «умишком понатужась» рождает каламбур (например, что «Домик в Коломне» — стал

⁹⁹ Л. М. Добронравов, автор романа «Новая Бурса», опубликованного в журнале «Заветы» (1913. № 6—10), который редактировал Иванов-Разумник, во время Гражданской войны находился в Кишиневе; в 1924 г. переехал в Париж, где спустя два года умер от чахотки.

¹⁰⁰ Подразумевается критик А. Л. Волынский, постоянно выступавший в дореволюционной и послереволюционной периодической печати (в частности, на страницах газеты «Жизнь искусства») на темы балета. См. также: А. Л. Волынский. Книга ликований. Азбука классического танца. — Л., 1925.

«колом мне» для Пушкина: недавно вышла целая книга под псевдонимом какого-то профессора на эту и родственные темы¹⁰¹); или его приятели — а может быть и враги? — которые «вшестером, глядь, водевильчик слепят» (почему современный «формальный метод» может иногда назваться «водевильчиком» — об этом потом), и еще, и еще, и еще...

Брат, смейся, а что любо — любо!..

Разве не «любо» узнать, что сто лет тому назад написанное «Горе от ума» до сих пор бессмертно, современно, злободневно? Думаешь взглянуть назад — и вдруг оказываешься в самой гуще литературной современности. А может быть — и наоборот? Вздумаешь взглянуть вперед или взглянуть на литературную современность — и очутишься в далеком прошлом, по пословице: «пошел завтра, пришел вчера»... Как знать?

Надо совершить для этого хоть краткий путь по нашему сегодняшнему литературному дню. Так, мимолетное путешествие, взгляд и нечто, отрывок, быстрый обзор «с птичьего дуазо»¹⁰². Взгляд, конечно, очень субъективный, — да когда же критика была иною? Путешествие без остановок; но если бы остановиться на каждом этапе, то не трудно было бы доказать и подтвердить примерами всё то, о чем я буду говорить бегло, на ходу. Сегодня я хочу проехать эти станции в экспрессе, но проезжал-то их не раз, на некото-

¹⁰¹ Аллюзия на книгу проф. И.Д. Ермакова «Этюды по психологии творчества А.С. Пушкина (опыт органического понимания "Домика в Коломне", "Пророка" и маленьких трагедий)» (М.—Пг., 1923). Ср.: «...будущий семейный дом Пушкина теперь, в настоящее время, ему кажется тяжелым крестом, выпавшим ему на долю, и в "Домике в Коломне" нетрудно почувствовать те тягостные трудные переживания, которые заставили Пушкина остановиться не на домике на Васильевском или на Фонтанке, а в Коломне, так как здесь скрыта шутка страдающего и раздражаемого сомнениями поэта "Домик Кóлом мне пришелся"» (Там же. С. 27).

¹⁰² Выражение Г. Успенского из «Материалов, сообщенных фельдшером Кузьмичовым» — первого очерка цикла «Скучающая публика» (1884).

рых подолгу останавливался¹⁰³. Здесь только суммирую общий вывод о современной русской литературе, — литературе последнего десятилетия.

Начать можно хотя бы с литературного вчера — с «Серапионовых братьев».

II.

Нечто о ничем

...В отделе объявлений «Нового Времени» начала девятисотых годов как-то попало мне под руку такое объявление:

ОПЫТНЫЙ УЧИТЕЛЬ

имевший много учеников, терпѣл. и доброс., занимаясь с отстал. учениками, **ГОТОВИТ** в реал., комм., кад. корп. и др.

СРЕДН. УЧ. ЗАВЕД. Разстоян. не стѣсн. Согл.

ВЪ ОТЪѢЗДЪ НА ЛѢТО за **НЕБ. ВОЗНАГР.**

Литейн., д, 58, кв. 23. Е. Замятин.

74657. 2—1.

Я тогда забавлялся составлением коллекции особо типичных газетных объявлений — и вырезал это, прельщенный «терпѣл. и доброс.», «реал., комм., кад. корп. и др.», «разстоян. не стѣсн.» — и прочими обычными перлами такого стиля. Лишь недавно вклеил я это, случайно у меня сохранившееся, первое печатное произведение Евг. Замятина в один из томов его собрания сочинений, гордый тем, что обладаю своеобразным библиографическим уникалом.

Впрочем, Евг. Замятин меня разочаровал, отказавшись признать свое тождество с Е. Замятиным этого объявле-

¹⁰³ К теме современного литературного процесса Иванов-Разумник обращается в таких книгах, как «Русская литература XX века (1890—1915 гг.)» (1920); «Заветное. О культурной традиции. Статьи 1912—1913 гг.» (1922); «Творчество и критика. Статьи критические. 1908—1922» (1922) и др.

ния. Уж совсем было собрался я тогда отклеивать «Опытного учителя», да как раз в то время подвернулась мне (дело было в 1922 году) в журнальчике «Литературные Записки» статья подлинного Евг. Замятина о «Серапионовых братьях»¹⁰⁴, его литературных учениках, с которыми он «терпел, и доброс.» занимался года два в студии «Дома Искусств»... Прочел я статью — и со спокойной совестью оставил объявление Е. Замятина вклеенным в книгу собрания сочинений Евг. Замятина, опытного учителя современных «Серапионов».

«...В зимние бестрамвайные вечера, — рассказывает учитель о себе и о своих учениках, — я приходил с Карповки, чтобы говорить с ними о языке, о сюжете, о ритме, об инструментовке; в темные вечера они приходили сюда от Технологического, от Александро-Невской Лавры, с Васильевского... («Разстоян. не стъсн.») — Здесь они все росли на моих глазах... Никому из нас, писателей старших, не случалось пройти через такую школу»...

Я шучу: «разстоян. не стъсн.», но, право же, это и трогательно, и почтенно. И потом: конечно же литературная студия имеет не меньшее право на существование, чем музыкальная школа или мастерская живописи. Канва ремесла есть во всяком искусстве. Почему же технику композиции и инструментовки можно было проходить в классе Римского-Корсакова, технику рисунка и краски — в мастерской Чистякова, а технику словесного рисунка, словесной композиции, краски, инструментовки — нельзя было изучать в студии Е. Замятина? Он — опытный художник, материалом слова владеет искусно: по-видимому, он также опытный педагог, и я не сомневаюсь, что со своими литературными учениками занимался он терпеливо и добросовестно.

¹⁰⁴ Е. Замятин. Серапионовы братья // Литературные записки. 1922. № 1. С. 7–8.

Всё так. Но невольно берут сомнения, когда от учителя обратишься к ученикам. Спора нет, опытный учитель может преподавать ремесло всем желающим, всем направлениям, всем устремлениям — «реал., комм., кад. корп. и др.»; он может добросовестно заниматься и с талантливыми, и с бесталанными, и с успевающими, и с отстающими учениками. Но почему сумма их (талантливых, бесталанных, успевающих, отстающих) составила литературную группу «Серапионовых братьев»? Вдруг бы все ученики класса композиции Римского-Корсакова объявили себя поголовно «Давидсбюндлерами»¹⁰⁵! Талантливый Стравинский — и рядом с ним какая-нибудь махровая бездарность. Или все ученики мастерской Чистякова провозгласили бы себя «гильдией св. Луки»!¹⁰⁶ Гениальный Врубель — и рядом о нем какая-нибудь серая безликость. Впрочем, отчего бы и не объявить и не провозгласить: жизнь всегда покажет, насколько прочно такое соединение, объявление, провозглашение.

Жизнь и показала. Два-три года прошло от рождения этих современных «Левона и Бореньки» — и уже «об них не знаешь, что сказать»: пустое место. Врубелей и даже Стравинских среди них нет — это ясно; бездарные и отстающие среди них есть — это тоже ясно. Есть среди них острый паренёк, научившийся хорошо строить произведения в духе и стиле опытного учителя¹⁰⁷; есть и другой, сырой, кряжистый и красочный, не прошедший, впрочем, школы учителя, а пришедший позднее, со стороны¹⁰⁸; есть недурной

¹⁰⁵ Круг друзей и единомышленников, которые объединились вокруг журнала «*Neue Zeitschrift für Musik*», основанного Шуманом в 1834 г., был назван «Давидсбундом» по имени библейского царя-песнопевца, победившего филистимлян.

¹⁰⁶ Корпоративные сообщества художников, в XV–XVI вв. принадлежавшие к Голландской школе живописи.

¹⁰⁷ Н. Никитин.

¹⁰⁸ Вс. Иванов.

«романист», пользующийся очень старыми приемами письма¹⁰⁹; есть тоже позднее пришедший четкий поэт¹¹⁰ — вот, пожалуй, трое-четверо из десятка «Серапионов», от которых кое-что останется в литературе. Да и то, если один из них не погубит себя ремесленно-композиционными фокусами, другой — сумеет справиться с безвкусицей диалектологической записи народного говора, третий — не будет стараться быть «модернистом» во что бы то ни стало, а четвертой — преодолеет сухую гумилевщину и наносный футуризм. Но все-таки — четверо из десятка. А остальные?

А об остальных не стоит и говорить. Две-три безликости прикрывают пустое место речевым и композиционным стилизаторством; две-три неопределенности пишут прилично, обыденно, грамотно... «об них не знаешь, что сказать». А в общем — нет стержня, нет «направления», а если и есть, то проще всего графически изобразить его так:

— направление во все стороны. Зато есть беспомощный «критик и идеолог» всего направления¹¹¹, который, рецензируя Левона или Бореньку, растерянно барахтается в гуще цитат и никак не может решить: то ли — «идеология автора», то ли — «сюжетное разрешение». Пройдем мимо всех их милосердным молчанием. По недоразумению и по литературному безрыбью шумели они года два, («шумим, братец, шумим»), постарались даже рождение свое обставить шумом и бумом, автобиографиями, фотографиями¹¹². Милые дети, ведь этим кончают, а не начинают! Надо бы-

¹⁰⁹ К. Федин.

¹¹⁰ Н. Тихонов.

¹¹¹ Л. Лунц.

¹¹² См.: Современные писатели. Серапионовы братья о себе // Литературные записки (2-й отдел). 1922. 1 августа. № 3. С. 25–31.

ло сперва взвесить свое внутреннее содержание и вспомнить басню Крылова о двух бочках¹¹³.

Шум прошел, пролетели литературные поденки. Двое-трое из этой группы, если выдержат испытание временем, быть может, войдут — не как группа, а «персонально» — несколькими абзацами в историю русской литературы; а остальные «Серапионы», вопреки надеждам их опытного учителя (смотри его статью о них), останутся не только вне круга этой истории, но, пожалуй, и вне области материалов для истории русской революции. История русской литературы — сама по себе, история русской макулатуры — сама по себе.

Ибо для главы в истории русской литературы — мало изучить литературное ремесло. Его надо знать, надо быть мастером — самоучкой или прошедшим через студию опытного учителя, безразлично; но, кроме ремесла, надо иметь еще кое-что за душой. Каролина Павлюва когда-то назвала поэзию «святым ремеслом»¹¹⁴ — и метко попала в цель. Без ремесла нет искусства; конечно. Но современные ремесленники от поэзии и прозы, как бы там они ни назывались, слишком легко забывают, что литература, как и всякое искусство, как и всякое творчество, — не только ремесло, но и святое место, что этот Иерусалим человеческого духа не завоеешь одними композиционными приемами, острой инструментровкой, изощренной ритмикой, сюжетными фокусами. Нужно и еще что-то — так, пустяк, малость: горение духа. Нет его — и всё никчемно, всё проваливается. Вот большой мастер, поэт, ушедший с годами в чистое ремесленничество¹¹⁵, — и вся тридцатилетняя ра-

¹¹³ Мораль басни «Две бочки» (1819) заключена в следующих строках: «Кто про свои дела кричит всем без умолку, / В том, верно, мало толку. / Кто делов истинно, — тих часто на словах. / Великий человек лишь громок на делах, / И думает свою он крепко думу / Без шуму».

¹¹⁴ Подразумевается стихотворение «Ты, уцелевший в сердце нищем...» (1854).

¹¹⁵ В. Брюсов.

бота его летит прахом; часто хотелось бы обратиться к нему со словами толстовского Акима: «опамятуйся, Микита! Душа надобна»...¹¹⁶ Вот его младшие современники, два большие поэта, соединившие в своем творчестве громадное мастерство с высочайшим духовным взлетом, с непрерывным горением; их имена — вершины русской литературы первой четверти двадцатого века¹¹⁷.

На который же из этих двух путей вступает теперь русская литература? Незачем быть Кассандрой, чтобы предвидеть, что вероятнее — первый путь. Начать с того, что давно уже на него вступила в значительной своей части русская поэзия; об этом, впрочем, речь впереди. А затем: маловероятно, чтобы после громадного подъема творческой волны в русской литературе первой четверти нашего века мы не стояли бы теперь (и уже стоим) перед ее спадом, который может затянуться тоже на десятки лет.

Революция? Чудо рождения? Пролетарская литература? Это большой и особый вопрос. Но, во-первых, плоды революции в области художественного творчества могут созреть либо завтра, либо через десятки лет, — и последнее опять вероятнее; а во-вторых, хотя я и не имею удовольствия вообще разделять литературные взгляды Л. Д. Троцкого, но вполне согласен с его оценкой вопроса о пролетарской культуре и пролетарской литературе (в его книге «Литература и революция», 1923 г.)¹¹⁸. Поэтому вопрос этот оставляю совершенно в стороне.

¹¹⁶ Из драмы «Власть тьмы» (1887). См.: *Л. Н. Толстой*. Полн. собр. соч. Т. 26. М., 1936. С. 197.

¹¹⁷ Ср.: «Лирика, поэмы, “театр”, статьи Александра Блока, статьи, романы, поэмы, лирика Андрея Белого — вершины русской литературы минувшей четверти века, и вершины до сих пор еще доступные только немногим...» (*Иванов-Разумник*. Вершины. Александр Блок и Андрей Белый. С. 9).

¹¹⁸ Ср.: «Тем и опасны такие термины, как “пролетарская литература”, “пролетарская культура”, что они фиктивно двигают культурное будущее в узкие рамки нынешнего дня, фальсифицируют перспекти-

И, наконец: характерным симптомом спада волны, начала серебряного века, всегда бывает появление опытных учителей в области «святого ремесла». Такими были, например, в области поэзии, еще в период ее расцвета, Вал. Брюсов и Вяч. Иванов, позднее — совсем уже не крупный поэт, но трудолюбивый мастер, Гумилев; теперь, в области художественной прозы, таким явился опытный учитель Евг. Замятин. И это — симптоматично. Русской художественной прозе суждено, по-видимому, пройти тот же путь, что и ее старшей (по развитию в XX веке) сестре, русской поэзии.

Так мы вступаем — и уже вступили — в новое литературное время. «Золотой век» русской литературы первой четверти XX века — подошел к концу; немногими старшими богатырями еще держится он; мы вступаем — и уже вступили — в истоки века серебряного. (Марксистский критик сказал бы: в эпоху разложения буржуазной литературы). Уже немало наметилось в этих истоках новых талантов, связанных общей струей ниспадающего течения со старшими предшественниками; давно и постепенно стали появляться они. Главным их признаком всегда была самодовлеющая техника, понижение духовного взлета при кажущемся повышении технического уровня, блеска формы. Старая это история — *doch bleibt sie immer neu*¹¹⁹; ей научили нас и Греция, и Александрия, и Рим, и позднейшее Возрождение.

Боже, куда мы залетели! А где же «Серапионы» и их опытный учитель? Ничего, мы не вышли из темы. Ибо «Серапионы» эти, ничтожное литературное явление,

вы, нарушают пропорции, искажают масштабы и культивируют опаснейшее кружковое высокомерие» (*Л. Троцкий. Литература и революция. С. 161*). Примечательно, что на страницах своей книги Троцкий неоднократно полемизирует с Ивановым-Разумником, называя его то «благочестивейшим, левонародническим» (Там же. С. 164), то «имманентным идеалистом, остороженьким, постненьким полумистиком» (Там же. С. 194).

¹¹⁹ все же остается всегда новой (*нем.*).

очень показательны, как один из симптомов. Другой мы найдем в области современной поэзии, третий — в увлечении «формальным методом» и еще, и еще. Я остановился на одном, мелком, но характерном, а выводы могут получиться и крупного значения. Проверит их — будущее. Серебряный век — в начале, герои его только начинают выступать на сцену. И много придет их, еще более опытных и талантливых, терпеливых и добросовестных, но всё же согласных отправиться от духовных вершин в отъезд на лето за небольшое вознаграждение.

III.

Нечто о прозе

...В отъезд, на лето — откуда? И куда? Где же сегодняшние «зимние квартиры» художественной русской прозы? Каков путь от них? В какую сторону?

Это длинная история — история развития форм русской прозы, история, до которой еще не скоро дойдут наши «формалисты», плетущиеся в хвосте западной науки и с усердием, достойным лучшей участи, не замечающие верблюдов, но оцепивающие комаров. История форм русского романа, история формы рассказа и новеллы — всё это они нам преподнесут через триста лет, а до тех пор — «терпение, терпение и терпение». Правда, есть опасность, что через лет тридцать никто уже не будет помнить о «формальном методе», но вдруг да авось... Впрочем — «дай вам бог двести лет прожить, да триста на карачках проползать», дружеское пожелание Передонову в «Мелком бесе»¹²⁰. Что же — плох тот красноармеец, который не надеется стать командармом.

Не в этом, впрочем, дело. Незачем ждать триста лет, когда общие выводы этих будущих исследований по существу

¹²⁰ Слова Павлушки Володина из XXVII главы романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1902).

уже давно известны. Детали могут быть еще спорными, но основные ветви генеалогического ствола русской прозы (не только идеологического) уже достаточно ясно намечены. Если остановиться на самых последних ветвях «золотого века» символизма и реализма начала XX столетия, то не вызовет больших разногласий линия Гоголь — Белый (в «Серебряном Голубе») и Достоевский — Белый (в «Петербурге»), с одной стороны, Лесков — Ремизов, с другой. Новелла Тургенева получает новое и революционное развитие у Чехова, и от них обоих, в пересечении с линией Лескова, идут такие разные художники, как Сергеев-Ценский, затем такие, как Бунин и еще менее крупные (вроде Куприна и ему подобных), и как М. Горький со своими последователями; линия Гоголь — Сологуб остается самозамкнутой. «Новый реализм» (Бунин, Сергеев-Ценский вплоть до Шмелева, совсем небольшого, но перехваленного художника), «символизм» (Белый), «импрессионизм», идущий по прямой линии от Чехова (Зайцев и многие ему подобные) — этим заканчивается развитие прозы в предреволюционные и предвоенные годы.

Итак, после эпохи наших «классиков» середины XIX века (Толстой, Достоевский, Гончаров, Тургенев, Лесков, Салтыков, Успенский), заканчивавшейся к восьмидесятым годам, после временной переходной полосы, вновь поднявшаяся волна конца старого и начала нового столетия дала русской литературе таких разных мастеров прозы, как Чехов, Сологуб, Горький, Ремизов, Белый. У всякого из этих писателей был не только свой стиль, но и у каждого свой бог; каждый из них мог бы взять эпиграфом горацкианско-средневековое: *vertere stilum et cognoscere deum*¹²¹.

Как же сегодня обстоит дело «*de stilo et deo*»¹²² в русской художественной прозе? Или, чтобы сказать более совре-

¹²¹ упражняться в письме и познавать Бога (лат.).

¹²² о письме и Боге (лат.).

менными словами, на каком стержне держится ее современная форма? Если мы действительно вступили в истоки века серебряного, то по части «формы» дело должно обстоять более чем благополучно, а вот насчет «стержней» — все более и более плачевно. Или еще другими, прежними словами — ремесло в расцвете, горение духа — в загоне.

А ведь какая прожита эпоха! Огненная, грозовая. Тут бы и воспламениться, тут бы и загореться творчеству с силою небывалой. Не тут-то было! Маленькие огонечки поблескивают, хитрые домашние фейерверки мило чертят затейливую орнаментику; темы громадные, а дыхания не хватает. И это не вина, а беда всякой литературы серебряного века. Как это случилось, что величайшая в мире революция совпала с эпохой принижения в области художественного творчества — вопрос сложный, его можно тут лишь поставить, лишь «констатировать факт». Причины лежат и в ходе революции, и в ходе литературного развития; но это тема особая, о ней — не теперь. Здесь достаточно будет пройти по трем-четырем вехам литературной современности, чтобы в самом факте — сомнения не осталось.

Вот Пильняк. Прекрасный писатель. (К слову сказать: они все — прекрасные писатели; на то и серебряный век). Манеру выработал крепко, так крепко, что иной раз неизвестно, кто кого в руках держит: он ли ее, она ли его? «Голый год». Прекрасный роман. Несколько страниц в конце, о поезде мешочников, войдут, пожалуй, в русскую литературу, хотя тоже неизвестно: войдут тем ли, как написано, или тем, что описано? А вот второй роман, «Третья столица», вопреки известной поговорке — второй блин комом. Третий будет, пожалуй, еще комоватее. Хуже написано? — Нисколько. Но хитрая манера письма, когда без труда в ней разберешься, оказывается очень нехитрой; рецепт изготовления «то же — иначе» надоедает; предпочитаешь обратиться к «первоисточникам», к вдохновителям, чем еще и еще читать талантливую эпигона. Белый, Ремизов — вот его истоки. Но ведь Ремизов застыл в своем письме

(говоря о повестях) только после «Крестовых сестер», а до того времени был весь в исканиях; но ведь Белый — в каждой новой вещи не похож на себя же в предыдущей, он весь в исканиях и достижениях.

Участь писателей всякого серебряного века: они слишком скоро и легко находят самих себя. Ибо это действительно легко: замечательные образцы — перед глазами. Они забывают, что в художественном творчестве — «всякий молодец на свой образец»; наоборот, они и без иронии и без горечи легко находят для себя ответ на горькие и иронические слова:

Где, укажите нам, отчества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?

Где? — пожалуйста, перед вами. Недаром ведь истоки века серебряного питаются от устья века золотого; и это, повторяю, не вина эпигонов, а беда их. Форма им без труда дается; а в легкой форме (иногда очень сложной и «трудной» с виду) и горение духа обращается в иллюминацию и фейерверк. Темы все громадные, сложные, а за душой — ничего и нет.

Бот Никитин. Прекрасный писатель. Так легко схватил он форму и приемы творчества своего опытного учителя, Евг. Замятина. Последний в свое время — как раз в предвоенные и предреволюционные годы, — понемногу сумел, выйдя из Ремизова, найти самого себя. Но теперь образец готов, — пожалуйста! Темы будут иные, самоновейшие, а манера готовая. Новые искания могут пойти только по линии композиционных выкрутасов (прочтите, например, крайне слабый рассказ Никитина — «Дези»); где уж тут о горении духа говорить! Перегорел. В этом тяжелая трагедия творчества серебряных «молодых», и благо им, если они ее сознают. Но ведь трагедия творчества есть трагедия жизни. А как жить, а чем жить, если за душой ничего нет?

Вот Всев. Иванов. Прекрасный писатель. Ему есть чем жить, — если не душой, то по крайней мере ноздрей. Все знают и повторяют, что разные «запахи» составляют душу

всех его произведений. Что же в этом плохого? В старой повести М. Пришвина «Крутойярский зверь» описана такая «Леди», которая уж по природе своей понимала мир только как запах, но, пожалуй, могла бы в этом понимании мира дать сто очков вперед всем формалистам теории и практики. Всев. Иванов — совсем не «формалист», форма — слабое его место; никуда не годятся лирические интермеццо в его повестях; совсем невыносима его диалектология. Но это частности, дело не в них; а дело в том, что Всев. Иванов — прямое продолжение старого образца, М. Горького. Томы новые, быт новый, а форма старая. И это удел серебряного века: в старые меха вливать новое вино¹²³.

Вот Эренбург. Прекрасный писатель. Впрочем — виноват: после появления его «Хулио Хуренито» об авторе надо было сказать — «писатель», а после появления следующих десятков (может быть, уже сотен?) произведений придется, пожалуй, сказать о нем — «писака». И это без всякой резкости и грубости, совсем не в бранном смысле, а тоже лишь «констатируя факт». Какому же писателю под силу в год или два выпустить несколько десятков (или сотен?) романов, рассказов, повестей? Возможность этого — простая: каждое новое произведение пишется в новой манере, по заранее готовому образцу. В этом Эренбург совершенная противоположность всем перечисленным выше серебряным знаменитостям, но в этой его приспособляемости — другая типичная черта той же эпохи эпигонов. Ритмическая проза Андрея Белого? — пожалуйста, вот «Жизнь и гибель Николая Курбова». Руссифицированный Диккенс под соусом авантюрного романа? — извольте, вот «Жанна Ней». Кинематографический роман? — не угодно ли, вот

¹²³ Ср.: «Не вливают также вина молодого в мехи ветхие; а иначе прорываются мехи, и вино вытекает, и мехи пропадают, но вино молодое вливают в новые мехи, и сберегается и то и другое» (Мф. 9, 17). Мехи — древние сосуды для хранения вина и воды, которые изготовлялись из кож различных животных.

«Гибель Европы». И даже «Хулио Хуренито» — ловко приспособленный для русской публики Анатолий Франс. И все это хлестко, с шиком, на все вкусы. Очень талантливо — и с души воротит. Явление не новое, частое, постоянное; чтобы пояснить примером — возьму область русской живописи, где аналогичные явления «истоков серебряного века» наметились десятилетием раньше. Любите ли вы картины Б. Григорьева или Ю. Анненкова? Если да, то должны любить и романы Эренбурга. Это явления одного порядка... что не мешает картинам Б. Григорьева висеть в Русском Музее и не помешает историкам литературы говорить о романах Эренбурга как о знамении времени.

Это — жуткое явление, переход к дальнейшему разложению. Жуткое потому, что его — *нет*. Не только нет ничего за душой (где уж там!), не только нет и самой души (давно перегорела!), но нет даже и своего лица, нет человека. Есть только ловко сменяющиеся маски, есть только жуткая «Пляска смерти», о которой нам рассказывали не раз, о которой в последний раз нам рассказал А. Блок:

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться;
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...
В зал многолюдный и многоколонный
Спешит мертвец. На нем изящный фрак.
Его дарят улыбкой благосклонной
Хозяйка-дура и супруг-дурак...¹²⁴

В многолюдном и многоколонном зале русской литературы такие гости иной раз и бывали, но их умели распознавать под всякими масками. Хозяйка-дура и супруг-дурак (это, вероятно, бывшие «толстые журналы»...) могли благо-

¹²⁴ С небольшими пунктуационными неточностями цитируются первая и пятая строфы стихотворения А. Блока из цикла «Пляски смерти» «1. Как тяжело мертвецу среди людей...» (1912).

склонно улыбаться, но читающая масса чутьем распознавала запах тления и шарахалась в сторону. Вспомните судьбу Мережковского¹²⁵. Но в серебряном веке — и читающая публика становится иной. В этом отношении литературный успех Эренбурга показателен и понятен. Жутко только, что даже молодежь, всегда чуткая, не слышит пока этого лязга костей. Когда-нибудь услышит.

Что же, не довольно ли? Иначе пришлось бы со ступеньки на ступеньку спускаться всё ниже и ниже. Ведь я взял самых крупных представителей современной художественной прозы. Есть, конечно, менее «крупные», — но более талантливые; быть может, через несколько лет никто уже не будет помнить Ник. Никитина, а знаменитым писателем будет считаться, например, Леонов (действительно «подающий надежды» ремизовец), или Федин (действительно написавший недурной роман, под явным сюжетным влиянием... «Обломова!»). Но дело не в именах, а в направлении этого потока имен. А направление для меня ясно. Ремесло — процветает, комбинируя старые образцы; за душой — нет ничего. Революция не захватила, была понята внешне, мелко, плоско. Громадные темы, размах гигантский, а взлет воробыный. Впрочем — воробы прилетят позднее, это будет уже медный век литературы, если не случится нового взлета творческой волны; пусть не воробы, но во всяком случае место орлов занимают теперь — ну, скажем, копчики: птица маленькая, острая и хищная.

Начал идеологией, кончил орнитологией. Что делать, — такова уж современная литература. Но если вернуться к ней, то разве лишь для того, чтобы вспомнить, что появ-

¹²⁵ Ср.: «Он «иностранец» везде, он иностранец всему живому, он пророк и пастырь не живых, но мертвых, — и потому он пастырь без стада, был им, есть и будет. Это ответ самой жизни на вопрос о причине гнетущего одиночества Д. Мережковского» (Иванов-Разумник. Мертвое мастерство (Д. Мережковский) // Иванов-Разумник. [Соч.] Т. II. Творчество и критика. С. 178).

ляются в ней и до сих пор замечательные произведения — «старых» писателей, которые оказываются более молодыми, чем молодые. Какое молодое произведение и подлинно замечательное — «Кашеева цепь» («Курымушка») М. Пришвина! Вы, нынешние, нутка! Не говорю уже о «Преступлении Николая Летаева», — подождем, когда вся эпопея будет закончена¹²⁶; во всяком случае она — вне сравнений с произведениями «молодой» литературы.

Сатира и мораль смысл этого всего? Безднадежность, старческое брюзжание современника и героя «Горя от ума»? В старину писали деды поталантливей внучат? Вздор, конечно: и внучата бывают талантливее дедов. Это значит тогда — волна идет вверх. Но ведь когда-нибудь достигает же она гребня и начинает падать вниз? Это значит тогда — приходит время эпигонов. Я думаю, что мы теперь подошли к такому времени и что надо здесь «не плакать, не радоваться, но понимать»¹²⁷. Думаю, что время это захватило теперь у нас и музыку, и живопись, и прозу, и поэзию. О живописи и музыке — речь особая, а вот о поэзии можно поговорить и сейчас.

¹²⁶ Ср.: «*Преступление Николая Летаева*» — первый том серии томов «*Эпопеи*», задуманной автором; в нем изображено детство героя в том критическом пункте, где ребенок, становясь отроком, этим самым совершает первое преступление: грех первородный наследственность проявляется в нем» (А. Белый. Преступление Николая Летаева («Эпопея» — Том первый). Крещеный китаец. Глава первая // Записки Мечтателей. 1921. № 4. С. 23). Замысел многотомной «Эпопеи» так и не был реализован Андреем Белым. Отдельным изданием и под заголовком «Крещеный китаец» роман вышел в издательстве «Никитинские субботники» в 1927 г.

¹²⁷ Афоризм принадлежит голландскому мыслителю Бенедикту Спинозе (1632–1677). Ср.: «...это учение <...> учит никого не ненавидеть, не презирать, не насмехаться, ни на кого не гневаться, никому не завидовать, учит, сверх того, каждого быть довольным своим и готовым на помощь ближнему не из женской сострадательности, пристрастия или суеверия, но единственно под руководством разума...» (Б. Спиноза. Соч.: В 2 т. Т. 1. — СПб., 1999. С. 333).

IV. Нечто о поэзии

...В 1924 году в Москве было шестьсот (или тысяча шестьсот? — не помню) зарегистрированных поэтов. Поэт 1924 года! — это звучит гордо.

...Где он, кстати?

Еще ли не сломил безмолвия печати?

Бывало, песенек где новеньких тетрадь

Увидит — пристаёт: пожалуйста списать!

Где он, кстати? — Ну конечно же в Москве! И уже давно сломил печать безмолвия — «и славно пишет, переводит»; уже давно он зарегистрировался, вошел в группку, в кружок, в цех; уже не списывает, а сам пишет тетради новых песенек — и пишет преталантливо. Он овладел теперь техникой, дошел в ней до виртуозности — вы, прежние, нутка! Прошли наивные времена, когда сенсацию производила рифма enjambement у Сологуба —

Один взойду на помост

Росистым утром я,

Пока спокоен дома

Строгий судия, — ¹²⁸

когда трехдолный паузник приводил в ужас профессоров литературы, когда новинками были гипердактилические рифмы, когда рифмовка дактилических окончаний с женскими и мужскими казалась открытием Америки. Теперь все молодые поэты с удобством и прессыщенностью путешествуют в экспрессах по всем этим Америкам. Но тогда — тогда был Sturm und Drang Period¹²⁹ русской поэзии, тогда

¹²⁸ Из стихотворения «Нюрнбергский палач» (1907).

¹²⁹ Период «Бури и Натиска» (нем.). Наричательное название литературного подъема, восходящее к литературному движению в Германии 1780–1790-х гг., связанному с именами И. Г. Гердера, И. В. Гете, Ф. Шиллера и др.

за трехдольным паузником Блока, за четкостью кажущейся простоты Сологуба, за техническими новшествами Брюсова — стояло еще *что-то*, у всякого свое. Было что-то за душой, и что-то — иногда огромное.

Конечно, и в те годы русская поэзия не в пустыне строилась. Генеалогическое древо русской поэзии корнями уходит в до-пушкинскую эпоху, а последними корнями девятнадцатого и начала двадцатого века осеняет уже и наше время. Переворот, произведенный «декадентством» девятых годов, не был разрывом со старыми формами, наоборот, часто был возрождением их. Тютчев и Фет перебросили от Пушкина мост к новой поэзии начала XX столетия.

В новизне «декадентов» старина слышалась. И если, по ядовитому и не совсем безосновательному намеку Сологуба, Бальмонт воскрешал традиции Бенедиктова¹³⁰, то сам Сологуб был связан с Тютчевым, Брюсов — с Майковым и Меем; Блок пошел от Фета и Вл. Соловьева; от Баратынского и Тютчева — Белый (связанный и с Некрасовым) и Вяч. Иванов. И даже *enfant terrible*¹³¹ русской поэзии, футурист (ныне ставший почтенным «пассеистом») Маяковский — гораздо теснее связан со всем прошлым, и с Некрасовым, и с Державиным, чем самому ему хотелось бы.

Расцвет русской поэзии, питавшейся от старых корней, но нашедшей в земле новые соки, продолжался четверть века. И расцвет этот был не только технический. Каждому из больших поэтов, каждой из небольших численно групп

¹³⁰ Подразумевается статья Ф. Сологуба «Демоны поэтов. II. Старый чорт Савельич» (1907). Ср.: «Хотел быть, как Моцарт. "Ведь он же гений, как ты да я", говорит Моцарт. Очень снисходителен и Пушкин был к своим современникам. Холоден был только к двум: к гениальному Баратынскому и к Бенедиктову, литературному предшественнику одного из самых известных современных поэтов» (Ф. Сологуб. Собр. соч. Т. X. — СПб., 1913. С. 182—183).

¹³¹ ужасное дитя (*фр.*).

той эпохи (1890—1915 гг.) *было что сказать*, новые формы вмещали и новые слова. А если оказывалось, что сказать больше нечего, то и поэт становился для читателей только пережитой главой истории литературы.

Бальмонту было что сказать (о себе — а значит, и о нас) в первых трех-четыре-х книгах, — вплоть до «Будем как солнце»; он исчерпал себя и стал тщетно метаться в поисках самого себя из Египта в Мексику, из Мексики в Океанию, выпускал тома за томами стихов, которые больше не были нужны никому, кроме его самого. Брюсову было что сказать в «*Tertia Vigilia*» и в «*Urbi et Orbi*», в первое десятилетие его творчества, а в остальные двадцать лет он продолжал писать стихи, как хороший мастер, тщательно изучивший свое ремесло. Тогда он и стал в русской поэзии первым «опытным учителем», — судьба, постигшая русскую прозу на десять—пятнадцать лет позднее,

Появились первые ученики, первые эпигоны, связавшие собою заканчивавшийся золотой век русской поэзии с наступающим серебряным. Первым эпигоном — по прямой линии от Брюсова — явился Гумилев, ставший в свою очередь «опытным учителем» для эпигонов второго порядка, вроде О. Мандельштама и др.; процесс этот продолжается далее и далее, дойдет когда-нибудь дело и до дифференциалов энного порядка. Процесс характерный: я уже сказал, что первое появление «опытных учителей» симптоматично для начала наступления серебряного века.

Серебряный век создает и свои идеологии, свои теории-аплике из накладных металлов. На смену символизму является акмеизм, убогое детище плохо переваренных теорий; за ним идут имажинизм, экспрессионизм, дадаизм и еще, и еще, со ступеньки на ступеньку. Другой «опытный учитель», сам большой поэт, Вяч. Иванов — создает своих учеников — эпигонов символизма; теоретическим уклонком символизма является «эмблематизм»; в поэзии — эпигонов символизма появляются целые станицы, целые

стаи¹³², и все очень талантливых поэтов. Целые стаи идут по стопам Блока, никогда, впрочем, не бывшего «учителем»; пресыщенное александрийство дает жеманную поэзию Кузмина. Так мало-помалу золотой век переходит в серебряный, На рубеже являются последние подлинные поэты — иногда не очень большого размаха, но настоящего дарования. От сочетания Кузмина и Блока идет Ахматова; Маяковский пробивает дорогу для общего признания прирученного и одомашненного футуризма; глубокое дарование Клюева, подлинного и большого поэта золотого века, развивается в военные и революционные годы; приходит наконец не только «последний поэт деревни»¹³³ (как он сам себя называет), но и вообще последний крупный поэт этой золотой эпохи — Есенин. После его появления вот уже десять лет прошло — и никто еще не явился на смену. Впрочем, явились — шестьсот (или тысяча шестьсот?) зарегистрированных поэтов в одной Москве...

Так подходим мы к настоящему дню русской поэзии. Десятки, сотни талантливых поэтов, все более и более овладевающих ремеслом, техникой, все менее и менее захватывающих душу читателя. Чтобы захватить эту душу, надо самому ее иметь. А она, как нарочно, тает и ускользает от всех технических кунштюков, от всего этого дневного, слишком дневного творчества. Почти вся эта талантливая (и преталантливая) поэтическая молодежь начисто забыла завет старого поэта:

День — твой враг, и днем полезно
Помнить ремесло:
Только эта бездна звездна,
Только в ней светло...

¹³² Намек на название поэтического сборника А. А. Ахматовой «Белая стая» (Пг., 1917), который к моменту публикации статьи вышел четвертым изданием.

¹³³ Из стихотворения «Я последний поэт деревни...» (1920).

А ведь казалось бы — в какие годы жили они! Подлинно хаос шевелился (это Тютчев¹³⁴), бездна звездная открывалась (это Ломоносов¹³⁵)... Такие громадные темы, такие громкие олова, такие скудные достижения, — точь-в-точь, как в одновременной истории послереволюционной художественной прозы. Такое желание выявить свое и себя, такая изощренность в средствах, такое бессилие достигнуть цели! Примеры, имена? Но ведь я никогда не кончу, если начну хоть кратко говорить о каждом талантливом современном поэте. И потом: почему о Герасимове, а не об Антокольском? Почему о Тихонове, а не о Пастернаке? — и так далее. Все они — мастера техники, все они — законченные поэты. Появись каждый из этого легиона поэтов лет тридцать тому назад — каждый из них вошел бы отдельной главой в историю русской поэзии. И разве вина их, а не беда, что они пришли слишком поздно? Участь всех поэтов серебряного века. Каждый из них в отдельности и все они вместе могут повторить о себе знаменитое:

Mais par un malheureux hasard
Nous arrivons toujours trop tard...¹³⁶

Если все-таки остановиться на трех-четырех именах, наиболее прославленных в последние дни, то это «trop tard» станет очевидным на каждом отдельном примере.

Вот Пастернак. Прекрасный поэт. «Сестра моя жизнь» — острая и тонкая книга стихов, построенных не без некоторых технических новинок. Появись она в начальные годы декадентства девяностых годов — она крепко вошла бы в

¹³⁴ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1836).

¹³⁵ Из стихотворения «Вечернее размышление о Божьем величии при случае северного сияния» (1743).

¹³⁶ Но по злосчастному случаю / Мы всегда приходим слишком поздно ... (фр.). Слова из «хора жандармов» в оперетте Ж. Оффенбаха «Разбойники», I, II; либретто Мельяка и Галеви.

историю русской поэзии. Ибо книга эта, ибо сам Пастернак — весь от декадентства, от его остроты, от его формы и от его идеологии. Приходилось слышать: «Пастернак и Лермонтов». Зачем, однако, подражать Загорецкому с его «бочками сороковыми»? Не скромнее ли и не вернее ли было бы сказать: «Пастернак и З. Гиппиус»? Конечно, куда ей до его изощренной техники! Но все-таки в истории русской поэзии останется то, что проявило себя в тех же устремлениях раньше. Утешимся: *tarde venientibus — ...argentum!*¹³⁷

Вот Асеев. Прекрасный поэт. «Стальной соловей» — прекрасное произведение. Появись оно в начальные годы футуризма — автор его стал бы крупным именем в истории русской поэзии. Ибо он весь — от футуризма, с его внешним механистическим мировоззрением, с его обожествлением «вещи». Лет пятнадцать тому назад это было бы очень ново и смело. А теперь, в 1924 году, все это стало старым-престарым, давно изжитым; московские футуристы, воинственно организующие «Леф» (левый фронт), давно уже стали «пассеистами», и какой-то остроумец не без основания предложил им написать на своем знамени — «се Леф, а не собака». Ибо левый фронт их давно уже перестал быть львом.

Вот Тихонов. Прекрасный поэт. «Орда» и «Брага» — прекрасные книги стихов. Если бы они явились до Брюсова или хотя бы до Гумилева — автор тоже занял бы видное место в истории русской поэзии. Но что же делать, если даже подлинный поэт, придя слишком поздно, не может преодолеть факта времени: «*subiit argentea proles*»...¹³⁸ И чем больше они, поздно пришедшие, начинают ухитряться и изощряться, тем меньше созвучны они

¹³⁷ опоздавшим — ...серебро (лат.)

¹³⁸ серебряный век родился (лат.). Цитата из поэмы Овидия «Метаморфозы» (I, 114).

настоящему дню истории. В последующих вещах Тихонова («Шахматы») есть уже, кроме его самого, и пастернаковщина, и асеевщина, есть тонкая дневная работа («днем полезно помнить ремесло...»); то ли вина, что «бездна звездная» уже не может звучать в поэзии серебряного века?

И знаете ли, что в такие дни становится действительно «левым фронтом», в чем действительно чувствуешь жизнь и движение вперед? Возвращение к старой простоте, возвращение к самому себе, не извращенному, не механизированному, не исхищренному. Только вернувшись туда, окажешься впереди; и вот почему и громадная поэма Вл. Гиппиуса («Лик человеческий»), и тоненькая брошюрка стихов Казина («Рабочий май»), и тоненькая тетрадка стихов Елены Данько («Простые муки») — «томов премногих тяжелей». Большая техника, до конца усвоенное «ремесло» не закрыли глаза этих поэтов на то, что «только эта бездна звездна, только в ней светло». Бездна эта — душа каждого; но в серебряном веке, чем дальше он идет, тем труднее и труднее поэтам находить самих себя, уметь одновременно *stilum vertere et deum cognoscere*.

И еще один путь вперед, пока не пришла новая культура, которая откроет и новые пути. Путь этот — пока еще гениально-косноязычный, не для многих открытый. Вместо пути можно просто назвать имя: Хлебников. В его первых произведениях было так много маниакального многословия — при глубокой любви к слову; в его последних произведениях так много строгости, так много гениальности, борющейся с косноязычием. Его удивительная глоссолалийная поэма «Зангези» скалой выдвигается среди мелководных поэтических течений последнего десятилетия. В ней и преодоление дешевой «зауми», и подлинное ее углубление; она может стать рядом с «Глоссолалией» Андрея Белого, его «поэмой о звуке». Конечно же не Маяковский и Асеев, а Гуро и Хлебников — истинные «футу-

ристы», безнадежно погибающие среди тонкого, изощрённого и талантливового эпигонства поэзии серебряного века.

Итак: и в прозе, и в поэзии подошли мы ко времени эпигонов. Царство Александра Македонского распалось; диadoхи¹³⁹ его создадут новые и изысканные ценности, держа путь от Эсхила, Софокла и Еврипида к александрийству. Но правильно понятое александрийство есть уже новый взлет волны новой культуры. С автомобилями и аэропланами мы, быть может, проделаем этот путь не в столетия, а в десятилетия или годы, — не спорю. Но факт нынешнего «падения волны» остается фактом. Это видно и на художественной прозе, и на поэзии наших дней. А если мы от «практики» перейдем к «теории», то не менее наглядно это будет видно в вопросе о «методе», пришедшем в историю литературы одновременно с началом эпигонства.

V.

Нечто о методе

...Каков поп, таков и приход. Я бы перевернул эту пословицу и сказал бы: каков приход, таков и поп. Так всегда история художественной литературы связана с ее теорией и с литературной критикой. Эпоха Пушкина, Гоголя, Лермонтова — дала Белинского; эпоха «классиков» середины XIX века — Аполлона Григорьева. Это в области критики. В области науки о языке и о литературе мы имеем во второй половине прошлого столетия таких ученых, как Потебню и Веселовского. К началу XX века оба они заканчивают свою деятельность и свой жизненный путь. Новое течение символизма рождает своих крупных теоретиков, идеологов, критиков и ученых.

¹³⁹ Букв.: последователи (*греч.*); полководцы Александра Македонского, которые после его смерти разделили между собой завоеванные территории, благодаря чему возникли новые государства.

В книге «Символизм» Андрей Белый кладет краеугольный камень «формального метода» в изучении русского стихосложения. Дальнейшие его работы в этой области («Жезл Аарона», «О ритмическом жесте») уже являются, однако, внутренним преодолением формализма; иначе и не могло быть в золотой век русской литературы. Мертвые стороны формализма должны были получить развитие в эпоху эпигонов художественной прозы и поэзии. Каков приход, таков и поп.

Андрей Белый — вершина не только «практики», но и «теории» символизма, а в этой последней — и науки о литературе и критики ее. Другим идеологом и критиком символизма был Вяч. Иванов; в нем тоже вершина критики и теории эпохи символизма.

То был век богатырей;
Но — смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки, —¹⁴⁰

акмеизм, импрессионизм, экспрессионизм — в области художественного творчества, формализм — в области науки о творчестве. «Мошки да букашки» — это, впрочем, немного сильно сказано; они еще прилетят, в эпоху века медного, а пока мы видели, что на смену богатырям пришла очень и очень талантливая молодежь. И среди формалистов есть очень талантливые люди. Правда, ростом они не вышли, но как быть? Каков приход, таков и поп.

Формальный метод в изучении литературных произведений имеет все права на существование. Первая глава науки о литературе, даже многие первые главы — могут быть только изучением формы, изучением строения и построения литературного произведения. Вообще говоря — на эту сторону наука о литературе обращала до недавнего времени недостаточное внимание, так что работу формалистов

¹⁴⁰ Из «Современной песни» Дениса Давыдова (1836).

в этой области можно только приветствовать. А работы этой — непочатый край, так что не зря формалисты пугают нас, что еще лет триста будут они играть роль гетевских Вагнеров, пока откроют дорогу для обобщающих, идеологических, философских глав науки о литературе. Но — страшен сон, да милостив бог! — авось не придется триста лет ждать завершения последних глав этой науки. Ибо наука — всегда едина, ибо первые главы ее нельзя писать, не имея в голове хотя бы общего содержания последних глав, а значит, и всей книги. И если формалисты отказываются говорить об этом содержании, то вовсе не потому, что его вообще еще нет, а потому только, что у них его действительно не имеется. Это значит, что формальный метод существует, но философии этого метода нет у самих формалистов.

И в этом — самое слабое место формализма, очень характерное для эпохи истоков серебряного века. Вместо философии — плоское место; недаром же и литературные произведения современные формалисты могут рассматривать только в плоскости, только в статике, и совершенно бессильны (не хотят, потому что не могут) взять их в трех измерениях и в динамике движения. Они безнадежно одноглазы. Третье измерение — это тот *смысл* произведения, от которого (я говорю о смысле) эти трудолюбивые работники шарахаются в сторону, как от вредного «идеологического» подхода. Для эпохи эпигонства это более чем характерно; но курьезно при этом, что духовную реакцию, породившую это воззрение формализма, сами формалисты гордо объявляют революцией: мы-де, формалисты, не Вагнеры, а варвары, призванные выкорчевать и вспахать по-новому необъятное поле науки о литературе. В этом-то и вопрос — варвары или Вагнеры?

Варвары приходят со своей первобытной, примитивной, но глубокой философией; Вагнеры — отрешиваются от всякой философии и рады успокоиться на дождевом черве. Цельность художественного произведения для них

не существует; органические корни его им чужды. Мир органического творчества для них только склеен из бесконечного ряда бесчисленных элементов; их-то они и изучают. Точно так же когда-то разные профессора Незеленовы клеили историю русской литературы из элементиков идеологических и биографических¹⁴¹; современные профессора Незеленовы от формализма клеят науку о литературе из элементов композиционных, сюжетных, фонетических, артикуляционных, морфологических, семантических и еще многих и многих. Почтенная и нужная работа — на давно открытых Памирах, не менее почтенная, чем работы Вагнеров над дождевыми червями,

Но ведь этого мало. Надо осмыслить не только литературный организм, взглянуть на него не в микроскоп, а двумя глазами, — надо, кроме того, суметь осмыслить и свою собственную работу. Но это уже не дано ученым эпохи эпигонства. И все попытки эстетических, философских построений могут быть у профессоров Незеленовых только очень бледными, бедными, жалкими. Если увидите когда-нибудь статейку какого-нибудь формалиста под каким-нибудь заглавием вроде «Размышления об искусстве» — можете в этом убедиться. Других статей можете тогда не искать и не читать: *ab uno disce omnes*¹⁴². Талантливый в малом, формализм не может (хотя и делает вид, что не хочет, — не пришло-де еще время) дать глубокие обобщения, подвести философский фундамент под самого себя; и это опять и опять как нельзя более характерно для эпохи начала эпигонов.

¹⁴¹ В своем сочинении «Литературные направления в Екатерининскую эпоху» (1889) Александр Ильич Незеленов (1845—1896) задался целью «построить гипотезу о законах развития литературы» на основании широкого круга источников и оригинальной систематизации фактов. Критика отрицательно отнеслась к историко-литературным опытам Незеленова.

¹⁴² по одному суди о других (*лат.*).

С вопросами философского обоснования их же собственного метода — к ним не обращайтесь. Тщетно стали бы вы спрашивать формалистов: почему они, восстающие против дуализма в понятиях «форма» и «содержание», вводят другой дуализм в понятиях «формы» и «материала»? И чем этот второй дуализм лучше первого? И разве не понимают они, что единственной правильной их позицией было бы утверждение соотносительности не только формы и содержания, но и формы и материала в единстве формы? Почему они разбивают цельное произведение на элементы формальные и элементы мотивировки? Откуда берут критерий этого разграничения? На основании какого своего мировоззрения устраняют они мировоззрение художника из области изучения? Как можно мотивировать что-либо, хотя бы даже самое отрицание мировоззрения, без помощи другого мировоззрения? И как можно понять произведение вне его органической цельности, которую историк литературы — именно с точки зрения формализма! — должен искать не в психологическом сознании автора, а в эстетической нормативности его произведения? Почему явления литературы должны быть оторваны от всех других областей культуры, а в частности, от сферы единства культуры, философии, в ее самом широком смысле? Почему формалисты (я-то знаю почему!) отказываются от философско-эстетического обоснования своей теории? Неужели же они думают (— увы, думают!), что теория искусств может быть обоснована вне философской эстетики? И неужели они не видят (— к сожалению, действительно не видят!), что борьба их с миросозерцательным отношением к литературе, в чем они полагают свою «революционность», есть лишь глубоко-реакционное возвращение к давно отжившим свое время теориям декадентства девятых годов?

Я любезно подскажу формалистам ответ на все эти непосильные для них вопросы: «ein Narr kann zehn mahl mehr

fragen, als ein Kluger antworten»¹⁴³. Или почти то же самое — по-русски: один дурак бросит камень в воду, а десять умных не вытащат. (Оно и кстати: профессоров формализма у нас пока, кажется, как раз десять человек). Правда, есть у меня небольшое сомнение: а что, если на эти — и еще на многие, аналогичные — вопросы формализм не может дать ответа по другой, менее лестной для него причине, а именно — по своей глухоте? Мне думается, что формалисты даже не услышат этих вопросов — настолько вопросы эти «в другом регистре», чем обычное их устремление мысли. И до времени не поможет здесь никакой слуховой рожок князя Петра Ильича, никакая талантливая интуиция графини Хрюминой (помните: «В горах был ранен в лоб, сошел с ума от раны...» — «Что? К фармазонам в клоб? Пошел он в басурманы?»). Их не вразумишь. Когда пройдет время эпигонства, придут другие люди, которые сумеют построить формальный метод на более прочном основании. Беда только в том, что он не будет тогда уже «формальным методом». А пока — еще долго, вероятно, на все эти проклятые (для формализма) вопросы мы будем слышать прямые ответы князя Петра Ильича: «А-хм? Э-хм? И-хм? У-хм?» Прямо изумительно: быть таким молодым по годам, и так скоро обратиться в достопочтенную окаменелость, как это случилось в десятилетие с формализмом! И опять скажу: не вина, а беда его — в эпохе. Эпигоны имеют достойную себя и науку о литературе, и критику. Каков приход, таков и поп.

На критических суждениях представителей формального метода останавливаться не приходится. Ведь если даже в чуть-чуть обобщающих историко-литературных суждениях своих они так часто «вшестером, глядь, водевильчик спят» (вроде того, что «Евгений Онегин» — пародийное

¹⁴³ Глупец задает десять вопросов, в то время как умный отвечает (нем.).

произведение, без всякого мировоззрительного смысла), то что уж и говорить об их суждениях относительно современной литературы! Критики они — никакие, просто за полным отсутствием критического чутья. Вот один из них открыто заявляет в большом литературном собрании, что «Двенадцать» Блока — слабая вещь¹⁴⁴; вот другой из них (а может быть, все тот же?) в другом литературном собрании сообщает, что «Петербург» Андрея Белого — «орнаментика»...¹⁴⁵ Это делает честь его искренности, но не его критическому пониманию; искренности его ради — оставим имя почтенного профессора под покровом милосердного молчания, пока сам он не пожелает обессмертить в веках свое имя печатным изложением этих своих перлов и алмазов. Зачем позорить человека не за вину, а за беду его? Чем виноват он, что не понимает «Двенадцати» и видит одну только орнаментуку в «Петербурге»? Чего же вы хотите: *c'est son métier!*¹⁴⁶ Ведь *смысл* произведения — лежит в третьем измерении (если не в измерениях высших порядков), а формализм может изучать только явление на плоскости. И, наконец, чтобы кончить тем, с чего начал: в эпоху эпигонства критическое чутье у представителей молодой литературной критики тоже не может не ослабеть. Каков приход, таков и поп.

¹⁴⁴ Намек на выступление Б. М. Эйхенбаума в Доме литераторов, посвященное памяти Александра Блока.

¹⁴⁵ Подразумевается В. Б. Шкловский. Свою работу о Белом критик включил в книгу «О теории прозы» (М., 1929. С. 205–225) под названием «Орнаментальная проза» (ее полный текст см.: В. Шкловский. Гамбургский счет. (1914–1933) / Комм. и подг. текста А. Ю. Галушкина. — М., 1990. С. 212–239). Поэму «Двенадцать» Шкловский относил к произведениям, о которых «сам автор не может сказать, что же у него получилось» (Там же. С. 213), а анализируя ее приемы, приходил к выводу, будто «...Блок не совершил до конца дела поднятия формы, прославления ее. Камень, отверженный строителями, не лег во главу угла» (В. Шкловский. Сентиментальное путешествие. С. 242).

¹⁴⁶ это его ремесло (*фр.*).

VI.

Взгляд вперед

...Итак? Боюсь, однако, что всякое «итак» было бы незаконным заключением для «Отрывка», для «Взгляда и Нечто». Ведь «итак» — это заключительный вывод из ряда доказательств, а не из ряда мнений. Мой взгляд на современную литературу, быть может, правилен, быть может ошибочен (я-то, конечно, склоняюсь к первой возможности); быть может, мне докажут, что теперь-то именно мы и вступаем в золотой век русской поэзии и прозы. Возможно. Если когда-нибудь услышу такую приятную новость, то постараюсь разобраться в тех доказательствах, которыми она будет сопровождаться; постараюсь тогда подкрепить доказательствами и свои положения. А пока — я ничего не доказываю; я только высказываю. «Взгляд и Нечто» — и более ничего.

Но если вы мне на минуту поверите, что за моими отрывочными высказываниями есть и доказательства (боюсь даже, что их больше, чем вам того хотелось бы), то можно, пожалуй, закончить этот «Отрывок» если и не выводом, то хотя бы просто вопросом; пусть так, но что же дальше?

«Пусть так» — это значит: да, мы теперь вступили в истоки века серебряного. Да, современная литературная молодежь, вообще говоря, талантлива, очень талантлива. Да, талантов все больше, а горения духа все меньше, и в этом не вина, а беда современных талантов. Да, литературная теория и критика не могут стать выше своей эпохи: каков приход, таков и поп. Но если все это так, то все-таки: что же ждет нас дальше? Кончилась русская литература? Беспросветная ночь впереди, царство серебряное, потом медное, потом железное?

Вздор, конечно. Это было бы истиной только в одном случае: если бы русский народ уже изжил сам себя. А он, быть может, только еще начинает жить. То, о чем я говорил выше, имело гораздо более узкий смысл: простое конста-

тирование факта снижения уровня громадной литературной волны 1890—1915 гг. Это была эпоха нового расцвета; за ней пришла волна духовного оскудения. Революция помогла ей придти и выжгла в слабых душах то, что закалила в душах сильных; слабых оказалось больше — чему тут удивляться? А новые семена, посеянные революцией, взойдут, быть может, еще через годы и через десятки лет, — да разве и не всегда так бывало?

Поэтому на вопрос: что впереди? — можно дать, по-видимому, слишком общий, но зато безошибочный ответ: впереди — революция духа, впереди — новая волна обновленной культуры. Когда? — вот на этот вопрос ответа нет и быть не может: часы и сроки нам не дано знать. Быть может, исчисляются они годами, быть может — поколениями. И именно поэтому — нельзя складывать руки в бездействии; ах, серебряный век! ах, впереди еще медный и железный! все больше и больше талантов, талантиков, талантлишков, все меньше и меньше имущества за душой! Культура обращается в цивилизацию! Так с легкой руки Шпенглера шпенглерствуют теперь многочисленные шпенглерята. И это в России, в которой, может быть, как раз наоборот — потрясена была старая цивилизация, чтобы могла родиться новая культура. Пусть еще не скоро, — но ведь не во времени дело.

Но именно потому, что я верю в будущее, я не приемлю всего того, что в настоящем является лишь ослаблением и принижением прошлого. Современная русская литература — не та новая, которая еще придет; она только — вырождение старой. Не вырождение, впрочем, а лишь снижение, с одновременным широким развитием по старым образцам.

И вот почему случилось так, что если взгляд назад привел нас в самую гущу литературной современности, то, наоборот, взгляд на эту литературную современность мог привести нас только к нашему литературному прошлому. Пошел сегодня, пришел вчера.

И вот почему для меня подлинная литературная современность — не Пастернак, а Блок, не Эренбург, а Белый¹⁴⁶. С этими спутниками я не боюсь за будущее, за литературный путь; с ними я твердо знаю: пойду сегодня, приду завтра. И пусть даже не приду, не дойду. — а ведь я знаю, что не дойду, — что за беда! вместо меня дойдут другие.

Впрочем, что это я! Конечно, дойду, — хотя, правда, под другим именем, под другим псевдонимом. Удушьев, Ипполит Маркелыч, конечно, еще не один раз появится в русской литературе, а какое имя будет он тогда носить — не все ли равно! Важно не имя, а принцип: мировоззрительное отношение к литературе. Не умирало оно за те сто лет, которые прошли теперь от времени появления «Горя от ума», не умрет и еще через сто лет, не умрет, пока жива русская литература, что бы там ни говорила княгиня Марья Алексевна.

1924 г.¹⁴⁷

¹⁴⁶ Любопытен отклик редактора берлинской газеты «Накануне» Р. Гуля (в письме Э. Голлербаху от 6 мая 1924 г.): «Иванов-Разумник — конечно, имеет свое суждение. Но я все-таки думаю, что оно не столь обязательно, Ибо — напр<имер>, никак не мог я прочесть критику Иванова-Разумника — всегда уставал, дремал, бросал. Думаю поместить статью о Пильняке — в “целом”. Как вы думаете, неужели Пильняк не заслуживает внимания? Да уверяю вас — гораздо большего, чем Белый. Ибо Пильняк со всеми своими недостатками все-таки *нов*. А Белый со всеми своими *дрякл*. И статью эту начну обязательно легкой полемикой с вашим письмом. Я хочу только одного: — *молодые живут, пишут, и каковы бы они ни были — они заслуживают рассмотрения, ибо кроме них сейчас никого нет*. Я вовсе не настаиваю на “серапионах”. Беру их, поскольку они интересны, и беру их именно *в отдельности*, а не в общем виде, как их брали» (РНБ. Ф. 207. № 31. Л. 18 об.—19).

¹⁴⁷ Пятьдесят с лишним лет спустя на статью Ипполита Удушьева неожиданно откликнулся критическим отзывом Д. Е. Максимов. Обстоятельства рождения рукописи нам неизвестны: быть может, это была запись для себя, возможно, черновик так называемой «внутренней рецензии» (первые слова о «политическом» контексте). Критический пафос заметки лишен какой-либо идеологической предвзятости, хотя и характерной для того времени, но абсолютно не

Конст. Эрберг

Т еоретические построения поэта и художественного критика Конст. Эрберга — таков был литературный псевдоним Константина Александровича Сюннерберга — в кругу других учредителей петроградской Вольфилы не отлича-

свойственной автору. Рукописный документ сохранился в архиве Д. Е. Максимова (в наст. время — в СПб. Музее Александра Блока) и был любезно предоставлен нам для публикации Ю. Е. Галаниной.

«Статья Удушьева (Р. В. Иванов). Псевдоним — из “Горя от ума” (монолог Репетилова). 1924. В *чисто* политическом отношении в статье лишь один криминал — псевдоним автора. В остальном выдержана позиция — у нас в нас<тоящие> годы плохая литература на фоне прошлых дней великой революции, которая, впрочем, *не превратилась* в революцию духа. Статья брюзгливая, грубая, лишенная артистичес<еского> чутья к искусству (совершенно не почуял масштаба Пастернака, Мандельштама, Ахматовой, хотя Хлебникова (Зангези) называет “гением языка”). И оч<ень> признает Клюева и Есенина. Основа критики: был золот<ой> век символизма с вершинами Блок и Белый (они *и сейчас* актуальны). Теперь же серебр<яный> век *эпигонов*, лишенный определенного мировоззрения. Последнее (отсутствие философии, неумение философски обосновывать свою теорию) особенно резко ругает формалист<ов> — ОПОЯЗ (имен не называет). Единств<енные> просветы, кроме Белого, стихи Данько, Казин<а>, Вас. Гиппиус<а>. “Серап<ионовы> братья” без стержня. В целом же они — «ничтожное литер<атурное> явление». С. 162. Лейтмотив: нет ничего за душой. 167. “Революция <»величайшая в мире» — 164> не захватила, была понята внешне, мелко, плоско” (Сер<апионовы> бр<атья>). То ли дело “Каш<еева> цепь” и “Прест<упление> Ник<олая> Летаева”. К поэзии особенно нечуток. И написано с издевкой архаич<еского> стиля, чуть не 60х гг.

лись особой парадоксальностью. Внешне они выглядели рационально-линейными и схематичными, а их содержание концентрировалось главным образом вокруг проблем философии творчества. Однако, в конечном счете, именно Сюннерберг, наделив Ассоциацию эпитетом «Вольная», символически выразил мировоззренческие приоритеты и основные ориентиры философского содружества. Выпускник Калужской классической гимназии, получивший высшее образование в привилегированном Петербургском училище правоведения, всю свою долгую жизнь (до и после 1917 года) он прослужил «чиновником» на разных должностях: сначала в Министерстве, затем в Народном комиссариате путей сообщения. После революции возглавлял Педагогическую секцию Театрального отдела Наркомпроса (в недрах которой и зародилась Вольфила), чуть позже — Институт живого слова, вел активную педагогическую работу в области ораторского искусства.

На его биографии почти не отразились общественные потрясения. В конце жизни К. А. Сюннерберг считал, что разграничение юридических и филологических занятий позволило ему свободно, не слишком заботясь о хлебе насущном, делать главное дело всей жизни — творить: «Жить с семьей в Петербурге, опираясь лишь на случайный литературный заработок, я не мог, да и не хотел. Считая основным своим занятием работу в области науки об искусстве и теории творчества, я хотел быть в этой области по воз-

19 в. В отличие от Маяк<овско>го и Асеева, истин<ные> футуристы — Гуро и Хлебников. 175. Разносит “формальн<ый> метод”, хотя признает его право на существование. И методологически подходит внешне. Неожиданно (в конце) о вере в будущее: 180. Русск<ий> народ не изжил самого себя, а “только еще начинает жить”. 180. Революция посеяла некие (добрые) семена, которые не взошли в лит<ерату>ре, но взойдут. Будет революция духа (жалкий утопизм!) Не сочувствует Шпенглеру. Будет и л<итерату>ра. (Крепко держится за Бл<ока> и Белого). — Не талантливо, не глубоко, но много грубо-правильного. Чит<ал> в 1978».

возможности независимым. Располагая образованием, и филологическим, и юридическим, я решил провести резкую черту между тем и другим: на обязанности юриста лежало добывание хлеба для семьи, на обязанности филолога — основная моя работа, которую я вел и веду всю мою жизнь. Служба в скромной должности делопроизводителя (вплоть до Октябрьской Революции) — кое-как питала мою невзыскательную семью. Зато в своей области я чувствовал себя сравнительно свободным, а главное, независимым от капризов редакторов, часто взбалмошных, а иной раз и глупых»¹.

Конст. Эрберг приобрел известность в кругах петербургской интеллигенции начала века своей близостью к модернизму и «мистическому анархизму». При его непосредственном участии выходили журналы «Искусство», «Золотое Руно», сборники «Факелы» и другие издания. Поэзию Эрберга можно назвать типично символистской: единственный увидевший свет сборник стихотворений получил характерное название — «Плен». Его рациональная художественная критика представляла собой альтернативу, с одной стороны, хаосу нечеловеченной природы, с другой — традиционности и формализму. Его философия являлась квинтэссенцией одной-единственной идеи — «ин-нормизма»: бунта свободного творчества против всеобщей обязательности моральных, политических, эстетических и прочих норм. И этой несколько холодной, рассудочной поэзии, и рационально сконструированной «иррациональной» философии вполне соответствовал внешний об-

¹ ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 75. Сохранилась ироническая запись, по всей видимости, начала 1940-х гг., обыгрывающая знаменитый горьковский афоризм: «“Рожденный ползать летать не может”. НО: Летать дерзнувши, я смею ползать. К. Э.» (ИРЛИ. Ф. 474. № 31. Л. 10). См. также: К. Эрберг (К. А. Сюннерберг). Воспоминания / Публ. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. — Л., 1979. С. 99—146.

лик поэта и философа (как и в относительно благополучном Санкт-Петербурге, так и в голодном и холодном послереволюционном Петрограде): «седеюще-львиная голова, подстриженные седеющие усы, миндалевидные зеленые глаза, хорошо завязанный галстук и палка с серебряным набалдашником»².

Воспоминания А. З. Штейнберга сохранили двойственный образ чиновника К. А. Сюннерберга – бунтаря Конст. Эрберга: «Шведского происхождения по отцу и французского по матери, он, с худошавым, чисто выбритым лицом, в синих очках, всегда в белоснежном воротничке, шагал по расхлябанным петербургским тротуарам, как заблудившийся в революционной разрухе иностранец. Но сердцем и мыслью он ощущал себя россиянином и интернационалистом. <...> В его недрах он приобрел облик высокопоставленного чиновника барской породы. Его коньком, говоря стилем низким, или путеводной звездой, говоря высоким стилем, – было творчество во имя свободы человеческого духа. Его эрудиция во всех областях художественного творчества, включая музыку и эстетику, была изумительной, о чем свидетельствует, между прочим, его трактат “Цель творчества”. Революцию, со всеми ее ужасами, он принимал безоговорочно, видя в ней великолепное проявление народного творчества и стихийного стремления народа в России к свободе как самоцели»³.

Своим происхождением эрберговский иннормизм, несомненно, был обязан «беспочвенной» философии Льва Шестова. В начале XX столетия идеи мыслителя-экзистенциалиста дали толчок к рождению нового мировоззрения, которое провозгласило основной целью исканий творче-

² Н. И. Гаген-Торн. Мемория. С. 91. Посетитель Третьяковской галереи может составить впечатление о внешнем облике К. А. Сюннерберга по его знаменитому портрету (под названием «Человек в очках»), выполненному М. Добужинским в 1905 г.

³ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 26.

ского духа безусловную свободу, а в выборе между истиной и смыслом отдало предпочтение последнему. Впрочем, сам Конст. Эрберг считал, что вышел за «рамки» шестовского адогматизма: «в противоположность равномерно колеблющимся и ни на чем никогда не останавливающимся миросозерцаниям — скептицизму и адогматизму», *«иннормизм восстает не против догмы... а против ее обязательности; не догма ему ненавистна, но введенное в норму постоянство какой бы то ни было догмы, ненавистна заключающаяся в этом постоянстве принудительность»*⁴.

Для иннормиста норма — это коллективная «полубессознательная» человеческая воля, некая среднестатистическая равнодействующая между миллионами индивидуальных волей, которая определяет законы природы и общества. Норма отчуждена от индивидуума, поскольку именно в ней объективируется власть — «чужая сила», заключенная в природе. Посягая на свободу человека, природа направляет против него свои всеобщие законы, причем в сферу их господства вовлекается не только физический макрокосм, но и собственный мир личности: ее разум, психика, поведение. Иннормист, хотя и признает силу законов природы, но выступает против насилия, с которым норма, покушаясь на индивидуальную волю, навязывается сознанию. Только утверждением собственной воли в свободном творчестве возможно разорвать сети, набрасываемые природой на человека, и преодолеть изначальное противоречие между «я» и нормой.

В историческом процессе творчество — самоцель развития человеческого духа, главный ориентир его продвижения от насильственных форм к свободной жизни. Кроме того, творчество, в основании которого лежат гордость и дерзновение человека, само по себе должно составить фундамент перехода от бытия данного, зависимого от

⁴ К. Эрберг. Цель творчества. Изд. 2-е, сокр. — Пг., 1919. С. 21.

внешней силы (то есть по сути своей рабского существования), к бытию свободному, покоящемуся на чуде. Путь человеческого духа, таким образом, проходит через освобождающееся бытие творчества: от мнимо реального, рабского — к подлинно реальному, свободному бытию. Конечным идеалом иннормизма является единый коллективный творец — Человечество, креативная мощь которого должна одолеть рабское бытие и создать новую, небывалую природу — *Natura naturanda*. Иннормист не задается вопросом, желает ли реальное, а не идеальное человечество совершить подобную метаморфозу — переход к свободе *должен* совершиться: «Н а д о, чтобы все испытали всё. Надо, чтобы все прошли сквозь безумие, сквозь экстаз, сквозь чудо, ради очищения и освобождения от природы»⁵. По мнению Эрберга, подобный императив — не импульс, исходящий от чужой воли, но сила самоутверждения, реализуемая «гордым человеком» благодаря его внутренней духовной потенции.

В конце 1910-х Конст. Эрбергу казалось, что век господства чужой, внешней силы и духовного плена заканчивается, вот-вот начнется эпоха коллективного творчества, а за ней приоткроется дверь в следующую эпоху, когда наконец-то восторжествует свободный дух. Но, поскольку ничто не происходит само по себе, «плененный дух» должен быть готов к мятежу, бунту, отчаянному и безнадёжному сопротивлению; ради мгновения освобождения он должен решиться на безрассудное и безумное. Век просвещения диктовал «гордому человеку», выступающему против рабской толпы, свои вполне типичные требования: влиять на так называемую малосознательную «общественность», шаг за шагом приближать ее к чаемой свободе, одновременно не позволяя «мещанской» воле оказывать сопротивление миссионерской деятельности.

⁵ К. Эрберг. Цель творчества. С. 50.

Именно поэтому бесконечно далекий от «социального» дела и, тем более, от его партийно-политических форм, К. А. Сюннерберг воспринял события 1917 года как символ приближающихся духовных перемен и вскоре стал одним из учредителей Вольной Философской Академии, а затем и «товарищем председателя» Вольфилы. Во многом его надежды строились тогда на том, что качественные изменения обернутся в конечном итоге количественными: толпа превратится в конгломерат «творцов-художников», а центром нового коллективного сознания Человечества станет искусство. Но даже если все эти попытки умрут в зародыше — пусть, — считал бунтарь-одиночка, — по крайней мере сам он значительно приблизится «психологически» к осуществлению принципа свободы в общественной сфере. Что же касается тех, кто в результате этого мятежа потеряет всё, то им иннормист также адресовал свое максималистское «пусть»: «пусть половина человечества сорвется в пропасть, пусть сгинет в трясине: истинно отчаявшиеся... спасутся от природы»⁶.

Сегодня мы знаем судьбу не только тех, кто «сорвался в пропасть», но и тех, кто «спасся от природы», а точнее — от политической природы большевистского Левиафана. Действительно, она была достаточно милостива к К. А. Сюннербергу. Оказалось, что жизнь и литература, подобно двум параллельным прямым в геометрии Евклида, могут и не иметь общих точек соприкосновения. Оказалось, что даже бунт против нормы вполне может уподобиться своеобразной «башне из слоновой кости», которая позволит укрыться от пронизывающих ветров эпохи. В истории отечественной философской мысли иннормизм остался замечательной метатеорией, российской, слишком российской «игрой в бисер», построенной на сугубо рациональном, нормативном фундаменте, так и не востребованном иррациональной жизнью.

⁶ Там же. С. 51.

О догматах и ересьях в искусстве⁷
(тезисы)

1. Кристаллизация художественной идеологии в *непре- ложный* догмат тлетворна для художественной школы.

2. Причина тления не в том или ином художественном миросозерцании, а в его *нормативности*.

3. Художественная ересь есть идеологический бунт против этой нормативности.

4. Два основных момента художественной критики:

а) *анализ* замысла художника;

б) установление *синтетическим* путем соотношения между художественным замыслом и его выполнением.

5. Аналитический момент носит характер объективный и *имманентный*. Момент синтетический носит субъективный и трансцендентный характер.

6. В эпоху спокойного роста искусства преобладает критика *синтетического* типа; в узловую (революционную) эпоху — критика типа *аналитического*.

7. *Критик* (в узловую эпоху) должен быть отличаем от *идеолога*: первый объективно констатирует художественную ересь и объясняет ее; второй пристрастно исследует и пропагандирует.

8. Нетерпимость защитников художественных ересей — на пользу искусству вообще.

9. Для жизни ценно не само искусство, а душа его: *творческая энергия*, живущая во всех подлинных произведениях искусства.

10. Компромисс между догматом и ересью вреден и для той, и для другой стороны.

11. Временное отрицание старых догматов необходимо защитникам ересей для свободы установления своих собственных догматов.

⁷ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 5. С докладом «О догматах и ересях в искусстве» Конст. Эрберг выступил на LX открытом заседании ВФА 16 января 1921 г.

12. Преемственная связь между старым догматом и новой ересью неминуема и неуничтожима.

5 дек<абря> 1920.

О догматах и ересьях в искусстве⁸

I

Когда какая-нибудь художественная школа укрепилась в своей идеологии настолько, что все ее адепты без колебаний, в один голос, дают единообразный ответ на любой из поставленных им теоретических вопросов; когда нет в художественном сознании приверженцев этой школы никаких сомнений; когда они пришли в состояние художественного равновесия и успокоенности; когда все для них ясно, все решено и все формулировано; когда идеология их закреплена в ряде непререкаемых тезисов; когда тезисы эти высечены на скрижалях школы, — тогда школа уже мертва. Оговариваюсь: мертва — как выразитель определенной идеологии; ибо все же не следует забывать, что смерть школы не всегда совпадает со смертью ее творений. Итак, кристаллизация идеологии в некий *н е п р е л о ж н ы й* догмат тлетворна для всякой художественной школы.

Почему?

Я не сторонник огульного применения в области искусства категорий буржуазности и социалистичности. Измерение искусства аршинами мещанским и немещанским мне непонятно уже потому, что то искусство, к которому приложим мещанский аршин — уже не искусство. Я думаю, что одна только мера к искусству и приложима — мера большей или меньшей его революционности, живущей

⁸ Печатается по изд.: Искусство старое и новое. С. 1–18. Невозможность идентификации некоторых цитат объясняется тем обстоятельством, что тексты, заключаемые автором в кавычки, в большинстве случаев не являются буквальным воспроизведением чужих текстов, а лишь их пересказом.

в протестующем духе человеческом — в той творческой энергии, которой озарено бывает всякое подлинное произведение искусства.

И все-таки, однако, не смотря на то, что мещанского искусства нет, — говорить о мещанском начале в искусстве приходится часто. Это мещанское начало заставляет о себе вспоминать в тех случаях, когда мы видим, как постепенно застывает некогда живое и гибкое тело художественной школы. И мы знаем причину окостенения и омертвления: она в типичной для мещанского мирозерцания успокоенности и самодовольстве. Причина тления — не в данной мирозерцании (ибо в с я к о е искреннее художественное мирозерцание приемлемо в искусстве), а в том, что это мирозерцание установлено в п р е д ь н а в с е г д а. Причина разложения не в том, что школа исповедует свои догматы, а в том, что догматы эти непререкаемы и к исполнению о б я з а т е л ь н ы. Причина гибели не в скрижалях (пусть себе стоят), а в том, что заветы на них высечены без орфографических ошибок. Причина смерти в обязательности, в принудительности, в н о р м а т и в н о с т и заветов. А также и в том, что на солнце этих заветов нет пятен.

Если такая безупречность эстетических догматов школы исповедуется не только ее приверженцами, но и признается большой публикой, тогда смерть школы, как выразительницы заветов искусства, наступает гораздо быстрее. И еще ускоряется она возникающими в пределах искусства ересями. Под ересью разумею я здесь и д е о л о г и ч е с к и й б у н т против общепризнанных художественных догматов.

Каково взаимоотношение между носителями художественных догматов и ересиархами в искусстве? Каково отношение к тем и другим со стороны людей так или иначе с искусством соприкасающихся?

II

В пределах искусства, права и обязанности критики слагаются из двух основных моментов: момент аналитического исследования замысла художника и момент установления, синтетическим путем, соотношения между тем, чего художник хотел, и тем, чего он достиг. Будет ли в таком случае критическое суждение объективным и беспристрастным? Действенна ли будет здесь критика?

Для того, чтобы ступить на путь аналитического исследования замысла художника, критику необходимо войти в сферу общего его миросозерцания, узнать его эстетические догматы, его художественное исповедание, его творческую идеологию, исследовать, по возможности, его настроения, предшествовавшие появлению данного произведения искусства. Эта часть деятельности критика должна носить объективный характер. Исследователь должен здесь сжиться, слиться с художником, должен войти в настроение, войти в существо мысли художника. Критика должна быть здесь имманентной. Но раз добыты те или иные данные для суждения о том, что именно хотел художник показать своим произведением, то далее уже нет надобности в аналитическом исследовании. В дальнейшем деятельность критика не должна быть объективной, не должна, да и не может быть беспристрастной. Восприятие художественного произведения есть также творческий акт: то, что я называю актом внутреннего творчества. Потому тот синтетический метод установления соотношения между художественным хотением и творческим достижением, о котором было сказано выше, неминуемо будет и субъективным, и пристрастным, причем пристрастие здесь, конечно, должно быть направляемо в пользу художника, а не во вред ему. Критик должен исходить из предвзятой мысли, из предположения, что данный замысел художника получил в данном произведении искусства полное воплощение. Со всей пристальностью должен критик вглядываться

в художественное произведение, пытаюсь найти в нем подтверждение этих своих предположений. И не только пристрастными, но и страстными будут здесь его поиски, ибо в деятельности критика должно быть живо творческое начало. Не будь его, — критика не была бы искусством. Таким образом, этот второй, чисто творческий момент деятельности критика будет иметь характер трансцендентный.

Человеческая культура растет как легкий, но крепкий коленчатый тростник: поднимается стройный ствол и развивается до тех пор, пока не наступит время закончиться одному колену и начаться смежному; в тех местах, где находится граница между одним коленом и другим, ствол тростника бывает особенно крепок, и можно сказать, что вся крепость тростника — от этих узловых мест его легкого и стройного ствола. Легко и стройно развивается культура какой-нибудь определенной эпохи. Однако расти так в бесконечность она не может без ущерба для крепости целого. Необходимы какие-то сроки, с наступлением которых одна культурная эпоха должна смениться новой. И границей между ними неминуемо должна лежать эпоха брожения, узлов, эпоха замедленного культурного роста, эпоха, предназначенная судьбами истории для обновления сил и для будущей крепости целого. Однако такое замедление в росте — лишь кажущееся: внутреннее напряжение обновляющихся жизненных сил в эти узловые эпохи особенно бывает сильным; и чем крепче узел, тем прочнее расцвет следующего звена культуры.

Искусство, — одна из ценнейших составных частей человеческой культуры, — растет по тем же законам. Узловые эпохи в искусстве должны быть предметом особого внимания критики.

В эпоху спокойного роста искусства, когда эстетические догматы прочно закреплены, когда художественная идеология данного общества так или иначе определилась, когда и художник, и критик, и публика хорошо знают, чего хочет художник, — критик должен обращать внимание

преимущественно на ту сторону своей деятельности, которая определяется синтетическим моментом. Раз известен замысел данного художника (если только замысел этот не носит в себе ничего еретического по отношению к художественным заданиям эпохи), то вся деятельность критика должна быть направлена на установление соотношения между замыслом и достигнутым художником результатом. Здесь перед критиком, как перед таковым, открывается широкое поле для активной творческой деятельности. Так, например, критик, исследовав данное современное ему произведение искусства, устанавливает, что замысел художника является в его произведении выполненным лишь отчасти. Критику ясны причины несовершенства художественного произведения; причины эти легко устранимы. Должен ли критик в данном случае ограничиться лишь констатированием факта обнаруженного им несовершенства? — Конечно, нет. Выяснив себе причину несовершенства, критик должен указать художнику те пути, идя по которым художник мог бы самостоятельно устранить недостатки своего произведения. Здесь авторитетная критика должна быть руководящей, активно-творческой, а потому и свободной, то есть лишь отчасти обусловленной творческим хотением художника. В узловую же эпоху первенствовать должен в деятельности критика аналитический момент. Критик должен следовать за художником, ждать, когда он точно установит и выяснит (сам себе) свое новое художественное хотение. Критик не должен здесь навязывать художнику своих желаний и своих взглядов. Здесь — объективное изучение и, по возможности, объективная оценка, основанная прежде всего на творческом хотении художника, о котором критик должен постоянно помнить.

Такого объективного критика художественного произведения узловой эпохи не следует, однако, смешивать с художественным идеологом этой эпохи. Тот также пытается исследовать, понять и укрепить нарождающееся новое ис-

кусство. Но деятельность идеолога неминуемо будет здесь пристрастной (в лучшем смысле этого слова). Идеолог изучает и пропагандирует новые художественные ереси, тогда как критик их только констатирует и объясняет.

Очевидно, что деятельность критика в узловую эпоху труднее и ответственнее, чем в эпоху эволюционную. Творческое хотение художника часто бывает неустановившимся. Художник новатор, носитель ересей идет иной раз ощупью, меняет замыслы, перестраивает свои схемы. При таких условиях допустимы и частые ошибки критики в деле угадывания и уяснения этих новых художественных замыслов. Однако ошибок этих критика не должна бояться.

Таково отношение к художественным догматам и ересям со стороны критика и идеолога в искусстве. Но большая публика, стоящая вдали от искусства, как относится она к художественным догматам и ересям?

III

Многоликая жизнь смотрится в зеркало искусства, и проходят перед ней отраженные лики один за другим: бесстрастный образ холодного академизма, мечтательный профиль пылкого романтизма, деловое лицо утилитарного натурализма, очаровательная маска утонченного эстетизма, взлохмаченный лик хаотического, бунтующего футуризма. Пристально всматривается жизнь, то волнуясь, то успокаиваясь, то радуясь, то ужасаясь. Глядит она на свой последний, еще не сформировавшийся, юношеский, бунтарский облик и не верит: «Мое ли это отражение?»

Твое, жизнь! Верь зеркалу искусства! Вспомни, как в былые времена, в периоды возникновения в этом зеркале новых ликов, так же недоверчиво глядела ты на пугавшие тебя, дотоле невиданные черты твои; как не верила, как затем наконец убеждалась, что это твое отражение, что это — ты сама.

Вспомни 1827 год во Франции и ожесточенную борьбу «романтизма» против признанных тобою, жизнь, и тобою же освященных «классических» догматов в искусстве.

Ведь не верила ты пламенным словам Виктора Гюго, когда он, этот «одинокий последователь природы и жизненной правды», говорил о классических догматах, как о «старой штукатурке, скрывающей лицевою сторону искусства». И как много времени понадобилось для того, чтобы бунтовские слова знаменитого предисловия к «Кромвелю», — слова этого манифеста романтизма, — убедили наконец тебя, жизнь, что лик твой в те времена был именно таким, каким увидела ты его в зеркале романтического искусства.

Вспомни и другое время, — лет через тридцать-сорок, в той же Франции, — время борьбы в ту пору уже признанного тобою романтизма с молодым натурализмом. Вспомни, как снова смотрелась ты, жизнь, в зеркало искусства, и снова не верила новому лику своему. Натурализм «припечатал камень, под которым навеки уснул романтизм!» — восклицал Эмиль Золя. А что говорил он о маститом Гюго! Вчерашний «последователь природы и жизненной правды» представляется молодому бунтующему поколению «напыщенным пустозвоном», в стихах которого «слышатся трубы страшного суда, играющие “Мальбург в поход собрался!”» Разбирая одну из поэм Гюго («Революция»), Эмиль Золя писал: «Формула романтизма целиком здесь налицо; на этой вещи вы можете изучать все приемы Виктора Гюго. Стихи местами великолепны, но мы читаем улыбаясь: нас смешит этот апокалиптический зверь, с брюхом, набитым риторикой и скрипучим механизмом. Теперь, когда мы требуем точных документов, наблюдений и анализа, разыгрывать перед нами такой жалкий фарс — это насмешка!» По словам Эмиля Золя, Гюго воспевал в риторических виршах жизнь «собственного изобретения», а не ту живую жизнь, поборником которой выставляли себя тогдашние новаторы — натуралисты. «Пишите правдиво, — восклицает Золя в одной из своих статей по художественной критике, — пи-

шите так, чтобы ваши произведения были полны жизни... Я стою за жизнь, за страсть, за борьбу!»⁹

Подумай: Гюго бунтует против академизма ради «жизненной правды», ради тебя, жизнь. К тебе же апеллирует и Золя, когда бунтует против романтизма. Оба говорят только о тебе, жизнь. И каждого из них вначале ты отвергаешь и лишь затем понемногу начинаешь признавать. Что же между ними общего: ведь один исключает другого? — Бунт и мятеж молодости — вот то общее, что отвергалось тобою и в двадцатых и в шестидесятых годах. Ибо всегда пугали тебя ереси.

Не повторяй же старых ошибок, жизнь, и не отталкивай сегодня стремящуюся к тебе бунтующую мятежную молодость. Не беда, что голоса у молодых ломающиеся и крикливые, что жесты их неуклюжие и дерзкие, что слова их резкие и вызывающие, что мысли их неуравновешенные и дикие. Прости им все это за их порывы, за их искренность, за их революционность, а главное — за их подлинную любовь к тебе, жизнь! Позволь каждому любить тебя по-своему. Будь терпимой и будь терпеливой. Все утрясется, как зерно в решете: мелкое высыплется, крупное останется. И ты отложишь эти новые ценные зерна человеческой культуры наряду с ценностями старыми, добытыми тобою в веках из недр великого и могущественного творческого духа человеческого.

IV

Презрение к прошлому, восхваление современности, как реальнейшего века, бунт против эстетических догматов, академий и школ, анархия в области художественных

⁹ Здесь и далее Конст. Эрберг воспроизводит «Предисловие» (1866) к сборнику статей Э. Золя «Что мне ненавистно». Ср.: Э. Золя. Собр. соч.: В 26 т. Т. 24. — М., 1966. С. 12–13.

форм и способов их выражения, отрицание эстетико-романтической «красоты» и утонченностей «ретроспективизма», провозглашение первенства разума над чувством, прославление дерзости и восхваление силы во имя живой, грубой жизни, чреватой великолепным будущим, — вот главные черты «футуристического пафоса».

«Я ненавижу глупцов, бессильных создать что бы то ни было и презрительно заявляющих, что наше искусство и литература умирают естественной смертью. Это — самые пустоголовые, самые бессердечные люди. Зарывшись в прошлое, они с презрением перелистывают произведения нашего времени, где жизнь лихорадочно бьет ключом, и объявляют эти произведения узкими и ничтожными. Я смотрю иначе. Я не забочусь о красоте и совершенстве. Что мне великие века? Мне нужна жизнь, волнение, борьба. Я отлично себя чувствую среди нашего поколения. Мне кажется, художник не может и желать иной среды, иной эпохи. Нет больше школ, нет учителей. У нас царит полная анархия, и каждый из нас бунтовщик, каждый мыслит, творит и сражается за собственный страх и счет. Минута тревожная, полная напряженного ожидания; ждут тех, чьи удары будут всех сильнее и верней, чьи кулаки окажутся достаточно крепкими, чтобы зажать рот всем остальным; и в душе каждого нового бойца таится смутная надежда стать этим диктатором, этим завтрашним тираном. И потом — какие широкие горизонты! Как ясно мы чувствуем, что носим в себе зародыши истин будущего! Если мы только лепечем, то это потому, что нам слишком многое надо сказать. Мы стоим на пороге века науки, века реального, и бывают моменты, когда мы шатаемся, как пьяные, от яркого света, блеснувшего нам в глаза. Но мы трудимся, мы готовим почву для работы наших детей; мы переживаем момент ломки старого, когда развалины с треском рушатся и известковая пыль носится в воздухе. Завтра здание будет отстроено заново».

Об имени молодого бунтаря, написавшего эти еретические строки, я умышленно не предупредил читателя. Написано все это не вчера, а более полувека тому назад, — в 1866 году, — двадцатипятилетним Эмилем Золя. Но могло быть написано и нынче, и мы не удивились бы, прочтя эти слова в тексте одного из современных «футуристических манифестов».

«Что мне великие века! — восклицает Золя, — мы чувствуем, что носим в себе зародыши истин будущего». — «Что нам Шекспир и Пушкин!» — кричат футуристы, — давно пора разрушить академии и Лувры. Будущее искусство — в нас!»¹⁰

Пугаться этих разрушительных угроз, конечно, нечего. Все это было, и бывало уже не раз. И ничего опасного и дурного для человеческой культуры от таких бунтовских лозунгов и мятежных возгласов не произошло. «Я их ненавижу!» — восклицает Золя, говоря об упрямых защитниках старины. «Мы их презираем!» — восклицают футуристы по адресу представителей старого искусства, которых они именуют «пассеистами», — сторонниками прошлого.

Все это — следствие того пристрастия, той страсти, без которой немислимо подлинное творчество. Это та творческая ненависть, которой живо искусство, ибо на дне этой ненависти лежит любовь к человечеству и к обновленной жизни.

Холодная кровь течет в том художнике, который относится терпимо ко всем талантливым проявлениям в искусстве. Если художник любит свое искусство, он не может не отрицать искусства своего антипода. И чем сильнее и та-

¹⁰ Ср. с манифестом «Пощечина общественному вкусу», подписанным Д. Бурлюком, А. Крученых, В. Маяковским и В. Хлебниковым (декабрь 1912 г.): «Только мы — лицо нашего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве. Прошлое тесно. Академия и Пушкин непонятнее гиероглифов. Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с Парохода современности» (Пощечина общественному вкусу. — М., [1913]. С. [2]).

лантливее соперник, тем ярче борьба. Этой борьбой обеспечивается движение искусства вперед, обеспечивается поступательный ход жизни. Для того, чтобы выковывать художественные ценности, жизнь нуждается не только в мощном и тяжелом молоте нового искусства, но и в крепкой, устойчивой и сопротивляющейся наковальне старого. Для жизни полезно, чтобы крепость наковальни враждовала с ударной силой молота.

V

Однако сама жизнь не должна отталкивать от себя новых проявлений творчества только потому, что это новое, сегодняшнее, противоречит тому вчерашнему, с чем жизнь уже успела свыкнуться. А принявши талантливое новое, — не должна она отказываться от того ценного, что дано ей прежними веками. Ибо не искусство должно быть важно для жизни, а та величайшая ценность, которая содержится во всяком подлинном произведении искусства, — и старом и новом. Это та ценность, которую я определяю как творческую энергию.

Пристально следить за быстрым потоком искусства, стараться разглядеть в его волнах мимо несущиеся творческие ценности, пытаться добыть их и сохранить в целости — вот задача жизни по отношению к искусству. Так это всегда и бывает. Сначала пугается жизнь неожиданных ересей и новшеств, гонит их прочь, но затем, рано или поздно, принимает и, в конце концов, из всего молодого и сильного в искусстве берет и откладывает в культурную свою сокровищницу то, на чем лежит четкая печать творческого духа человеческого. Бездарное же, не искреннее и случайное само собою отпадает и развеивается по ветру. Многие отпадет, как ветхая шелуха, и от современного новейшего искусства. Но есть, есть в нем ценное, что останется.

Для того, чтобы узнать это ценное, надо стать на точку зрения творцов нового искусства, надо понять их верова-

ния, их идеологию и, узнав, чего они хотят, — подойти к их произведениям как к молодой дикой лошади: не с кнутом, а с протянутой вперед рукою — с доброжелательством и терпимостью.

VI

Обратимся к некоторым догматам и ересям в области живописи. Здесь уместно будет остановиться прежде всего на борьбе вокруг идеологий современного нам художественного коллектива под знаменем «Мир Искусства».

В молодые свои годы, лет двадцать пять тому назад, Мир Искусства являлся нападающей стороной. Он брал крепость передвижничества, на которой развевалось в ту пору уже ветхое и истрепавшееся от времени знамя узкого утилитаризма. Второстепенная задача искусства — быть откликом на внешние жизненные явления — по инерции выставлялась передвижниками, если не как единственная, то, во всяком случае, как первенствующая задача искусства. И ненужность такого взгляда усугублялась еще тем, что ко времени зарождения Мира Искусства передвижники все чаще и чаще стали заменять когда-то живое у них и талантливое творчество штампом и трафаретом. Крепость передвижничества после больших и героических усилий была наконец взята Миром Искусства. И за последние годы его идеология оказалась настолько общепризнанной, что стала достоянием большой публики.

Один из основателей Мира Искусства и главный его идеолог — Александр Бенуа, смотрящий на искусство, по его собственному признанию, с точки зрения «парнасцизма», сводит цель искусства к «любованию». «Все назначение искусства именно в том, чтобы доставить радость любования»; «художественное творчество существует для радости», — говорит он. Конечно, хотелось бы думать, что идеология Мира Искусства этим не исчерпывается и что приведенные слова выставляются прежде всего в противо-

вес узкоутилитарным идеалам передвижников. Бенуа слишком культурен и слишком умен для того, чтобы в своих суждениях о цели искусства останавливаться на такой гедонистической плоскости. Ибо плоскость эта наклонная и долго удержаться на ней никак нельзя: рано или поздно соскользнешь либо в тот же утилитаризм, но только более высокого порядка (ибо «радость», в конце концов, может носить и тенденциозную окраску), либо в беспринципный эстетизм и декадентство. Ясно, что ни то, ни другое Миру Искусства не к лицу. Что же касается тех художественных приемов, какие должны вести к достижению намеченных Миром Искусства целей «любования», то приемы эти вполне точно установлены уже не теорией, а художественной практикой сочленов этого общества, проявивших так много энергии и таланта в области хотя бы импрессионистской техники и в сфере стиля, как такового. Всем ведомы те значительные художественные величины, какие вышли из Мира Искусства. Беспристрастная история русской культуры с благодарностью отметит их имена на своих страницах, подобно тому, как с признательностью были отмечены имена талантливейших передвижников.

Но жизнь летит вперед. Одни догматы сменяются другими, старым лозунгам противопоставляются новые. Живое дерево художественного творчества растет и разветвляется. И как на смену старого академизма пришло передвижничество, как передвижничество было сменено Миром Искусства, так точно и Мир Искусства оказывается теперь в положении осаждаемой крепости. Всегда так было, и всегда так будет. «Спор есть право мира, отец и царь всех вещей», — говорит Гераклит. — «Две сталкивающиеся силы поддерживают друг друга; на взаимном напряжении покоится гармония вселенной»¹¹.

¹¹ Интерпретация фрагментов Гераклита, известных по «Никомаховой этике» Аристотеля. См.: *Аристотель*. Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1983. С. 220.

VII

Девиз Крамского: «Художник есть критик общественных явлений»¹² — как был он вызывающе смел и как был он жизненно необходим в свое время! Это был протест талантливой молодежи, остро чувствующей современность, протест против далеких от живой жизни и в ту пору уже дряхлых форм академизма. А догматы Мира Искусства, как талантливо проводились они впоследствии защитниками живописи как самодовлеющего искусства, призванного украшать жизнь. Разве в свое время не были они вызваны жизненной необходимостью борьбы за свободу искусства от стеснительных оков утилитаризма? Та же жизненная необходимость заставляет вспомнить о себе и в настоящее время, когда мы присутствуем при осаде крепости Мира Искусства.

Кто же осаждает эту крепость?

Брюзжание ушедшего на покой старого академизма и укусы беззубых челюстей современных передвижников давно уже перестали обращать на себя внимание Мира Искусства. Выстрелы из «Золотого Руна» оказались неопасными, так как были неумны, необоснованны и шли, в сущности, по недоразумению, из своего же лагеря. Что касается большой публики, то отсюда нападки на Мир Искусства раздаются теперь все реже и реже: как мы знаем, Мир Искусства нынче в моде.

Однако слева, со стороны молодых художественных течений, за последние годы грозит Миру Искусства все бóльшая и бóльшая опасность. Выдвигаются новые лозунги, вырабатываются новые художественные ереси.

¹² Ср.: «Если деятельность художника, поэта, пророка не встречала симпатий в современниках — это признак, что общество нездорово; художники же только направляют испортившийся порядок вещей» (Иван Николаевич Крамской. Его жизнь, переписка и художественно-критические статьи: 1837—1887. СПб., 1888. С. 635.)

И не одна, а несколько; во многом они друг с другом не согласны, но все сходятся на одном: на полном отрицании догматов Мира Искусства, в существе своем уже давно изжитых.

Жизнеспособность всякого организма испытывается успешностью в выборе им средств для борьбы за свое бытие. Каковы же средства, выбранные Миром Искусства для самозащиты?

Прежде всего он отказывается признать себя стареющим, и для доказательства того, что новые художественные идеи ему не чужды, стремится принять в свои недра «все, что есть в русском искусстве талантливого, искреннего, горячего и умелого, все, что носит в себе художественную искру». И действительно, если не все самое талантливое, то несколько талантливых художников из молодого поколения были приглашены в круг Мира Искусства, и состав этих омолаживающих сил с каждым годом увеличивается. Здание хорошего стиля начинает давать трещины, так как само себя, очевидно, держать уже не может и хозяин подпирает его крепкими железными столбами, столь чуждыми общему стилю здания. Оно держится, но как искажен его фасад, как испорчено его лицо! Миру Искусства грозит опасность потерять свое выразительное лицо и расползтись в ничто. Если нет сил бороться своим оружием, то лучше и достойнее уступить первое место молодым силам, сохранив при этом всю свою значительность и свое лицо. Кроме того, в таком половинчатом решении этого острого вопроса есть большая доля буржуазной успокоенности и самоудовлетворенности: мы — величина общепризнанная и почтенная; мы принимаем в свои недра «все талантливое», ибо мы твердо знаем, что такое искусство; мы олицетворяем его; мы — центр художественного мира!

Мир Искусства должен «идти широким путем всеприемлемости», — говорит Бенуа, очевидно, думая, что эта всеприемлемость даст его коллективу жизнь. Не

жизнь, а смерть, полная потеря бытия, грозит Миру Искусства, если он будет бороться за свое существование такими самоубийственными средствами.

Говорить так о Мира Искусства побуждает меня не только общепризнанные творческие заслуги его перед русской культурой. Делать мои искренние и самые доброжелательные предостережения позволяю я себе из-за личного моего отношения к этой группе талантливейших русских людей, произведения которых в течение нескольких лет многократно приходилось мне защищать и в художественных журналах, и в ежедневной прессе еще в ту пору, когда молодой Мир Искусства отвоевывал себе достойное место под солнцем.

Пример Мира Искусства показывает нам всю опасность компромиссного разрешения вопросов, связанных с художественными догматами. Примером крайней непримиримости в отстаивании своих идей могут служить провозвестники и защитники футуристической ереси.

VIII

Большинство современных художников-новаторов отрицает какую бы то ни было преемственную связь их искусства с искусством вчерашнего дня. «Старое искусство — гниль. До Сезанна никакой живописи не было»¹³, — говорят одни. Мы считаем, — говорят другие, — что наконец в двадцатом веке время покончить навсегда с прописями эллинского искусства и начать создавать другое искусство на совершенно иных основаниях. Прежние художествен-

¹³ Вероятно, подразумевается общий смысл статей Н. Бурлюка «Кубизм (Поверхность — плоскость)» и «Фактура», опубликованных в сборнике «Пошечина общественному вкусу». Ср.: «Быть может, не парадоксом будет сказать, что живопись лишь в XX веке стала искусством. Лишь в XX веке мы стали иметь живопись как искусство — ранее было искусство живописи, но не было живописи-Искусства» (С. 95).

ные формы совершенно непригодны для этого нового искусства. Оно отрицает какую бы то ни было преемственную связь со старым искусством и стремится создать новые формы из ничего. Вчера мы не имели искусства, сегодня оно у нас есть. У нас нет и не может быть никаких традиций».

Ясно, что все это не верно; ясно, что все это слова, сорвавшиеся в пылу полемического задора, — фразы, сказанные с целями демагогическими. Апологеты новой живописи и сами не верят в это. Если бы верили, что никакого достойного искусства до самого последнего времени не было, то не воевали бы так страстно с этим несуществующим искусством. В том-то и дело, что старое великое искусство есть. И стоит оно незыблемо уже тысячелетия. Впрочем, и новое искусство стоит теперь уже на крепких ногах.

С каждым годом все более и более места отвоевывает себе футуризм на арене современной европейской живописи. На Западе он ведет свою родословную от неоимпрессионизма, от Сезанна и через Ван-Донгена, Матисса, Ле-Фонкье, Леже, Пикассо подходит к живописи нынешних дней. И у нас новые течения дают о себе знать с каждым годом все сильнее. Футуризм становится серьезным фактором и русской художественной жизни, притом фактором действенным. Против него можно восставать, с ним можно спорить и бороться, но замолчать его уже нельзя, и не считаться с ним теперь уже немислимо. Тем менее допустимо по отношению к футуризму злобное издевательство и пошлое зубоскальство, столь типичное для инертной и мешанской части нашей выставочной публики и для нечутких и беспардонных представителей художественной критики. Возглас: «Бей, но выслушай!» не доходит до них, ибо они имеют уши не для того, чтобы слышать (футурист уже конечно добавил бы: «а для того, чтобы ими хлопать»). Воспользуемся же нашими ушами с большим достоинством и выслушаем представителей нового искусства.

Из всех последних течений в современной живописи наиболее определившимся является кубизм. Идеология его установилась достаточно крепко для того, чтобы можно было говорить о ней как о чем-то выкристаллизовавшемся в стойкие формы. Поэтому останавлиюсь сейчас на этой художественной ереси, возраст которой во Франции определяется уже добрым десятком лет.

IX

В противоположность импрессионизму, стремящемуся создать в зрителе известное чувственное восприятие, кубизм пытается дать возможность пластически осознать живописный объект. Он восстает против анекдотических и зрительных случайностей. Ради освобождения от «банальности» природных форм и во имя изобразительной силы, новое искусство комкает и режет формы, разрубает на части предметы видимой действительности, стремясь перевоплотить ее в самодовлеющую, чисто-живописную действительность. «Красота произведения искусства живет исключительно в самом произведении, а не в том, что ему служило только предлогом» (Глез)¹⁴. Картина — не копия предмета, а сама себе закон и цель. Отсюда вытекает необходимость давать гармоническое сочетание прямых и кривых, перестраивать целое при помощи смещения и совмещения плоскостей и контуров, оперировать «сдвинутыми конструкциями» и т. д. По словам Ле-Фоконье, «дело не в том, чтобы только получить на красочной поверхности ощущение субстанции предметов (забота реализма) или их беглую внешность (импрессионизм), но в том, чтобы заставить созерцать это удивительное могущество, внушение и эту внутреннюю жизнь, которую живопись может содержать в своем блеске, в своей таинст-

¹⁴ См.: А. Глез, Ж. Меценжэ. О кубизме. — СПб., 1913. С. 5.

венной прозрачности или в своем глубоком лучеиспускании»¹⁵. Новая живопись вырабатывает небывалые технические приемы. Найдя какую-нибудь форму, художник дает ей предпочтение перед другими формами и пытается передать ее особенности некоторым знаком, способным затронуть других. Если это ему удастся, он заставляет зрителя «чувствовать себя перед воплощением его интегрированного пластического сознания так же, как он сам чувствовал себя перед натурой» (Глез)¹⁶.

Кубизм устанавливает совершенно новое отношение к задачам раскраски и композиции. Фактура, как способ обработки живописных поверхностей, играет здесь первенствующую роль; выдвигается проблема красочных форм; цвет берется, как составная часть формы («Когда краска достигла полноты, форма достигает совершенства», — говорил еще прадед кубизма Сезанн¹⁷). Большое значение придается и нарочитым диссонансам в окраске и фактуре.

Правда, во многих случаях кубистической практики видим мы ненужную и на первый взгляд мало чем оправдываемую грубость форм, умышленные чудачества в фактуре, нарочитость в огорошивании зрителя и т. д. Однако все эти эксцессы можно объяснить в некоторых случаях извини-

¹⁵ См.: *Ле-Фоконье*. Современная восприимчивость и картина // Сборник статей по искусству. Издание Общества Художников «Бубновый валет». — М., 1913. С. 49.

¹⁶ См.: *А. Глез, Ж. Меценжэ*. О кубизме. С. 11.

¹⁷ Ср.: «Все в природе лепится в форме шара, конуса, цилиндра; надо научиться писать на этих простых фигурах, и если вы научитесь владеть этими простыми формами, вы сделаете все, что захотите. Нельзя отделиться рисунок от красок; нужно рисовать по мере того, как пишете, и чем гармоничнее становятся краски, тем точнее делается рисунок. При наибольшем богатстве красок форма неизменно достигает своей полноты. Контрасты и гармоничные отношения красок — вот секрет колорита и лепки» (*Э. Бернар*. Поль Сезанн, его неизданные письма и воспоминания о нем. — М., 1912. С. 32).

тельным задором молодости (например, грубость форм, как реакция против догмата «изысканности и утонченности» плеяды художников Мира Искусства), в других же случаях — бесталанной и наглой подделкой.

Замечено, что поддельные кредитные билеты появляются чаще всего тотчас же после выпуска денежных знаков нового образца: подделыватели рассчитывают здесь на то, что новый рисунок малоизвестен большой публике, которая потому и будет легко введена в заблуждение. Против таких подделывателей в искусстве должны бороться все, бережно относящиеся к художественному творчеству, и прежде всего сами представители новой живописи, тем более, что последним легче распознать подделку: им ведом секрет рисунка новой, еще вчера только выпущенной ценности.

Кубизм, по мнению некоторых из его идеологов, прежде всего реалистичен и рационалистичен. Потому-то и относится кубизм с таким уважением к отцу реализма в французской живописи — Курбе, который «проложил путь к тем реалистическим достижениям, от которых берут начало все современные усилия. Но, — по словам Глеза, — он остался рабом самых худших условий зрения. Не зная, что для отыскания одного верного соотношения нужно жертвовать тысячью видимостей, Курбе принимал без всякого умственного контроля все, что ему сообщала его ретина. Он не подозревал, что весь видимый мир становится истинным, реальным миром только при помощи работы мысли и что не всегда предметы, поражающие нас особенно сильно, обладают и самыми богатыми пластическими откровениями»¹⁸.

Между прочим, эта «работа мысли», о которой говорят идеологи кубизма Глез и Меценже, представляется мне в настоящем случае глубоко ошибочной. Вводить разум (не

¹⁸ См.: А. Глез, Ж. Меценжэ. О кубизме. С. 4.

ум!) в качестве основного и существеннейшего элемента творческого процесса и художественного восприятия — это значит обескрылить творческий процесс и сделать художественное восприятие бесплодным. Впрочем, здесь не место входить в критику идеологии кубизма. Моей задачей было лишь дать вкратце по возможности объективное описание кубизма, как одного из последних более или менее ясных отражений жизни в зеркале искусства.

Несомненно, что мещански настроенная жизнь еще долго будет считать кубизм вредной и нечестивой ересью. Что касается деятелей нового искусства, то в этой среде кубизм считается уже пережитым. Он слишком скоро выработал свою художественную идеологию и укрепил свои догматы. Наступает время новых ересей и новых идеологических бунтов. И так будет всегда. Ибо революционным, бунтовским началом живо искусство.

Х

«В искусстве бывают только революционеры или плагиаторы», — писал Гоген, — художник, сыгравший такую значительную роль в новой западно-европейской живописи. Боязнь быть невольным плагиатором и заставляет молодых наших художников вступать на путь протеста. Когда период становления пройден и когда наступит период бытия новейшей живописи, тогда представители ее, конечно, признают ценности, лежащие в произведениях «стариков». А пока им нет дела до старых догматов.

Такое временное отрицание догматов и догм старого искусства необходимо ради свободы выбора новых догм. Ведь прежде, чем придти к знаменитому «*cogito ergo sum*»¹⁹— Декарту необходимо было вытравить из сознания всю старую гносеологию. А между тем не есть ли картези-

¹⁹ я мыслю, следовательно, я существую (*лат.*).

анская философия лишь закономерное продолжение философии средневековой? Да кроме того ересиархи и революционеры в искусстве протестуют, в сущности, не против старых догм, а против нормативности этих догм: против лежащего в каждой догме элемента принудительности. Так что не догма, а норма является тем врагом, сломить силу которого должен творческий дух в поисках своих собственных догм. И в этом отношении мой термин «иннормизм» определяет такое протестующее настроение творческого духа довольно точно.

Но мудрые схоласты учат: *ex nihilo nihil fit*²⁰. Потому, как ни вытравливаются старые догматы новейшими художниками, а все-таки преемственная связь между ними и прежним искусством неминуема.

Ибо всякая ересь, особенно художественная, питается и живет тем самым догматом, с которым она борется и который она так ненавидит.

²⁰ ничто не возникает из ничего (лат.).

Красота и Свобода²¹

ВФА. 11–VI–22

I. Свобода.

- 1) чья-то: *моя* (existentia²² бытийств<енная> / essentia²³)
- 2) от чего-то: *от власти* (чуж<ая> *порабощ<ающая>* меня сила, мною *непризнав<аемая>*)
- 3) ради чего: ради *освобождения*
- 4) предикат: *безусловная*
- 5) антипод: *природа* (ступени бытия { бунт норма данна<ая> в проц<ессе> освоб<ождения> чудо чаемое

II. Красота.

- 1) кр<асота> как один из *путей к освобожд<ению>*
- 2) *определение*: проявл<ение> бессозн<ательного> чувства меры при выб<оре> средств для (легк<ого>) *преодоле<ния>* преград природы с целью *освоб<ождения>* от власти зак<ономерной> необх<одимости>
- 3) кр<асота> как *единств<енная>* форма воплощения творческим духом воспоминаний об освобожд<ении> и даже о свободе (Родина)
- 4) *красота* в творчестве *научно-филос<офском>*, религ<иозном> и др.
- 5) кр<асота> — цветок *плодового* дерева свободы,

III. Свобода и Истина.

не φιλοσοφία²⁴, а φιλεχενεσις²⁵.

²¹ ИРЛИ. Ф. 79. № 48. Л. 11об. Впервые опубликовано нами в: Вопросы философии. 1994. № 5. С. 104. Тезисы доклада Конст. Эрберга на СХХIX открытом заседании ВФА «Красота и Свобода» 11 июня 1922 г. Работа над подготовкой второго издания сборника статей Конст. Эрберга под аналогичным названием была завершена в апреле 1922 г.; книга вышла в берлинском издательстве «Скифы» в 1923 г.

²² существование (лат.).

²³ сущность (лат.).

²⁴ философия (греч.).

²⁵ любовь к толкованию (греч.).

К вопросу о культуре²⁶

Всякий исследователь культурно-исторических явлений всегда принужден бывает остановиться прежде всего на вопросе о том общем знаке, под которым вправе он будет поставить все разнородные явления, вводимые им в круг своего исследования. Если под культурой разуместь всю совокупность данных человеческого творческого опыта, в каких бы областях опыт этот ни проявлялся, то ответ на такой вопрос об общем знаке напрашивается сам собою: под знаком творческой силы должно стоять все многообразие культурных достижений человечества. Творческая энергия — вот общий их корень. Она тот единый знаменатель, к которому неминуемо суждено будет исследователю культуры привести все ее числители для получения окончательного подсчета итоговой работы.

Но результаты культурного творчества сказываются в очень разнообразных областях: арка, поэма, канализация, кооперация, фреска, спектральный анализ, матриархат, теория относительности, орловский рысак, равенские мозаики, фигоцитная теория, ислам, пирамиды, брабантское кружево, шарикоподшипники, асептика, персидская кафля, дифференциальное исчисление, культ предков, сталелитейный завод, гипнотизм, портрет, стратегия, арфа, электролиз, девальвация, татуировка, готика, паво, народный язык, балет, такелаж, мотор Дизеля, портофранко, контрапункт, жидкий воздух, интернационал, базилика, критика, табу, трест... и так без конца. Из какой бы области не брали мы продукт культуры, — всякий из них найдет свои корни в творчестве. Каждому из них предшествует либо научный, философский, творческий опыт, либо художественный, либо религиозный, либо непосредственно-жизненный творческий опыт.

²⁶ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 25—26.

Какой же из всех этих типов творческого опыта наиболее яркий в смысле его общепризнанности? Каким из них с наибольшей убедительностью можно воспользоваться для того, чтобы на его примере показать черты, типичные для характеристики той или иной культурной эпохи? Другими словами: где легче всего найти тот основной нерв данной культурной эпохи, который определял бы всю его систему?

Родники научного творчества питают не один культурно-творческий бассейн, но все это преимущественно подводные источники: творческий процесс здесь, — в области науки, — доходит до непосвященного наблюдателя часто с большими трудностями. Это обуславливается прежде всего недостаточной научной или технической подготовленностью наблюдателя для понимания специфического языка той или другой дисциплины.

Культура общественности, — да и религиозная культура, — так тесно слиты с научным творчеством и творчеством художественным, что рассматривать их порознь было бы неправильным.

Остается, стало быть, чисто художественный творческий опыт человечества. Им-то и определяются типичнейшие черты культурных эпох с наибольшей рельефностью.

В чем же кроется причина этой рельефности? Прежде всего в том, что художественное произведение говорит даже неискушенному воспринимателю искусства на языке ему понятном: на языке не понятия, а образа. Оно обращается не к разуму его, а преимущественно к уму, к его сердцу..

Дек<абрь> 1922

А. З. Штейнберг

В мировоззренческих исканиях Аарона Захаровича Штейнберга, которые парадоксальным образом соединили «скифский» максимализм и стремление к национально-культурной аутентичности, в полной мере нашли свое отражение достоинства и комплексы отечественной интеллигенции¹. Своими учителями Штейнберг считал Парменида и Платона, Герцена и Достоевского, Виндельбанда и Риккерта. Центральным объектом его философских размышлений начала 1920-х годов, во многом предвосхитивших выводы немецкого и французского экзистенциализма, стала история, ее «концы и начала», и, в первую очередь, место человека в историческом процессе. Задаваясь вопросом о смысле того или иного события, он постоянно размышлял над алгоритмом целого — о том, каким должен быть жизненный путь личности, руководствующейся принципом этической и эстетической целесообразности,

¹ Подробная интеллектуальная биография философа представлена в книге: *A. Steinberg. History as experience. Aspects of Historical Thought — Universal and Jewish.* — New York, 1983 (*Aaron Steinberg — a Portrait*, by Gerhard M. Riegner. P. 1–6; *On the Thought of Aaron Steinberg*, by Uriel Tal. P. 7–34); и в послесловии Ж. Нива «Спящие и бодрствующие» к книге мемуаров А. Штейнберга «Друзья моих ранних лет» (С. 266–277). См. также: *Л. Столович. Аарон Штейнберг как философ // Русские евреи в Великобритании: Статьи, публикации, мемуары и эссе / Ред.-сост. М. Пархомовский, А. Рогачевский.* — Иерусалим, 2000. С. 422–442.

двигаясь по которому, она могла бы оказывать решающее влияние на происходящее.

А. З. Штейнберг родился в Двинске, в религиозной еврейской семье. Философское и юридическое образование получил в Петербургском и Гейдельбергском университетах. Перед Первой мировой войной сотрудничал с «Русской мыслью», публикуя отчеты о западноевропейской философии в отделе «Философское движение», свел знакомство с П. Б. Струве, В. Я. Брюсовым, В. В. Розановым и Л. И. Шестовым. В 1911 году, двадцатилетним юношей, участвовал в работе IV Международного философского съезда в Болонье². Для Вольфила деятельный ум молодого философа-неокантианца пришелся особенно кстати. Штейнберг не только стал активным помощником своих более старших коллег, непременным участником практически всех открытых заседаний, но и блестящим лектором, во многом благодаря которому уровень философских дискуссий поднялся здесь на серьезную научную высоту³.

В эпоху, когда взгляды А. З. Штейнберга еще только складывались, образованная часть общества жила верой в завершившееся формирование единой европейской цивилизации, полагая, что потенциальная гармония в человеческой природе осознана людьми окончательно и совсем скоро будет реализована на практике, что национальные,

² На вопрос служебной анкеты «Где работал до 1915 года, по какой профессии» (начало февраля 1919 г.) Штейнберг отвечал: «Состоял сотрудником журналов: «Русская Мысль», «Логос», «Вестник права» и др., а также занимался самостоятельной разработкой философских и специально эстетических вопросов» (ЦГА СПб. Ф. 2551. Оп. 1. № 2079. Л. 6).

³ В письме к Андрею Белому от 7 декабря 1923 г. Иванов-Разумник высказывал сожаления об эмиграции Штейнберга и о той потере, которую в связи с отъездом ученого секретаря понесла ВФА. Ср.: «...год тому назад — уехал А. З. Штейнберг, и не осталось у нас «философа», своего, вольфильского...» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 264).

религиозные и классовые противоречия могут быть безболезненно разрешены, что этические ценности мирового рабочего движения получают универсальное признание, а вместо разделенной многонациональной Европы возникает единая национальность и складывается новый европейский характер. Однако уже в самом начале XX столетия упрощенная гармония позитивизма, еще совсем недавно господствовавшего в общественном сознании, сменилась ощущением дискретности, сиюминутности и распада. Когда в результате мировой войны и ряда революций к концу второго десятилетия нового века был не только разрушен европейский политический порядок, но и окончательно подорвана вера в незыблемость устоев самой цивилизации, духовный коллапс стал восприниматься как следствие крушения той системы ценностей, с которой мировая философия встретила новый век, как осуществление самых мрачных пророчеств Достоевского, Вл. Соловьева и Ницше. Быть может, впервые за долгие годы интеллигенция обнаружила все признаки замешательства, столь неуютно чувствуя себя в хронотопе европейской цивилизации дрейфующей, лишившейся общезначимой системы мировоззренческих координат.

На фоне массового агностицизма взгляды А. З. Штейнберга выгодно отличались отчетливым оптимизмом, стремлением к ясному объяснению содержания и смысла современных исторических процессов. По сути дела все доклады молодого философа с трибуны Ассоциации были посвящены толкованию одного-единственного непреложного тезиса, согласно которому конец старой цивилизации «всего лишь» означает рождение цивилизации новой. Глубокое понимание природы человеческого самосознания и принципов его эволюции служило Штейнбергу основанием для изучения прошлого, понимания настоящего и интерпретации будущего. Руководствуясь таким трехаспектным подходом, ученый секретарь ВФА сформулировал оригинальную философско-историческую концеп-

цию, согласно которой мировая история есть не что иное, как непрерывность целого, воплощающаяся в конкретных людях.

Подобно многим современникам, исповедовавшим неокантианство, Штейнберг признавал человека в качестве самоцели исторического развития, рассматривая его как божественное творение, не имеющее своего завершения. Однако этот универсальный принцип философу приходилось отстаивать уже в те годы, когда личность превратилась в простое средство сил и процессов, утратив и свое знание о них, и контроль над ними. Современная цивилизация произвела столь радикальную перемену в сознании человеком своей экзистенциальной ситуации, что уникальность его как творца, сформированного по образу и подобию Бога, и его естественная способность устраивать свою жизнь свободно и автономно казались более неочевидными. Технология, развивавшаяся сама по себе, трансформировала физическую и духовную природу человека в природу мертворожденную, превратив ее в образ и подобие самоуничтожающегося духа. Находясь во власти науки и техники, человек принципиальным образом видоизменил свою сущность: из субъекта творения он превратился в объект технологических и политических манипуляций. Резкое изменение фундаментального статуса личности особенно очевидно проявилось и на эстетическом уровне. Искусство, призванное выражать смысло-жизненное целое, воспроизводило современную эпоху в виде органического распада целей и средств. В такой ситуации, полагал философ, для возрождения принципа «человек — самоцель» всем и каждому следовало осознать, что благословение или проклятие, жизнь или смерть зависят не от технологии, порожденной цивилизацией, а от индивидуального морального выбора личности.

Философия истории Штейнберга восходит к антропологической интерпретации гегелевского понимания исторического процесса, согласно которой его движущей силой —

скрытой или явной, потенциальной или актуальной — является человеческое сознание. Желая удовлетворить свои первичные потребности, человек постоянно создает новые, более сложные орудия труда, развивает технологию, совершенствует законы и реформирует общество. Если в метафизическом плане сознание принимает форму Разума, воплощающего принцип божественного откровения, иногда даже вопреки воле конкретных людей, то в плане эмпирическом оно исполняет волевые решения личности, стремящейся оставить свой след в природе, государстве и обществе. Совокупным же субъектом такого ответственного сознания является интеллигенция, которая переносит метафизические задачи истории в сферу антропологической или социологической реальности, придавая таким образом историческому процессу цивилизационно-культурную форму. Кульминация прогрессивного развития человечества наступает в тот момент, когда одновременно с завершением построения материальной цивилизации сознание достигает своей высшей стадии развития — культуры.

На пути познания смысла истории существует реальная опасность исторического релятивизма, который объявляет гуманизм, равенство, свободу, религиозную веру, социальную справедливость и ответственность результатами исторических трансформаций и, тем самым, неизбежно лишает все эти ценности законности и оправдания. По мнению философа, историческая реальность, обусловленная абсолютным характером ценностей, в онтологическом смысле принципиально отличается от постоянно видоизменяющегося мира природы. Специфика исторических феноменов заключается в том, что, имея своим основанием человеческую волю, сущность и значение они черпают в высшей духовной сфере. Вот почему релятивизму, доведенному до абсурда и обращающемуся в нигилизм, историк должен противопоставить знание о сверхисторическом предназначении этических и религиозных гуманистических ценностей. Соответственно, и любой объективный исторический

факт становится доступным пониманию лишь в том случае, когда исследователь преуспевает в раскрытии смысла, объединяющего все внешние и внутренние аспекты конкретного исторического феномена.

Формулируя свой оригинальный ответ на вопрос об абсолютном смысле мировой истории, Штейнберг использовал важнейшую идеологему мировой философской мысли — тему свободы⁴. По его мнению, «концы и начала» исторического процесса опосредованы целями освобождения, которые ставит перед собой зависимый от природы и общества человек. В то же время каждый отдельный, «текущий» исторический момент не может в полной мере объективировать этот смысл, и поэтому суть истории — в никогда не прекращающемся откровении. Хотя для человека не существует возможности исключительно индивидуального освобождения (мир всеобщих целей первичнее автономной самоцели), в трансцендентном царстве идей, где сходятся «я» и «не-я», важнее всех целей и средств оказывается самосознание, которое есть «не обособившаяся и замкнувшаяся в себе сфера, а на все точки раскрытая и непрерывно убегающая от себя точка опоры и покоя»⁵. В результате индивидуальное самосознание, рождающееся в каждом человеке, может проявить себя как «богооткровение»: «когда скудельный сосуд сознания моего наполняется до краев личным содержанием, которое поистине сверхлично: мое «я» превращается в благую историческую волю, а мир не-«я», как и я сам, раздвояется начало творческое и творимое, на тварь и Творца, и все в целом есть единое творческое устремление, в непрерывном потоке которого я сам был бы лишь воображаемой

⁴ Ср.: «Свобода имеет свою историю, или иначе, все, что мы называем историей человечества, есть развитие свободы в ее осознании и ее реализации» (А. З. Штейнберг. Система свободы Достоевского. С. 27).

⁵ Там же. С. 137.

пограничной чертой, если бы передо мной и за мной, если бы всегда и везде вокруг меня не кипела живая и осмысливающаяся жизнь»⁶.

В своих выступлениях в периодической печати и, главным образом, в Вольфиле А. З. Штейнберг постоянно, прямо или косвенно, высказывался против марксистской идеологической доктрины, обвиняя ее в стремлении лишить человека статуса самосознающего субъекта, наделенного естественной способностью связывать культурные, этические ценности и историческое сознание⁷. В отличие от других руководителей Ассоциации, молодой философ

⁶ А. З. Штейнберг. Система свободы Достоевского. С. 136–137.

⁷ Об этом, в частности, можно судить по статье А. З. Штейнберга «О политических предсказаниях (К психологии политического мышления)», которая была опубликована в московском журнале «Знамя» (1920. Май – июнь. № 3–4. Стлб. 11–18). Ср.: «Теория марксизма требует отвлечения от человеческой воли, и воля человека, приемлющего подобное учение, по необходимости напряженно стремится к самоограничению, к самоотречению. Умерщвление воли может повести к самоубийству, к аскетическому самоистязанию, к мистической покорности или же... к фанатическому рационализму. Во всех этих случаях активной внутренней борьбы воля всегда побеждает: ее кажущееся самоистребление есть лишь особый вид концентрации и наибольшего напряжения. <...> Фанатик политического интеллектуализма знает твердо, что он знает, и все искушения, сомнения бегут от него. Перед нами явления безудержного и бесконтрольного хозяйничанья рассудка – самый опасный вид помешательства: помешательство систематическое» (Стлб. 14–15). Ср. также: «Режим террора, провозглашающий произвол эмпирического законодательства абсолютным законом объективного исторического становления, не может не кончить самоумерщвлением. Не только отдельный человек, но и целое общественное течение должно кончить самоубийством, когда его идеология абсолютизируется, а ее носители провозглашаются единственными субъектами непрерываемой исторической правды. Так именно революция диалектически перерождается в чистейшую контрреволюцию, террор – в орудие самогильотинирования» (А. З. Штейнберг. Система свободы Достоевского. С. 126–127).

значительно меньше склонялся к компромиссам с режимом, и когда советская власть окончательно принялась за «переделку» интеллигенции, отказав «мыслящим личностям» не только в праве искать правду и верить в справедливость, но и в самой возможности жить в России, он сделал свой окончательный выбор в пользу эмиграции. В мемуарах Штейнберг подробно рассказывает, как шаг за шагом складывалось его решение навсегда покинуть родину: «Неудачная попытка основать постоянный ежемесячный журнал⁸ дала мне возможность ясно понять, что мы все время находимся под наблюдением государственного охранного отделения. Я намеренно употребляю старый ненавистный для всей интеллигенции термин — «охранное отделение», потому что наша российская интеллигенция давно уже была заражена антиполицейской фобией. Кто бы ни говорил от имени полиции, от чьего бы имени полиция не говорила, самый факт вмешательства ее в культурные, чисто интеллигентские дела казался поношением самых творческих стремлений интеллигенции. Раньше у нас создалась иллюзия какого-то минимального успеха в нашей борьбе за свободу мысли. <...> Смерть Блока, стремление Андрея Белого сохранить свои творческие силы за пределами Советского государства, мои личные переживания в связи с журналом — все это подсказывало вывод: пришел конец»⁹.

Лишь немногие из тех, кто тогда добровольно эмигрировал (и даже те, кого насильно выслали) из России, предполагали, что обратной дороги не будет. Штейнберг, формально отправлявшийся в Германию в командировку для проведения научных исследований в области филосо-

⁸ Речь идет о журнале «Основы», надежды организовать который продолжали оставаться актуальными до начала 1923 г. В данном случае очевидна более поздняя (и не всегда точная) интерпретация Штейнбергом разновременных фактов.

⁹ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 108.

фии¹⁰, конечно, не был в этом плане исключением. 29 ноября 1922 года он писал своим коллегам по Вольной Философской Ассоциации: «Дорогой Константин Александрович, дорогой Разумник Васильевич и все добрые друзья! Пользуюсь случаем, чтобы еще раз с борта “Schecien” послать Вам всем сердечный, от всего сердца привет и большое, большое спасибо за наш общий “Совет” и за любовь. Счастливо Вам всем, дорогие, оставаться и до скорого свидания. От души преданный А. Ш<тейнберг>»¹¹.

Спустя три месяца в Петроград, Конст. Эрбергу пришло еще одно, вероятно последнее, письмо от бывшего ученого секретаря Вольфилы:

«Дорогой Константин Александрович, уже давно собираюсь написать Вам. Хотелось бы знать, как Вы живете, как себя чувствуете. Вести, получаемые мною из Питера, крайне скудны. Правда, грешен и я: мало пишу; но все же больше, чем пишут мне. А между тем, память о последних питерских годах живет во мне непрестанно, и на расстоянии я еще больше ценю наш небольшой кружок, цепляясь за который мы благополучно переплыли через эти годы. Как ни настроен я против “сентиментов”, все же должен признаться, что о Вас, о Разумнике, еще кой о ком не могу не вспоминать без особого чувства, которое, вероятно, называется любовью. Хотелось бы знать, как живете Вы вместе и каждый в отдельности. Разумн<ику> Вас<ильевичу>

¹⁰ Существует ошибочное мнение, будто А. З. Штейнберг был «выслан» в Берлин «на знаменитом пароходе с группой крупных русских писателей, ученых философов» (См.: Русские эмигранты о Достоевском / Вступ. ст., подг. текста и примеч. С. В. Белова. — СПб., 1994. С. 87). Сам философ, получивший командировку от Наркомпроса, в мемуарах высказывал сожаление, что его не включили «в эту категорию» (См.: А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 115–116). Единственным моментом, который объединил эти различные события, был пароход «Schecien», в то время еженедельно курсировавший между Петроградом и германским Штеттином (наст.: Щецин, Польша).

¹¹ ИРЛИ. Ф. 474. № 296. Л. 5–5 об.

я написал довольно скоро после приезда сюда, но ответа не получил. Не знаю, не потому ли, что письмо мое было слишком болтливое (не следовало мне еще тогда писать: я был слишком рассеян первые недели после того, как я попал в этот совсем другой мир), или потому, что Раз<умнику> Вас<ильевичу> самому трудно писать. Иногда я за него начинаю бояться, и тогда особенно хочется знать, что с ним, как его здоровье, уладилось ли его семейное дело¹². Очень прошу Вас, Константин Александрович, если соберетесь написать мне, а я на это надеюсь, рассказать мне подробно о Раз<умнике> Вас<ильевиче>. Он сам о себе ведь ничего не расскажет. Но, конечно, прежде всего хотелось бы от Вас услышать о Ваших собственных делах. Даже если все осталось бы по-старому, то и это было бы большой новостью, потому что у меня за это время, если и не случилось ничего особенно нового, то зато старое уплыло, кажется в какую-то безвозвратность. Я теперь совсем еще не знаю, как и что будет дальше. Ничего не понимаю, и надо, как будто, начинать с самого начала. А как за это приняться? — Скоро три месяца, как я отчалил от Василеостровской набережной, а успел я за это время только разучиться многому, ничему, кажется, не научившись. Впрочем, и это большая наука. Не могу себя представить на кафедре, что-то доказывающим или кого-то в чем-то убеждающим. Но в истину верю по-прежнему, и по-прежнему хотелось бы, чтобы все было лучше и в целом мире,

¹² Суть «семейного дела» Иванова-Разумника заключалась в том, что к лету 1922 г. его восемнадцатилетний сын Лев попал под влияние уголовной среды. Воспользовавшись именем отца, он взял «в долг» у различных его знакомых большую сумму денег, которую срочно пришлось возвращать ничего не подозревавшему Иванову-Разумнику. Позже Штейнберг признавался, что подобная «деморализация, проникающая в одну из наиболее кристально чистых семей, носительницу заветов и традиций старой русской интеллигенции», решающим образом повлияла на его желание покинуть Россию. Подробнее см.: *А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет.* С. 109–110.

и у нас, сынов человеческих, на земле. <...> Что поделявает Ольга Дмитриевна?¹³ Другие друзья? Как Вольфила? Процветает ли слово живое? — От души желаю Вам и всем Вашим всего хорошего. С любовью и преданностью, Ваш А. Штейнберг»¹⁴.

В Германии А. З. Штейнберг прожил до 1934 года, откуда вновь был вынужден эмигрировать, затем — до своей кончины — жил в Лондоне. Все более углубляясь в проблематику традиционной иудейской культуры, он вошел в 1941 году в число руководителей Всемирного Еврейского Конгресса, а в 1948-м возглавил отдел культуры Конгресса, одновременно представляя ВЕК в ЮНЕСКО. По свидетельству близких ему людей, Штейнберг был автором не только философских работ, но также пьес и даже (неопубликованных и по сию пору) романов. Однако в первую очередь мы обязаны А. З. Штейнбергу своими представлениями о Вольной Философской Ассоциации, благодаря его ярким воспоминаниям, сохранившим для потомков живые подробности становления этого уникального явления в истории отечественной культуры.

Развитие и разложение в современном искусстве¹⁵

*Когда живое тело начинает разлагаться,
каждая его точка приобретает самостоятельную жизнь,
но это лишь жалкая жизнь червей...*

Гегель

¹³ Подробнее об О. Д. Форш и ее работе в Вольфиле см.: А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 179–193.

¹⁴ ИРЛИ. Ф. 474. № 296. Л. 6–7об.

¹⁵ Печатается по изд.: Искусство старое и новое. С. 19–33. С одноименным докладом А. З. Штейнберг выступал на III открытом заседании ВФА 1 декабря 1919 г.

Друзья мои, что вы думаете? Не хотите ли вы вместе со мною сказать смерти: так это жизнь? Но тогда — клянусь любовью к Заратустре — еще раз!

Ницше

Мы живем в переходное время. Еще задолго до катастрофы 14-го года на сознание европейского человечества мрачной и жуткой тенью легло предчувствие грозящей гибели. Сворачивались какие-то времена и сроки. Старый мир молодился и изо всех сил торопился жить; то забегая вперед, то оглядываясь назад, он вдруг стал топтаться на одном месте и, как бы споткнувшись в тщетной попытке перескочить через свою собственную тень, рухнул, сраженный своею же рукой. Ныне мы присутствуем при окончательном разложении этого мертвого тела погибшей европейской культуры.

Но в жизни природной и человеческой нет смерти, потому что сама жизнь есть непрерывное умирание, непрерывность же умирания есть подлинная и живая жизнь. Меняется лишь темп смертоносного процесса жизни, в котором вечно умирает сама смерть. Мы говорим о расцвете, о полноте жизненной энергии, когда костлявой труженице еще много дела впереди, а конец видим лишь тогда, когда уже затеплилась новая обреченная жизнь. Только *sub specie praesentis*¹⁶, лишь на тесной арене настоящего жизнь и смерть вечно враждебны; во времени же непрерывно текущем они неразлучны.

Важно видеть это различие во всех вопросах, касающихся современности. Старый мир почил, это значит, что новый народился к жизни. Разложение старой культуры есть многообразие возможностей нового возрождения, и в наше переходное время нам, современникам, важно лишь осознать, что и нынешнее время станет веком минувшим,

¹⁶ с точки зрения настоящего (лат.).

что история продолжается и что, как всегда, все впереди. Все впереди и в судьбах искусства.

Искусство неразрывно связано со всей проблемой человеческой культуры. Если возможна философия культуры, то в ее пределах должно оказаться место и для философии искусства, и если философия культуры должна разрешить вечный вопрос о смысле человеческой истории, то по необходимости философия истории должна охватить и историю искусства. Таким образом, философия истории искусства находит себе оправдание, по меньшей мере, как законная проблема. Проблема эта простирается, во-первых, на всю совокупность явлений, определяющих искусство, как одно из звеньев вечно развивающейся, но связанной единым смыслом культуры, во-вторых, в пределах самой жизни искусства, она должна осветить все те внутренние законы его развития, которые автономно определяют его непосредственную судьбу. И та, и другая сторона проблемы должна была бы найти свое приложение к любому периоду или даже разрезу всего исторического процесса.

В применении к нашей задаче это означало бы, что из связи европейского искусства начала XX-го века со всем положением культуры этого периода, который мы определяем, как период распада, и из внутренних устремлений самого искусства можно извлечь некоторый общий смысл, который осветил бы отдельное и частное светом общего и целого, и тем самым приоткрыл бы покровы, заслоняющие от наших взоров грядущее. Так, безотносительно к той или иной эстетической идеологии, мы нашли бы прочную почву для уяснения смысла и значения столь злободневных упоров о старом и новом искусстве и, поднявшись над современностью, мы увидели бы ее с особенной ясностью.

I. Элементы европейского разложения

Разложение европейской культуры обнаружилось сразу во всех отраслях ее многоветвистого дерева. К концу XIX-го ве-

ка общеевропейская культура, как понятие некоторого реального единства, стала фактом. Философия, наука, искусство, техника стали общими; рабочее движение выступало под знаменем интернационала; промышленность и торговля европеизировались в этом интернациональном смысле не менее ревностно; общими стали костюмы, манеры обращения, предметы домашнего обихода. Вместо английской, французской, немецкой национальности наметилась, как будто, новая национальность — европейская, сложился новый европейский национальный характер. Не хватало еще только одного общего языка, по зато необыкновенно распространилось во всех европейских странах знание иностранных, т. е. европейских же языков. В этот общий процесс с все возрастающей интенсивностью стала вовлекаться и Россия.

Но наряду с этим процессом образования нового целостного единства обнажилась с неслыханной до этого времени силой центробежная националистическая стремительность, которая особенно характерна тем, что целью ее совершенно открыто выставлялась сама центробежность. Центробежность, как самоцель — это чистейшая идеология торжествующего распада. Великая война завершила здесь, как и во многом другом, лишь общую линию истории. Взорванное изнутри здание, обрушившись, собственными своими обломками раздробляет еще сохранившие целостность части, и мы присутствуем при полном распаде старой европейской территориальной организации.

Разложилась и внутренняя целостность национального общества. Классовая борьба никогда еще до этого времени не осознавалась на практике, как начало, разлагающее до полного уничтожения государственного и общественного единства. Международность же рабочего движения оказалась силой нереальной. Нереальным оказалось и «священное единство», изобретенное, для сцепления классов, разобщенных силою вещей во время войны. За войнами последовали революции. Политические партии проник-

лись классовым сознанием, и политическая борьба приняла характер борьбы за экономические интересы. Автор «Капитала»¹⁷ оказался пророком, т. е. он сам стал одной из причин последующих событий. Но он не предвидел, что внутри солидарных по своим экономическим интересам классов в свою очередь обнаружится новая междоусобная борьба групповых, фракционных, кружковых и даже узколичных интересов и что диалектика разложения не остановится перед схемой манифестов. Не остановилась она, конечно, и перед такими несокрушимыми на вид организациями, как латинская вселенская церковь. Во всей своей призрачности выступило и объединение людей на почве религиозности и догмы. Единая техника достигла наивысших своих успехов, как техника разрушения, т. е. обнаружила свой смысл, вернее свою бессмысленность, в саморазрушении. Борьба с природой выродилась в борьбу с собою. Наука, которая постепенно превратилась в «служанку техники», разделяет судьбу своей госпожи. Философия разделилась на множество препирающихся бесплодно школ и празднует возрождение александрийства и схоластики. О моральных силах и упоминать считается неприличным. Семья — последний, как будто, атом, который еще не разложился окончательно. Везде обломки, осколки, развал и разложение.

А вместе с тем какой необыкновенный расцвет точного знания, какое невиданное скопление несметных сокровищ! Археология в своих раскопках дошла до времен шумерийских¹⁸; филология разгадала и воскресила языки и наречия, которые неведомы были уже древнейшим нашим предкам; микро- и микроскопы разглядели мельчайшее и отдаленнейшее; подробности подробностей еще слиш-

¹⁷ К. Маркс.

¹⁸ Имеются в виду шумерийцы — племена, населявшие долину Тигра и Евфрата с конца 4-го тысячелетия до н. э. и до конца 3-го тысячелетия — начала 2-го тысячелетия до н. э.

ком крупная задача для увлеченного точностью современного ума. Каждый день приносит с собою все новые и новые усовершенствования, изобретения и открытия. Но и это накопление есть распад: множественность, лишенная единства; богатство, которое ничье; беспредельность, над которой не витает ничей дух.

Где же искусство? где его голос в этом смешении языков? почему бессильно оно помочь своим зодческим талантом при этом всеевропейском столпотворении?

Обратимся к современному человеку и от творений человеческих рук перейдем к их творцу. Тогда, быть может, разрешится и этот вопрос, вопрос о человеческом творчестве.

Современный человек много знает. Его библия — это всеобъемлющая ежедневная энциклопедия-газета. В кинематографе он видит и то, что трудно передать на словах. Наслышался же он обо всем. Удивить его крайне трудно. Технически сложная жизнь настойчиво требует от него умения быстро ориентироваться в сложных расписаниях, правилах и планах. Отсюда следует особый характер человеческих отношений: люди не беседуют друг с другом, а договариваются; не задают друг другу вопросы, а наводят справки. Человек — человеку справочник — вот новое видоизменение древних волчьих взаимоотношений. Но чтобы получить справки, надо давать другие взамен: отсюда стремление к «образованности», т. е. стремление быть справочником последнего издания. Но чтобы быть поистине полезным своим ближним, т. е. чтобы быть в состоянии действительно извлекать пользу из своих ближних, надо при необъятности всех необходимых всем сведений специализироваться в какой-либо одной области. Отсюда еще особый узкоспециальный характер современной образованности на общем фоне всезнайства. Что же средний европеец знает о самом себе? Лишь то, что он знает то, что знает. Его я для него целиком совпадает с его знанием о фактах: он сознает себя, как вместилище разрозненных

знаний, объединенных единством практической, житейской задачи.

Таков средний европеец и, конечно, не только он, житель Западной Европы, но и всякий, приобщившийся к западноевропейской культуре. К счастью, еще немного у нас в России таких средних европейцев; зато среди людей, участвующих в культурном строительстве, у нас европейцев даже чересчур много. Вот почему наши попытки в дальнейшем охарактеризовать европейца творческого может иметь значение и для России. Соотношение при этом, конечно, меняется. Зависимость европейского творческого духа от всей культурной и психологической среды европейской есть зависимость прямая и непосредственная, и то время как наша зависимость от этой среды определяется еще посредствующим звеном европейских дел и творений. Тем не менее, эта зависимость существует и иногда выступает даже, как неосознанная мера вещей. Проблема современной европейской культуры в этом отношении есть также и наш собственный вопрос. Каков же человек-творец в этой умирающей Европе? Если средний европеец много знает, то средний представитель творческого сословия в Европе по-настоящему образован, и газету для него пишут настоящие специалисты любого из ее отделов. Изумить его еще гораздо труднее, чем его младшего брата, но, зная много, он знает также и то, что следует удивляться и что удивление начало мудрости. Вот почему он всячески стремится узнать нечто удивительное. Он предпочитает страны экзотические, эпохи древнейшие, языки отдаленнейших стран, философы запутаннейшие, религии самые сокровенные, слова самые изысканные, технику наиболее виртуозную. Изумляться и изумлять — вот норма его жизни. Но он знает также разницу между знанием точным и приблизительным и, стремясь к тому, чтобы стоять на высоте, он требует от себя методичности, критического отношения к фактам, умения экспериментировать и наблюдать. Так он научается наблюдать и самого себя.

Образованный европеец относится к себе так же, как к миру внешнему: методически, критически, научно. Разве я не факт среди фактов? разве душа не предмет науки, психологии? разве психология не точная, экспериментальная наука? И вот возникает новый тип человека. Человек, который существует для себя только, как научный факт. Чем больше человек научается видеть в себе, тем меньше он видит себя, или вернее, он не то, что не видит себя, его просто нет: он распался на наблюдаемого и наблюдателя, и сложность душевной жизни приводит к тому, что человек теряет способность различать свое, как унаследованное от собственной своей природы, от своего, благоприобретенного. Он слишком экспериментатор, чтобы быть хорошим наблюдателем и, превратив себя в лабораторию, он наблюдает уже не свою собственную свободную природу, а природу в предварительном заключении, на скамье для подозреваемых, допрашиваемую со всем пристрастием экспериментальной науки. Но научная цель оправдывает все viviseкционные средства. Лишь бы в результате зарегистрировалось еще одно, миллион первое, психологическое открытие. Святая инквизиция и святая, святая простота!

II. Развитие и разложение в искусстве

История человечества имеет смысл. Смысл этот заключается в том, что человечество призвано воплотить в своей истории вечный смысл и таким образом сделать всякую историю, как и всякое время, излишними. Смысл временных событий — грядущее воплощение вневременного бытия. Понять историю человечества, как последовательный ряд усилий в этом направлении, значит постигнуть философский смысл истории.

Человек есть, таким образом, орудие и творец истории, и человеческое творчество в его многообразии есть необходимая многосторонность в разрешении многогранной задачи. Искусство воплощает в каждый период историчес-

кого подвига человечества высшую ступень возможных достижений.

Человеческая история есть история развития человеческого творчества на пути к преодолению природного временного становления. Это развитие никогда не было и не может быть восхождением на высшую ступень, на высшую, которая была бы выше в силу какой либо внеисторической оценки. С точки зрения философии истории всякий последующий миг ценнее всякого предыдущего, потому что он приближает историю к ее завершению. Тем не менее остается место для развития.

Время зародилось во вневременности и в ее вечное лоно оно должно вернуться. История человеческого сознания в пределах самого времени лишь продолжает и завершает исконный акт отпадения мира опытного и раздробленного от цельности и завершенности идеального космоса. Время есть начало разложения, и чем быстрее вращаются его крылья, тем производительнее работа его жерновов. Весь опытный мир должен быть перемолот до последней крупинки, чтобы положенный историей труд мог завершиться целиком. Задача человечества — использовать время, ускорять процессы, торопить с концом. Если история должна завершиться погашением самого времени, если это может случиться лишь тогда, когда время сделает все свое дело распыления до конца, то всякое разложение есть успех в единственном и истинном историческом направлении: тогда распад есть прогресс, а разложение есть несомненное развитие. И действительно, все, что мы в истории человеческой культуры представляем, как успех и развитие, есть прежде всего разветвление простого и прочного ствола дерева человеческой жизни на многоветвистость направлений, из которых каждое, в свою очередь разветвляясь и размножаясь, прямую первоначальность превращает в сеть пересекающихся сплетений и возможностей. Древо жизни превращается в древо познания, и в этом познающем сознании, под непрозрачной его поверхностью, кроются корни единства целого.

Здесь не место развивать эти мысли до их последних выводов и предпосылок. Попытаемся лишь в общих чертах показать, какое место занимает в этом творческом распаде искусство.

Время и вместе с ним все временные явления постоянно разлагаются; времени противостоит сознание, как начало единства. Если бы во времени не было сознания, в нем не могло бы быть и сознания единства разложения. Разложение, которое было бы только разложением, не было бы самым собою, оно не было бы и тем относительным единством, которое позволяет видеть его, как множественность, порожденную первоначальной общностью, т. е. оно было бы ничем. Но сознание во времени есть та потенция, которая уравнивает его гибельность и позволяет ему непрерывно преодолевать свою собственную прерывность. Вот почему само по себе чисто созерцательное и бездейственное сознание во времени превращается в принцип творческий и воссоединяющий. Сознание временное есть сознание творческое.

Творчество есть преодоление временности во времени, и искусство потому есть самое напряженное из всех видов человеческого творчества, что оно преодолевает временность в самой критической его точке, в точке кипения настоящего, там, где между уже и еще несуществующим, в пустоте и оторванности момента, должен быть перекинут мост через пропасть чистой прерывности. Искусство разрешает свою задачу тем, что спасает мгновение, вознося его над временем. «Этот листок, что иссох и свалился, золотом вечным горит в песнопеньи». Временная вневременность непосредственной данности мгновенья — вот настоящая стихия искусства.

Отсюда исторический характер искусства. Подлинное искусство есть всегда искусство современности, и современность его должна пребывать таковою вовеки. Коперник поглощает Птолемея, но Шекспир не может уничтожить Эсхила. Хронос науки пожирается своими же

детьми, титаны же искусства мирно уживаются в пантеоне истории. Старое и новое искусство, искусство будущего и искусство современное — если оно подлинное искусство — не нуждается в защите и оправдании, потому что творения его не могут подлежать суду истории, над которой оно всегда возвышается. Поэтому спор о старом и новом искусстве есть как бы спор за высокой оградой его воздушных садов о делах побочных и житейских, но для него не жизненных. И все же возможность этого спора не случайна.

Сопровождая человечество на историческом его пути, искусство в своей надысторичности сохраняет постоянную связь с той зыбкой почвой, над которой возникают его незыблемые памятники. Так оно, с одной стороны, монументально в каждом отдельном своем неподдельном проявлении, с другой же — внутренне дифференцировано, сообразно с той закономерностью почвенных изменений, которые служат ему пьедесталом. Это значит, другими словами, что каждое произведение искусства само по себе вне времени, все же его образы в совокупности составляют единую развертывающуюся закономерно галерею. Таков смысл историчности сверх-исторического искусства.

Можно эту же мысль выразить еще так: форма художественного творчества или особый вид того единства, который образует замкнутый мир художественного целого, тождественна во всем многообразии произведений искусства, во всех его видах и во всей смене его проявлений, но сами элементы, организуемые им в одну целостность, и само его многообразие немислимы вне колебаний маятника веков и динамичности жизненного процесса, в основной его двойственности: развития — разложения. А раз так, то и спор о формуле прогресса в истории искусства, в этом особенном его значении, непосредственно подсказывается самой проблемой философии искусства.

Элементы художественного произведения это прошедшие сквозь горнило творческого сознания элементы со-

временной творцу человеческой культуры. Связь с современностью преодолевается в творческом акте, но в то же время сохраняется в самом произведении именно в своей преодолённости. Поскольку же все точки современности строят единую линию исторического развития, постольку и все преображенные в художественном творчестве отражении этих точек очерчивают новую воображаемую линию особой истории искусств, которая действительно требует и своего особого освещения с точки зрения философствующего разума.

В приложении к современности нам открываются, таким образом, широкие перспективы. Мы попытались охарактеризовать наше время, как время распада. Распад же, как мы попытались наметить, есть истинный критерий развития. Следовательно, то или иное направление в современном искусстве, как направление, или, что то же, с точки зрения философии истории искусства будет тем современнее, тем прогрессивнее, чем явственнее оно будет отвечать духу разложения и распада, который есть дух нашего времени. Такое его соответствие однако, еще далеко не определяет чисто художественной и автономной ценности отдельных произведений, потому что эстетика и философия истории подходят к оценке их каждая по своему и независимо друг от друга. После всего сказанного это, впрочем, само собою разумеется.

В чем выражается высшая степень разложения, которая могла бы послужить нам мерилom относительных его успехов? Теперь мы имеем уже все данные, чтобы ответить и на этот вопрос. Сознание, сказали мы, есть принцип противоположный времени, и относится к нему, как чистое единство к чистому множеству. Поэтому венцом разложения было бы разложение во времени самого сознания. Отмечая в начале элементы европейского распада, мы уже подошли к распадающемуся единству ставшего психикой сознания. Посмотрим же теперь, как отображается эта стадия развития в искусстве.

Искусство всегда реалистично. Только реальность, которую копирует искусство, есть реальность им самим воплощаемой идеальности его творческого духа. Дух этот, мы это знаем, есть в то же время дух духовно-культурной современности, в той фазе его разложения, до которой довел его мировой процесс развития. Поэтому и наоборот, от искусства мы могли бы заключить к воплощенному в нем духу современности. С какой бы стороны мы ни подошли, мы на пути своем встречаем широкие и пустые зрачки современного искусства.

В современном искусстве преобладает: сознательность, виртуозность техники, историзм, большая субъективность и объективная бессодержательность. Постараемся оценить всю прогрессивность и необходимость этих творческих сторон современности.

Сознательность современного человека ни в чем не проявляется так отчетливо, как в его умении наблюдать себя. Наблюдать себя это значит относиться к себе, как к объекту. Но творчество, которое отражает объективный дух, дух времени в самом произвольном его проявлении, таким образом, остается произвольным только в этом ограниченном значении. Современный творческий дух сохраняется, как принцип единства, уже только в отвлеченном формальном смысле. В понятии его заключена его дистанция по отношению к самому себе, т. е. начало внутренней его прерывности. Дух современности есть дух саморазлагающийся, распадающийся в своих собственных пределах па многообразие объективных содержаний и на формальную пустоту голого наблюдения. Его действенность проявляется в его склонности экспериментировать над собою, т. е. в его умении страдательно перемещаться под разные углы зрения и бездейственно отдаваться воздействию искусственно обставляемых опытов. Неизменной целью его деятельности является, следовательно, бесцельность и бездейственность. Так обменивается огромная роль эстетических идеологий в современном искусстве, в котором оправдание

смысла предшествует большей частью самому наличию оправдываемого. Теория творчества превращается в цель творчества, а оно само понижается до степени практического средства доказать себе и другим правильность предвзятой теории. Вместо того, чтобы творить во имя современности, началом творчества провозглашается будущее: творчество наблюдает себя с точки зрения будущего, т. е. смотрит на себя, как на прошлое, и потому рождается мертвым. Оно, как и всякое искусство, спасает современность, по, увы, современность мертворожденную.

Но техника зато торжествует. И снова мы имеем здесь дело с силой центробежной. Леса вокруг возводимого здания, входя в состав архитектурного целого, создают стиль современности, в котором органическая слитность средства и цели разлагается на элементы, объединенные лишь усилием сознания, все свои действия равно оценивающего, потому что все они для него равно объективны: настолько опустошена сама его субъективность. Эта техника, разрастающаяся до значения самоцели, делает из природы физической и духовной одну сплошную «nature morte», природу мертворожденную, образ и подобие самоистребляющегося духа. Средство сознаётся, как средство, и тем не менее ценится, как цель. Так, в современном художественном мировоззрении все предметы и слова, как единства целестремительные, наподобие самого сознающего свое разложение творческого духа, разлагаются на мельчайшие составные элементы и формую их обобщения и воссоединения сохраняется лишь голое сознание обнаженности распада, как новое откровение существа предметов. Психопатология давно уже знает особый вид пристрастия к трупам и к аромату тления.

Отсюда сильное влечение к расширению, к экстенсивности содержания. Вся насыщающая современность хаотическая и афилософская масса фактического материала, извлеченного из всех потайных архивных ящиков истории, вовлекается в водоворот искусства. Для пустой фор-

мы, каковой является творческое сознание современности, любое наполнение — желанный материал, и лишенное критериев непосредственных и по существу опустошенное творческое сознание сохранило лишь формальное мерило различия и сходства. Все, что уже на поверхностный взгляд отличается от обыденного, тем самым предпочитается, а формально сходное с обычным — отвергается. В этом источник всяческой стилизации, всякого манерничанья, подражательности, стремления к примитивному, к простоте, которая дается путем наисложнейших технических усилий. Впрочем, весь историзм момента может быть понят, как одно из технических ухищрений.

Все это вместе влечет за собой сугубый субъективизм. Личность творца никогда в другие эпохи не проглядывала так явственно сквозь произведения художников, как в наше время. Полотно стало прозрачным, как паутина, гранит — как стекло, а всякая музыка голосовой: везде виден и слышен я, всякая фраза начинается с я. Но это вовсе не та настоящая лирика, где само я в своей субъективности объективируется. Здесь мы имеем дело с я, навязывающимся нам своей собственной воле вопреки. Стремясь к чистейшей объективности, современный дух не замечает лишь одного: что истинная объективность есть целая система завершенных и организованных миров субъективизма. Но когда сама субъективность лишь тень себя самой, тогда все ее проявления не то, что не объективны, а по степени своей объективности еще ниже замкнутой субъективности: они просто-напросто хаотичны и случайны, т. е. индивидуальны, как индивидуально назойливое жужжание комнатной мухи. Объективно жужжать так же невозможно, как создавать лирику ощущений. Научная объективность в искусстве есть изнанка опустошенной индивидуальности.

Следует ли еще прибавить, что в такой опустошенной индивидуальности нет места для вдохновения внеэстетическими идеалами, которые в самом процессе художественного творчества перевоплощаются в эстетические цен-

ности! Это непосредственно следует из той эстетической сознательности, которая влечет к гипертрофии техники, к отсутствию материальных критериев в выборе содержания, к пустому субъективизму, в котором я и в творческом действии остается покрытым той же пылью случайной повседневности, от которой очищало искусство во времена иные, еще не предчувствовавшие в своем смутном юном сознании, что муки знания беспредельны.

III. Грядущее единство

Искусство современности с необыкновенной виртуозностью, со всем блеском усовершенствованной техники, со всем напряжением творческих сил обнажает перед нами дух современности в его безнадежном распылении. Безнадежном ли?

Безнадежность это естественное настроение историков и стариков. Для них нынешний день конец истории и конец света, потому что завтра в их труп закопошатся черви, жизни которых они бессильно завидуют и к которым они питают непобедимое отвращение. Выше всего ценя то, что они ощущают как остатки своего я, они ревниво дорожат своим отживающим прошлым и безучастны к будущему, в котором нет для них места. Разве они скажут смерти: «так это жизнь?» Но тогда они сознавали бы себя бессмертными, не роптали бы и не сожалели о прошлом, не состарились бы и спокойно приветствовали бы торжество разложения: историки превратились бы в философов!

С точки зрения философской же успеши в процессе развития тем значительнее, чем ближе историческое разложение к своему абсолютному концу. В этом смысле наша современность значительно подвинулась вперед по сравнению даже с совсем близко за нами лежащими эпохами. Мы дошли в нашем культурном сознании до такой стадии раздвоенности и раздробленности, которые в еще сравнительно недавние времена причислялись к видам помеша-

тельства: ныне все передовые люди поголовно страдают хроническим раздвоением личности.

Можно ли идти еще дальше в этом направлении? Из самого определения сознания, как последнего принципа единства в всеразлагающем времени, следует, что за разложением самого сознания ничего существенно нового в этом процессе развития уже ожидать нельзя и может повыситься лишь степень его интенсивности. Но этот критический момент в истории человеческого сознания должен стать и поворотным ее пунктом.

Теперь мы можем понять, в каком смысле человечество может принять участие в перевоплощении временных событий в вневременное бытие. Судьба времен не может решаться без творческого усилия человека. Развитие человеческой истории от первоначального синтеза первобытного мистического сознания к постепенному аналитическому цветению культуры должно привести к постепенному опадению ее лепестков и к созреванию плода с новыми семенами. Поэтому кажущаяся прерывность, которая наступает в развитии, есть необходимый прыжок с высоты взметнувшихся кверху ветвей в рыхлую плодородную почву, приемлющую семя для нового разложения и роста. Покуда не совершится до конца судьба времени, до тех пор одна культура будет сменять другую, расти с нею рядом, обгонять ее в росте или отставать от нее и мир человеческий будет подобен густолиственному и многорумному лесу.

Вот и теперь с треском валится засыхающее дерево европейской культуры под ударами секиры истории, а рядом уже выступают беспомощные побеги новой нарождающейся на европейском полуострове растительности. Еще мы не знаем ее дальнейшей судьбы, но предзнаменования благоприятны.

Сменяющая гибнущую культуру новая культура не может не определяться своею предшественницею, и если закон преемственного развития в истории есть закон непрерывного разложения, то высшая степень разложения

должна повлечь за собою творческое разложение самого разлагающего процесса. Этот пункт исторического процесса был бы поворотным ни означал бы приближение человечества к своему истинному назначению, к выполнению его философской миссии.

В мечтах мы видим новое человечество, единое в своем государственном бытии, организованное во всех сторонах своей практической жизни, ясно сознающее свое извечное единство и свое высокое общее назначение, живущее для творчества космического и освещающее все свои дела центральным солнцем мирового сознания. В этом синтетически сознательном человечестве каждая личность будет творческой, потому что никто не будет без дела, к которому одинаково призваны все. И каждый человек будет на своем месте в этом организованном для завершения истории человечестве, потому что место каждого будет определяться самим миропорядком, и каждый будет по своему самим собою, потому что сознание каждого будет согласно с самим мирознанием, которое будет вмещать каждого в отдельности и каждым в отдельности будет вмещаться.

Может быть, в этом новом мире вовсе не будет искусства, как особой повышенной формы жизни, потому что весь мир будет единым произведением художественного творчества и светом красоты спасется человечество, но тогда красота станет истиной и ровный ее свет сменит мерцание зловещей звезды современности.

Так или иначе, но искусство современности не есть искусство будущего. Сегодня новое, оно завтра станет старым и вместе с ним в своей собственной истории своим языком расскажет тысячелетнюю летопись духовного распада человечества, завершившегося, как мы глубоко надеемся, гибнущей современностью. И если идут еще горячие споры о правде вчерашнего и о правде нынешнего дня, то это спор не о том, кому первым быть там, в царстве грядущего, а кому быть последним здесь, в плену у разлагающейся жизни. Стоит ли об этом спорить?

**Тезисы к докладу
«Время и пространство в философии истории»¹⁹**

I. Философия есть единственная *наука* о конкретном; пространственность — упорядоченная совокупность конкретного; время — начало его разобщенности; таким образом, история как конкретная связь последовательных событий, мыслимая в их упорядоченной совокупности, превращается в *философскую* проблему, как только время и пространство из *данных* предпосылок превращаются в требующие разрешения *заданности*. Другими словами, философия истории распространяет историческую точку зрения и на самые время и пространство.

II. *Единственное*²⁰ время и *единственное* пространство для естествознания суть только методические средства для закрепления точки зрения наблюдателя; *бесконечность* того и другого предохраняет, однако, как наблюдателя, так и наблюдаемое от исторической конкретности. Вот почему для естественных наук время и пространство должны навсегда остаться лишь трансцендентальными предпосылками, для философии же истории они должны возникнуть в их проблематической *реальности*.

III. Но в бесконечности следует различать начало внешней *неопределенности* и внутренней беспредельности²¹. Внутренняя беспредельность есть актуальная бесконечность, внешняя неопределенность — изнанка завершеного бесконечного многообразия. Бесконечная *делимость* не должна быть смешиваема с бесконечной *умножаемостью*. В абсолютной единице может быть отображен весь безгра-

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 474. № 456. Л. 1–2. Впервые тезисы опубликованы нами в журнале «Диалог: Карнавал. Хронотоп» (1994. № 4. С. 107–108). А. З. Штейнберг выступил с докладом «Время и пространство в философии истории» на VIII открытом заседании ВФА 4 января 1920 г.

²⁰ Помета Конст. Эрберга: «Марб<ургская> шк<ола>».

²¹ Помета Конст. Эрберга: «NB».

ничный ряд чисел. *Кажущаяся* реальность неопределенной бесконечности — в прикованности взора к собственной ограниченности: скользя по своей концентрической периферии, субъективный дух не замечает, что он сам всегда *внутри* неподвижного и замкнутого в вечности круга.

IV. История, *заимствующая* время и пространство с их трансцендентальной неопределенной бесконечностью из отвлеченного естествознания, либо попадает на наклонную плоскость механики, либо порывает с природой, как с конкретным процессом, и обоготворяет человека, либо истинным смыслом исторического провозглашает сверх-историческое. Все три типа истории характеризуются своей противоисторичностью²².

V. Но *смысл исторического* в том, чтобы всякое бытие, здесь и сейчас наличное, стало событием. Стремление же произвести отбор среди пространственных и временных явлений, разделяя их на исторически ценные и безразличные²³, приводит к неразрешимой антиномии свободы и необходимости, причинности и целесообразности, и неизбежно вводит случайный произвол в историческую методику: между историей и философией разверзается такая же пропасть, как между отвлеченным понятием и бытийственной реальностью.

VI. От произвола, порожденного необходимостью, и от антиномичности, являющейся результатом методической зависимости истории от естествознания, историю может спасти *разграничение* между двумя видами бесконечности. При этом обнаруживается основное различие также и между самими пространственностью и временностью, как таковыми.

VII. Для того, чтобы всякое «сейчас и здесь», которое для науки естественной является лишь точкой отправле-

²² Помета Конст. Эрберга: «?».

²³ Помета Конст. Эрберга: «против Риккерта».

ния в страны, нигде и никогда не существующие, приобрело *смысл*, *противоестественная* и *сверхъестественная* история, то есть философия истории, должна положить в основание *конечное время* и *завершенное пространство*. Только так на любой космической пылинке и в любое время осуществима полнота исторического смысла. Не случайно философия истории неразрывно связана с историей религии.

VIII. *Конечное время* есть такое время, которое само является историческим событием и действенной формой исторической жизни; *завершенная пространственность* есть место зарождения возможности всяких событий и в том числе — самого времени. Пространственность — вневременное время — начало прерывности в полноте пространственной завершенности. *Вечность* времени — его вечное начало и его вечный конец; вечность пространственности — ее сверхвременность.

IX. *Развитие* во времени — само его течение; смысл этого развития — инерция его всеразлагающей силы. Отсюда — смысл временных событий — их место во времени; смысл же исторических *действий* — *ускорение* процесса разложения, ибо конкретное историческое время есть само движение, а не только трансцендентальная предпосылка механики.

Начало и конец истории в учении П. Л. Лаврова²⁴

В заключительной главе своего последнего большого труда по истории мысли Лавров, противопоставляя «лже-науке» истинную науку, старается установить также три различных, но взаимно дополняющих друг друга типа истинных ученых: это, во-первых, ученый-методолог, творец новых путей знания, «учитель знающих», указующий новые цели и создающий новые средства к их достижению, это, во-

²⁴ Печатается по изд.: П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы. С. 355–372.

вторых, ученый-систематик, у которого интерес к гармоническому сочетанию в одно целое всего многообразия современного ему знания преобладает над стремлением к раскрытию частных и к внешнему их приумножению; это, наконец, в-третьих, ученый-специалист, «концентрирующий свою мысль на отдельном вопросе, как бы выделяя его из организма особенной науки, но исчерпывающий этот вопрос во всех его подробностях и особенностях, оставляя потомкам образец специальной работы, на котором они учатся работать». Архимед есть классический представитель первого типа; Евклид воплощает второй; наконец, Аполлоний Пергский, «геометр по преимуществу», как называли его александрийские ученые — блестящий пример для типа третьего²⁵.

Это разграничение, столь типичное для всего стиля мысли Лаврова, звучит, как некий эпилог ко всей его собственной почти полувековой научной работе в одной специальной области, над одной специальной проблемой: в области истории, над проблемой ее истинного смысла. Действительно, среди трех типов ученых, как их очерчивает Лавров, не трудно угадать тот, к которому следует отнести его самого, к которому он явно относит себя сам. Если, — продолжает он, — без ученых первого типа наука не существовала бы, как таковая; если без ученых второго типа «она оставалась бы навеки достоянием самого ограниченного числа высокоразвитых личностей и не играла бы роли в истории человечества», то «лишь ученые последнего типа извлекают из нее все богатство результатов, в ней заключающееся, и выказывают ее, как самую производительную силу человеческого духа»²⁶. Не сам ли Лавров, как некогда древний александрийский эрудит, которого он, следуя за Лейбницем, сопоставляет с «нашедшим» Архимедом, — не он ли

²⁵ А. Доленги. Важнейшие моменты в истории мысли. М. 1903, стр. 938 сл. сл. (примеч. авт.).

²⁶ Цит. соч., стр. 943. Ср. также стр. 388 сл. (примеч. авт.).

сам из истории, как науки, стремился «извлечь все богатство результатов, в ней заключающееся», не он ли постоянно отстаивал ее, как «самую производительную силу человеческого духа»? «Понять историю в наше время — значит ясно понять нравственный идеал», — писал он еще в «Исторических письмах»²⁷, и именно поэтому он и раньше еще, — задолго до Дильтея, до Риккерта, до Зиммеля — научно-исторические интересы считал наиболее характерными для нашего времени и даже систему образования находил нужным и возможным построить так, чтобы история являлась ее завершением, а вместе с тем и ее обоснованием²⁸.

Но если Лавров действительно, в качестве ученого-специалиста, в лучшем, в его собственном смысле, «оставил потомкам образец специальной работы», на котором следует учиться работать, то он же и указывает, в каком дальнейшем направлении эта работа может и должна развиваться: с изменившимся временем, по собственному его учению, заново должен быть пересмотрен и самый вопрос о соответствии того понимания истории, какое развивал он, «элементу жизненности», духу будущего, воплощенному в современности уже не его, а нашей. «Задачи понимания истории» — те же ли, что были во второй половине прошлого века? Сама история, как процесс, — не как *historia rerum gestarum*²⁹, а как подлинные *res gestae*³⁰ — под тем

²⁷ С. С. Арнольди. Исторические письма. Изд. 2-е. Спб. 1905, стр. 261 (примеч. авт.).

²⁸ П. Л. Лавров. Практическая философия Гегеля. Библиотека для чтения. 1859, кн. V, стр. 49 сл., а также: «Несколько мыслей о системе общего умственного воспитания молодых людей». «Библиотека для чтения», т. CXLVII, № 2, 1858, отд. II, стр. 135: «История есть высший результат всех наук человеческих». Или там же, стр. 141: «Ученик доканчивает свое общее воспитание, сплетал его в венец истории» (примеч. авт.).

²⁹ истории о том, что произошло (лат.).

³⁰ деяния (лат.). Ср.: «Слово *история* означает в нашем языке как объективную, так и субъективную сторону, как *historiam rerum ges-*

же ли аспектом выступает она перед нами, как в свое время перед Лавровым, чаявшим видимого града за ближайшим поворотом исторического пути?

Настоящая статья пытается собрать некоторые данные для решения этих вопросов лишь в одном определенном разрезе, с точки зрения одной частной проблемы. Но зато проблема эта, несомненно, является решающей для всей совокупности вопросов, связанных с философским пониманием истории, и притом такой, которая непосредственно выводит к основным предпосылкам любого стремящегося к цельности мировоззрения вообще, мировоззрения П. Л. Лаврова в частности.

Сам Лавров прекрасно это видел. Неоднократно возвращаясь к определению задач философии истории, он постоянно подчеркивал, что философское понимание истории, в отличие от научного ее понимания, есть стремление понять историю, как одно «целое». Правда, в более ранних своих работах Лавров отводил философии истории задачи, как будто, более скромные. «При современном состоянии знаний, — писал он в 1863 г., — вовсе уже не относится к науке отыскание единства в истории всего человечества», и хотя философия, вплетаясь во все отрасли человеческой деятельности, как требование *единства* (курсив автора), *целости* (курсив наш) и стройности», в сущности, и «составляет из знания науку», но философия истории вполне удовлетворяет этому требованию «единства и целости», когда ей удастся понять «жизнь целого общества в данную эпоху» в ее характерных особенностях — и только. «Философия истории, — говорит он в другом месте, — указывает в каждую эпоху, в чем состояла реальная жизненная мудрость, т. е. угадывание возможного знания, совершеннейшей красоты, осуществимого идеала че-

tarum, так и самые *res gestas*, им обозначается как то, что совершалось, так и историческое повествование» (Г. В. Ф. Гегель. Лекции по философии истории. С. 108).

ловечности»³¹. Таким образом, по этим первым определениям, философия в ее завершающих знание стремлениях по отношению к истории должна ограничиться пониманием части, отдельной данной эпохи, как целого; но это целое не может, в свою очередь, мыслиться, как часть более объемлющего целого, понятого, как *предмет*, и связанного с понятием «всего человечества». Человек, очевидно, еще заслоняет для Лаврова человечество: «антропологическая» точка зрения в философии, не дополненная точкой зрения гуманистической, превращает философию истории в прерывный ряд обобщающих характеристик, не охваченных идеей целого как целокупного предмета³².

Однако, на таком взгляде Лавров, естественно, остановиться не мог. Чем больше углублялся он в проблемы истории, пользуясь своим математическим и естественнонаучным образованием только как простой «грамотностью», тем философское «требование единства и целостности» все больше и больше конкретизировалось для него, и «жизненная мудрость», которая была для него раньше важна, главным образом, как способ определения взаимоотношений отдельной личности и современной ей общественности, постепенно переродилась в особый критически-осмысленный метод постижения исторической действительности, как особого «ми-

³¹ Статьи «Единство» и «Антропологическая точка зрения в философии» в Энциклоп. Словаре. Отд. II, т. I, и отд. I, т. V, 1863 и 1862 гг. Перепечатано в Собр. соч., серия I, выпуск II. Птг. 1918, стр. 215, 206 (примеч. авт.).

³² Этому, как будто, противоречит то, что говорил Лавров о философии истории в 1860 г. в своих «Трех беседах о современном значении философии» (перепечатано там же, стр. 149); при более внимательном рассмотрении оказывается, однако, что и здесь «единое стройное целое» есть лишь общее определение самого понимания истории, — истории, как знания, а не истории, как особого предмета знания и понимания. (Срав. в особенности стр. 145 сл. и стр. 113) (примеч. авт.).

ра целей и средств» наряду с миром «причин и следствий». Современность же, правильному ориентированию в которой и должна была служить эта мудрость с ее «угадыванием» возможностей, предстала перед Лавровым совсем в Гегелевском освещении: как текучее единство пережитков прошлого и зародышей будущего; и с этой точки зрения Лавров мог бы дословно повторить вслед за Гегелем данное немецким идеалистом определение современности. Если для Гегеля «философия, занимающаяся истинным, тем самым имеет дело с вечно настоящим», и «в прошлом для нее ничто не потеряно, потому что идея присутствует, дух бессмертен, т. е. он не прошел, и неверно, что его еще нет, но он по существу — есть», то и для Лаврова, в конце концов, все прошедшее и все будущее всегда налицо в настоящем, и исторически понять современность и с его точки зрения можно только, как необходимое звено, смыкающее в единую и единственную непрерывность все прошлое мира со всем его будущим³³.

³³ Hegel, Vorlesungen über die Philosophie der Geschichte. Изд. Brunstâd. Lpz. 1907, стр. 125. Ссылки на параллельные тексты Лаврова — дальше. Игра слов, получающаяся у Гегеля от употребления вместо «jetzt» архаического «itzt» = ist, по-русски, к сожалению, непередаваемая (прим. авт.). Jetzt — теперь (нем.). Ср.: «...мы, обозревая прошедшее, как бы велико оно ни было, имеем дело лишь с настоящим, потому что философия как занимающаяся истинным имеет дело с тем, что вечно наличествует. Все, что было в прошлом, для нее не потеряно, так как идея оказывается налицо, дух бессмертен, т. е. он не перестал существовать и не оказывается еще не существующим, но по существу дела существует теперь. Таким образом, уже это означает, что наличествующая настоящая форма духа заключает в себе все прежние ступени. Правда, эти ступени развились одна за другой как самостоятельные; но дух всегда был в себе тем, что он есть, различие состоит лишь в развитии этого сущего в себе. Жизнь настоящего духа есть кругообращение ступеней, которые, с одной стороны, еще существуют одна возле другой, и лишь с другой стороны являются как минувшие. Те моменты, которые дух, по-видимому, оставил позади себя, он содержит в себе и в своей настоящей глубине» (Г. В. Ф. Гегель. Лекции по философии истории. С. 125).

В соответствии с таким оплотнением исторической действительности, для Лаврова, вместе с выяснившимся для него универсальным значением исторического подхода к миру вообще, в силу которого мир, как однократный и непрерывный процесс развития, вполне уподобим миру общей закономерности, и понятие философии истории должно было подвергнуться значительному изменению. Результаты этого уже сказываются в работах, которые отделены от сейчас упомянутых всего только одним десятилетием. Так, уже в 1870 г., в статье, написанной по поводу книг Эдгара Кине и Лорана и озаглавленной: «Философский смысл истории», Лавров определенно и уже по-новому указывает, где кончается задача научного понимания истории, и где начинается его «философская задача». «История есть процесс, охватывающий не только прошедшее, но настоящее и будущее». «Научный историк ограничивается прошедшим. Но философское мирозерцание на этом не останавливается и по необходимости строит будущее по аналогиям прошедшего и по задачам настоящего». Выступает ясно задача понять историю, как одно предметно-целое, и попутно для нас выясняется, что, по новой терминологии самого Лаврова, появившиеся тогда же «Исторические письма», в сущности, должны были бы уже называться письмами «философско-историческими»³⁴.

Этот переход Лаврова на точку зрения конкретной философии истории окончательно обнаруживает, что и раньше Лавров держался «левой» гегельянства, его шуйцы,

³⁴ Ср. Собр. соч. Серия IV, вып. I. Пгг. 1918, стр. 68, 85, а также «Философия истории славян». Отечеств. Зап. 1870 г., т. СХС, отд. I, стр. 350 и т. СХС I, отд. I, стр. 116. Здесь особенно интересны замечания о «философском построении будущего для *целого человечества*» (курсив наш). Сюда же следует отнести появившуюся также в 1870 г. известную статью: «Формула прогресса Н. К. Михайловского» (Собр. соч. Сер. III. вып. VIII, стр. 52) (*примеч. авт.*).

лишь потому, — что так ему удобнее всего было повернуться в сторону самого Гегеля и туда, откуда он пришел: к немецкой классической этике. В дальнейшем Лавров уже не теряет больше этой широкой перспективы и всю свою научную работу подчиняет так понятой основной задаче. В «Задачах понимания истории», в этом как бы систематическом указателе к последующим большим трудам Лаврова по истории мысли, задачи философии истории определяются, хотя и более подробно, но, в сущности, так же, как и в работах 70-х гг.: философия истории есть конкретное приложение к истории формулы, позволяющей мыслить весь исторический ряд, как одно сплошное развивающееся целое³⁵. Так перед Лавровым с необходимостью встал и вопрос о начале и конце этого исторического ряда.

На первый взгляд могло бы казаться, что это не один вопрос, а по крайней мере два, и притом таких, которые могут решаться независимо друг от друга. Но, конечно, такой взгляд совершенно ошибочен. Начало и конец человеческой истории, как и рождение и смерть отдельного человека, связаны единством проблемы осмысленной жизни: индивидуальной и общечеловеческой, и смотря по тому, как мы относимся, в свете того или иного мировоззрения, к тайне рождения, мы решаем вопрос и о том, что ждет нас после смерти; как, с другой стороны, и проблема происхождения рода человеческого не может не предрешить того, смотрим ли мы на будущие судьбы человечества, как на нечто, что должно быть раскрыто в последнем их завершении, или же как на ряд, потенциально бесконечный, мысль о фактическом пределе которого грубо противоречит всей внутренне оформляющей его структуре.

³⁵ С. С. Арнольди. Задачи понимания истории. 2-е изд. Спб. 1903, стр. 99, сл., особенно стр. 116 сл., а также «Важнейшие моменты» etc, стр. 919 в формуле «реальны лишь моменты, ее составляющие». Ср. еще: П. Лавров. Опыт истории мысли нового времени. Женева 1894 г., т. I, часть I, стр. 99 (*примеч. авт.*).

«Сосуд, что я поднес им — желчи полный», — говорит о форме исторической жизни рожденный современностью Прометей Вячеслава Иванова. — И желчь полюбят, и привыкнут жить, из рода в роды, тшась и соревнуя игральщища творить, утехы множить. Измыслят грады зиждить, торговать, воинствовать, художествовать, числить и рабствовать и властвовать — затем, чтоб в шуме дней, в заботах, в сладострастии, в мечтах — забыть о воле бытия прямой и цельной»³⁶. Именно забвение изначальной «цельной воли бытия» делает невозможным промышление освобождающего завершения, и ряд безначальный превращается с необходимостью в ряд беспредельный, неопределенный, в бесформенность и беспорядок, скрепленные одной только силою — «привычкою жизни». Какова альфа, такова и омега, без альфы нет и омеги, а без них нет и алфавита: нет альфы, беты, гамы; исторический ряд не может быть построен; книга исторического бытия не может быть прочитана, потому что первым словом этой книги было и остается: «В начале»³⁷.

Но если верно, что альфой определяется омега, то не менее верным следует признать и то, что история может читаться и в порядке обратном: от конца к началу, от последних задач исторической жизни к первому их зарождению и уяснению. Строго говоря, зависимость конца от начала есть только превращенная в необходимость свободная зависимость самого начала истории от ее конца, от того, что мы считаем достойным и оправдывающим весь ее ход завершением ее, и лишь на последней грани бытия раскрывается тайна его возникновения. Прав был Гегель, когда подчеркивал, что в самом факте распада моментов зачатия и результата ярче всего оказывается «бессилие» неосмысленной

³⁶ См.: В. Иванов. Собр. соч. Т. II. С. 131.

³⁷ Словами «В начале Бог сотворил небо и землю» начинается Первая книга Моисеева — «Бытие», открывающая Ветхий Завет.

жизни³⁸. Лишь в нераздельной их слиянности, лишь в сознании, что свобода и необходимость — две стороны единой и нераздельной разумности, освещается смыслом и природная жизнь, и жизнь историческая. «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, первый и последний»³⁹ — таково откровение исторического самосознания, которое истолковывал Гегель⁴⁰, и которому вслед за Гегелем учил и Лавров.

Но прежде чем перейти к непосредственному изложению отдельных сторон этого учения Лаврова о начале и конце истории, следует еще отдать себе отчет в той основной трудности, которая связана с самим пониманием исторического ряда, как единого целого. Выше уже было указано, что сама идея такой целостности, говоря отвлеченно, неразрывно связана с применением к исторической жизни категории непрерывности, и можно сказать, что все успехи новейшего исторического знания сводятся к удачному конкретному приложению этой именно категории к таким историческим эпохам, которые являлись как будто живым опровержением ее универсального значения. Для Лаврова, с его математи-

³⁸ Ср.: «Но бессилие жизни проявляется и в том, что начало и результат не совпадают; то же наблюдается и в жизни индивидуумов и народов» (*Г. В. Ф. Гегель. Лекции по философии истории. С. 125*).

³⁹ Ср.: «Я есмь Альфа и Омега, начало и конец...<...> Первый и Последний» (Откр. 1, 8. 10).

⁴⁰ Ср.: «В сознании следует различать две стороны: во-первых, что (*dass*) я знаю, и, во-вторых, что (*wass*) я знаю. В самосознании обе эти стороны совпадают, потому что дух знает самого себя: он является рассмотрением (*Beurtheilen*) своей собственной природы и в то же время он является деятельностью, состоящей в том, что он возвращается к самому себе и таким образом сам себя производит, делает себя тем, что он есть в себе. После этого отвлеченного определения можно сказать о всемирной истории, что она является обнаружением духа в том виде, как он вырабатывает себе знание о том, что он есть в себе, и подобно тому как зародыш содержит в себе всю природу дерева, вкус, форму плодов, так и первые проявления духа виртуально содержат в себе всю историю» (*Г. В. Ф. Гегель. Лекции по философии истории. С. 71*).

чески вышколенным умом, идея исторической и логической непрерывности, так убедительно отстаивавшаяся Гегелем, не могла не быть особенно близкой, и замечательно, что именно математическая аналогия служит ему средством к пояснению этого методологического принципа. «Для читателя, знающего математику, можно бы выразить метафорически дело философа в настоящее время, — говорит Лавров о философе истории, — так: он должен найти уравнение кривой линии, проходящей через все точки, поставленные наукой». «Отыскан ее закон, — продолжает он, — и выразив его уравнением, мыслитель не только удовлетворяет эстетическому требованию стройности, но с большей вероятностью, чем эмпирик, может указать на положение новых промежуточных точек, еще не открытых»⁴¹.

В этих еще не открытых промежуточных точках, в самом предположении их необходимого бытия — все дело. Вне гипотезы непрерывности уравнение кривой исторического пути не может быть даже формулировано. Но если так, если каждая точка исторического пути должна быть понята, как неповторяющееся сочетание уже не существующего с еще не бывшим, как всегда единственная в своем роде группировка «переживаний» (мы говорим теперь — пережитков) «жизненных» или «живых элементов» и «характеристических задач данной эпохи», т. е. прошлого, будущего и определяемого ими исторического настоящего⁴², — то вопрос о начале и конце всего этого пути превращается, как будто, в задачу совершенно неразрешимую.

⁴¹ Философия истории славян. Статья I, стр. 350 (*примеч. авт.*).

⁴² Указать все тексты, в которых Лавровым развивается это учение, почти не представляется возможным: в нашем распоряжении свыше 70 относящихся сюда ссылок, обнаруживающих полную почти неизменность во взглядах Лаврова на этот вопрос. Ограничиваемся указанием на «Историч. письма», стр. 232, на «Опыт истории мысли», стр. VIII, 14 сл. и на «Задачи понимания», стр. 22 сл. Особо следует отметить «Переживания доисторического периода», целиком посвященные этому вопросу. (Собр. соч. Сер. III, вып. V) (*примеч. авт.*).

Действительно, поскольку мы остаемся в пределах рассмотрения какой-либо одной определенной исторической эпохи или истории одного какого-либо народа или учреждения, задача понять этот изолированный ряд, как законченное целое, лишь потому представляется разрешимой, что вопрос о начале данного конкретного ряда или о его конце отодвигается за пределы специальной задачи и предполагается решенным в связи с общим вопросом о порядке событий во времени и о возможности любое событие превратить в некую эру. Но стоит лишь поставить вопрос обо всем историческом ряде в целом, так сказать, об эре всех возможных эр и о конце всех концов, не упуская при этом из виду внутренней сплошности этого ряда, — так тотчас же эта его внутренняя непрерывность вступает в конфликт с самой мыслью об его дискретности, об его законченности. Философ истории стоит лицом к лицу с труднейшей проблемой логики и онтологии: с проблемой синтеза внешне дискретного с внутренне непрерывным. Проблему эту можно формулировать так: может ли — или, лучше, как может — целое, части которого нигде, в данном случае, никогда, по существу, не начинаются и не кончаются, само существенно начаться или кончиться?

Стоит только вспомнить, что в истории мысли человеческой неразрешимые, как будто, трудности именно этой проблемы приводили, с одной стороны, к все новым и новым попыткам теогонического и космогонического творчества, а с другой стороны, к созданию особых апокалиптических верований, за которыми, кстати сказать, и Лавров признает большое значение «специального толчка к интеллектуальному движению»⁴³, стоит только уяснить себе, что самый вопрос о «концах и началах» есть один из тех последних вопросов, которые по существу сво-

⁴³ Важнейшие моменты, стр. 824. Ср. также его замечания об историческом значении космогоний (Собр. соч. Сер. III, вып. I, стр. 7) (примеч. авт.).

ему не могут не решаться путем сверх-эмпирическим, путем метафизическим, чтобы с несомненностью обозначился весь смысл того пресловутого «позитивизма», в духе которого якобы мыслил и действовал П. Л. Лавров. Нет, для позитивистов чистой воды вопрос о начале и конце истории и существовать не может, между тем, как для Лаврова этот именно вопрос предопределяет десятилетия исканий и трудов.

Да будет нам разрешено для начала просто перечислить некоторые из наиболее законченных попыток, сделанных Лавровым в этом направлении. В 1870 г., тогда именно, когда, как мы видели, более или менее окончательно определились для Лаврова его взгляды на задачи философии истории, в работе своей «До человека» он впервые пытается выяснить также, «чем следует начать историю»⁴⁴. В 1875 г. он выпускает 1-е русское изд. «Опыта истории мысли», вторая книга которого носит название «Подготовление человека». В 1883 г. печатаются его статьи «о низших организациях», начинающиеся «человеком — царем создания» и кончающиеся «утверждением царства человека», как последней задачи исторической жизни⁴⁵. А затем, уже во всех неоднократно упоминавшихся больших трудах Лаврова вопросу о начале, а также о конце истории, посвящается все больше и больше внимания.

К каким же результатам привели его эти многочисленные и обстоятельные исследования? В немногих словах эти результаты могут быть сформулированы так: 1. История начинается тогда, когда рождается сознание свободы. 2. Сознание свободы рождается тогда, когда возможное делается основанием необходимого. 3. Конец истории есть совпадение царства возможности с царством необходимости в едином царстве всеведения. 4. Смысл исторической

⁴⁴ Перепечатано в Собр. соч., указ. вып., стр. 5. См. также примеч. редакц. на стр. 15 сл. (*примеч. авт.*).

⁴⁵ Собр. соч. Серия III, вып. II, стр. 5 сл., 142 сл. сл. (*примеч. авт.*).

жизни заключается в сознательном ускорении ее процесса, в сближении ее конца с ее началом.

Результаты эти могут показаться на первый взгляд несколько неожиданными. Сам Лавров никогда не выражал их такими именно словами. С другой стороны, его «антропологическая» исходная точка зрения в теории познания явно противоречит таким философско-историческим выводам. Тем не менее, факт остается фактом. Мы пытаемся показать шаг за шагом, что именно таковы последние выводы той философии истории, которая не отворачивается с пренебрежением от последних, пусть и лежащих по ту сторону точной науки, вопросов. Что же до несомненного противоречия между основной гносеологической концепцией и философией истории Лаврова, то, кажется, не может быть двух мнений, в каком направлении следует искать центр тяжести всех его построений, и в каких из них вполне достаточно видеть лишь временные, подверженные внешним влияниям, пристройки: гносеология, конечно, первая предпосылка, всякого философствования, но, как и всякая посылка, она следует из вывода, а не наоборот.

Итак, прежде всего — вопрос об истинном начале истории. Строго-критический ум Лаврова, мы это видим, ясно обозревал всю сложность вопроса в связи с утверждением непрерывности, как основной категории исторического процесса, и решения он поэтому, естественно, искал в направлении той же непрерывности. Историю следует начать там, где еще продолжается как бы никогда не начинавшийся мировой процесс в целом.

«Минута рождения земли есть единственная, которая служит рациональным началом процессу, в среде которого мы находимся, и который еще не кончился. Процесс этот включает развитие земли, развитие организмов, развитие человека, как вида зоологического, его историю, как деятеля цивилизации»⁴⁶. Философ истории, погружаясь в вопрос о начале истории, должен пользоваться самыми

прочными и в то же время непрерывными достижениями, явившимися результатом всего исторического процесса до настоящего времени: методами точной науки! В этом смысл всех естественнонаучных вступлений, иногда перевешивавших самые произведения, в которые они вводили, всегда предпосылавшихся Лавровым всем его попыткам конкретно представить самый исторический процесс в собственном смысле этого слова. Начало истории непременно должно быть в то же время концом не-истории, и там, где смыкается этот конец с этим началом, следует, в свою очередь, мыслить особое переходное промежуточное царство между миром чисто-природным и чисто-человеческим. Так в учении Лаврова создаются особые категории «подготовки человека» и «кануна истории»⁴⁷, а вместе с тем определяется и та среда, в которой действительно могла вспыхнуть первая искра исторического сознания.

Не нужно, однако, при этом забывать, что единственным реальным носителем исторической жизни для Лаврова всегда был и всегда оставался конкретный живой человек, и, следовательно, настоящей средой, в реальнейшем смысле слова, в котором могла зародиться историческая жизнь, для него должна была по необходимости быть некая живая душа, в которой впервые пробудилось историческое сознание, как особый факт психической жизни. В поисках этого первого ветхого Адама Лавров и углубился в дебри «естественного состояния» животного человечества. Началом истории является, таким образом, по Лаврову, некий неоспоримый биографический факт в жизни какого-то неведомого героя, впервые восставшего против всего мира мертвой и живой природы, которую он ощутил, как

⁴⁶ До человека. Стр. 11 (*примеч. авт.*).

⁴⁷ Задачи понимания, стр. 130, 143; Важнейшие моменты, этюд первый, стр. 173, 184, 187; Опыт истории мысли, стр. 123 сл., 566 сл. (*примеч. авт.*).

сковывающую его «индивидуальность» «среду». Но и тут еще, во имя все того же начала непрерывности и в согласии со своими общими психологическими воззрениями, Лавров это понятие индивидуального сознания старается раздробить на сферу сознательности и бессознательности, с одной стороны, и полубессознательности, с другой. Вот в этом-то полусознательном-полубессознательном открытии истинного начинателя истории и следует мыслить начало истории⁴⁸. Так только, думается Лаврову, проблема начала истории оказывается соизмеримой с проблемой ее конца, который должен был бы совпасть, как мы увидим дальше, с задачей завершенного и по своему объему, и по своей точности знания.

Но если место начала истории во времени теоретически найдено, то оно могло быть найдено только потому, что искомым в прошлом является идеал будущего, идеал свободы. История началась, учит Лавров, с появлением на земле первого «интеллигента»: интеллигент же появился тогда, когда осознана или полусознана была «потребность развития». Прислушаемся к словам самого Лаврова.

«Вероятно, неисчислимо множество двуногих особей погибло, прежде чем выработались счастливые единицы, способные лучше мыслить», — говорит Лавров в четвертом из своих Исторических писем. «Это первая, совершенно естественная аристократия между двуногими создала человечество. Наследственная способность или переимчивость — перенесли изобретения этих первобытных гениев на небольшое меньшинство... Существование человечест-

⁴⁸ Срав. указанные в предыдущем прим. места, а также: Важнейшие моменты, стр. 336: «До истории главною задачею общественно-го прогресса — задачею, разрешаемою большей частью бессознательно — было создать, в среде общества, где солидарность опиралась на обычаи, условия, при которых сделалось бы возможным сознательное развитие личности и сознание ею своей индивидуальности», и еще — Задачи понимания, стр. 52, 340 (примеч. авт.).

ва было упрочено». «Гениальные личности доисторического человечества додумались», что побежденного врага, выгоднее не убивать, а обращать в рабство. «Защита беременной самки, в виду будущего наслаждения или будущей помощи от нее, во время сна, была, вероятно, первым и величайшим делом для нравственного развития человечества». «По личному влечению... критическая мысль выработала промышленную систему разделения работы»⁴⁹. «Первобытные гении», «гениальная личность», «ловкий охотник», «счастливый грабитель» — вот кто путем какого-нибудь «простого и рационального решения» создавал переход от неисторической жизни к «нравственному развитию человечества», к жизни исторической; она же сама начинается тогда, когда «на общество приобретает влияние группа личностей, способных наслаждаться развитием и вырабатывающих потребность развития. Этой группе, — пишет Лавров, — будет здесь присвоено название интеллигенции... Ее дело — переработка, культуры мыслью». Таким образом, «усвоение личностью потребности развития составляет характеристический признак вступления этой личности в историческую жизнь». «Тем самым для всех обществ и для целого человечества начало исторической жизни связывается с фактом выработки групп, способных наслаждаться развитием и ощущать потребность в нем»⁵⁰.

Закрепим и прокомментируем некоторые пункты: биография человечества подобна биографии отдельного человека. Каждый из нас может рано или поздно вступить в историческую жизнь; так некогда вступило в историческую жизнь и «целое человечество»; как для каждого из нас на-

⁴⁹ Истор. письма, стр. 51 сл., 152, 156 (примеч. авт.).

⁵⁰ Задачи понимания, стр. 27 сл. Ср. также стр. 25 сл., 55, 57 сл., кроме того — Опыт истории мысли стр. 22, 24, 27 и т. д.: Важнейшие моменты, стр. 167, 181, 193 и т. д. Особенно стр. 204: «Развитие, как особенная форма первого возбуждения» и еще, там же, стр. 215, 336 и *passim* (примеч. авт.).

чалом нашей биографии является воспоминание о первом расщеплении нашего мира на противоположность я и не-я, индивидуальности и среды, так и рождение человечества совпадает с моментом осознания «наслаждения» развитием, т. е. с безотчетным различием во внутреннем мире особого рода «возбуждения», связанного с противопоставлением своей особой личной судьбы всему целостному миру. Но как это противопоставление в каждом из нас есть ничто иное, как рождение внутри я «второго я» («вторичного я», — говорит Лавров⁵¹), т. е. я, как еще не разрешенной задачи, я, как нормы, так и для целого человечества «наслаждение развитием» превращается в «потребность развития», т. е. в некую задачу, которая еще только требует своего разрешения. Ибо в чем проявляется эта потребность развития? Это — «потребность развития мысли путем ее постепенного уяснения и усовершенствования ее методов», это «потребность развития жизни личной увеличением ее последовательности»; это «потребность развития общежития путем воплощения справедливости в общественные отношения, путем укрепления общественной солидарности», потому что, в конце концов, с потребностью развития нераздельно связаны «нравственные побуждения». «Развивать в себе и других силу ума и силу характера, это — добродетель», — так учил Лавров еще в 1860 г. «Развивай сам себя» — такова была «нравственная обязанность», таков был «человеческий идеал», которые тогда же Лавров противопоставлял Писареву и писаревщине⁵².

Отсюда следует, что Лавров, при всем своем интеллектуализме и рационализме, яркие образчики которого приведены выше, последним основанием для определения нача-

⁵¹ Важнейшие моменты, стр. 50, 335 сл. (*примеч. авт.*).

⁵² См. Опыт истории мысли; стр. 27; Собр. соч. Сер. I, вып. II, стр. 141, 177, а также о «саморазвитии» в Важнейших моментах, стр. 120 (*примеч. авт.*)

ла истории полагает не обобщения естествознания, а нравственное убеждение, покоящееся на определенном веровании в истинный смысл всего сомкнутого в единство исторического ряда, в конечное предназначение человечества в его целом. Только потому, что сами методы естествознания являются результатом следования норме умственного развития, — только потому они являются, как мы это уже отметили выше, средством, пригодным для решения проблемы в ее собственном духе, в духе непрерывной целостности. Но отсюда же следует, что все учение Лаврова о начале истории целиком и во всех подробностях зависит от его учения о конце, о нравственном идеале. Ибо, — говорит Лавров, — «нравственный идеал историка есть единственный светоч, способный придать перспективу истории в ее целом и в ее частностях»⁵³. Альфа есть омега. Но что же такое она сама?

Однако прежде чем перейти к анализу этой второй стороны учения Лаврова об истории как едином непрерывном целом, не лишним будет отметить, во-первых, что уже намеченному основному характеру этого учения несколько не противоречат те его стороны, которые касаются, чтобы выразиться короче, погибших цивилизаций. Эти, как будто, кончившиеся до наступления конца, единой истории отдельные «истории» (во множественном числе), в сущности, не кончились, поскольку мы о них знаем и поскольку наше знание о них само по себе есть важный исторический факт; гипотетическое же их рассмотрение независимо от нашего о них знания было бы допущением, противоречащим самой его формулировке. По существу дело решается, однако, не столько этими формальными соображениями, сколько усмотрением того, что проблема, множества независимых друг от друга исторических систем, хотя бы на той же планете, несколько не затрагивает

⁵³ Истор. письма, стр. 260 (примеч. авт.).

внутренней цельности и завершенности каждой из них, рассматриваемой из собственного ее центра, из средоточия ее собственного философско-исторического мирознания.

Во-вторых, следует отдать себе отчет в том, что охарактеризованное учение о начале действительно есть утверждение идеи свободы как начала истории, и вместе с тем — возможности как основания необходимости. Слишком далеко завела бы нас попытка обосновать текстами самого Лаврова такое суммирование его взглядов. Между тем, этот пункт особенно существенен и с точки зрения генетической: здесь именно учение Лаврова об истории почти соприкасается с знаменитой формулой Гегеля о «прогессе в осознании свободы»⁵⁴. Но, быть может, анализ уже закрепленных результатов, в связи с дальнейшим очерком взглядов Лаврова на конец исторического процесса, хотя бы отчасти восполнит нам существующий пробел, нуждающийся в специальном исследовании; тем более, что учение Лаврова о свободе и его учение о возможности и вероятности, в сущности, только углубляют его учение о потребности развития.

История началась, мы это видели, с наслаждения развитием и с потребности в нем. «Как только на сцену общественной жизни выступила интеллигенция с ее жаждою развития, даже неопределенного, обнаруживается недовольство наличными формами культуры, и работа мысли интеллигенции направляется на ее изменение». «В интеллигенции преобладает стремление выработать все частности устанавливающейся новой культуры, пока новые проявления потребности развития не вызовут нового недовольства». «Пока в историческом обществе не выработалась интеллигенция о ее потребностью развития, до

⁵⁴ Ср.: «...всемирная история представляет собой *ход* развития принципа, содержание которого есть сознание свободы» (Г. В. Ф. Гегель. Лекции по философии истории. С. 105).

тех пор историческая жизнь невозможна. Как только это имело место, *возможность* (курсив автора) налицо». «Там, где историческая жизнь началась, она имеет стремление расширяться и развиваться»⁵⁵.

Что означают эти формулы? Они означают, что начало истории есть как бы сознательное отпадение от «вечного круговращения», как говорит Лавров, естественного бытия, есть восстание человека против природы, есть «недовольство», неудовлетворенность тем, что бывает, что есть, что обычно; это бунт против оков привычки. «Привычка, — говорит Гегель, — (часы заведены и продолжают идти сами) есть нечто, что влечет за собой естественную смерть». (Этот отрывок следует привести целиком, чтобы учение Лаврова выступило во всем присущем ему смысле.) «Привычка, — продолжает Гегель, — есть лишенное противоречия делание, в котором сохраняется одна только формальная длительность и в котором может умолкнуть полнота и глубина цели, — как бы внешнее чувственное существование, уже не углубляющееся в суть. Так умирают индивидуальности, так умирают народы естественной смертью». «Так в начале властвовал Кронос, время, — золотой век, без нравственных творений, и то, что порождалось, дети этого времени, поглощались им же самим. Только Юпитер, породивший из головы своей Минерву, и к кругу которого принадлежал Аполлон вместе с музами, — только он победил время и поставил предел его уничтожению»⁵⁶.

Начало истории есть действие под влиянием духа противоречия, в брезжущем свете сознания, во имя должного. Этому учил Гегель, и с учением его, как мы видим, совпадает во всех трех основных моментах почти дословно учение Лаврова. Недаром ценил он так «гегелизм», с самого начала своей работы, именно за его философию исто-

⁵⁵ Важнейшие моменты, стр. 181 сл. (*примеч. авт.*).

⁵⁶ Hegel, I. c., стр. 120, 121 (*примеч. авт.*). Подробнее см.: Г. В. Ф. Гегель. Лекции по философии истории. С. 121–122.

рии⁵⁷. И если не о свободе, а о возможности говорит Лавров, то мы сейчас увидим, что и здесь расхождение не столько в существе, сколько во внешней словесной форме. Расхождение же основное между Лавровым и Гегелем в том, что для Гегеля носителем всего исторического процесса является коллективный «народный дух», Лавров же в своем рационализме не знает других существ, кроме отдельных конкретных людей.

Итак, что есть возможность как категория философско-исторического понимания? Вот как отвечает Лавров в одном из самых завершенных и завершающих своих трудов: «Как только выделение интеллигенции произошло, *возможность* (курсив везде автора) исторической жизни для особи общества уже налично. Эта *возможность* обращается в *действительность* лишь под влиянием условий, позволяющих народившейся интеллигенции сделаться исторической силой, и характер этой исторической жизни определяется с этих пор уже не только завоеванием техники, экономическими условиями общественной жизни, но и теми идейными течениями, которые вырабатываются в интеллигенции, и результатами борьбы между этими народившимися течениями»⁵⁸. Это значит, что с появлением людей, действующих во имя своей потребности развития, во имя осознанной нормы и нравственного («развивай сам себя») долга, самый характер действительности меняется в своем онтологическом существе: отныне мировой процесс есть равнодействующая двух разнородных слагающих — слепой стихии и идейного течения и, следовательно, в целом определяется уже не одной только причинной необхо-

⁵⁷ Срав. цит. выше статью: «Практическая философия Гегеля», стр. 51 и 53 (особенно об идее «преемственности»-непрерывности), а также «Предисловие к статье Маркса о философии права Гегеля», напис. в 1887 г. и перепечат. в 1906 г. (Спб. Изд. Врублевского, стр. 18) (примеч. авт.).

⁵⁸ Важнейшие моменты, стр. 205 (примеч. авт.).

димостью, но отчасти также и идейной решимостью. Так, Лавров может утверждать, что «между пониманием истории как процесса, совершающегося в коллективностях личностей, которые ставят себе цели и отыскивают для них средства, и философским представлением о детерминизме всего совершающегося нет противоречия». Можно принять за исходную точку «необходимый объективный процесс», — тогда его высшей точкой окажется «научное понимание истории в ее субъективных элементах». Если же мы примем «за точку исхода постановку личностью себе целей, как бы эта личность была автономной» (достойна быть отмеченной эта чисто кантианская точка зрения у Лаврова, особенно это — «как бы»), мы придем к «безусловному детерминизму» как к самому зрелому продукту свободного человеческого развития⁵⁹. Свобода и необходимость в своей антиномичности преодолеваются критической точкой зрения, позволяющей Лаврову говорить в философии истории о моменте зарождения свободы как исторической силы⁶⁰.

Так, мы имеем уже и все данные, чтобы перейти от на-

⁵⁹ Задачи понимания, стр. 104 сл. (примеч. авт.).

⁶⁰ Этими замечаниями мы, само собой разумеется, не думаем исчерпать ни проблемы возможности вообще, ни даже правильной ее диспозиции в мировоззрении Лаврова; нам важно было только отметить, что и для Лаврова, как и для Гегеля, история есть история свободы, а потому для того и для другого поиски начала истории сводятся к поискам откровения свободы в царстве необходимости; только для Гегеля это откровение дано в исторических учреждениях, а потому и в *historia rerum gestarum*, для Лаврова же в тайниках субъективного переживания, и потому — в истории интуитивной. Следует еще прибавить, что Б. А. Кистяковский, посвятивший большую и во многом ценную работу «Русской социологической школе и категории возможности», приведшую его к результату чисто Лавровскому (кантианскому), так основательно не знает Лаврова, хотя и ссылается на него, что одна только история русской науки может быть ему судьей за его измышления об «измышлениях ненаучного характера» русской социологической школы, которую он третирует пренебрежительны-

чала истории к ее концу, каким он представляется в учении Лаврова. Конец истории есть для него прежде всего, как уже было отмечено, ее конец в современности, т. е. мысль современности о ее конечных задачах. «Понять историю в наше время — эти слова приводились выше — значит ясно понять нравственный идеал, выработанный лучшими мыслителями в наше время». Но «лучшим мыслителем» в каждую эпоху является тот, кто воплощает «движущие силы будущего», кто на уровне своего века его превышает так же, как каждый век, в силу принципа непрерывности, всегда превышает себя сам. «Судьей настоящего, — говорит Лавров в другом месте, — является еще неосуществленное будущее в его идеалах истины и справедливости», и только это неосуществленное, но осуществимое будущее может явиться началом полного завершения истории, потому что, «если бы настоящее можно было переделывать во имя минувшего, то подобная переделка не имела бы конца, так как за полувековым минувшим восстало бы минувшее вековое, за ним двухвековое и т. д., и т. д.»⁶¹. А разве за полувековым грядущим — невольно должны мы воскликнуть — не восстанет грядущее вековое, за ним двухвековое и т. д., и т. д.? Но в том-то и дело, что мысль о бесконечности времени в сторону исторического прошлого отличается от представления этой бесконечности в сторону исторического будущего: весь смысл такого изменения времени мерою безусловного нравственного идеала, мерою сверхвременного, в том, что оно позволяет раскрыть перспективы не только сверхприродные, какие раскрываются в историческом видении вещей минувших,

ми кавычками. Работа эта была напечатана в 1902 г. и перепечатана в книге «Социальные науки и право» М. 1916. Ср. по поводу Кистяковского замечания Б. Д. Камкова, Историко-философские воззрения П. Л. Лаврова. Пг. 1917, стр. 18, и особенно — Задачи понимания, стр. 338 сл. сл. (*примеч. авт.*).

⁶¹ Истор. письма, стр. 232 (*примеч. авт.*).

но и перспективы сверхисторические — в грядущем. Если нас несколько не удивляет «прогресс, который доводит чимпанзе до Вольтера», то можно себе представить, — говорит Лавров, — и наступление такого исторического момента, «когда Парфенон и Илиада покажутся мыслящему существу чем-то вроде коралловых рифов и птичьего пения»⁶², т. е. шаг от естественной жизни к жизни исторической может быть совершен еще раз; тогда история наша сменится таким существованием, по отношению к которому она сама понизится до уровня природного, и о нашей истории с этой сверхисторической точки зрения можно будет сказать, что наступил ее конец.

Каковы же условия, при которых следует мыслить этот переход от истории к сверхистории? Для Лаврова эти условия совпадают, как иначе нельзя ожидать, с задачами претворения в историческую действительность идеала истины и справедливости. «Имеем ли мы право отрицать, — так заканчивает он свое последнее крупное произведение, — что в будущем возможна новая историческая культура, проникнутая идеей убеждения; возможно понимание и требование преобладания высших интересов, обусловленное научною иерархией убеждений; возможна солидарность человечества в направлении к объединению убеждений, как самого энергетического мотива к жизненной деятельности»⁶³? Это та социалистическая культура, которая может быть «переработана мыслью» уже только сверхисторической, потому что в этом «зрелом состоянии» общества, представляющем «состояние наибольшей возможной для него солидарности, при возможно большем развитии сознательности в каждом из его членов», человечеству будет открыт путь, «чтобы свободно идти к полному утверждению царства человека над миром»⁶⁴. Правда, говоря об

⁶² Собр. соч. Сер. IV. Вып. I, стр. 88 и 85 (примеч. авт.).

⁶³ Важнейшие моменты, 997 (примеч. авт.).

этом завершающем историю «будущем обществе», Лавров признает, что «в настоящее время едва ли не так же трудно составить ясное представление о практических и теоретических задачах будущего периода, как математикам XVI века трудно было представить себе задачи интегрального исчисления»⁶⁴, тем не менее, общее направление ясно: «господство человека над миром» есть осознание человеком всей власти мира над ним. Странно, как будто, — и тем не менее не подлежит никакому сомнению, — что кантианство Лаврова завершается в его Спинозизме. Необходимость породила свободу для того, чтобы свобода завершилась в свободно осознанной и принятой необходимости. Гегельянство торжествует и по форме, и по содержанию.

Подводя итог целому, можно сказать: история для Лаврова начинается с осознания антиномии между свободой и необходимостью, она кончается с конкретным осознанием свободы как необходимости и необходимости как свободы, потому что без торжества свободной критической мысли в отдаленнейшем будущем, без полного торжества знания, мы никогда не поймем конкретно, что необходимость есть «свободная необходимость», как говорил Спиноза, и что, с другой стороны, свобода наша заключается не в выборе между «возможностями», а в точном знании, какая из кажущихся возможностей есть единственная, потому что истинная, необходимость. Может ли после этого еще продолжаться история? Ясно, что если и может, то уже не наша, не та, единственный смысл которой в разрешении, возможно скорейшей, основной философской проблемы, проблемы единства теоретического и практического разума.

На этот последний момент, на момент «ускорения» в историческом процессе, здесь достаточно будет только обратить внимание. Проблема ускорения в философско-исто-

⁶⁴ Собр. соч. Сер. III. Вып. II, стр. 149, 151 (примеч. авт.).

⁶⁵ Собр. соч. Сер. VI. Вып. VII, стр. 101 сл. сл. (примеч. авт.).

рической динамике есть как бы пробный камень, определяющий с наибольшей точностью, к какому разряду следует отнести ту или иную систему философии истории: к типу ли натуралистическому или супра-натуралистическому. То, что Лавров никогда не упускал из виду возможность ускорения исторического процесса и постоянно к этой мысли возвращался⁶⁶, ясно свидетельствует об истинных основах всего учения в целом.

Статья наша преследовала единственную цель: разрушить предрассудок, будто в лице Лаврова мы имеем дело с мыслителем, основы мышления которого лежат на самой поверхности. Философско-историческая проблема, которая была нами с этой целью выбрана, должна была вскрыть все богатство и многообразие мотивов, определявших строй и ход его мыслей. Быть может, более внимательное изучение всего, сделанного Лавровым в области философии и общей теории истории, обнаружило бы, что если современная критика вряд ли может вполне удовлетвориться добытыми им решениями, то не потому, что мысль его порывалась в сферу запредельных вопросов, а как раз потому, что в «утопизме» Лаврова еще сохранилось слишком много «переживаний» робости, столь характерной для всего развития философской мысли во вторую половину прошлого века. Зато сколько несомненных «зародышей будущего» открывается при самой слабой попытке внимательно проследить судьбу хотя бы одной частной проблемы в общем составе его мировоззрения! В чем могла бы яснее сказаться «производительная сила» человеческого мировоззрения, а вместе с тем — и вся сила и все значение мысли этого самого крупного из русских рационалистов.

⁶⁶ Истор. письма, стр. 60, 241. С. С. Арнольди, Цивилизация и дикие племена. СПб. 1903, стр. 242; Собр. соч. Сер. III. Вып. II, стр. 143; сер. VI. Вып. VII, стр. 40; особенно — Важнейшие моменты, стр. 117 сл. и 184 (примеч. авт.).

**Программа курса лекций
по «Истории эстетических учений»⁶⁷**

Лектор А. З. Штейнберг

Лекции I и II

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ ЭСТЕТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ.

I. Понятие эстетики. Эстетика, как философская наука. Эстетика и история искусства. Эстетика и искусство живо-го слова. Театральное искусство и красноречие. Красота, как центральное понятие эстетики. Красота, Добро и Истина. Искусство и природа. Безобразие в природе и в искусстве.

II. Классификация эстетических учений. Эстетика объек-тивная и субъективная. Нормативная эстетика и художест-венная критика. Идеальное содержание и формальные предпосылки прекрасного. Спекулятивная и эмпирическая эстетика. Эстетика, как отдел психологии и психофизики. Социологические и физиологические теории. Психопато-

⁶⁷ ИРЛИ. Ф. 474. № 473. Программа впервые опубликована нами в журнале «Вопросы философии» (1996. № 6. С. 151–157). Курс «Исто-рии эстетических учений» читался Штейнбергом в Петроградском Институте живого слова (куда его пригласил К. А. Сюннерберг – това-рищ председателя Совета Института, а позже и его председатель), ве-роятно, в течение 1919–1922 гг. Сохранилась записка Штейнберга, да-тированная 12 июня 1922 г.: «Дорогой Константин Александрович, простите, плохое самочувствие мешает мне приехать на зас<едание> Комиссии; не в состоянии я также читать сегодня лекцию и очень про-сил бы Вас сообщить об этом слушателям. Вечером у Вас собираюсь быть, если только как-нибудь уляжется сердцебиение. Вот она, „сту-пень освобождения“! Бунтуй, не бунтуй а толку никакого. Привет! Ваш А. Ш.» (ИРЛИ. Ф. 474. № 296). Иронические слова «ступень ос-вобождения» соотносятся с вполне серьезным размышлением Гегеля о смысле человеческой истории: «Всемирная история <...> излагает раз-витие сознания духа о его свободе и о производимой этим сознанием реализации. Развитие выражается в том, что оно является рядом ступе-ней, рядом дальнейших определений свободы, вытекающих из поня-тия предмета» (Г. В. Ф. Гегель. Лекции по философии истории. С. 112).

логия и эстетика. Эстетика творчества и эстетика созерцания. *III. История эстетики.* История эстетики и история искусства. Связь между историей культуры и историей эстетических учений. Наука ли эстетика. Эстетика и система философии. Эстетическое воспитание.

Лекции III, IV, V

ЭСТЕТИКА АНТИЧНОГО МИРА. I. Сократ и Платон. Платоновское учение об истине и требование поэтической правды. Отступление от правды-истины ради правды-справедливости. Красота — Добро и автономия искусства. Философский идеализм и художественный реализм. Учение Платона об эстетическом воспитании. Платон о театре. Может ли софизм быть красивым. Ораторское искусство и идея Красоты — Добра. Платон — воплощенное отрицание собственной эстетики. *II. Теория искусства.* Теория искусства — порождение философской эстетики. Учение о гармоничном и симметрии. Связь между идеалистической и формальной эстетикой. Первая попытка классификации искусств. Эстетика и психология. Катарсис. Заключение Симпозиона и учение о философском эросе. Апология Сократа, как образец ораторского произведения. Трагическая смерть Сократа в Федоне. Платон и Аристотель. Поэтика Аристотеля и аристотелевский эмпиризм. Индуктивный и дедуктивный метод в эстетике и в философии. Подражание и завершение. Творческий характер подражания и энергия завершения. Подражание образам воображения. Подражание и театр. Типическое в искусстве и в жизни. Учение о катарсисе, как подчинение эстетики этике. Изображение идеала. Стоицизм и искусство. *III. Эстетика религиозного духа.* Платон и Августин. Античный мир и христианство. Красота, как воплощение духовности и разумности. Красота зримая и незримая. Платиновский эрос. Прообраз прекрасного. Красота, как излучение божественной идеи. Воссоединение чувственного и сверхчувственного в прекрасном. Единство

многообразия. Оформление материи духом. Искусство совершенствует природу. Августиново определение красоты, как единства. Эстетический оптимизм. Космическое совершенство, как художественная гармония. Красота, как божественный атрибут. Возвышенность эстетических категорий и свобода художественного творчества. Религия, культ и искусство. Духовное красноречие. Религиозная эстетика и духовное воспитание. Лонгин о возвышенном.

Лекция VI

ЭСТЕТИКА ЭМПИРИЗМА. Крупный перерыв в развитии эстетических учений. Раньше искусство, а затем эстетика. Искусство Возрождения и отсутствие Науки о красоте. Отдельные искусства и их система. Путь объективного изучения и субъективного углубления. Психология внутреннего опыта. Шефтсбери, как продолжатель Платона. Соподчинение этики и эстетики личному отношению. Формальные признаки: единство и правильность смены. Бэкон и искусство. Искусство и наука. Классификация наук и искусств. Искусство и техника. Английская опытная психология. Красота в собственном смысле и красота отношений (Гоон). Зарождение социологической эстетики (Берк). Красота — социальное чувство. Нецелесообразность красоты. Иерархия чувств и отношений (Гетчисон). Зрение и слух, как высшие чувства. Возвышенное и прекрасное и инстинкты самосохранения и солидарности. Зачатки биологической эстетики (Ч. Дарвин). Французские психологи эстетического восприятия (Буало, Дюбо, Баттё). Возобновление теории подражания и определение Сенеки. Дидро. Роль фантазии (Вико). Гемстергюис и его предвосхищение эмпириокритицизма.

Лекция VII

ЭСТЕТИКА РАЦИОНАЛИЗМА. Схоластические определения Круза и декартианство. Роль математических кате-

горий. Искусство и число. Эстетическое восприятие и логическое познание (Лейбниц). Рационализм и эстетика созерцания. Бессознательность логического творчества. Совершенство, как понятие, равнозначное красоте. Предустановленная гармония и эстетика космического творчества. Красота, сводимая к объективной завершенности. Немецкий рационализм и английский эмпиризм. Родоначальник «эстетики» (Баумгартен). Два рода познания. Рационалистический формализм. Ограничение эстетически допустимого. Лейбницевский оптимизм и эстетика рационализма. Эстетическое чувство (Мендельсон). Нравственные задачи искусства (Зульцер). Учение об эстетическом познании (Эбергард). Красота типическая, формальная, характерная и выразительная (Винкельман). Первая принципиально-эстетическая классификация искусств (Лессинг).

Лекции VIII и IX

I. Эстетика критического идеализма. Эстетика, как равноправный член философской системы. Эстетика, как завершение системы. Личная судьба Канта и его эстетика. Многообразие мотивов и итоги предшествующей работы. Прекрасное и приятное. Незаинтересованность эстетического чувства. Нецелесообразность эстетического объекта. Иррациональность эстетического образа. Общеобязательность эстетического суждения. Нереальность эстетического содержания. Чистая и приобщенная красота. Учение об эстетическом идеале. Гармония познавательных сил и способностей. Свободная игра фантазии. Значение арабески. Понятие гения и гениальности. Философ, ученый и художник. Возвышенное и прекрасное. Нравственное содержание художественных произведений. Влияние Канта на все дальнейшее развитие эстетики. Плодотворность систематического метода. Кант и Гете. *II. Кантовская проблема.* Шиллер. Искусство и игра. Культурное значение искусства. Искусство и идеал совершенной человеческой личности.

ти. Мир нравственный и его воплощение в мире чувственном. Свобода и необходимость. Разум, чувственность и идея. Гете о Канте. Гетевский метафизический натурализм. Полемика Гердера. Красота нравственного мира. Эстетическое чувство — исконное и первозданное человеческое чувство, в котором человеческая природа выступает как неразрывное единство (Бутервек). Грильпарцер и его проникновения кантовским эстетическим идеализмом. Кант и античная эстетика. Гармония человеческого дуализма (В. фон Гумбольдт).

Лекция X

Подготовка романтической эстетики. Учение Фихте о творческом характере сознания и служебная роль эстетического творчества. Художественное творчество есть подготовительная ступень к нравственному миропониманию и к активному миротворчеству. Проблема безобразного у Жан Поля. Возвышенное и комическое, сатира и юмор. Воплощенная идея, или оживленный идеал Краузе. Богоподобие красоты и свободное творчество. Личная жизнь, как задача художественного творчества. Учение Фихте о национальном духе и национальные художественные критерии Шлейермахера. Национальный характер и ораторское искусство. Есть ли эстетика немецкая наука. Философия и национальный дух. Принципиальная ошибка всякой националистической оценки в сфере чисто философских вопросов.

Лекция XI

Эстетика романтизма. Братья Шлегели и их антитезы: субъекта и объекта, античного и романтического, действительности и идеи. Красота, как символическое изображение бесконечного. Человек, как квинтэссенция природы и ее норма. Система эстетического идеализма Шеллинга. Мир, как творение гениального художественного духа. Ис-

кусство и математика, как преддверие философии. Бессознательная сознательность. Интуиция и уклон в сторону мистики. Эстетика грёз, сказки и игры. Учение о бытийственности символа. Искусство — символ антитезы; оно соединительное звено между духом и природой. Учение Зольгера об иронии. Романтическое превознесение комедии. Эстетическое доказательство существования Бога. Человек, как центральное солнце природы. Слияние общего и частного в идее. Гениальность и рассудительность. Учение Тика о перевоплощении человека в мимику.

Лекция XII

Философия истории и эстетики. Метафизический объективизм Гегеля. Чувственное бытие идеи. Сопоставление религии, философии и искусства. Диалектическая история и систематика искусств. Диалектическое развитие каждого отдельного искусства. Поэзия как синтез живописности и музыкальности. Влияние Гегеля на развитие систематического изучения истории и теории искусств. Опасность гегельянской эстетики для современности. Газетный фельетон и система философии. Действительно ли романтично современное искусство. Гегельянство Вейссе и его учение о соотносительности красоты и безобразия. Его триада: наука-искусство-религия. Фридрих Теодор Фишер и его диалектика прекрасного и возвышенного. Учение о символе. Посредственная и непосредственная идеализация. Диалектика красоты и красота диалектики.

Лекция XIII

Формалистическая эстетика. Герbart и его школа. Проблема чистой формы. Время и пространство, гармония и пропорциональность. Непознаваемость реального и его абсолютное безразличие для эстетической формы. Простое и сложное в эстетике. Исследование и подразделение форм. Влияние на развитие психологических изысканий

и претворение их в цельность системы. Проблема чистой формы в искусстве живого слова. Архитектура речи. Стройность и пропорциональность ее построения. Дальнейшие изыскания Герберта Циммермана. История эстетического учения с точки зрения формалистической эстетики гербартианства. Учение о вкусе и суждении в эстетике. Пять эстетических идей Марковича.

Лекция XIV

Эстетика пессимизма. Шопенгауэр, Шеллинг и Платон. Пессимизм и искусство. Воля к жизни и катарсис. Четыре ступени прекрасного. Творчество и искусство. Созерцание и природная красота. Учение Шопенгауэра о музыке. Его влияние на Вагнера. Народный дух в теории искусства Вагнера. Его связь с Фихте, Шлейермахером и Мундром. Учение Вагнера о неудержимой стихийности творчества. Искусство преобразует жизнь. Содержание, материя и форма в художественном произведении. Народные источники творчества. Искусство будущего и единое человечество. Синтез искусства. Пророчество Вагнера и Ницше. Проблема культуры у Ницше: Аполлон и Дионис. Пессимизм Гартмана и бессознательное творчество. Искусство, как искупление. Одиночество и природа. Эстетика пессимизма и современность.

Лекция XV

Современная психологическая эстетика. Последние отзвуки метафизической эстетики у Литче. Синтез трех царств в эстетическом объекте. Три ряда условий восприятия: ряд физиологический, психологический и метафизический. Отзвуки гегельянства у Цепзинга. Фехнер, как основатель экспериментальной эстетики. «Эстетика снизу» и ее предпосылки. Непосредственный и ассоциативный фактор. Липпс и его теория вчувствования. Эстетика, как глава из психологии и как прикладная психология. Учение об эстетической

симпатии. Искусство и иллюзия. Трагическое и комическое, возвышенное и ничтожное. Психологическая теория безобразного. Система эстетики Фолькельта и его развитие учения об эстетических категориях. *Философия трагического*. Работы Мюллер-Фрейенфельза. Требование Меймана о дополнении психологической эстетики объективной.

Лекции XVI и XVII

Социологические теории искусства. I. Прудон об искусстве. Ипполит Тэн и его теория среды. Расы, нравы, культура и физические условия. Гений и среда. Сущность вещей и творческая восприимчивость художника. Ограниченность социологического метода. Зависимость социологической эстетики от философии истории и культуры. Социология и нормативная эстетика. Гюйо и его борьба против «искусства для искусства». Искусство, как орудие социальной солидарности и симпатии. Преобразовательное значение искусства для социального развития. Социалистическая эстетика и ее связь с немецкой спекулятивной теорией народного духа. Пролетарское искусство. Футуризм, как философско-историческое учение. Внеклассовое общество и искусство будущего. II. Историко-этнографические теории. Учение о происхождении искусства Гросса. Этнографические исследования Вундта. Связь между историко-этнографическими теориями и учениями социологическими и биологическими. Искусство и игра. Происхождение искусства, как научная и как метафизическая проблема. Генезис искусства и система искусств. Независимость положительной эстетики от историко-этнографических исследований. Художественный и научный интерес в эстетике. Проблемы границ и методов. Учение Бюхера о работе и ритме.

Лекция XVIII

Биологические и физиологические теории. Биологическое истолкование учения о связи между игрой и искусством.

Теория Спенсера. Учение об избытке жизненной энергии у Рибо. Игры людей и животных (Карл Гросс). Важность детской психологии для биологических теорий. Искусство, как самая благородная из забав. Полезное и приятное, как биологические основы прекрасного. Происхождение человека Дарвина и его учение о происхождении искусства. Связь между половым подбором и эстетическим восприятием. «Пол и искусство» Наумана. Работа Кронфельда и Бёльше. Физиологическая эстетика Брент-Оллена. Личность и род в эстетике. Свободна ли биологическая эстетика от метафизики.

Лекция XIX

Различные течения в современной эстетической литературе. Заветы Рёскина. Неокантианство и возрождение систематической эстетики. Эстетика чистого чувства Германа Когена. Неофихтеанство и нормативная эстетика (Кан, Христиансен). Преобладание эклектицизма. Эстетика Дессуара. Учение о сознательном самообмане у Конрада Ланге. Эстетическая иллюзия и эстетическая игра. Реалистическая сила иллюзии. Призраки и вера в их реальность. Биологическое и социальное значение игры. Совершенствование человеческого рода, благодаря искусству. Эстетика выразительности Кроче. Преобладание биологического интереса в общих трактатах и чисто эстетическая разработка более специальных проблем. Система наук и философская эстетика.

Лекция XX

Эстетика в России. Эстетика и философия в России. Философские влияния извне и самостоятельное развитие русского искусства. Общественная роль искусства и связанность эстетического мышления. Значение Белинского. Диссертация Чернышевского об искусстве и действительности. Реализм Писарева и его подчинение эстетики об-

щественности. Эстетический нигилизм Толстого. Мистицизм Владимира Соловьева и его учение о смысле красоты в природе. Теория творчества К. Эрберга. Теория критики Айхенвальда. Особенное значение эстетики для эстетического воспитания в России.

Лекция XXI

Общий обзор истории эстетических учений. Разветвление эстетических исследований. Заветы античности и немецкая философия. Искусство и философская атмосфера. Эстетическая теория и систематическое мировоззрение. Основной недуг современной эстетики и его происхождение от философского александринизма. Чаяние единства смысла и всеобъемлющей разумности. Духовный разброд начала XX-го века и надежды на будущее. Размежевание позитивистических и философских интересов⁶⁸. Красота, как философское понятие всех времен. Красота и Логос.

⁶⁸ В своем обзоре новейших течений в немецкой эстетике Штейнберг подчеркивал, что современный спектр эстетической науки определяется двумя крайними полюсами: метафизической и психологической эстетикой. Метафизик поневоле становится сторонником нормативной эстетики, поскольку, кроме описания и объяснения явлений, он еще и предписывает миру должное. Психолог, наоборот, подчеркивает всю гипотетичность собственных оценок и результатов своих опытов. Оттого его более волнует классификация эстетических переживаний, чем объяснение их причин и установление неких общих правил этих переживаний. Подробнее см.: А. З. Штейнберг. Различные течения в новейшей немецкой эстетике // Русская мысль. 1911. № 2. С. 251.

Н. М. Меринг

Надежда Михайловна Меринг, как и большинство членов-соревнователей, пришла в Вольфилу весной 1920 года. Одновременно она обучалась в университете, где, в частности, слушала курс профессора Э. Л. Радлова. Философ был связан дружескими отношениями с ее семьей, а в 1915–1917 годах даже вел с молодой девушкой активную переписку. Письма, сохранившиеся в его архиве, позволяют определить круг интеллектуальных интересов Н. Меринг: основная сфера ее увлечений — филология и философия; среди любимых авторов — Фет, Платон, Достоевский, Вл. Соловьев. В одном из писем она самокритично рассказывает о своем эпистолярном общении с близкими подругами: «Не только случалось письменно рассуждать о литературных произведениях — скучно, как в классном сочинении и водянисто (не так только красиво) как Котляревский, но случалось рассуждать даже о судьбах всего человечества и всей вселенной. Конечно, это было легко потому, что в наших головах (по крайней мере в моей) было полнейшее отсутствие каких-нибудь действительных познаний, и для самых великолепных глупостей оставался огромный простор. Я вспоминаю Ключевского, который где-то говорит, что в историческом вопросе, чем меньше данных, тем легче разнообразнейшие решения этого вопроса; если несколько перевернуть эту мысль, то можно сказать и про нас — чем

меньше мы знали, тем легче решали “все так называемые вопросы”»¹.

Если в письмах, написанных до революции, преобладают легкость и беспечность, то последнее, отправленное в самом конце декабря 1917 года, исполнено самых мрачных предчувствий:

«Дорогой Эрнест Львович!

Поздравляю Вас с Новым Годом. Очень желаю Вам, чтобы год этот оказался неожиданно гораздо лучшим, чем мы все думаем. Трудно представить себе хорошее будущее, без опасностей и без наступившего голода, но хочется надеяться. Я теперь в несколько мрачном настроении еще и потому, что перечитываю “Бесов” Достоевского. Вы, кажется, не любите Достоевского. Я раньше совершенно не могла его читать, мне казалось, что он слишком “мучит” и часто мучит понапрасну. Теперь, когда все внешнее гораздо мучительнее и одновременно невольно хочется отыскать “смысл”, — от Достоевского не оторваться и поразительно до чего многое кажется только что записанным. От мрачных впечатлений перехожу иногда в мир божественного Платона, — читаю “Протагора” медленно, но верно и без больших затруднений. Очаровывает не только содержание, но и замечательный гре<ческий> язык.

Если в обстоятельствах не будет большого “прогресса к худшему”, то приеду заниматься с 10-го числ<а> январ<я>»².

С первых дней своего появления в Ассоциации Н. М. Меринг начала играть здесь заметную роль, поначалу исполняя обязанности секретаря в кружке Конст. Эрберга «Философия творчества», затем стенографируя речи докладчиков и ход прений на открытых заседаниях, принимая участие в заседаниях Совета ВФА. Тяжелые обстоя-

¹ ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. № 1017. Л. 13–13 об.

² ИРЛИ. Ф. 252. Оп. 2. № 1017. Л. 16–17.

тельства жизни в послереволюционном Петрограде требовали от нее совмещения самых различных видов деятельности, чем объясняется содержание двух недатированных записок, адресованных Эрбергу:

«Константин Александрович, мне придется сегодня опоздать, я приду только к 8 часам. Если можно — запомните в общих чертах то, что Вы будете говорить до моего прихода. Мое обещание — прочесть вкратце содержание предыдущих протоколов, я исполню в следующий раз. Над. Меринг».

«Константин Александрович, мне придется сегодня быть в нескольких хвостах по необходимым делам, и я, вероятно, запоздаю к 6 час<ам>. Не сердитесь за мой “саботаж”»³.

До определенного времени роль делопроизводителя Вольфилы Н. М. Меринг выполняла на общественных началах. Официально в этой должности она была утверждена Советом ВФА лишь 1 апреля 1921 года⁴. Именно благодаря ее усилиям мы имеем возможность реально представить себе характер и тональность дискуссий в Ассоциации. О том, насколько широким был круг вольфильских обязанностей Меринг, свидетельствует ее письмо к Иванову-Разумнику от 10 марта 1921 года:

«Разумник Васильевич!

Оставляю Вам список докладов с примечаниями — какие протоколы у меня имеются и насколько они подробны. Краткое содержание докладов, кот<орое> мне обещали дать докладчики — я достану сама, кроме Вашего доклада о социализме в уч<ении> Влад<имира> Сол<овьева>.

³ ИРЛИ. Ф. 474. № 192.

⁴ Об этом решении т. н. «стол личного состава» был уведомлен официальным письмом ВФА № 39 от 15 апреля. См.: Ф. 79. Оп. 5. № 5. Л. 44.

Если не считать “Веселой науки”, кот<орую> я пропустила⁵ — то все наиболее интересное за последние полгода у меня есть или будет в том или ином виде. Кроме того, у меня есть протоколы 2^х междукружков<ых> собраний на тему “Добро и зло” и “Мист<ика> и религия” и протоколы заседаний кружка Эрберга с мая месяца (короткий обзор работы кружка я могу дать).

Материалы начну доставлять Вам понемногу в ближай<аишем> будущем, что бы там ни было, а если Вольфиле будут грозить беды (да не будет этого), то тем более.

От Вас мне нужно вот что: речь Штейнберга на Сол<нечном> утре⁶. У меня нашелся один черновик, кот<орый> я в свое время затеряла, я хочу поправить. Хорошо бы, если бы Вы могли захватить, когда сможете, и оставить для меня на Фонтанке. К воскр<есенью> 20го (и во всяк<ом> случае к эт<ому> сроку я, вероятно, вам сдам протоколы следующих заседаний: XXXVIII⁷, XXXIX⁸, XL⁹, XLI¹⁰ и L¹¹). Ост<альные> к 1 апреля (но не 1го апреля).

Неизменно *верная Вольфиле в душе и не всегда верная на деле.*

Скриба Н. М. Меринг¹².

⁵ Речь идет о XLIX открытом заседании ВФА 31 октября 1920 г., на котором с докладом «Веселая наука. Памяти Ницше» выступал А. З. Штейнберг.

⁶ Подразумевается XXIV открытое заседание ВФА «Солнечный град (Беседа об Интернационале)» 2 мая 1920 г.

⁷ Беседа «Памяти Владимира Соловьева» 15 августа 1920 г.

⁸ Доклад И. И. Лапшина «Интуиция в научном и философском творчестве» 22 августа 1920 г.

⁹ Тема XL заседания неизвестна; запланированный на этот день доклад А. З. Штейнберга «Веселая наука» несколько раз переносился и был прочитан лишь спустя два месяца.

¹⁰ Доклад Иванова-Разумника «Социализм в учении Вл. Соловьева» 5 сентября 1920 г.

¹¹ Беседа «Платон» 7 ноября 1920 г.

¹² ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 296.

С именем Н. М. Меринг связан один из самых драматических сюжетов в истории Вольфилы. По свидетельству Штейнберга, летом 1921 года он и Андрей Белый готовились нелегально покинуть Россию. Каково было удивление «заговорщиков», когда Меринг сообщила Иванову-Разумнику о том, что чекистам известен этот план. Абсурд ситуации заключался в том, что искренность и желание спасти Белого от возможной гибели¹³ сыграли с молодой женщиной злую шутку: информация послужила основанием для встречного недоверия к ней со стороны руководителей Вольфилы. Штейнберг до конца своих дней сохранял уверенность в том, что «энергичная женщина, сумевшая завоевать» доверие Эрберга, «просто имела связи с Чека», сотрудничала с «политической полицией»: «Перед нами стал вопрос, не закрыть ли на все это глаза и оставить Надежду Михайловну работать у нас по-прежнему, или открыто заявить ей о нашем подозрении. В вольном философском содружестве, целью которого является понять смысл в духе философии, такая активная деятельность, которая делит свою лояльность между нами и Чека, — недопустима»¹⁴. Вскоре на совещании, участниками которого были Андрей Белый, Иванов-Разумник, А. З. Штейнберг и О. Д. Форш, было принято «компромиссное» решение: «...сказать Надежде Михайловне, что мы все

¹³ Сохранилось ее письмо к Андрею Белому, отправленное 9 октября 1921 г., накануне отъезда председателя ВФА из России: «Милый, дорогой Борис Николаевич, может быть, мне почему-либо не удастся с Вами проститься. Я только хочу сказать Вам, что самое мое глубокое расположение к Вам так живо в душе, что всегда я буду думать о Вас самыми светлыми пожеланиями радости, счастья, удач. Пусть все тяжелое, что мучило Вас, отойдет совсем. Мне кажется, что Вы попадете теперь в полную полосу света и, наконец, отдохнете и воспрянете. За все же, что я когда-нибудь слышала от Вас — сердечное спасибо еще раз, как и раньше. Будьте здоровы. Душ<евно> преданная Вам Над. Меринг» (РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 225).

¹⁴ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С. 113.

признательны ей, включая Бориса Николаевича, за ее предупреждение... Мы не подозреваем ее в сотрудничестве с Чека, но связь ее с нами для нашего содружества — нежелательна. После этого разговора с ней — посмотрим, будет ли она продолжать работать с нами. Если в ней есть хоть капля чести, она сама уйдет»¹⁵. В состоявшемся разговоре (который от имени ВФА вела О. Форш) Меринг сообщила, что действительно «подрабатывает» в Чрезвычайной Комиссии делопроизводителем, о плане нелегального перехода границы Белым узнала случайно — переноса бумаги из одного отдела в другой, и по своей собственной инициативе решила предупредить об этом руководителей Ассоциации. После разговора — заключает Штейнберг описание этого сюжета — Меринг перестала посещать ВФА: «Сама ли она сделала какие-то определенные выводы, или ее начальство решило, что их секретный сотрудник провалил свою миссию, мы так и не узнали. Мы же добились нужного результата без того, чтобы опозорить человека»¹⁶.

Действительно, уже с сентября 1921 года «входящая и исходящая переписка» ВФА не содержит следов деятельности Н. М. Меринг, хотя ее имя и возникает среди многочисленных героев шуточной поэмы Конст. Эрберга «Вольфила» (ноябрь 1922 года), а месяцем позже она (вероятно, по настойчивой просьбе Иванова-Разумника) протоколирует «Беседу о формальном методе». Причины ее разрыва с Вольфилой проясняются из письма Иванова-Разумника к Андрею Белому от 7 декабря 1923 года: «...ушла Н. М. Меринг. Кстати о ней: я имел с ней серьезное и откровенное объяснение, после которого совершенно убедился, что наши подозрения против нее (тоже помните?) оказались ни на чем не основанными, чему я был очень рад»¹⁷. В ответном письме от 17 декабря Белый отреагировал на это известие искренней

¹⁵ Штейнберг А. Друзья моих ранних лет. С. 114.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 265.

радостью: «...как хорошо, что Н. М. Меринг сохранилась в том облике, в каком мы ее воспринимали до этого “несчастливого” слуха; при мысли о “Вольфиле” я всегда вспоминал и... Меринг; и было ужасно, что было это “и... Меринг”»¹⁸. Можно предположить, что Н. М. Меринг в полной мере пришлось пережить это внезапно окружившее ее отчуждение. Будучи «верной в душе» «скрибой» Вольфилы, она передала руководителям Ассоциации все хранившиеся у нее протоколы и постаралась больше в Вольфиле не появляться.

**Что значительнее, процесс или результат творчества,
для Пушкина, Фета и Тютчева¹⁹**

К Пушкину, Фету и Тютчеву именно потому, что у них нахожу *прямые* ответы. Необходимые оговорки. Пытаясь охарактеризовать свое творчество, Пушкин всегда отмечает его свехрассудочность и отчужденность от правил житейского дня, состояние, кажущееся заурядному обывателю безумием.

Поэт идет. Открыты вежды,
Но он не видит ничего,
А между тем за край одежды
Тихонько дергают его.
Глупцы твердят: он верно дремлет:
“Куда, куда — дорога здесь”,
Но он не слушает, не внемлет —
Идет, куда его влекут
Мечты свободные...»²⁰

¹⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 271.

¹⁹ ИРЛИ. Ф. 474. № 653. Конспект выступления Н. М. Меринг на заседании кружка «Философия творчества» 18 мая 1920 г. Для удобства восприятия многочисленные сокращения раскрываются без дополнительных указаний.

²⁰ Контаминация основного и чернового вариантов фрагмента первой импровизации Итальянца из повести А.С. Пушкина «Египетские

Земные законы и правила, предрассудки каждого дня никнут в бессилии перед беспредельной ширью свободно-го творческого размаха поэтической фантазии. И в царстве этой фантазии, на пиру воображения поэт бесконечно свободен, свободен и одинок: «Ты царь. Живи один, доро-гою свободной et cetera²¹, кончая *подвиг благородный*»²².

Творчество поэта, которое отчасти есть своего рода *одер-жимость пламенным недугом*, тем не менее есть *подвиг*. В чем же этот подвиг? Пушкин, очевидно, не раз задавал себе этот вопрос, он любил возвращаться к теме о призвании поэта. Но единственная осязательная ценность, которую он смог признать за поэзией — это возможность «жечь глаголом сердца людей»²³ и «пробуждать лирой добрые чувства»²⁴, то есть возможность так или иначе заражать микроскопичес-кой долей творческого восторга молодое человечество. К рассудочному изучению, к пропаганде ходячих истин условной морали поэзия неспособна уже потому, что она без-условно свободна и независима, и потому в ответ на прось-бу «черни» о научении поэт раздражается вполне справедли-вым гневом: «Молчи бессмысленный народ... — варишь»²⁵.

И хотя непосредственное влияние поэзии (пробужде-ние лучших чувств) может оказаться следствием творчес-кого вдохновения, но вдохновение не только не нуждается в слушателе, но в высшую минуту экстаза, по мере возмож-ности, ограждается от него. «Бежит он дикий и суровый... дубровы»²⁶.

ночи» (1835?). См.: А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. Т. 8 (1). [М.—Л.,] 1938. С. 269; Т. 8 (2). [М.—Л.,] 1940. С. 854.

²¹ и так далее (*лат.*).

²² Строки из сонета А. С. Пушкина «Поэту» (1831).

²³ Пересказ строки стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» (1826).

²⁴ Пересказ строки стихотворения А. С. Пушкина «Я памятник воздвиг себе не рукотворный...» (1836).

²⁵ Из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа» (1828).

²⁶ Подразумеваются заключительные строки стихотворения А. С. Пушкина «Поэт» (1827): «Бежит он, дикой и суровый, / И зву-

Так переживаются первые минуты поэтического восторга, одержимость («И тяжким пламенным недугом была полна моя глава etc»²⁷), переживается *одержимость* или безумие, сходное с безумием сумасшедшего: «Я пел бы в пламенном бреду... леса»²⁸.

Но безумие поэта, упоенного гармонией («порой опять гармонией упыюсь»²⁹) не есть только себялюбивое самоуслаждение, как готовы думать обыватели на основании слов «Мы рождены для вдохновенья, / Для звуков сладких и молитв», да это так, но *вдохновение* не пустая игра слов, а нечто очень значительное. Бред поэзии есть бред священный (поэзии священный бред, Петрарке шествуя во след), поэзия есть послушание, священного рода, поэзия есть принесение *священной* жертвы в силу непреодолимой внутренней потребности поэта.

«Пока не требует поэта / К *священной* жертве Аполлон... — погружен»³⁰ это звучало бы, может быть, красивой и не вполне правдоподобной аллегорией, если бы у нас не было точнейших указаний Пушкинской биографии — только что приведенное стихотворение *Поэт* в высшей степени автобиографично, оно заканчивает письмо Пушкина к Погодину в 27 г. «Что вы поделяваете, как ваш вестник? Я убежал в деревню, почуя рифмы»... Пока не требует...³¹

Мы знаем также, что непреодолимость творческого вдохновения в период написания Полтавы (созданной одним порывом в 2 недели) заставила Пушкина, недоедая и

ков и смятенья полн, / На берега пустынных волн, / В широкошумные дубровы...».

²⁷ Из стихотворения А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом» (1824).

²⁸ Из стихотворения А. С. Пушкина «Не дай мне Бог сойти с ума» (1833).

²⁹ Из стихотворения А. С. Пушкина «Элегия» (1830).

³⁰ Из стихотворения А. С. Пушкина «Поэт».

³¹ Исканная цитата из письма А. С. Пушкина к М. П. Погодину (1827).

недопивая, записывать с невероятной поспешностью массу нахлынувших на его душу звуков и образов, при этом он еле успевал это делать, по свидетельству современников). Писание запоем с утра и до ночи и быстрое завершение произведения не было непрямым свойством Пушкинского творчества, — Онегин писался 7 лет, — но мы знаем несколько периодов его особенно повышенной поэтической деятельности — болдинские осени 27, 30 и 31 гг. и осени 24 и 25 гг. в Михайловском.

Процесс Пушкинского поэтического творчества вовсе, однако, не ограничивается поэтическим восторгом, экстазом и упоением гармонией. Пушкин очень точно определяет вдохновение в следующих словах: «Критик смешивает восторг с вдохновением. *Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий.* Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии. Восторг непродолжителен...³² <...>³³

...а также того прозрения, которое одним позывом разрушает все грани предельного, все законы пространства и времени, все законы материального, которые современные нам мистики готовы называть *космическим* сознанием, того прозрения, которое дает поэту возможность обнять недвижным взором все то, что «было, есть и грядет во веки...» Отражение состояния этого прозрения мы видим в Пушкинском Пророке: «И внял я неба содроганье... прозябанье». Отметив эту необходимость творческого прозрения поэта — я возвращаюсь к вопросу о благородном его подвиге и о том постоянном труде, о котором Пушкин говорит в приведенном выше отрывке. В чем этот *подвиг, священная жертва и труд?*

Ведь Пушкин никогда не говорит о возможности *надуманного* творчества, плода кропотливого исследования, изыскания и кропотливого корпения над работой, обрат-

³² Искраженная цитата из пушкинского «<Возражения на статью Кюхельбекера в “Мнемозине”>» (1825–1826).

³³ В конспекте отсутствует один лист.

но, Пушкин определенно противопоставляет ремесленнику искусства Сальери сына свободной гармонии Моцарта. И собственные Пушкинские стихи плод свободного проявления в силу необходимой творческой интуиции:

Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет как во сне.
Излиться наконец свободным проявленьем³⁴.

Я понимаю этот *труд*, 1) как свехрассудок над внутренними переживаниями поэтической души, как раскрытие возможности *максимума* этого свободного проявления, как совершенствование умения выразить поэтический экстаз, как утончение поэтического духа для новых и обновленных переживаний поэтического вдохновения. Зафиксировать, воплотить творческий экстаз, особенно на заре поэтической деятельности необычайно трудно (разум есть исключение по большей части).

2) Мы знаем о многочисленных пометках Пушкинских тетрадей. И это вторая значительная часть дела. Воплощение подлинных образов свехрассудочного мира в мертвые, отяжелевшие слова невозможно. Надо искать живых слов. Надо ковать достойную форму. И этаковка или плетение подлинной живой ткани есть часть того трудного подвига, который неразделим с подвигом вынашивания.

Пушкину стоило труда воплощать в окончательной форме те сладкозвучные строфы, которые он пел под Михайловскими озерами, стоило труда зафиксировать сцену Самозванца и Марины у Фонтана, которую он впервые создал в лунную ночь, верхом, по дороге из Пятигорского в Михайловское (и этим воплощением он всегда был недоволен, говоря, что впервые сочиненное было в тысячу раз лучше).

³⁴ Из стихотворения А. С. Пушкина «Осень. (Отрывок)» (1833).

Усовершенствование процесса воплощения творческого экстаза кристаллизация поэтического вдохновения. Создание Полтавы после предшествующей творческой работы многих лет. Значительное усовершенствование поэтического процесса на протяжении веков.

Эволюция творческого процесса, совершение подвига в преодолении различных трудностей сущность и саморезультат поэтической деятельности. Другой цели не найти. Цель – следствие пробуждения добрых чувств огненным глаголом, но следствие не обуславливает поэтического процесса, поэт творит и тогда, когда толпа плюет на алтарь, где горит его огонь и в детской ревности колеблет его треножник.

Результат творчества для самого поэта: «Миг вождеденный настал...»³⁵

Грустное или равнодушное отношение к завершенным произведениям. Небрежны их названия (Бахчисарайский Фонтан, Пленник), мертвая ценность, важная для извлечения денежной пользы.

Разница в отношении Пушкина к прежним поэтическим произведениям, к готовым поэтическим произведениям, которая есть омертвевший сколок того, над чем когда-то кипело воображение. Если что-нибудь Пушкин ценит в прожитых годах, то те минуты, когда на пир воображенья, бывало Музу призывал³⁶, жалел о чем-нибудь, так о былых минутах жара и неги его вдохновения весной его творчества.

Фета часто считают певцом искусства для искусства, искусства бесцельного, но достаточно прислушаться, чтобы почувствовать, что он говорит то же, что Пушкин, только еще определенной. «Одним толчком...»³⁷ Здесь все, и самое

³⁵ Начало стихотворения А. С. Пушкина «Труд» (1830).

³⁶ Подразумевается строки из стихотворения А. С. Пушкина «Разговор книгопродавца с поэтом».

³⁷ Подразумевается стихотворение А. А. Фета «Одним толчком согнать ладью живую...» (1887).

описание творческого экстаза его единственный смысл (усилить бой бестрепетных сердец), что самый процесс и есть его самоцель и единственно ценный результат (вот в чем), о состоянии прозрения или так называемого космического сознания у Фета мы имеем не одно свидетельство. «И неподвижно...»³⁸

У Тютчева, наконец, мы находим, объяснение тому, почему так жалок результат словесного творчества. «Мысль изреченная есть ложь, как сердцу высказать себя, другому как понять тебя...» И в заслугу поэту и всякому созерцанию Тютчев вменяет *молчание*: «Молчи, скрывайся и тай...»³⁹

Иногда надо уметь молчать, надо уметь, потому что есть некий час всемирного молчанья, когда живая колесница мироздания открыто катится с небес⁴⁰.

В чем возможность поэта — слиться с беспредельным. «И жадно мир души родной внимает повести любимой и с беспредельной жаждой слиться...»⁴¹

К *результатам* собственного творчества Тютчев был равнодушен — терял свои стихи.

Выводы:

1. Наиболее ценный момент поэтической деятельности *самое* творчество.

2. Следствие поэзии — пробуждение лучших чувств, усиление боя бесстрашного сердца, то есть так или иначе характеризуется творческим восторгом автора <...>.

В этом следствии есть мечта о возвращении к состоянию творчества.

³⁸ Начало третьей строфы стихотворения А. А. Фета «Измучен жизнью, коварством надежды...» (1864?).

³⁹ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «Silentium!» (1829 — начало 1830).

⁴⁰ Пересказ стихотворения Ф. И. Тютчева «Видение» (1829).

⁴¹ Из стихотворения Ф. И. Тютчева «О чем ты воешь, ветр ночной?» (1836).

А. Л. Векслер

Александр Лазаревна Векслер — неперенную участницу большинства бурных вольфильских дискуссий, заведующую канцелярией ВФА, вероятно, можно назвать самой талантливой и многообещающей из всех молодых членов-соревнователей Ассоциации. Когда восемнадцатилетняя Александра Векслер появилась в Вольфиле, ее имя было уже достаточно известно: инструктор народных училищ, она входила в кружок В. Шкловского, числилась членом Опояза и активно выступала на страницах «Жизни искусства». Хотя школа «формалистов», безусловно, сказывалась в суждениях Векслер, она далеко не во всем повторяла своих учителей¹. Уже первые печатные и устные выступления характеризовали ее как человека с самостоятельным мышлением. В своих взглядах Александра Лазаревна определилась еще до вступления в ряды членов-соревнователей Вольфилы, и в Ассоциации основные принципы мирозерцания нашли лишь адекватное выражение.

Главная мысль ее заключалась в том, что центрообразующей осью бытия является всеобщая и неизменная «форма форм», диктующая законы творчества и организующая художественный процесс, независимая от человеческого

¹ В мемуарах Шкловского имеется упоминание о спорах автора с Александрой Векслер по поводу «значения типа в романе» в литературной студии при издательстве «Всемирная литература». См.: *В. Шкловский. Сентиментальное путешествие*. С. 193.

сознания и психологии. С юношеским максимализмом А. Л. Векслер обрушивалась на всех, кто, как ей казалось, намеревался разрушить эту идеальную онтологическую конструкцию, в рамках которой могли существовать только «чистые формы». Субъективизму и психологизму своих авторитетных оппонентов она демонстративно противопоставляла объективизм и антипсихологизм. Еще в «предвольфильскую эпоху» Векслер довольно резко высказывалась по поводу «Записок Чудака» в статье «Кризис творчества Андрея Белого»: «Автор хотел отбросить прием, но это не удалось, так как данный материал может быть обработан только данным приемом, ощущение двух миров может быть полно выражено только каламбуром, нельзя произвольно разрушать соответствие приема и материала. Вместо того, чтобы отбросить прием, автор только ослабил его, и не только изуродовал живой организм произведения, но и не осуществил своих намерений. В “Записках Чудака” ощущение двух миров выявлено гораздо слабее, чем в “Петербурге” и “Котике Летаева”. Сырой материал, непретворимый в форму, расплывается. Вот к чему привело правило: “разорви свою фразу, пиши как сапожник, пишу как сапожник”². Фразы это не коснулось: «Записки Чудака» написаны ритмической прозой так же, как другие произведения Белого»³.

Рецензируя второе издание «Цель творчества» Конст. Эрберга, Векслер называла творческий процесс самым обманчивым и самым коварным из явлений мирового строя. Она образно сравнивала читателя, ищущего в художественном произведении принцип «свободы», с человеком, который, желая выйти из комнаты, ударяется лбом о зеркало, потому что принимает его за дверь. Нелепо искать свободы там, где ее нет: творчество — это «не свобода, а не-

² См.: А. Белый. «Я». Эпопея. Т. 1. «Записки чудака». Ч. 1. «Возвращение на родину» // Записки Мечтателей. 1919. № 1. С. 41.

³ Жизнь искусства. 1919. 30–31 октября. № 280–281. С. 3.

воля»; все текучее, динамическое находится в плену у статистики. «Цель творчества выявление в космическом процессе начала статического. Благодаря формирующему процессу, разрезающему связь с сознанием художника, художественное построение живет самостоятельной жизнью, и изучать его надо как таковое вне души художника, того, что осталось по ту сторону — поэтому нам не нужны биографии. Художественное построение стоит по ту сторону всякой психологии, подходя со стороны психологии творчества или психологии восприятия, мы его не уловим. В художественном построении живут только формальные элементы. И изучать их должно формально»⁴.

Однако и в идейных рамках «формальной школы» Александре Векслер явно было тесно. «Формалисты», ориентируясь на борьбу форм, на их неизбежное и вечное разрушение, выступали приверженцами своеобразного гераклитовского начала (пусть и не отдавая отчет в том, что это и есть та самая «философия», от которой они шарахались, как черт от ладана). Основным мировоззренческим ориентиром Векслер был поиск альтернативного, парменидовского, начала, объясняемый естественным человеческим желанием обнаружить в период революционного расплава неизменные, вневременные координаты. Ей определенно хотелось утвердиться в таких философских парадигмах, которые, вопреки нестабильности окружающего миропорядка, могли бы засвидетельствовать устойчивость оснований бытия. И если старшие коллеги принимали беспочвенность и безосновность за неизбежную данность или даже за исходный принцип мирозерцания, то для Векслер важно было различить за борьбой элементов, за конфликтом художественной формы и материала неизменную «эстетическую реальность».

⁴ А. Векслер. Цель творчества // Жизнь искусства. 1920. 18 мая. № 454. С. 3.

А. Л. Векслер неоднократно выступала с трибуны Вольной Философской Ассоциации с эпатажными докладами, бросалась в самое пекло полемических дискуссий. Однако за резкими, часто безапелляционными словами внезапно обнаруживался глубокий пессимизм: как, например, в реплике при обсуждении доклада О. Форш «Данте, Достоевский и Блок» о необходимости преодоления женского начала, поскольку якобы именно в нем заключается «проявление небытия»⁵. Декларативный объективизм (со своей оборотной стороной — запретом на субъективное) постепенно разрушал любые проявления собственного «я». Внутренним содержанием этого поистине «несчастливого сознания», постоянно выбиравшим между «всем» и «ничем», неизбежно становилось отчаяние. Неодолимая тяга ее мировоззрения к абсолютным началам не позволяла самосознанию разрядиться в смехе или же в рефлексии. Оттого и в характеристике Иванова-Разумника: «А. Л. Векслер — несчастная, не глупая, небесталанная, но безнадежно мертвая»⁶.

Она прошла вместе с Вольфилой практически весь путь длиной в четыре с половиной года. Долго созревавшее решение эмигрировать окончательно оформилось к моменту распада Ассоциации: в первых числах марта 1924 года, на юбилейном чествовании Иванова-Разумника в Детском Селе, Александра Векслер еще делилась в близком кругу «совольфильцев» своим намерением уехать в Берлин, а спустя два месяца (в те самые дни, когда в Петрограде

⁵ Очевидно, эта антифеминистская реплика несла в себе отражение глубоко внутренней, личной драмы: влюбленность А. Л. Векслер в А. З. Штейнберга не сопровождалась взаимностью, косвенным подтверждением чему является тот факт, что обстоятельные мемуары ученого секретаря Вольфины вообще не содержат упоминания ее фамилии.

⁶ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 265 (Письмо от 7 декабря 1923 г.).

стало известно о «неутверждении» ВФА), она уже была в Германии, волею судьбы попав в Гамбурге на похороны Л. Лунца⁷, с которым когда-то вместе пришла в Вольфилу. Позже она пыталась поддерживать эпистолярную связь с товарищами по Ассоциации, о чем Иванов-Разумник сообщал Андрею Белому 20 сентября 1925 года: «Получаю письма от Векслер — из Гамбурга и Берлина; тоже вспоминает о Вольфиле, как светлом луче жизни»⁸. Хотя эти документы и не дошли до нас, в архиве Д. М. Пинеса каким-то чудом сохранились два ее письма, отправленные в самом начале 1930-х годов из Берлина. В одном из них, написанном летом 1930 года⁹, содержится развернутый отклик на мемуарную книгу Андрея Белого:

«Дорогой Дмитрий Михайлович, сейчас я прочла “На рубеже двух веков” Белого, и мне захотелось сразу переключиться с Вами. Эта книга меня поразила. Какое неожиданно человеческое в ней, иногда, может быть, слишком человеческое, так поражает это подчеркивание эмпирического, это вскрытие обусловленности себя, желание жизни уместиться в причинности, именно в ней, в Белом. Так поражает эта человеческая генетическая биография этого нечеловеческого существа, которым он всегда казался, в этом есть что-то глубоко трогательное, значительное, в этом желании воплотиться, в этом разоблачении “Андрея Белого” (“Разорви свою фразу и пиши как сапожник”, отсюда же), в этом стремлении пережить себя в мире, в истории, в роде, выйти в общении с человеческим, раз-ложить себя, найти себе место, но тут же есть и опасность, слишком человеческого (какое-то самооправдание перед кем-то, какая-то полемика с кем-то, с М. А. Бекетовой?). Но во всяком случае эта книга неожи-

⁷ См.: Лев Лунц и «Серапионовы братья» / Публ. и комм. Г. Керна // Новый журнал. 1965. Кн. 83. С. 183.

⁸ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 329.

⁹ Дата на штемпеле получателя: Ленинград, 31 июля 1930 г.

данно совсем по новому освещает его, если бы ее написал кто-нибудь другой, м<ожет> б<ыть> в ней не было бы ничего особенного, но поразительно, что ее написал он. Вы наверное удивляетесь, что я Вам так давно не писала, вдруг пишу об этой уже не новой книге¹⁰, но мне она только сегодня попала в руки, и меня всегда волнует все, связанное с Белым.

Я Вам давно собиралась написать, но так трудно, так трудно, к тому же о себе не могу сказать ничего утешительного. — Я одинока и больна — то и другое очень»¹¹.

И в другом (недатированном) письме к Д. М. Пинесу лейтмотивом выступает бесконечное чувство одиночества: «О себе я к сожалению ничего хорошего сообщить не могу: пустынные раскаленные улицы вместо жизни и бензинное удушье вместо воздуха, так внешне, так и внутренне, держусь или стараюсь держаться всем доступным мне напряжением... впрочем, в последнее время я снова больше занимаюсь философией, одно время я совсем не могла, а тяжело, очень хочется заниматься, если бы можно было бы куда-нибудь уехать из этого пустынного города, чтобы заниматься где-нибудь в университете, я была бы очень рада. Моя статья о Розанове, о которой я Вам писала, переведена по-немецки, и я ее послала в журнал *Creatur*, если будет напечатана, я Вам ее пришлю. Пожалуйста, милый Дм<итрий> Мих<айлович>, если только возможно, напишите мне подробнее о себе и о всех, все напишите. Вы знаете, меня все интересует, и значительно мне помогает держаться то, что существуете вы все и память о прошлом»¹².

¹⁰ Воспоминания Андрея Белого «На рубеже двух столетий» вышли в свет в начале января 1930 г.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. № 113. Л. 2.

¹² РГАЛИ. Ф. 391. Оп. 1. № 113. Л. 3—3 об. Дальнейшая судьба А. Л. Векслер нам неизвестна; можно лишь добавить, что согласно информации, полученной от А. Ю. Галушкина, она скончалась в Израиле после 1965 г.

**Прения по докладу А. Л. Векслер
о романе Андрея Белого «Петербург»¹³**

Протокол на 6/V 1921 года

Разумник Васильевич. Не возражая самому построению доклада, недоумеваю, Липанченко <так!> ли буква ы или буква ы — Липанченко? (Запой ли приводит к горю или горе — к запою) — это, во-первых; во-вторых: полное отрицание некоторой исторической апелляции идей (Каренин живет не в Петербурге Андрея Белого, а в Петербурге Толстого.

Дмитрий Михайлович Пинес. Александра Лазаревна не оправдала своего намерения — говорить лишь о форме, отмахнуться от преемственности, и из доклада неясно — рассматривает ли Александра Лазаревна внешнюю форму или внутреннюю сторону романа.

Александра Лазаревна. Отвечу Разумнику Васильевичу, — «что раньше форма или материал?» — никакого раньше не может быть, всё слито, а Пинесу я скажу, что никакого метода, ни формального, ни неформального я не пропагандировала.

Неизвестный I. Кроме литературных причин, А. Белый что-то новое, и потому и метод разработки его может быть воспринят другим чем-то, быть может, другим органом, и Толстого нельзя примешивать к А. Белому. А. Белый точно за уши и совершенно законно выпячивает из нас то, что в нас есть в скрытом состоянии.

Разумник Васильевич. Если бы вы слышали, что А. Белый в чтении <...>¹⁴ и считает Толстого этим новым чело-

¹³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 44. Доклад А. Л. Векслер не сохранился. Очевидно, он был положен в основу статьи, о которой упоминается в недатированном письме к А.С. Долинину: «Посылаю Вам мою статью о «Петербурге», очень извиняюсь, что не сделала этого раньше — времени не было. Очень прошу Вас вернуть мне ее не позже вторника (6 декабря) на Фонтанку. А. Векслер» (РНБ. Ф. 1304. Оп. 1. №46).

¹⁴ Пробел в протоколе, означающий пропуск одного или нескольких слов.

веком, и Толстой есть лучший показатель того, что Пьер и является синим квадратом <?>. В истории все нераздельно, и когда про А. Белого говорить будут, будут говорить к<a>к про эпоху Гоголя, эпоху Достоевского; вы расходитесь в непреемственности, ищите корни глубже в человеке и в Толстом и в Достоевском.

Неизвестный I. Мне показалось, что к Петербургу А. Белого вы подходите так, как ко всем литературным произведениям, но к новому надо подходить по-новому.

Неизвестный II. Да ведь в Пушкине уже есть зачатки этих форм.

Неизвестный III. Я прочел Петербург А. Белого впервые только что; мое впечатление — утонченный анализ автора не дает примирения, не дает тезиса, и потому на меня производит трагическое впечатление.

А<лександра> Лазаревна. Я хочу освободиться от тенденциозности, я хочу стать к истории лицом к лицу.

Неизвестный II. Если вы становитесь лицом к лицу истории, то от эмпиризма вы не освободитесь.

А. Белый. Два слова о методе доклада. В самом методе заложена трудность. Вы блестяще, но психологически провели метод. Подобрал иные аналогии, вы подошли к другим результатам. Отогнав все, вы подошли к символизму. К содержанию романа у вас символическое отношение. Это все-таки, в сущности, психологизм. Когда Никол<ай> Аполлон<ович> замечает журавлей, летящих над Петербургом, ему вспоминается детство, некоторые образы проходят перед несчастьем — у еврея Бог проходит пред несчастьем; зерно запало, и тут прав Разумник Васильевич¹⁵ — кем это посеяно первичное зерно. В формальном методе многому можно научиться и у вас, и у Шкловского¹⁶, <но> ваш прием не может объяснить, где художест-

¹⁵ Помета на полях: «А. Белый начал так: “что мы ли” и после паузы “кем это...”».

венное произведение пересекается с творчеством автора; к<а>к начал быть, к<а>к автономный роман.

Петербург есть чудовищный момент, урод, все разрушено, и автор подставил рассказчика, которым все подмигивает. Автором голоса олицетворен хор и глаз, который всё глазит. Почему мне (автору) понадобилось подставное лицо, да если прицепиться, то всё зависит. Ваш доклад не доклад, а творчество. Если взять образ *in statu nascendi*, то получится то, что — «что» имеет мысль хорошо проанализированною. Если бы мы углубились в психологию языка, то проблемы лингвистов стали бы нам понятнее, где анализируются, где сравниваются первичные корни.

Если искать от «чего» началось творчество, то в каждом произведении есть ядро. Вундт называет звуковой метафору, и звук является звуко-смысл, и проблема звуковая членится в грамматике (в фонетике), а всё вышло из первичного раската, и у вас была попытка прощупать в романе, в статическом моменте, прощупать к<а>к прорастало «то», из которого всё пошло, но, если копнем глубже, то откуда же это <...>¹⁷

...потому что вставала идея трилогии; антитеза в «Сер<ебряном> Голубе» город, приводящий с механизации, к всекосвенции.

Громаднейшее «НЕТ» в Петербурге — это антитеза, все, что теза, лежит впереди в продолжении фабулы. Вообще, говоря положительно — в литературе в форме роман труднее, чем в негативе (очаровательный образ Наташи продолжается в утомившейся жизнью Анне Карениной, которая кончает свою жизнь).

Вообще, где литература перекрещивается с проблемой жизни, когда дела жизни есть жизненное дело? Проблемы в нашей жизни врезаются в реализм, и поэтому автор каменеет пред позитивом положительным.

¹⁶ Приписано сверху: «здесь А. Белый приводит из Анны Карениной, “мужичок как рак подковывает судьбу Анны Карениной”».

¹⁷ Пропуск одной или нескольких страниц.

«Эпопея» А. Белого¹⁸

(Опыт комментария)

I

Критик — исследователь художественного произведения должен быть комментатором, гидом по замкнутому, закрытому со всех сторон миру художественного произведения. Вот мысль, положенная в основу настоящей работы, мотивировать ее здесь не будем. Теоретические положения возникнут по дороге.

II

Вступаем в мир «Эпопеи» (т. I. — «Преступление Николая Летаева»)¹⁹. В нем ориентируясь, раньше всего должны мы нащупать границу. Граница «Эпопеи» рассказчик, или, вернее, повествовательный тон, стихия повествования сама. В «Эпопее» нет такого рассказчика, как в «Серебряном Голубе» и «Петербурге», нет рассказчика, речевые приемы которого тождественны с речью действующих лиц, подчеркивают границу мнимым снятием ее. Не похожи очертания ее и на очертания повести «Котик Летаев». Построение «Котика Летаева» не органично, переплетение сложных мотивов его стиснуто внешними рамками пролога и эпилога, где дана исповедь автора, стремительный и динамический тон ее, тон морального пафоса, не слит органически с закругленными линиями образов и каламбуров. «Эпопея» органична вполне; «Эпопсея» — повествовали по преимуществу, чистый эпос.

Повествовательно-лирический тон лежит в основе ее;

¹⁸ Печатается по изданию: Современная литература. С. 48–75.

¹⁹ См.: А. Белый. Преступление Николая Летаева («Эпопея» — Том первый). Крещеный китаец. Глава первая // Записки мечтателей. 1921. № 4. С. 21–165.

но, говоря о лирике, должны мы помнить, что это не лирика стихотворения, где «сюжет» тонет в стихии лиризма. Нет, в «Эпопее» события и лица не исчезают и не теряют определенности своего очертания в повествовательно-лирической стихии, стихии рассказа: она создает глубину, создает атмосферу мира. Этот лиризм — лиризм объективности. Волна его повышается в ударных местах, в местах, где подчеркиваются основные мотивы. Встречаются они большей частью в конце глав (иногда и в середине), они пронизаны ассонансами и большей частью рифмованы. Совершенно здесь ясно, что ассонансы и рифмы являются высшим моментом общего ритмического напряжения так же, как лиризм естественно рождается из напряжения эпоса.

Внешняя граница «Эпопеи» — повествование. Внутри, конечно, она оборачивается *временем*, время — внутренняя граница «Эпопеи». Так оно и должно быть, конечно: это основной принцип эпоса. Временные моменты организуются вневременным началом, принципом повествования, в единое целое на основе взаимопроникновения; а так как мы в искусстве, а не в познании, то движения нет, движение мнимое; время в искусстве — лишь аспект на время, сверхвременное и временное еще не раскрыты.

На ударных местах приковывается внимание к сверхвременному моменту во времени: почти все эти рифмованные места в конце каждой главы говорят нам о времени, как мы увидим.

Основной мотив «Эпопеи» — становление Я, осуществление индивидуальности не как данности, а как задания (под индивидуальностью здесь понимается не статическое замкнутое содержание, не пограничное понятие, но становящаяся цельность, синтез сознания и бессознательности на основе сознания, осуществление истинной конкретности). Поэтому такую роль в композиции «Эпопеи» играет время. Становящаяся цельность — душа времени. Становление индивидуальности порождает время и осуществляется только чрез время. «Эпопея» построена по типу кон-

центрической окружности: круги, приближаясь к центру, углубляют основной мотив до полного осуществления цельности в точке. Каждый круг дает нам другой аспект на одно — на движение. Впрочем, это все будет яснее дальше.

«Эпопея» разворачивается в двух плоскостях: жизнь и рост ребенка, сына московского профессора Летаева среди отца и матери, противоположных по своей натуре, ссорящихся из-за него в обстановке московского профессорского круга 90-х годов; вторая же плоскость — становление индивидуальности, о котором упоминалось выше. Вместе образуют они третью, не сложением, конечно, а синтезом. Здесь не лишнее вспомнить предисловие Белого к его второй драматической Симфонии, относя основное положение его не только к Симфонии, но и к «Эпопее», и ко всякому художественному произведению, т. к. оно, несомненно, выражает суть: каждое художественное произведение имеет три смысла — музыкальный, сатирический и объединяющий их — символический²⁰.

Начало сатирическое (то, что условно называют сюжетом) дает разъединенные, застывшие, отдельные моменты, неподвижные исторические маски; начало музыкальное (отчасти то, что называют идеей произведения или приемом, что в сущности то же самое) связывает их в перспективе и плане, дает углубление. Главная черта искусства в том, что они оба проникают друг друга вполне, ни один не побеждает другого. Начало музыкальное не первее сатирического, как это может показаться с первого взгляда (и как оно и есть в познании). Если бы это было так, искусство перестало бы быть искусством, идея побеждала бы воплощение. Искусство развоплотилось бы, стало бы познанием. Только полная взаимопроникнутость их вводит в мир искусства, в замкнутый в себе закрытый со всех сторон символ.

²⁰ См.: А. Белый. Симфонии / Вступ. статья, сост., подг. текста и примеч. А. В. Лаврова. — Л., 1991. С. 89.

Потебнианское учение, придающее образу познавательное значение²¹, вносящее динамику в мир искусства разрушает его неизбежно. Скажу мимоходом: совершенно бесцельно пресловутое различие формы и содержания в искусстве. Оно имеет смысл в познании, где приоритет формы обусловлен ее динамизмом, направленностью. В искусстве они застыли в взаимопроникающем друг друга неразвернутом единстве, которое и есть художественный образ, символ.

III

Но, может быть, образ и лежит в основе познания, может быть, он и есть истинная цельность? (Так полагает А. Белый, см. «Жезл Аарона»²² и «О смысле познания»²³). Белый отождествляет образ с Кантовской трансцендентальной схемой и находит, что схему надо было положить совсем не там, где она была положена, что она «первичная данность, в которой не может быть еще раздельно данных — понятия и предмета»: «Кантова критика есть лишь метод расщепления схемы, т. е. образа на раздельно положенный мир категорий и чувственных форм», говорит он нам далее²⁴. С этим мнением нельзя согласиться никак. Оно ведет к полнейшему смешению двух противоположных начал: познания и искусства. Схема ни в коем случае не образ: образ статичен, схема насквозь динамична. Схема самый неуловимый и самый нежный живой момент в движении катего-

²¹ Ср.: «Слово, взятое в целом, как совокупность внутренней формы и звука, есть прежде всего средство понимать говорящего, апперципировать содержание его мысли» (А. А. Потебня. Мысль и язык / А. А. Потебня. Слово и миф. — М., 1989. С. 123). См. также: А. Белый. Мысль и язык (Философия языка Потебни) // Логос. 1910. Кн. 2. С. 240—258.

²² А. Белый. Жезл Аарона (О слове в поэзии) // Скифы. Сб. 1. С. 155—212.

²³ А. Белый. О смысле познания. — Пб., 1922.

²⁴ См.: А. Белый. Жезл Аарона. С. 162.

рий. Существо категории в движении, реализующем логическую сферу, порождая внутри ее элемент алогический. В движении к порождению алогического в сфере логики стремление к снятию разницы между логическим и алогическим посредством раскрытия всей полноты сферы логической. Момент перехода, момент порождения алогического в сфере логики, момент перехода единства в множественность в сфере единства и есть схема. Схема положена именно там, где она должна быть положена, или, вернее, она не положена, а естественно возникает в живом динамизме познания, душа которого — становящаяся цельность; если бы в основе его лежал статический замкнутый образ, то тогда познание действительно расщеплялось бы на две отдельные половинки (как это представляет себе Белый). Они были бы тени, призраки, пена накипи, как действительно, накипи различные две половины в художественном образе. И мы через них проваливались бы в закрытый со всех сторон образ и только. Здесь основное различие природы познания и природы искусства.

«Свет экстаза, свет умный при неумении справиться с ним переходит в цветущую чувственно краску, стили тайных глубин перерождаются в сплошное барокко какое-то», говорит Белый в «Записках Чудака» (ч. 2-я)²⁵. Это самое происходит всегда с художником, в этом природа искусства. «Свет умный» вместо того, чтобы стать началом динамическим, взрывающим сознание, побеждающим плоть, снима-

²⁵ Ср.: «К весне закопошилось во мне мое тело; и самое чувство духовных блаженств перерождалось — в роскошества, которыми я упивался чрезмерно: все образы стали плотнее и чувственней; светочи, перемешавшись с мглой тела во мне изливались палитрою ярчайших и утонченнейших красок: орнаменты ритмов кокетливо завилились; стили тайных глубин перерождались в сплошное *барокко* какое-то: — по себе знаю я: свет экстаза, свет умный, при неумении справиться с ним переходит в цветущую чувственно краску...» (А. Белый. «Я». Эпопея // Записки Мечтателей. 1921. № 2—3. С. 33).

ющим покровы, началом преображения лица, очищающим и освобождающим, «оплотневает», закругляется в завитки образов, цветущих чувственной краской, отвердевает в неразличимости плоти и смысла, перерождаясь в образы-пузыри, вскакивающие над жилищей расплавленностью морально-познавательной жизни; чем «плотнее» (органичней, живее художественно) образы, тем они призрачней.

«История живописи есть история упадания души», говорит Белый там же³⁷⁷. Положение это надо расширить: история искусства вообще, история литературы и частности есть история упадания души. Вопрос об искусстве — вопрос трагический. Многим ли это понятно? Эту трагедию знали Толстой, Гоголь и Блок, ее знал и Андрей Белый, сказавший в третьей части³⁷⁸ «Зап. Чудака»: «разорви свою фразу, пиши, как сапожник». Этим жестом вступил он в ряды великим духом трагических художников, которые переросли искусство, но на этом он не удержался. «Эпопея» цветет всем очарованием и соблазном ярко разлившейся чувственной краски, завивается сложной закругленностью плотных завитков образов.

«Эпопея» одна из самых художественных живых и совершенных вещей русской литературы, едва ли не самая живая вещь А. Белого.

Но отвлеклись мы, вернемся к самой «Эпопее», границы ее мы нащупали.

Что мы находим внутри границ.

IV

Вот «папа» и «мама», основные персонажи «Эпопеи», как мы увидим — основные элементы ее композиции. Экспозиция их намечается в первой главе; действия еще нет, но

²⁶ См.: А. Белый. «Я». Эпопея // Записки Мечтателей. 1921. № 2—3. С. 34.

²⁷ Ошибочно; речь идет о первой части первого тома «Эпопеи «Я»» — «Возвращение на родину».

уже намечаются отношения, корень будущего действия: папа живет «способами», он «все ходит, бывало, за мамой и все собирается дать рациональный совет, убедить ее в способах, истекающих из точки зрения папы»; «способы предлагались им всегда и на все»; «он все пытается выграничить способы жизни в окружить нас гранями», — говорит нам о папе автор. Он весь «умственность», интеллектуальность; существо его мысль; направленность — организующее начало, направленное на что-то, что должно быть организовано (на жизнь, на «маму») для того, чтобы ее преобразить; кабинет его пробует распространяться на всю квартиру. «Книжный протянутый ряд, многотомный, коленчатый, длинный, как щупальцы, пробовал, дверь отворивши, пролиться томами повсюду, завиться вокруг всего прочего; часто казалось, что папа, как спрут, от себя разбросал многоноги из книжных рядов и нас ловит, цепляясь за руку, за ногу, объемистым томиком, силясь все сделать книжным». Папа проповедует меру и гармонию, он проповедует «рациональную ясность французских мыслителей». Но, узнаем мы дальше, «ясность французских мыслителей, верно, таила туманы». «Папины способы к жизни были неприложимы, не удавались они, мамой они отправлялись на помойку». «Способы жить разрушались: способ за способом; он не препятствовал; сам же терял эти способы; жил он способностью выдумать способы»; «безмерно выдумывал меры и способы».

Направленность мысли в «папе» теряет свою остроту, проваливается в потенциальность, «способы» становятся неосуществленной способностью. Движение книг на квартиру не удалось, «несчастливая книжная полка влетела стремительно в кабинетик обратно», выбросила ее мама. «Папа замкнулся в себе, ограничил себя гранями», формальными гранями, «в им самим ограниченном мире зажил он», от жизни он изолирован; «в жизни казался он иногда ограниченным», узнаем мы из текста (не только казался, конечно, но отчасти и был).

Он застыл в созерцании форм, в созерцании математических абстракций; «в политике был он противник самостоятельной жизни окраин», узнаем мы далее; он созерцал принцип застывшей абстракции — форму: «казалось, давление томиков разорвет кабинет», говорит нам автор; — кабинет замкнут в себе, движения нет, но «кабинет все держался». Один способ удавался папе: «когда портились трубы, папа ходил проливать темно-красную жидкость и прекращать недостойные запахи: — способ такой удавался; и черные палочки, кажется, марганцово-кислого кали стояли на полочке среди томов математики: — да, разводил он слова, точно черные палочки марганцово-кислого кали, уничтожая мгновенно дурной запах слов благородной тенденции — папа наш был альтруист в высшем смысле». Несмотря на то, что папа застыл на «точке зрения», несмотря на то, что он статичен, что он весь созерцание формы, в нем есть и «благородные тенденции» — возможность движения; но она не актуализирована еще, и папа статичен.

Видели мы — завился здесь образ: уничтожение папой дурных запахов марганцевым кали и уничтожение им запаха слов «благородной тенденции»; вместе они дают третье, новое целое — эстетическую единицу, но образ этот не вполне оплотневший, не вполне обе плоскости взаимопроникнуты; этих завитков в «Эпопее» много и гирлянды их сложны, как мы увидим; в них отразился основной закон композиции. Папа статичен и дан он всегда статически, всегда он стоит или сидит в странно застывшей позе: «помню, бывало, стоит он таким голованом, засунувши руки в жесткую бороду — пальцами, и приподнявши на лоб жестяные очки, наклонив на бок лоб со свирепую, лоб прорезавшей складкою, точно решаясь на страшное дело; рукою барабанит по двери; и — туловище перевернулося животом как-то наискось от плечей; ноги тоже поставлены косо; такой он тяжелый и грузный от этого перемещения осей; — он стоит; — тарарахая пальцами в дверь, свирепеет». Он не просто сидит или стоит, не случайно дан он всюду именно так; в со-

зерцании он, созерцает одно: «тихо сидит, в большой нежности, — так ни с того ни с сего; улыбается ясно, тишайше себе и всему, что ни есть, напоминая китайского мудреца». Мотив этого папы, сидящего в нежности, встречается почти в каждом круге, он подчеркивает потенциальную силу этого элемента, долженствующего проявиться в действии.

Что же второй элемент, что же «мама»? Папа и мама по своей природе противоположны. Мама вне мысли, вне зла и добра. «Добро или зло — только пена пучины того, своего, что есть в каждом; свое раскричалось в маме фантазией пальм и болтливым бабьем баобабов, в котором открылся фонтан разноцветных колибри, топтались слоны и воняли гиены; зоологический сад, а не мамочка, Индия а не профессорский круг 90-х годов». «Хлынет из прошлого в душу ее переливчатый образ», говорит автор далее. Мама вся в переливах, она как будто в движениях все время, настроения ее все меняются, но движения в ней нет, в ней нет направления, нет закона, нет сознания; как волны переливается ее настроение, куда — неизвестно. Она вся, как море (образ моря появляется при ее игре на рояле), в ней иррациональная музыка жизни, стихия музыки, но не в Блоковском смысле (и не так, как выше говорилось о музыкальном смысле): дух музыки в Блоковском смысле — дух по преимуществу, *смысл*, и когда говорилось о музыкальном смысле художественного произведения, имелся в виду *строй*. В ней же — стихия музыки, как понимал ее Толстой в Крейцеровой Сонате: безначальная, страшная, соблазнительная стихия, которая должна быть оправдана, ждет оправдания и раскрытия смысла. «Это яд, это сладостный яд Возрождения, где выступают поступком, взирают решением, любят и губят без правила, в звуках, совсем неморальная жизнь — музыкальная», говорит о ней автор. Когда она играет на рояле (а за роялем она изображена почти всегда), «события жизни тонут в безбытии звуков».

Мама жизнь погружает в безначальную застывшую стихию. Папа и мама разделены, между ними движения

нет: «папа глухим носорогом врывается в негранную музыку жизни», а книжная полка его отброшена мамой обратно.

Нужно третье начало, которое актуализировало бы папу и, преобразив папой маму, оправдало бы ее, соединив их в цельности. Соединение возможно только через резкое разделение, которое осуществляется в актуализации папы. Движение к разделению есть движение к снятию разделения. Такой третий элемент необходим, иначе не было бы ни начала, ни развертывания повести, ни конца; и этот третий элемент есть: есть у них сын, Котик, он начало движения, начало связи. Котик «развивается»: он сын папы, недаром папу он выражает. Мама, конечно, запрещает «развитие». Движение Котика — движение «Эпопеи». Он начало задания, он должен стать «Я», не провалиться в потенциальную способность, не застыть на «точке зрения» папы и не потонуть в «переливах» мамы. Благодаря ему «Эпопея» не ряд отрывков, но целая повесть; благодаря ему, возможны основные лейтмотивы, скрепы «Эпопеи», выраженные рифмованными фразами, так как благодаря ему возможна единая общая атмосфера мира «Эпопеи»; благодаря ему, возможно время, разные разрезы времени в разных кругах. Котик осуществляет потенциальное начало разума (папа) через распад его на направленность разума и иррациональную стихию (мама); как мы говорили, движение к распаду есть движение к снятию распада, иррациональная стихия просветляется разумом. Это становящееся просветление стихии через разум — роль Котика — и есть осуществление времени: просветлением темного, безначального и раскрытием разумности его создаются моменты конкретности, моменты временные. «Я», индивидуальность и есть эта раскрывающаяся цельность сознательного и бессознательного на основе сознания. Котик развивается (актуализируя папу) и тем преображает стихию (оправдывая маму); этим создается строй дней и событий.

V

Лейтмотив третьей главы один из скрепляющих моментов «Эпопеи». Это и выражает: «понимание — девочка в беленьком платьице — пляшет; и темные няни приходят бормочущим роем: ужасно невнятно, но страшно занятно!» В этой главе впервые основной мотив углубляется, и очертания его становятся четки. Глава эта называется «Эдакое, — такое, — свое». Котик стремится в ней понять иррациональное, темное «свое», что есть в каждом: — у папы есть что-то такое «свое» (свое папы хаос, дующий из пустой формы), у мамы есть «свое», у каменных грифонов, стоящих на подъезде, есть «свое». «Меня поражало “свое” выражение грифонов, кровавый какой-то оскал желтых львов. Это снова “свое” и при этом “свое” столь ужасное»...

«Свое», как замкнутое содержание не раскрытое, не просветленное, не осмысленное — ужасно: хаос воет из него, и чем оно определенной и сильнее выражено, тем ужасней: «все гриффонится, гримассирует, львовится, все подвывает, все окна чернеют, садятся под окно, и ночь чернорога уставилась в окна: а в окнах безглазое». Ужас иррационального воет из невнятицы «своего», но сливается с ночью, оно «львовится», «гриффонится» (нельзя построить предложение существительным и глаголом — какое определение может выразить «невнятицу»? — и существительное должно растопиться в глагол); не может его осмыслить еще в этом периоде Котик, он может только указать; «эдакое — какое-то — свое», или просто указать на папу: «папочка». Здесь кроется в зародыше суждение, но оно не раскрыто еще.

Так видим мы, уже две половины вошли в взаимодействие — в Котике; резко они распались, соединение предчувствуется, оно еще впереди но падают тени от них; вокруг главного мотива завиваются второстепенные, соединенные с ним общим узором, появляется новое лицо, Генриетта Мартыновна — бонна-немка. Она вся теневая, тень, призрак; настолько тень она, что является тенью противополо-

ложных начал: тень мамы она и тень папы, она вся «белая, бледнобелозвечая, бледногубая, бескровные, бледные десна»; «помню, она все белела, кругом же бледнело, и бледно-серело и серо-темнело в углах», когда она сидела перед маминым зеркалом. Так же замкнута она в себе, собою живет только и любит себя собою, как мама, но мама «цветет самодушием», говорит нам автор, Генриетта Мартыновна же полна «бледнодушия». И тень папы она: она все понимает; «она понимала — все, все: “Понимаете?” — “Ja” — “Понимаете?” — “Ja, o gewis — sekbstverständlich”», и далее: «це на аш два, фи-би-ку, корень энный из “i” минус, плюс: дельта “а”, дельта “б”, дельта “ц”, дельта “де”... Понимаете?»

— Ja, o gewis!

— Повторите!

— Плюсь, миньюсь... Ja, ja und so weiter!

Папа живет абстракциями математики, содержание для него не существует. Генриетта Мартыновна тень, обезьяна, она видит только знаки и думает, что ими покрывается все содержание: «удивительно, знаете ли, ограниченная натура», говорит о ней папа. Генриетта Мартыновна тень настолько, что мысль и жизнь разъединены в ней совсем и стали два бледные призрака, «Свое» в ней — Цет, алгебраический знак, которым она не объясняет содержание, а накладывает просто: «я знаю уже: она — вымутьень зеркала; пальчиком тронешь — ошупаешь только стекло; за стеклом же увидишь херр Цетта или Германа; знаю: она — не она: это Цетт, о котором с подругой они говорят на бульваре, когда мы гуляем; они называют херр Германа — Цеттом, и Цетт этот прочно засел у нее в голове»... Она распадается на Цетта и тень.

В этой главе распускаются пышные завитки каламбуров и образов; много их и во всей «Эпопее», но в этой главе вокруг основного мотива завивается их особенно много. Разбор всех или даже хоть части завел бы нас слишком далеко, да этого делать бы и не стоило, так как они построены по одинаковому принципу. Выберем самые из них характер-

ные: о либеральном профессоре Антоновиче, о котором папа говорит, что он совращает молодежь и со своей *шайкой* погубит Россию: «да, несомненно, тут эдакое — такое — свое, потому что старик Антонович — профессор, как папа: из Киева; это — обман, это — «цетт», или — маска: под ней Антонович, как кажется, — душемутительный каверзник, банный плескун, даже шайник, а это скверней, чем разбойник; тот просто, присев при дороге, кидается острым ножом, передзыганным прежде точильщиком, прямо ныряет в живот, и — уходит, кряхтя, с очень толстым мешком на спине, — залегать в лопушиннике; этот, отъявленный каверзник, скромно наделив профессорский форменный фрак, вылезает из бани — сплошным «Антоновичем», то есть таким, кто приходит в парами пыхтящую баню, повесивши форменный фрак, обнаруживать ужасы голых мужчин; и, весь мыльный, и пахнувший плесенью, бросит туда, в свою шайку, племянника папы, которого только что выкрал он, — пустит туда кипятку из-под банного крана; племянник, еще неустойчивый молодой человек, растворится, как мыло»...

Здесь, как мы видим, сначала проявляется основной мотив: Цетт, застывшая маска и хаотическое «свое» распались на две половины, в ожидании синтеза; но синтеза нет. Мысль закругляется в безвыходный круг каламбура — «шайка». Каламбур — тень образа, поэтому част он так у символистов, особенно у Белого; принцип каламбура обратен принципу образа; принцип каламбура: на основе внутреннего несовпадения двух семантических плоскостей, внешнее совпадение в одном семантическом знаке, который приобретает значение эстетической единицы. Эффект каламбура — эффект несовпадения, подчеркиваемый совпадением. Принцип образа: на основе внешнего несовпадения плоскостей — внутреннее их взаимопроникновение в одной эстетической единице. Эффект образа — эффект совпадения, подчеркиваемый внешним несовпадением.

В этой главе, где основной мотив показан в разрезе распада — особенно цветет каламбур; но и в этом разрезе основного мотива уже предчувствуется цельность, недаром лейтмотив этой главы — «понимание — девочка в белом платьице пляшет, и темные няни приходят бормочущим: роем: ужасно невнятно, но страшно занятно!»

«Я помню события, года и строй мерных месяцев — именно с этого времени», говорит вам автор в той же главе. Пляска «девочки-понимания» разделяет сюжет «Эпопеи» на отдельные фигуры, объединенные ритмом одной пляски, и из темного роя рождает строй мерных месяцев.

Впервые в этой главе появляется в рифмованных фразах мотив времени: «вращается веретень дней, тень теней». Этот аспект времени дан в начале главы, он одно из скрепляющих мест «Эпопеи»; встречается он в дальних кругах, в средних и совсем близко от центра. Это переживание времени исключительно психологическое; начало разума еще почти не выявлено, это аспект времени изнутри временного процесса. Дни кажутся тенями теней — в сознании психологическом все разлагается, — вращение их кажется бессмысленным, но все-таки уже рождается мысль о движении, уже понятно, что есть дни, отдельные дни, они не вполне сливаются в «веретень». Так и инструментована эта фраза: — прозрачный, воздушный теневой звук преобладает здесь, но застывают тени все-таки в Т; Т — застывшие тени, еще несуществующее, не проявленное; является в одном месте здесь Д — день. «Д — ставшее становление, оно всякая форма (предметов, растений и мысли)», — говорит нам Белый в Глоссолалии²⁸. Так воздушное Н показывает пролетание призрачности, Т — ее сгустившаяся тень, а Д — четкие очертания ее, в виде пустой формы. Правда, встречается здесь еще В и Р; В здесь важно, В — звук воющего хаоса, дующего чрез пустую

²⁸ См.: А. Белый. Глоссолалия. Поэма о звуке. — Берлин, 1922. С. 111.

форму и заводящего тени; Р — присутствует здесь только намеком, оно не подпадает под ударение, но все же намек есть; Р — звук разрыва, звук сознания, звук взрывающего разума — это звук «папы». Появляется он, как отдаленные раскаты, еще до этой главы, где папа актуализируется в Котике, появляется он, выговариваемый не папой, а о папе: мама, ворча на папу, называет его «некоторые, которые — грубьяны, архаровцы, русопяты». В этой же главе, где время становится, папа проявляет себя сам; он, ссорясь с мамой, бежит и «рукою, зажатой в крепкий кулак, на крутых поворотах — раз, раз, раз, ударяет очень быстро по воздуху». Несмотря на то, что в предыдущей фразе о времени, оно показано только в аспекте психологического сознания, в аспекте разложения, мы знаем, что движение основного мотива уже углубилось: есть Р — звук разрыва, звук актуализированного «папы», разделяющий для соединения; есть время в более глубоком аспекте. Разрез теневой, психологический не должен нас смущать, он всегда на поверхности всех разрезов. В этой же главе, мы находим другой, более глубокий аспект времени: «уже побежал ветрогон, по дороге времен; само время, испуганный заяц, бежало, прижав свои уши». Здесь Р — усилилось: уже два раза Р попадает под ударение и раз оно не ударное. Вместо теневых воздушных Н появилось М; М — это «мама»; кстати, она местами инструментована на М, большею частью в соединении с Р (в описании ее за роялем мы находим: «море морочит, моргая диезами»). «М — мистический, кровный, плотяный, но жидкий звук жизни во влаге: в нем тайна животности», читаем мы в Глоссолалии³⁸⁰. М — непросветленная стихия, таящая в себе возможность духовности (недаром «мама» инструментована на М и Р; предчувствуется тут соединение). Но его еще нет: не Р и М, а М и Р — М побеждает еще.

²⁹ А. Белый. Глоссолалия. Поэма о звуке. С. 83.

Становящийся синтез времени дан о звуках самого слова «время», который впервые появляется в этой главе, в рифмованной лейт-фразе; об этом в Глоссолалии: звук ВР — разрыв хаоса разумом, рождение сына, актуализирующего отца, и звук МЯ — оправдание матери. В разбираемой фразе есть еще расплавленность Ж, которое показывает здесь как бы температуру кипения; есть и намек на воздушное Н. Становление смысла здесь предчувствуется, но ударение еще на расплавленности, и не случаен образ отчаянного, испуганного бездорожного бега зайца, и ветром пронизана вся эта глава.

«В хлопнувших, лопнувших громко железных листах закаталась погромная крыша под ветром — над нами, и хриплою психую ветер поднялся в трубе». Здесь опять каламбур с проекцией в углубленность образа: психа — собака (воюющая здесь) и психея — душа, безначальная, темная стихия в данном случае. Это среднее между каламбуром и образом, здесь больше внутренней спаянности, чем в каламбуре. Здесь впервые появляется Малиновская. «В хмурый октябрь перебили нам кресла в оливковый цвет; да, и в хмурый октябрь появилась у нас Малиновская, — зеленоногая, зеленолобая, серый одер в черно-серой косыночке». Она появилась во время распада, она — сплетница: «Так и все — у нее прибавлялось ко всякому слову, такое уж свойство заметил я в ней: появляться туда, где свершался процесс разобщения чего бы то ни было, все сообщения ее приводили всегда к разобщению», узнаем мы от автора. Это «так и все» очень характерно, оно незаконное обобщение, накладывание отвлеченной формы на живой материал; сплетня всегда отвлечена и формальна, в этом вся ее безнравственность и в этом же все ее удовольствие. Недаром Малиновская вся зеленая: «зеленый цвет — цвет разобщения». «В зеленой гостиной появилась она, в красной ее не помню», — говорит автор. Зеленый цвет появился впервые в описании кабинетика папы: «вижу его в мягкой градации серо-зеленых, серых и шоколадных тонов»; зеленый цвет часто встречается там, — вернее — зеле-

новатый. И видим мы потенциально разделяющую силу рассудка: в момент разобщения появилась Малиновская, в момент разобщения, идущего к синтезу; она же — дурная тень разобщения, абстракция рассудка; у нее два платья: дома она ходит в бледно-сером — цвет психологии, дурной бесконечности, в гости она откровенно ходит в зеленом. Когда она уходит, «мама после рыдает, а провисень штор зеленеет у нас, разлагая свет дня; зеленеет и мы безутешно».

VI

В четвертой главе завивается новый узор: бабушка, тетечка, дядюшка. «Знаю бабусину бытопись!» первая фраза этой главы, она очень характерна. У бабушки нет разделения на годы, стройности лет; ее года ничем не отличаются друг от друга: у нее только быт, бесформенность быта, вместо летописи — бытопись. Характерно построение неологизма: это, как увидим мы дальше, принцип большинства неологизмов «Эпопеи»: — привычная форма, конкретизируясь, становится самостоятельной эстетической единицей. Неологизмов разного рода очень много в «Эпопее», особенно много в этой главе. Вся глава инструментована на К и КР, особенно ясно это в описании дяди Васи, который является композиционным центром ее. Кстати — необходимо сделать примечание о значении инструментовки. В области соответствия звука и смысла, настоящая работа почти всецело ориентируется на Глоссолалию Андрея Белого, совершенно не разделяя его взгляда на значение звуко-смысла; в настоящей работе ни в коем случае соответствию звука и смысла не приписывается никакого познавательного значения, не приписывается даже общего эстетического значения³⁰. Данное соответствие звука

³⁰ Ср.: «...образ мысли, понятие, суть зависимые переменные слова; независимая, непременная величина его звук...» (А. Белый. Глос-

и смысла рассматривается здесь только как композиционный элемент «Эпопеи». Принцип же звуко-смысла — типичный принцип эстетической единицы, образа.

К и ЕР, на которых инструментирована четвертая глава — звук удушья, звук попытки разрыва, попытки мнимой, неудачной, звук напряжения психологического, усилия только душевного, звук кашля. И, действительно, мы видим, дядя Вася — клекнувший и керкающий керкун», неудачник, — он весь психологическое напряжение только, две половины жизни его тоже в разрыве и так застыли навеки, клекнут: «дяди Васина драная жизнь пополам», — говорит автор; дядя Вася все повторяет слова папы: «полезная вещь ремесло». Мысль его не организуется; «свое» у него — другая половина жизни: «я вам говорю, Василий Егорыч, — говорит папа, — вы, прямо бы, скажу вам, оставили бы это». «И открывается этим другая половина разорванной дядиной жизни», — говорит нам автор. Другая половина дяди — невнятица, пьянство. Первой половины собственно нет — она психологическое бесплодное усилие, проявление дяди: «крик, керканье, брекаты: он клекнет».

Тетя Дотя сестра его и младшая сестра мамы — недаром. Мама цветет самодушием, тетя Дотя — в самодушии молча таит непросветности. В самодушии открывается пустодушие и пустоличие. На столе она ставит свой портрет, она «белеет, бледнеет и бледно сереет и серо замглет, — пеплит». В тете Доте безначальная стихия мамы выродилась в дурную бесконечность, в мнимость и серость разложения.

солалия. Поэма о звуке. С. 29); «Мы приходим к признанию смысла понятия в круге, которого целостность — образ (идея)... Звук — круг кругов: можно в образах мыслить отчетливо, если найти звук единый, связующий их <...>. Звук безобразен, беспонятен, но — осмыслен; если б он развил смысл безотносительно к данным смыслам понятий, — за листопадом словес мы могли б, проницая словесность, до дна проницать и себя: свою скрытую суть мы могли бы увидеть; и звукословие — опыт; восстановлено мироздание в нем» (Там же. С. 31).

Тень мамы она: — «говорит исключительно тетя о маме, словами, принадлежащими маме и обращенными к маме, передавая скучающей маме пережитое мамою — маме: а у тебя платье крем», и т. д.; «был поросенок у вас за столом» и т. д. Маму ждет оправдание, и она будет оправдана. Тетя Дотя же просто тень, отбрасываемая мамой. С Генриеттой Мартыновной она общей природы, связаны они и сюжетом, вместе говорят о маме. Бабушка, мать их, тоже инструментована на К: перкает словом: — «морква-то!», жует всякоденщину, «никнет в марком кресле». Она фон этого керкающего, перкающего мира. Конечно, она — мрак сплошной и дана все время в мраке: «выступит из мрака, выведет злое лицо из ничто и потом оно скроется», — говорит нам автор; «безысходной злобой смотрит из мрака, вот бабушка», — говорит он в другом месте. Этот мир, мир отбрасываемых в жизни теней, сияющих быть безуспешно.

Узор в этой главе разбивается на самые мелкие завитки и ударения здесь именно на них, — это словообразы, слова, замкнутые в самостоятельные эстетические единицы, неологизмы и слова старые, малоупотребительные, оживленные новым применением. Это вопрос исследования в «Эпопее» эстетических единиц слов слишком сложен и обширен, требует самостоятельного исследования; только мимоходом его здесь можем коснуться. На нескольких самых характерных группах все же остановимся.

Группа первая: к ней относятся масса звукоподражательных слов, неологизмов: «бухнувшим дудом, бебанит бабоном, бабунит пумпяном» и т. д. Таких слов в «Эпопее» масса, взята здесь самая характерная фраза. Это типичные звукообразы. Сторона фонетическая и семантическая проникают друг в друга и дают третье, но эти слова эстетически недостаточно выразительны и не замкнуты каждое в себе, семантическая сторона к ним слабо развита, выражается она простейшими ассоциациями, поэтому они еще образы — не вполне; употребляются они большею частью группами для усиления впечатления. Может быть, они

просто разновидность инструментовки; гораздо закругленней и органичней слова вроде: бабакать, клеклый, кракать, шевалдить и шептуширить, построенные по тому же принципу, достигшему в них большего развития.

Группа вторая: не неологизмы, но слова мало известные, мало употребительные, часто областные, странно звучащие в литературном языке. Эта группа примыкает по принципу к первой. Эти слова, как это видно из контекста, встречаются не в таком значении, как у Даля, а в новом, обусловленном ударением на фонетической стороне и переплетенностью фонетической стороны с семантической, дающим новое третье, — замкнутую эстетическую единицу. Их очень много: «вирухать» (по Далю: говорить вздор) в контексте относится к снегу, падающему с крыши; «варакать» (по Далю: шалить) в контексте относится к диванной пружине; дуботолк, дуботолить (существительное растоплено в глагол, по Далю: болван, дурак) в контексте явное ударение на фонетической стороне должно давать впечатление тяжести, ударности (говорится о папе). Далевские слова: клекнуть (вянуть), керкать (кашлять), долдонить (пустословить), бобыня (надменный человек) и т. д. в тексте приобретают, благодаря ударению на фонетической стороне, совсем новое, более сложное эстетическое значение.

Так завиваются завитки словообразов, выпавших из мира мысли и образовавших мир узора. Есть в «Эпопее» и вторая категория словообразов, построенная иначе, по другой линии, не фонетической, но принцип, в сущности, все тот же. Сюда относится субстантивирование, определение определяемого, путем соединения их в образе-мифе: нагбелошея, чернорук, черномордик — два последних далее реализуются даже.

Такие образы, — черномордик, например, — не спрессованные суждения, но самые типичные замкнутые эстетические единицы: ни черный, ни морда отдельно, ни связь их в определении не скажут нам ничего о черномордике;

только полное взаимопроникновение в третьей, где теряют они значение, дает замкнутый мир «черномордика» — миф. Эти образы построены по принципу метафоры, но и в разрезе метонимии можно их понять: черномордик, например, выражает акциденцию какой-то субстанции, но акциденция настолько взаимопроникнута субстанцией, что они теряют свое взаимное значение и вводят нас в замкнутый образ, в неразличимость субстанции и акциденции. Черномордик не только черная морда, но является образом и может быть реализован, потому что черную морду проникает какая-то субстанция: метонимический характер этих образов особенно ясен из реализации их (где черномордик и чернорук выходят из мрака, из шествия злых чернычей, выражая мрак и выражаясь через него).

Сходный принцип лежит в основе неологизмов, построенных на субстантивировании глагола, например: сеянец, висенец, словоем, словодар и т. д.

Здесь тоже природа метонимическая, хотя не так резко выражена, и есть зерно мифа. Нужно еще вспомнить об одном приеме — оживления образности в словах, потерявших для нас мифическое, так как вторая половина их (воплощение) отпала. Миф расплавлен мыслью: напр., «ветрогон». Для нас мифичность его уже разрушена, мы понимаем его только отвлеченно — ветрогон для нас легкомысленный человек. В «Эпопее», как это видно из контекста (хотя бы: «побежал ветрогон по дороге времен») и тем, что рядом с ним поставлен «людогон», ему возвращена его вторая плоскость: из сочетания обеих получается снова закруженный завиток-миф — «ветрогон».

Еще остается отметить построение многочисленных неологизмов по точной копии старых форм, или, вернее, оживление старых форм, напр.: бытопись (летопись) самодушие, бледнодушие, пустодушие (равнодушие) и т. д. Здесь эстетическая единица образуется переплетением привычной формы и нового значения, создавая впечатление конкретизации.

Так видим мы, завитки словообразов, сплетаясь по двум линиям, образуют одну гирлянду, так как узор рисунка один.

Недаром, именно в главе «Бабушка, тетя и дядичка» так много сильно очерченных и замкнутых словообразов. Узор здесь разбился на самые мелкие единицы. В этом «клекнушем» и «керкающем» мире все распадается еще более; в этой главе дан апогей распада, но все же основной мотив получает и в ней углубление. Лейт-фраза «понимание — девочка в беленьком платьице пляшет, а темные няни приходят бормочущим роем; ужасно невнятно, но страшно занято», — говорится это в связи с дядей Васей. В дяде Васе основной мотив дан в более четких очертаниях, чем в остальных лицах этого мира, закругляется он опять в каламбуры: например — дядя Вася обивает пороги Казенной Палаты — «а чем? если войлоком — просто, а камнем — не просто», и т. д. Но все же основной мотив получает здесь новое углубление через новый разрез времени: «ах, временно время, — но бременно бремя, бормочет отданными днями, и раздается нам — в уши, нам — в души». Здесь все усиливается потенциальная духовность, все актуализируется, и в постоянном соответствии с М все сильнее намечается будущий синтез, и, что особенно важно, хаотическое, ветровое В уплотняется в Б; кроме ВР — первоначального рождения времени, борьбы с хаосом, появляется БР, бремя-плод, определенное задание; уже намечается осуществление его; БР — воплощающееся задание, и рождение живых, временных моментов на основе задания; время делается бременным: конкретность, цельность все ближе к осуществлению — основной мотив все углубляется, но все-таки еще остается ощущение временности времени; ветер проходящего безначального еще чувствуется сильно. «Все изменяется в ветре и в времени», — говорит нам автор в одной из глав этого круга, и все-таки «бормочет в ушах и в душах» смутный шум проходящего через воздушное Н: «отданными днями»; и выявляется соответствующее ему формально застывшее Д.

VII

Следующий круг — главы: «Рулады и мамочка» основной мотив углубляется все более. Папа с мамой все больше расходятся, ссорятся из-за Котика, так как папа развивает Котика, а мама препятствует. Звук разрыва, звук актуализации папы все усиливается; опять он бежит и «раз, раз, раз, ударяет по воздуху». Распад все продолжается, фон начинает окрашиваться в желто-оранжевый цвет расплавленности, «желто-оранжевой злобой глядели обои»; «все оранжево здесь»; «на оранжевом фоне кирпичные линии, четко проходят квадраты» и т. д., узнаем мы из описаний. Вместе с тем зеленый цвет — цвет распада — появился опять: у мамы позеленела бирюза. Благодаря распаду на основе будущего соединения, элементы выявляют ярко свою природу, и вот мама превратилась в лиловую стихию, страшные фиолетовые миры просквозили в ней, раскрывается в ней весь ужас безначальной стихии музыки — стихии искусства. Здесь надо вспомнить Блока «О символизме»: лиловые миры, мировой сумрак, страшная безначальная стихия-искусство, из него вышла Незнакомка: «красавица кукла, земное чудо»; она появилась тогда, когда жизнь потонула в безначальной стихии искусства³¹.

«Время темнеет, и нот фиолетовой флейтой вьется триоль», — говорит нам автор, описывая сидящую у рояля ма-

³¹ Подразумевается речь А. Блока «О современном состоянии русского символизма», прочитанная в Обществе ревнителей художественного слова 8 апреля 1910 г. Ср.: «Золотой меч погас, лиловые миры хлынули мне в сердце. Океан — мое сердце, все в нем равно волшебю: я не различаю жизни, сна и смерти, этого мира и иных миров (мгновенье, остановись!). Иначе говоря, я уже сделал собственную жизнь искусством (тенденция, проходящая очень ярко через все европейское *декадентство*). Жизнь стала искусством, я произвел заклинания, и передо мною возникло наконец то, что я (лично) называю “Незнакомкой”: красавица кукла, синий призрак, земное чудо» (А. Блок. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. — М.; Л., 1962. С. 427–428).

му, но она будет оправдана. Котик развивается и преобразует ее. Когда он слушает музыку, погружаясь в ее соблазнительную стихию, где «охватит пространство, пространство безбытий», он не тонет в ней, но взрывающим началом разума преобразует ее: «где густела лиловая ночь, выпрозрачнилось утро; расстрелами ясности резалась ярко материя ночи; прошла неизвестность, синеет окрестность, чтобы стать голубою, дневною волною».

Так Р (им инструментарован этот отрывок) разрывает «лиловую ночь» и озаряет ее лазурным дневным светом. Еще сильнее углублен основной здесь мотив. Котик развивается, но он помнит: «все яркое, чем я живу, это мама во мне». Как мы видим, цельность уже близка, и еще определенной в этом круге видим мы: Котик начинает «себя узнавать уже папою мамы и папы», говорит нам автор. Он не только не потонул в стихии музыки, но не застыл на папиной «точке зрения», он понимает, что «вещие вещи понять это значит: отставить границы между ними и мною», говорит он далее. Актуализируя папу, он понимает папу и маму, папиным светом их озаряет в себе; вещи для него стали «вещими», они вещают ему о себе, так как он закрывает разумность темной стихии, и начинают вещать вещи, но сознает себя он — преступником: «ухожу в немоту, преступаю черту, и преступность моя — откровение истины». Самосознание, самозарождение разума — преступно: оно преступает черту, оно начало взрывающее, оно разрушает разумную цельность, оно изгнание из рая (рая эстетического, настоящий рай впереди). Преступивший черту должен взять на себя и ответственность за мир. Он виноват во всем. Этот мотив далее еще углубится.

Так, видим мы, синтез в этом круге уже близок. Приближаемся мы к центру, но все-таки до центра еще не дошли, и в разрыве все еще заводятся и косматятся тени. Тень — борода пустоты: «бывало, хожу среди теней, и в воздушно повиснет косматость теней; заведутся везде бороданники; я пробираюсь меж них, но сквозь них натыкаюсь на ужас,

а ужас хохочет, обнять меня хочет». Здесь появляется и черномордик, он выходит из шествия «злых черничей, которым нет ни конца, ни названия»; и все-таки ветер безвременья дует: «и странно и страшно в выдуваемых бурей комнатках».

VIII

Следующий круг, обнимающий главы: от главы «Михайлы» до главы «Спутник», вводит нас, сначала, как будто в поверхность только основного мотива, но за нею, потом, открывается нам углубление новое.

Глава «Михайлы» едва ли не самая четкая по своим очертаниям в «Эпопее». В ней описаны именины папы, и гости, собравшиеся у Летаевых. Поразительна острая портретность каждого из них, все они очень определенны, очень четки. Они были бы историческими масками, если бы не было дано углубляющего фона. Что же может соответствовать статическим фигурам, портретам слишком определенным уже? Они не индивидуальности, не живые конкретности еще, так как слишком они определенны и в определенности замкнуты: соответствуют им «мраки». Котик вышел в гостиную после ухода гостей: «кресла стояли во мраке, и в креслах сидела компания мраков, — и передразнивала тут сидевших гостей; и такие же мраки взирали в оконные стекла тяжелыми взорами; мраки стояли под легкими шторами; мраки стояли шпалерой немых кавалеров, «надев свои фраки».

Так, видим мы, здесь разделены застывшие формы и мраки; они соответствуют друг другу, они выражают поверхность разделения разума и хаотического, поверхность застывшую. Мысли о соединении здесь нет. Две лейт-фразы о времени в этой главе выражают тоже: «сколько раз именинничал папа, и будет еще именинничать он, а, уж там поглядишь, и ударная старость стоит со своим даром, с неблагодарным ударом».

Как видим мы, тут главные звуки Д, Др и Дар – выражают застывшую форму моментов; падающий удар определенного, но изолированного момента, или такой же его дар определенно разорванных, временных моментов дан тут: поэтому страшна старость, что она удар, а не один из моментов движения, движения тут нет; и соответствует этому вторая лейт-фраза: «в прибежное время бежим неизбежно». Это соответствует первому. Здесь основной звук Ж, сплошная жаровая раеплавленность, безвременность; мы все не живем, а «бежим неизбежно», сама необходимость расплавлена в бег, в неизбежность, все бежит, все кипение. Застывшей форме соответствует расплавленность бега. Так, видим мы, поверхность мотива.

IX

В следующей главе Котику жизнь кажется инструментальной на Б без Р. По автору Б без Р мнимая плотность, мнимый синтез, бормотанье баб, мнимооплот-невших, которые в сущности те же воющие ветровые парки: «черная бабушка – жизнь», «сначала залегаем, как гусеницы, вылетаем, как бабочки, становимся толстыми бабами, досыхаем, как бабушки». Жизнь вся стала какой-то бабой, но оплотневшее Б на поверхности только; Р взорвалось самосознанием, чтобы оправдать М и победить Б, превращая его в БР; Р и Б борются «я слаб, да, я раб: утопаю опять в бормотаньи баб». Этой бабой представляется мама сейчас: «денек, белоногий младенец, крича благим матом, бежит уж в дугу вековую небесного свода, косматые мамы за белым младенцем пустились: с сосредоточенным бешенством, и – совершится убийство: минуты затикают каплями крови и слез; душегубки колонною плакальщиц станут направо и станут налево, и кто-то бородатый, и кто-то крылатый косматою митрою встанет над гробиком, будет отчитывать громко он: бери, бѣри, бери, бери, бербѣри-папа рассказывал раз о великом персидском пророке, по имени:

«Зороатр», — и я вижу во сне — продолжают они заколачивать гробик, пока он не лопнет лучами сторукого солнца: — Агуро-Маздао». Оплотневшая мнимость Б, оплотневшая мнимость мира стремится убить младенца «Я» и утопить его в бормотании баб, в вое хаоса, но взрывающая сила Р, сила актуализирующегося папы, превращает Б в БР, в бремя времени, оправдывая маму, — связано это и сюжетно. Мама с папой помирились и устроили елку: папа, надевши бумажный колпак, точно митру, обвесив себя золотой бумажной цепью, ходит таким «Зороастром». ЗОР — звук солнца, звук разрыва: «зор — есть ядро, оно солнечный взор, *стр* — лучи во все стороны. Зороастр — есть распростертый лучами на все из духовного светожара души», читаем мы в Глоссолалии³².

X

Итак, папа — актуализировался, скрытый в нем свет — проявился; актуализируется он, как мы знаем, по мере развития Котика: «некоторые, которые», стали громом гремящим и пишутся:

НЕ —
 — КО —
 — ТО —
 — РЫ —
 — Е —
 — КО —
 — ТО —
 — РЫ —
 — Е!!...

и потом превращаются прямо в

³² Неточная цитата: Ср.: «... “zor” есть ядро: оно — солнечный взор; “str” — лучи во все стороны... <...> “Заратустра” есть *распростертый лучами на все из духовного света-жара души*» (А. Белый. Глоссолалия. Поэма о звуке. С. 61).

PPP –

– PPP –

– PPP...

Они, как мы узнаем из текста, «перерывали мир законодательством странным Синайским».

Так, видим мы, «некоторые, которые» — неизвестное еще обозначение, что-то потенциальное развитию Котика, вызвавшего скрытую в них силу, актуализируется в странный гром Синайского законодательства.

Котик знает, что актуализировавший папу должен принять на себя ответственность за мир, должен принять на себя ответственность за маму: «ты виноват, виноват без конца, виноват и один, виноват до конца, виноват без причин», — говорит нам о Котике автор. «Мне пить преступление сна», говорит он в другом месте. «Эти нервы (мамины расстроенные нервы вызвали ссору между ней и папой из-за Котика) последствие трудных родов. Беззаконие я учинил пред мамой, явившись пред нею, и после, вселил я раздор между нею и папой; преступно самосознание». Котик рождением своим на две половины разъединил папу и маму, до него было цельное, взаимопроникнутое; обязан он их соединить, соединив в себе по новому — светом папы преобразив маму; до него не было еще ничего, была только эстетическая взаимопроникнутость; и грехи мамы — его грехи, так как на нем лежит ответственность за маму. Когда мама колотит его (ссорясь с папой), он молится за грешницу, но в другом месте мы узнаем: «когда мама дирала за кудри, одной стороной я молился, но а другую я ведал: права-то она, что дирала за грех первородный, за пфуку»... «Пфука» — родовое, домовое, древнее, домашнее, скотное — звук распухания Пф, появилось оно в результате развития; самосознание, разорвавшее сознательную дельность, породило домовое, древнее — «пфуку», породило, осветив темные глубины, и оно ответственно за «пфуку», должно его преобразить.

Так, видим мы, в этом круге основной мотив углублен еще более, совсем близко от центра мы, но все же к нему еще не подошли, еще цельность не стала, еще расплавленность Ж повсюду — слышим мы, «жужелень желто-оранжевых ос», и узнаем, что «все здесь в тонах желто-оранжевых, шоколадно-оранжевых», и лейт-фраза этого круга, дающая нам разрез времени все еще: «среди дующих бундень летим в веретеннике дней и теней без огней».

Линия мысли завивается здесь опять в многие завитки каламбуров и образов: так «пфука», например, закругляется в образ домового, «толстого мужика, с обвислою бабьей грудью».

XI

Круг следующий и предпоследний: здесь мы приблизились к центру почти, но не в центре еще. Папа уже актуализирован вполне; мы узнаем: РРР — разрывающий звук разума, порождает время: «устраивал время, закручивая часовую пружину, и ТРРР — повороты хрипели, закручивая понедельники, вторники, среды, и ТРРР — до субботы включительно». «Новая неделя затикала». «Пролетела неделя — завел он другую — апрельскую; он ведь времявод, коновод удивительный».

«Папа присутствует всюду», читаем мы в тексте. Он сплошное присутствие, сила реальная, взрывающая сила. Здесь опять мысль закругляется в каламбур: «папу не пускают в сферы, оттого, что он сплошное присутствие». Он замкнутые круглые «сферы» взорвет, так как в нем сила взрывающая, и мама в этой главе «гласит с огромной серьезностью: да, Михаил, вот, Васильевич, да, он — сила».

«Некоторые, которые», — элогимы, узнаем мы здесь еще определенной. «Знаю: я заключил с ним завет, на Синае, коленях своих, передал содержание двух книжечек (малой зеленой и малой лиловой: то — ветхий и новый завет); если

я, уподобясь евреям, заветы нарушу, последовав зову кричащей мне мамочки (— Котик, сюда: не смей слушать отца!), если я убегу за альков сотворять с ней тельцов из конфетиков, ленточек, бантиков, пряжечек и эластичного китова уса корсетного, буду потом я охвачен паническим ужасом: будет не “гвоздь”, а почище “гвоздя”. Будут громко разбиты скрижали “завета”. — Нет, лучше уж быть заушаемым, мамой терзаемым, что ж: христиане терзались, и львы выпускались из клеток; так я: запираемый папой в немой кабинетик, как в клетку — учусь: он — уходит из клетки, в открытую дверь пролетает рычащая мамочка-львица, но то — испытание: львица — личина, подобие; все-таки “символ” пребольно дерется, но “сила” завета во мне, и с мамою я не иду пировать по-язычески, я отвергаю рукою шоколадинку Крафта, прижавши рукою сухую скрижаль: буду “силою” я».

Здесь основной мотив получает почти последнее углубление, приближается к точке. Котик — человек, заключил на Синае завет с богом-отцом, актуализируя его и тем порождая себя на основе его. Он актуализировался в сыне, сына породив, отсюда начинается история, отсюда начинается познание, отсюда начинается жизнь человечества, «сила завета» Котика, и он не пойдет поклоняться кумирам мамы, он знает, что в сухой скрижали завета больше жизни, чем в очаровании музыкальной стихии. Но история — проявления элогимов в Котике — должна маму преобразить, открыть в ней реальное в свете отца. Преображения мамы здесь вполне еще нет, хотя уж к этому близко. Идея союза заключает в себе идею преобразования: «вращается веретень дней в тень теней», — этим кончается и этот круг еще. Призрачность еще не побеждена воссиявшим светом конкретности, т. к. еще не оправдана мама и проявление ее, очарование ее не просветлены разумом, не стали еще культурой, они только ложные идолы, тени теней...

XII.

И, наконец, круг последний:

Узнаю, что тот Меч есть —

Архангел; зовут Ра-

фаилом его:

Рафаил

звук

раз-

ры-

ва!

Вот центр композиции, «Эпопеи», точка, к которой сходятся все окружности, глава эта называется «Рай». Это не рай эстетический допознавательный, это рай — истины, рай будущего, рай, которым живем мы все, рай, становящийся цельностью. До последней углубленности дошел здесь основной мотив, сила взрывающего разума, сила элогимов — здесь взята в разрезе последней глубины: «я уплотнил в продолжение жизни моей подымавшийся звук»:

«Ож-мир-мира-ам-амо! — — Неизреченный мир, дивный, — люблю!

Амма-амо-мам-мама! — — О, кормилица, любя: ты — мать материи:

Рам-рама-брам-брама! — — Герой, посвященный — как бог!»

Так, видим мы, сила отца, актуализировавшаяся в Котике, оправдала маму: Р и М соединились, Р организовало М и БР оплотнело, как задание истории, перерождающей безначальную стихию мамы: «рам-рама брам-брама», стал герой посвященный, Я — индивидуальность. В истории, в бремени времени соединяет он папу с мамой, оправдывая маму, и все тени исчезли в светящейся конкретности становящегося смысла в истории; «бороданники теней», заводившиеся повсюду исчезли в бородинном потоке собратия светочей, в слепительном блеске элогимов. И мама оправдана; когда Котик вернулся домой после последней,

самой отчаянной семейной ссоры: «мама встретила, дверь открыв Ангеликою, крыльями шали накрыла». Так дошли мы до центра.

XIII

Видим мы: роскошна гирлянда пышных завитков эпопеи, тончайшими, яркими красками переливается она, стройно завиваются ритмы; но должны мы помнить, что «свет умный», свет духовный оплотнел здесь в неразличимости духа и плоти, должны мы помнить, что художественные образы, во всей живости своей и органичности, только — вскакивающие пузыри под расплавленным кипением познания.

«Эпопея» прекрасна. Но прекрасней жест Белого:

«Разорви свою фразу, пиши как сапожник».

Л. В. Пумпянский

Творческая биография философа и литературоведа Льва Васильевича Пумпянского¹ начиналась в 1918–1920 годах в Невеле и Витебске. Молодые любомудры образовали здесь небольшой кружок, ведущую роль в котором играли М. М. Бахтин и М. И. Каган². В октябре 1920 года Пумпянский (вероятно, одновременно с Каганом³) перебрался в Петроград и вскоре, связавшись с руководством Вольной Философской Ассоциации, заявил о своем желании читать курс по философии культуры. Хотя этому начинанию и не суждено было осуществиться (кружок под таким названием в Вольфиле вел Иванов-Разумник), тем не менее вско-

¹ Подробную творческую биографию Л. В. Пумпянского см.: [Н. И. Николаев.] Энциклопедия гипотез // Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. С. 7–29.

² См.: М. М. Бахтин и М. И. Каган. По материалам семейного архива / Публ. К. Невельской // Память. Исторический сборник. Вып. 4. — Париж, 1981. С. 249–281; Лекции и выступления М. М. Бахтина 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского / Публ. Н. И. Николаева // М. М. Бахтин как философ. — М., 1992. С. 221–252.

³ Ср. с письмом А. З. Штейнберга к М. И. Кагану от 17 октября 1920 г.: «Ваш брат <...> сообщил мне о Вашем решении приехать в ближайшие же дни сюда <в Петроград. — В. Б.>. <...> Вы на месте убедитесь, как мало можно в настоящее время сделать специально для философии. Наша Фил. Асс. в известном смысле учреждение гонимое, и не малых трудов стоит сохранить ее в ее борьбе за существование. Когда Вы будете здесь, Вы, по всей вероятности, сами в этом убедитесь» (Письмо А. З. Штейнберга — М. И. Кагану / Публ. Ю. М. Каган // Минувшее. Исторический альманах. 20. М.; СПб., 1996. С. 170).

ре Л. В. Пумпянский стал одним из самых заметных лекторов ВФА. Он дебютировал докладом «Философия трагедии» на LXIV открытом заседании 13 февраля 1921 года. В те же дни под его руководством начал работу кружок «Опыт системы нравственной философии». Пумпянского включили в состав организационного бюро по созыву в Петрограде Первого Всероссийского Философского съезда. В течение года начинающий лектор развил в Ассоциации необыкновенную активность, выступая с докладами на такие разнообразные темы, как «Размышление о «Ревизоре» Гоголя», «О героической морали», «Об антропософии», «Размышление об архитектуре», «Размышления о блаженном Августине», «Чистилище и рай», «О классицизме Пушкина» и многие другие.

Интеллектуальная «всеядность» Пумпянского, очевидно, вызывала у более опытных коллег по Ассоциации определенное раздражение⁴. 22 мая 1921 года в ходе открытого заседания, озаглавленного «Наполеон», произошло полемическое столкновение молодого философа с председателем Вольфилы Андреем Белым. По свидетельству Д. Е. Максимова, Белый выступил с опровержением вывода Пумпянского «о том, что Наполеон есть “завершение истории”»: «Говорил он, между прочим, о необходимости разделять политику и историю, а также о примирении красоты и труда, которые в будущем должны быть объединены общим творческим ритмом»⁵. Месяц спустя Пумпянский решил дать ответный бой Андрею Белому уже на его «территории», заявив на 3 июля доклад «Об антропософии», однако Белый от участия в такой «дуэли» отказался. Мотивы своего решения он объяснил в письме к Иванову-Разумнику (отправленном в самом конце июня):

⁴ В шуточной поэме Конст. Эрберга «Вольфила» (ноябрь 1922 г.) Л. Пумпянский охарактеризован эпитетом «многозвонный». См.: Наст. изд. Кн. 2. С. 748.

⁵ Д. Максимов. Русские поэты начала века. С. 356.

«Очень меня смущает Пумпянский: воскресенье *не* могу быть, а между тем степень его безграмотности в вопросах антропософии только равна со степенью его нахальства; воображаю, что за чушь он будет пороть. Если бы я знал степень его безграмотности, никогда не согласился бы оппонировать ему <...>; да и притом: не для того я в “*Вольфиле*” прочел 2 курса, вводящих в проблемы антропософии, чтобы в той же “*Вольфиле*” опять и опять и опять и опять начинать *«ab ovo»*: антропософия де не есть чепуха; Пумпянский прямо заявляет, что *чепуха*. Ну, а коли так, то пусть о чепухе антропософской с Пумпянским разговаривают сторонники такого взгляда; на *петушиные бои* я не охоч <...>; так на тех же основаниях считаю невозможным пересекаться с противником, который, не прочтя ничего на эти темы, не будучи знаком с литературой, непременно лезет в бой: жаль, что, предварительно не осведомившись со степенью его “*знания*” на эти темы, я согласился на Ваше предложение выступить оппонентом⁶.

Не желая дальнейшего обострения отношений с председателем ВФА, Пумпянский обратился к Белому с письмом, которое было начато непосредственно перед беседой «Об антропософии» и завершено сразу же по ее горячим следам:

Столярный пер. 12, кв. 19.
2 июля 1921 г.

Многоуважаемый Борис Николаевич,

мне показалось, что Вам тяжело, что у Вас трудная минута в жизни. Я очень не хочу быть навязчив, но не боюсь сказать, что в Викторе Робертовиче и во мне Вы всегда найдете людей преданных Вам всей душой и от всего сердца желающих, чтобы Вам было хорошо. Ничем особенно веселым мы поделиться не можем, но если Вы к нам заглянули бы, мы были бы очень рады, и Вы без труда увидели бы, что мы искренни.

⁶ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 232.

3 июля.

Доклад об антропософии прошел не так, как я хотел, — меня никто не понял (или почти никто). Вам, вероятно, перескажут так, что я представляюсь Вам недругом, противником. — Загляните к нам! Разве так важны различия с мнением? Разве так непобедимо расхождение, им вызываемое? Есть о чем говорить и кроме антропософии — будем говорить о Платоне, о Цезаре, о том, о чем хотите великом, что связывает людей. Расскажите нам о Ваших литературных планах, почитайте новые стихи.

Я, наверно, говорю глупости, но все равно, лишь бы Вы почувствовали то нечто более важное, чем мнение, <что> живет в нашем сердце относительно Вас: горячая, доброжелательная, и б<ыть> м<ожет> бо́льшая, чем Вам кажется, близость. Уважающий Вас и преданный

Л. Пумпянский⁷.

Вероятно, обращение Пумпянского послужило определенному «примирению»⁸; его признаки наличествуют в другом послании к Белому, отправленном три месяца спустя после злополучного доклада «Об антропософии» — как раз накануне прощания председателя Ассоциации с петроградской Вольфилой:

Петроград, Столярный 12, кв. 19.

Многоуважаемый Борис Николаевич,

возможно, что у меня не будет возможности посетить Ваши «Воспоминания» в субботу и лекцию в воскресенье, следственно, не придется, быть может, видеть Вас до Вашего отъезда и проститься с Вами. — Позвольте письменно выразить Вам — на прощанье — живейшую радость о счастьем в Вашей жизни событии; что большие труды ожида-

⁷ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 249. Л. 1.

⁸ Согласно записям Андрея Белого «Себе на память», 24 июля он выступил с содокладом Пумпянскому на тему «Естествознание Гете», а в августе принял участие в работе его кружка.

ют Вас и что много еще книг, равных «Петербургу» (т. е. бессмертных), Россия будет связывать с Вашим именем. — Кстати, я обдумываю работу о «Петербурге» — как жаль мне, что Вас не будет при чтении ее!⁹

Будьте счастливы и да хранит Вас Бог!

Уважающий Вас глубоко; от сердца преданный

Л. Пумпянский.

6 октября 1921 г.¹⁰

В Вольную Философскую Ассоциацию Л. В. Пумпянский пришел с вполне определившимся мировоззрением, об основных принципах которого дает представление работа «Опыт построения релятивистической действительности по “Ревизору”» (1919)¹¹. Как и многие его сверстники, Пумпянский отталкивался от символистского мировосприятия, однако символы уходящей культуры казались ему всего лишь «случайными элементами» изолированных друг от друга и распадающихся миров. Он рассматривал современность как «безответственную эпоху», как период всеобщего релятивизма, соседящий с конечной катастрофой и с особой силой разрушающий любые формы человеческой деятельности, в том числе и интеллектуальной. По его мнению, распад мировоззрений происходит как в трагическом своем преломлении, так и в комическом. Если трагедия развивается внутри «обоснованного» мира, когда две равновесные воли сталкиваются и в своем борении втягивают мир в поток саморазрушения, то комедия, которая рождается в «необоснованном» мире, разрушает саму систему релятивистской действительности, не имея при этом возможности уничтожить собственные ре-

⁹ Замысел не был реализован.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 53. Оп. 1. № 249. Л. 2.

¹¹ См.: Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. С. 576–589. Очевидно, сформулированные в статье выводы были положены в основу вольфильского доклада Пумпянского «Размышление о “Ревизоре” Гоголя».

лятивистские основания окружающей действительности. В итоге человек, обнаруживший мир существующим без достаточных оснований, оказывается перед дилеммой: или иллюзорно существовать в «реакционно-символистском» потоке (путь религиозного опыта), или отдаться неизбежному релятивизму, то есть принять на себя *«ответственность первого шага»*: выбрать ту или иную величину «переменной и по ней взойти к пределу — цели всякой мысли»¹², чтобы и там в конечном счете обнаружить пустоту самораспада.

На тот момент Пумпянский был убежден, что альтернативой обоим решениям может стать путь сократического (философского) самопознания: «Каждый атом мира завершается комедией, — но распадение его в комедии освобождает самосознание, ибо распадается знаменующее — и только оно! Знаменуемая же идея (единство сознания) свободно для нового пути»¹³. Пусть это все тот же релятивизм; главное — не замыкаться на какой-либо идее, не искать убежища в искусственном «пифагорействе», но, отказавшись от поисков абсолютного смысла, жить, благодаря неустанному движению «двух крыльев самосознания»: философии и музыки. Окунувшись в релятивистский поток сократической иронии и эстетически отстранившись от мира, в конце концов вынырнуть в самодостаточном микрокосме индивидуального сознания.

Пожалуй, наиболее заметным выступлением Л. В. Пумпянского в Вольфиле стал доклад «Достоевский и античность», которым в октябре 1921 года открылся цикл заседаний, посвященных 100-летней годовщине со дня рождения Ф. М. Достоевского. Если суммировать выраженные здесь взгляды, то их мировоззренческий пафос нашел отражение в центральном тезисе: «поэтика, а не пси-

¹² Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. С. 576.

¹³ Там же. С. 589.

хология». В качестве альтернативы психологическому переживанию «безднаности» мира докладчик выдвинул тезис о необходимости его поэтической реорганизации. Повседневность есть не что иное, как «сон-действие», который снится поэту. Насущная и единственно возможная творческая задача заключается в том, чтобы, прибегнув к законам поэтики, привести этот иллюзорный мир в соответствие с вечностью. Провозглашая примат эстетического над историческим и этическим, Пумпянский настаивал на праве автора художественного произведения выводить «нравственную реальность» за пределы «эстетического вымысла» для окончательного преодоления конфликта «между реальностью истории и иллюзорностью персональности». Художнику предлагалось «притвориться помешанным», встать на позиции «героя» и выстроить такой освященный поэзией мир, осмысление которого могло бы привести к оправданию реальности «первого порядка» — исторической и политической. Прямо не призывая к примирению с действительностью, Пумпянский, тем не менее, уже в этом «манифесте нового направления теоретической мысли»¹⁴ вполне определенно выступил с позиций нравственного релятивизма.

Руководители Вольфилы конечно же не могли согласиться с подобным решением дихотомии «поэтика» — «психология». Для них «поэтика» была прежде всего художественным *мировоззрением*, отражением творческих и нравственных усилий человека во имя изменения реальности. Порожденный индивидуальным самосознанием смысл непременно должен был заключать в себе опреде-

¹⁴ Н. И. Николаев, характеризуя таким образом книгу «Достоевский и античность», в то же время замечает, что она «не произвела впечатления, подобного первым сборникам ОПОЯЗ'а, и вообще не была замечена», поскольку «могла восприниматься лишь как частичная ревизия ряда положений прежней символистской культуры» (Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. С. 16).

ленное этическое содержание, объясняющее человеку его собственное предназначение в историческом процессе и в каждой относительно дискретной точке, именуемой настоящим. Именно поэтому все они — и Андрей Белый, и Иванов-Разумник, и Конст. Эрберг, и А. З. Штейнберг, — руководствуясь индивидуальными нравственными ориентирами, не считали для себя возможным примириться с действительностью; столь же невозможным полагали они и уход от реальности в область вымысла и фантазии.

Открытый конфликт участников вольфильского курса с Л. В. Пумпянским назревал достаточно долго; сам Пумпянский, считал, что его не понимают (судя по первому письму к Белому), оппоненты (а это были не только руководители Ассоциации, как следует, например, из публикуемого ниже отчета «Лекция об антисемитизме»), в свою очередь, находили его аргументы «парадоксальными и неубедительными». Рассказывая Андрею Белому в письме от 7 декабря 1923 года о событиях, происшедших в Вольфиле за два года его отсутствия в России, Иванов-Разумник так описал разрыв Пумпянского с ВФА: «С треском вылетел Л. В. Пумпянский, после большого скандала на заседании; этому я тоже был рад, так как он, хотя и тонкий, и кружевной, но очень противный в самой своей сути, православный иезуит из еврейских выкрестов»¹⁵.

¹⁵ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 266. Комментируя этот пассаж, Н. И. Николаев, высказывает следующее предположение: «Такой сомнительной характеристикой Иванов-Разумник, возможно, хотел исподволь напомнить адресату о выступлении Л. В. П. летом 1921 г. в Вольфиле с докладом, направленным против антропософии А. Белого, и тем самым сгладить в его глазах впечатление от случившегося скандала. Много позднее, в 1973 г., М. М. Б. [М. М. Бахтин] сочувственно вспоминал, что Л. В. П. «очень любил русскую культуру, православие, был православным, и ярым православным...» (Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. С. 745). Нам представляется, что Белый достаточно хорошо знал Пумпянского по его выступлениям в Вольфиле и не нуждался в каких-либо до-

Поводом для этого «большого скандала» стал доклад Пумпянского «О нравственном и умственном состоянии современной России», чтение которого состоялось в понедельник, 2 апреля 1922 года. Главным оппонентом докладчика выступил его ровесник — А. З. Штейнберг, выразивший прямо противоположные взгляды. В то время как Пумпянский, исповедуя принципы эстетического и нравственного релятивизма, искал аргументы для «примирения» с действительностью, ученый секретарь Ассоциации декларировал свою приверженность духовному максимализму и открыто стоял на позициях неприятия советского строя. В воспоминаниях Штейнберга имя Пумпянского вообще не упоминается; нет здесь и каких-либо следов вспыхнувшей 2 апреля полемики. Тем не менее мемуарист приводит пример, как на заседании Совета ВФА «один из более молодых членов нашего содружества <...> сказал», обращаясь к неназванному оппоненту: «“Не думаете ли вы, что, забиваясь в угол формализма, вы обеспечиваете себе политическое спокойствие, создаете видимость нейтральности? Вас интересуют идеи вообще, и поэтому вы не можете говорить и проявлять в литературной критике положительного или отрицательного отношения к реальной политической жизни в России”. На что представители формальной школы ответили: “Если это упрек, то мы этот упрек возвращаем, потому что вы заняли неопределенную позицию. С одной стороны, вы не выступаете активно против существующего строя, а с другой стороны, не защищая этого строя, все-таки создаете для себя ореол мучениче-

полнительных напоминаниях. Реальный же комментарий к этой, т. н. «сомнительной», характеристике («православный иезуит из еврейских выкрестов») предполагает не выхваченную из контекста «религиозную» или «национальную» составляющую, а объективацию целостного смысла высказывания. Иванов-Разумник использует в данном случае оксюморон (стилистическую фигуру, соединяющую оценки, противоположные по своему значению), чтобы как можно более адекватно отразить подлинную суть «тонкого и кружевного» мировоззрения Л. В. Пумпянского.

ства. Вы находитесь в оппозиции, но в такой, которая никому не опасна, и поэтому вас терпят»». «Нас терпят, потому что мы нейтральны», — заключает описание эпизода А. З. Штейнберг, — в этом было нечто сильно нас задевшее...»¹⁶ Уместно предположить, что основным героем описанного полемического столкновения был как раз Л. В. Пумпянский, открыто выступивший на заседании Совета с критикой общественно-политической позиции руководства Ассоциации¹⁷. Итогом же конфликта, очевидно, и стало его демонстративное изгнание из Вольфила¹⁸.

Если согласиться с подобным допущением, не стоит воспринимать, тем не менее, ошибочное обобщение мемуариста всего лишь как естественную погрешность его памяти. В начале 1920-х годов в Вольфиле столкнулись представители двух противоположных мировоззренческих ориентаций: судьба вела одних из философии в жизнь, других — уводила от жизни в философию, эстетику, литературу и далее — в материал, текст, конструкцию, слово. Более всего мировоззренческие антиподы встречались в одном и том же «поколении на повороте»¹⁹. Организаторы

¹⁶ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 92.

¹⁷ В другом месте своих воспоминаний Штейнберг вновь возвращается к этому эпизоду: «Было к нам много неприязни. “Чудаки” — этого недостаточно. О нас говорили: “Это люди, которые хотят приспособиться, но слишком горды, чтобы просто расписаться в своем поражении. Они за принцип ‘и вашим, и нашим’”. Не хочу называть имени человека, который говорил это. Я ему ответил: “Ни нашим, ни вашим”» (Там же. С. 126).

¹⁸ В оценке Н. И. Николаева результат конфликта представлен в инверсной форме: «Независимая позиция, которой Л. В. Пумпянский придерживался в Вольфиле, постепенно становилась все более несовместимой с ее деятельностью, и весной 1922 г. он покидает Вольфилу» (Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. С. 22).

¹⁹ Выражение Л. Я. Гинзбург, засвидетельствовавшей появление в начале 1920-х гг. т. н. «синкретического» типа интеллигенции, с одной стороны, сориентированного на традиции русской революции, с другой — желавшего «жить и действовать со всеми... сознательными

и руководители Вольфила, столкнулись с фактом появления таких «новых философов» (часто отрицавших даже саму философию), для которых этическая проблематика была если и не пустым звуком, то делом интеллектуально второстепенным. Отвергая своих социально, исторически и политически ориентированных предшественников, эти (прежде всего) специалисты в области теории литературы обращались в мир «поэтики», а не «политики», «эстетики», а не «психологии». Действительность казалась им материалом, который надлежало организовать по законам вечности. Пришли авторы, выбравшие диалог с собственным сознанием, и обнаружившие, что размышления о жизни есть ни что иное, как «типично русская болтовня».

О том, что конфликт имел серьезные последствия не только для докладчика, но и для Вольфила в целом, свидетельствует письмо Д. М. Пинеса к Иванову-Разумнику, которое было написано 7 апреля 1922 года — по горячим следам случившегося: «И заодно еще “Размышления о — Пумпянском”²⁰. Точнее, не о нем, а о нас, о Вольфиле. У меня еще не исчезло чувство неловкости от понедельника, и всё как-то развязываю узелки и чем дальше развязываю, тем больше они запутываются. Конечно, нет вопроса об “оценке” П<умпянско>го. И не задаюсь вопросом: “имел ли *право* Ар<он> Зах<арович>?” Вопрос другой: “имела ли *право Вольфила*?” — И тут сомнения: “право” имеет только “я”. А Вольфила все же не “я”, а “мы”. А “мы” никогда не имеют права. — Если Вольфила будет говорить *так*, как А<рон> Зах<арович>, то — действительно — она становится орденом, законом, и тогда надо будет говорить:

и бессознательными уловками», и с третьей — ощущавшего конец старого мира и наступление новой, ни на что не похожей действительности. Подробнее см.: Л. Гинзбург. Литература в поисках реальности. — Л., 1987. С. 318–319.

²⁰ Д. М. Пинес иронически обыгрывает традиционные названия докладов Пумпянского.

“Во имя Закона”. Еще раз: в Вольфиле можно (б<ыть> м<ожет>, даже нужно, должно) так говорить, но Вольфила (как целое, как я) не может так говорить. Потому что (продолжая, Разумник Васильевич, дневной разговор вторичный у Конст<антина> Ал<ександрови>ча) — “право на слово” — дело есть Дело (подвиг) жизни, личное дело, личный путь, и он у каждого — свой. Вольфила же <еще — зчркн.> не личность (в этом смысле слова), а перекресток. — И потом еще: можно ли Пумпянскому предъявлять обвинение: “Вам говорят <о смерти и жизни — зчркн.> от сердца, а Вы — о грамматических ошибках...” Но ведь мы сами не внемлем невнятице (сердечной, а не логической) Гордина, и поэтому вопрос должен идти по-иному. Все это не столько “в защиту” Пумп<янск>ого, сколько для того, чтобы осознать, разобраться в Вольфильском. [Так они и противостоят друг другу: “Вольфильское” и “Пумпянское”]. Ну, вот, Разумн<ик> Васильевич, осколки моих “Размышлений о...” Не знаю, разделяете Вы их или же считаете “рефлексией”. — Так или иначе, Вольфила от кого-то отгородилась, “актом” что-то отсекла. Вывод: ей надо быть требовательнее и строже к себе самой²¹.

²¹ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 1. № 314. Л. 1–1об. Апеллируя к самокритичной оценке Д. М. Пинеса, Н. И. Николаев утверждает, будто «диалогу с другими взглядами на современность», в том числе и диалогу с Пумпянским, воспрепятствовал «народнический и эсеровский пафос руководителей Вольфилы по отношению и к прошлому и к настоящему» (Л. В. Пумпянский. Классическая традиция. С. 746). Однако и публикуемые здесь стенограммы, и воспоминания современников демонстрируют характерную для руководителей Ассоциации мировоззренческую толерантность. Ср.: «Разумник Васильевич Иванов-Разумник бесстрастно предоставлял всем слово: говори — что угодно. С диаметрально противоположными точками зрения выступали ораторы вольной ассоциации философствующих» (Н. И. Гаген-Торн. Методия. С. 35). Заметим также, что слова «эсеровский пафос», звучавшие по тем временам как политическое обвинение, даже гонители Ассоциации не считали возможным отнести к Вольфиле.

Вольфила, конечно, так и не стала «орденом» или «законом». Более уместно ассоциировать ее с тем самым «перекрестком», после которого одни оказались в эмиграции, другие — в «тюрьмах и ссылках», третьи — замкнулись в относительно благополучных кельях профессиональных занятий «поэтикой» и литературоведением. Философия в советскую эпоху стала делом социально подозрительным и индивидуально опасным. В своих работах второй половины 1920-х годов Л. В. Пумпянский практически отошел от философской тематики, а в 1927 году даже публично признал марксистскую социологию как единственно правильный методологический ориентир в области истории литературы. Возможно, это и был самый очевидный и безопасный для того времени выход из тупика релятивизма...

**Краткий и приблизительный план курса
по философии культуры, который я предполагаю читать
в В<ольной> Фил<ософской> Асс<оциации>
к 1921-ому г<оду>²²**

Общая цель: исследованием найти тот общий принцип, из к<отор>ого можно было бы дедуцировать систему культуры и дедукцию эту произвести. Этот общий принцип есть абсолютное состояние сознания (тождественное музыкальному и моральному). Поэтому всей системе предпосылается

1. Философия музыки, т. е. учение о музык<альном> построении сознанием эстетической предметности и об освобождении сознания от эстетичности; анализ абсол<ютного> момента сознания; чистота долга: чистота логического будущего.

2. Гносеологич<еская> проблема к<а>к часть фил<осо>фии> культуры, сознание к<а>к феномен логический (= протекающий в культуре).

²² ИРЛИ. Ф. 474. № 470. Впервые опубликовано нами в журнале «Вопросы философии» (1994. № 12. С. 155–156).

3. Проблема (эстетической) природы, как часть фил<о-софии> культуры. Принципы эстетики природы.

4. Эстетическая религия и исследование дионисического культа.

5. Проблема истории (к<а>к истинный смысл этого культа) и место истории в культуре; история – эстетич<еская> конструкция.

6. Проблема истории есть проблема трагедии. Исследование греч<еской> трагедии.

7. Драма и комедия.

8. Общее учение о судьбе мифа в культуре.

9. Рецепция предметности в трагической историке: архит<ектура>, скульптура, живопись.

10. Положительные дела истории: государство (= нравственность).

11. Нравственность как рецепция чистого долга (= музык<альный> момент).

12. Место политики в системе культуры.

13. Жертва, культ, храм; община, культовый хор.

14. Музыка (к<а>к искусство).

15. Музыка к<а>к граница культуры; переход к Откровению.

16. Религия в пределах культуры. Нравств<енный> (= покаянный) момент в культуре; израильская религия.

17. Религия вне пределов культуры. Царствие Божие как постулат музык<ального> искусства.

18. Царствие Божье к<а>к Божественная история. Заключение.

Большинство пунктов (отмеченных, конечно, лишь с крайней приблизительностью) мною вполне уже обдуманы и записаны; часть еще не до конца разработана.

Курс требует, б<ыть> м<ожет>, 50–75 двухчасовых лекций.

Аудитория может быть и средней подготовленности (ниже университетской), п<отому> ч<то> принципы системы я буду все время пояснять исследованием конкретного материала.

Хотя вряд ли содержание моего курса совпадает с курсом по фил<ософии> культуры, уже читаемом в В<ольной> Ф<илософской> Асс<оциации>, можно, во избежание недо-
разумений, мой курс озаглавить: Система моральной филосо-
фии (что, конечно, не так точно, к<а>к основное заглавие).

Ввиду того, что я привлекаю к анализу очень большой материал (греческая религия, греч<еская> фил<ософия>, иудаизм, театр, новоевроп<ейская> литер<атура>, фило-
софская поэтика, класс<ическая> и романт<ическая> по-
эзия и пр.), курс, если мне удастся хорошо его развить и изложить, может иметь для слушателей немаловажное зна-
чение и общеобразовательное, помимо философского.

Л. Пумпянский (Лев Васильевич)
Офицерская 18, кв. 2.

Лекция об антисемитизме²³

В Вольной Философской Ассоциации (Вольфиле) Л. В. Пум-
пянский прочитал доклад на тему: *Размышление об антисе-
митизме*. Главные положения доклада сводятся к следую-
щему. Несмотря на громадную роль, которую еврейство
играет в современной Европе, и еще большую роль, кото-
рую ему неизбежно предстоит играть, серьезная филосо-
фия почти ничего не сделала, чтобы понять причины
явного упадка европейских народов, и — с ним одновре-
менно расцвета еврейства. Между тем отношения между
еврейством и европейцами все более оттесняют историче-
ский интерес отношений еврейских народов между собою.
Переходя к анализу антисемитизма, докладчик признает
всю его «историческую правоту» и дает ей формулу: еврей-
ство не принадлежит к человеческому роду. Признаком

²³ Публикуется по изданию: Еврейский вестник. 1922. Май. № 2. Стлб. 20—21. Доклад, по всей вероятности, был прочитан в марте 1922 г.

принадлежности к человечеству является превращение сексуальности в миф, т. е. история. Народы *историей* доказывают свою антропологичность, производя систематическую элиминацию сексуальной животности. Еврейство же, не знающее мифа, стоит за порогом человечества и есть исторически локализованное, но не историческое явление. В этом — историческая правота антисемитизма, который докладчик считает неопровержимым в области *данного*. Тем энергичнее докладчик старается обнаружить *нравственную* бессодержательность антисемитизма. *Израиль свят* именно потому, что стоит *вне истории* и человечества. Ветхий Завет есть процесс систематического очищения Израиля от мифологической жизни, а подобный процесс и есть путь святости. Святость, соединенная с животностью, есть *реальность*. Израиль, стоящий вне человечества, реален, между тем, как *народы, составляющие человечество*, историчны, т. е. *фиктивны*. Ныне фикция рассеивается; с Наполеоном начавшийся процесс самоунижения европейских народов, заканчивает мифологическое состояние Европы: за рассеявшеюся фикцией обнаруживается реальность, т. е. еврейство. Поэтому моральные задачи современного мира таковы: найти общую евреям и европейцам территорию, на которой могло бы быть воздвигнуто еще никогда не бывшее *реальное человечество*. Такая территория есть Реформация, или всеобщее покаяние и равенство всех перед одинаково евреями и европейцами неисполненным нравственным законом — таков путь, которым еврейство может истинно выйти в человечество, а европейские народы — в реальность. Таков единственный путь создания единого человеческого рода.

В обмене мнений после доклада приняли участие проф. *Мейер, Тубянский, Цинберг* и др. *Ал. Ал. Мейер* считает неприемлемым для себя выставленный докладчиком тезис об «исторической правоте антисемитизма». «Я, — заявил оппонент, — с антисемитами и разговаривать не могу, у нас нет общего языка — они язычники!» *С. Л. Цинберг* указал на

крайнюю схематичность и необоснованность всего доклада. Опираясь терминами «миф», «реформация», «историчность», «фиктивность» и т. д. не в их обычной значительности, докладчик не дал себе труда пояснить, какой он, собственно, смысл влагает в каждый из этих терминов. Без этого все тезисы доклада расплываются в туманной недосказанности и недоказанности. Первая половина доклада, где речь идет о «внутреннем Карфагене», о «неисторичности» еврейск. народа и о непринадлежности его к человеческому роду, совершенно не вяжется с заключительными выводами доклада. Равенство всех перед «абсолютным нравственным законом» и есть ведь тот девиз, который был впервые возведен миру еврейским народом, и этот же девиз привел иудаизм в столкновение с остальным миром. Проблема взаимоотношений и согласования иудаизма с европейской культурой, заявил оппонент в заключение, проблема, принявшая особую заостренность в переживаемый нами исторический момент — заслуживает самого серьезного внимания. К сожалению, теряющийся в туманностях и противоречиях доклад Л. В. Пумпянского менее всего может содействовать выяснению данной наболевшей проблемы.

Доклад Л. В. Пумпянского, парадоксальный и неубедительный, вызвал в общем горячие прения.

**О нравственном и умственном состоянии
современной России²⁴
(доклад, прочитанный 2 апреля 1922 в ВФА)**

Тезисы:

1. О т<ак> н<азываемой> современности не может быть суждений аналитического типа. Учение о ней есть часть моральной практики.
2. Современность есть ассимиляция историка (исследователя) и предмета его одинаково обязательному будущему.

²⁴ ИРЛИ. Ф. 474. № 470. Впервые опубликовано нами в журнале «Вопросы философии» (1994. № 12. С. 156–157).

3. Суждение о современности есть поэтому не анализ, а парадигматический кризис, т<о> е<сть> есть вид и степень пророческого (не дивинациского) знания.

4. Сознание современной России есть абсолютная свобода, единственный предмет пророчества.

5. Наши выдающиеся люди принадлежат поэтому кануну современности, не ей самой.

6. Поведение ген<ерала> Брусилова в 1920 г.²⁵ есть рудимент русского гуманизма XIX-ого в<ека>; всемирно-историческая личность В. И. Ульянова-Ленина принадлежит ему же.

7. Историческая вина Ф. Зелинского заключается в сужении понятия Возрождения. Университет (т<о> е<сть> отвлеченная реставрация трагич<еской> цивилизации) есть эпилогическое явление. Распадение Университета в наши дни не есть поэтому последствие Революции и трудных внешних условий.

8. Эпилогизм же есть истор<ическая> вина т<ак> н<азываемой> символической поэзии. Вытеснение ее вульгарным лиризмом наших дней есть последствие этой вины.

9. Все эти три сферы систематической цивилизации (Правительство — Университет — т<ак> н<азываемая> символ<ическая> поэзия) не современны нам. Современна нам — пауза между поэзией и писательством.

10. Только с появлением писателя (Schriftsteller) русское общество соединится с современностью себя же.

11. К сознанию современности должны быть направлены все наши усилия.

12. Создание послеисторической современности ставит тему пуританства и разрешается в молитве.

²⁵ В мае 1920 г. русский военный деятель, генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов (1853—1926) отверг предложение о сотрудничестве с Белой армией и стал председателем Особого совещания при главнокомандующем Вооруженных сил Советской республики, которое обратилось к бывшим русским офицерам с воззванием выступить на защиту родины.

Я. И. Гордин

Заметный участник вольфильского дискурса, Яков Исаакович Гордин, представленный в «Еврейской энциклопедии» как видный *французский* философ и специалист в области средневекового иудаизма, в истории отечественной мысли «не числится» и практически не известен в сегодняшней России. Между тем его биография по-своему показательна и типична¹. Родился он в Двинске в зажиточной русско-еврейской семье. Вскоре родители переехали в Петербург, где Яков, отличаясь великолепной памятью и осваивая древнееврейский, коранический арабский и сирийский языки, получил блестящее домашнее образование. В 1914 году он поступил в Петербургский университет и посвятил себя изучению филологии и философии, особенно интересуясь неокантианством основателя Марбургской школы Германа Когена. Февральскую революцию Гордин встретил восторженно, пропагандируя анархические идеи Кропоткина. Осенью 1917-го он перебрался на юг России, где в хасидских общинах впервые познакомился с каббалическими текстами, которые оказали большое влияние на формирование его взглядов. В 1921 году Гордин возвратился в Петроград и вскоре (возможно, благодаря знакомству с ученым секретарем Ассоциации – А. З. Штейнбергом, также урожен-

¹ Подробнее см.: *J. Gordin. Écrits. Le renouveau de la pensée juive en France.* – Paris, 1995.

цем Двинска) стал одним из постоянных участников вольфильских заседаний.

Два года спустя, в сентябре 1923-го, он навсегда оставил Россию² и переехал в Берлин, где, тесно сотрудничая с журналами «Academie für die Wissenschaft des Judentums» и «Encyclopaedia judaica», всецело посвятил себя иудаистике. В 1929 году он опубликовал диссертацию «Untersuchungen zur Theorie des unendlichen Urteils» («Исследование теории бесконечного суждения»). После прихода Гитлера к власти, в мае 1933-го, семья Гордина покинула Берлин и обосновалась в Париже. В «Cahiers juifs» и других изданиях появились его статьи, посвященные еврейской философии Средневековья. Оккупация Парижа гитлеровскими войсками вынудила его в 1940 году бежать на юг Франции. В 1945-м Гордин вновь в Париже, но тяжелое заболевание не позволило ему вернуться к активной работе. Поздним летом 1947 года его перевезли в лиссабонскую больницу, где он скончался 23 августа, на 51-м году жизни. Последними словами, обращенными к португальским врачам, были: «sono ebreo» («я еврей»).

² Сохранилось отношение от 7 июня 1923 г. за № 25, адресованное в Петроградское управление научных учреждений и подписанное председателем Совета ВФА Ивановым-Разумником и секретарем Пинесом: «Вольная Философская Ассоциация на основании § 4 своего устава направляет действительного члена и лектора Ассоциации Якова Исааковича Гордина в заграничную командировку в Берлин, сроком на шесть месяцев, для научно-философских занятий, в частности, для ознакомления на месте с современным состоянием и развитием основных течений немецкой философии. Вольн<ая> Филос<офская> Ассоциация просит все учреждения оказать ему, Я. И. Гордину, возможное содействие в достижении вышеуказанной цели» (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 9. № 68. Л. 34). В документе (№ 4108 от 15/VI 23 г.), подписанном руководителями управления М. Кристи и Я. Гессеном, указывалось, что «со стороны Петроградского Управления Научных Учреждений Академического Центра препятствий к заграничной командировке Вольной Философской Ассоциацией члена и лектора последней Я. И. Гордина не встречается» (ЦГА СПб. Ф. 2555. Оп. 1. № 921. Л. 20).

Действительно, в предвоенной Германии и Франции Яков Гордин был видным участником интеллектуальной еврейской жизни, одним из немногих, для кого древний иудаизм являлся собеседником современного мира. Его многочисленные энциклопедические статьи посвящены мистическому наследию Израиля в каббалистической литературе. Еврейский вопрос он рассматривал с точки зрения метафизики в свете актуальной катастрофы и грядущей апокалиптики. Универсальность еврейского народа представлялась Гордину не исторической перспективой человечества, но конкретной проекцией страдания, своеобразным символом пути человеческого самопознания. На страницах его главной и единственной книги о «бесконечном суждении» (философская биография Маймонида, готовившаяся к 800-летию средневекового еврейского схоласта, так и осталась незавершенной) демонстрировалось превосходство неокантианской диалектики Когена над мыслью Гегеля.

Вместе с тем Я. И. Гордина с полным основанием можно отнести к тем «русским евреям» (автохарактеристика А. З. Штейнберга), которые сочетали иудейский гнозис с традиционной для русской интеллигенции страстью к познанию и ответственностью. Он был поглощен проблемой эзотерических русских сект и знал ее особенно хорошо. Даже простое перечисление тем выступлений Гордина в Вольфиле свидетельствует о степени его знакомства с самыми разнообразными сторонами отечественной и мировой культуры. Кроме того, он помогал секретарю Ассоциации Д. М. Пинесу вести протоколы заседаний, а в 1922 году участвовал в подготовке первого философского съезда в Петрограде.

Характерной особенностью философствования Гордина было доминирование живого слова над письменной речью. По свидетельству очевидцев, всё, что он говорил, несло в себе метафизический смысл, независимо от того, касалось ли это жизненных событий или книжных цитат, во-

площась в самоценном словесном творчестве, демонстрировавшем оригинальность и красоту мысли. Хотя, конечно, подобная увлеченность устной речью не могла не оборачиваться и своей менее привлекательной стороной: словоохотливостью, или самодостаточностью слова (в шуточной поэме Конст. Эрберга «Вольфила» Гордин наделен эпитетами «методичный» и «колоритный», потому как «льет слова отлично»). «Максимализм и идея конца» — очевидно, первое выступление Я. И. Гордина в Вольфиле в качестве основного докладчика. Состоялось оно ровно год спустя после доклада Андрея Белого, также посвященного теме максимализма, — 30 апреля 1922-го, на СХХIV-м заседании ВФА.

Максимализм и идея конца³

I. Основное содержание максимализма: мерой действующего служит сама безмерность.

Такое содержание может быть осуществлено лишь тогда, когда наличествует постоянное полагание себя в сферу свободы, как творческого долженствования культуры, или, иначе, когда наличествует непрерывное переживание «начала» истории. Переживание это уже потому, что оно непрерывно, необходимо сопряжено с непрерывным же переживанием каждого момента за «конец» истории. Это значит, что содержание максимализма адекватно идее перманентного «креационизма» и перманентной «эсхатологии». — Поэтому идеологию максимализма можно рассматривать как отфилософствование религиозной мифологемы о «воплощении Бога» — тема вечного рождения Сына.

II. Анализ проблемы сознания (в аспекте личного сознания и сознания как системы культуры) уясняет, что по-

³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 62. Тезисы выступления Я. И. Гордина записаны Д. М. Пинесом. Впервые опубликованы нами в журнале «Вопросы философии» (1999. № 6. С. 82–83).

нения культуры и истории глубинно «максималистичны» и «революционны» по самому своему замыслу.

[Ход анализа: Три измерения сознания как три направления долженствования культуры: логическое сознание — (науки), этическое — (политика), эстетическое — (искусство). Лишь эстетическая направленность сознания (которая предполагает логическую и этическую) впервые создает единство сознания — впервые реализует темы сознания («смыслы»)].

III. <...> Конец истории — <...> релятивная идея. <...> Конец <истории не есть> «дверь», в которую <должно> войти («рай»), а «путь», по которому должно идти. — Максимализм без эсхатологии.

IV. Лишь неэсхатологический максимализм и разрешает антиномию средств и цели, лишь на его почве может быть построено и оправдано понятие адекватности средства-цели («Цель» к<а>к метод полагания средств). — Примеры: Проблема социальная (Критический социализм. Демократия). Проблема национальная (Критический космополитизм). Проблема семьи.

V. Тема любви к действительности. Любовь к действительности снимает противоположность примирения с действительностью, как любовь к человечеству, но отнюдь не сопряжено с пониманием человечества как «женственного». Феменизация культуры (экстатический максимализм — «прекраснодушие» — *Schonseligkeit*⁴). Маскулинизация культуры (деспотический максимализм). Творческий максимализм, на почве любви к действительности, снимает эту противоположность, понимая человечество как единство «*ewigweibliches*»⁵ и «*ewigmannliches*»⁶ (муже-женственность, «христо-софийность», андрогиничность).

⁴ блаженство (нем.).

⁵ вечно женственное (нем.).

⁶ вечно мужественное (нем.).

Идея человечества. Человечество – онтологический <статус?> всякого бытийствующего процесса; момент творчества самого миротворчества, диалектичность мировой диалектики. Сын Божий, Мессия, Адам Кадмон («Adam Kadmon» – «Колесница Бога»). Человечество к<a>к человекобожество. Лишь максимализм без эсхатологии реализует человекобожеское мировоззрение и обратно. Тема трагизма. Храбрость – авантюризм.

Г. П. Зотов

Вольная Философская Ассоциация, вероятно, была наделена особым «магнетизмом», поскольку притягивала к себе не только известных интеллектуалов двух столиц, не только талантливую молодежь, заинтересованную в творческом поиске, но и особую категорию — дилетантов, в любые времена занятых исключительно строительством и пропагандой индивидуальных философских систем. Эти оригиналы, как правило, принципиально не желают чему-либо учиться, их воинствующий апломб вполне самодостаточен, а нигилизм не знает пределов. Однако и они жаждут общественного признания — той меры внимания и уважения, в которых нуждается любое, даже искусственно изолировавшее себя самосознание. В воспоминаниях ученого секретаря ВФА возникает целая вереница «чудаков-одиночек», посещавших Вольфилу. Так, однажды к Иванову-Разумнику явился некий инженер Крушинский со своей собственной «теорией нового государства, свободного от крушений», изложенной в объемной рукописи. Позже с содержанием трактата познакомился и А. З. Штейнберг. Встретив у своих собеседников искреннее сочувствие, Крушинский поблагодарил их следующими словами: «Скажу на прощанье, что для таких сумасшедших, как я, существование такого философского содружества в России, как ваше, есть большое счастье»¹.

¹ См.: А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 76–78. Михаил Теофилович Крушинский — член партии социалистов-революцио-

Обратим внимание, что подобные полуапокрифические персонажи уже встречались на этих страницах: А. Ракшинский — автор «трактата» «Переоценка ценностей»; Н. Д. Красильников с тезисами «О Боге»; гражданский инженер Б. Г. Перетяткович, желавший «организовать» жизнь наподобие искусства; М. И. Корцов — «дядя Миша» со своей «Вавилонской башней» и другие. Руководители Вольфила не только не дистанцировались от дилетантизма, но и по мере сил стремились поддерживать в распадающемся социуме живительную иллюзию свободного диалога. Их отличало отсутствие каких-либо проявлений высокомерия по отношению к философствующему дилетантизму, быть может, еще и потому, что сами они долгое время являлись в глазах ведущих представителей академической философии подобными дилетантами. Позже Штейнберг утверждал, что Вольфила «без особых усилий» добилась признания со стороны представителей «так называемой русской академической философской школы», которые «постепенно от резкой оппозиции, чуть ли не презрительного отношения» к «самозванцам, смеющим называть себя философами», — они «не только признали» Ассоциацию, «но даже захотели примкнуть» к ней: «Например, Николай Онуфриевич Лосский говорил о нас своим ученикам в университете: “Какая же это философская ассоциация, какие они философы? Разве Петров-Водкин, да и Блок — философы?” Впоследствии Николай Лосский прочитал доклад об интуитивизме на одном из открытых собраний этих “философов-самозванцев”. Таким образом, официальная философская школа в Петербурге признала нас. И это было чрезвычайно важно. Такие старые корифеи, как Лосский, Николай Кареев и другие, стали членами нашего Вольного философского содружества, и опре-

неров, затем левых социалистов-революционеров, откуда был исключен в 1922 г. «за дезорганизаторскую деятельность». См.: Партия левых социалистов-революционеров: Документы и материалы. Т. I. С. 815 (Комм. Я. В. Леонтьева).

деление философа по такому чисто формальному признаку, как академическая степень, как бы уничтожалось»².

О личности «сибиряка» Георгия Зотова, кроме того, что в северной столице он возник летом 1922 года, практически ничего не известно. Вероятно, буквально тогда же он познакомился с руководителями Ассоциации. Намереваясь выступить перед аудиторией Вольфила, Зотов оставил для ознакомления рукописное изложение собственной философской концепции. На тот момент ни Иванов-Разумник, ни Конст. Эрберг не смогли, бросив все свои служебные и личные дела, отреагировать на эту заявку, и автор начал терять терпение. В недатированном письме к Конст. Эрбергу (в котором показное самоуничижение граничит с ничем не сдерживаемым апломбом) он настаивал на немедленном возвращении своего опуса:

«Многоуважаемый Константин Александрович!

Будьте столь добры, привезите, пожалуйста, в Петроград мою рукопись, так как я сам приехать за ней не имею возможности. Р. В. Иванов мне сказал, что он этой рукописи еще не видел. Очень жаль. А если бы и увидел, то, вероятно, мне читать ее все равно не придется, хотя бы она и представляла из себя что-либо... Причин, конечно, много. Для меня же эта рукопись почти *все*, если не в жизни, то во всех моих начинаниях. А так как к тому же я не имею и черновиков к ней, то, я думаю, вы поймете, что это такое.

Разумник Вас<ильевич> по обыкновению, “завален по горло работой” и ему ли до какого-то неизвестного сибирского человечка и его исканий?

Так, пожалуйста, прошу Вас, привезите, а я зайду и возьму у Вас на квартире! <...>

² А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 94. Как нам представляется, это замечание ученого секретаря ВФА нуждается в корректировке. Даже несмотря на свои, по сути дела, единичные выступления в Вольфиле, представители т. н. «академической» философии все же не были вовлечены в ее непосредственную работу в роли «членов» философского сообщества.

Замечательно, между прочим: Ваши стихи-дерзания³ показались мне как будто списанными с моей поэмы в стихах “Дерзость пламени”, хотя Вы эту поэму нигде и не могли видеть. Г. З<отов>»⁴.

Вскоре Совет ВФА принял решение заслушать изложение взглядов «неизвестного сибирского человечка» на одном из своих ближайших заседаний. В рукописном объявлении сообщалось, что т. Зотов выступит с докладом «Моя система» в понедельник 25 сентября 1922 года⁵. Накануне напористый докладчик, уже успевший к этому времени лично познакомиться и с представителями академической философии, разослал несколько собственных писем-повесток, в которых просьба посетить его выступление излагалась с тем же нарочитым самоуничижением. Одна из таких записок, адресованная профессору Радлову, сохранилась: «Многоуважаемому Эрнесту Львовичу Радлову. Будьте столь добры и любезны не откажите придти в понедельник 25 сент<ября> Фонтанка 50, кв. 25 в 8 ч<асов> в<ечера> в Волфил послушать мой слабый стон “пессимиста”. А может быть, и скажете там что-нибудь в порицание или оправдание моих заблуждений. Мне так приятно было бы послушать Вас... 22/IX — 1922 г. Г. П. Зотов»⁶.

Содержание изложенного в Вольфиле доклада Г. Зотова нам неизвестно, однако общие представления о его «системе» можно получить из «открытого письма», которое автор отправил на имя «вольных мыслителей» в конце декабря 1924 года — уже после того, как ВФА перестала существовать (судя по всему оно было далеко не единственным посланием подобного рода). Поскольку, по собственному определению,

³ Речь идет о сборнике стихотворений «Плен», изданном «Алконостом» весной 1920 г.

⁴ ИРЛИ. Ф. 474. № 142.

⁵ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 5. № 8. Л. 44.

⁶ ИРЛИ. Ф. 252. № 598.

за прошедшие после доклада в Вольфиле два с лишним года Зотов сменил «пессимистическое» умонастроение на специфически понимаемый «оптимизм», можно предположить, что после того, как автор «системы» обнаружил ясное понимание необходимости «сбросить с себя... привилегированный груз обязанностей», теоретический солипсизм, заключенный внутри его мировоззрения, обрел наконец себе союзника в виде скептицизма и практического цинизма⁷.

Схематизм, наивность, гиперболизация – вот основные признаки этой, достаточно типичной, «негативистической гносеологии»⁸. Отталкиваясь от «абсурда» как универсальной экзистенциальной ситуации, скептическое сознание, по необходимости ищет абсолютные решения внутри самого абсурда. В результате оно приходит к очевидному парадоксу: единственным *положительным* разрешением бессмысленности существования является *отрицание* всего и

⁷ Цинический способ философствования, имеющий древнюю историю, никогда не утрачивал свою актуальность. Ср.: «Античность знает циника (лучше будет сказать: киника) как чудака-одиночку и моралиста-провокатора себе на уме. Диоген в бочке – прародитель этого типа. В альбоме портретов, изображающих социальные характеры, он предстает с тех пор как насмешник, не участвующий в общей игре, как схищный и злой индивидуалист, который демонстрирует, что ни в ком не испытывает нужды, и которого никто не любит, потому что он не позволяет никому уйти неуязвленным, уклонившись от его грубо разоблачающего взгляда. По своему социальному происхождению он городская фигура... <...> Только при наличии города, выступая как его “негативное изображение”, образ циника может выкристаллизоваться и обрести отчетливую форму – под прессом общественной молвы и всеобщей любви-ненависти к себе. И только город может включить циника, который демонстративно поворачивается к нему спиной, в число собственных оригиналов, которым он симпатизирует как ярко выраженным, расположенным к общению индивидуальностям» (П. Слотердайк. Критика цинического разума. – Екатеринбург, 2001. С. 25–26).

⁸ Выражение Г. Г. Шпета. Подробнее см. его работу «Скептик и его душа», опубликованную в «философском ежегоднике» «Мысль и слово» (Вып. 2. – М., 1918–1921. С. 108–168).

вся. Такому типу сознания, которое руководствуется собственным нигилистическим высокомерием, постулируя принцип, что «мир — это порождение его собственного Я», не дано посмотреть на себя со стороны, с дистанции самосознания или, хотя бы, самоиронии. Руководствуясь эмпирическим опытом и стремясь к метафизическим выводам, личность, таким образом, оказывается в плену у собственного скептицизма; она бросается из крайности в крайность, но так и не приходит ни к какому конкретному результату. Блестящую характеристику нигилистически ориентированного скептического сознания находим у Гегеля: «Это сознание <...> есть бессознательная болтовня, переходящая от одной крайности — от себе самому равно-го самосознания — к другой крайности — к случайному, сбиту с толку и сбивающему с толку сознанию. Само оно не согласует эти две мысли о себе самом: *то* оно признает свою свободу как возвышение над всяким хаосом и всякой случайностью наличного бытия, *то* оно точно так же сознается в том, что снова впадает в *несуществование* и блуждает в ней. Оно предоставляет несущественному содержанию исчезать в его мышлении, но именно этим оно есть сознание несущественного; оно провозглашает абсолютное *исчезновение*, но это *провозглашение есть* и это сознание есть провозглашенное исчезновение; оно провозглашает ничтожество видения, слышания и т. д., а *само* оно *видит*, *слышит* и т. д.; оно провозглашает ничтожество нравственных существенностей — и в то же время само подчиняет свои поступки их власти»⁹.

Скептические взгляды Г. П. Зотова не были исключительным уделом «чудаков-одиночек». О том, что подобные метаморфозы индивидуального сознания обусловлены радикальной социально-политической трансформацией российского общества и носят типический характер, сви-

⁹ Г. В. Ф. Гегель. Феноменология духа. С. 111.

детельствовал А. З. Штейнберг, столкнувшийся с этим симптомом еще на занятиях в своем кружке «Основные вопросы метафизики»: «Определяя задачи метафизики, описывая ограничения, так сказать, законной территории метафизики в системе философских наук, я должен был постоянно бороться с преобладающим в аудитории агрессивным солипсизмом. Это была настоящая борьба. Было стремление масс увильнуть от общественной деятельности того времени. Чтобы облегчить свою совесть, они создали себе некий философский “тайник”, в который они, как улитка в раковину, прятались и там сидели: “Нас никто и ничто не может тронуть”. Это, пожалуй, было для них самым важным. Реакция на ужасы — бесчувствие. Реакция на дурную общественность — отрицание даже возможности общественности. Большинство моих слушателей были такого мнения. Возможно, что такие настроения были связаны с теми огромными общественными потрясениями, через которые мы тогда проходили»¹⁰.

Лавируя между Сциллой академической философии и Харибдой философского дилетантизма, Вольфиле приходилось не только вести разнообразную полемику, но и определяться в собственном понимании предмета философского знания. «Можно, конечно, разуместь под философией чистую теорию, дело познания во всей его отъединенности от жизни, — писал А. А. Гизетти в рецензии на первый том «Очерков развития русской философии» Г. Шпета и «Критику творческого сознания (Обоснование антиномизма)» Ф. Куклярского, — но если так, философы становятся просто учеными специалистами особого — пусть высшего типа. Не таков исторический смысл философского дела как дела культуры. Философы потому и считаются

¹⁰ А. Штейнберг. Друзья моих ранних лет. С. 107.

¹¹ А. Гизетти. Эрудит и дилетант (По поводу двух философских книг) // Записки Передвижного Театра П. П. Гайдебурова и Н. Ф. Скарской. 1923. 22 октября. № 63. С. 8.

высокими маяками человечества, что они знают путь, что к познанию у них присоединяется полноценная *воля*. Только единое мировоззрение, создает философа, обретающего гармонию правды после долгих исканий *истины*»¹¹. С точки зрения такой широко понимаемой философии культуры дилетантизм вовсе не тождественен очевидной банальности или же глупости. Безусловно, у «людей абсурда» было много общего с максималистски настроенными «скифами»: подобное притягивает подобное, ведь самый прямой и последовательный путь к абсурду — это максимализм¹².

Многоуважаемые вольные мыслители!¹³

(Если Вы только есть такие, потому что мы все знаем кое-что о несвободе человеческой мысли даже наедине. А как бы мне хотелось, чтобы Вы были действительно вольными)

Судьбе угодно было создать меня таким-то и таким-то, и я поэтому (+ другие приводящие обстоя<ельства>), — решил больше не беспокоить Вашего почтенного внима-

¹² Теме «абсурда» посвящено знаменитое «эссе» А. Камю «Миф о Сизифе» (1941), где стремление «человека абсурда» к «абсурдной свободе» охарактеризовано «возвратом к отчетливому сознанию» и «бегством от повседневного сна». Французский философ-экзистенциалист предвидел и последствия такой «абсурдной свободы»: «Как и всякая свобода действий, эта новая независимость имеет свой временной предел. Чека на вечность у нее нет. Но она заменяет собой иллюзии *свободы*, которым в час смерти приходит конец. <...> В результате взору человека абсурда открывается обьятая огнем и скованная льдом, прозрачная и ограниченная в своих пределах вселенная, где все невозможно, однако все дано и вне которой нет ничего, кроме гибели и небытия. И тогда он может решиться принять существование в такой вселенной и черпать в этом свои силы, свой отказ от надежды и упрямое свидетельство жизни без утешения» (А. Камю. Творчество и свобода: Статьи, эссе, записные книжки. — М., 1990. С. 67–68).

¹³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 185.

ния после моего последнего письма, хотя с моей стороны и нельзя было усмотреть какого-либо преступления перед Вами даже в том случае, если бы мои письма были самые глупейшие из глупых. Наконец, я просто мог быть Вашим, ни к чему Вас не обязывающим, вольным (или, вернее, «самовольным») корреспондентом!

Однако с того времени, т. е. со времени посылки мною Вам последнего письма, в деле развития моего мышления произошли некоторые изменения, которые позволяют мне напомнить Вам о себе (независимо от Вашего желания или пожелания иметь со мною какие бы то ни было дела) в интересах хотя бы одной только чистой философии.

Дело в следующем. Все, вероятно, знают о том, что мир вообще имеет два основных начала своей сущности: бытие и небытие. Эти начала, по-видимому, так же незыблемы, как незыблемы начала жизни: добро и зло, свет и тьма, покой и движение, тепло и холод и проч., так как если бы не было одного из этих начал, то не существовало бы и другого.

Сущность человека есть также сущность мира с теми же мировыми началами бытия (жизни) и небытия (смерти).

Далее, имея в виду, что ничто сущее не могло бы быть, существовать, если бы оно не проявляло путем вечного движения, проявления, борьбы между бытием и небытием, то след<овательно>, мир — это так же еще и вечная, изначально-бесконечная борьба между этими двумя основными началами, т. е. между бытием и небытием. Таким образом, мир приобретает еще одно неизменное начало — это движение, борьба, переход из одного начала в другое. Это общеизвестно и понятно.

Но исчерпывается ли сущность мира этими началами, — вопрос пока не разрешается. Если мир есть, с одной стороны — мир бытия, с другой — мир небытия, с его вечною борьбой, царствующей над тем и другим, то как этот мир, мир, так сказать, триединой сущности мог бы существовать, если бы у него не было еще одной его сущности, —

а именно — сущности ни того, ни другого, а просто никакого или вернее — всякого?

В самом деле, разве может что-либо быть таким-то и таким-то, если оно не будет в то же время и просто никаким? Ведь если бытие есть, то не потому ли оно есть, что есть небытие? (Не потому ли есть свет, что есть — тьма?) Следоват<ельно>, мир как будто приобретает в нашем понятии еще одно и, пожалуй, самое главное начало, начало никакое, т. е. Всякое, а быть всяким, быть всем, не значит ли это — быть ничем, никаким? Отсюда, несомненно, имеет своим источником начало бога, творца всяческой. Начало никакое, или всякое, оно есть то завершение всех начал, которое выражается понятием о «Начале всех Начал», т. е. начало никакое и в то же время всякое.

И как прямое следствие, отсюда идет новое понятие о человеке, как о человеке Никаком, о нашем изначальном и бесконечном Никаком Я, которое, все наполняя, в то же время нигде, ни в чем и никак себя не проявляет. Оно никакое: ни сущее, ни существующее, никогда не исчезающее и не воскресающее. В нем все начала и концы. Оно совершенно безучастно ко всем делам мира, в нем же обезличивается, обращаясь ни во что, всё наше святое и грешная. Все наши великие заслуги и не менее великие злодеяния превращаются ни во что!

Такая точка зрения на мир вносит как будто нечто новое, должна как бы освободить человека от мысли о том, что он есть одно из бесконечных безвольных вещей и явлений в мире, совершающих нескончаемый рейс между бытием и небытием.

Наше основное Я, никакое, как бы становится безучастным ко всему тому, что должно исполнять наше Я, живущее, и наше Я, противоположное бытию, т. е. Я несуществующее, находящееся в небытии.

Если основная сущность дела человека была до сих пор такой же основной сущностью дела всякой другой вещи мира, в виде исполнения пассивной роли во власти непо-

стижимой Необходимости, и человек должен был считать себя простой игрушкой в руках этого мира, во власти его основных начал, борьбы между бытием и небытием, то его начало никакое, начало всякое, дает ему право ограничить себя этого, никакого, от какого бы то ни было другого, сущего или находящегося в небытии.

Так, многоуважаемые вольные мыслители-философы, я сам стал не участник в своей собственной жизни!

Жизнь моя может продолжаться или прекратиться, мое живое я может совершать или не совершать все, что только ему угодно, меня, никакого, это нисколько не касается, ибо я став никто и ничто, тем самым приобрел всё! Я написал себя НИКАКОГО. Вот почему, если мое настоящее такое-то и такое-то, живущее Я, хочет или находит нужным, например, писать Вам, то я знаю также, что того, другого, моего никакого Я, это совершенно не касается, и оно ни в чем в данном случае не страдает и не самообольщается ни от самоунижения, ни от самовосхваления etc.

Можно сказать, что моя жизнь раздвоилась. По одну сторону осталась жизнь так, как она есть, а по другую — ни жизнь ни смерть, ни бытие ни небытие, но нечто такое, что не поддается ни определению, ни пониманию в обычном смысле.

Что же в конце концов это такое нечто, мое второе Я, вышедшее по другую сторону, противоположную бытию и небытию? Если я сам не в состоянии дать ему точное определение и понятие, то не есть ли оно просто миф, пустое место, которое не существует?

Да, пожалуй, это именно и будет наиболее точное определение без определяемого, без содержания, несуществующее пустое место, потому что всякое пустое место в обычном понимании есть противоположность месту заполненному, тогда как мое пустое место есть прямая противоположность и месту пустому и месту заполненному. Оно именно место никакое.

И я нашел себя никакого. Я по ту сторону некто и нечто — с одной стороны, и по ту сторону — ничего, никто и ничто — с другой стороны.

Я над тем и над другим. Я выше или ниже, а вернее, ни выше, ни ниже, ни над, ни под, а именно нигде и в то же время везде!

И стало: моя жизнь и мое небытие — это одно и моя ни жизнь ни смерть, мое никакое ничто — это другое! — и это не софистика, не схоластика и не метафизика, а это есть сущая реальность, реальность в несколько необычном понимании. Именно реальная действительность в своем как бы отсутствии всякой реальной действительности!

Это есть совершенно безжизненная логика не только в пределах жизни, но и за пределами небытия, всякого небытия.

Можно ли сказать, что все это абсурд? Да, можно. Потому что это, действительно, абсурд с точки зрения всякого жизненного понимания, но с точки зрения моей, с моей точки зрения как никакого, безлогичного и бессмысленного Я, — это истина, аксиома, не требующая доказательств.

Но откуда все это? Каким образом все это появилось у человека и притом человека самого обыкновенного, как и все остальные люди?

Ответ может быть только один: все это от полноты моего сознательного безумия.

Разве я не могу быть безумным, сознательно безумным?

Если я не могу быть до некоторой степени мыслящим, то почему же мне в то же время не быть несколько бессмысленным?

Даже больше: если я могу быть безумным умником или мыслящим безумником, то почему же я не могу быть ни тем ни другим, а просто никаким?

Скромно говоря, между нами, почему бы мне не быть таким, каким не знала еще земля человека?

А тут скрывается для меня безграничный простор быть кем угодно и каким угодно!

Беспредельные горизонты к неисчерпаемым возможностям... Не пора ли человеку сбросить с себя этот привилегированный груз обязанностей считать себя во что бы то ни стало самым разумнейшим существом в мире?

МОЕ открытие НИКАКОЙ с точки зрения строгой критики ничего не открывает, но оно дает мне возможность, уничтожив всякую критику живого человека, видеть перед собой такие горизонты и перспективы, перед которыми, как говорится, «ДУХ ЗАХВАТЫВАЕТ»!

Чтобы не утомлять Вашего благосклонного внимания, на этом я и закончу.

В заключение я только позволю себе сказать следующее: особенность человека заключается, между прочим, в том, что он способен иногда зародить в себе самом такого идейного или морального гада, который, окрепнув, в состоянии потом поработить и пожрать своего поработителя.

Это обстоятельство я всегда хочу помнить и, же<лая> быть по возможности свободным (вольным) <мыслите>лем, иду дальше.

<При>мите мое искреннее уверение в ува<жении> и преданности.

Георгий Зотов
Москва, XII — 24 г.

Поэтическая галерея

Чем дальше повседневность отстоит от воплощения идеалов вольного духа, тем больше надежд люди возлагают на параллельную ей творческую реальность, которая, как им кажется, заключает в себе все признаки желаемой свободы. В начале 1920-х годов участники различных сообществ еще достаточно регулярно обращаются к так называемой «домашней», кружковой литературе — непремennomу атрибуту дореволюционной культурной жизни, которая практически сойдет на нет лишь к концу десятилетия¹. Мир дружеских отношений изначально открыт для творчества, и даже характерная для такого рода литературы ирония — это не издевка или унижение, а симптом некоей интимной близости, окрашивающей совместные интеллектуальные поиски в добрые, лирические и юмористические тона.

Вольфила не стала исключением из правил, и в конечном счете из большого общественного института она превратилась в достаточно узкий товарищеский кружок, участники которого черпали силы и получали удовольствие во взаимном общении, давно уже перешедшем в дружбу. Среди авторов представляемых здесь стихотворных произведе-

¹ Подробнее см.: Из литературного быта Петрограда начала 1920-х годов (Альбомы В. А. Сутугиной и Р. В. Руры) / Публ. Т. А. Кукушкиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1997 год. СПб., 2002. С. 341–402.

ний — Д. М. Пинес, Э. Ф. Голлербах, О. Д. Форш, В. В. Гиппиус, Иванов-Разумник; наибольшее же количество рифмованных строк принадлежит Конст. Эрбергу. В коротких поэтических зарисовках, дополненных шаржированными миниатюрными характеристиками, оживают удивительная атмосфера собраний, отмечаются индивидуальные особенности участников заседаний, проявляются скрытые симпатии и антипатии. Особое внимание привлекает поэма «Вольфила», написанная в ноябре 1922 года по случаю трехлетнего юбилея философского содружества. Портреты всех запечатленных здесь «вольфильцев» и «вольфилок» удивительно колоритны; вместе ее герои составляют единое целое — Ассоциацию вольнодумцев. Хотя тональность поэтического повествования исключительно мажорна, однако уже первые строки дают понять, насколько велик груз накопившейся усталости, которую автор, впрочем, и не стремился скрывать. В декабре 1923-го Иванов-Разумник напишет Андрею Белому: «К. А. Эрберг уже с год не ходит в Вольфилу, а если и ходит, то молчит; попрощался с Вольфилой большой поэмой...»²

Действительное прощание состоялось полутора годами позже — 3 марта 1924 года во время празднования друзьями по ВФА литературного юбилея Иванова-Разумника. Вполне «карнавальное» по своему духу торжество наложилось на драматические события и в стране, и внутри самой Вольфилы. Буквально сразу по следам этого чествования события Конст. Эрберг написал новую поэму «Вольфильский Юбилей». В финальных репликах ее героев отразилось предчувствие близящихся перемен: общее течение полноценной вольной мысли с неотвратимой неизбежностью превращалось в сотни мелеющих и высыхающих ручейков. Над Ассоциацией уже давно сгустились тучи, хотя участники юбилейного торжества и не подозревали еще

² Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 264.

о том, что спустя два месяца Вольфила будет тихо закрыта, точнее, всего лишь не будет зарегистрирована в числе разрешенных общественных организаций.

Д. М. Пинес. Скифо-Вавилонская история³
(Сконаполь-истоар)
23 мая 1921 г.

Посвящается А. Л. В.

Ах, трещит Вольфильский дом!
Забивает Нина — Шуру,
Русый *русский* чернозем
Пра-семитскую культуру.

«Мир влечется в примитив»,
Примитив пришел с эффектом,
Простотою заменив
Усложненность интеллекта.

Примитив пришел и прет
В круг большой и эзотерный;
Ассирийский древний рот
Сжат от горечи безмерной.

И вонзает острый терн
Наркомскиф Р. В. Иванов,
Поручая Гагенторн
Дать отчеты для журналов...

³ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 130. На документе помета рукой Иванова-Разумника: «Д. П. — Дмитрий Михайлович Пинес. А. Л. В. — Шура, Александра Лазаревна Векслер, Нина — Нина Ивановна Гагенторн, Чебышев — Алексей Александрович Чебышев-Дмитриев». Впервые стихотворение опубликовано нами в брошюре «Петроградская Вольная Философская Ассоциация (1919–1924) — антитоталитарный эксперимент в коммунистической стране» (С. 24–25).

В опустелом сердце мрак,
Скорбь скребется, точно кошка;
Захватил коварный враг
Даже светлое окошко.

Но в примитиве вдруг марксизм
Зацвел под звуки Булгакова;
В душе усталой — пароксизм,
И не сдержать волненья злого —

Беги, о древний Вавилон!
Твоя семитская культура,
Твой метод, сложность — *просто* сон
И буржуазная структура!..

И затрещал вольфильский шов
От слов марксистского уклона
[И воздух взорван от циклона.]
Истинно-русский Чебышев
Примкнул к *побегу* Вавилона.

И лишь разумный Наркомскиф
С своею трубкой не расстался:
Он рад, Вольфилу в хаос сбив,
Что — *Понедельник* состоялся.

Д. П.

Э. Ф. Голлербах. Андрей Белый⁴*Разумнику Васильевичу Иванову*

Златую чашу зелий мировинных
Над сонными полями расплескав,
Он вызвал к жизни семена глубинных,
Отравленных, благоуханных трав.

И верим мы — возможно ли не верить? —
Что ворожке пронзительных зрачков
Дано раскрыть неведомые двери,
Осилить плен невидимых оков.

Сквозь строй времен, сквозь бредомуть мгновенья
Он зарево грядущего несет
«Безвременную боль разуверенья»
И мудрости тысячелетний мед.

Все строже мысль, тоска все безутешней,
Угрюмей лик, белее пепел косм.
Нежданный весь, нечаемый, нездешний,
Вихрящихся прозрений микрокосм.

Быть может, он приснился наяву нам?
Смотрите же, смотрите на него,
Неистовым, безумным, вечно-юным
Не надобно от жизни ничего.

Крылатый гений, реющий над бездной,
Над бурями безвидной пустоты, —
В наш рабский век, бездушный век железный,
Как необычен, как чудесен ты!..

11. VII. 1921

Э. Голлербах

⁴ ИРЛИ. Ф. 79. Оп. 4. № 56. В верхней части листа помета Иванова-Разумника: «Э. Ф. Голлербах. 1921».

Конст. Эрберг. Вольфила⁵

1922

Поэма

За столом сидеть зеленым,
Судаком глядеть вареным
В заседании Вольфила —
Ни охоты нет, ни силы.
Продырявилось в ней что-то, —
Оттого и нет охоты.
Ночью, днем, зимой и летом
Больше не хочу сидеть там
Для пустого разговора,
А торчать так, — для «надзора»,
Для порядка — тоже дико.
Коль не веришь, — посиди-ка!
Заседаньям отдал дань я,
Невтерпеж мне заседанья.
Потому, пока в Вольфиле
Члены все не опочили
Под журчанье слов бездушных,
Чтобы не было так скучно, —
О Вольфиле напишу я
Все, что вижу, знаю, чую.

Вот Разумник осторожный,
Очень тонкий, очень сложный.
Слишком тонкий, — мне сдается.
А где тонко, там и рвется.

Тут же «Лилия Сарона»
(Говорю я про Арона)

⁵ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 18 об. — 23. Поэма, а также другие шуточные тексты (кроме стихотворений, посвященных О. Д. Форш) впервые опубликованы нами в журнале «Литературное обозрение» (1995. № 4/5. С. 107–110).

Охраняем фило-софьей,
Посвятил немного слов ей,
Уверяя, что система-
-тической философеми
Он добиться может ныне
Почему-то лишь в Берлине.
Как бы ни было, плененный
И системою прельщенный,
Дух его не хочет воли.
Хоть влюбился бы он, что ли!

Вот влюбленная в Арона
Наша вещая ворона.
Все пророчит горе злое,
Но Вольфила ведь не Троя,
По плечу ли нам Кассандры?
С нас довольно Александры⁶.
Всем известно, что вороны
К воровству бывают склонны:
Все блестящее манит их.
Так, без краски на ланитах,
И Вольфильская ворона
(Та, влюбленная в Арона),
Любопытством обуяна,
Утащила из кармана
У меня сей труд блестящий,
Ложь и правду говорящий:
Утащила, разболтала,
Там, — глядишь, — переписала, —
И пошли гулять листки...
Но ведь то черновики
И наброски без ретуши!
Кто бы ни был ты, — послушай,

⁶ А. Л. Векслер.

Мой читатель: нет резону
Отвечать мне за ворону.
И даю совет тебе я:
Ты блестящие идеи
И блестящие увражи
От вороньей от покражи,
Мой читатель, запирай:
Стащит живо. Так и знай.

Дальше кто? Упрямый Пинес —
За Вольфилу много вынес
Беспокойств от коммунистов,
Все ж бунтует он неистов.
Ты ведь Пинес, а не репiс,
Подчинись же не кобенясь.
Славен Пинес и велик он,
Что в сравнении с ним Никон!
Выше он Толстого графа,
Выше Гете, выше шкафа.

Рядом Яков⁷ методичный.
Этот льет слова отлично:
Философская Вампука, —
А «наличествует» — скука.
Правда, Яков колоритный
Со своею словолитней,
Все же боязно: Вольфилу
Не загнал бы он в могилу.

Вот влюбленный в Алексея
Алексей⁸, что не жалея
«Между прочим» всей Вольфилы,
«Между прочим», что есть силы,

⁷ Я. И. Гордин.

⁸ А. А. Чебышев-Дмитриев.

В упоенье самобытном
О себе самом трубит нам.
До своей до беспардонной
Драгоценнейшей персоны
Очень надо быть охочим,
Чтоб совсем не «между прочим»
Этак цацкаться с собою,
Словно с писаной торбóю
(Ударенье так же дико,
Как у Пушкина музыка⁹).
Лишь умрет он, — мы пророчим, —
Попадет он в рай, где боги,
И конечно «между прочим»
Там на стол положит ноги.
Не сердись, Алеша милый,
Я клянусь святой Вольфилой,
Что люблю тебя я очень,
Потому и озабочен,
Как бы ты свою обиду
Затаив, не подал виду,
Что меня ты любишь тоже,
Предоставив молодежи
Петушиться на дуэли,

⁹ Ср. с комментарием Б. Н. Лосского (из письма, адресованного автору этих строк): «Здесь обращаю к памяти Эрберга свои соображения филологического порядка: ударение на первую гласную этого слова у Пушкина не найдешь. Встают в памяти фрагменты его разных стихов: “и пальба и гром музыки, и эскадра на реке”, “музыка будет полковая, полковник сам ее прислал”, “обрадован музыки громом, оставив чашку чая с ромом...”, несколько примеров в драме “Моцарт и Сальери” и др. Должно быть, иначе и не говорили в первую половину XIX века. А в XVIII веке, как будто в “Подлинных анекдотах” Штелина, встречается слово *Мусикéя*. Подобно тому, больше чем век спустя, Тютчеву слышится не “музыкальный”, а “му-сикийский шорох” в колеблемых ветром камышах. Не знаю, в какой мере задумывались на эту тему присяжные филологи».

Рассуди ты в самом деле:
Да, для красного словца мы
Не жалеем даже дамы
И готовы ради рифмы
Расстегнуть у дамы лиф мы,
Но пойми, болтун ты старый,
Что негоже Ниагары
Пустословья лить и лить,
Чтоб Вольфилу в них топить.

Мейер дальше преподобный,
Во Христе смиренно-злойный.
Раз чертенка съел живьем он,
И в кружке поднялся гомон.
Говорили дамы томно:
Ведь чертятина скромна?¹⁰

Там же Ольга Форш — Христова —
Возражать на все готова.
Возразить иной раз, право,
Так сумбурно и коряво,
Что сама понять не в силах —
Что такое говорила.
Черта Ольга не боится,

¹⁰ Ср. с комментарием Конст. Эрберга в «Примечаниях мемуарного характера к собранию писем»: «Писатель по вопросам философским Ал<ексан>др Ал<ексан>др<ович> Мейер, мой постоянный антагонист по философско-религиозным вопросам в Вольфиле. <...> Мейер часто выступал в Вольфиле с докладами философско-христианского характера. Много говорил о принципе добра, о смирении, о Христе и т. д. Но все это подавалось с такой убежденностью в своей правоте, с такой яростью и злобой к своим идейным врагам (в числе которых, разумеется, был и я, постоянно ему возражавший), что я, характеризуя Мейера в одной шутильной поэме («Вольфила»), написал: <...>. За ним ходили его единомышленники, adeptки и ученицы» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 78—79).

На него совсем не злится;
Своевольна, бесшабашна,
Вместе с тем, увы, монашна.
На церковную на фольгу
Убеждаем плюнуть Ольгу:
К скифам ты гораздо ближе,
Чем к попам. Перемени же
Ты скуфейку на скифейку.
Фольги, Ольга, не жалей-ка!

Вот Кузьма¹¹, маляр великий,
Редко скучный, чаще дикий.
В диком виде очень тонок,
А в политике — теленок.

Кто в углу там? Уж не крыса ль?
Нет, то маленькая Виссель, —
Быстроумна, остроглаза,
Любит все науки сразу,
Духом слишком физикальна,
Телом мало материальна.
Впрочем, это грех Вольфилы:
Здесь народ все больше хилый.

¹¹ К. С. Петров-Водкин. В «Примечаниях мемуарного характера к собранию писем» Конст. Эрберг писал: «Известный художник Кузьма Сергеевич Петров-Водкин был большой любитель поговорить на тему о живописи и об искусстве вообще. Говорил он афористично, ничего не желая доказывать. И был прав: ничего бы не вышло из его доказательств, так наивно были они подаваемы в тех редких случаях, когда он к их помощи обращался. Особенно беспомощен бывал он тогда, когда пытался объяснить свои собственные произведения, которые зачастую были замечательны именно своей убедительностью. Это был подлинный художник, чистой воды живописец, кроме своего искусства мало чем интересовавшийся» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 83).

Разве только, вот, Гизетти.
Что бы там о сем предмете
Мейера не говорили,
А уж он — сродни горилле.
Рост саженный, голос трубный, —
Он Вольфильский наш Поддубный.
В философском споре хваткий,
Клал не раз он на лопатки
Тех, кого считал отпетым,
Самого себя при этом.
В общем, хоть не элегантен,
Да зато уж элефантен.
Кто не любит «по-жидовски»,
На, читай по-чебышевски:
Правда, он не сановит,
Да зато уж слоновит.

Вот Вольфильская Елена¹², —
Все моря ей по колена,
Если ж море будет Белым,
Погрузится в нем всем телом.

Дальше мудрый врач Шапиро.
Много вносит он плезиру
В гущину Вольфильской скуки.
Врач Шапиро — жрец «науки».
Потому привыкли — все мы,
Независимо от темы,
Слушать долгие рацеи
Про любовные затеи
У моллюсков и у раков
Ох! Всегда он одинаков!

¹² Е. Ю. Фехнер.

Вот Уханова: в молчаньи
Провела все заседания.
Кузнецов, — оратор редкий,
Иногда довольно меткий.
Вот Шимкевич: керосином
Лечит даже тех, кто сплином
Безнадежно заболел,
Даже тех, кто окошел.
Вот поборник беззаконья
Анархическая Соня¹³
Со скульптурными кудрями,
Вот с цыганскими глазами
Надя Меринг, вот и Миша¹⁴,
Тот, что выпустил афишу
С приглашением поскорее
Выполнять его затею:
Строить, не глядя на вьюгу,
Вавилонскую лачугу.
Вот и Гаген-Торн с Донбасса
Про Вольфилу точит лясы¹⁵.
Вот Орлова: очень склонна
Верить, что она мадонна.
Где ж архангел Гавриил?

¹³ С. Г. Каплун.

¹⁴ М. И. Корцов.

¹⁵ Ср.: «Летом 1921 года, бросив Университет и Вольфилу, я сорвалась и уехала в Юзовку — в Донбасс, узнавать другое, то, что было необходимо узнать мне: как кроваво и ослепительно бурлит Украина. Я уехала туда в качестве культпросветинструктора Всероссийского союза металлистов. И таскала тачки в Юзовской шахте две недели, когда все мужчины на шахте были мобилизованы на войну с Махно. Забыла Вольфилу» (*Н. И. Гаген-Торн. Воспоминания об Андрее Белом // Andrey Bely Centenary papers. — Amsterdam, 1980. P. 12*). Ср. также: «...редко-редко показывается Гагенторн (замуж вышла, потом окоммунистилась, а потом и откоммунистилась...)» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 265).

Нет, — ему не до Вольфил.
Вот и Мейер номер два¹⁶
Льет медовые слова.
Ох, уж это сладкогласье,
Травяное бесколбасье
Кровожадность à l'envers¹⁷,
На кондитерский манер!
И готов вопрос простой:
Да причем же здесь Толстой?
Вот поэт Елизавета¹⁸
В папиросный дым одета.
Кто она — в таком дыму
Я покаместь не пойму.
И еще поэт Елена¹⁹:
Из житейского из плена
Рвется в горший горний плен,
Впрочем — верящий блажен.
Вот и Клара²⁰ с удивленным
Взглядом черных глаз, ее нам
Тихий омут подарил, —
Мне чертенок говорил.
Вот Пумпянский многозвонный,
Вот Демчинский вибрионный,
Вот Сорокин Питириша —
Все они в Вольфиле быша.
Были тут во всей красе,
Были, да вот — вышли все.

Кояловичу немилой
Показалась та Вольфила,
Где в чести какой-то Белый,

¹⁶ Л. А. Мейер.

¹⁷ наизнанку (*фр.*).

¹⁸ Е. Г. Полонская

¹⁹ Е. Я. Данько

²⁰ К. Г. Иструм.

Где что хочешь, то и делай,
Но при каждом при вопросе
Не дают пускаться в гносе-
-ологические гили,
Да и вольной-то Вольфиле
Не пришлось он по сердцу:
Нету скифского в нем перцу.

Для Вольфилы нестерпимы
Все скопцы и Питиримы,
И не палка бригадирья
Ей мила, а безранжирье,
Вольный розмах и Свобода.
Так жила она три года,
Проживет еще века так
Без подчисток и заплаток.
Ведь в Вольфиле, может статья,
Даже дыры пригодятся:
Пусть в мещанские башки
Крепко свишут сквозняки
Из Вольфильских дыр. Авось
И продует их насквозь.
Петербург
Ноябрь 1922.

[Приписка Иванова-Разумника]

Вот и Эрберг полусонный
И свободой плененный.
Но свобода — Дульцинея
Виснет точно груз на шее.
Бедный рыцарь иннормизма,
Вечный данник догматизма,
Любит он Вольфилу очень,
И одним лишь озабочен:
Иннормически любить бы,
Упаси Бог от женитьбы.

Конст. Эрберг. Кто чем болеет в Вольфиле²¹

Андрей Белый	glossolalia. Проказы (берлинские). Может быть излечен только катаклизмами.
Иванов-Разумник Пинес	Смертельно болен вольфилой. Камни (за пазухой) против идейных врагов.
Чебышев-Дмитриев	Божецаряхранические порывы к словоиспусканию. Приступы извращенной антропофагии: ест только «живод» (на Штейнберге подавился). Вздутие живота и самолюбия.
Штейнберг	Тоже людоед: поедает сердца, преимущественно женские. Едет на запад брать кисло-сладкие философские ванны.
Векслер	Чумеет. Лечение бесцельно. Перечумеет — будет здорова. Страдает дурной детской привычкой есть бумагу, губную помаду и прочие малоусвояемые вещи; напр<имер>, за последнее время проглотила сразу несколько книг Белого, а сейчас ест (глазами) каменную гору.
Гордин	Недержание речей.
Форш	Забубенная чума. Нервная чесотка мозга.
Петров-Водкин	Медвежья болезнь после порции скифских идей.
Мейер I	Экклезиатская холера. Неизлечим.
Мейер II	Сахарная болезнь.
Виссель	Свинка: редко посещает заседания.
Гизетти	Элефантиазис.

²¹ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 23 об. — 24.

Шимкевич	Не может ни заболеть, ни умереть: обессмертила себя керосином. (Других лечит им даже от мук совести.)
Шапиро	Притупление верхушки тела. Требуется пересадка верхней конечности.
Гепштейн	Застарелые дарвинические боли.
Уханова	Паралич языка.
Коялович	Ложно-вольфилитическая сыпь.
С. Каплун	Очень ветренная оспа (прирожденная).
Рабинович	Болезнь пространства, времени и особенно причинности.
Пумпянский	Афазия. Напр<имер>, желая сказать, что у Вольфилы ложный круп, сказал, что у нее крупная ложь.
Демчинский	Атония и моветония мозга.
Сорокин	Кишка тонка.
Эрберг	Здоров*.

Конст. Эрберг. Анкета о смене голов²²

Иванов-Разумник ²³	хотел бы обладать головой Гордина, чтобы узнать, что тот думает, когда берет слово и произносит 12-часовую речь.
Эрберг	не желает ничьей чужой: свою бы не потерять в Астории.
Фехнер	желала бы обладать главой Вольфилы — А. Белым.
Шапиро	хотел бы иметь все равно чью голову, но умную.

* *Примечание жены:* А если здоров, то нечего принимать belladonn'y и лечиться Асторовым маслом.

²² ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 24.

²³ Приписано карандашом: «в качестве председателя собрания».

Чебышев	Отказался менять свою драгоценную голову, но когда она все же была снята, взял ее бережно в руки и «любезно ее лобызаше».
Векслер	хотела бы иметь голо<го — зчркн.>ву Арона.
N.N.	сто голов рогатого скота.
N.N.	мечтает о «белой головке».

Ноябрь 1922.

Конст. Эрберг. Еще про ворону²⁴

На губную на помаду
Положив молчанья палец,
Вдаль глядит усталым взглядом
Исстрадавшихся страдалиц.
И понятно: едет вон
Из России наш Арон.

XI—22

**Конст. Эрберг. Ответ Е. Ю. Виссель
на ее стихи²⁵**

Сим плохим стихотвореньем
Мое сердце не задето,
Потому что, к сожаленью,
Юмор Виссельников это.

XI—22

²⁴ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 24 об.

²⁵ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 24 об. Стихотворение Е. Ю. Виссель не сохранилось.

О. Форш. К портретам Воль — фильцев²⁶

К. А. Эрбергу

Эй Истина стань к стенке!
Унять ей трепет крыл!
Так в умовом застенке
«Цель Творчества» он вскрыл.

Мила «апашей» форма
Лишь подлинному «мисту»
Известно: — «иннормисту»
Добро — давно уж норма.
О. Ф.

Конст. Эрберг. Ольге Форш²⁷

Эй, Муза, стань-ка в позу
Поправь на крыльях фольгу
Заткни за пояс розу
И, коль посмеешь, Ольгу,
Что пишет не стихи,
А рубленную прозу.

Конст. Эрберг. Ей же²⁸

Писать дубовые стихи
(Ведь под дубами — ты писала?)
Тебе конечно не пристало.
Уж очень-то стишки плохи.
Какой тебя попутал бес
Слагать стихи в тени древес.

²⁶ ИРЛИ. Ф. 474. № 376. На рукописи дата рукой К. Эрберга: «1922». Стихотворение вместе с ответом было также переписано в «Тетрадь припоминаний» (ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 35).

²⁷ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 35.

²⁸ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 35.

*Д. М. Пинес*²⁹

3/VI 23

От Вольфила Константину
Эрбергу привет,
Ах, попала в наш стан тина
Не спасет и Шпет!³⁰

Тот читает, те уснули,
Пустошь и тоска.
Не сварить в такой кастрюле
Даже судака.

И едва ли мы полтинник
Нынче соберем —
Но тому, кто имянинник,
Поздравленье шлем.

*В. В. Гиппиус. К. А. Эрбергу*³¹

Не должно расходиться двум поэтам...
Что Вы поэт, мне это ясно так

²⁹ ИРЛИ. Ф. 474. № 219. Л. 2. На обороте помета: «Дм. Пинес прислал это 21 мая / 3 июня 1923 с Раз<умником> Васильевичем Ивановым. К. Эрберг. 1940».

³⁰ 3 июня на очередном воскресном заседании ВФА с докладом, посвященным «Очерку развития русской философии» Г. Г. Шпета (Пг.: Колос, 1922), выступал А. А. Гизетти.

³¹ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 34. В воспоминаниях Конст. Эрберга приведена иная версия причин, по которым он пропустил ряд «понедельничных» заседаний в Вольфиле, где В. В. Гиппиус читал поэму «Лик человеческий»: «Его огромную поэму мы с Р. В. Ивановым-Разумником слушали в чтении автора еженедельно чуть ли не в течение всей зимы 1922 г. Зима была тогда холодная и голодная. Слушали, сидя в шубах в нетопленной комнате. Наконец я заболел и пропустил две недели. Гиппиус написал мне напоминание (конечно, в стихах: он так был охвачен своей поэмой, что прозой писать не мог). Я ответил

Же как и то, что Вы отнюдь не враг
Моей поэме. Если я припевом

Иным стихотвореньем Вас задел, Вы дерзость
Мне отпустите, памятуя все,
Что в «Цели Творчества» Вы в честь ее
Хотя и прозой, столь же дерзко пели...

Припомните и «Плен»! На звон стихов
Зову опять, — придите и судите —
В пророчество грядущих голосов,
В предвестие потомственных событий.

(P. S.) Надеюсь, что почтительный сей зов
И дружбе соответствует чувствительной.

1 июля 1923.

Вл. Гиппиус.

К. А. Эрберг. В. В. Гиппиусу³²

Не должно расходиться так поэту,
Как Вы, мой милый, нынче разошлись:
Начав читать поэму прошлым летом,
Досель читаете. Что ж, будет так всю жизнь?..

Меня поймете, коль без церемоний
Скажу: и для влюбленных time is money³³.
А я влюблен и занят только тем,
Что сам пишу в неделю семь поэм, —
Одна другой пространней и бездонней, —
Все о прекрасной о моей мадонне.

стихами же в его тогдашнем стиле, не без умысла дружески его пародируя. <...> Он, кажется, на меня обиделся...» (ИРЛИ. Ф. 474. № 53. Л. 33—34).

³² ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 33 об.

³³ Время — деньги (англ.).

О ней пишу всю ночь я, до зари,
А день — в чаду любовного недуга...
Вот почему хожу теперь к Вам туго,
И Вам нельзя меня за то журить.

(P.S.) Надеюсь, — это объяснение друга
Найдете удовлетворительным.
2 июля 1923.

Конст. Эрберг. Вольфильский юбилей³⁴

Поэма

(Посвящается Иванову-Разумнику)

*Da chi mi fido quardi mi Dio,
Da chi non mi fido mi quardero Lo³⁵*

Глава первая

1

Так как много мудрых и смелых
Наш Разумник дел понаделал
За последние двадцать лет,
То достоин он юбилея.
Надо ехать к нему поскорее. —
Так решил Вольфильский совет.

2

Сели, поехали.
Ехали, — приехали.
Ну, не потеха ли:
Вольфильский юбиляр!

³⁴ ИРЛИ. Ф. 474. № 48. Л. 44об.—49. Впервые поэма опубликована нами в «Ежегоднике Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1994 год» (СПб., 1998. С. 152—160).

³⁵ От того, кому я верю, сохрани меня Господь, / От того, кому не верю, сам себя я сохраняю (ит.)

Нет, не желаем мы!
Лучше залаем мы,
Лучше завоем мы,
Лучше уж устроим мы
Разумнику пожар!

3

Так и решили.
Но с прошлого года
(Не тем помянут буди)
Пошли у нас в Вольфиле
Почтенные люди³⁶
(В семье не без урода).
Итак, пожар отпал,
Постановили:
Устроить лишь скандал.

Глава вторая

4

Постояли на крыльце
И вошли в переднюю
С выраженьем на лице —
Как перед обеднею.

Неприятно удивлен,
Но любезен с виду,

³⁷ Ср.: «Очень деятелен был за последний год Е. П. Иванов, но уклон у него очень „мережковский“ с одного конца и очень „церковный“ с другого (впрочем, оба эти конца прекрасно вяжутся). <...> Еще деятельное участие в Вольфиле принимал А. А. Гизетти, прекрасный человек, но которому на роду написано быть типичным, приличным, культурным профессором Университета. Что он Вольфиле, что ему Вольфила?» (Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 265).

Вышел к ним Вольфилемон
(Позади — Бавкида³⁸).

— Что такое? — Ничего:
Юбилять пришли мы
Вас и Ваше творчество
Мы неумолимы. —

5

Бледный Разумник духом не пал
От предстоящих событий
И, юбилейный чуя скандал,
Только вздохнул и глухо сказал:
— Ваша взяла! Входите.

6

Выступает Эрберг первым.
Чтоб подействовать на нервы
Юбиляру,
Он читает по бумажке
Прегнусаво и с растяжкой
Как с угару.
А Гизетти деревяшкой
По пустому самовару
Бьет фанфару

Глава третья

7

Маститому Разумнику Васильичу Иванову,
Маститому Иванову-Разумнику Васильичу,

³⁸ Подразумевается Варвара Николаевна Иванова (урожд. Оттенберг; 1881—1946) — жена Р. В. Иванова-Разумника. В античной мифологии Филемон и Бавкида — символ благочестивой супружеской четы.

Маститому Васильичу Разумнику... и прочая,
И прочая, и прочая (не знаю как короче я),
Маститому и спереди, и сзади, и с середины,
За то, что он такой по имени короткий,
За то, что по делам он длинный и широкий, —
Вольфила шлет свои чувствительные строки:

8

«Разумник целый век трудился».
Из песни.

Уж двадцать лет ты пишешь книги
И много книг понаписал.
Вот и носи теперь вериги,
Вот и влезай на пьедестал.

Вина-то, правда, не большая.
Что книги? — Право чепуха:
Всяк пишет то, чего не знает,
И все ведь мы не без греха?

А вот за то, что юбилей
Исподтишка чинил друзьям,
За то тебя не пожалею:
Лезь в юбилей, голубчик, сам.

Кадила здесь раздует тупость.
Чуть торжеством ее затронь, —
Из уст польется благоглупость,
А из кадилиц — благовонь.

9

Стоит Разумник безответен.
Вторым приветствует Гизетти:

– Сологуба юбилять
Ты меня подгуськал
Так, что Федор слег в кровать.
Вот теперь примусь-ка
За тебя, за самого,
И тебя облаю.
Не робей, брат, ничего:
И не то бывает.
Знаю я народ. И вот –
У него болит живот... –

Пинес прерывает:

10

Мы тебя огреем
Пышным юбилеем,
Ухнем торжеством,
Славу разнесем.
Чтобы слава не подмокла –
Вы, Вольфильцы, – бейте стекла!
Эй, сходишь народ!
Вот Разумник! вот!

Глава четвертая

11

Тем временем праздный народ давно
По Колпинской³⁹ занял проходы.
Известно, – народ – что природа:
Гони его в дверь, – влезет в окно,
Особенно ежели где юбилей
Или, там, кража со взломом.

³⁹ С 1907 по 1929 гг. Р. В. Иванов-Разумник жил в Царском Селе (в 1920-е гг. – Детском Селе) по адресу: Колпинская, 20.

Вот так и тогда народ-ротозей
Наполнил все щели дома.
Под грохот оркестра (отколь взялся?)
Разумник провел четыре часа
Подряд в юбилейном содоме.

12

— Виват, Разумник-юбиляр!
Гремите трубы, барабаны,
Глядите все, и млад, и стар, —
Вот он Разумник, вот Иванов!
— Где, где? В высоких сапогах?
— Да, — это форма: он народник
— А ромбы есть на рукавах?
— Как интересен он сегодня!
— Все пустяки: Разумник — скиф
Он сапоги по-скифски носит,
И вообще как скиф спесив:
Служить не станет в Наркомпросе.
— Он к юбилею, говорят,
Вчера купил себе подтяжки...
— Ура Разумнику! Виват!
Качай его! Хватай за ляшки! —

13

— Да что вы, братцы! Бросьте шутки!
Я постараюсь быть глупей,
Коль слишком был для вас разумник... —
— Ну нет! Пляши по нашей дудке:
Уж юбилей, так юбилей, —
Сказал тут Эрберг однодумный:
Качал других — летай, брат, сам! —

И началась над ним расправа.
И полетел он к небесам

А рядом с ним летела Слава.

Глава пятая

14

Народ устал, народ вспотел
От юбилейных этих дел
И по домам идет. Вольфильцы
От пуха очищают рыльца.
Но Векслер с Виссель на скандал
Поставить точку пожелали:
— Теперь умеешь ты летать,
Вольфильский хитрый командир наш.
Тебе кричим мы — исполать!
Теперь прославлен ты всемирно.

15

А что слегка помяли
Когда тебя качали, —
Сам виноват: к чему
Писал ты книжек тьму
И рыл своим друзьям
Так много юбильям.
А впрочем, все забыто
И в душу не запало.
— Да будет вам грешить-то! —
Сказал Евгений Палыч⁴⁰:

⁴⁰ Е. П. Иванов.

16

Вы что к нему пристали?
Ведь даже и scandalить
Христос велел по Божьему.
Не гоже это, дети,
Смотрите, он ответить
Нам хочет: невтерпеж ему.

Глава шестая

17

И вот, Разумник говорит.
— Ну да конечно же мастит.
Ну да конечно же писатель.
(Все это в скобках). Впрочем кстати:
Такой ли у маститых вид?

И ростом мал, и телом хрупок,
А кудри — так, — одна печаль.
Меня считать маститым глупо,
Да и писатель я едва ль.

Взгляни в чернильницу пустую,
Перо давно уж заперто.
Да потому уж не пишу я,
Что не печатает никто!

Живу себе я с краю, в хате,
Все это ясно говорит,
Что никакой я не писатель
И что ничуть я не мастит

18

Вот, что касается друзей,
Так здесь попутал сам нечистый.

Здесь, каюсь, грешен: лил елей,
А выходило водянисто.
Вперед закаюсь лет на триста, —
Порукой в том мой юбилей.

А впрочем... Десять лет прошло, как
Скончался деверь тетки Блока... —

19

— Нет! Не могу! Качать его!
Возобновляйте торжество! —
Вскричал тут Эрберг как безумный.
— Я пошутил! — сказал Разумник,

Но в сторону: — Вольфилой все-таки
Почтен быть должен деверь тетки! —

Глава седьмая

20

Юбилейная фольга слиняла,
Юбилейный вынесен сор,
И Вольфильцы за чаем устало
Свой домашний ведут разговор:

— Вольфила погибла: я еду в Берлин, —
Dahin, wo blühn die Aronen⁴¹
Разумник! Останетесь Вы здесь один
Со славою, но без вороны. —

— Ох, тяжка вороне путь-дорожка.
До Берлина не доедет, нет:

⁴¹ Род фиги (*прим. авт.*). Туда, где цветут Ароны (*нем.*). Намек на А. З. Штейнберга.

Или деньги выкинет в окошко,
Иль за завтраком сжует билет. —

21

— Где билеты наши, кстати?
Как бы нам не опоздать: и —
Дти-то ведь кусок не малый! —
— Надо этак рассчитать,
Чтобы мы, придя к вокзалу,
Опоздали опоздать. —

22

— Ты наш милый, наш маститый!
Нас за все, за все прости ты!.. —
(Так в жилетку плачет Пинес).
— Пинес! Ты не утопи нас!
— И Разумник так размякнет,
Что, пожалуй, правду брякнет! —

23

— Ну, гони нас, Разумник, в три шеи.
Да не снятся тебе юбилеи.
Видь во сне ты не дрянь и не гниль:
Видь во сне — одну лишь вольфиле.

Глава восьмая

24

В передней, толкаясь, калоши давили,
Соседу влезали в пальтошный рукав,
И, соблюдая Вольфильский устав,
Затеяли спор о Вольфиле.

Виссель — Хоть ты, Разумник, и мастит
После того, что было, —
Вольфила все ж тебе простит.
Разумник! Верь в Вольфилу! —

25

Евг. Иванов — Разумник! верь в мою Вольфилу
Моя Вольфила — во Христе,
А у товарищей, мой милый,
Вольфилы уж не те. —

Эрб. — В свою Вольфилу верь чрез силу.
Своя Вольфила — это... во!
Пусть будет так у всех. Вольфила
Лишь путь: ничуть не божество. —

26

Евг. Ив. и Эрб. — Куда же путь-то? — Куда кто хочет!
И этот крайний путь — в борьбе... —
— Последний поезд отходит ночью? —
Эрб. — Вольфильский поезд идет средь ночи, —
В нем едет каждый из нас — к себе. —

Послесловие

Так в двадцать четвертом году мы дурили, —
Тот год был чреват юбилеями.

Товарищи! Мы ведь в Вольфиле!

Умеем мы

Ценить и любить человека большого —
Разумника нашего милого,

Такого нам всем дорогого, такого...

Вольфилого!

1—9 марта 1924

Послесловие

Вольная Философская Ассоциация вела свою работу в течение долгих четырех с половиной лет. Сегодня, когда голоса очевидцев умолкли, а большинство документальных свидетельств уничтожило время, только с величайшим трудом можно понять, что же заставляло людей в эпоху первоначального строительства коммунизма собираться вместе, вести дискуссии и находить интеллектуальное отдохновение в вольном философствовании. «Русским мальчикам» европейские гипотезы всегда казались аксиомами, но когда те все-таки потребовали доказательств, то подтверждать, или оправдывать их пришлось подлинно гуманным наполнением собственной жизни. Главный итог деятельности Вольфилы заключается, на наш взгляд, в том, что мировоззренческие принципы ее организаторов и подавляющего большинства участников собраний были обусловлены идеей свободы и достоинства личности.

Новые формы духовного общения создавались в царстве «Левиафана советской общественности» (выражение Иванова-Разумника) — государства, отвердевавшего после революционного расплава, костеневшего, мертвевшего, запиравшего общество на ключ террора. Вся история Ассоциации это противостояние мысли, возжелавшей свободы, и государства, обустроенного на основе определенных принципов, подминавших под себя жизнь. Надзирающее и карающее государственное око обратило внимание на Вольфилу лишь в 1924 году. Хотя после смерти Ленина

правлящую партию раздирали собственные фракционные склоки, это не мешало коммунистам особо остро реагировать на инакомыслие, вот уже много лет исходившее от внепартийного окружения. По поздним официальным оценкам, «Вольная философская ассоциация объединяла философов и поэтов различных течений, но решающее большинство стояло на платформе реакционного идеализма и мистицизма»¹. В 1940 году, предваряя публикацию переписки Александра Блока и Андрея Белого, В. Н. Орлов писал более пространно: «В течение ряда лет Белый был занят непрерывной, последовательной полемикой с марксизмом, нападая на него со своих „скифско“-антропософских позиций. Эта полемика привела Белого, вкупе с другими участниками „скифской“ группы, к организации в начале 1919 г. Вольной философской ассоциации (Вольфила). В уставе Вольфила было сказано, что она учреждается с целью „исследования и разработки в духе социализма и философии вопросов культурного творчества, а также с целью распространения в широких народных массах социалистического и философски углубленного отношения к этим вопросам“. Однако не деле Вольфила оказалась пристанищем для реакционных и воинствующих идеологов разгромленных классов, для которых пропаганда идеалистической философии служила удобной формой борьбы с Социалистической революцией, с марксизмом, с советской властью. <...> Вольфила превратилась в своего рода идеологическую цитадель „внутренней эмиграции“»². В 1924-м вольфильцы, конечно же, еще не могли предполагать, что десятилетие спустя идеологические оценки подобного рода станут политическими обвинениями, в соответствии с которыми многие из них будут разбросаны по бесконечным пространствам «архипелага ГУЛАГ», пре-

¹ Большая советская энциклопедия. Т. 13. М., 1929. С. 48.

² В. Орлов. История одной «дружбы-вражды» // Александр Блок — Андрей Белый. Переписка. С. LIX.

вратившись в тюремную и лагерную пыль; другим же Левиафан милостиво разрешит «тихо» уйти в небытие, с единственным условием: не вспоминать. Однако нет ничего более сопротивляющегося времени и распаду, чем ведомая интенцией свободы человеческая память.

В ноябре 1924 года, подводя итоги вольной философии и Вольфиле, Иванов-Разумник писал Андрею Белому: «Пришла стихийная полоса левиафанной государственности (большевики — мелочь, случай), и надо ее пережить ряду поколений — во имя разрушения государственности. В союзе с Вельзевулом не сражаются с Люцифером (это наивно делают искренние большевики), нет, пусть оба они в союзе ведут свое дело. Настали долгие годы катакомб, — не политического, а духовного подполья. „Мы, мудрецы и поэты“ (Бедный Валерий Яковлевич!)³ — это слишком громко сказано; нет, все мы, просто вольные духом люди — уже в подполье, и на поколения. Когда разразилась гроза — мы вышли на вольную волю и стали (так как и раньше были) — скифами; поля сузились до размеров сперва залы, потом комнаты — мы стали (всегда были!) — вольфильцами; комната суживалась, суживалась, уходила под землю — и мы, всё те же, уже в замурованном подполье. В нем и умрем, но не это важно, а то: будет ли нам смена? Не через поколения, — тогда-то, конечно, будет, а вот теперь, завтра, сейчас. Совсем мне не интересно, что лет через пятьдесят тогдашние скифы и вольфильцы с признательностью помянут нас (если помянут), а важно, нужно, необходимо, чтобы я сегодня видел юношу, который задумывается — не над моими словами, не над моими решениями (которых нет), а над нашими вопросами. Я думаю, что есть — хоть один на сто; а это процент достаточный, чтобы не бояться, а только жалеть этих несчастных бой-скоутов, насвистываемых с комсомольской дудочки и всего того, что нас окру-

³ В. Я. Брюсов скончался 9 октября 1924 г. Иванов-Разумник цитирует стихотворение Брюсова «Грядущие гунны» (1905).

жает. А наша участь — с цензурным кляпом во рту и со связанными за спиной руками — доживать эти годы, сорок лет странствования по духовной пустыне»⁴.

Через десятилетия в Отечестве, которое, как известно, не милует собственных пророков, помянуть «вольфильцев» добрым словом могли лишь единицы. Поздравляя в 1953 году О. Форш с 80-летним юбилеем, Е. Лундберг писал об ушедших, не имея возможности даже назвать их имена: «Вспомнились мне и многие милые Ваши и мои спутники и друзья прошлых лет. Давайте, помянем их, верно, мы с Вами единственные помянем их не только в России, но и во всем мире, хотя стоили они не малого... и со многих точек зрения. Во всяком случае все это были подлинные гуманисты»⁵.

⁴ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. С. 300.

⁵ ИРЛИ. Ф. 732. Оп. 1. № 328. Л. 13.

Указатель имен к книге I

- Абрамович Д.И. 500, 502
Августин Блаженный 157, 393 746
Авраамов А.М. 15, 33, 34, 47-49, 52, 53
Аггеев К.М. 800
Адрианов С.А. 500, 501, 502, 692
Айхенвальд Ю.И. 625
Аксаков К.С. 8
Александр I 375
Александр II 362
Александр III 382
Александра Федоровна 632
Александров А.А. 757
Александровская Н.В. 812, 840
Альтман Н.И. 54
Алянский С.М. 59, 62
Амвросий Оптинский 565, 781, 782, 795, 796, 799, 800
Аммон О. 165
Анаксагор 388
Андреев Л.Н. 88 630 798
Анибал Б. 817
Аничков Е.В. 299
Анна Иоановна 507
Анненский И.Ф. 517
Антонович М.А. 170
Анциферов Н.П. 410
Ариосто Л. 589
Аристотель 374, 388, 389, 392, 393, 511, 540, 673
Аросев А.Я. 767
Аскольдов (Алексеев) С.А. 385, 390, 391, 500, 502, 541, 542, 582, 742
Аскоченский В.И. 8
Бабич В.В. 505
Базанов В.В. 67
Бакрылов В.В. 50, 51, 57, 59, 62, 71, 73, 77, 120, 192, 193, 410
Бакунин М.А. 404
Бальзак О. де 536, 593
Бальмонт К.Д. 422, 428, 429
Барабанов Е.В. 741
Баратынский (Боратынский) Е.А. 509, 525, 528
Бартенев П.И. 832
Басов-Верхоянцев С.А. 66, 67
Батюшков Ф.Д. 86 703
Бахта 802
Бахтин Н.Н. 40
Бедкер К. 338
Бедный Д. 454
Безант А. 416
Беленсон А.Э. 89
Белинский В.Г. 8, 42, 142, 152, 723, 768, 825, 832, 834
Белов 248
Белоус В.Г. (В.Б.) 31, 60, 65-67, 199, 315, 410, 692, 823
Белый А. (Бугаев Б. Н.; Belyj A.) 16, 18, 29, 32, 35, 37, 40, 47-49, 51-62, 71, 72, 80, 86, 87, 156, 157, 190, 191, 193, 195, 196, 199, 202, 214, 215, 218, 219, 221, 236, 238, 239, 240, 242, 248, 249, 251, 252, 255, 262, 268, 269, 274, 275, 279, 280, 288, 289, 291, 322, 333, 356, 382, 383, 385, 389, 402-409, 411, 413-416, 418, 419, 422, 428, 431, 433, 436, 440, 477, 478, 483, 492, 494, 496,

- 498-501, 634, 657, 757, 802, 804-808,
813, 835, 836
Бельчиков Н.Ф. 832
Бем А.Л. 484
Беме Я. 157, 393
Бенуа А.Н. 33-35
Бергсон А. 240, 316
Бердяев Н.А. 501, 692, 740, 792
Берлович 351-353
Бернсон В. 820
Бернштейн С.И. 801, 802
Берт Э. 166
Бетховен Л. ван 204
Блан Л. 153
Блауберг И.И. 240
Блок А.А. (А.А.) 16, 18, 24, 30-33, 35,
37-41, 43, 44, 46-54, 56-59, 62, 65-71,
73, 77-90, 94, 116, 119-121, 123, 124,
191, 192, 208, 247, 355-359, 374, 375,
377, 388, 389, 402-413, 415-422, 425-
459, 462-479, 481-497, 500, 502, 638,
713, 714, 730, 731-733, 748, 757, 762,
784, 799, 802, 825, 835, 836, 840
Блок Л.Д. 65
Блох Й. 719
Бобров С.П. 53, 813, 814
Богданов А.А. 202
Богданов М.А. 67
Богомолов Н.А. 191
Бодуэн де Куртене И.А. 813
Боккаччо Д. 91, 728
Болдуин Д. 165
Бональд Л. 537
Бондарев Г.А. 418
Бонди С.М. 802, 816
Бозций А. 393
Браун Ф.А. 86
Браунинг Р. 525
Брик О.М. 816
Брокгауз Ф.А. 374
Брюсов В.Я. 35, 36, 53, 138, 329, 487,
535, 813, 817
Брюсова Н.Я. 53
Бугаева К.Н. 420
Булгаков С.Н. 273, 377, 506, 681-683,
687, 689, 692, 693, 748, 800
Булгарин Ф.В. 8
Буренин В.П. 8
Буржуа Л. 165
Бутервек Ф. 335
Бутру Э. 133
Быстров С.М. 63
Быстрова 405
Бэкон Ф. 179, 374
Бюхнер Л. 126
Вагнер Р. 93, 106-108, 112, 114, 157
Ваксвейлер Э. 166
Василювский И.М. 825
Васильев А.В. 155, 159, 385, 390, 391,
394
Вебер М. 166
Векслер А.Л. 88, 281, 282, 292, 295-
297, 300, 302, 303, 305, 306, 309, 310,
312-315, 317-335, 338-340, 343-354,
390, 395, 499, 502, 588, 608, 610, 611,
613, 614, 616, 630, 666, 668, 669, 671,
727, 730, 731, 734, 735, 736, 737, 801,
802, 806-809, 811, 812, 824-829
Венгеров С.А. 63, 119-124, 156, 157,
159, 613, 614, 703, 803, 813, 832
Вербицкая А.А. 331
Вергилий 593
Верещагин И.П. 607
Верфель Ф. 830, 831
Верхарн Э. 314, 315, 323
Верховский Ю.Н. 410
Веселовский А.Н. 802
Вико Д. 129
Виндельбанд В. 10, 147
Виноградов В.В. 588, 617, 626, 814, 816
Виссель Е.Ю. 281, 288, 290-292, 295-
297, 299, 302, 304-307, 333
Володарский В. 79, 80
Волынский А.Л. 86, 499, 502, 692, 703,
705, 708-712, 714, 718, 721, 722, 724,
725
Вольф Х. 375
Всеволодский В.Н. 30
Вырубова А.А. 476
Гаген-Торн Г.Ю. 8
Гаген-Торн Н.И. 8, 9, 16, 38, 334, 385
Гайдебуров П.П. 191, 194

- Галанина Ю.Е. 11, 452
Галина Г. 835, 840
Галушкин А.Ю. 11, 801
Ганин А.А. 16
Ганслик Э. 838
Гарибальди Д. 126
Гартман Э. 423
Гаусс К. 346
Гафиз 400
Гегель Г. 55, 84, 128-131, 142, 171, 178, 179, 182-183, 376, 396, 625, 638, 641, 670, 671, 673-675, 677
Гейне Г. 93, 107, 123-127, 211, 235, 236, 242, 478
Гекаш 266
Гельдерлин Ф. 424
Гераклит 293, 634, 670
Гердер И. 25
Геродот 21, 149
Герцен А.И. 8, 41, 42, 118-125, 128-154, 156, 159, 176, 177, 180, 181, 231, 334, 361, 363, 365, 388, 404, 789
Герцен Н.А. 150
Гершензон М.О. 124
Гете И. 25, 57, 92, 93, 157, 289, 320, 326, 408, 414-416, 418, 420, 424, 425, 428, 432, 437, 438, 451, 455, 482, 520, 525, 546, 572, 651, 733, 831
Гиддингс Ф. 165
Гидони А.И. 117
Гизетти А.А. 116, 120-123, 139, 156, 159, 160, 168, 228, 244, 259, 261, 262, 265, 334, 355, 356, 359, 360, 361, 363, 368, 810, 829-832
Гильяров-Платонов Н.П. 170
Гиндебург П., фон 815
Гиппий 399
Гиппиус В.В. 53, 355, 360, 377
Гиппиус З.Н. 429, 748
Гиринский Л.И. 281, 284, 287, 294, 296, 298-303, 305, 310-313, 315, 317, 319, 322, 323, 326, 328-333, 338, 339, 342, 345, 346, 348-350, 354
Глазанов 802
Глебов-Путиловский Н.Н. 119, 124
Гнедич Н.И. 832
Гобино Ж. 165
Гоген П. 398
Гоголь Н.В. 108, 115, 439, 542, 544, 545, 594, 619, 728, 729, 768, 796, 832
Голенищев-Кутузов П.И. 8
Голлербах Е.А. 84, 273, 334
Голлербах Э.Ф. 84, 248, 250, 334, 410
Головин А.Я. 410
Гомер 832
Гонеггер И. 94-96, 103, 106
Гончаров И.А. 684
Гопе А. 529
Гопе Т. 529
Гордин Я.И. (Gordin J.) 588, 626, 627, 731, 732, 780, 783, 784, 795-800, 809, 812, 827, 833
Горелов А.Е. 412
Горнфельд А.Г. 33, 821, 822, 825
Городницкий Р.А. 11
Горький М. 61, 85, 86, 124, 191-194, 212, 459, 474, 607, 703, 713, 716, 720
Гофмансталь Г. 820
Градовский А.Д. 763-765, 772
Граммон 821
Грановский Т.Н. 8, 152, 533, 647
Гребнев В.В. 255, 256
Гржебин З.И. 817
Григорьев А.А. 125
Грильпарцер Ф. 520
Гринберг З.Г. 64, 72
Гроссман Л.П. 593, 619, 823
Грот Я.П. 841
Губер П.К. 738, 750, 754, 756, 757, 759, 760, 774, 778, 779
Гумилев Н.С. 86, 802
Гумплович Л. 165, 166
Гурвич И.М. 261, 284, 302, 322, 342, 499
Гурлянд-Эльяшева Э.З. 64, 117, 243
Гурмон Р. де 820
Гуссерль Э. 351
Гуторов В.А. 11
Гуттен У. 91, 115
Гюго В. 521, 523-525, 536, 617
Д'Аламбер Ж. 171
Даль В.И. 7
Данзас Ю.Н. 780

- Данилевский П.Я. 301, 400
 Д'Аннунцио Г. 820
 Данте А. 294, 296, 408, 417, 426, 432, 498, 499, 502, 593, 730, 731, 746, 780
 Дарвин Ч. 161, 171, 263, 267, 707
 Дарий 154
 Декарт Р. 374
 Делянов И.Д. 362
 Демолан Э. 165
 Демчинский Б.Н. 730, 733, 760, 778, 779, 785, 788-790, 794, 796
 Державин Г.Р. 835, 841
 Джотто ди Бондоне 341
 Дидро Д. 171, 675
 Диккенс Ч. 108, 536, 593
 Диоген Лаэртский 424
 Дионисий Ареопагит 157
 Дмитриевский С.В. 72
 Добролюбов А.М. 268, 433
 Добролюбов Н.А. 147
 Добужинский М.В. 339
 Долгополов Л.К. 66
 Долинин А.С. 499, 839
 Донателло 294
 Доронченков И.А. 11
 Достоевский М.М. 667
 Достоевский Ф.М. 42, 110, 115, 135, 177, 241, 331, 337, 357, 363, 482, 498, 499, 501-510, 514-516, 520-522, 525-543, 545-548, 551-558, 560-564, 566-580, 582-610, 612-615, 617-629, 632-669, 671-699, 701-709, 711-724, 726-731, 733, 734, 736-751, 756, 757, 760, 763-765, 768, 771-773, 776-778, 780-787, 789, 792, 793, 795, 798, 799, 808, 825, 828, 829
 Думкина 323
 Дьякова Е.А. 15
 Дюркгейм Э. 165, 166
 Дягилев С.П. 344
 Еврипид 521, 663
 Елизавета Петровна 672
 Есенин С.А. 16, 32, 54
 Ефрон И.А. 374
 Жан-Поль 520
 Жирмунский В.М. 410, 802, 814, 816, 841
 Жуковский 717, 720
 Жуковский В.А. 438, 509, 532
 Заблоская А.Е. 40, 43
 Завадский А.М. 706, 719
 Завалишина Н.Г. 387, 388
 Загоскин М.Н. 728
 Замятин Е.И. 16, 63, 403
 Зедергольм К. 780
 Зелинский Ф.Ф. 385, 389, 399-401, 499
 Зиммель Г. 147, 165
 Змеев Г.Я. 323, 333
 Зольгер К.-В.-Ф. 84
 Золя Э. 535
 Зоргенфрей В.А. 830
 Ибсен Г. 24, 117, 148
 Иванов А.М. 53
 Иванов В.И. 422, 506, 514, 527, 610, 648, 649
 Иванов-Разумник Р.В. (И.-Р.; Р.В.; Холмский В.; Ivanov-Razumnik) 8, 15-19, 21, 24, 27, 29, 30-32, 35, 36, 38-42, 46-54, 56-73, 77, 78, 83, 86, 87, 117-121, 123-125, 149, 151, 152, 156, 159, 175, 184, 191, 196, 199, 207-209, 212, 214, 215, 220, 235, 236, 243, 251, 253, 268, 270, 272-274, 289, 291, 355, 356, 359, 360, 385, 387-390, 394, 395, 402-406, 410-413, 419, 452, 458-461, 464, 465, 474, 477, 478, 482, 484, 486, 491, 498-502, 588, 637, 659, 679, 683, 691, 692, 698, 700, 701, 703, 711, 712, 722, 730, 734-737, 749, 750, 752, 753-757, 764, 770-772, 774-789, 798, 805-812, 825, 828, 829, 834-838, 840
 Иванова Е.В. 40, 51, 67, 124, 199, 212, 390, 412, 502
 Иванова Л.Н. 11
 Иванчин-Писарев А.И. 16, 21
 Иоанн Скотт Эриугена (Ориген; Эригена) 153, 393
 Ирецкий В.Я. 820, 821
 Иссерлин Е.М. 505
 Исапов К.Г. 11, 369

- К.Р. 528
Кавелин К.Д. 152
Казачков С.В. 58
Казин А.Л. 413
Калтуния Б.Н. 35
Камснев Л.Б. 50
Камснева О.Д. 50
Камков Б.Д. 183, 458
Кампанелла Т. 271
Кан Г.С. 11
Кант И. 99, 135, 157, 177, 179-183, 271, 316, 317, 324, 328, 329, 335, 336, 347, 375, 376, 426, 671, 674-677, 701, 726
Каплан С.Н. 158
Караваджо М. 341
Карамзин Н.М. 129
Караччи 341
Карелин В.А. 32
Карсавин Л.П. 220, 385, 390, 392, 394, 499
Катенин П.А. 516
Катилина 47-49, 54, 58, 492
Катков М.Н. 599
Кеневич Ж. 120
Кеплер И. 224
Керенский А.Ф. 475
Клеман М. 816
Клюев Н.А. 16, 32, 54
Князева Н.Г. 30, 51, 74, 355, 501, 838
Коган П.С. 625, 822, 823
Коген Г. 157, 315
Колобанов 633
Коммиссаржевский Ф.Ф. 35, 36
Кондильяк Э. 179
Кони А.Ф. 498, 499
Конт О. 171, 177
Короленко В.Г. 690
Корцов М.И. 333, 334
Котляревский Н.А. 500
Коялович Н.М. 281, 315, 316, 321, 323-333, 345-354, 588, 620, 785, 795, 798, 799
Красвский А.А. 171
Крапах Л. 623
Кранихфельд Н. 72, 73
Крачковский И.Ю. 35
Кристи М.П. 72-74, 251, 264, 275, 390, 398, 410, 501
Кропоткин П.А. 165
Крылов И.А. 212
Крюкова А. 191, 194
Кублицкая-Пиоттух А.А. 65
Кудрицкая 333
Кудряшева Н.В. 413
Кузнецов Н.Н. 727, 730, 732, 809
Кукушкина Т.А. 11, 807
Кунце Ф. 346
Куприн А.И. 703
Кушнер Б.А. 16, 47-49, 51, 53, 55-59, 71, 77, 803
Кьеркегор С. 84, 85
Лабриола А. 166
Лавров А.В. 11, 31, 35, 41, 83, 87, 124, 191, 212, 333, 412, 413, 737
Лавров Н.С. 59, 255, 259, 262
Лавров П.Л. (Арнольди С.С.; Доленги А.) 78, 130, 147, 148, 155-189, 208, 361, 365, 404,
Лагардель Ю. 166
Лагутина И.Н. 57
Лажечников И.И. 728
Ланге Ф. 669
Ландино К. 386
Лапицкий В.В. 7
Лапуж Ж. 165
Лапшин И.И. 315, 346, 359, 499
Ларин Б.Н. 727, 801, 802
Ласснер П.-Ф. 515, 516
Ласк Э. 157
Лацис М.И. 62
Лебедев П.М. 35
Лебедев-Полянский П.И. (Полянский В.) 190
Лейбниц Г. 260, 393
Лемке М.К. 63, 119, 124, 461
Ленин В.И. 193, 220
Леонардо да Винчи 470
Леонтьев К.Н. 498, 499, 502, 737-754, 756, 757, 760-768, 770-773, 776, 777-783, 785-800
Леонтьев Я.В. 11, 31, 32, 67-69, 404, 406, 465

- Лермонтов М.Ю. 478
Лернер Н.О. 832
Лесаж А. 591
Лесков Н.С. 502, 542, 545, 727, 728
Лесман М.С. 30, 51, 74, 355, 501, 838
Липпи Ф. 308
Липский А.В. 157
Ллойд Джордж Д. 449
Ломоносов М.В. 34, 375, 507, 672
Лопатин Л.М. 360
Лоренцо Великолепный 386
Лосев А.Ф. 281
Лосский Н.О. 54, 248, 249, 346, 385, 389, 499
Луис П. 612, 820
Лукьянов С.М. 355
Луллий Р. 393
Луначарский А.В. 29-31, 35, 40, 42, 46, 47, 50, 51, 53, 56, 58-60, 62
Лундберг Е.Г. 16, 30, 32-36, 38, 47, 49, 50, 52, 53, 60-62, 67-72, 152, 153
Луцк Л. Н. 806, 807, 816
Лурье А.С. 47, 49, 53, 54, 88, 89, 191, 194
- Магеровский Д.А. 31, 32
Магницкий М.Л. 8
Мадзини Д. 126
Майков А.Н. 533, 570, 689
Максимов Д.Е. 80, 82, 208, 403, 407, 410
Малевич К.С. 54
Мальмстад Д. (Malmstad J.) 41, 420
Маркс А.Ф. 623
Маркс К. 131, 136, 169, 200, 221, 230, 231, 719
Масанов И.Ф. 19
Матвей о. 796
Маттеуци (Маттеучи) К. 165
Маширов А.И. 242, 243, 245
Маяковский В.В. 54, 225, 625, 789, 825
Мебиус (Möbius) П. 628
Мейер А.А. 53, 56, 191, 196, 214, 217, 222, 227, 238, 240, 241, 355, 356, 359, 360, 368, 369, 498-502, 693, 698
Мейер Л.А. 400
Мейер Ю. 822
- Мейерхольд В.Э. 44, 46, 47, 49-53, 58, 59, 64, 71, 458, 459, 460
Мелсин А.И. 819
Мемлинг Х. 344
Менделеев Д.И. 708, 822
Меньшиков М.О. 8
Мережковский Д.С. 79, 87, 124, 149, 429, 564, 634, 692, 703, 712
Меринг Н.М. 280, 281, 284, 285, 287, 288, 290, 292, 297, 305, 306, 309-312, 317, 323, 333, 334, 337-340, 345, 348, 354, 359, 364, 374, 375, 390, 400, 401, 404, 499, 500, 811, 837, 839, 842
Метнер Э.К. 430, 431
Микеланджело Б. 310-313
Милль Д. 171
Мининес 333
Мирский Д.П. 89, 90
Михайлов А.В. 57
Михайлов М.Л. 125
Михайловский Н.К. 8, 68, 110, 147, 148, 174, 175, 181, 182, 361, 836
Мищенко Л.Л. 257, 346
Модзалевский Б.Л. 599
Мошешотт Я. 126
Мольер Ж. 526
Монтень М. 91
Монтескье Ш.-Л. 171, 537
Монье Ф. 386-388
Мор Т. 91
Морозов Н.А. 784
Мочульский К.В. 82, 83
Мстиславский С.Д. 16, 19, 21, 25, 47, 49
Мужоль 165
- Нагродская Е.А. 343
Надсон С.Я. 225
Наполеон Бонапарт 558, 604
Наторп П. 315
Некрасов Н.А. 728, 825, 838
Нельдихен-Ауслендер С.Е. 283, 323
Нечаев С.Г. 599
Нива Ж. 18
Никитенко А.В. 8
Николаев А.С. 814
Николаев Н.И. 505

- Николаев-Бергин Н.М. 632, 679, 683, 684, 691, 693, 698
 Николай I 544, 791, 832
 Нико-лай Кузанский 787
 Нироп 821
 Нише Ф. 105, 130, 137, 140, 148, 157, 249, 285, 327, 415-417, 422, 551, 552, 607, 656, 664, 665, 690
 Ноайль П. де 151
 Новалис 84, 434, 520
 Ньютон И. 174, 181, 796
- Обатнина Е.Р. 11, 17, 748, 807
 Одоевский В.Ф. 174, 177, 181
 Ольденбург С.Ф. 86, 814
 Орешин П.В. 16
 Орлов В.Н. 38, 412
 Осокин П.М. 290
 Островский А.Н. 542, 545
 Оуэн Р. 145
 Оффенбах Ж. 788
- Павлова М.М. 11, 429
 Павлович 721
 Падеревский 343
 Панченко О. 224
 Парето В. 166
 Пармели 165
 Парменид 41, 396, 397
 Паскаль Б. 106, 396
 Паули Г. 626
 Переверзев В.Ф. 35
 Перикл 97
 Перцов П.П. 53
 Пестель П.П. 8
 Петр I 149, 176, 177, 365, 507, 508
 Петрарка Ф. 91, 115
 Петрицкий В.А. 410
 Петров-Водкин К.С. 16, 47, 49, 51, 52, 54, 57, 58, 63, 71, 191, 198, 226, 360, 377, 385, 401, 461, 492, 809, 812, 837, 840
 Пигулевский 248
 Пико делла Мирандола Д. 91, 386
 Пинес Д.М. 19, 72, 410, 411, 498, 499, 500, 632, 703, 727, 730, 733, 734, 736, 737, 776, 778, 793, 794, 809
- Пиотровский А.И. 801
 Писарев Д.И. 110, 148, 170, 514
 Пифагор 626
 Платон 41, 157, 179, 180, 257, 271, 281, 293, 374, 384-399, 401, 417, 418, 501, 502, 537, 603, 604, 626, 638, 642, 647, 649, 660, 663, 670-674, 677, 681, 682, 697, 746
 Платонов С.Ф. 814
 Плиний Старший 21
 Плотин 387, 393
 По Э. 108
 Победоносцев К.П. 740
 Познер В.С. 802
 Покровский М.Н. 37, 60
 Полонская Е.Г. 801, 802
 Порфирий 387
 Потапенко И.Н. 703, 835, 840
 Потенба А.А. 803
 Потемкин В.П. 35
 Пришвин М.М. 16, 18, 748
 Прокофьев С.С. 54
 Протагор 258
 Прудон П. 762, 763
 Пуанкаре Ж. 622, 836
 Пуже Э. 166
 Пумпянский Л.В. 498, 499, 501, 505, 611, 612, 629
 Пунин Н.Н. 53, 191, 197, 220, 233, 236, 240, 241
 Пушкин А.С. 8, 23, 24, 110, 125, 149, 150, 176, 177, 209, 284-287, 365, 394, 408, 420, 437, 455, 478, 498, 505, 507, 508, 511, 513-515, 522, 530, 532, 533, 539, 540, 575, 619, 625, 681, 684, 711, 728, 809, 813, 814, 819, 832, 835, 839, 840
 Пшибышевский С. 820
 Пяст В.А. 410, 801
- Рабинович Я.Л. 812, 840
 Радищев А.Н. 8
 Радлов Э.Л. 119, 124, 156, 159, 160, 346, 355-362, 374, 377, 814
 Раппопорт Х. 178
 Расин Ж. 512, 516, 524
 Распутин Г.Е. 476

- Ратцель Ф. 165
 Рафаэль 321, 342, 432, 710, 718, 735, 820
 Рачинский Г.А. 363
 Реймер Н. К. 165
 Рейснер М.А. 36
 Рейхлин И. 91
 Рембрандт Х. 293, 300, 314, 315, 323, 342
 Ремизов А.М. 16-18, 63, 70, 461, 703, 748
 Ренан Ж. 260
 Ренувье Ш. 147
 Рибейроль Ш. 150
 Риккерт Г. (Rickert) 147, 840
 Римский-Корсаков А.Н. 53
 Римский-Корсаков Н.А. 53
 Розанов В.В. 250, 537, 600, 601, 604, 631, 685, 690, 692, 712, 738, 741, 742
 Розов С. 659, 668, 673
 Рошин-Гроссман И.С. 35
 Рубенс П. 294, 344, 831
 Рунич Д.П. 8
 Руссо Ж.-Ж. 171

 Сабашникова М.В. 53, 58, 404
 Саводник В.Ф. 832
 Сакулин П.Н. 124
 Салтыков-Шедрин Н.Е. 110
 Санд (Занд) Ж. 42, 765
 Свасьян К.А. 89, 415
 Седенко Ф.И. (Витязев П.; Витязев Ф.И.) 156, 159, 160
 Селевина (Романова) Е.К. 361
 Семаш А. 11
 Сен-Симон К. 141
 Серафим Саровский 565
 Сервантес С.М. де 589, 590
 Серов П. 66
 Сиверс 821
 Сидоров И.И. 281, 323, 328, 333, 342-344
 Сильвин М.А. 72
 Симеон Столпник 779
 Скотт В. 531
 Скрябин А.Н. 300
 Славин П. 81
 Слонимский А. 410, 816
 Слонимский М.Л. 801
 Смирнов А.А. 730-732, 812, 839-842
 Соколов П.П. 133
 Сократ 266, 281, 399, 536, 603, 604, 642, 732, 779
 Соловьев Б.И. 412
 Соловьев В.Н. 40
 Соловьев В.С. 110, 160, 177, 355-378, 382, 383, 400, 404, 422, 425-427, 429, 430, 445, 450, 456, 493, 560, 563, 564, 568, 569, 575, 581, 582, 583, 584, 644, 684, 685, 687-689, 692, 732, 733, 734, 738
 Соловьев М.С. 430
 Соловьев С.М. (историк) 357, 358
 Соловьев С.М. 355, 356, 358
 Сологуб Ф. 63, 84, 289, 442, 461, 703, 748, 798
 Сорель Ж. 166
 Сорокин П.А. 119, 156, 157, 159, 160, 499, 502, 632-635
 Софокл 97, 602, 663
 Спартак 220, 239
 Спенсер Г. 157, 161, 171
 Спиноза Б. 179 266
 Спиридонова М.В. 458
 Стеклов Ю.М. 823
 Стендаль 529, 595
 Стерн Л. 609
 Стеценко 298, 323, 333, 344
 Страхов Н.Н. 689, 692, 723, 729
 Стрижак Т.Л. 58
 Стриндберг А. 107, 446
 Сугай Л.А. 280
 Сю Э. 615
 Сьоннерберг К.А. (Эрберг К.; К.А.) 8, 16, 18, 29-35, 38-41, 43, 46-59, 61, 63, 64, 68-73, 77, 87, 159, 191, 220, 251, 253, 256, 262, 272, 274, 275, 280-285, 287-306, 309-333, 335-355, 359, 385, 390, 391, 395, 398, 410, 492, 499, 500, 541, 588, 622, 624, 625, 635, 703, 706, 710, 712, 713, 716, 724, 726, 737, 750, 775, 780, 782, 783, 788, 802, 803, 805, 808, 810, 812, 827-829, 837, 838

- Тарасенков А.Т. 796
 Татлин В.Е. 54
 Тацит 101, 381
 Терещенко Е.И. 486
 Терещенко М.И. 486
 Терещенко П.И. 486
 Тиллих П. 283
 Тихонов А.Н. 86
 Тициан 236
 Тодес Е.А. 809
 Толстой Л.Н. 8 115 209 250 291 417 418
 480 498 499 501 542 543 545 590 597
 602 606 607 632-635 674 708 712 714
 715 720 721 729 732 753 779 797 808
 Толчинский А.А. 53
 Томашевский Б.В. 801, 805, 810-812,
 816, 842
 Торквемада Т. 691
 Троцкий Л.Д. 50, 480
 Трубецкой Е.Н. 376
 Трубников 47
 Трутовский В.Е. 458
 Тургенев И.С. 167, 281, 542, 545, 588,
 591, 597, 599, 684, 700, 705, 729, 833
 Тургенев Н.И. 8
 Тынянов Ю.Н. 410, 588, 617, 619, 625,
 626, 801, 808-811, 816, 824, 825, 827-
 831, 835, 840, 841
 Тютчев Ф.И. 128, 284, 285, 287, 410,
 475, 509, 534
- Удальцов А. 31, 34, 36
 Уланд Л. 532
 Урицкий М.С. 265, 266
 Устинов В. 61
 Уханова А.В. 301, 333
- Федин К.А. 88
 Федоров В.С. 252
 Федотов Г.П. 299, 804
 Фейербах Л. 141
 Ферма П. 290
 Фет А.А. 284-287, 410, 422, 728, 733,
 813
 Фехнер Г. 582, 806
 Фехнер Е.Ю. 333
 Фидий 732
- Философов Д.В. 250, 429
 Фихте И. 84, 171, 179, 182, 320, 321,
 376, 641
 Фичино М. 386, 387, 398
 Флобер Г. 108
 Флоренский П.А. 725
 Фолль К. 623, 838
 Фома Аквинский 786, 787
 Форш О.Д. 16, 36, 498, 499, 502, 679,
 730-732, 734
 Франк С. Л. 316, 321, 351, 786, 799,
 800
 Фридрих Великий 258
 Фриче В.М. 35
 Фриш О.А. 779, 788, 789
- Халтурин С.Н. 48
 Харитон Б.О. 410
 Херасков М.М. 639
 Хлебников А.Г. 724
 Хлебников В. 225
 Ходасевич В.Ф. 501
 Холодковский Н.А. 25
 Хомяков А.С. 8, 689
 Хоффман С. (Hoffman S.) 11, 15, 17
 Христиансен Б. 299, 304, 307, 324
- Царькова Т.С. 11
 Цинберг С.Л. 662, 668, 670-673
- Чаадаев П.Я. 143, 177
 Чебышев-Дмитриев А.А. 390, 395,
 396, 400, 499, 502, 588, 667, 668, 698,
 730, 731, 734, 735, 736, 770, 775, 777,
 783, 785-787, 789, 790, 792, 793
 Черепанов Д.А. 31, 32
 Чернышевский Н.Г. 147, 148, 170, 361,
 363, 365, 835
 Чертков Д.К. 235, 809
 Чехов А.П. 396, 422, 588, 732, 820
 Чешихин В.Е. 359, 360, 363, 364
 Чиж В. 545
 Чириков Е.Н. 835
 Чудаков А.П. 809
 Чудакова М.О. 809
 Чуднов Ф.Я. 64
 Чудовский В.А. 802

- Чуковская Е.Ц. 87
 Чуковский К.И. 86, 87, 802
 Чулков Г.И. 355
- Шабалин И.А. 465
 Шапиро Б.М. 248, 399
 Шателен М.А. 796
 Шварсалон К.С. 387
 Шдрауф 285, 287, 288
 Шевырев С.П. 618
 Шекспир В. 110, 131, 204, 236, 299, 513, 526, 532, 590, 602, 705, 709
 Шеллинг Ф. 130, 375, 376, 429, 604
 Шерон Ж. 11, 30, 484
 Шершеневич В.Г. 54
 Шестов Л. 16, 32, 49, 52, 152, 612, 692, 712, 798
 Шешковский С.И. 8
 Шиллер И. 92, 93, 98, 112, 285, 509, 535, 630, 631, 802
 Шимкевич М.А. 281, 298, 299, 301, 302, 319-321, 323, 333, 341-344
 Шкловский В.Б. 84, 194, 220, 224, 235, 333, 499, 501, 502, 504, 588, 589, 602-609, 611-613, 615, 616, 618-632, 801-804, 808, 809, 815, 816, 824, 825, 827, 829, 837, 838
 Шкловский Вл.Б. 801, 821
 Шлегель Ф. 84
 Шлецер Б.Ф. 85
 Шмидт А.Н. 560, 568, 569, 581, 582, 732
 Шопенгауэр А. 313, 422, 423, 628, 629
 Шпенглер О. 89
 Шпет Г.Г. 54
 Шрадер О. 446, 447
 Шрейдер А.А. 32, 67, 85, 207, 405, 406
 Штейнберг А.З. (А.З.; Steinberg A.) 18, 34, 38-42, 44-47, 49, 51-59, 62-65, 70, 71, 74, 77-79, 89, 90, 116, 117, 119-123, 127, 133, 156, 158-160, 174, 191-194, 197, 220, 251, 252, 258, 262, 268, 280, 281, 291, 296, 334, 348, 350, 355, 356, 359, 364, 384, 385, 390, 394, 395, 398-400, 403, 404, 406, 407, 419, 456, 457, 474, 476, 492, 493, 500-502, 504, 505, 588, 601-608, 611, 614-616, 621, 622, 624, 625, 626, 631, 632, 634, 635, 637, 638, 645, 659, 663, 665-668, 676, 677, 679-687, 692-698, 700, 708, 712, 713, 715, 727 799 808-810
 Штейнберг И.З. 64, 405, 458
 Штейнер (Штайнер) Р. 57, 58, 322, 414, 418, 428, 433, 477
 Штейнметц Р. 166
 Штирнер М. 143, 232, 551, 607, 664
- Шеголев П.Е. 124, 389, 403
 Шербина Н.Ф. 333
- Эйхенбаум Б.М. 410, 499, 501, 502, 727, 728, 801-805, 808-812, 815, 816, 821, 824, 827, 828, 832, 835, 836, 840, 841
 Эмпедокл 424
 Энгельгардт Б.М. 410
 Энгельс Ф. 136, 200, 205, 719
 Эразм Роттердамский 91
 Эсхил 516, 535, 536
- Юденич Н.Н. 73
 Юркевич П.Д. 170
 Юрьев Ю.М. 590
- Якобсон Р.О. 816
 Якубинский Л.П. 801, 810, 811, 816
- Dobringer E. 15
 Eisler R. 177

Указатель имен к книге II

- Абрамович Д.И. 189
Абрамович Р.А. 258, 260
Абш Ю.П. 35
Аввакум 481
Августин Блаженный 110, 187, 502, 639, 703
Авенариус Р. 476
Авраамов А.М. 32
Адрианов С.А. 189
Азадовский К.М. 252
Айхенвальд Ю.И. 647
Алапин Е.Я. 37
Александр III 76
Александр Македонский 538
Александровская Н.В. 393
Александровский В.Д. 226, 269
Алексеев Н.И. 241
Ангарский Н.С. 292
Андерсон Е.Н. 35, 80,
Андреас-Саломе Л. 252
Андреева Г.А. 35
Андреев Л.Н. 24, 232, 292, 404, 478, 494
Андреев П.Н. 404
Андреев Ф.К. 108
Андреева М.Ф. 15
Анисимов Ю.П. 226
Анисимова В.О. 200, 215, 217-218
Анненков Ю.П. 513, 528
Анненский И.Ф. 204, 228, 386, 391
Анненский-Кривич В.И. 386
Антокольский П.Г. 228, 535
Аполлоний Пергский 612
Араис М.М. 35
Арбенина О.Н. 35
Аренс Л.Е. 369, 370
Аристотель 73, 568, 639
Аристофан 28
Аронсон Т.Н. 395
Арский П. 395
Архимед 28, 612
Асафьев Б.В. (Глебон И.) 229, 380-381
Аскольдов (Алексеев) С.А. 57, 77, 92, 94, 104, 108, 112, 114, 185, 189, 190, 416, 457
Асеев Н.Н. 536-537, 549
Ауэр С.В. 143
Ахматова А.А. 152-153, 360-361, 534, 548
Бабеф Г. 141
Байрон Д. 489
Бакрылов В.В. 13-14, 17, 22-26, 30-31, 39, 46, 49-50, 58, 60, 63, 67, 72, 80, 84-85, 90-91, 96, 105, 110, 112, 137, 143, 168, 175, 198, 208, 247, 350-351
Бакунин М.А. 142, 458
Балтрушайтис Ю.К. 271
Бальмонт К.Д. 271-272, 403, 533-534
Баранова-Шестова Н.Л. 285, 295, 307
Баратынский Е.А. 75, 532
Бараш С.С. 394
Барбюс А. 140
Барлах Э. 252
Бартенев П.И.
Барышева Л.А. 138
Батони П.-Д. 117
Батюшков Ф.Д. 14,

- Баумгартен А. 641
 Бахтин М.М. 194-195, 702, 709
 Бачинский А.И. 209, 216, 217
 Бедный Д. 268
 Бекетова М.А. 366, 391, 396-398, 401, 405, 665
 Белинский В.Г. 388, 390, 469, 538, 646
 Белов С.В. 589
 Белодубровский Е.Б. 373
 Белоус В.Г. (В.Б.) 43, 110, 200, 214, 239, 388, 469, 473, 479, 482, 483, 499, 702
 Белоцветов Н.Н. 258, 260, 318, 322, 346
 Белый А. (Бугаев Б.Н., Belyj A.) 10, 16-17, 20, 24-26, 29-32, 39, 40-42, 44-47, 49-52, 56-58, 60-63, 65-66, 69-70, 76-79, 93, 104, 106, 112, 114-115, 118, 120-121, 125-126, 128-132, 134-136, 138, 139, 141, 143-145, 147, 151-155, 157, 159-161, 166-168, 184-191, 194-196, 199, 203-205, 207-213, 215, 217, 223, 225-228, 231-232, 235-237, 242-245, 247, 250, 252-258, 260, 262, 268-269, 271-277, 279, 290-291, 298, 300-301, 304-305, 307-309, 311, 315, 317-324, 327-333, 335-337, 341-343, 346-348, 350-353, 356, 358-359, 363, 366-368, 373, 377-379, 383, 385-387, 390-392, 394-395, 397-399, 401, 413, 416, 421-439, 441-445, 447, 449, 451-455, 457, 459, 460-463, 465, 472, 485, 489, 493, 498-499, 504, 508-509, 521, 524-527, 530, 532, 537, 539, 544, 547-549, 582, 588, 652-654, 662, 664-670, 672-675, 682-684, 686, 696, 701, 703-705, 709, 723, 740, 743, 750-752, 754, 761, 772-774, 421-464
 Бельше В. 646
 Беляев В.А. 108
 Бем А.Л. 473
 Бендерский Г.А. 34,
 Бенедиктов В.Г. 532
 Бенедиктова А.Г. 35
 Бенедиктова Е.Г. 35
 Бёнуа А.Н. 115, 252-253, 567-658
 Бёнуа П. 385, 570
 Берг Л.С. 108
 Бердяев Н.А. 68, 118, 120, 187, 195-200, 202, 207, 217, 229, 241, 257, 299, 347, 495
 Берк Э. 640
 Беркман (Bergmann) А. 124, 141
 Берлович 124
 Бернар Э. 574
 Берт 166
 Бетховен Л. 116-117
 Бехтерев В.М. 80, 85, 90, 108, 112, 114, 185
 Бинат Ф.Н. 394
 Биркина Н.Л. 37
 Бисмарк О. 411
 Бланк Р.М. 258, 260
 Блок А.А. 12-13, 15-16, 22, 24, 31-32, 40, 44, 56-57, 61, 63, 68, 74-78, 80, 96, 100, 104, 106, 112, 115, 143-144, 150, 152-153, 160, 166, 171, 175, 177, 185-186, 189-191, 194, 198-199, 203-204, 227-229, 234-235, 242-243, 245, 252, 257, 259-260, 269, 279, 290-292, 301-302, 304-305, 307, 328, 342, 346-347, 350, 356, 360-361, 366-369, 373, 378, 383, 385, 387, 390-392, 395-401, 404-405, 416-417, 433, 434, 460, 461, 465, 470, 472, 485, 489, 521, 528, 532, 534, 549, 588, 664, 675, 678, 692, 727, 768, 772
 Блок Л.Д. 74, 204, 367, 427, 544, 547-548
 Блонский П.П. 223
 Бобрин А.А. 36, 48, 138, 140, 145,
 Богданов А.А. 224, 267, 268, 270
 Богоявленский Н.В. 217
 Бокль Г. 295
 Болдырев В.В. 108
 Больцано Б. 188
 Борджиа Ч. 411, 454
 Борель Э. 406
 Боричевский И.А. 65, 72, 78, 110, 139, 184, 186, 191
 Борачевская М.В. 394
 Боровой А.А. 201-202, 209, 216-217
 Бородин И.П. 114, 392
 Босацкий А.Н. 37
 Брандес Г. 141

- Браудо Е.М. 24, 85, 105, 185, 416
Браун Н.Л. 413
Браун Ф.А. 15, 251, 258, 260, 285, 298, 300, 321
Брент-Оллен 646
Броварская Е.Б. 393
Бруни Л.А. 97, 125, 127-128, 133, 135-137, 143, 187-188, 192, 371, 458
Бруно Д. 334
Брусилов А.А. 719
Брут 481
Брызгалов Н.А. 208, 210, 217
Брюллова-Шаскольская Н.В. 389
Брюсов В. Я. 271-272, 403-404, 520, 522, 532-533, 536, 582, 773
Буало Н. 640
Буковецкий А.О. 109
Букишпан Я. 369
Булгаков С. Н. 150, 151, 491, 498, 742
Бунин И.А. 262, 524
Бурже П. 372
Бурлюк Д.Д. 565
Бурлюк Н.Д. 571
Бутервек Ф. 642
Бухарин Н.Н. 224
Быховская С.Д. 394
Бэкон Ф. 640
Бюхер К. 645
Бюхнер Г. 43
- Вагинов К.К. 375, 392
Вагнер Н.П. 383, 385, 392, 394
Вагнер Р. 116, 160, 380-381, 387-388, 390, 644
Вадимов А.В. 197
Вальков А.В. 37
Вальтер 296, 297
Вальтер В.В. 258, 260
Вальтер В.Г. 258
Вальтер Р., фон (Вальтер Р.Р.) 243, 252, 256, 258, 260
Ван Донген К. 572
Василевский И.М. 332
Васильев А.В. 26, 28, 30, 63, 78, 94, 96, 98, 102, 108, 109, 112, 114, 140, 146-147, 175, 185, 187, 190-192, 375, 395, 416, 458
- Васильев Н.Г. 34,
Васильев П.Н. 217-218
Васин Н. 372
Введенский А.И. 15, 108
Вейссе 643
Векслер А.Л. 34, 38, 67, 72, 79-81, 83, 85, 87, 94-95, 101, 104, 112, 116, 121, 125-126, 129-131, 134-136, 138-139, 143, 150, 187-189, 192, 365, 371, 375, 377, 379, 383, 385-387, 390-393, 417, 661-669, 671, 673, 675, 679, 681, 683, 685, 687, 689, 691, 693, 695, 697, 699, 701, 741, 745, 754, 756, 766
Венгеров С.А. 14, 26, 46-47, 49, 57, 77, 299, 327, 455
Венгерова З. А. 155, 256, 258, 260, 290
Верди Л.Г. 37
Верлен П. 272
Ветрова-Книжник В.И. 39
Вергилий 175
Верфель Ф. 385
Веселовский А.Н. 538
Ветлугин А. 332
Вивьен С.С. 138, 140, 394
Викентьев В.Н. 217
Вико Д. 640
Виндельбанд В. 581
Винкельман И. 641
Винниченко В.К. 336, 344
Виноградов В.В. 416
Виссель Е.Ю. 35, 67, 72, 79, 80, 121, 136, 138, 144, 146-148, 379, 383, 385, 387, 391-393, 749, 756, 766, 770
Виссель М.Ю. 393
Витте С.Ю. 329
Вишняк-Шварц А. 334
Внуков В.А. 201
Волошин М. А. 413
Волинский А.Л. 14, 24, 30, 32, 189, 359, 363, 514
Вольский А. 326
Врубель М.А. 518
Второв С.И. 37
Вундт В. 645, 669
Вышеславцев Б.П. 198, 200, 209, 217

- Гаврили Г.А. 39
 Гаврилов А.Е. 34
 Гаген-Торн Н.И. 139, 144-146, 248, 396, 428, 551, 713, 741, 751
 Газе М.Ф. 394
 Гайдебуров П.П. 14, 30-32, 57, 165, 203, 358, 373, 732
 Галанина Ю.Е. 548
 Галеви Л. 535
 Галушкин А.Ю. 152, 197, 396, 400, 544, 666
 Ганди М. 140
 Ганзен А.В. 414, 415
 Гарт (Зусман) С.С. 31, 89, 108, 185, 450
 Гартман Э. 73
 Гауптман Г. 252
 Гацкевич З.А. 34
 Гегель Г. 102, 388, 591, 613-614, 616, 618-620, 630-633, 638, 643, 722, 731
 Гей-Люссак Ж. 312
 Геккель Э. 146
 Генкель А.Г. 438
 Гелевани 115
 Геллер И.С. 108
 Гельмгольц Г. 82
 Гемстергюис 640
 Гене-Вронский Ю. 46
 Гепштейн Д. 372, 755
 Гераклит 567
 Герарди Н.И. 35,
 Герасимов М. П. 226, 535
 Гербарт И. 643
 Гердер И. 531, 642
 Гершензон М.О. 92-94, 184, 217, 257, 258, 270, 299, 357, 390
 Герцен А.И. 25, 41, 57, 190, 199, 469, 581
 Гессен И.В. 255, 258, 260, 279, 285-286, 289-290, 296, 316, 320-321, 330, 332-338, 340-341, 354
 Гессен С.И. (С.О.) 241, 322, 324
 Гессен Я. 384, 413, 415, 721
 Гете И. 116, 158-159, 166, 186, 188, 191-192, 266, 317, 331, 412, 454, 459, 531, 641-642, 705, 746,
 Гетчинсон (Хатчесон) Ф. 640
 Гиддингс Ф. 165
 Гидони А.И. 17, 93-94
 Гидони Г.И. 93-94
 Гизе Э. А. 35
 Гизетти А.А., 17, 26, 34, 35, 58, 64, 68, 77-78, 80, 92, 104, 110-112, 115, 139, 184-185, 190, 363-364, 369, 371, 375, 379-380, 382, 384-393, 397-398, 400-404, 406, 416, 424, 450, 451, 457, 486-487, 732, 750, 754, 758, 761-763
 Гильберт Д. 147
 Гинзбург И.З. 187
 Гинзбург И.Н. 112
 Гинзбург Л.Я. 711, 713
 Гинцбург И.Я. 101, 104, 115
 Гиорт Ю. 91
 Гиппиус В.В. 14, 24, 30, 32, 111-112, 115, 176, 204, 229, 367, 375, 391-392, 397, 537, 548, 740, 758-759
 Гиппиус З. Н. 13, 261, 317, 536
 Гирицкий Л.И. 35, 87, 121, 138, 187
 Глез (Глезз) А. 573-575
 Гоген П. 576
 Гоголь Н.В. 73, 192, 196, 226, 268, 433-434, 453, 524, 538, 668, 675, 703, 706
 Голететская Ю.Г. 39
 Голичер А. 246, 252
 Голлербах Э.Ф. 358-359, 363, 424-425, 427, 547, 740, 743
 Головина М.Е. 34
 Голосовкер Я.И. 200, 202, 210, 217, 220, 226
 Гольдановский 17
 Гольдман Э. (Godmann E.) 124, 141
 Гомер 175
 Гончаров И.А. 524
 Гоон 640
 Гордин Я.И. (Gordin J.) 359, 361, 365, 371, 375-376, 379-380, 385-390, 392-393, 395, 417, 720-723, 725, 746, 754-755, 720-725
 Горлов В.Е. 35,
 Горнфельд А.Г. 14, 249, 250, 252, 330, 387-388, 390
 Городецкий С.М. 100
 Горький М. 15, 25, 31, 57, 317, 345-346, 524, 527
 Гофман Э. 226, 355, 389
 Грабарь И.Э. 253

- Грачева А.М. 290
 Гребнев В.В. 34, 131,
 Гревс И.М. 55, 176
 Гредескул Н.А. 95
 Гречишкин С.С. 423, 550
 Гржебин З.И. 244-245, 346
 Грибоедов А.С. 287, 512
 Григорьев А.А. 538
 Григорьев Г. 528
 Грильпарцер Ф. 642
 Гримм Э.Д. 15,
 Гринберг З.Г. 15, 254
 Гринберг М.Г. 37
 Грифцов Б.А. 216-217
 Гросс К. 645, 646
 Грошиков Ф. (Копейкин С.) 95
 Груздев И.А. 36, 382, 386, 390
 Губер П.К. 86, 176
 Гулливер В.М. 39
 Гуль Р.Б. 547
 Гумбольт В., фон 642
 Гумилев Н.С. 62, 107, 152, 402, 533, 536
 Гурвич И.М. 35, 416
 Гурвич С.Я. 130-131, 136
 Гуревич А.В. 259
 Гуревич Л. Я. 14
 Гуревич М.М. 258-260
 Гуревич Я.С. 24
 Гурлянд-Эльяшсева Э.З. 17, 21, 30, 34,
 36, 42, 85, 96, 98, 112, 114, 119-120,
 125-126, 129, 133, 135, 138, 185-187
 Гуро Е.Г. 228, 386, 391, 537, 549
 Гуссерль Э. 199
 Гутин Р.М. 23
 Гюго В. 562, 563
 Гюйо Ж. 645

 Давыдов Д.В. 539
 Даль В.И. 689
 Дальтон Д. 312
 Даманская А.Ф. 276
 Д'Амелия А. 334
 Данзас Ю.Н. 66, 68, 77, 104, 108, 112,
 176, 184, 185, 187
 Данилевский А.А. 71
 Данилевский Н.Я. 354
 Данилевский П.Я., 79-80

 Данте А. 169, 175-176, 189, 260, 301-
 302, 304-306, 417, 502, 664
 Данько Е.Я. 228, 372, 375, 392, 537,
 548, 752
 Дарвин Ч. 27, 41, 77, 640, 646
 Дегтяревский И.М. 226
 Дейблер Т. 252
 Дейч Л.Г. 49, 52, 57, 190, 416
 Декарт Р. 449, 576
 Демокрит 28,
 Демчинский Б.Н. 86, 91, 100-103, 113,
 184, 187, 190, 752, 755
 Денисов В.А. 359, 361, 389
 Державин Г.Р. 532
 Дессуар М. 646
 Дзержинский Ф.Э. 309
 Дзеркал А. 334
 Дидро Д. 640
 Дизель Р. 579
 Диккенс Ч. 527
 Дильтей В. 613
 Диоген 730
 Дионесов С. 372
 Дмитренко А.Л. 372
 Дмитренко Н.В. 39
 Дмитриев С.В. 15,
 Добровольский Н.Г. 108
 Добронравов Л.М. 514
 Добужинский М.В. 551
 Доливо-Добровольский А. 401, 402
 Долинин А.С. 371, 667
 Домагер Л.Л. 414, 415
 Достоевский Ф.М. 24, 73, 86, 169, 176,
 189, 191, 207, 209, 212, 216-217, 219-
 220, 223, 226, 257, 261, 277, 310, 314,
 357, 371, 387-388, 390, 397-398, 401,
 412, 416-417, 433-434, 453, 475, 488-
 489, 492, 524, 565, 581, 583, 586-587,
 589, 648-649, 664, 668, 707-708
 Друсин Я.С. 53
 Дувакин В.Д. 195
 Дудкин В.В. 252, 259
 Дунаевский Л.Р. 223
 Дункан А. 248
 Дынник В.А. 202
 Дюбо Ж.-Б. 640
 Евдокс Книдский 28

- Евклид 147, 554, 612
 Евреинов Н.Н. 115
 Еврипид (Эврипид) 112, 538
 Егоров Е.А. 14
 Егорова Н.Ф. 35
 Екчмен Э. 224
 Елисеев 41
 Ермаков И.Д. 515
 Ермаков К.Е. 38
 Ерофеев В.В. 37
 Ершов И.В. 71, 74
 Есенин С.А. 210, 217, 232, 234, 242-243, 248, 367, 509, 534, 548
 Ефрон А. 310

 Жан-Поль 160, 642
 Жебелев С.А. 14
 Жемчужникова М.Н. 200
 Женевская С.Д. 394
 Жеребцов А.А. 36
 Жирмунский В.М. 93, 115
 Жихарев С.О. 15,

 Заале В. 256, 258, 260
 Задолит К.Ф. 335
 Зайцев 524
 Зайцева Е.Д. 244, 254, 259-260
 Закс 292-293
 Замятин Е.И. 187, 231, 396, 399-401, 513, 516-517, 522, 526
 Замятина Л.Н. 396
 Западалов Б. 406
 Засыпкин 138
 Зелинский Ф.Ф. 28, 85, 92-94, 98-99, 113, 175, 184-185, 187, 191, 416, 719
 Зензинов В.М. 317
 Зиммель Г. 613
 Зеньковский В.В. 241
 Зиновьев Г.Е. 47
 Змеев Г.Я. 34, 71-72, 85, 94-95, 125, 138-139, 366
 Знаменский А.П. 34, 39
 Зольгер К. 643
 Золя Э. 562, 563, 565
 Зорин 47
 Зотов Г.П. 371, 386, 726, 728, 729, 731, 733, 735, 737-738, 726-738

 Зошенко М.М. 18, 36
 Зульцер 641

 Иванов А.И. 155
 Иванов В.В. 518, 526-527
 Иванов В.И. 92, 94, 112, 184, 194, 196, 226, 229, 258, 270, 299, 327, 328, 492, 499-500, 532, 533, 539, 619
 Иванов Г.М. 34,
 Иванов Е.П. 14, 359, 366, 375, 379, 385-387, 390, 761, 391-393, 396-398, 401, 404-406, 413, 766, 770
 Иванов Л.Р. 35, 590
 Иванов-Разумник Р.В. (И.-Р.; Р.В.; Холмский В.; Ivanov-Razumnik) 12-13, 16, 19-21, 24-25, 28-32, 40, 45-46, 49-52, 55-58, 60, 63-67, 70-72, 74-81, 85-88, 95-101, 103-106, 108, 110, 113, 115, 118, 120-122, 124-126, 128-139, 141, 143-146, 148-151, 153-156, 159, 162-166-167, 175-179, 184-196, 198, 203-205, 207, 217, 225, 228-231, 234, 239, 242, 244-245, 247-249, 252-253, 257, 260, 291-292, 299-300, 314, 318, 327, 347-348, 350-354, 357-358, 360-361, 364-368, 371, 373-375, 379-380, 385-393, 395-398, 401, 403-404, 406, 415-417, 424, 429, 432-433, 435, 449, 451, 456-458, 464-491, 493-517, 519, 521-523, 529, 531, 533, 535, 537, 539, 541, 543, 545, 547-548, 582, 589-590, 650-654, 664-665, 667-668, 702-704, 709-710, 713, 721, 726, 728, 740-741, 743-744, 751, 753-755, 758, 760-765, 767-771, 773-774, 465-547
 Иванова В.Н. 467, 762
 Иванова Е.В. 11, 462
 Иванова Л.Г. 394
 Иванова Т.А. 34
 Ивановский А. 404
 Иванович С. 280, 287, 301
 Игумнова Т. 228
 Иероним 412
 Ильин Н.Н. 373
 Иоанн Сан-Францисский (Шаховской) 474
 Ионов И.И. 292-293

- Иоф В.С. 108, 114
Исаков Е. 495
Иструм К.Г. 752
- Йогансон Э.П. 35
- Каган М.И. 194, 200, 202, 215, 217-221, 226, 386-387, 389, 390, 702
Каган Ю.М. (Невельская К.) 386, 702
Казанский Б.В. 108
Казаков А. 284
Казем-Бек Л.И. 393
Казин В.В. 226, 269, 270, 537, 548
Кайзер Р. 246, 252
Кайзерлинг Г. 376
Каминка А.И. 337-338
Камков Б.Д. 634
Кампанелла Т. 52, 190, 436-438, 440-442
Камю А. 475, 504, 733
Кан Г. 646
Кандинский В.В. 210, 217
Канкарович А.И. 71, 188, 192
Кант И. 73, 110, 116, 160, 175, 187, 192, 224, 226, 261, 450-451, 476-477, 480, 641-642, 673
Каплан С.Н. 138
Каплун К.Г. 394
Каплун С.Г. 35, 63, 259-260, 319, 346, 394, 751, 755
Карандашов П.В. 35
Каратыгин В.Г. 115, 359-360, 389
Кареев Н.И. 15, 109, 115, 727
Карелин В.А. 194
Карсавин Л.П. 15, 109, 113-114, 185, 191, 229, 416
Кауфман А.Е. 354
Келлерман Б. 252
Ксмаль Паша 344
Кибальнич В.Л. (Серж В.) 49, 57, 124, 139, 140, 141, 153-154, 186, 189-191, 414
Кине Э. 617
Кипиани Г.Н. 38
Киреев Г.С. 334-335, 344
Кириллов В. 226
Кирдецов Г.Л. 324
Кистьяковский Б.А. 633-634
Клюев Н.А. 95, 189, 192, 232, 234, 243, 367, 508, 534, 548
Ключевский В.О. 648
Книжник-Ветров И.С. 25
Книпович Е.Ф. 34, 228, 400-401
Кнудсен Г. 252
Князев В.В. 268
Князева Н.Г. 121-122, 124, 147, 364
Княжнин В.Н. 367, 391.
Ковалевская Е.В. 39
Коген Г. 646, 720-721
Койген Д.М. 63, 241, 258, 260
Колбасьев С.А. 372, 375, 392
Колубовский И.Я. 108
Колубовский Я.Н. 108
Колчак А.В. 332
Кони А. Ф. 299, 317
Конфуций 447
Коперник 18, 600
Корд А.К. 37
Короленко В.Г. 226, 292, 298
Корсаков М.М. 38
Корцов М.И. (Миша) 386, 416, 727, 751
Корчевский 451
Котельникова О.М. 108
Котляревский Н.А. 648
Коялович Н.М. 35, 66-67, 71-72, 79-81, 85, 94-98, 102, 113, 116, 119-122, 126, 138, 140, 147, 186, 187, 192, 416, 752, 755
Крайский А.К. 51, 68, 72, 226
Крамской И.Н. 569
Красильников Н.Д. 177, 178, 727
Красин Б.Б. 217
Краузе К. 642
Кржижановский С.Д. 200, 202, 227, 228
Кристи М.П. 15, 90, 109, 155, 185, 193, 384, 406, 413, 415-416, 451, 721
Крогиус А.А. 114
Кромвель О. 562
Кронфельд 646
Кропоткин П.А. 82, 122, 141-142, 158, 186, 720
Кроленко А.А. 108

- Кроль А.Е. 21, 24, 25, 30, 36
 Кроче Б. 646
 Круз 640
 Крутиков Б.А. 114
 Крученых А.Е. 565
 Крушинский М.Ф. 726
 Крылов И.А. 520
 Крюкова А. 25,
 Кублицкая-Пиоттух А.А. 368, 397, 404, 405
 Кудько П.
 Кузько П.А. 212, 217, 218
 Кузнецов Н.Н. 394
 Кузнецов П.В. 209, 217
 Кузмин М.А. 62, 152, 534
 Кузьмин Н.М. 372, 386, 400-401
 Куклярский Ф.Ф. 732
 Кукушкина Т.А. 739
 Куприн А.И. 524
 Курбе Г. 575
 Курдиновский Б.Е. 34
 Кусиков А.Б. 330
 Кушнер Б.А. 12, 13, 16, 19, 20, 24, 32, 56
 Кууль С.М. 34
 Кухельбекер В.К. 657

 Лаврецкий А. 201
 Лавров А.В. 203, 226, 300, 341, 367, 423, 465, 472, 550, 672
 Лавров Н.С. 47-48, 77, 99-100, 102, 105, 113, 158, 184, 190, 196, 416, 439, 455
 Лавров П.Л. (Арнольди С.С., Доленги А.) 41, 57, 77, 95, 125, 190, 199, 388, 391, 416, 469, 611-618, 620-621, 623-637
 Лавуазье А. 311
 Ладыжников И.П. 310
 Лазарев А.М. 241
 Лазаревский Н.И. 107-109, 115
 Лампрехт К. 273
 Ланге К. 646
 Лапшин И.И. 14, 61, 79, 81-83, 108, 113, 114, 185, 416, 651
 Ларионов Ф.Т. 37
 Ларош А.Г. 37
 Ласенер П.-Ж.
 Ласк 450
 Ласкер-Шюлер Э. 252
 Лассаль Ф. 44, 411
 Латернер Ф.Н. 414-415
 Лацис М.И. 309
 Левберг М.Е. 413
 Левин В.М. 192
 Левин И.М. 192
 Левин О. 285, 321
 Лебедев В. 394, 406
 Лебедев-Полянский П.И. 268
 Леже Ф. 572
 Лейбниц Г. 475, 495, 612, 641
 Лейкина В.Р. 39
 Лемке М.К. 468
 Ленин В.И. 237, 403, 476, 719, 771
 Лентов 117
 Леонов Л.М. 228, 529
 Леонтьев В.В. 108
 Леонтьев К.Н. 176, 189, 191, 417
 Леонтьев Я.В. 167, 192, 198, 247, 471, 727
 Лермонтов М.Ю. 453, 536, 538
 Лернер Н.О. 359, 363, 370
 Леруа Э. 187
 Лесков Н.С. 417, 524
 Лесман М.С. 121-122, 124, 147, 364
 Лессинг Г. 641
 Ле-Фоконье А. 572-574
 Либкнехт К. 326
 Лигский К.А. 245
 Лисенко Е.Г. 37
 Лисицкий Л. М. 252, 318, 330
 Литче 644
 Лихтенштадт В.О. 166
 Ловцкая Ф.И. 307, 309
 Ловцкий Г.Л. 307, 309
 Лозинский М.Л. 62
 Лозовой Н.Г. 383, 385, 392, 394
 Локс К.Г. 226
 Ломоносов М.В. 535
 Лонгин 640
 Лоран 617
 Лосский Н.О. 14, 30, 32, 41-44, 47, 57, 58, 61, 63, 77, 85, 94, 104, 108, 113-114, 190, 223, 358, 365, 381, 451, 489, 747

- Лошкарев П.П. 21, 30, 37, 118, 120-121, 187
Лукач Г. 107
Лукьянов С.М. 108, 399
Луллий Раймунд 82
Луначарский А.В. 72, 107, 196, 292
Лундберг Е.Г. 33, 56, 204, 234, 237, 238, 239, 242-244, 252, 254-256, 258, 260-261, 276, 278, 279-282, 285-289, 291-293, 295, 298, 300-302, 304-305, 307, 310, 315, 316-320, 329, 331, 335-341, 344-346, 405, 467, 471, 727, 774
Лункевич В.В. 483
Лунц Л.Н. 519, 665
Лупин И. 334
Лупул П.Н. 35,
Лурье А.С. 15, 24, 30-31, 33, 57, 78, 176, 356-359, 363, 389
Лурье С.А. 35
Лутохин Д.А. 354
Любарская Е.К. 394
Люблинский Б.И. 37
Лютер А.Ф. 259-260
Ляцкий Е.А. 341-343
- Мавшин Д.И. 38
Магазинер Я.М. 109, 113, 115
Магницкий М.Л. 309
Маевская Э.Б. 34
Майков А.Н. 117, 532
Маймонид 721
Макарчук И.П. 34
Макридин Н.В. 385, 392
Максимов Д.Е. 470, 547-548, 703
Малевич К.С. 250, 252, 371, 380, 391, 416
Малларме С. 272
Мальмстад Д. (Malmstad J.) 200, 236, 465
Мамардашвили М.К. 511
Мандельштам О.Э. 228, 533, 548
Маржеский М.Н. 108
Маркович С. 644
Маркс К. 51, 72-73, 231, 325-327, 595, 632
Мартов Ю.О. 259-260, 290
Матисс А. 572
- Матюшин М.В. 30, 33, 150, 188, 192, 371, 386, 391, 459
Махно Н.И. 751
Машковцев Н.Г. 225-226
Маяковский В.В. 532, 534, 537, 549, 565
Меденников Д.М. 35
Межирицкий М.Е. 383, 385, 392-393
Мей Л.А. 532
Мейер А.А. 14, 21, 24, 27, 30-31, 33, 40, 47, 49, 50, 53, 55-57, 65, 68, 71-72, 77-78, 85-87, 96-98, 102, 104, 109, 113-114, 119-120, 122, 125, 138, 141, 147-150, 153, 156, 184-187, 189, 190-192, 357-358, 364, 374-375, 379-380, 385-387, 389-390, 394, 416, 424, 456, 459, 502, 717, 748, 750, 754
Мейер Л.А. 35, 138, 750, 752, 754
Мейерхольд В.Э. 33, 56, 76, 104, 217, 252, 253
Мейман Э. 645
Мейринк Г. 385, 391
Мейснер Б.А. 34
Мельяк А. 535
Менделеев Д.И. 82
Мендельзон Э. 252
Мендельсон М. 641
Мережковский Д.С. 165, 529
Меринг Н.М. 80-82, 84-85, 87, 95-96, 118, 125, 138-139, 143-144, 148, 394, 648-655, 657, 659, 751, 648-660
Метерлинк М. 272
Меценжэ Ж. 573, 574, 575
Мечников И.И. 224
Миль Д. 141
Милорадович К.М. 108
Милюков П.Н. 338
Минский Н.М. 256, 258, 260, 300-301, 304-306, 324-326, 330-331, 346
Мирау Ф. 334
Михайлов Д.Д. 158, 159, 166, 186, 191, 318
Михайловский Н.К. 469, 617
Мишкевич А. 46, 412
Мищенко Л.Л. 67-68, 72-73, 80, 86-87, 151-152, 185, 190-191
Мовшенсон А.Г. 38, 69, 73

- Можецкий 449
 Мор Т. 436
 Моргенштерн Х. 226
 Мосягин С.П. 39
 Мотренинская В.М. 38
 Мотренинская С.Д. 38
 Моцарт В.-А. 151, 532, 658, 747
 Мстиславский С.Д. 125-126, 128-129, 167, 198, 200-205, 207-211, 215-221, 223, 226, 227, 229, 234, 257
 Мудролюбов П.В. 34
 Музиль Р. 465, 466
 Мундр 644
 Муратов П.П. 216-217, 252-253
 Мухин А.Н. 35
 Мюллер-Фрейенфельз Р. 645
 Набоков В.Д. 317, 321, 328
 Набоков Г. 285
 Навашин А.А. 61, 71
 Назаров П.В. 35,
 Наполеон Бонапарт 147, 151, 153, 157, 185, 191, 459, 703, 717
 Нарбурт В.М. 114
 Науман 646
 Недович Д.С. 217
 Незеленов А.И. 541
 Некрасов Н.А. 278, 532
 Нельдихен-Ауслендер С.Е. 62, 152
 Семилов Л.А. 109, 115
 Семирович-Данченко В.И. 253
 Немцев И.В. 365
 Нерон 308-309
 Нива Ж. 581
 Никитин Н.Н. 102-103, 176-177, 518, 526, 529
 Николаев Н.И. 702, 708-709, 711, 713
 Николаевский Б.И. 233
 Николай I 434
 Никон 746
 Нилендер В.А. 207, 209, 211, 215, 217-219, 257
 Ницше Ф. 95, 112, 179, 202, 213, 252, 272, 274, 310, 410-412, 426, 454, 465, 477, 498, 501, 583, 592, 644, 651
 Новгородцев П.И., 241
 Новикова Б.В. 38
 Новомирский Я.И. 125, 139, 191, 198, 200, 207-211, 214-215, 217-220, 257
 Новотенова Е.Р. 35
 Обатнина Е.Р. 233, 239
 Овербек Ф. 411
 Овидий 536
 Огарев Н.П. 469
 Ольденбург С.Ф. 15, 93, 144, 145
 Олькеницкая-Пугавка Ф. 334
 Оранский С.А. 58, 65, 78, 115
 Орехов М.В. 49, 57
 Орлов В.А. 37
 Орлова В.Н. 394, 751, 772
 Ортега-и-Гассет Х. 484
 Ортлих А. 335
 Осипов Д.Л. 39
 Осокин П.М. 80, 94, 140, 394
 Останков П.А. 108
 Остроградский М.В. 82
 Оттенс В.А. 34, 87
 Оффенбах Ж. 535
 Оцуп Н.А. 62
 Павиль О.С. 36
 Павлов И.П. 30, 108, 114
 Павлова К.К. 520
 Павлович Н.А. 62, 152-153, 202-203, 405
 Панов Н.Н. 269
 Парменид 581
 Парнах В.Я. 330
 Пархомовский М.А. 581
 Парфенова Л.Ф. 113
 Парчевский Ф.Я. 31, 46, 99, 105, 109, 113, 184-185
 Пастернак Б.Л. 216-217, 228, 331, 535-536, 547-548
 Пергамент М.Я. 115
 Перельгина А.В. 72
 Перетяткович Б.Г. 381-382, 387, 390, 727
 Петерс Я.Х. 309
 Петр I 195, 347
 Петрарка Ф. 656
 Петров-Водкин К.С. 23, 30-33, 50, 56-57, 64, 72, 76-78, 99, 104, 109,

- 112, 115, 137, 143, 157-158, 185, 187,
190-191, 358-359, 375, 389, 394, 416-
417, 727, 749, 754
Петровский А.С. 216, 217
Петровский Д.В. 229
Петровский 330
Петрунkevич И.И. 321
Пигулевский 45
Пикар М. 252
Пикассо П. 572
Пильняк Б.А. 316, 319, 525, 547
Пинес Д.М. 125, 127, 137-139, 144-
146, 151-152, 155, 158, 166, 203, 352,
359, 360-361, 363, 368, 369, 371-380,
382, 385, 388, 392-393, 396-397, 399,
401-402, 404-407, 413, 416, 665-667,
712-713, 721, 723, 740-741, 746, 754,
758, 769
Писарев Д.И. 628, 646
Пишулин В.Ф. 108
Платон 82, 110, 131, 185, 191, 261, 313,
410, 412, 416, 424, 436, 441, 449, 484,
492, 499, 501, 581, 639, 640, 648-649,
651, 705
По Э. 226
Победоносцев К.П. 76
Поварнин К.И. 114
Поварнин С.И. 114
Погодин М.П. 656
Поддубный И.М. 750
Покровский М.Н. 107, 198
Полетаев Е.А. 15, 358, 470, 485, 506
Полетаев Н. 269
Полетика Ю.П. 413
Поливка Й. 342-343
Полонская Е. Г. 37, 372, 374-375, 391,
392, 752
Полоцкий С.А. 392
Поляков Г.П. 217
Поляков С.Л. 259-260
Поляков Ф. 341
Полянская Л. 50
Полянский Н.А. 200, 202, 222, 226
Понтий Пилат 484
Попов 34, 38
Порошин З.А. 35
Постников С.П. 291
Потебня А.А. 538, 673
Потапова А.П. 334
Потехина А.Д. 395
Потулов В.Н. 34
Пришвин М.М. 167-168, 204, 228,
231, 476-477, 493, 527, 530
Пришвина В.Д. 493
Птолемей 18, 600
Пуанкаре А. 82
Пуанчиков Д.П. 39
Пумпянский Л.В. 111, 113, 115, 119,
122, 133, 136, 147, 153, 156, 158-159,
166, 176, 185-189, 191-192, 356, 358-
359, 389-390, 416, 452-453, 460, 702-
719, 752, 755, 702-719
Пуни И.А. 290
Пунин Н.Н. 31, 33, 49, 57, 97, 115,
354, 358, 363, 369-371, 375, 389, 391,
405, 406, 470, 485, 506
Пушкин А.С. 76, 116, 268-269, 356-
358, 360, 387, 390, 392, 417, 434, 453,
455, 515, 532, 538, 565, 654-659, 703,
747
Пушкина М.Д. 35, 160
Пэрна Н.Я. 111, 116-118, 185
Пэрна Н.П. 113
Пяст В.А. 93, 94, 110, 143-144, 152,
175, 187
Рабинович Я.Л. 410, 413, 755
Радлов А.Д. 152
Радлов Э.Л. 14, 24, 32-33, 37, 68, 108-
109, 114, 185, 191, 295, 416, 648-649,
729
Радлов Н.Э. 115, 143, 156
Радлов С.Э. 115, 185, 188
Радлова А.Д. 75
Расвская-Хьюз О. 233, 292, 474
Райков Б.Е. 17, 27, 34, 41, 57, 77
Райнов Т.И. 388, 390
Ракшинский А. 179, 727
Рапорт М.Ю. 35
Рассел Б. 107
Ратенау В. 316, 369
Рачинский Г.А. 179, 196, 216-217, 299
Рашковская А.Н. 402, 405-406
Редько А.М. 401-402

- Рейфилд П.Д. 475
 Рембо А. 272
 Рембрант Х. 116, 477
 Ремизов А.М. 13, 70-71, 73-74, 78, 113, 187, 232-234, 239, 256-258, 260, 262, 279, 290-291, 301, 315-317, 319-321, 334, 344, 348, 524-526
 Ремизова-Довгелло С.П. 13, 256, 258, 260-261, 290, 315, 317, 320
 Репин И.Е. 82
 Рескин Д. 646
 Реховский А.М. 38
 Рибо Т. 646
 Риккерт Г. 581, 610, 613
 Рильке Р.-М. 252
 Римский-Корсаков А.Н. 14, 24, 115, 469, 517-518
 Рогаль А.Н. 35
 Рогачевский А. 581
 Роде (Род Э.) 411
 Роде А.С. (Э.) 336, 344
 Рождественский В.А. 62, 380, 392, 401-402, 413
 Рожков Н.А. 109, 115
 Розанов В.В. 168-169, 231, 358-359, 362, 363, 380, 386, 391, 426, 469, 582, 666
 Розенталь Н.Н. 55, 58, 63, 65, 77, 113, 155, 184
 Роллан Р. 140, 385, 391
 Росс К.Ю. 35
 Роттер С.Ф. 34
 Рублев А. 157
 Рукавишников И.С. 217, 299
 Рура Р.В. 739
 Русанов Н.С. 293
 Русин П.И. 36
 Руссо Ж.-Ж. 82, 324
 Рыдлевский 390
 Рязанов Д.Б. 284, 288
 Рязанова Л.А. 477
 Сабашникова М.В. 110, 113, 129, 131, 136, 138, 188, 192, 459, 461
 Сабанеев Л.Л. 217, 252, 253
 Савонарола Д. 155, 437
 Садофьев И.И. 226
 Сакетти Л. 381
 Салтыков-Шедрин Н.Е. 524
 Сальери А. 658, 747
 Сартр Ж.-П. 475
 Свасьян К.А. 479, 505
 Сев Л.А. 284, 285, 288, 295, 296, 297
 Сегалова М.Р. 259
 Седенко Ф. И. (Витязев П.; Витязев Ф. И.) 26, 125, 141, 146, 186, 191, 355, 388, 472
 Сезанн П. 571, 574
 Сеземан В.Э. 108, 241,
 Сенека 640
 Сергеев-Ценский С.Н. 524
 Серебренников В.С. 108, 114
 Серова М.М. 406
 Сидорова 138
 Сизов М.И. 216, 217, 226
 Сильвин М.А. 15
 Скалдин А.Д. 405
 Скарская Н.Ф. 203, 372-733
 Сквозников С.Г. 34
 Скворцов Н.В. 74
 Скоромолотов 83
 Скрябин А. Н. 380, 381
 Слюзберг С.Г. 36
 Словак Э.Д. 34
 Слонимская Л.Л. 482
 Слотердайт П. 730
 Смирнов А.А. 416
 Смирнова А.Е. 34
 Смородин А.Н. 36
 Смотрицкий П.Ф. 138
 Собоцкий М.Г. 158, 162-164, 184
 Соковнин 330
 Соколов М. 53
 Сократ 112, 313, 445-446, 454, 639
 Соловьев В.С. 19, 67, 72, 81, 85-86, 102, 185, 199, 284, 287, 295, 392, 399, 416, 426, 429, 445-446, 475, 532, 583, 647-648, 650-651
 Соловьев С.М. 199, 200, 207, 209, 211, 215-216, 219, 223, 226-227, 257, 489
 Сологуб Ф.К. 13, 24, 152, 232, 403-404, 478, 494, 523-524, 531-532, 764
 Солонович А.А. 226
 Сорокин Г.Э. 35,
 Сорокин П.А. 15, 26, 49, 57, 108, 113,

- 115, 189, 365, 416, 752-753, 755
Софокл 538
Спасский Л.Л. 108
Спенсер Г. 646
Спиноза Б. 530
Срезневский В.В. 108
Станкевич В.Б. 259-260, 321-322, 324, 327, 337, 338, 340-341
Станкевич Н.В. 388, 390
Степун Ф.А. 200, 210, 216-219, 422
Стонов 64
Столович Л. 581
Столяров М.П. 198, 200, 202, 205, 207-212, 215-221, 223, 226-227, 257
Стоянов Б.С. 58, 78, 186, 190
Стравинский И.Ф. 518
Струве П.Б. 582
Сувчинский П.П. 259-260, 334-335
Сугай Л.А. 213, 421, 461
Султанова Е.П. 14
Сумбулов С.М. 35
Сумский С.Г. 290, 322-323, 332
Сутугина В.А. 739
Сыщиков С.В. 38
Сюннерберг К.А. (Эрберг К.) 12-13, 16-18, 20-21, 24, 28, 30-31, 33, 41, 46, 49-50, 54-58, 60, 62-64, 66-68, 71-72, 76-79, 81, 85-87, 95-96, 98, 100-102, 104-105, 108-109, 111, 113, 117-122, 124-133, 135-137, 143-144, 146, 148-150, 152, 177-178, 184-186, 188, 190-191, 194, 225, 229, 234-235, 248-250, 252-254, 257, 300-301, 358-360, 363-364, 371, 373, 375-377, 379, 389, 393, 416, 422, 424-425, 427, 451, 456-457, 500, 502, 548-555, 557, 559, 561, 563, 565, 567, 569, 571, 573, 575, 577-579, 589-590, 609-610, 638, 647, 649-650, 652-653, 662, 703, 709, 723, 728, 740, 744, 747-749, 753, 754-760, 762, 765, 768, 770, 548-580
Таганцев В.Н. 107
Тагор Р. 260, 269, 375, 402
Таиров А.Я. 253
Тан-Богораз В.Г. 354, 373-374, 377-378, 389
Тареев М.М. 106
Тахтарев К.А. 109, 115
Тик Л. 643
Тимонов Г.Н. 34,
Тимофеевский Т.П. 35,
Тихонова А.П. 35
Тихонов Н.С. 372, 375, 392, 519, 535-536
Толстой А.Н. 259, 260, 290, 330
Толстой Л.Н. 31, 57, 77, 100-101, 104, 142, 185, 187, 190, 235, 274, 292, 310, 324, 400-401, 443, 445-448, 453-455, 507, 521-522, 524, 565, 647, 667-668, 675, 678, 746, 752
Томашевский Б.В. 379, 387, 390, 416
Трапезников Т.Г. 216-217
Трегер В. 252
Троцкий Л.Д. 42, 508, 521
Трутовский В.Е. 193
Труфанов 391
Тубянский М.И. 375, 389, 402, 717
Тургенев И.С. 524
Тургенева А.А. 217, 300
Тынянов Ю.Н. 43, 45, 356-358, 372, 379, 387, 390, 416
Тьеполо Д. 117
Тэн И. 645
Тютчев Ф.И. 268-269, 532, 535, 654, 660, 747
Ульштейн 316
Успенский А.А. 39
Успенский Г.И. 515, 524
Уханова А.В. 37, 136, 138, 393, 751, 755
Уэллс Г. 260
Федин К.А. 519, 529
Федоров В.С. 58
Федоровский Н.М. 259
Фейербах Л. 379, 386, 390
Фельтен Н.Е. 100-101, 104, 109, 110, 113, 187
Фет А.А. 532, 648, 654, 659-660
Фехнер Г. 644, 755
Фехнер Е.Ю. 67, 79-80, 94, 121, 125, 136, 138-139, 300, 393, 750, 755
Фигнер В.Н. 47, 232

- Филиппченко Ю.А. 114-115
 Фингер Б.Я. 388
 Финкельштейн А.Н. 35
 Философов Д. В. 14
 Фиркант 273
 Фихте И. 475, 642, 644
 Фишер Ф.Т. 643
 Флейшман Л. 233, 334, 396
 Флеккель-Гизетти Е.О. 36
 Флобер Г. 226
 Флоренский П.А. 202, 216-217, 362, 385, 391
 Флоровский М.Н. 36
 Фолькельт И. 645
 Фома Аквинский 110
 Форш О.Д. (Терек А.) 97, 100-102, 104, 109, 113, 118-121, 129, 133, 134, 135-137, 139, 143, 145, 147, 149, 151, 153, 164-166, 176, 185-189, 192, 228, 231, 360, 375, 379, 391, 403, 433, 467, 591, 652-653, 664, 740, 744, 748-749, 754, 757, 774
 Франк Г.В. (Frank H.) 259-260, 331, 404, 417
 Франк С.Л. 217, 229
 Франковский А.А. 108
 Франс А. 527
 Фредрик В.Д. 79
 Фрезинский Б. 372
 Фрейгина Н.Д. 35
 Фрейд З. 252
 Френкель 254
 Фриче В.М. 268
 Фрог Е.М. 35

 Хабуков Н.А. 37
 Хайдеггер М. 477, 490, 498
 Халатова Н. (Халатьян Н.) 97, 151, 187
 Хармая А.Б. 36
 Хвольсон О.Д. 79, 108, 114
 Хлебников А.Г. 139
 Хлебников В.В. 228, 249, 250, 369-371, 391, 537, 548-549, 565
 Хмурая О.Ф. 394
 Ховин В.Р. 168, 359, 363, 386, 391
 Ходасевич В.Ф. 152, 345-346
 Холодковский Н.А. 454

 Хординайнен А.М. 35
 Христиансен Б. 646
 Хьюз Р. 233

 Цветков И.Л. 36
 Цвилин Я.Б. 34
 Цезарь Юлий 705
 Цейтлин Н.Л. 34, 39
 Цепзинг 644
 Цешковский А. 199
 Циглер 411
 Циммерман Г. 644
 Цинберг С.Л. 34, 39, 717

 Чапыгин А.П. 204
 Чебышев-Дмитриев А.А. 87, 95-98, 102, 113, 119-120, 122, 124, 128, 132, 134-136, 138-140, 144, 162, 185-189, 191-192, 371-373, 375, 391, 393, 401, 406, 416, 459, 741, 742, 746, 747, 754, 756
 Чернов В.М. 316, 324, 327, 346
 Чернышевский Н.Г. 386, 391, 646
 Чернявский В.С. 34,
 Черепнин Н.П. 56
 Чертков Д.К. 190, 401, 416
 Чесноков П.Г. 381
 Чеснокова А.Т. 35
 Чехов А.П. 225, 260, 361, 524
 Чехихин В.Е. 17, 18, 19, 27, 84, 185, 416
 Чижевский Д.И. 241
 Чижиков О.Л. 193
 Чистяков П.П. 143, 517
 Чистякова Э.И. 442
 Чичерин Г.В. 333
 Чубманс С.И. 395
 Чугаев Л.А. 108, 114
 Чуднов Ф. Я. 138
 Чудновская Ф.Я. 36
 Чуковский К.И. 316
 Чулков Г.И. 202
 Чхеидзе А.И. 335

 Шабельский-Борк П. 338
 Шагинян М.С. (Самойлов П.) 110, 156, 159, 164, 187, 360

- Шапиро Б.М. 42, 45, 394, 750, 755
Шариков И.К. 36
Шацкий Б.Е. 324
Шварц М.Н. 271
Шамполлион Ж. 82
Шекспир У. 18, 156, 230, 373, 475, 565, 600
Шелли П. 364, 390
Шеллинг Ф. 273, 642, 644
Шеманский А.В. 395
Шенберг А. 125, 141
Шерль 296
Шерон Ж. (Cheron G.) 237, 239, 388, 472, 473, 474
Шерон Л. 473
Шестов Л. 32-33, 76, 104, 237, 238, 239, 241, 256, 257-258, 260-261, 276, 278-280, 282-291, 293-298, 300, 302, 307, 309, 310, 318-319, 321, 329, 334-335, 343, 345, 347-348, 406, 478, 480, 494, 496-497, 551, 582
Шешковский С.И. 309
Шефтсбери А. 640
Шик Х.И. 385, 392, 394
Шиллер И. 412, 531, 641
Шимановский В.В. 143
Шимкевич М.А. 138, 144-145, 393, 751, 755
Шкапская М.М. 290
Шкловская Н.А. 37
Шкловский В.Б. 24-25, 115, 177, 187-190, 249, 252, 356-358, 390, 416, 544, 661, 668
Шлегели, братья 642
Шлейермахер Ф. 642, 644
Шлецер Б.Ф. 234-235
Шмелев И.С. 524
Шмерельсон 392
Шмидт П.Ю. 111, 115
Шопенгауэр А. 73, 644
Шпенглер О. 213-214, 273, 275, 313, 380, 460, 546, 549
Шпет Г.Г. 146, 195, 199, 207-209, 215, 217-221, 226, 250, 252, 254, 257, 299, 388, 390-391, 730, 732, 758
Шредер К.М. 66, 71, 75
Шрейбер Я.С. 239, 334, 344
Шрейдер А.А. 198, 200, 207-208, 217-219, 234-235, 245-248, 250, 253, 256-258, 260, 283, 298, 302-304, 309, 318-319, 324, 330, 334, 471
Штейнберг А.З. (Steinberg A.) 12-13, 16-18, 21, 24-25, 27, 30-31, 33, 40, 44, 46, 49-50, 52, 54, 56-58, 60, 63-64, 67-68, 72, 76-81, 83, 84, 89, 93-96, 98, 101, 104, 107-108, 113, 115, 117-120, 122, 124-125, 127-128, 130-131, 133, 136-138, 141, 148, 151, 153, 156-166, 177-178, 184-187, 189-199, 203, 207-208, 230, 245, 247-248, 250, 253, 257, 300-301, 347, 350, 354-358, 360, 363, 365, 371, 373, 375, 376, 389-391, 394, 416-417, 423-424, 433, 435, 442, 449, 451, 456, 467, 474-475, 493, 496, 551, 581-589, 591, 593, 595, 597, 599, 601, 603, 605, 607, 609, 611, 613, 615, 617, 619, 621, 623, 625, 627, 629, 631, 635, 637-639, 641, 643, 647, 651-653, 664, 702, 709-712, 720-721, 726-728, 732, 744-745, 754, 756, 768, 581-647
Штейнберг И.З. 198, 200, 207, 215, 217, 218, 221, 225, 257
Штейнер (Штайнер) Р. 147, 258, 276-277, 301, 323, 421, 423-424, 432, 463, 492-493
Штелин 747
Штигельглаз А.Н. 35
Штолль Е.Ю. 35
Шуберт-Зольдерн 476
Шубина В.А. 35
Шуман Р. 518
Шуппе В. 476
Шутаева А.В. 394
Шеголев П.Е. 20, 404
Щерба Л.В. 375
Эбериус В.А. 394
Эдисон Т. 82
Эдлер О. 334
Эйхенбаум Б.М. 14, 24, 115, 177, 189, 356-358, 379, 387, 390, 416-417, 544
Эйнштейн А. 107, 146-147, 274, 377-378

Эйчер Ю.Я. 37	Яковенко Б.В. 241, 450
Элиасберг А.С. 262	Якубинский Л.П. 379, 390, 416
Эльснер 296	Якулов Г.Б. 201, 252
Эмпедокл 454	Янгиров Р. 341
Энгельс Ф. 146,	Янковский Г. 474
Эпикур 110	Янковская В.П. 35
Эренбург И.Г. 256, 258, 260-261, 290,	Янковские 473
318, 330, 354, 527-529, 547, 372, 374,	Яновская Н.П. 35
391, 395	Ярошевский Б.Г. 34
Эрнест Г. 252	Ярышна А.Н. 34,
Эсхил 18, 538, 600	Ященко А.С. 237, 258, 260, 290, 300,
Эфрос А.М. 252	319, 336-341, 344, 471
Эфрусси П.О. 114	
	Beyer T.R. 236
Юденич Н.Н. 332-333	Riegner M.G. 581
Юлиан Отступник 55, 65, 77	Zech T. 334

Владимир Белоус. ВОЛЬФИЛА
[Петроградская Вольная Философская Ассоциация]:
1919 – 1924.

В двух книгах.

Книга II : Хроника. Портреты.

Модест Колеров и издательство «Три квадрата»
Москва 2005

ISBN 5-94607-023-1

Дизайн серии: Сергей Митурич,
верстка: Тамара Донскова, Татьяна Боголюбова,
корректурa: Галина Элькина, *производство:* Елена Кострикина

Издательство «Три квадрата»
Москва 125315, Усиевича д. 9, тел. (095) 151-6781, факс 151-0272
e-mail: triqua@postman.ru

Подписано в печать 21.10.2005. Формат 70х100/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная №1. Печ. л. 25,25. Тираж 1000 экз.

Электронный вывод и печать в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6. Заказ № 1940